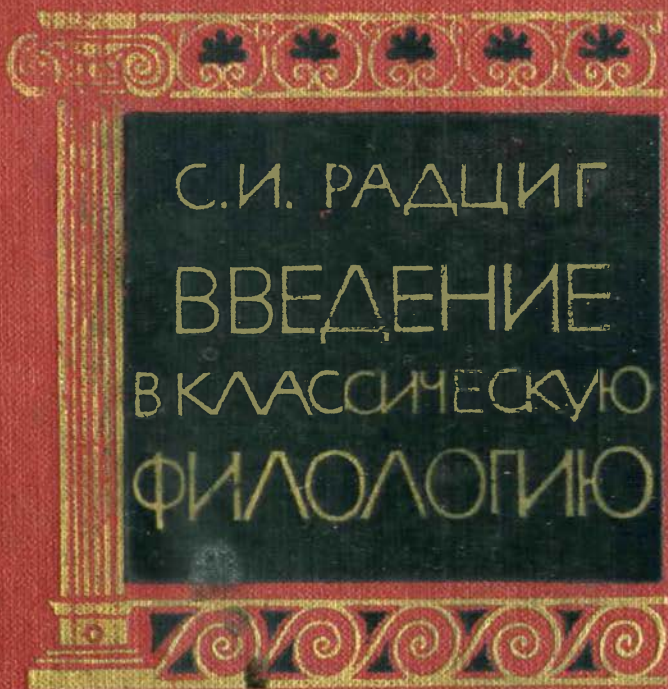

8А
Р 158

С. И. РАДЦИГ
ВВЕДЕНИЕ
В КЛАССИЧЕСКУЮ
ФИЛОЛОГИЮ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга «Введение в классическую филологию» ставит перед собой задачу ознакомить советскую общественность и в первую очередь студенческую молодежь с предметом, содержанием и методами той области современной филологической науки, которая называется «классической филологией». Само собой разумеется, что это не может быть выполнено без определения общей сущности всех филологических наук как наук о слове, выразителе мыслей человека.

С самого начала необходимо предупредить часто наблюдающееся недоразумение: речь будет идти не о классиках мировой литературы, как Шекспир, Гёте, Шиллер, Мольер, Пушкин, Гоголь и т. п., а о культуре античных народов — древних греков и римлян, которым прежде всего было присвоено название «классических». Это требует специального объяснения. Читатель найдет его в первых трех главах настоящей книги.

В наших современных условиях, когда внимание всего мира сосредоточено на жгучих злободневных вопросах текущей действительности: на социальных, экономических и политических вопросах, на поразительных открытиях в области естествознания, физики, техники, на открытии и применении атомной энергии, на освоении космоса, интерес к филологическим наукам, а тем более к классической филологии, отошел на второй план. Конечно, она не может равняться по практическому значению с теми, жизненно необходимыми науками, но в общем строительстве культурной жизни

филологическим наукам должно принадлежать достойное место, а для этого широкие круги нашего общества должны иметь о них ясное представление.

Наша задача встречает на своем пути немалые препятствия, связанные не только с трудностью усвоения предмета, но и с тяжелыми предрассудками, оставшимися в наследство от прежних времен, когда царское правительство старалось превратить классическую филологию и преподавание древних языков в средней школе в орудие реакционной политики и средство внедрения верноподданнических чувств и искоренения свободного духа. Правда, тогдашним правителям не раз — и в 1825 г., и в 40—60-х годах — приходилось убеждаться в ошибочности своих расчетов, так как лучшие ученики открывали у античных писателей прославление гражданских чувств и свободы. Только бездарные учителя извращали такие идеи мертвящим формализмом, и это стало причиной того, что такая именно память о так называемой «классической» системе прочно утвердилась. К этому присоединяется еще мнение о ненужности и несовременности всей науки классической филологии. В кругах советского общества, к сожалению, такие мысли имеют хождение. Автор надеется, что настоящая книга, познакомив читателей с главными сторонами античной культуры, поможет преодолению укоренившихся предрассудков.

Сама история филологической науки показывает, что она возникла и дала первые ростки в культуре древних греков и римлян, которых у нас теперь принято объединять под общим названием «античных» народов. История показывает также, что их культура легла в основу всей европейской культуры, вследствие чего за этими народами и за их культурой утвердилось название «классических», то есть первоклассных, образцовых. Новая наука началась, особенно в эпоху Возрождения, с изучения и освоения, а затем и развития богатого наследия классических народов. Только тогда, когда у новых народов пробудился интерес к своей собственной культуре, филологическое исследование распространялось и на их национальные достижения. Так возникли национальные отрасли филологии, но за наукой об античной древности удержалось название «классической филологии».

Всем должны быть памяты слова К. Маркса об обаянии и вечной прелести античной литературы и искусства. Большинство европейских писателей обращалось к образам, идеям и формам античной литературы: Данте, Рабле, Шекспир, Сервантес, Корнель, Расин, Мольер, Монтескье, Вольтер,

Руссо, Гёте, Шиллер, Байрон, Гейне, Гюго, Анатолий Франс, Ромен Роллан и многие другие. Недаром Пушкин писал: «...каждый образованный европеец должен иметь достаточное понятие о бессмертных созданиях величавой древности»¹. Вся русская литература с древнейших времен до начала XX в. часто пользовалась мотивами античной. Примером этого могут быть сочинения М. В. Ломоносова, А. Н. Радищева, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Н. И. Гнедича, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, А. А. Блока, наконец, А. М. Горького и других. Наши революционные демократы В. Г. Белинский, А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, М. Е. Салтыков-Щедрин отдали дань высокому уважению античному наследию.

Влияние античной культуры явно отразилось на современных языках, в которых не только научная терминология содержит множество греческих и латинских слов, но и повседневная речь. Многие слова настолько вошли в нее, что уже не воспринимаются, как иностранные, например: *политика, республика, демократия, аристократия, пролетариат, кандидат, трибун, тетрадь, кровать* и т. д. В. И. Ленин в своих сочинениях нередко останавливался на разъяснении таких слов. А разве не заставляют наших читателей задумываться ставшие ходячими выражения в газетах, вроде *троянский конь, нить Ариадны, яблоко раздора, лабиринт, дамклов меч, гордиев узел* и т. п.?

Автор настоящей книги в понимании сущности классической филологии не считает возможным ограничивать его кругом изучения языков и литературы, но в согласии с виднейшими представителями нашей и зарубежной науки включает в это понятие все стороны античной культуры, считая их взаимно связанными, и в соответствии с этим дает обзор главных дисциплин. Классическая филология как одна из наук о прошлом строит свои знания на документальном материале и требует строгой точности. Поэтому автор каждое утверждение старается подтвердить ссылками на источники. Эти ссылки делаются по принятому в науке принципу: называется имя автора и, если от него сохранилось несколько произведений, обозначается то, которое имеется в виду; если же только одно, — заглавие его как само собой разумеющееся не указывается; затем, если сочинение состоит из нескольких книг, римской цифрой обозначается номер книги, а арабскими цифрами — главы и параграфы, на которые в

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. VII. Изд-во АН СССР, М., 1958, стр. 33.

научных изданиях принято делить текст прозаических сочинений, и номера стихов в поэтических произведениях.

Вместе с тем автор старался каждый отдел книги снабдить указаниями по крайней мере руководящих научных пособий. Правда, он считает своим долгом предупредить, что за последние годы наша наука с такой быстротой обогащается новыми археологическими открытиями и находками надписей и папирусных текстов, что при выходе книги в ней могут уже оказаться пробелы.

Настоящее «Введение» должно служить руководством прежде всего для студентов отделения классической филологии филологических факультетов. Начиная обучение на этих отделениях, студенты должны иметь ясное представление о предметах, которым будут посвящены их дальнейшие занятия, наметить себе программу дальнейшей работы. Но им полезно будет обратиться снова к этой книге и при окончании курса, чтобы оглянуться на пройденный путь и проверить свою подготовленность к продолжению начатой работы в практической деятельности.

Автор питает уверенность, что настоящим «Введением» заинтересуется и широкий круг читателей, увидит жизненное значение предмета, а вместе с тем найдет объяснение многих образов и выражений, которые продолжают жить в современной литературе и языке.

К сказанному следует еще прибавить, что, если в прежнее время в истории европейской культуры плодами античного наследия пользовались по преимуществу некоторые круги буржуазного общества, то теперь у нас и в странах народной демократии, когда руководство находится в руках всего народа, широкие круги трудящихся имеют полную возможность получать от классического образования еще более богатые плоды.

К сожалению, не имея возможности всесторонне иллюстрировать в книге памятники античной культуры, автор вынужден ограничиться самыми необходимыми рисунками.

В заключение автор считает своим долгом выразить сердечную признательность друзьям и товарищам, которые помогали ему делом или советом при выполнении его большой и весьма сложной работы, особенно же профессору Ленинградского университета А. И. Доватуру, который взял на себя труд прочитать всю рукопись книги и поделился своими ценными замечаниями, а также филологическому факультету и Издательству Московского университета, которые дали возможность выпустить в свет настоящую книгу.

ГЛАВА I

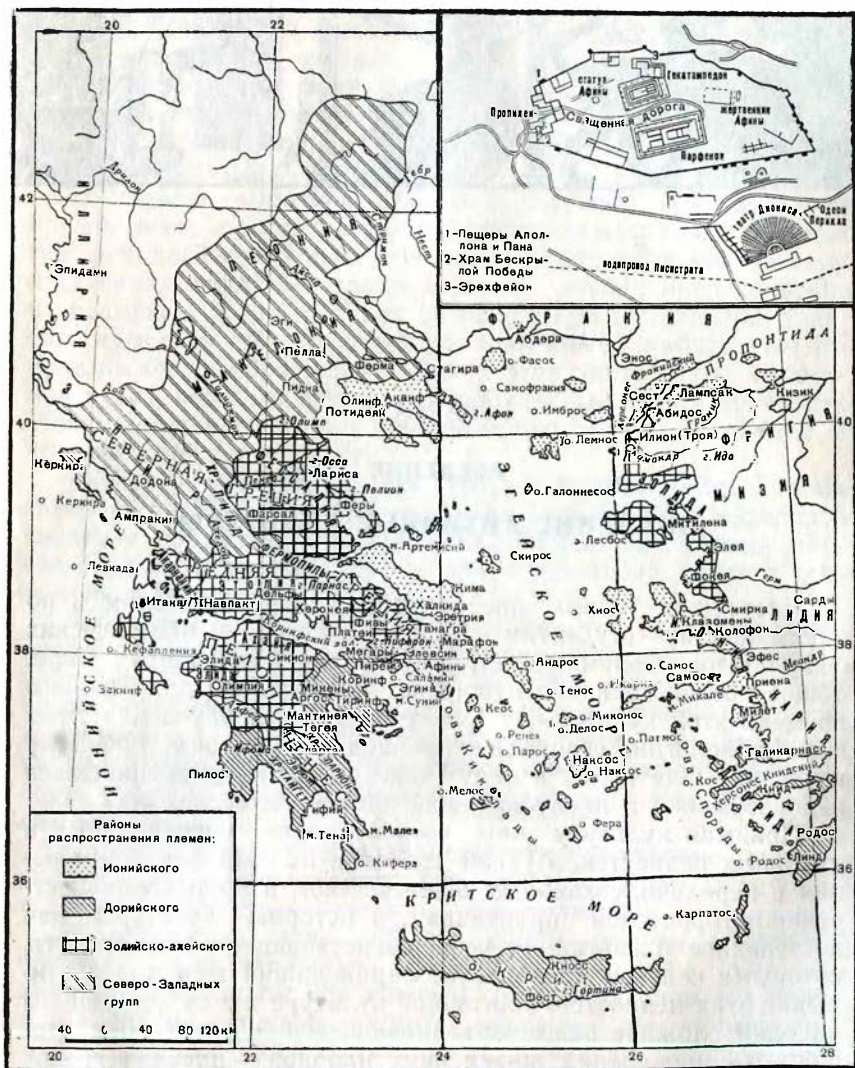
ВВЕДЕНИЕ

ЗНАЧЕНИЕ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Настоящая книга предполагает дать читателям и по преимуществу студентам филологических и исторических факультетов, занимающихся культурой античного мира, общее представление о сущности и значении для нашего времени этой культуры, а вместе с тем и о науке классической филологии, специально посвященной ее всестороннему изучению. Она имеет в виду также рассеять укоренившиеся недоразумения и предубеждения против «классицизма».

Понимая культуру как «совокупность материальных и духовных ценностей, а также способов их создания, применения и передачи, созданных человечеством в процессе общественно-исторической практики»¹, а историю культуры как постепенное развитие и усовершенствование тех средств, которыми человек преобразует окружающий мир для достижения этих ценностей, в античной культуре и в ее истории мы находим сложное целое, объединяющее в себе всю многосторонность проявлений жизни двух народов — древних греков и римлян, известных под названием «античных» или «классических».

¹ «Философский словарь». Госполитиздат, М., 1963, стр. 222.

Карта древней Греции с прибавлением плана афинского Акрополя

Читатель легко может увидеть, что наша тема близко соприкасается с вопросами, которыми занимается политическая и экономическая история античных народов, история их литературы, языка, философии, искусства и т. д. Наша задача состоит в том, чтобы показать все эти стороны в их взаимодействии, показать и научные средства, то есть источники, методы и специальные научные дисциплины, служащие выяснению всей совокупности этих вопросов. Это и есть наука классической филологии.

Материал классической филологии относится к далекому прошлому: в 1954 г. по инициативе Всемирного Совета Мира отмечался юбилей — 2400-летие со дня рождения великого комического поэта Греции Аристофана, в 1958 г. — 2000-летие со дня смерти знаменитого римского оратора и политического деятеля Цицерона и такой же юбилей со дня рождения римского поэта Овидия Назона, а еще несколько ранее — в 1930 г. праздновалось 2000-летие со дня рождения великого римского поэта Вергилия и в 1945 г. — 2000-летие со дня смерти замечательного римского поэта-материалиста Лукреция Кара. А деятельность основоположника греческой литературы Гомера имеет за собой по крайней мере 2700-летнюю давность. Эти примеры можно было бы еще умножить, но и их достаточно, чтобы видеть, с какой глубокой древностью имеет дело классическая филология. Ввиду этого будет вполне закономерно спросить: какую ценность и какой интерес может представлять для нашего времени такая далекая старина? Не является ли изучение ее напрасной тратой времени и сил? Не является ли эта культура в эпоху атомной энергии и космических ракет совершенно отжившей, устарелой и интересной лишь для узкого круга специалистов-оригинов?

Нам необходимо будет в дальнейшем говорить не только об исторической ценности античной культуры, но и о непреходящем эстетическом и даже практическом значении ее для нашей живой современности.

О художественном значении памятников античной литературы и искусства может судить в наше время любой культурный человек, читая произведения выдающихся писателей нового времени — Шекспира, Мольера, Гёте, Шиллера, Байрона, Пушкина, Гоголя, Тургенева и многих других или рассматривая образцы античной скульптуры в Эрмитаже в Ленинграде, многочисленные репродукции в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве и даже просто фотографические снимки с них.

Часто можно увидеть изображения афинского кремля — Акрополя; постройка храма Афины на Акрополе — Парфенона считается образцом строгого дорийского архитектурного ордера. Пантеон и Колизей в Риме до сих пор вызывают восхищение и изумление своей строительной техникой, развалины античных театров с их изумительными акустическими свойствами много раз заставляли и теперь еще заставляют задумываться современных архитекторов. С другой стороны, писались целые романы по впечатлениям от «воскресшего» города Помпей в Италии², заваленного еще в 79 г. н. э. при извержении Везувия и постепенно раскрываемого археологами. Вспомним известную картину К. П. Брюллова «Последний день Помпей» (1834 г.). И в нашей стране живым свидетельством античной культуры остается древний Херсонес (Корсунь — в нашей летописи) в трех километрах от Севастополя.

Среди многих замечательных памятников античного искусства чаще всего в литературе упоминаются статуи Аполлона Бельведерского и Афродиты (Венеры) Милосской, а с конца XIX в. к ним присоединилась статуя Гермеса работы Праксителя, найденная при раскопках в Олимпии 8 мая 1877 г., Пушкину по копиям в саду Царскосельского лицея были хорошо знакомы статуи Аполлона Бельведерского и Афродиты (Венеры) из собрания Медичи. В стихотворении 1830 г., которое начинается словами: «В начале жизни школу помню я...», он писал:

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.
Один (Дельфийский идол) лик молодой —
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.
Другой женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал —
Волшебный демон — лживый, но прекрасный.
Пред ними сам себя я забывал;
В груди младое сердце билось — холод
Бежал по мне и кудри подымал.

Несколько ранее, в эпиграмме 1827 г., он дал короткое описание Бельведерской статуи — миф о борьбе Аполлона как бога света с исчадием Земли, чудовищным змеем Пифоном:

² См. Э. Дж. Литтон-Бульвер. Последний день Помпей (русск. пер.). СПб., 1902.

Лук звенит, стрела трепещет,
И клубясь издох Пифон;
И твой лик победой блещет,
Бельведерский Аполлон!

В стихотворении «Поэт и толпа» этот «кумир Бельведерский» Пушкин представляет уже как образец высшего искусства. Но больше того, самый мифологический образ Аполлона для него является символом поэтического искусства: «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...» И не только Аполлон, но и музы, и гора Парнасс и тому подобные атрибуты поэзии оказываются настоящим арсеналом в поэтическом обиходе писателя XVIII и XIX вв.

Хотя в настоящее время уже никто не верит в богов античной мифологии, многие из них сохраняют символическое значение, и память о таких представлениях можно наблюдать в окружающей нас жизни. Всякий, кто приближается к зданию Большого театра в Москве, обращает внимание на бронзовую группу, стоящую над порталом здания: над передней его колоннадой изображен стройный юноша с лирой в руке, стоящий на двухколесной колеснице и правящий четверкой коней. Это — Аполлон, бог солнца, бог света, считавшийся покровителем просвещения, то есть наук и искусств. А ниже, за колоннами, видны изображения двух муз, олицетворявших музыку, пение и танцы. Так символически показывается художественное назначение театральной постройки.

Каждый день, по представлениям древних греков и римлян, Аполлон утром появляется на своей колеснице из вод Океана и проезжает по небосводу по Млечному Пути. Теперь ученые чаще называют этот путь греческим словом *галактика*, сохраняющим то же значение — от слова *гала* «молоко». Римский поэт Овидий так писал об этом пути («Метаморфозы», I, 168—169):

На небе путь есть высокий и видный при ясной погоде.
Млечным его называют: своей белизной он приметен.

Миф рассказывал, что, когда у фиванской царицы Алкмены родился от Зевса (Юпитера) сын Геракл (Геркулес), отец, желая сыну дать бессмертие, велел приложить его ночью к груди своей почивавшей супруги Геры (Юноны). Но та, пробудившись, в негодовании отбросила ненавистного ей ребенка. А при этом из ее божественной груди пролилось на небо чудесное молоко. Оно застыло там в виде светлой дороги, за которой и укрепилось название «Млечного Пути».

Воображение древних в прихотливом сочетании звезд увидело образы перенесенных на небо чудесных животных и людей. Они составили 12 звезд «зодиака» (*зодион* — по-гречески «зверек»): овен, телец, близнецы (сыновья Зевса — Диоскуры: Кастор и Полидевк, иначе — Поллукс), рак, лев, дева, весы, скорпион, стрелец (кентавр), козерог, водолей, рыбы. Эти названия сохраняются в современной астрономии. На небе оказалась и «медведица» — по-гречески «арктос», откуда у нас название севера «арктика», а юга в противоположность северу — «антарктика».

Среди небесных созвездий мы находим и богатыря-охотника Ориона с его псом (*сapis*) Сириусом. В пору, когда светит Сириус (конец июля), в Италии обычно стоит особенно знойная погода, так что трудно было оставаться в городе и приходилось прекращать в высших учреждениях работу. Поэтому и закрепилось в новое время за словом *каникулы* значение вообще перерыва занятий уже независимо от времени года.

Выдающиеся европейские писатели и критики от Буало и Лессинга и вплоть до нашего времени в основу своих теоретических суждений полагали данные античной литературы. Белинский во многих статьях давал самую высокую оценку представителям греческой литературы, особенно Гомеру; его точку зрения проводили Чернышевский и Добролюбов. Более умеренную оценку высказывали революционные демократы по отношению к римским поэтам. Герцен в «Письмах о природе» широко использовал наследие античных философов.

Тонкое понимание силы и значения античного искусства и литературы высказал К. Маркс в подготовительных работах к книге «К критике политической экономии». Он обращал внимание на то, что греческое искусство и эпос «еще продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном отношении служить нормой и недостижимым образцом». Он объяснял при этом, что «обаяние, которым обладает для нас их (греков.— С. Р.) искусство», есть обаяние детства человеческого общества «там, где оно развилось всего прекраснее», и что оно «должно обладать для нас вечной прелестью, как никогда не повторяющаяся ступень»³.

Многие образы, понятия и отдельные выражения настолько вошли и вжились в наш современный образ мышления, что стали ходячими, как *яблоко раздора*, *ахиллесова пята*,

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12. Госполитиздат, М., 1958. стр. 737—738.

нить Ариадны, прокрустово ложе и т. д. Чтобы уяснить себе подлинный смысл этих выражений, надо обратиться к античной мифологии. А миф рассказывал, что, когда герой Пелей справлял свадьбу с богиней Фетидой, на пир не пригласили Эриду, богиню раздора, и та в отмщение за обиду незаметно подкинула пирующим золотое яблоко с надписью: «Прекраснейшей». Претендовали на яблоко три богини — Гера, Афина и Афродита. Зевс для разрешения спора отослал их к троянскому пастуху, царевичу Парису, и тот присудил яблоко Афродите, которая обещала ему в награду любовь первой в мире красавицы. Отправившись на поиски обещанной красавицы, Парис приехал в Спарту к царю Менелаю и, плененный красотой его супруги Елены, увез ее к себе в Трою. Это и послужило причиной десятилетней Троянской войны. Богини Гера и Афина обратили свой гнев на Париса и на троянцев, тогда как Афродита стала их неизменной покровительницей. Так золотое яблоко богини Эриды стало «яблоком раздора» как между богами, так и между людьми.

От брака Пелея с богиней Фетидой родился смертный сын Ахилл (Ахиллес). Мать, желая дать сыну бессмертие, купала его в огне адской реки Стикса и при этом держала ребенка за пятку. Но этому намерению Фетиды помешал по своему неразумию смертный отец. На теле сына осталась необожженной одна пятка и стала таким образом единственным уязвимым местом у Ахилла, он и погиб пораженный в пятку стрелой Париса. Отсюда ведет начало наша поговорка, когда хотят сказать о какой-нибудь слабости, об уязвимом месте человека.

Среди многих мифов о подвигах аттического (афинского) героя Тезея есть рассказ о победе его над разбойником Прокрустом. Этот последний заманивал проходивших путников к себе на ночлег и укладывал их на разные постели, смотря по росту — высоких на короткую, низких на длинную, причем приравнивал их к размерам постели — одним обрубал слишком длинные ноги, других за ноги вытягивал вровень с длинной постели. Отсюда и идет поговорка «уложить в прокрустово ложе» о тех, кто старается, не считаясь со свойствами предмета, насильственно втиснуть его в не подходящие для него рамки. Другой миф рассказывал о том, как Тезей в числе 14 юношей и девушек был отправлен в виде дани на остров Крит к царю Миносу, который отдавал присылаемую дань на съедение чудовищному Минотавру, жившему в глубине огромного дворца с бесчисленным множеством комнат, переходов и темных закоулков — Лабиринта. Тут даже в

случае победы Тезею пришлось бы погибнуть, так как он не нашел бы выхода. Но это предусмотрела дочь Миноса Ариадна, которая полюбила героя и, желая его спасти, вручила ему перед уходом на подвиг клубок ниток: привязав конец нитки у входа, Тезей по мере продвижения в глубь дворца постепенно разматывал клубок, так что потом, победив Минотавра, по «нити Ариадны» нашел выход из Лабиринта. А самое слово *лабиринт* стало обозначением места с крайне запутанными ходами.

Многие выражения, унаследованные из античной культуры, мы употребляем, не замечая даже их источника: говорим о лебединой песне, о гомерическом смехе (ср. «Илиада» Гомера, I песнь, стихи 599—600), о троянском коне (огромный деревянный конь, в котором были спрятаны греческие воины и который был причиной гибели Трои, так как троянцы, не подозревая хитрости, втащили его в город) и т. д. В обиход нашей речи вошло много античных пословиц и поговорок⁴.

Мы не замечаем даже того, что такие обыденные слова, как *кровать, школа, церковь, демократия, тетрадь, том, огурец, уксус*, и многие другие перешли к нам из греческой культуры. Слова *республика, федерация, пролетариат, социализм, коммунизм, фабрика, мастер, университет, институт* и т. п. взяты из латинского языка. Нет, пожалуй, надобности говорить, что научная терминология в подавляющем большинстве своем заимствована из греческого и латинского языков: *математика, физика, медицина, ботаника, химия, механика, техника, экономика, грамматика, история, литература* и т. д. У нас должен, естественно, возникнуть вопрос: как же произошло, что эти античные слова так вошли в нашу жизнь и в наше сознание? Замечательно и то, что даже изобретения новой культуры получают у нас латинские или греческие названия. Таковы, например, слова *мотор, велосипед, трактор, комбайн* (через английский язык), *аэроплан*.

Огромно количество собственных имен, унаследованных нами от античной культуры, как: *Адриан, Александр, Алексей, Андрей, Афанасий, Василий, Валентин, Валерий, Николай, Никита, Павел, Петр, Сергей, Федор, Филипп, Агния, Зоя, Агриппина, Евдокия, Елена, Ирина, София, Гликерия, Федосия* и т. д. Объяснение таких заимствований может дать только история европейской культуры. Главные моменты ее мы и постараемся указать в дальнейшем изложении.

⁴ См. Н. О. Овруцкий. Крылатые латинские изречения в литературе. Киев, 1962.

Из сказанного должно со всей ясностью вытекать заключение о том, как важно знание классических языков — греческого и латинского и не только в смысле общего образования, но и для лучшего понимания современной действительности. Нельзя при этом не вспомнить признания Белинского в письме к Боткину от 28 июня 1841 г.: «Да, греческий и латинский языки должны быть краеугольным камнем всякого образования, фундаментом школ»⁵. А Л. Н. Толстой в письме к Фету в январе 1871 г. заявлял ему, как переводчику Горация, Овидия, Ювенала и других римских поэтов: «Можете торжествовать — без знания греческого нет образования»⁶.

Поскольку так много греческих и латинских слов вошло в нашу современную речь, — это увеличивается еще общностью индоевропейских корней, — знание классических языков значительно облегчает изучение современных европейских языков. Из этого возникает уже интернациональное значение их. Прибавим к этому, что в течение нескольких веков латинский язык был языком международных отношений, да и до сих пор в западных странах на латинском языке печатаются научные работы по самым различным специальностям. Поэтому прав был Ф. Энгельс, когда он, возражая Дюрингу против его педагогических преобразований, возмущался его планом отмены изучения классических языков. «Он (Дюринг.— С. Р.) хочет уничтожить и те два рычага, которые в современном мире дают хотя бы некоторую возможность стать выше ограниченной национальной точки зрения. Он хочет упразднить знание древних языков, открывающее, по крайней мере для получивших классическое образование людей различных национальностей, общий им, более широкий горизонт»⁷.

✓ Замечательно то, что античная культура, несмотря на свою хронологическую отдаленность, может иногда служить еще образцом для подражания или средством идеологического воздействия на современность. Известно, например, увлечение деятелей Великой французской буржуазной революции (1789—1793) деятелями римской республики и ранней империи: кто мнил себя Цезарем, кто Брутом, кто Цицероном и т. п. В статье «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» К. Маркс писал: «В классически

⁵ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII. Изд-во АН СССР, М., 1956, стр. 52.

⁶ Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 61. Гослитиздат, М., 1953, стр. 248.

⁷ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 333.

строгих традициях Римской республики гладиаторы буржуазного общества нашли идеалы и художественные формы, иллюзии, необходимые им для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно-ограниченное содержание своей борьбы, чтобы удержать свое воодушевление на высоте великой исторической трагедии»⁸. Так, в историческом прошлом некоторые ищут оправдания своей деятельности. Античная история давала для этого много характерных примеров.

С другой стороны, подобные примеры бывают способны наталкивать мысль нашего времени на лучшее понимание своей современности. Очень показательным в этом отношении то впечатление, которое испытал Белинский под влиянием прочитанных им «Параллельных жизнеописаний» Плутарха, греческого писателя II в. н. э. Со свойственной ему страстностью он писал другу своему В. П. Боткину 28 июня 1841 г.: «Я понял через Плутарха многое, чего не понимал. На почве Греции и Рима выросло новейшее человечество. Без них средние века ничего не сделали бы. Я понял и французскую революцию, и ее римскую помпу, над которою прежде смеялся. Понял и кровавую любовь Марата к свободе, его кровавую ненависть ко всему, что хотело отделяться от братства с человечеством хоть коляскою с гербом. Обаятелен мир древности. В его жизни зерно всего великого, благородного, доблестного, потому что основа его жизни — гордость личности, неприкосновенность личного достоинства»⁹. Белинский заканчивает свою мысль выводом о необходимости изучать классические языки.

Такое влияние античной культуры продолжается и в настоящее время. Характерный пример этого мы находим у нас в недавнем прошлом. В городе Днепродзержинске в 1918 г. на братской могиле революционеров, павших в борьбе с интервентами, был воздвигнут памятник-obelisk с возвышающейся на нем фигурой Прометея: в одной руке он несет людям огонь, в другой держит разбитые цепи¹⁰. Фашисты в 1941 г. взорвали этот памятник, но Советская власть тотчас по возвращении восстановила его. Этот образ широко известен по замечательной трагедии греческого поэта Эсхила (V в. до н. э.). Прометей — титан, восставший против воли верховного бога Зевса, когда тот хотел погубить род человеческий. Прометей похитил огонь с небесного алтаря богов и принес его людям, спас их от гибели, создал им

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 120.

⁹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII, стр. 52.

¹⁰ «Правда», 30 октября 1943 г.

245644

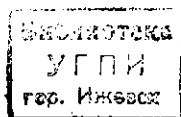
домашний очаг, преподавал основы общественной жизни, научил пользоваться богатствами природы, открыл первые основы наук и т. д. Но за эту любовь к людям он подвергся жестокой казни — был прикован к скале, и орел Зевса ежедневно клевал его печень, пока наконец через 30 тысяч лет Геракл не убил орла и не освободил героя. Борьба против насилия и несправедливости, непоколебимая твердость, чуждая какого бы то ни было компромисса, и самоотверженная любовь к человечеству снискали этому образу мировую славу, вызвали бесчисленное множество подражаний у разных народов в разные времена. Маркс в своей докторской диссертации характеризовал его такими словами: «Прометей — самый благородный святой и мученик в философском календаре»¹¹. Этот образ сохраняет глубокое значение до сих пор: недаром украинский поэт А. Малышко, прославляя подвиг советского воина, назвал свою поэму «Прометей». Этим именем назвала свой роман о жизни К. Маркса Г. Серебрякова.

Вся новая культура создавалась на основах, заложенных предшествовавшими поколениями. В ней скрещиваются влияния разных народов и разных эпох. В процессе культурного развития каждый народ выбирает из полученного от предков культурного наследия то, что важно и необходимо для настоящего, развивает и дополняет это своими собственными достижениями и таким образом продвигается вперед. Хорошо об этом сказал В. И. Ленин: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру — без такого понимания нам этой задачи не разрешить»¹².

Нам важно иметь в виду такую творческую переработку культурного наследия разных народов, и мы можем представить себе немало народов, обладавших высокой культурой; однако лишь немногие из них могли оказать сколько-нибудь значительное влияние на развитие европейской культуры — одни по своей удаленности, как Индия, другие, как Египет и Вавилон, потому, что стали известны непосредственно лишь с XIX в. Между тем области распространения греческой и римской культуры были как раз теми местами, где зародилась и стала развиваться новая европейская культура. На вопрос, почему нам приходится уделять особенное внимание именно Греции и Риму, дал выразительный ответ Белин-

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Госполитиздат, М., 1956, стр. 25.

¹² В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 262.

ский: «Затем, милостивые государи, что связь новейшей Европы с Индию и Аравиею гораздо отдаленнее, нежели с Грециею и Римом. То родство в двадцатом колене, а это родство — близкое, кровное. Изучение классической древности преобразовало Европу, свергло тысячелетние оковы с ума человеческого, способствовало освобождению от инквизиции и тому подобных человеколюбивых и кротких мер к спасению душ. Законодательство римское заменило, в новейшей Европе, феодальную тиранию правом, на разуме основанном»¹³.

Действительно, вся культура новой Европы возникла на развалинах и на остатках древней греко-римской культуры. Остатки ее прочно держатся в нашем сознании, в языке, в философии, в художественных образах, в искусстве и литературе. Этим и объясняется, почему многое в нашей современной действительности непонятно без знакомства с античной культурой. К тому же она проникнута глубоким гуманизмом, который роднит ее с нами.

Круг вопросов, намеченных нами в настоящей главе, и составляет в общих чертах предмет и содержание науки классической филологии.

В соответствии с вышесказанным предлагаемая книга дает обзор отдельных дисциплин, входящих в круг классической филологии, показывает методы их и связи с такими смежными науками, как языкознание, фольклористика, история, философия, литературоведение, искусствоведение, археология и т. п. Включаем сюда и ценнейшие материалы ранней, так называемой крито-микенской культуры. Важный вопрос о состоянии текстов древних писателей и чтение древних надписей и папирусов рассматривается в свете состояния письменности и книжного дела в античном мире. По каждому из этих вопросов существует специальная литература, в нашу обязанность не входит давать исчерпывающие объяснения, и мы ограничимся лишь указанием специальной литературы.

Наиболее крупным, охватывающим все разделы классической филологии является коллективный труд многих ученых «Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft», начатый в 1886 г. под общей редакцией Ивана Мюллера и рассчитанный первоначально на девять больших томов, но в дальнейшем в результате многократных переработок и дополнений разросшийся почти до 40 томов. Равным образом самыми крупными справочниками являются: «Pauly's Realen-

¹³ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 389.

cyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft», neue Bearbeitung von G. Wissowa, W. Kroll, K. Mittelhaus und K. Ziegler, 35 Bände, но он до сих пор не окончен; Ch. D a r e m b e r g et E. S a g l i o. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines, 5 vv. Paris, 1877—1919. В Италии начало издание «Enciclopedia classica» (Turin). Назовем еще две весьма компактные книги коллектива английских ученых, дающие краткий, но всесторонний обзор предметов классической филологии, именно: L. Whibly. Companion to greek studies, 4 ed. Cambridge, 1931; J. E. S a n d y s. Companion to latin, studies, 3 ed. Cambridge, 1921¹⁴. Краткий обзор достижений в области классической филологии дает коллективный труд под редакцией А. Геркке и Э. Нордена (A. G e r k k e und E. N o r d e n. Einleitung in die Altertumswissenschaft, 2-te Aufl., Leipzig-Berlin, 1912) с рядом позднейших дополнений, как: U. v. W i l a m o w i t z - M ö l l e n d o f f. Geschichte der Philologie. Leipzig, 1921 (Nachdruck, 1959); P. M a a s. Textkritik, 2-te Aufl. Leipzig, 1950. Краткий очерк истории классической филологии дается в книгах: W. K r o l l. Geschichte der klassischen Philologie, 2-te Aufl. Berlin-Leipzig, 1919; K. S v o b o d a. Die klassische Altertumswissenschaft in vorrevolutionären Rußland («Клио», № 2, 1959, SS. 241—267); Н. Ф. Д е р а т а н и. Классическая филология в СССР за сорок лет. «Вестник древней истории», 1957, № 3, стр. 55—65. Самый обстоятельный обзор истории классической филологии и классического образования в Европе дает Сендис: J. E. S a n d y s. A history of classical scholarship, 3 ed., 3 vv. Cambridge; v. I—1920, v. II and v. III—1908. Краткий обзор дисциплин классической филологии имеется у Лорана: L. L a u r a n d. Manuel des études grecques et latines, I—III vv. Paris, 1946, v. IV—1949. Эти книги Лорана в сущности дают конспекты для преподавателей при подготовке их к урокам. Из пособий такого рода на русском языке имеется в двух переводах книга Дж. Гау «Минерва», перевод В. А. Алексеева (СПб., 1893) и перевод П. Д. Первова (Рига, 1893). В настоящее время эта книга явно уже устарела. Книга М. А. Георгиевского «Древнеклассические реалии» (изд. 4. СПб., 1914) — краткий конспективный очерк, пособие для учеников средней школы. Небольшая книга академика Берлинской академии (ГДР) интересна главным образом систематическим подбором научной литературы по всем разделам классической филологии: J. I g m s c h e r. Praktische Einführung in das Studium der Altertum-

¹⁴ Из старых пособий назовем: W. F r e u n d. Triennium philologicum. 2-te Aufl. Leipzig, 1. Abt.—1879, 2. Abt.—1880.

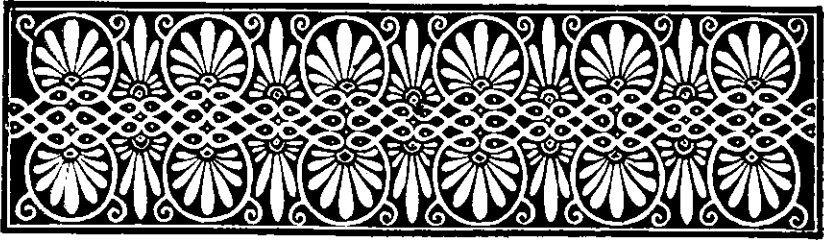
swissenschaft. Berlin, 1954. Автору настоящей книги принадлежит краткий очерк «Что такое классическая филология?», помещенный во «Втором сборнике Ярославского госуниверситета» за 1923 г., стр. 10—26.

Из справочных пособий необходимо указать П. И. Прокурова «Систематический указатель книг и статей по греческой филологии, напечатанных в России с XVII столетия по 1892 г. на русском и иностранных языках с прибавлением за 1893—1895 гг.» (СПб., 1898). Дополнением к этому указателю должна служить книга А. И. Воронкова «Древняя Греция и древний Рим. Библиографический указатель изданий, вышедших в СССР (1895—1959 гг.)». (Изд-во АН СССР, М., 1961). Полезным пособием может быть книга В. П. Бузескула «Введение в историю Греции» (изд. 3, Пг., 1915).

Важными пособиями общего характера по вопросам античной культуры могут быть специальные энциклопедии: Ф. Любкер. Реальный словарь классических древностей, русский перевод под ред. В. В. Модестова (СПб., 1884); то же, перевод под ред. Ф. Гельбке и других (СПб., 1885); F. Lübker's. Reallexikon des klassischen Altertums, 8-te Aufl. Leipzig-Berlin, 1914; «The Oxford Classical Dictionary», edited by M. Cary, J. D. Denniston etc. Oxford, 1949; P. Paris et G. Roques. Lexique des antiquités Grecques. Paris, 1909; R. Sagnat et G. Goya u. Lexique des antiquités Romaines. Paris, 1896; «Mała encyclopedia kultury swiata antycznego». Warszawa, t. I—1958, t. II—1962; P. Harvey. The Oxford companion to classical literature. Oxford, 1940; L. Winniczuk. Mały słownik kultury antycznej. Warszawa, 1962.

Имевшая огромный успех и переведенная на пять европейских языков книга Ф. Ф. Зелинского «Древний мир и мы» (в сборнике «Из жизни идей», т. II, изд. 3, СПб., 1911), при всем таланте автора и энциклопедических познаниях его, более походит на агитационную публицистику, чем на учебное пособие, к тому же и проникнута чуждой нам идеологией.

ГЛАВА II

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

Европейская культура сложилась на основах античной. Но как возникла сама эта античная культура? Ответ на такой вопрос дает история.

Под названием «античной» культуры мы разумеем культуры древних греков и римлян. Хотя слово *античный* (лат. *antiquus*) значит просто «древний», мы не называем им ни древних индийцев, ни вавилонян, ни египтян, а только греков и римлян. Это объясняется тем, что именно они в своей истории и культурном развитии были объединены тесной связью и даже противопоставляли себя другим народам, хотя, несомненно, многое позаимствовали у египтян, вавилонян, хеттов и финикийян. Эта связь стала особенно ясной после недавних открытий в области крито-микенской культуры. Однако, заимствуя что-нибудь у других народов, они настолько самостоятельно перерабатывали заимствованное, что оно сливалось с их собственными достижениями, приобретая оригинальный характер.

Греки выступили на историческом поприще ранее, чем народы Италии. Балканский полуостров уже во II тысячелетии до н. э., а может быть, и ранее сделался главным районом поселения греческих племен. Но ограниченность полей, пригодных для хлебопашества и скотоводства, а также приток и даже натиск новых племен уже в начале I тысячелетия до н. э. стал вынуждать некоторые племена искать

новых мест жительства. Так началось широкое колонизационное движение, которое по литературным и документальным свидетельствам мы особенно наглядно наблюдаем с конца IX в. Оно направилось прежде всего на восток, на острова Эгейского моря, среди которых крупнейшие — Эвбея,

Крит, Кипр, Родос, Хиос, Лесбос, затем перекинулось на западное побережье Малой Азии, а оттуда пошло и на северо-восток, на северное побережье Черного моря. Какая кипучая деятельность развивалась тут в течение VIII—V вв. до н. э., можно видеть из того, что в течение VIII—VII вв. из одного только города Милета (Малая Азия) было выведено до 80 колоний, около 660 г. была основана Византия (совр. Стамбул) в Босфорском проливе.

Несколько позже колонизационное движение обратилось на запад в южную Италию и Сицилию. Так, в южной Италии в 720 г. был основан город Сибарис, в 710 — Кротон, в 705 — Тарент, а Сиракузы в Сицилии — еще в 734 г. Греки, как видно, пытались устроиться и в северо-западной части Италии, но встретили там сопротивление крепкой народности этрусков (Этрурия — современная Тоскана), и дело ограничилось лишь культурным влиянием. В дальнейшем продвижении греки основали колонии на Сардинии и Корсике, на юге Галлии (Франция) около 600 г. — Массалию (совр. Марсель) и даже в Испании — Сагунт, Гады (совр. Кадис). Греческие мореплаватели выезжали и за пределы Гибралтара, который называли Геракловыми столпами, достигали даже Британии.

В северной Африке, у границ Египта были основаны Кирена и Навкратис. В западной части африканского побережья продвижение греков было остановлено финикийцами, обосновавшимися в Карфагене.

Продвигаясь на северо-восток от района Эгейского моря, греки охватили поясом своих колоний все берега Мраморного моря (Пропонтида), Черного моря (Эвксинский Понт) и даже Азовского (Меотийское озеро). Для истории возникновения русской культуры большой интерес представляют греческие колонии на северном побережье: Ольвия у устья Днепра и Буга, Херсонес в трех километрах от Севастополя, Пантикапей, сделавшийся центром Боспорского царства, на месте современной Керчи, Фанагория — на восточном берегу Керченского пролива, Танаис в глубине Азовского моря около устья Дона и другие. Русские археологи открывают тут богатые остатки греческой культуры. Следы ее обнаружены и в Средней Азии по течению Аму-Дарьи, в Хорезме.

Легко понять, какую важную роль выполняли колонии в распространении греческой культуры среди окрестного населения. Цицерон очень метко выразил эту мысль, сказав, что «к варварским землям был как бы пристегнут какой-то берег Греции» («О государстве», II, 4, 9). Раскопки южнорусских курганов показывают обилие домашней утвари, посуды и

украшений производства греческих мастеров в могилах скифских властителей. Но, конечно, бывало и обратное: сами греки многое усваивали от местного населения.

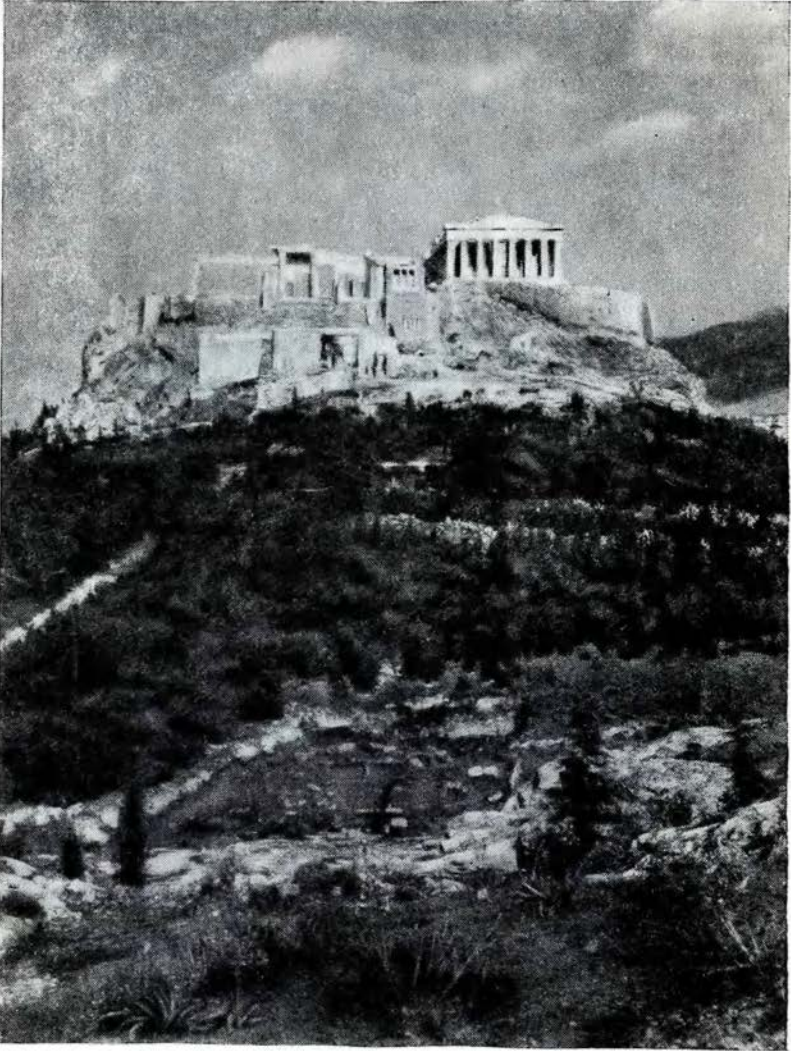
Высшего расцвета греческая культура достигла в V и IV вв. до н. э. К. Маркс писал: «Высочайший внутренний расцвет Греции совпадает с эпохой Перикла, высочайший внешний расцвет — с эпохой Александра»¹. Действительно, к этому времени относятся величайшие произведения греческой драмы (Эсхил, Софокл, Эврипид и Аристофан), замечательные постройки — Парфенон и Эрехфейон на Акрополе в Афинах, храм Зевса в Олимпии и другие, знаменитые образцы ваяния в творениях Фидия, Поликлета, Праксителя и других, расцвет политической и философской мысли в сочинениях Демокрита, Платона, Аристотеля, Эпикура и других, лучшие представители ораторского искусства — Лисий, Исократ, Демосфен и т. д. Но политическая раздробленность и связанная с этим слабость множества маленьких государств-городов — полисов, разъедаемых противоречиями рабовладельческого строя, отдали их под власть македонских царей Филиппа (338), а затем Александра (336—323).

Александрю удалось временно объединить греков и предпринять поход на восток для завоевания огромной персидской монархии. Правда, его владычество не имело прочной основы, и государство вскоре распалось. Однако его политика имела результатом распространение греческой культуры на востоке, особенно благодаря основанию новых городов — например, нескольких Александрий. Из них наиболее известна Александрия в Египте. Одна из них, «Александрия Дальняя», входила в пределы нашего Союза — теперешний Ленинабад: вот как далеко прошло это завоевание.

Этому периоду широко разлившегося влияния греческой культуры присвоено теперь название «эпохи эллинизма». К нему принято относить последние три века до новой эры.

Пока это все происходило в Греции, в Италии выросла новая сила — Рим (Roma). Начало его наиболее авторитетные римские ученые относили к 754/753 г. до н. э. Зародившись в качестве небольшого государства-города на левом берегу реки Тибр в Лации или, точнее, Латиуме, области латинян, Рим быстро стал набирать силы и подчинять окрестных жителей, прежде всего своих соплеменников — латинян. Отсюда и язык, на котором они говорили, называется латинским.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1. Госполитиздат, М., 1955, стр. 98—99.

Афинский Акрополь. Вид с западной стороны

Постепенно успешными войнами и хитрой политикой, сея рознь среди противников по принципу «разделяй и властвуй» (*divide et impera*), Рим покорял одно за другим соседние племена. Очередь дошла и до греческих городов, расположенных на юге Италии. Особенно упорное сопротивление было оказано городом Тарентом, который пригласил на помощь эпирского (северо-западная Греция) царя Пирра. После нескольких побед, стоивших ему больших жертв (ср. ходячее выражение *Пиррова победа*), он потерпел поражение и вынужден был удалиться. С 266 г. римляне сделали властителями средней и южной Италии. Вот тут-то римлянам, уже давно знакомым с греческой культурой и даже заимствовавшим у греков алфавит, пришлось столкнуться с ней вплотную, а так как она во много раз превосходила их культуру, начался быстрый процесс эллинизации Рима. Греческие нравы и обычаи, религиозные представления и мифология — все это хлынуло в Рим.

Почувствовав свою силу, правящие круги Рима стали на путь завоевательной политики. Из-за богатого острова Сицилии были начаты войны с Карфагеном, так называемые Пунические (264—241 гг., 218—201 гг. и 149—146 гг.), которые кончились взятием и разрушением города. Вскоре после первой войны римляне захватили Сардинию и Корсику и северную часть Италии, Ломбардию, так называемую Цисальпийскую (Предальпийскую) Галлию, где основным населением были галлы. Захваченные области были превращены в римские провинции.

Дальнейшим этапом было завоевание востока. Обострение классовой борьбы внутри греческих государств в конце III и в начале II в. до н. э. открыло римлянам возможность вмешаться в их распри. Кончилось все тем, что в 148 г. Македония была объявлена римской провинцией, а в 146 г. — и остальная часть Греции под названием Ахайи, а за этим последовало постепенное подчинение восточных областей Греции — Пергама в 133 г., Сирии и других. Одновременно происходили войны и на западе — в Галлии и Испании. Подчинение Египта в 30 г. до н. э. завершило круг завоеваний в бассейне Средиземного моря. Известно, что Юлий Цезарь в течение девятилетнего наместничества в 58—49 гг. до н. э. подчинил всю Галлию (совр. Франция) от Пиринеев до Рейна. Завоевания продолжались еще и в эпоху империи. В результате владения Рима стали простирались от Атлантического океана до Каспийского моря и включали в свой состав Британию, южную Германию, южное побережье

Дуная, северное Причерноморье, а на юге—северную Африку. Причем надо иметь в виду, что это было не только военное подчинение, ограбление и эксплуатация, но и приобщение к культуре победителей.

Сами римляне, соприкоснувшись с более высокой греческой культурой, особенно при завоевании греческих областей, подчинились ее обаянию, и это послужило толчком к ее более глубокому усвоению. В III и II вв. до н. э. в Риме происходил напряженный процесс усвоения греческой культуры, ее переработки и приспособления к своим условиям и запросам. К этому времени относится начало римской художественной литературы, первые опыты эпоса и драмы по греческим образцам, причем особенный успех выпал на долю комедии. Римская комедия пользовалась греческими сюжетами и представляла действие в греческой обстановке, эта комедия называлась «комедия плаща» (паллиата), поскольку действующие лица выступали одетые в греческие плащи (pallium); в таких комедиях римские поэты Плавт и Теренций умели откликаться на интересы своих зрителей. В середине II в. до н. э. в Риме проявлял большую энергию в борьбе за распространение греческого просвещения кружок передовой аристократии со Сципионом Эмилианом, разрушителем Карфагена, во главе. Противодействие поборников национальной старины со знаменитым цензором Марком Порцием Катонем Старшим во главе не имело успеха, уступая естественному ходу событий. В I в. до н. э. римская культура, пройдя период подражательности, стала на свои ноги и дала уже вполне самобытных представителей, как Цицерон, Юлий Цезарь, лирический поэт Катулл, поэт-философ Лукреций, и, наконец, величайших римских поэтов Вергилия, Горация и Овидия во второй половине I в. В эту пору римская литература достигла своего высшего развития. Это была соединенная греко-римская культура, которую мы обычно называем одним словом «античная».

В эту пору, давая себе ясный отчет о происхождении римской литературы, Гораций (65—8 гг. до н. э.) писал:

Греция, пленницей став, победителей грубых пленила,
В Лациум сельский искусства внеся.

(«Послания», II, 1, 156—157).

В придворных кругах, близких к Августу, сложилась особая идеология, представление о высшей миссии римского народа и его мировом значении, отличном от задач греков — народа, одаренного исключительными талантами в об-

ласти наук и искусств. Эту точку зрения ярче всего выразил Вергилий в своей национально-римской поэме «Энеида». Главный герой поэмы Эней, который изображается прародителем римлян, слышит от отца своего Анхиса следующее пророчество о судьбе и назначении своего народа:

Выкуют тоньше нные из меди людей, как дышащих,
Да и из мрамора лучше пусть лики живые ваяют,
Лучше дела защищают и тверди небесной движенья
Циркулем чертят своим и зовут восходящие звезды:
Ты же, о римлянин, помни — державно народами править;
В том твои будут искусства, вводить чтоб обычаи мира,
Милость покорным давать и войною обуздывать гордых.

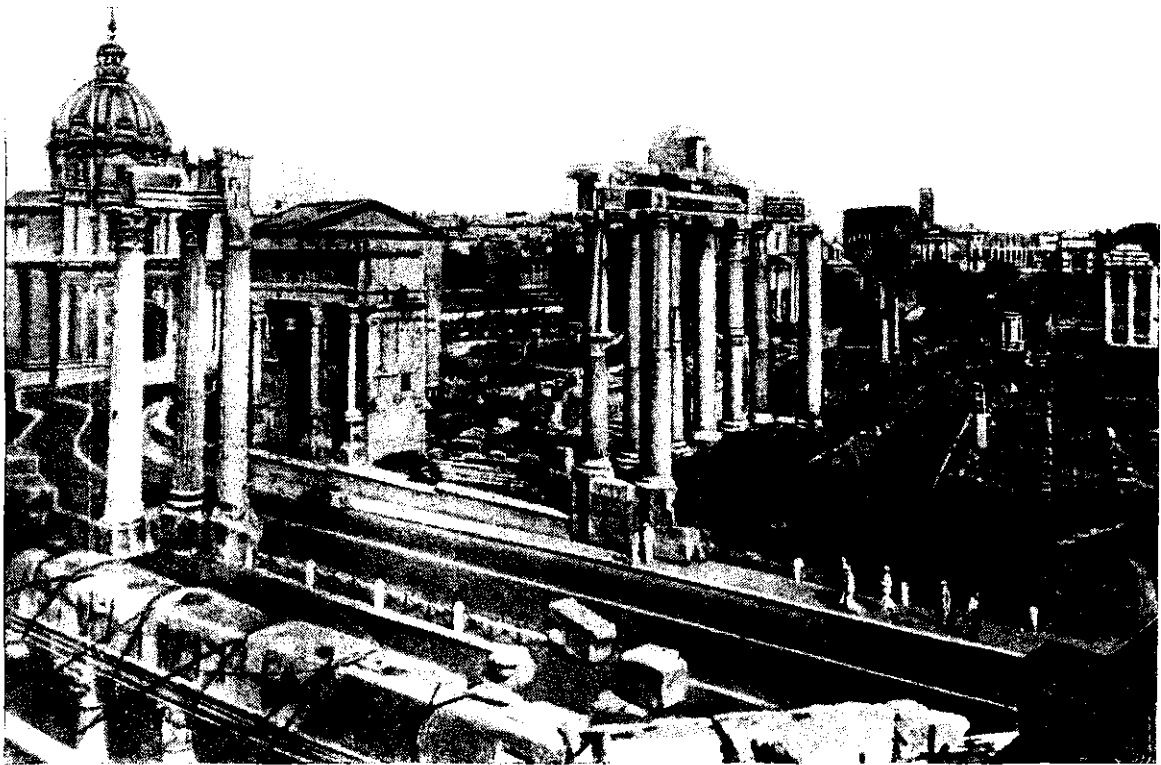
(«Энеида», VI, 847—853)

Вергилий в этих словах признает за греками первенство в области искусства, литературы и науки, римлянам же приписывает заслугу создания великого государства и права. Это право, наметившееся еще в раннюю пору римской истории, в так называемых законах «двенадцати таблиц», изданных в 449 г. до н. э., было постепенно разработано до тонкости в практике должностных лиц (преторов) и ученых специалистов и получило окончательное завершение в кодексе императора Юстиниана в VI в. н. э. С эпохи Возрождения оно сделалось образцом и нормой для законодательства новых народов. Энгельс характеризовал его, как совершеннейшую, «какую мы только знаем», форму права, «имеющего своей основой частную собственность»². Мы можем прямо сказать, что создание такого права лучше всего выражало типичные свойства римского народа, об этом писал еще Белинский³. Это было, несомненно, важным вкладом в общую культуру.

Так римский народ, усвоив греческую культуру, обогатил ее своими собственными достижениями и сам стал оказывать обратное влияние на греков. Уже со II в. до н. э. многих из Греции стало тянуть в Рим, который сделался политическим центром всего Средиземноморья. Наступила пора дружного взаимодействия. Это еще более развилось и утвердилось в эпоху империи. Так и образовалась единая греко-римская, или античная, культура, хотя по языку оставалось разделение: в восточных областях господствовал греческий язык, на

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 105.

³ См. В. Г. Белинский. Общее значение слова литература. Полн. собр. соч., т. V. Изд-во АН СССР, М., 1960, стр. 632.

Римский форум с остатками храмов Веспасиана и Сатурна. *Современное состояние*

западе — латинский, но оба они, естественно, поддавались влиянию языков местных народностей.

Это огромное государство страдало неисправимым пороком, так как основывалось на эксплуатации рабского труда. Помимо того, что привычка пользоваться чужим трудом оказывала растлевающее действие на самих рабовладельцев, это таило еще и другую опасность. Видя недостаточную производительность труда рабов, они старались возмещать ее, увеличивая численность рабов, вследствие чего в городах и крупных поместьях сосредоточивалось их огромное количество. Большинство их были «варвары». Еще во времена республики часто среди них происходили волнения, которые иногда выливались в настоящие восстания, каковы, например, восстания в Сицилии в конце II в. до н. э. и в М. Азии под предводительством Аристоника, а особенно грандиозное восстание в самой Италии под предводительством Спартака в 73—70 гг. до н. э. Это продолжалось с возрастающей силой в эпоху империи — восстание «буколов» (пастухов) в Египте в 172 г. н. э., движение «багаудов» в Галлии в III в. и «агонистиков» или «циркумцеллионов» в римской Африке в V в. н. э. и т. д. Дело осложнялось тем, что к рабам обычно примыкало много свободных бедняков.

Рабовладельческая система явно изживала себя) Содержание рабов уже не окупало себя, и рабовладельцы стали отпускать их на свободу. Улицы городов наполнялись, таким образом, толпами этих «безработных».

Экономическая разруха год от году возрастала. Правительством оказывалось вынужденным повышать налоги, но этим только ухудшало и без того тяжелое положение народа. «Римское государство, — замечает Энгельс, — превратилось в гигантскую сложную машину исключительно для высасывания соков из подданных»⁴. Это создавало благоприятную почву для восприятия разных мистических религий с Востока; в числе их было и христианство.

Так как границы растянувшейся на далекое пространство империи часто подвергались нападением со стороны соседних «варварских» племен, приходилось там постоянно держать войска для охраны. Эти войска размещались в лагерях (*castra* или *castellum*), которые по мере того, как военные отряды задерживались в этих местах на продолжительное время и даже на постоянное пребывание, превращались в на-

⁴ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 147.

стоящие крепости. Солдаты во время продолжительного пребывания обзаводились семьями, и крепости постепенно обрастали мирными поселками. Так из лагерей, разбитых по всем правилам военной техники римлян, возникали целые города. Образец такого лагеря конца I в. н. э. можно до сих пор видеть в городе Заальбурге в районе Висбадена (совр. ФРГ), где он поддерживается в реставрированном виде, таковы же на берегах Дуная в Паннонии Карнунт и Аквинк. Другие образцы сохранились в северной Африке, в Большом Лептисе и Ламбесисе. Памятью оборонительных сооружений остаются до сих пор «Римский вал» времени Траяна в Румынии, в Добрудже, вал Адриана в Баварии близ Регенсбурга, вал Адриана и вал Антонина на севере Британии. Многие из современных крупнейших городов ведут начало от времени римской колонизации: Лондон — Londinium, Париж — Lutetia Parisiorum, Вена — Vindobona, Бордо — Burdigalla, Лион — Lugdunum, Страсбург — Argentoratum, Лейден — Lugdunum Batavorum, Цюрих — Turicum, Кельн — Colonia Claudia Agrippina, Трир — Augusta Treverorum (по галльскому племени треверов), Аугсбург — Augusta Vindelicorum (по племени винделиков на Дунае) и т. д. В Англии во многих названиях нетрудно узнать измененные формы древних именований, например, Кент — Cantium, Кембридж — Cantabrigium, Оксфорд — Oхonium. В окончаниях имен некоторых английских городов легко уловить фонетическую переработку латинских слов castra или castellum, как *Ланкастер*, *Манчестер*, *Лейчестер*, *Винчестер*, *Глостер* (из прежнего *Глочестер*), *Ньюкестль* и т. п. Эти названия ясно показывают, что во времена римского владычества они обозначали расположенные там римские военные поселения.

Но никакие оборонительные сооружения не могли спасти империю от крушения. К этому влекли ее не только внешние причины, но еще больше внутренние. Помимо роковых следствий рабовладельческой системы и связанной с этим социальной борьбы, государство жестоко страдало от противоречий между гражданами и провинциалами. Число последних было во много раз больше числа полноправных римских граждан, которые в провинциях чувствовали себя хозяевами положения. Еще в 89 г. до н. э. после ожесточенной так называемой «союзнической» войны свободное население Италии добилось прав римских граждан. Между тем даже свободное население многочисленных провинций, страдавшее от произвола властей и несшее тяжелое бремя налогов, оставалось почти бесправным. Когда, наконец, под давлением эко-

номической разрухи, император Каракалла в 212 г. н. э. вынужден был объявить декрет о предоставлении гражданских прав всему свободному населению провинций, приписанному к городам, жители всех областей были уравнены в правах. Город Рим после этого утратил свою притягательную силу. Поднялись сепаратистские стремления в провинциях и особенно на окраинах, где естественно проявлялись националистические чувства. Уже Диоклетиану (284—305 гг. н. э.) пришлось в интересах управления столь обширной и разнородной по составу населения империей разделить ее на две части — восточную и западную с дальнейшим подразделением каждой на две части. Это разделение было окончательно утверждено Феодосием в 395 г. Оно оправдывалось и различием населения по языку: на востоке преобладал греческий язык, в западных областях — латинский.

Подчинение «варварских» племен приводило к тому, что из них часто стали вербовать солдат, а иногда целые племена поступали на службу империи, но служба их была ненадежной, и нередко они обращали оружие против своих повелителей. А когда началось так называемое «великое переселение народов», отдельные орды производили грабительские набеги на разные области империи. В 410 г. Рим был взят и разграблен визиготами под начальством Алариха, снова разорен в 455 г. вандалами, а в 476 г. он был захвачен остготами, и власть взял их конунг Одоакр. Это и считается концом западной римской империи.

В это же время в западных областях возникло много варварских государств и устанавливался феодальный строй на основе закрепощения земледельцев (колонов). Социальные противоречия в восточных частях империи оказались менее глубокими, и переход к новому строю происходил без такой катастрофы, как на западе. В правление императора Юстиниана (527—565 гг. н. э.) этот строй проявляет себя уже в полном развитии. Центром этой новой монархии стала прежняя Византия, переименованная в Константинополь. Это — Византийская империя, просуществовавшая до того времени, когда город был взят турками, — до 1453 г.

История Византийской империи показывает ясно преемственную связь с античной Грецией. Хотя произошло существенное изменение не только в социальных отношениях, но и в области идеологии, так как на месте язычества установилось, по крайней мере формально, христианство, но сама эта новая религия образовалась из смешения некоторых языческих греческих воззрений и культов с восточными и

получила догматическое основание в греческой и иудейской философии, что дало право Ф. Энгельсу назвать «отцом христианства» греческого еврея в Александрии Филона, а дядей христианства — римского философа стоической школы Сенеку⁵. Христианские апологеты и учителя, так называемые «отцы церкви», только тогда смогли овладеть умами верующих, когда усвоили античную науку.

Варварские племена, грабившие и разорявшие античные города, все-таки невольно поддавались действию высокой культуры древних. В городах римских провинций с давних пор проживало много купцов, ремесленников, а главное — стояли целые армии, и даже эти люди невысокого культурного уровня распространяли среди местного населения свои нравы, обычаи, политические и религиозные представления и свой язык — не язык образованных людей, а простой разговорный и особенно даже простонародный, так называемый «вульгарный» язык. Хотя античный мир окончил свое политическое существование, культура его и языки, несмотря на пережитую катастрофу, продолжали держаться, подвергаясь изменениям применительно к новым условиям всей жизни. Греческий язык, на котором продолжало говорить население восточных областей, не только в собственной Греции, но и в М. Азии, Сирии, Палестине, Египте и т. д. претерпевал сильные изменения с фонетической, лексической и морфологической стороны, вырождался в формы византийского греческого языка, а затем послужил основой для современного греческого языка.

В западных частях получил распространение латинский язык в форме по преимуществу «вульгарной» латыни. Встретившись там с языками местных «варварских» племен — жельтов (галлы), испанцев и отчасти даже германцев, он как язык более высокой культуры одержал верх над слабо развитыми языками местных племен, но те все-таки оказали на него сильное влияние, в результате чего образовался ряд местных языков со своими типичными особенностями, именно — итальянский, испанский, португальский, французский, румынский языки с их местными наречиями, как провансальский и т. п. Все эти языки и известны теперь под названием «романских» от слова *Romani* «римляне». Сильное влияние латинского языка видно и в немецком, и в английском языках, особенно в обозначениях предметов культурного обихода

⁵ См. Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и первоначальное христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 307.

да. Пушкин писал о сильном влиянии греческого языка на формирование русского литературного языка. «Сам по себе уже звучный и выразительный, — писал он о русском языке, — отселе заимлет он гибкость и правильность»⁶.

Таковы были предпосылки для внедрения и распространения античной культуры среди новых народов Европы и отчасти даже Азии и северной Африки (Египет).

⁶ А. С. Пушкин. Соч., т. VII. Изд-во АН СССР, М., 1958, стр. 27.

ГЛАВА III

НАСЛЕДИЕ АНТИЧНОГО МИРА В ИСТОРИИ НОВЫХ НАРОДОВ

Современная европейская культура создавалась на развалинах и остатках античной культуры. Новые «варварские» племена, вторгавшиеся в Европу и производившие опустошительные набеги на многие области, как на восточные — греческие, так и особенно на западные — римские, причинили много разорений. Наибольшую известность своей дикостью приобрели вандалы, которые в 455 г. разграбили Рим. Их имя вошло вследствие этого в поговорку. Им не уступали по жестокости и некоторые ревнивые поборники христианства, которые в своем фанатизме поднимали темные массы на уничтожение языческой культуры, прежде всего «бесовских» идолов, то есть статуй античных богов. В Александрии, например, в 391 г. по подстрекательству епископа Феофила был разгромлен храм Сараписа с его богатой библиотекой, а в 415 г. была растерзана фанатической толпой ученая женщина Гипатия.

Неудивительно, что в наступившую пору средневековья, когда главными хранителями древней письменности и переписчиками книг оказались монахи в монастырях, они, тщательно оберегая умы читателей от «тлетворного» влияния языческого, а тем более от материалистического мирозер-

пания, решительно уничтожали все казавшиеся им вредными сочинения древних писателей. Вот почему не сохранились сочинения, например, Анаксагора, Демокрита, софистов и т. п. От Эпикура мы имеем лишь небольшое число произведений. А исследование некоторых средневековых рукописей с христианскими текстами обнаружило, что они написаны на пергаменте на месте стертого первоначального текста языческих писателей. Таковы, например, «палимпсесты» (см. гл. VIII) с текстом комедий Плавта IV—V вв., трактата «О государстве» Цицерона IV в. под текстом сочинений Августина, «Институции» юриста Гая на Веронском палимпсесте V в. Понятно, что не сохранились сочинения, направленные против христианства, как, например, некоторые сочинения императора Юлиана, получившего прозвище «Отступник», ученого Цельса и даже христианского писателя Оригена, который был обвинен в ереси.

Но несмотря на все эти губительные условия, огромное богатство материальных и литературных ценностей в течение долгого времени продолжало жить в общественном быту, и мы в настоящее время располагаем весьма большим наследством. Нам будет очень полезно и поучительно оглянуться на пройденный путь этого наследства.

Наша русская культура вышла на историческое поприще несколько позже, чем западная. Поэтому мы начнем свое рассмотрение с западной.

В средние века латинский язык был знаком всем грамотным людям, и другого литературного языка не было; все необходимые записи и документы писались по-латыни. Возникла даже новая, так называемая «латинская» литература — поэмы Валтария, драмы Хросвиты, различные хроники и т. п. Конечно, язык этой литературы был далек от классических образцов; он изобилует всевозможными варваризмами и нарушениями синтаксиса. Но, во всяком случае, пользовавшиеся им хорошо понимали сочинения классических писателей, а так как своей науки они не имели и руководствовались в мировоззрении данными «священного писания», сочинения античных римских писателей открывали людям широкие горизонты (греческий язык после катастроф времени переселения народов на западе был почти забыт). Для людей, мысль которых была скована предписаниями церкви, широкий простор открывали такие философские сочинения Цицерона, как «Об обязанностях», «О границах добра и зла», «Тускуланские беседы», «О природе богов», «О дружбе» и другие. Хотя Цицерон не был оригинальным мыслителем, но он прекрасно

и доступно излагал учения греческой идеалистической философии, особенно Платона и стоической школы. Эти учения, заложившие основу христианской догматики, естественно, получили одобрение церкви, и один из авторитетных учителей церкви Амвросий Медиоланский (Миланский) признал этику Цицерона христианской¹.

Опровергая и разоблачая грубость и моральную несостоятельность античной религии и мифологии, некоторые христианские писатели, как Тертуллиан, Иероним, Лактанций, Августин, в то же время признавали высокое значение античной культуры и тем самым открывали к ней дорогу современникам и последующим поколениям. В результате авторитетом церкви были освящены естественноисторические представления римского энциклопедиста Плиния Старшего (23—79 гг. н. э.), изложенные им в его огромной «Естественной истории», со всеми их ошибками и предрассудками. В астрономии получила признание и была освящена церковью геоцентрическая система Клавдия Птолемея, греческого ученого II в. н. э., полагавшего землю в центре вселенной, хотя еще ранее до него Аристарх Самосский в III в. до н. э. принял гелиоцентрическую систему, по которой центром мироздания является солнце. Как известно, Копернику в XVI в. и Галилею в XVII в. пришлось выдержать серьезную борьбу с католическим духовенством, так как отступление от учения Птолемея считалось ересью.

Многосторонние учения Аристотеля привлекали большое внимание, но так как язык его был недоступен, деятели средневековья на западе знали их лишь в сокращенных переделках на латинском и арабском языках с большими неточностями и искажениями. Но им также придали значение непререкаемого авторитета и за отступление от них подвергали жестоким карам.

Крупнейшие специалисты нового времени признают высокое научное значение Аристотеля. Маркс называл его величайшим мыслителем древности², Энгельс — самой универсальной головой среди греческих философов³. Такое же мнение высказывал и В. И. Ленин. Однако никакая гениальность не освобождает мыслителя от исторической ограничен-

¹ Th. Zielinski. Cicero im Wandel der Jahrhunderte, 3-te Aufl. Leipzig—Berlin, 1912, S. 116.

² См. К. Маркс. Капитал. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23. Госполитиздат, М., 1960, стр. 419.

³ См. Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 202.

ности и обусловленности. Придавая Аристотелю значение непогрешимого авторитета, церковные деятели тем самым заставляли верить и ошибочным его утверждениям, заглушали всякую возможность критики, хотя древние ученые всегда призывали к этому и допускали полную свободу суждений. Правильно отметил В. И. Ленин: «Поповщина убила в Аристотеле живое и увековечила мертвое»⁴. Хорошо сказал об этом А. И. Герцен: «...Аристотель средних веков не был настоящий Аристотель, а переложенный на католические нравы; это был Аристотель с тонзурой» («Письма об изучении природы», I). Так создалась средневековая схоластика.

Явное влияние римской литературы видно в поэтическом творчестве средневековья. Лирика средневековых трубадуров и миннезенгеров обнаруживает очевидное влияние римской любовной элегии Тибулла (55—19 гг. до н. э.) и Проперция (50—15 гг. до н. э.). В разнообразных стихотворениях Овидия (43 г. до н. э.—17 г. н. э.) средневековые поэты нашли готовые образцы для жанров канцоны (песня), серенады (вечерняя песня под окном возлюбленной), альбы (утренняя песня) и т. п. У этих римских поэтов они встретились с высоким почитанием, почти обоготворением любимой женщины, что легло в основу рыцарского служения даме, рыцарского кодекса, рыцарских романов, как роман «О розе», «Тристан и Изольда» и т. п. А поэма Овидия «Метаморфозы» («Превращения») содержала богатый материал занимательных историй о происхождении мира, о потопе, о героических войнах и любовных приключениях (например, трогательная история Пирама и Фисбы, любовь художника Пигмалиона к созданной им статуе) и т. д. «Оды» («Песни») Горация (65—8 гг. до н. э.) читались также всеми образованными людьми и давали богатейший материал для подражаний.

Наибольшую славу в читающих кругах средневековья несомненно имел Вергилий (70—19 гг. до н. э.). В одном из ранних стихотворений сборника «Буколик», написанном в 40 г. по поводу рождения сына в одной из знатных фамилий, поэт предсказывал наступление золотого века. Средневековые церковники истолковали это как предсказание рождения Христа, и Вергилий был признан каким-то пророком и даже волшебником.

К мнимой могиле его совершались паломничества, а один из христианских поэтов XV в. передает средневековую легенду

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 365.

ду, будто апостол Павел, посетив мавзолей Вергилия близ Неаполя, высказал сожаление, что Вергилий не был его современником: «Если бы я застал тебя живым, я сделал бы тебя христианином»⁵. Сочинения Вергилия пользовались такой популярностью, что читались наравне с Библией, и по ним гадали, раскрывая книгу наугад. Лучшим свидетельством его популярности может служить знаменитая поэма Данте (1265—1321).

Самым знаменитым произведением Вергилия была его героическая поэма «Энеида», где прославляются подвиги троянского героя Энея, который, прибыв в Италию с уцелевшими после разрушения Трои троянцами, сделался родоначальником римского народа и государства. Эта поэма под видом мифического прошлого воспевала историческую судьбу Рима и единодержавие (принципат) Октавиана Августа. Обладая высокими художественными достоинствами, она откликнулась на национальные чувства народа; притом, написанная образцовым латинским языком, она сделала национально-римским произведением и служила образцом для подражания позднеримских и средневековых поэтов.

Под видом пророчеств поэт напоминает читателям важнейшие события римской истории, их обычаи и главнейших деятелей. Среди отдельных эпизодов выделяется рассказ о посещении Энеем загробного мира, где отец Энея Анхис дает сыну указания относительно его образа действий и предвозвещает великую судьбу Рима. В этом рассказе для нас представляет интерес описание загробного мира, отвечавшее, конечно, современным ему религиозным представлениям: Эней, руководимый пророчицей Сибиллой, проходит сначала через место, где находятся души людей, не запятнавших себя тяжкими преступлениями и могущих найти очищение, затем через место, где мучатся большие грешники (ад), и, наконец, попадает в Элисиум, где блаженствуют праведники. Такое разделение загробного мира нашло дальнейшее развитие в католическом учении об аде, чистилище и рае. Нетрудно заметить, что поэма Данте как раз делится на такие три части: «Ад», «Чистилище» и «Рай»; изменен только порядок этих частей.

После всего вышесказанного понятно, почему руководителем своим в путешествии по аду и чистилищу Данте избрал Вергилия. Он прямо называет его: «Ты — вождь, ты —

⁵ D. Compareschi. Virgilio nel medio evo, 3 ed. Firenze, 1957, p. 128; (Deutsche Übersetzung: Virgil im Mittelalter, Leipzig, 1875, S. 92); Г. Буассье. Римская религия (русс. пер.). М., 1914, стр. 247.

учитель, ты — господин». Данте в своей поэзии суммировал средневековое мировоззрение, но в то же время предвещал зарю новых отношений. Энгельс прямо назвал его последним поэтом средневековья и вместе с тем первым поэтом нового времени ⁶.

В противоположность жизнерадостному взгляду на жизнь античного человека, который находил «в здоровом теле здоровый ум» (*mens sana in corpore sano*), средневековая церковь старалась убеждать верующих, что тело есть источник греха и потому его следует не развивать, а умерщвлять. Стоит взглянуть на произведения искусства раннего средневековья, например, на известные мозаики в храме св. Виталия в Равенне, изображающие двор императора Юстиниана и императрицы Феодоры, чтобы увидеть совершенно новые черты, резко отличающие это искусство от античных образцов: безжизненные, непропорционально вытянутые и тщательно закутанные фигуры, в которых не видно живого тела в противоположность полнокровному, хорошо тренированному с отчетливо выступающей мускулатурой обнаженному телу у античных мастеров. Идеал одних — аскетизм, других — культ здорового тела.

Прибавим к этому коренное различие в идеологии. Античные мыслители предполагали за каждым индивидуумом полную свободу «выбора» (*αἵρεσις*) в направлении своей мысли, тогда как средневековые считали это величайшим грехом — ересью (*haeresis*) и карали сожжением на костре. Так было в 1415 г. с Яном Гусом в Чехии, в 1600 г. с Джордано Бруно в Италии и т. д. Так в разных социально-исторических условиях одно и то же слово получало совершенно различный смысл. Вот почему возвращение к идеалам античного прошлого при таких условиях приобретало прогрессивное значение.

Значительно крепче держалась античная традиция на византийском Востоке. Тут продолжала развиваться и художественная, и научная литература, внесшая немало ценных достижений в физику, математику, медицину и другие области науки, хотя и тут научное исследование находилось под контролем церкви. Немалую роль играли связи с восточным миром. Рано распространилось греческое влияние в Закавказье — в Армении и Грузии. Уже в V—VI вв. н. э. на армянский язык было переведено много сочинений греческих

⁶ См. Ф. Энгельс. Предисловие к итальянскому изданию «Коммунистического манифеста» 1893 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 382.

писателей. То же было и в Грузии, особенно в пору ее расцвета в XII—XIII вв.

Раскопки советских ученых обнаружили богатые остатки греческой культуры на месте древнего Хорезма, на берегах Аму-Дарьи и в древней Бактрии. Влияние греческой науки и особенно Аристотеля видно в учениях таджикского философа Авиценны (980—1037) и арабского ученого Аверроэса (1126—1198).

Античные традиции, сохранившиеся в византийских школах, внесли большой вклад в дело культурного обновления на западе, когда греческие ученые под натиском турок были вынуждены покинуть свою родину и переселяться на запад или в Россию⁷.

В поле действия античной культуры оказались и славянские народы, хотя они упорно отстаивали свою национальную независимость. Важным фактом их культурной истории было введение письменности. Хотя у южных славян были уже зародыши своей письменности, «первоучители словенские» Кирилл и Мефодий, посланные византийским правительством в 863 г. в Моравию для проповеди христианства, создали славянский алфавит на основе греческого, и он получил распространение в Болгарии, Сербии и на Руси, а вместе с этим началась деятельность по переводу греческих книг. Между тем в Чехии и Польше велось энергичное наступление католического духовенства при деятельном участии немецких колонизаторов. Вследствие этого наряду с просветительными струями античной культуры это наступление несло низшим классам эксплуатацию и закабаление.

Проникновение греческой культуры в Россию началось очень рано. Греческие колонии на северном побережье Черного моря прочно обосновались уже в VII—VI вв. до н. э., и первое описание жизни кочевавших там скифов оставил нам Геродот (V в. до н. э.). Эти города, входившие в круг влияния Византии, стали первыми ячейками, из которых на далекое расстояние в глубь страны тянулись культурные нити. Херсонес под названием Корсуня встречается в нашей начальной летописи — в «Повести временных лет» — как место, где принял крещение князь Владимир. Тмутаракань, упоминаемая в «Слове о полку Игореве», как показала недавно найденная надпись, находилась на Таманском полу-

⁷ См. сб. «Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур». Изд-во АН СССР, М., 1961; статьи: А. И. Белецкий. Русская литература и античность, стр. 174—179; С. И. Радциг. К вопросу об античном влиянии в русской литературе, стр. 415—418.

острове близ древнего города Гермонассы. Из «Повести временных лет» известен определившийся уже задолго великий водный «путь из варяг в греки», проходивший через Волхов и Днепр: это была проезжая дорога, соединявшая города Ганзейского союза с Византией (Константинополь). Понятно, что греческие торговцы делали на этом пути остановки, устанавливая таким образом культурные связи. Из летописи же мы узнаем о военных походах русских князей к Константинополю — Олега, Игоря, Святослава. Там же приводятся договоры этих князей с греками. Поэтому неудивительно, что князь Владимир при «испытании вер», о котором рассказывается в летописи, из всех представлявшихся возможностей — иудейства, мусульманства, католицизма — избрал именно греческую веру. А принятие христианства в 988—989 гг. влекло за собой, как естественное последствие, приглашение греческого духовенства, прежде чем появились свои собственные кадры, и необходимость перевода церковных книг на славянский язык. Летопись особенно отмечает усердные старания князя Ярослава Мудрого (XI в.). «Книгам прилежа,— говорится про него,— и почитая, и (читая их) часто в ночи и в дне. И собра писце многи и прекладаше (переводил) от грек на словенское писмо. И списаша книги многы, ими же (которыми) поучающиеся (поучаясь) вернии людье наслаждаются ученья божественнаго»⁸. Так греческое влияние входило в русскую культуру. Не обходилось дело и без борьбы против чрезмерных притязаний греческого духовенства на самостоятельность русской церкви.

Связи с Византией имели иногда династический характер. Сын Ярослава Всеволод был женат на дочери византийского императора Константина Мономаха, отчего сын его Владимир получил прозвище Мономаха. Последний в своем известном «Поучении» говорит, что отец его владел пятью языками, в том числе греческим и латинским. Да и сам Владимир, как видно из его «Поучения», был хорошо знаком с античной литературой. Известен был своим образованием Андрей Боголюбский, убитый боярами в 1174 г.

Наряду с книгами церковного содержания русские читатели знакомились и с книгами светского характера. Сюда принадлежат, например, «Изборники» Святослава 1073 и 1076 гг. с переводом разных моральных изречений. В XI в. у нас появился перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (конец I в. н. э.), где описывается осада и взятие

⁸ «Повесть временных лет». Изд-во АН СССР, М. — Л., 1950, стр. 102.

Иерусалима римлянами в 70 г. Широкое распространение получили «Хроники» Георгия Амартола и Иоанна Малалы и составленный на их основе «Еллинский и Римский летописец» и близкая к ним более краткая «Хроника» Георгия Синкелла, а также разные сборники: «Пчела», «Палея», «Лимонарий», «Патерики» и т. п. Тут читатели находили многочисленные цитаты из сочинений выдающихся поэтов, историков, философов и ораторов.

В хронике Иоанна Малалы (VI в. н. э.) передаются многие мифы и в том числе рассказы о Троянской войне. Георгий Амартол излагает историю римской империи от Юлия Цезаря до Диоклетиана. Осуждая язычество, автор старается доказать, что языческие боги «не суть бози, но грешнии человеци». Все такого рода материалы послужили источником для распространенных повестей — «Притча о кралех» и «Повесть о создании и пленении Тройском и о конечном разорении, еже бысть при Давиде, царе иудейском». Античное сказание тут приспособлено к вкусам русских читателей: например, Ифигения фигурирует под именем Цветаны. Парис, соблазнитель прекрасной Елены, в одной из таких повестей представлен как настоящий кавалер. «Готов есмь прияти муки, — объясняется он Елене, — нежели мучим буду по твоей лепоте» (красоте).

Даже церковная литература, по преимуществу «поучения», создававшиеся по образцу греческих проповедей, содержит много откликов античной литературы. Недаром одного из древнейших русских книжников Клементя Смолятича обвиняли в том, что он в своих рассуждениях исходил не из священного писания, а «от Омира и от Аристотеля и от Платона, иже во елинских нырех (тонкостях) славне беша».

Даже в тяжелую пору монгольского владычества при сильном упадке просвещения интерес к античному миру не угасал. Известно, например, что митрополиты Алексей (1293—1377) и Киприан (1376—1406) сами находили время для занятия переводами с греческого языка.

Угроза турецкого нашествия заставила многих греков искать убежище не только на Западе, но и в России — тем более, что с Россией их связывала общность религиозного исповедания. Ученые греки привозили с собой и книги, из которых многие и теперь можно видеть в разных книгохранилищах СССР. Приток греческих беженцев усилился после падения Византии в 1453 г. В 1472 г. в Москву приехала племянница последнего византийского императора Константина Палеолога Зоя и под именем Софьи Фоминичны стала

супругой (второй) великого князя Московского Ивана III. Ее сопровождал штат придворных. Памятью о приезде до сих пор остается хранящийся в Научной библиотеке им. А. М. Горького при Московском университете «Апостол» на греческом языке (XI в.), украшенный замечательными миниатюрами в красках с золотом. Этот случай является типичным примером распространения греческого влияния на Русь. В Киеве и в Москве составлялись кружки греческих беженцев, и среди них бывало немалое число весьма образованных людей, которые занялись преподаванием не только своего языка, но и других наук.

Среди таких ученых в первую очередь приходится назвать доктора Болонского университета Максима Триволиса, известного у нас под прозвищем Грека (1480—1556). Он был приглашен со специальным поручением — для перевода «Толковой Псалтыри» — и был автором ряда ученых сочинений, показывавших прекрасное знание античной литературы. Часть их написана в форме платоновских диалогов. Учеником его называл себя известный князь А. М. Курбский (1528—1563). Царь Иван IV (1530—1584) принадлежал к числу образованнейших людей своего времени. Он обладал богатой библиотекой греческих книг и в полемике с Курбским старался обосновать свои права примерами из античной истории.

О распространенности среди широких кругов сведений из античного мира может свидетельствовать следующий факт. В Благовещенском соборе в Кремле, который был построен в 1484—1489 гг., имеются фрески, сделанные в 1564 г. Среди многих исторических и мифологических образов тут представлены Платон, Аристотель, Гомер, Вергилий и другие. Конечно, мы не можем в этих изображениях видеть портретных черт, но надписи, имеющиеся при них, не оставляют сомнения в том, кого имели в виду живописцы. Гомер (Омир) с венком на голове и в развеваемом плаще держит грамоту, в которой предрекается явление спасителя: «Светило земли воссияет во языцех — Христос...» Вергилий в одеянии древнерусских князей с шляпой на голове показывает хартию с надписью: «Не созданны естества божественна рождение не имеет конца». Так христианская идеология примирялась с античной. Это было симптомом наступления новой эпохи.

В западных странах она наступила раньше, чем в восточных. Эпоха эта известна в истории под названием «гуманизма» и «возрождения наук и искусств классической древности».

Проповедь аскетизма и умерщвления плоти, которую проповедовали средневековые фанатики, не могла долго сохранять значение, так как слишком противоречила естественным чувствам человека. Протест против насилия над природой стал подниматься, как только пошатнулись устои феодального строя, когда выдвинулись новые общественные силы и стала пробуждаться свободная мысль.

В XIV и XV вв. на западе и прежде всего в Италии произошли важные изменения в экономической жизни. Пробудилась жизнь в городах. Зародились первые формы капиталистических отношений. «Это был, — по словам Энгельса, — величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености»⁹. В городах образовалось буржуазное общество. Индивидуальная личность стала освобождаться от оков церковности и в связи с этим искать обоснования своих суждений не в обязательном авторитете, а в собственном опыте и наблюдении. Памятники античного мира увлекали своей красотой, а более глубокое и более широкое изучение античной литературы, не только римской, но теперь уже и греческой, стало наталкивать на новые методы исследования.

✓ Первое, что привлекло в эту пору внимание читателей, была глубокая человечность античной мысли. Отсюда и получило название это новое направление — «гуманизм» от латинского слова *humanus* «человеческий». «Я — человек: ничто человеческое, я думаю, мне не чуждо» («*Homo sum: humani nihil a me alienum puto*»), — так рассуждает одно действующее лицо в комедии римского поэта II в. до н. э. Теренция («Самоистязатель», 77). Эти слова повторял Сенека (I в. н. э.), говоря, что их всегда надо держать и в сердце, и на устах («Письма», XV, 3, 53). Это рассуждение и сделалось настоящим лозунгом всего направления, а первыми его представителями были выдающиеся писатели Петрарка (1304—1374) и Боккаччо (1313—1375), а за ними последовали многочисленные поэты, художники, ученые и философы. Каков был восторг Петрарки, когда он неожиданно в библиотеке одного монастыря в Вероне нашел часть списка обширной переписки Цицерона — его письма к брату Квинту, к друзьям Бруту и Аттику! Когда вскоре после этого была

⁹ Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 346.

найдена другая часть этой переписки — письма к близким, это произвело сильнейшее впечатление. Самый образ Цицерона представился в новом свете: прежде его знали как оратора и политического деятеля, не всегда удачного, теперь его узнали по интимным излияниям, в откровенных беседах с друзьями не с официальной стороны, а как человека со всеми положительными и отрицательными чертами. Это было как раз то, чего искали гуманисты.

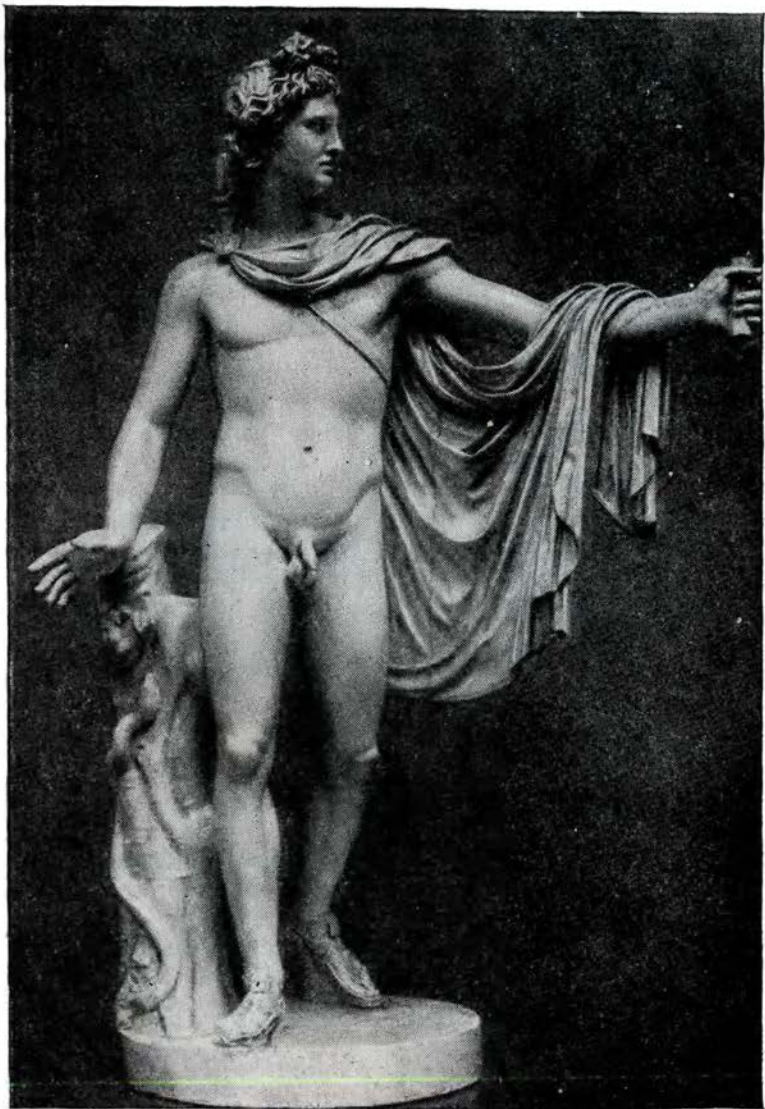
За этими первыми находками последовали вскоре же и другие. Боккаччо нашел рукописи с текстами Тацита и Варрона. Франческо Поджо Браччолини (1380—1459) нашел рукописи с сочинениями Плавта, Лукреция, несколькими речами Цицерона, с сочинениями Петрония, Квинтилиана, Тацита и других. Петрарка еще не знал греческого языка, но всегда держал при себе текст поэм Гомера. Боккаччо уже читал греческих писателей в подлиннике. Так пробудился интерес к изучению греческого языка, а следом за этим и к собиранию рукописей с текстами греческих писателей и произведений античного искусства. С этой целью гуманист Джованни Ауриспа (1370—1459) отправился в Константинополь и привез оттуда 238 томов греческих классиков, в том числе Эсхила, Софокла, Пиндара, Аристофана и знаменитый список «Илиады» X в., известный теперь под названием Венецианского, рукописи Демосфена, Платона, Аристотеля, Плутарха и других. Большое количество рукописей привез оттуда же Франческо Филельфо (1398—1481). Кардинал Виссарион (1395—1472), грек по происхождению, передал в библиотеку св. Марка в Венеции 800 греческих рукописей. Среди правителей-тиранов в Италии находилось немало любителей, которые тратили громадные средства на развитие этого дела и окружали себя целым штатом ученых, поэтов и художников. Особенно прославилась этим фамилия Медичи во Флоренции (1434—1737). Находились такие покровители и среди пап: представители христианской церкви, они проникались античной идеологией и окружали себя статуями языческих богов. Папа Николай V (1447—1455) положил основание Ватиканской библиотеке, собрав для нее около девяти тысяч рукописей с античными текстами. Папский дворец в Ватикане благодаря стараниям некоторых пап и многих окружавших их просвещенных ценителей наук и искусств сделался первоклассным и единственным в мире по богатству хранилищем античных рукописей и произведений античного искусства. А в 1506 г. папа Юлий II (1503—1513) отвел специальное отделение для античных статуй — Бельведер, откуда по-

лучила название знаменитая статуя Аполлона. Там же помещена и знаменитая группа «Лаокоон», найденная в термах Тита в 1506 г., и многие другие¹⁰. Специальными декретами папы организовывали дело раскопок и охраны найденных произведений искусства.

Ученый гуманист Кириако (Чириако) из Анконы (1391—1452), отправившись в Грецию по делам одного торгового дома, объездил многие области Греции и списал встречавшиеся ему греческие надписи. Этим собранием он положил начало науке эпиграфике.

Между тем на Грецию надвигалась страшная катастрофа. В одну область за другой вторгались жестокие и грубые завоеватели — турки. Они уничтожали или обращали в рабство неподчинявшееся им население и беспощадно разоряли страну. В 1453 г. после продолжительной осады был взят Константинополь, и с тех пор почти на пять веков над Грецией нависло турецкое иго. Естественно, что после этого события и даже еще заранее, предвидя неизбежность порабощения, многие спешили покинуть родную страну. Среди греческих эмигрантов было немало весьма образованных людей. Они везли с собой рукописи с сочинениями не только византийских авторов, но и с текстами античных писателей. Таковы были: Мануил Хрисолор (умер в 1415 г.), Феодор Газа (1398—1478), Георгий Трапезунтский (1396—1484), упомянутый выше Виссарион, Димитрий Халкондил (1428—1510), Константин Ласкарис (умер ок. 1500 г.), Андрей Ян Ласкарис (1445—1536), Марк Мусур (умер в 1517 г) и другие. Эти ученые обосновались главным образом в городах Италии, но отчасти объезжали города Франции, Германии и даже Англии. Везде их принимали с почетом, и они становились учителями новых поколений, неся им знание греческого языка и греческой культуры, а привезенные рукописные книги разошлись по разным хранилищам Европы. Конечно, пока книги писались от руки, их распространение было еще ограниченным. Изобретение около 1445 г. книгопечатания немедленно нашло применение в разных странах. Им воспользовались не только для печатания книг «Священного писания», но и для произведений античной литературы. Среди так называемых «инкунабул» (пеленки), то есть первых печатных книг, вышедших до 1500 г., было немало текстов античных писателей. Особенно важная роль в этом деле при-

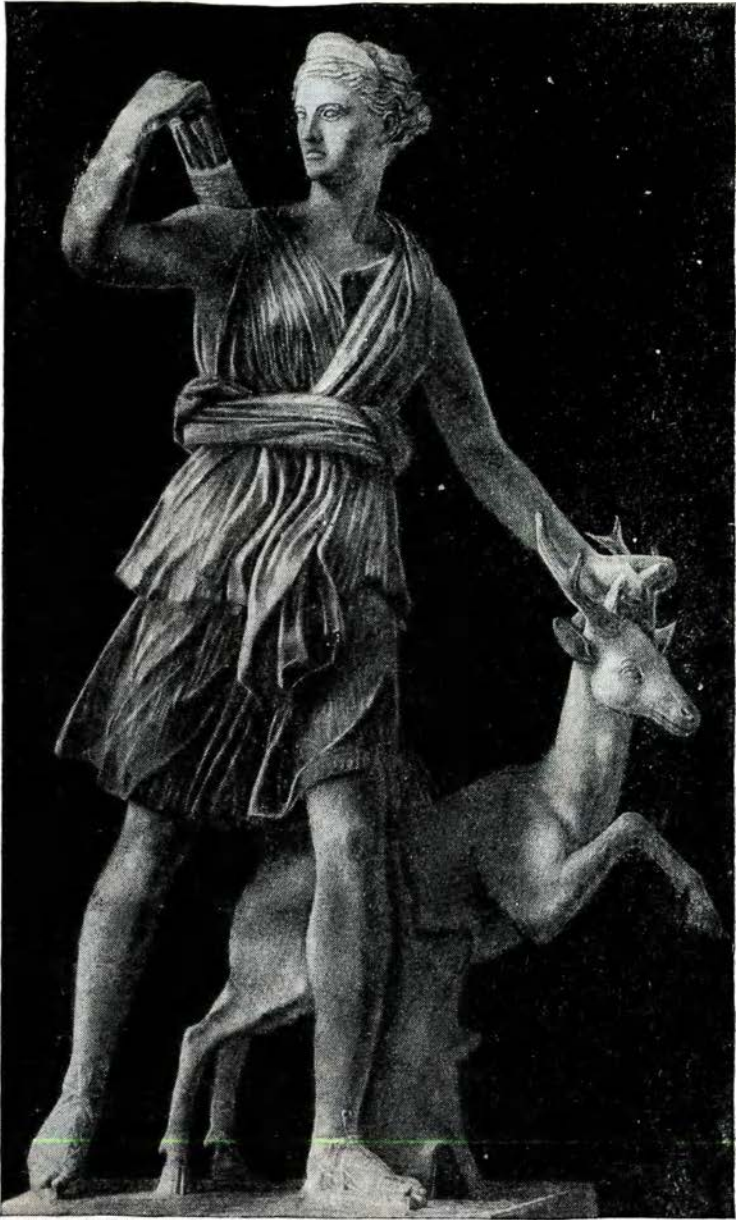
¹⁰ Недавно в Италии были найдены обломки другого экземпляра группы Лаокоона; см. H. Hüls e n, *Römische Funde*. Berlin, 1960.

Аполлон Бельведерский. Мраморная копия бронзовой статуи Леохара ок. 340 г. до н. э.

надлежала издательской фирме Альдов Мануциев (Мануччи) в Венеции, которая процветала с середины XV до начала XVII в. Книги, выпущенные этой фирмой, известны под названием «альдин». Пример этого издательства был подхвачен другими фирмами в разных странах. Так сочинения древних классиков стали доступны всему читающему миру.

✓ Непосредственное знакомство с сочинениями античных писателей произвело настоящий переворот в сознании людей того времени. С воззрениями таких величайших мыслителей, как Платон и Аристотель, средневековые деятели были знакомы по сокращенным и часто искаженным выборкам и переделкам. Теперь читатели могли убедиться, какой простор и какую свободу открывали сочинения этих мыслителей для мысли человека, как звали они к свободному исследованию. Наука из «прислужницы богословия» (*ancilla theologiae*), какой она была в средние века, стала самостоятельной, стала даже «руководительницей» в жизни. И эти достижения не оставались достоянием узкого круга ученых, а стали быстро расходиться среди самых широких масс народа. Произведения писателей и художников широко откликнулись на запросы жизни, и никогда еще искусство Нового времени не стояло на такой высоте, как в эту пору. Писателями и художниками овладела мечта: как бы воскресить прекрасный мир древности. Действительно, античные образы словно оживают в произведениях Леонардо да Винчи (1452—1519), Микеланджело Буонарроти (1475—1564) и Рафаэля Санти (1483—1520). Но это было не рабское подражание, а выражение современных чувств, подсказанных живой действительностью. Даже библейские сюжеты трактуются наподобие античных и часто смешиваются с ними. В могучих образах Микеланджело оживают преображенные в новом виде герои античных мастеров. В «Давиде» не остается почти ничего библейского, а политический идеал художника нашел выражение в образе «Брута». Рафаэль в фреске «Афинская школа» в центре изобразил Платона и Аристотеля в окружении других философов — Сократа, Гераклита, Диогена, Пифагора и т. д. Платон указывает на небо — этим характеризуется его идеалистическое направление, Аристотель обращает руку книзу, символизируя этим необходимость прежде всего изучать то, что есть на земле. В произведениях Петрарки и Боккаччо большое место занимают античные мотивы, а некоторые из них написаны на латинском языке, например, поэма Петрарки «Африка». Важно отметить, что, будучи

Артемида Версальская. Мраморная копия с оригинала Леохара
конца IV в. до н. э.

чи поклонниками античности, они вслед за Данте сделались первыми национальными поэтами Италии.

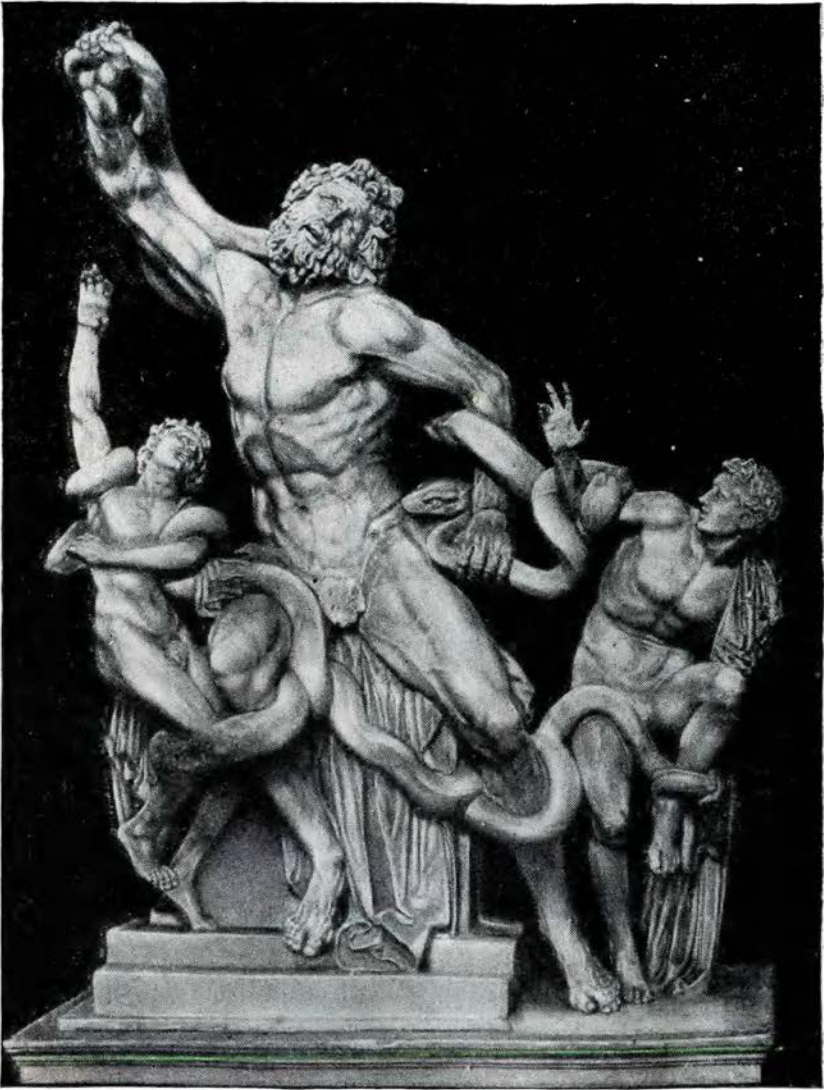
Во Флоренции по инициативе правителя Лоренцо Медичи, прозванного Великолепным (1448—1492), образована была Платоновская академия, где собирались ученые и поэты и читали свои научные и поэтические труды в честь Платона. Наиболее деятельное участие в этом принимал Марсилио Фичино (1433—1494), который перевел на латинский язык сочинения Платона. О том, насколько высок был среди гуманистов авторитет Платона, можно видеть по сложившейся в то время поговорке: «Друг — Платон, но еще дороже истина» (*amicus Plato, sed magis amica veritas*). Только одной истине в глазах этих людей уступал Платон. Его имя обычно сопровождали эпитетом «божественный» — *divinus*.

Известный итальянский политик и патриот Никколо Макиавелли (1469—1527) свой трактат «Государь» строил на изучении римской истории и написал даже специальное исследование о первых десяти книгах «Истории» Тита Ливия (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.).

Были и такие горячие головы, которые хотели действительно восстановить античную жизнь. Так, в 1347 г. Кола ди Риэнцо, став во главе народного движения, пытался ввести в Риме порядки древней республики. Его называли поэтому «последним трибуном». Однако повернуть ход истории вспять было безумной попыткой, и она кончилась неудачей, причем сам «трибун» трагически погиб.

Все приведенные факты показывают, какое важное значение имел переворот в общественном сознании, произведенный возрождением античной культуры. Об этом хорошо написал Энгельс: «В спасенных при падении Византии рукописях, в вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; перед ее светлыми образами исчезли призраки средневековья; в Италии наступил невиданный расцвет искусства, который явился как бы отблеском классической древности и которого никогда уже больше не удавалось достигнуть. В Италии, Франции, Германии возникла новая, первая современная литература. Англия и Испания пережили вскоре вслед за этим классическую эпоху своей литературы»¹¹. Сравним приведенное выше (гл. I) подобное же замечание Белинского.

¹¹ Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 345—346.

Лаокоон с сыновьями. Мраморная группа Гегесандра, Полидора и Афинодора середины I в. до н. э. Правая рука неправильно реставрирована

Французское Возрождение ознаменовано появлением целого ряда ученых и писателей. Таков, например, Гильом Бюде (1457—1540), основатель Collège de France; его именем в настоящее время называется Ассоциация классических филологов. Знамениты два Этьенна (Stephani): А. Робер (1503—1559) и его сын Анри (1528—1598), прославившиеся составлением двух самых обширных словарей греческого и латинского языков «Thesaurus linguae graecae» и «Thesaurus linguae latinae», которые послужили образцами для подобных же изданий в наше время в соответствии с новыми достижениями. Назовем еще двух Скалигеров (Скалигер — латинизированная форма вместо della Scala): Юлий Цезарь (1484—1558) и его сын Жозеф-Жюст (1540—1609). Первый известен работами по грамматике и поэтике, второй — своими исследованиями по хронологии, изданиями текстов римских писателей и изданием первого сборника римских надписей. По заказу короля Франциска I разными учеными делались переводы Гомера, Фукидида, Ксенофонта и других.

Во французской художественной литературе античное влияние нашло весьма богатое отражение. Среди многих представителей французского гуманизма особенно следует назвать Франсуа Рабле (1494—1553), который в своем знаменитом фантастическом романе «Гаргантюа и Пантагрюэль» высмеивал современные нравы и в противоположность извращенности схоластического воспитания изображал здоровую систему гуманистов. Описание свободной и прекрасной жизни в Телемском аббатстве (во II книге) является прямым подражанием идеальному государству Платона. Это сходство подтверждается несколько раз повторяемым рассуждением Платона: «Если не будут царствовать философы или цари не будут философами, не будет конца бедствиям». В сатире Рабле заметно также влияние комедий знаменитого Аристофана (V в. до н. э.) и сатирических диалогов Лукьяна (II в. н. э.).

Подъем научных знаний и научных интересов, начавшийся при более близком знакомстве с античной культурой, отразился сразу же и на отношении к учениям церкви и к текстам священного писания. Так началось реформационное движение. Поднялось с новой силой религиозное вольнодумство. Итальянский гуманист Лоренцо Валла (1407—1457) в 1437 г. доказал на основании исследования языка подложность грамоты, известной под названием Donatio Constantini («Дарение Константина»), на которую ссылались рим-

ские папы в оправдание своих прав на светские владения¹². Но некоторым из таких вольнодумцев пришлось жестоко поплатиться. Так, Этьенн Доле (1509—1546) был сожжен на костре в Париже, Мигель Сервет — в Женеве в 1553 г., а Дионисий Ламбин (1520—1572) погиб в резне Варфоломеевской ночи в Париже.

Из крупнейших деятелей реформационного движения, помимо Мартина Лютера (1483—1546), который, переводя Библию с еврейского языка на немецкий, пользовался греческим переводом так называемых «Семидесяти толковников» и латинской «Вульгатой», мы должны остановить внимание прежде всего на трех — на Меланхтоне, Эразме и Рейхлине.

Один из ближайших сотрудников Лютера, Филипп Меланхтон (греческая форма имени вместо настоящего Шварцерд — 1497—1560), первый в новое время написал грамматику греческого языка. Иоган Рейхлин (1455—1522), известный среди современников как «трехъязычное чудо» — *monstrum trilingue*, так как владел не только современными языками, но и тремя древними — греческим, латинским и еврейским, много сделал для распространения античной культуры и в борьбе с косностью и фанатизмом схоластиков. Важное значение до сих пор имеет поставленный им вопрос о произношении звуков древнегреческого языка. Он высказывался за то, что древнегреческие тексты следует читать, соблюдая современное греческое произношение. В этом вопросе ему пришлось встретить возражения со стороны другого выдающегося знатока древности — Дезидерия Эразма Роттердамского (1467—1536), который, наоборот, держался такой точки зрения, что во всяком языке с течением времени происходят изменения и что, следовательно, современное произношение не может быть тождественным с древним, а поэтому вернее за каждой буквой предполагать отдельное звуковое значение. Свою мысль он подкрепил ссылками на передачу греческих слов в латинском языке. Так, у современных ученых установились две системы чтения — эразмова, которая принята у большинства европейских ученых, и рейхлинова, которой держатся современные греческие ученые и которая в прежнее время была принята у нас в духовных учебных заведениях — в семинариях и духовных академиях. Это оста-

¹² *Vallae Laurentii. De falso credita et ementita Constantini donatione declamatio. Lipsiae, 1928; см. А. И. Хоментовская. Лоренцо Валла — великий итальянский гуманист. «Наука», М. — Л., 1964, стр. 57, 75, 81.*

вило след в нашей современной передаче греческих слов в русском языке (об этом см. в главе V).

Эразм прекрасно владел латинским языком и писал в манере Цицерона. Таковы, например, его «Беседы» (*Colloquia*), а для лучшего овладения разговорной латинской речью он рекомендовал своим ученикам внимательнее читать комедии Теренция. Он собирал пословицы (*Adagia*) и издал много текстов, в том числе им было выпущено первое полное (по тому времени) издание Аристотеля. Но всемирную славу он снискал своей сатирой «Похвала Глупости» (*Laus Stultitiae, sive Encomium Moriae*), где Глупость представлена в виде оратора-схоластика, который восхваляет себя, доказывая, что без нее людям было бы невозможно жить, так как никто не стал бы верить обманам монахов. Это — тонкое подражание сатирам греческого писателя II в. н. э. Лукиана.

Другая подобного же рода сатира XVI в. «Письма темных людей» (*Epistulae obscurorum virorum*) составлена группой гуманистов с Ульрихом фон Гутеном (1488—1523) во главе. Под видом интимных писем разных схоластиков к их общему авторитету, магистру Ортуину Грацию, разоблачается их глупость, невежество и обманы и, вдобавок ко всему этому, незнание латинского языка.

Возрождение в Англии мы можем ярко видеть по таким фигурам, как Томас Мор и Вильям Шекспир.

Знаменитым произведением Томаса Мора (1478—1535) была его «Утопия» — описание фантастического места «нигде» (греческое отрицание *у* «не» и *топос* «место»). Это — нечто вроде политического романа, где в подражание «Государству» Платона изображается идеальная страна и государство, в котором царит высшая справедливость и благородство. Форма этого произведения явно напоминает некоторые позднегреческие романы с путешествиями в неведомую страну. Название этого произведения сделалось нарицательным обозначением всяких отрешенных от действительности политических и социальных проектов. Другой пример подобного сочинения — «Город Солнца» итальянского гуманиста Томмазо Кампанеллы (1568—1639).

Знаменитый Вильям Шекспир (1564—1616) в своих гениальных произведениях воплотил высшие достижения передовой науки своего времени и обнаружил самое широкое знакомство с античной культурой.

Замечательная сценка с актерами в «Гамлете» дает представление о театральной жизни времен Шекспира. Гамлет вспоминает о пьесе, которая произвела на него сильное впе-

чатление. Это какая-то переделка античного сюжета, взятого, может быть, из второй книги «Энеиды» Вергилия, из рассказа Энея о взятии Трои, о смерти царя Приама и страшном горе царицы Гекубы. Гамлет поражен тем, что эти, казалось бы, столь далекие и чуждые его времени события вызывают слезы на глазах актера, и он восклицает:

Что он Гекубе? Что ему Гекуба?

А он рыдает.

Такие рассуждения Гамлета показывают, что эта и подобные темы были хорошо знакомы зрителям театра «Глобус», где ставились пьесы Шекспира. Это подтверждается и другими произведениями. Поэма Шекспира «Венера и Адонис» написана на сюжет из «Метаморфоз» Овидия (X, 522—739), а «Лукреция», повествующая о самоубийстве героини, обещанной сыном царя римского Тарквиния Гордого, и о последовавшем за этим народном возмущении и изгнании царя, заимствована из «Истории» Т. Ливия (I, 57—60) и «Фастов» Овидия (II, 685—852). Весьма остроумная и веселая «Комедия ошибок» является переработкой замечательной комедии римского поэта Платва «Менехмы». У греческих писателей II в. н. э. Плутарха и Лукиана взята тема мизантропа (человеконенавистника) «Тимона Афинского». Всего же более показательны «римские» трагедии Шекспира — «Кориолан», «Юлий Цезарь» и «Антоний и Клеопатра», сюжеты которых внушены чтением главным образом соответствующих биографий из числа так называемых «Параллельных жизнеописаний» Плутарха. Сравнение их с источником свидетельствует о самом внимательном изучении материала, и можно видеть, как мельчайшие черточки оригинала иногда оживали, превращаясь в художественные сцены.

Отметим еще новый рост влияния Вергилия в Италии. Особенно это видно в поэме Торквато Тассо (1544—1595) «Освобожденный Иерусалим», темой которого служит рассказ о первом крестовом походе (1096—1099). Несмотря на наличие христианских и рыцарских мотивов и даже участие небесных сил, все это живо напоминает героев «Энеиды», а сарацинская воительница Клоринда, совершенно неправдоподобная в мусульманской среде, как бы повторяет образ амазонки Камиллы у Вергилия (XI, 498—835); любовные же мотивы напоминают поэзию Овидия.

Возрождение античности в Чехии нашло характерный отклик в новых взглядах на воспитание. Главным провозвестником идей гуманизма тут был Ян Амос Коменский (1592—1670), который считается отцом педагогической науки. Его

главное сочинение — «Великая дидактика». Считая человека частью вселенной, ее «малым миром» (микрокосмом), он в основу воспитания полагал познание окружающего мира и, отстаивая национальную независимость, придавал большое значение изучению языков, в том числе древних. Поучительные примеры он находил в сочинениях Цицерона и в книгах Квинтилиана «Образование оратора» (конец I в. н. э.). Понимая важное значение наглядности, он составил по этому принципу ряд пособий, в том числе «Открытая дверь к языкам» (*Janua reserata linguarum*), «Мир видимых вещей в картинах» (*Orbis visibilis pictus*), где каждое приводимое латинское слово иллюстрируется рисунком. Эти книги могут быть полезны для преподавания и в настоящее время.

Новый подъем интереса к античной культуре в Европе характеризуется направлением, известным под названием «классицизма». Наиболее яркие формы оно получило во Франции и отсюда распространилось во все другие страны Европы.

Во Франции это направление установилось в XVII в. под покровом абсолютной монархии, сумевшей временно объединить интересы приходившего в упадок дворянства и поднимающейся буржуазии. Воспринимая по-своему античные традиции и приспособляя их к своим собственным задачам, оно канонизировало некоторые условные формы, подчинив их строгим требованиям рассудочности.

Одним из родоначальников этого направления во Франции был Ж. дю Белле (1525—1560), который в стихотворении «Римские древности» выразил как бы манифест нового направления, а в статье «Защита и прославление французского языка» он писал: «Пусть тот, кто хочет обогатить язык, обратится к подражанию лучшим авторам латинским и греческим: несомненно, лучшая часть мастерства заключается в подражании». Кл. Маро (1524—1585), автор «Франсиады», призывал современников методически «грабить» сокровища древних греков и римлян. Типичные образцы этого «классического» направления дают трагедии Пьера Корнеля (1606—1684) и Жана Расина (1639—1699), комедии Жана-Батиста Мольера (1622—1663), басни Лафонтена (1621—1695) и теоретическая поэма Никола Буало Депрео (1636—1711) «Поэтическое искусство».

✓ Трагедии римского философа-драматурга Сенеки (умер в 65 г. н. э.) являются переработками греческих образцов — трагедий Софокла и особенно Эврипида; написанные простым языком, но избыточные искусственными приемами и потра-

сающими сценами в соответствии с нравами времени Нерона, они получили широкое признание во французском придворном обществе XVII в. Так, по образцам Сенеки Корнель написал «Медею», Расин — «Федру». Однако оба поэта широко использовали и греческие прообразы — «Медею» и «Ипполита» Эврипида. Прямо из его репертуара Расин взял сюжеты «Андромахи» и «Ифигении в Авлиде», а его «Фиваида, или Братья-враги» ведет нас к первоисточнику — к трагедии Эврипида «Финикиянки». Некоторые трагедии написаны на сюжеты из римской истории. Таковы «Гораций» Корнеля, драматизирующий рассказ из первой книги «Истории» Т. Ливия, «Софонисба», «Серторий», «Помпей» — из истории республики, «Цинна», «Тит и Береника» и «Полиевкт» — из времен империи. Точно так же и Расин пользовался историческими сюжетами в трагедиях «Александр», «Британник», «Береника», «Митридат». А сюжет комедии «Сутяги» он взял из «Ос» Аристофана.

Можно было бы назвать еще много произведений на античные сюжеты у разных писателей XVII в. Но и названные достаточно говорят об интересе современников к античным сюжетам. Конечно, не надо при этом забывать, что герои, выводимые поэтами этого времени под античными именами, мало похожи на свои античные прототипы, и под обликом древности кроются типичные нравы и воззрения современников Людовика XIV. Позднее, в конце XVIII и в XIX в. этих «классиков» жестоко клеймили, обвиняя их в ложном классицизме (Лессинг, Белинский и другие). Однако такое обвинение было явно несправедливым, так как в действительности эти поэты выполняли естественную функцию, отражая свою эпоху, и, конечно, нельзя требовать, чтобы античная мифология для них была такой же почвой, как для греков классической древности.

В творчестве Мольера весьма сильно влияние римской комедии. Его известная комедия «Скупой» есть свободная переработка «Горшечной комедии» Плавта, причем полностью сохранены две особенно забавные сцены — обращение героя к зрителям с просьбой помочь в отыскании похищенного сокровища и затем взаимное непонимание при встрече с обольстителем дочери. Еще одну явную переделку из Плавта мы имеем в комедии «Амфитрион», а «Проделки Скапена» являются вольной переработкой «Формиона» Теренция.

Басни Лафонтена (1621—1695) в большей своей части повторяют темы так называемых «Эсоповых басен» римского поэта I в. н. э. Федра, а его роман «Психея» (ср. «Душень-

ку» Богдановича) разрабатывает древнюю сказку о любви Амура и Психеи, известную нам по роману «Метаморфозы» («Золотой осел») римского писателя II в. н. э. Апулея. Этот роман Апулея нашел самый широкий отклик среди французских романистов XVII—XVIII вв. (ср., например, «Жиль-Блаз» Лесажа, 1668—1747). Знаменитый морально-политический роман Фенелона (1651—1715) «Приключения Телемаха» на тему первых четырех песен «Одиссеи» нашел широкий отклик в Европе и, в частности, в России в виде известной «Тилемахиды» В. К. Тредиаковского. «Характеры» Ля-Брюйера (1645—1696), классификация человеческих типов, есть явное подражание сочинению под таким же названием греческого ученого конца IV и начала III в. до н. э. Феофраста. Можно было назвать еще много имен ученых того времени, посвятивших себя изучению классической древности, как Монфокон, дю Канж и другие. Аббат д'Обиньяк (умер в 1676 г.) в «Диссертации об Илиаде» впервые высказал сомнение в реальности авторства единого Гомера.

У Главным идеологом «классического» направления сделался Буало, который в своем «Поэтическом искусстве» (*L'art poétique*) изложил принципы новой поэзии. Это сочинение, сделавшееся на долгое время каноническим во всей Европе, является в основном подражанием «Науке поэзии» (*Art poétique*) или, точнее, «Посланию к Писонам» Горация и напоминает его уже своим заглавием, а многие мысли заимствует из «Поэтики» Аристотеля и некоторых других античных писателей. Правда, некоторые положения Аристотеля были неправильно поняты, как, например, известное учение о трех единствах в драме. Но эти поэтические законы господствовали в европейской литературе в течение более сотни лет.

Однако к концу XVII в. относится и новое течение, имевшее отчасти национальное значение: именно, у некоторых писателей явилось стремление противопоставить древности современность, чуждому — свое собственное. Выражением новых настроений был оживленный «спор древних и новых». Возражения против увлечения древностью шли с точки зрения изысканных вкусов, установившихся при дворе Людовика XIV. Мнение о «грубости» древних было высказано Демаре в 1657 г. в предисловии к его трагедии «Хлодвик» и подхвачено братьями Перро, Фонтенелем, Мальбраншем и другими. Они находили даже, что современный ученый и напыщенный адвокат Леметр (1608—1658) превосходит Демосфена, Паскаль — Платона, Буало — Горация и Ювена-

ла, модный десятитомный роман мадемуазель де Сюдери «Кир», в котором древность встречается рядом с современностью, превосходит «Илиаду». Дело дошло до того, что А. Гудар де ля Мотт в 1714 г. издал в своем переводе «исправленную» «Илиаду» Гомера, сократив ее наполовину. Однако все подобные попытки модернизации не могли заглушить здорового влияния античной культуры, и сами оказались вскоре совершенно забытыми.

Античное влияние получило широкое распространение и в Англии, и сквозь смуты религиозных войн оно нашло яркое выражение в творчестве крупнейшего английского поэта Джона Мильтона (1608—1674), в котором дыхание Возрождения сливалось с настроениями пуританской реформации. Участник революции 1640—1660 гг., особенную известность он приобрел своей поэмой «Потерянный и возвращенный рай», в которой библейские темы трактуются в антиклерикальном духе с сильной античной окраской. Образ Сатаны, которому явно симпатизирует поэт, представлен похожим на Прометея с его богоборческими чертами. В еще большей степени это сходство видно в трагедии «Самсон-борец», которая даже по внешнему виду соблюдает формы греческой трагедии вследствие участия в ней хора. Также и другие произведения Мильтона, частью написанные на латинском языке, содержат многие черты античной культуры (см. Р. М. Самарин. Творчество Джона Мильтона. Изд-во МГУ, 1964). Отметим еще деятельность выдающегося филолога Ричарда Бентли (1662—1742), труды которого о Горации и о языке Гомера сохраняют значение до сих пор.

В то время как на Западе так широко разливалась культура гуманизма и Возрождения, русское государство не оставалось чуждым этому движению. Однако ему приходилось выдерживать натиск и восточных, и западных соседей — татар с востока, немецких и шведских рыцарей с запада, польско-литовской шляхты с юго-запада. Наконец, объединение Руси вокруг Москвы создало некоторую материальную обеспеченность и прочность, которые дали возможность отразить польскую интервенцию в 1613 г., а вместе с тем заняться делом внутреннего благоустройства и поднятия культуры. А поскольку и на Западе степень образованности измерялась прежде всего осведомленностью в античной культуре и знанием греческого и латинского языков, освоение этих предметов становилось и у нас первоочередной задачей. Это усугублялось еще тем, что политика польских соседей направлялась в значительной степени католическим духовенством, которое

строило планы идеологического подчинения России через введение католицизма и с этой целью опутало юго-западные области сетью монастырских, по преимуществу иезуитских, школ, коллегий и «братств». Просвещенным русским деятелям становилось ясно, что бороться против этого наступления можно только тем же оружием, то есть созданием у нас подобных же школ.

Вместе с тем возникал и другой весьма существенный по тому времени вопрос. Расширение умственного кругозора и углубление познаний в области языков стало вскрывать неточности и ошибки в переводах церковных книг. Епифаний Славинецкий писал: «Грех великий есть нам и укоризна и бесчестие от иностранных народов, яко не имамы библии добре переведенныя». Нужда в образованных и опытных переводчиках привела к созданию особой специальности «справщиков», каковыми, например, были Арсений Глухой и Антоний Крылов, прекрасно владевшие греческим языком. Много помогали в этом греческие эмигранты. Но нужны были и школы для подготовки необходимых кадров. С другой стороны, все более развивались дипломатические отношения с зарубежными странами. Уже Борис Годунов посылал молодых людей в Германию и Англию для изучения языков. Главным международным языком был в это время латинский язык. Основными центрами подготовки переводчиков у нас сделались Посольский приказ, Московский Печатный двор и Чудов монастырь (в Кремле).

Присоединение Украины к Московскому царству в 1654 г. сыграло большую роль, ускорив процесс распространения научных знаний, так как культурный подъем начался прежде всего в южных и юго-западных областях и оттуда передавался в центральные части Руси. Уже в XVI в. в целях борьбы против наступления «латинской ереси», то есть католицизма, князь Константин Острожский открыл в городе Остроге школу, где заведено было преподавание не только славянского, но и греческого и латинского языков. Затем надо особо отметить просветительскую деятельность киевского митрополита Петра Могилы (1598—1647), который в 1631 г. основал Киево-Могилянский коллегium, преобразованный вскоре в Академию. Для преподавания в ней были собраны все наличные научные силы, в том числе и некоторые из греков. Тут началась деятельность первых наших ученых-филологов. Таков, например, Епифаний Славинецкий (умер в 1676 г.) — «муж многоучен (аще кто ин таков во времени сем), не токмо грамматики и риторики, но и философии и самая феологии

известный бысть испытатель и искуснейший рассудитель и опасный претолковник едлинского, латинского, славенского и польского диалектов» — так характеризовал его один из современников. «Опасным» он оказался вследствие того, что смело открывал ошибки, бывшие в прежних переводах священного писания. В своих сочинениях он обнаруживает весьма широкие познания в области античной литературы. Но особенно важной заслугой Славинецкого было составление двух словарей «Греко-славено-латинского» и «Филологического», то есть вернее — богословско-философского. Первый из них мог уже наводить мысль на сравнительное изучение языков. Второй несколько походил на энциклопедический словарь.

Из этого же круга вышел Мелетий Смотрицкий (1577—1633) — известный составитель «Грамматики», которая потом три раза переиздавалась, по которой учился Ломоносов. У него мы находим первую попытку приспособить для наших условий латинскую грамматику Доната и найти подходящую терминологию для передачи греческих грамматических терминов. Интересно, что в своей грамматике он делает опыты перенесения в наше стихосложение форм античного метрического, квантитативного (основанного не на ударениях, а на количестве слогов) стихосложения, именно строф алкеевской, сапфической и т. п. Нечего говорить, что этот опыт оказался совершенно неудачным, так как автор хотел навязать русскому языку такие свойства, которых в нем не было. Но это достаточно показывает степень увлечения Смотрицкого античной литературой.

Прибавим к сказанному, что Славинецкий, Смотрицкий и многие их соратники выступали и как проповедники; поэтому они искали образцов в произведениях античных ораторов, тщательно изучали сочинения по теории ораторского искусства, в том числе особенно «Риторику» Аристотеля и «Образование оратора» Квинтилиана (конец I в. н. э.) и теоретические сочинения Цицерона. Так появился и у нас ряд руководств под названием «риторик», а самый предмет был введен в школьное преподавание.

Главный представитель поэзии XVII в. Симеон Полоцкий (1629—1680) в своих «виршах», то есть стихах (лат. *versus*), очень часто обращается к темам античной литературы и мифологии, приводит исторические анекдоты и изречения знаменитых деятелей античного мира. В своей библиотеке он имел большое количество сочинений античных писателей в подлинниках, а отчасти в польских переводах.

Такой интерес к античному миру вскоре обнаружился и в Москве. Уже в 1634 г. патриархом Филаретом была учреждена греко-латинская школа, где под наблюдением грека Арсения обучали мальчиков греческому и латинскому языкам. Из ревнителей образования в эту пору в Москве необходимо в первую очередь назвать патриарха Никона (1605—1681), который именно как человек, владевший языками, предпринял исправление книг и церковную реформу. Он обладал большой библиотекой греческих рукописных книг. По его распоряжению один из «справщиков» Арсений Суханов был послан на Афон и привез оттуда до 500 или даже до 700 греческих рукописей, среди которых были произведения Гомера, Гесиода, Эсхила, Софокла, Демосфена, Плутарха и других. Этому примеру следовали и другие. А в 1649 г. боярин Ф. М. Ртищев (1625—1673) устроил в Москве школу при Андреевском монастыре. Преподавателями сюда были приглашены из Киева Е. Славинецкий, Арсений Сатановский и Дамаскин Птицкий, а позднее еще греки Арсений и Дионисий, им же поручено было перевести Библию с греческого языка.

Образование, в котором чувствовалась настоятельная нужда, представлялось не иначе, как в знакомстве с античной культурой и классическими языками. Для удовлетворения этой потребности в 1649 г. при Чудовом монастыре в Кремле открыта была Славяно-Греко-Латинская школа, которая в 1668 г. была преобразована в Славяно-Греко-Латинскую Академию и просуществовала до 1814 г. В истории русского образования она сыграла очень большую роль как предшественница Московского университета. В ней получили образование такие деятели, как А. Д. Кантемир, В. К. Третьяковский, В. И. Баженов (архитектор, строитель старого здания библиотеки имени В. И. Ленина), М. В. Ломоносов и другие. Только после основания Университета Академия сузила свои задачи, сделавшись профессионально духовным учебным заведением, а до этого круг преподавания был по своему времени достаточно широк, включал не только богословские предметы, но и языки, литературу, философию, отчасти даже естественные науки. Основой же образования считалось знание древних языков, а преподавание велось на латинском языке.

Между тем и Симеон Полоцкий переселился в Москву и при Спасском монастыре стал обучать «латынцам» подьячих приказа тайных дел. Ему же поручено было обучение будущего царя Федора Алексеевича и царевны Софьи. А в

ученики Академии принимались молодые люди разного общественного положения, и наука, таким образом, не оставалась в узких пределах высшего круга, а получала все более широкое распространение.

XVIII в. в истории Европы считается веком «Просвещения». Это — время, когда стали шататься устои феодального строя и назревала буржуазная революция. Выдвигавшееся третье сословие несло новые взгляды на мир и с особым интересом оглядывалось на историческое прошлое. Мы уже ранее указывали (гл. I), как оно в прославленных образах античной истории искало подтверждения и оправдания своего собственного положения. Античная героиня получила новую жизнь.

Ш. Л. Монтескье (1689—1755) в своем сочинении «О духе законов» явно руководствовался трактатом Цицерона «О законах» и основывал свои рассуждения на примерах римской истории. Он пользовался политическими теориями Аристотеля, Цицерона, историей Т. Ливия и других. Его сочинение «Размышления о величии и упадке римлян» проводит моралистическую точку зрения в духе Саллюстия и Тацита.

Теория «естественного права», блестяще развитая в сочинениях Ж.-Ж. Руссо (1712—1778), повторяет идеи греческих софистов V в. до н. э., многократно упоминаемые Цицероном, Сенекой и другими. Знаменитое сочинение Руссо «Об общественном договоре» опять-таки развивает учение некоторых мыслителей конца V и начала IV в. до н. э. Сам он в своей «Исповеди», написанной по образцу «Исповеди» Августина, рассказывает, как в юности зачитывался «Жизнеописаниями» Плутарха.

Ф. М. Вольтер (1694—1778), знаменитый просветитель и борец против религиозной нетерпимости, в своей литературной деятельности продолжал традиции французского классицизма и писал трагедии с античными сюжетами. Таковы его трагедии «Брут», где представлен мифический основатель римской республики, «Смерть Юлия Цезаря», «Эдип», «Орест», «Меропа». В исторической поэме «Генриада» он подражал «Энеиде» Вергилия. В романах «Кандид», «Задиг», «Микромегас» и других он пользовался формами античного романа. По едкости критики религиозных представлений Энгельс сблизил с ним греческого сатирика II в. н. э. Лукиана¹³.

¹³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 469.

Французские материалисты XVIII в. Гельвеций, Ламетри, Гольбах, Дидро и другие были продолжателями античного материализма Демокрита (конец V и начало IV в. до н. э.) и Эпикура (конец IV и начало III в. до н. э.), учение которых изложено в поэме римского поэта Лукреция (начало I в. до н. э.), и оставались еще на уровне механистического материализма. Дени Дидро (1713—1784), один из главных создателей «Энциклопедии», был весьма разносторонним ученым и в своих многочисленных трудах, особенно по вопросам искусства и театра, часто ссылаясь на Гомера, Платона, Демосфена, Эврипида, Вергилия, Горация, а Теренцию и Сенеку посвятил специальные статьи.

Античное влияние с большой силой продолжалось в годы Великой французской буржуазной революции. Французский классицизм получил в эту пору новое направление. Известный поэт Андре Шенье (1762—1794) провозглашал такой лозунг: «Чтобы изобразить нашу идею, позаимствуем у древних краски, зажжем наши факелы у их политического огня и создадим на новые мысли античные стихи». Подобным образом знаменитый художник и член Конвента Давид (1748—1825), автор картин «Клятва Горациев», «Брут», «Андромаха» и других, по словам одного из его современников, старался «по манере греков и римлян посредством статуй и картин возбуждать любовь к отечеству и героизм»¹⁴. Характерно признание, что античные формы берутся как средство для выражения запросов современности.

Первый в своем роде образец «археологического» романа дал аббат Бартелеми (1716—1795) в своем «Путешествии Анахарсиса». Сюжет этого романа взят из диалога Лукиана (II в. н. э.) «Анахарсис» и из беглых упоминаний об этом лице в истории Геродота. Автор с точки зрения скифского путешественника описывает весьма обстоятельно и живо быт и нравы, религию, философию, искусство древней Греции. Исключительный успех этого сочинения свидетельствует о том, как велик был в то время интерес к античному миру.

Германия в начале XVIII в., с трудом залечивавшая страшные опустошения Тридцатилетней войны, подпала под сильное влияние блестящей культуры французского классицизма. Против уродливостей этого направления пришлось вести упорную борьбу Г. Э. Лессингу (1729—1781). Большой знаток классических языков и античной литературы, он в

¹⁴ И. И. Винкельман. Избранные произведения и письма. «Academia», М.—Л., 1935, стр. 76 (вступительная статья Б. Пшебышевского).

статьях «Гамбургской драматургии» разоблачал ложность господствовавшего в это время в немецком театре рабского подражания французским авторам и со своей стороны разъяснял художественную ценность подлинных произведений греческих и римских писателей, причем особое внимание уделил трактату Аристотеля «Поэтика». Свои мысли он развивал и в другом замечательном сочинении «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии», где рассматривал основные принципы художественного творчества, исходя из сопоставления замечательной античной мраморной группы и описания гибели Лаокоона в «Энеиде» Вергилия (II, 40—227).

Не ограничиваясь теоретическими рассуждениями, Лессинг дал и образцы творческого использования античного наследия. Он переделал под названием «Клад» комедию Плавта «Трехгрошевый день» (*Trinummus*), а в замечательной трагедии «Эмилия Галотти» переработал рассказ историка Т. Ливия (III, 44—48) о том, как в 449 г. до н. э. римский гражданин Вергиний собственноручно убил свою дочь, чтобы спасти ее от бесчестия со стороны могущественного дедомвира Аппия Клавдия. Этот сюжет Лессинг перенес в обстановку позднего средневековья.

Полный поворот во взглядах на литературу и искусство был произведен И. И. Винкельманом (1717—1768). Это был глубокий знаток античной культуры, тонкий филолог, тщательно исследовавший тексты писателей и внимательно изучавший античное искусство по подлинным образцам. В своем обстоятельном труде «История искусства древности»¹⁵ он сопоставлял показания античных писателей с сохранившимися памятниками искусства. Он впервые открыл между ними историческую последовательность и попытался показать историю стилей, связывая ее с развитием культуры. Его по праву считают основателем наук археологии и истории искусства. Правда, он в своем увлечении видел задачу искусства в воспроизведении «прекрасной природы», а абсолютный идеал красоты — в греческом искусстве. Это было заблуждением, так как не учитывалась историческая обусловленность каждого явления и канонизировалась косность и неподвижность. Однако такой взгляд развивали затем и И. Кант, и Г. В. Ф. Гегель.

Важное место в литературном движении в Германии в XVIII и начале XIX в. занимает И. Г. Гердер (1744—1803),

¹⁵ См. И. И. Винкельман. История искусства древности (русск. пер.). «Искусство», М., 1933.

не только поэт, но и весьма разносторонний ученый, который был руководителем Гёте и Шиллера и оказал сильное влияние на воззрения романтиков, положил основы сравнительного изучения языков, литератур и религий. Увлеченный теорией Руссо, прославлявшего первобытное состояние человечества, он первый обратил внимание на необходимость изучения народного творчества. В сборнике «Голоса народов» он опубликовал в своих переводах песни самых разнообразных народов — и европейских, и азиатских, и африканских, древних и новых, в том числе и греческих. В связи с этим он установил новый взгляд на Гомера, как на народного певца («Опыт истории поэзии», 1765 г.). Эта мысль была чрезвычайно плодотворной и вызвала самые широкие отклики не только в Германии, но и за ее пределами; например, в Англии напечатаны сборник песен Перси, «Песни Оссиана», изданные Макферсоном, который переводил и Гомера, наконец книга Р. Вуда «Об оригинальном гении Гомера» (1769).

Гердеру принадлежит также драматическая поэма «Освобожденный Прометей», являющаяся попыткой на новый лад реконструировать недошедшую до нас часть трилогии Эсхила.

✓ Глубокий интерес к античной литературе виден у всех выдающихся немецких поэтов конца XVIII и начала XIX в., таких, как Клопшток, Виланд, Тикк, Новалис и другие. Но особенно это выступает в творчестве Гёте и Шиллера.

Гёте (1749—1832) в юности принадлежал к кружку так называемых «бурных гениев» и выразил революционные настроения своего круга в «Прометее». Одним из любимых его созданий была «Ифигения», являющаяся по сюжету переделкой «Ифигении в Тавриде» Эврипида, а по трактовке главного образа примыкающая к его же «Ифигении в Авлиде». В старости он еще раз обратился к теме Прометея в «Пандоре». К античным темам поэт много раз возвращался в своем художественном творчестве (например, образ Елены в «Фаусте»). Много его интересных суждений сохранилось в «Беседах с Эккерманом». Интересны и некоторые его статьи, как «О Лаокооне», «О Винкельмане», «Послесловие к Аристотелю» и т. п.

Шиллер (1759—1805) в юношеской трагедии «Разбойники» (1781) устами своего героя Карла Моора по примеру Руссо прославляет героев «Жизнеописаний» Плутарха: «О, как мне становится гадок этот чернильный век, когда я читаю в моем (курсив наш.— С. Р.) Плутархе о великих

людях» (Действие I, сцена 2). Как характерно это выражение: «в моем Плутархе!»

Шиллер перевел с греческого языка «Ифигению в Авлиде» и «Финикиянок» Эврипида. В предисловии к «Мессинской невесте» он говорит о влиянии на него трагедии Софокла «Царь Эдип». Думая о возрождении форм античной трагедии, он в «Мессинской невесте» ввел даже хор. По построению сюжета эта трагедия напоминает центральную сцену «Финикиянок» Эврипида, а по подзаголовку «Враждующие братья» — трагедию Расина «Фиваида, или Братья-враги», где представлен тот же сюжет, что и у Эврипида — мать Иокаста пытается примирить своих враждующих сыновей. Неправильно поняв «Царя Эдипа» как трагедию рока, Шиллер придал такой характер и своей трагедии, открыв целое направление в немецкой литературе, известное под названием «трагедии рока».

Многие стихотворения Шиллера, такие, как «Боги Греции», «Торжество победителей», «Элевсинский праздник», «Ивиковы журавли», «Перстень Поликрата» и другие, свидетельствуют о глубоком увлечении поэта античным миром. Однако в его понимании явно преобладает оттенок сентиментальности и крайней идеализации.

Прибавим ко всему сказанному, что конец XVIII и начало XIX в. в Германии были временем большого подъема науки об античном мире и началом деятельности многих выдающихся ученых-филологов. К этому времени относится новая постановка гомеровского вопроса.

Одновременно и в Англии вызвали большой интерес вопросы античной культуры. Д. Н. Г. Байрон (1788—1824) побывал во многих местах Греции и память об этом запечатлел в поэме «Чайльд Гарольд», оплакивая печальную участь Греции под турецким игом. О могучем влиянии образа Прометея он говорит в стихотворении «Прометей», а его собственные создания «Манфред», «Каин» и другие являются живыми показателями этого влияния. Но самым замечательным было то, что он в своем увлечении греческим миром принял активное участие в борьбе за освобождение Греции, собрал отряд добровольцев и умер в Миссолунгах в 1824 г., немного не дождавшись освобождения Греции.

Друг Байрона П. Б. Шелли (1792—1822) в драматической поэме «Освобожденный Прометей» представил этого героя как принявшего на себя страдания в борьбе за счастье человечества. Свое увлечение Платоном Шелли выразил в поэме «Эпипсихидион». В лирической драме «Эллада», написанной

в виде подражания «Персам» Эсхила, он призывал к борьбе за независимость Греции. В предисловии к этому произведению автор писал: «Мы все — греки. Наши законы, наша литература, наша религия, наши искусства имеют свои корни в Греции»¹⁶. С томом Софокла в кармане он и погиб при катастрофе на море.

Другой поэт того же времени Джон Китс (1795—1821) в поэме «Эндимион» возродил античный миф о любви Артемиды к этому красавцу. Точно так же в «Гиперионе» и многих лирических стихотворениях он обращался к античным мифам.

Ряд выдающихся ученых филологов дополняет наше представление об интересе к античной культуре в Англии — Маркленд, Порсон, Эльмсли и другие.

В России XVIII в. также был отмечен отзвуками античной культуры. Сам царь Петр Великий при всем практическом направлении его деятельности уделял внимание и общеобразовательным вопросам. Так, по его приказанию русский посол в Италии Юрий Кологривов в 1718 г. купил в Риме и на особом «каретном станке на пружинах» доставил в Петербург великолепную статую Афродиты, которая потом долгое время украшала Таврический дворец и поэтому получила прозвище «Таврической» (теперь в Эрмитаже). При Петре же положено начало собиранию редкостей, произведений искусства, рукописей и монет. Для хранения их была учреждена в 1714 г. Кунсткамера.

Любопытно, что одним из первых русских изданий, напечатанных в 1700 г. в Амстердаме, была книга «Притчи Есоповы на латинском и русском языке... совокупно же Брань жаб и мышей, Гомером древле описана со изрядными в обоих книгах лицами и с толкованием». За ней последовали «История разорения града Трои» — перевод итальянской обработки этого сюжета и «О делах содеянных Александра Великого, царя Македонского» Квинта Курция — обе в 1709 г., а затем еще другие.

Среди сподвижников Петра одно из первых мест принадлежит Феофану Прокоповичу (1681—1736). Воспитанник Киево-Могилянской академии и коллегии св. Афанасия в Риме, он был весьма разносторонне образованным человеком, латинским языком владел настолько хорошо, что говорил на нем и писал стихи. В своих руководствах по поэтике и риторике, написанных на латинском языке, он ссылаясь на образцы Гомера, Плавта, Вергилия, Горация,

¹⁶ П. Б. Шелли. Собр. соч. в 3-х томах, т. 2. СПб., 1907, стр. 116.

Овидия и других. В поэтических воззрениях он руководствовался учениями Аристотеля, а в публичных выступлениях он часто пользовался образами из античной литературы. Интересно при этом, что он требовал не рабского и не внешнего подражания античным образцам, а усвоения их внутреннего смысла. Он составил себе громадную библиотеку, насчитывавшую до 30 тысяч томов. Это был передовой человек, горячий сторонник преобразования, собиравший вокруг себя прогрессивных современников.

Его соперником был Стефан Яворский (1658—1722), тоже воспитанник Киево-Могилянской академии, человек высоко образованный, но противник реформ Петра. Его курсом риторики, написанным на латинском языке, впоследствии пользовался Ломоносов.

Наибольший интерес для нас в эту эпоху представляют А. Д. Кантемир и В. К. Тредиаковский.

А. Д. Кантемир (1708—1744) известен у нас главным образом как поэт-сатирик и как политический деятель, выступавший против олигархии верховников в 1729 г. и проживавший потом с 1732 по 1744 г. в почетной ссылке в качестве резидента в Лондоне и Париже. В своих сатирах он по образцам Ювенала, Горация, Феофраста, Буало, Лабрюйера и других бичевал современную русскую действительность. Но во время заграничного пребывания он занялся переводами, например, 55 стихотворений Анакреонта, 22 стихотворных посланий Горация и «Историй» Юстина. Важность переводов Кантемира видна особенно в том, что он не довольствовался передачей общего смысла переводимого текста, а вникал в детали подлинника и в толкования ученых. В этом виден интерес подлинного филолога.

В. К. Тредиаковский (1703—1769) был воспитанником Славяно-Греко-Латинской академии, а завершал свое образование в Париже, где усвоил последние достижения в области классических языков и литературы. По возвращении на родину он был зачислен в штат переводчиков при Академии наук (основана в 1725 г.), а в 1745 г. получил звание профессора русской и латинской элоквенции. Помимо ряда торжественных од и оригинальных стихотворений по преимуществу на античные темы он написал много исследовательских работ литературоведческого содержания, как «Рассуждение об оде вообще», «Предызъяснение об ироической пииме» (героической поэме). Особенно важное значение имеет «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определением до сего надлежащих знаний», впослед-

ствии переработанный под названием «Способ к сложению российских стихов». В этом исследовании автор исходил из норм античной метрики, основанной на количественном принципе античного стихосложения, то есть на сочетаниях кратких и долгих слогов, и показал неприменимость такой системы к русским стихам. Изучив свойства ритмов русской народной песни, он положил начало нашему тоническому стихосложению. Правда, Третьяковский не довел свою мысль до конца, ограничившись лишь некоторыми формами тонического стихосложения, и завершить это дело удалось лишь Ломоносову. Но бесспорной заслугой Третьяковского было изобретение русского дактилотрохейческого гексаметра, который он применил в известной поэме «Телемахида».

✓ Эта поэма является стихотворной переработкой политико-нравоучительного романа Фенелона (1651—1715) «Приключения Телемаха, сына Улисса» где развивается сюжет первых четырех песен «Одиссеи» Гомера. Но Третьяковский своему изложению старался придать черты гомеровской поэзии, внося целые стихи непосредственно из Гомера, а отчасти из Вергилия и Овидия. Он первый попытался создать и типичные для эпической поэзии украшающие эпитеты, вроде «медоточивый», «многоструйный», «громогласный» и т. п., которые потом вошли в арсенал и русской поэзии. Хотя часто эта поэма подвергалась осмеянию, Радищев, Пушкин и Дельвиг писали о ее важном значении и отмечали в ней немало удачных стихов.

Третьяковскому принадлежит немалая заслуга в приобретении читающей публики к знакомству с историей античного мира переводом трудов французского ученого Роллена (1661—1741) «Древняя история» в 10 томах, его же «Римской истории» в 16 томах и переводом произведения его ученика Кревье «История римских императоров» в 4 томах. В общем это была целая энциклопедия античного мира, основа классических знаний русских писателей конца XVIII и начала XIX в.

Третьяковскому же принадлежат и опыты сопоставления языков. Правда, много тут было ошибочного, как производство слов *Германия* от *Холмания*, *Каледония* от *Хладония*, *амазонки* от *омужены* и т. п. Но есть и удачные сопоставления, как *пять* — *πέντε*, *quinque*, *fünf*; *вино* — *vinum*, *οἶνος*, *дар* — *δῶρον*, *мерить* — *metiri*, *messen* и т. п. Это уже была предыстория науки сравнительно языкознания.

На новую прочную основу поставил филологическую науку М. В. Ломоносов (1711—1765). Воспитанник Славяно-

Греко-Латинской академии, он завершал образование в Германии, в Марбурге под руководством Хр. Вольфа. Он настолько хорошо владел латинским языком, что свободно говорил и писал на нем, и многие его исследования написаны по-латыни, а на русский переведены лишь в советское время. На этом языке как на международном он переписывался с иностранцами.

Среди многочисленных работ по всем научным специальностям Ломоносову принадлежит немалое число исследований и в области языка и литературы. Здесь прежде всего следует назвать его «Российскую грамматику» (1755), в которой он продолжил и развил дело М. Смотрицкого, подкрепив его основательным знанием не только русского, но особенно латинского и греческого языков. Это дало основание впоследствии выдающемуся ученому Ф. И. Буслаеву говорить об этой работе: «Уже первая русская грамматика оказалась грамматикой сравнительной, поскольку это возможно было в те времена, когда не знали ни санскрита, ни отношения к нему языков индоевропейских»¹⁷. Некоторые явления русского языка Ломоносов объяснял параллелями из греческого и латинского. Другое сочинение «Риторика» (1748), первоначально набросанное на латинском языке, основано главным образом на сочинениях Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана и других. Важное значение имеет то, что ученый включил в это сочинение в виде особого раздела «Поэзию». Таким образом, была положена основа того, что теперь принято называть теорией литературы. К этим двум важным трудам, много раз переиздававшимся впоследствии, близка статья «О пользе книг церковных в российском языке» (1757). Говоря о происхождении русского литературного языка, Ломоносов, естественно, касается и влияния на него греческого языка. «Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова сколь высоко почитаются, — писал он, — о том довольно свидетельствуют словесных наук любители. На нем, кроме древних Гомеров, Пиндаров, Демосфенов и других в эллинском языке героев, витийствовали великие христианския церкви учителя и творцы». Церковнославянский язык, по мнению Ломоносова, был посредником «к приятию греческих красот» в русский язык. А на таком изучении состава русского языка построена его теория трех «штилей». Интересно и то, как характеризовал он всемирное значение

¹⁷ Ф. И. Буслаев. Ломоносов как грамматик. См. сб. «Празднование столетней годовщины Ломоносова 4 апреля 1765—1865 гг. Московским университетом 11 апреля 1865 г.». М., 1865, стр. 72.

античной литературы. «Счастливы греки и римляне, — писал он в этой статье, — перед всеми древними европейскими народами, ибо, хотя их владения разрушились и языки из общенародного употребления вышли, однако из самых развалин, сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках слышен голос писателей, проповедующих дела своих героев...»

Вполне естественно, что эти и другие свои сочинения Ломоносов богато иллюстрировал цитатами из произведений выдающихся античных авторов — Гомера, Анакреонта, Геродота, Демосфена, Лукреция, Теренция, Вергилия, Горация, Овидия и многих других, в собственных переводах. В «Оде на восшествие на престол Елизаветы» (1747) есть место, являющееся стихотворным переложением отрывка из речи Цицерона «За поэта Архия» (16) — 62 г. до н. э. Это знаменитое

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут и т. д.

Современный исследователь отметил даже, что в «Письме о пользе стекла» (1752) упоминание мифа о Прометее имеет в виду жизненную трагедию самого Ломоносова¹⁸. Да и теория тонического стихосложения, разработанная им, как и у Третьяковского, исходит из противопоставления требований русского языка правилам античной метрики, о чем свидетельствует и сохраняющаяся до сих пор античная терминология.

Только такой универсальный гений, каким обладал Ломоносов, мог охватить все разнообразие научных знаний своего времени. Правильно Пушкин писал о нем: «Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом». И в соответствии со своим пониманием университетской науки Ломоносов внес в представленный им план изучение классических языков, античной истории, литературы, искусства и частного быта. Несмотря на некоторые отступления, происшедшие с течением времени, этот план сохраняется до сих пор в университетском преподавании.

В нашей литературе XVIII в. господствовало классическое направление. Так, А. П. Сумароков перевел IV Олимпийскую оду Пиндара и, изучая античные литературные теории, перевел отрывок из сочинения неизвестного автора I в. н. э. под

¹⁸ См. Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII в., изд. 4. Учпедгиз, М., 1960, стр. 165.

названием «О возвышенном», в подражание Горацию и Буало он написал «Эпистолу о стихотворстве», где изложил свои литературные взгляды. Затем надо иметь в виду М. М. Хераскова (1733—1807), который в своей «Россиаде» подражал «Энеиде» Вергилия и написал роман из римской истории «Нума Помпилий» и два романа на тему из греческой мифологии. Я. Б. Княжнин (1742—1791) написал трагедию «Дидона», И. Ф. Богданович (1743—1803) в «Душеньке» дал переделку античной сказки о любви Амура и Психеи, взяв эту тему из «Метаморфоз» Апулея (IV, 28.—VI, 24).

Главное место в кругу поэтов конца XVIII и начала XIX в. бесспорно принадлежит Г. Р. Державину (1743—1816), который проявлял самый живой интерес к античной литературе, как видно особенно из его перепевов поэзии Горация, например. «Памятник» и «Лебедь». Не зная греческого языка, он пользовался помощью большого знатока греческой литературы митрополита Евгения Болховитинова.

Большим почитателем античной культуры был А. Н. Радищев (1749—1802), который в знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву» высказывал вольнолюбивые мысли, опираясь на данные античной истории и на авторитет античных писателей, в том числе материалиста Лукреция, а Гомера и Вергилия относил к числу таких поэтов, которые «читаны будут, доколе не истребится род человеческий». В поэме «Песнь историческая» он бегло напоминает важнейшие события греческой и римской истории.

В Московском университете дело Ломоносова продолжали его ученики Н. Н. Поповский (1728—1760) и А. А. Барсов (1730—1791), которые среди разных предметов преподавания уделяли значительное место курсам по истории, истории литературы, философии и толкованию текстов античных писателей. Интересный случай произошел с одним из первых питомцев Московского университета Д. С. Аничковым. Когда он в 1769 г. представил диссертацию на тему «Рассуждение из натуральной богословии о начале и происшествии натурального богопочитания», то был обвинен в чрезмерном увлечении материализмом «пролетария между философами» Лукреция, и диссертация была сожжена. А несколько позже в 1826 г. на допросе декабристов, когда у арестованных допытывались, у кого они заимствовали свои революционные взгляды, назывались имена Тацита, Плутарха, Ювенала и других античных писателей, которые клеймили тираннию и прославляли свободу. Это показывает, как широко распространились у нас идеи античного мира.

Интерес к античной литературе подтверждается также обилием переводов античных авторов частью непосредственно с подлинников, частью с зарубежных переводов — французских, немецких, польских. Было издано большое количество учебников, частью оригинальных, например две грамматики Н. Н. Бантыш-Каменского, частью перепечаток иностранных ученых — Эрнести и других, а также и издания текстов классиков.

Среди многих сочинений античных писателей, которые привлекали к себе интерес в конце XVIII и в начале XIX в., особенно выделяются поэмы Гомера. Таковы переводы прозаические Петра Екимова — «Илиада» в двух частях (СПб., 1776—1778) и «Одиссея» также в двух частях (СПб., 1788), Петра Соколова (М., 1778) и И. И. Мартынова (1823—1828). Остается до сих пор ненапечатанным перевод обеих поэм профессора Д. Попова, хранящийся в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Известно, каким успехом пользовался первый стихотворный перевод шести песен «Илиады», созданный Е. И. Костровым в 1787 г.¹⁹ Его приветствовал восторженными стихами В. В. Капнист. Однако А. Н. Радищев высказал пожелание увидеть Гомера в более соответствующем ему виде — в гексаметрах («Путешествие», гл. «Тверь»). Это пожелание было осуществлено Н. И. Гнедичем в 1829 г.

В 1783 г. к составу русского государства было присоединено северное побережье Черного моря и в том числе Таврический полуостров (Крым) — места, где было расположено много греческих колоний, и тотчас же по почину наместника, князя Г. А. Потемкина, были сделаны первые шаги по обследованию этого края. К 1793 г. относится экспедиция академика П. С. Палласа, который интересовался не только естественными богатствами страны, но и археологическими древностями. Им были найдены и опубликованы некоторые греческие надписи, например постановление херсонесцев в честь византийского императора Зинона, правившего в 479—491 гг. Так начались исследования, которые с возрастающим успехом продолжают до сего времени.

Если в эпоху Возрождения мысль новых ученых была направлена прежде всего на соби́рание, прочтение и издание сочинений античных писателей, то в течение XVII и XVIII вв. ученые стали устанавливать критическое отношение к собранным материалам, приводить их в систему, делать обобщения.

¹⁹ См. А. Н. Егунов. Гомер в русских переводах XVIII—XIX вв. Изд-во АН СССР, М. — Л., 1964.

Так зарождались новые отрасли научных знаний. Мы отмечаем уже выше, что немецкий ученый Винкельман стал родоначальником археологии и истории искусства. Труды Джонаса, Гердера, Боппа, Фр. Шлегеля, Якоба Гримма в начале XIX в. создана наука сравнительно-исторического языкознания, или лингвистика. Б. Г. Нибуэр (1776—1831) установлением принципов исторической критики, проведенных главным образом на изучении римской истории и особенно «Истории» Тита Ливия, положил основание истории как науки. К этому же периоду надо отнести возникновение и науки филологии.

Первым, кто решился назвать себя филологом по призванию и по научной специальности, был в России В. К. Тредьяковский в известных словах его стихотворной подписи под своим портретом:

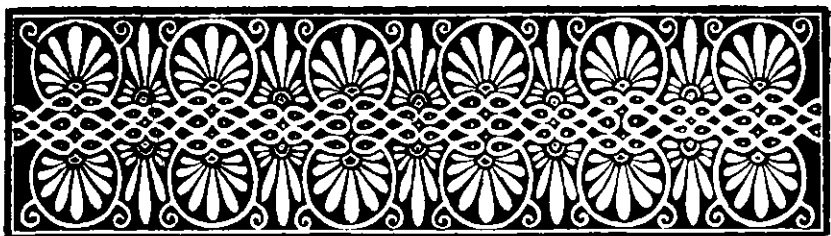
Он есть Тредьяковский, трудлюбивый филолог,
Как то уверяет с мерой и без меры слог.

В последних словах он хочет сказать, что писал и стихами («с мерой») и прозой («без меры»).

Обычно в науке принято считать основателем филологии немецкого ученого Фридриха Августа Вольфа (1759—1824), который 8 апреля 1777 г. при поступлении в университет в Геттингене определил свою специальность как *studiosus philologiae*. Ему же принадлежит и первая попытка дать научное определение сущности и объема классической филологии. Вот как слагалась постепенно наука филология.

Все наше предыдущее изложение могло бы быть значительно углублено и расширено, но оно имело целью лишь показать, как на основе античной культуры слагалась культура новых европейских народов. Этот беглый обзор показывает, как элементы античной культуры вошли естественно в плоть и кровь нашей современной культуры.

ГЛАВА IV

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ — НАУКА ОБ АНТИЧНОМ МИРЕ

Наше предыдущее изложение показало, как наследство античной культуры легло в основу всей европейской культуры. Поэтому вполне естественной стала необходимость тщательного изучения этого наследства, как материального, так и идеологического; возникла особая отрасль знания, охватывающая разные стороны античной жизни. Но, поскольку в исследовании античной жизни обнаружались принципы, имеющие общечеловеческое значение, наука об античном мире включает в себя черты, общие и для других мировых эпох и народов. Наука эта — филология в широком смысле слова.

Слово *филология* греческое. Но свое специальное значение научного термина это слово получило сравнительно поздно, лишь в пору расцвета античной науки, в период эллинизма, в III в. до н. э., а главным образом в новое время. У греков слово *philologia* (φιλολογία) имело двойное значение вследствие весьма обширного понятия второй части этого слова. В обыденном употреблении оно выражало «любовь к слову» (φιλέω «люблю» и λόγος «слово») и могло иметь смысл даже простой «словоохотливости». Философ Платон (IV в. до н. э.), например, передает, что среди греков афиняне пользовались репутацией любителей поговорить, как

народ «словоохотливый и разговорчивый» — φιλόλογος καὶ πολὺλόγος, в противоположность спартамцам, отличавшимся «немногословием» — βραχύλογοι («Законы», I, 11, р. 641 Е). Но в более специальном смысле слово *логос* могло выражать все понятия, которые передаются человеческим словом — рассказ, ораторская речь и даже мысль, которая словом выражается, и особенно высшая мысль или разум. Слово *логос* применяется в философии в качестве специального термина в смысле высшего мирового разума. Например, философ Гераклит называл *логосом* высшую закономерность мирового порядка¹. Школа стоиков, получившая большое распространение в поздние периоды античного мира, видела в *логосе* мировой разум, судьбу и, наконец, бога. По учению александрийского еврея Филона (на рубеже новой эры), которого Энгельс называл «отцом христианства»², *логос* есть божественный разум, который соединяет мир с богом³. Интересно, что греко-египетская философия I в. до н. э., считавшая своим основателем мифического Гермеса трижды величайшего, содержала учение о троичности божества — отца, сына и духа, причем бога-сына именовали *Логосом*. Это уже прямо подводит нас к источнику известных слов евангелия Иоанна: «Вначале было слово (*логос*), Слово было к богу и богом было Слово» (I, 1). Ясно, что корни христианства содержались уже в древней философии. Вместе с тем из приведенных примеров видно, какое широкое значение имело слово *логос*. А так как оно включало в себя всякое понятие знания, то вполне понятно, что им стали пользоваться для образования названий различных наук, как геология — наука о земле, биология — наука о жизни, зоология — наука о животных, психология — наука о «душе», физиология — наука о природе и деятельности живых организмов, антропология — наука о человеке и т. д.

Итак, филология — наука о слове. Но она имеет в виду не слово в узком смысле как ряд звуков, раздающихся из уст человека, а слово как выражение мысли человека, поскольку оно не отделимо от выражаемой им мысли. «Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее

¹ «История философии», т. I. Изд-во АН СССР, М., 1957, стр. 79.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19. Госполитиздат, М., 1951, стр. 307.

³ «История философии», т. I, стр. 157. Ср. С. Н. Трубецкой. Учение о Логосе и его история. Собр. соч., т. IV. М., 1906, стр. 12—13.

щее также и для меня самого, действительное сознание»⁴, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс. И как необъятна эта действительность, так необъятна и область действия человеческого слова: слово есть средство общения между людьми, и через него мы познаем мысли других людей. Особенно это приходится говорить о мыслях людей прошлого, раз только они в свое время были кем-нибудь записаны. Однако произведения слова крайне разнообразны по содержанию и часто имеют в виду специальные задачи. При современном развитии научных знаний никакой человек уже не в состоянии охватить всего их множества, и это требует ограничения круга работы каждого специалиста. В античном наследии мы имеем сочинения по медицине Гиппократ, Цельза, Галена и других, по математике — Эвклида, по механике — Архимеда, по ботанике — Теофраста, по строительному делу — Витрувия и т. д. Тем более это можно видеть в практике нового времени. Естественно, что работа филолога в таких случаях ограничивается или даже вовсе отпадает, уступая место специалистам в каждой из соответствующих областей.

Начало филологической науки относится еще к античной древности. Первые попытки выяснения вопроса о происхождении языка встречаются у историка Геродота в V в. до н. э. С середины того же века ученые, известные под именем софистов, положили начало грамматическим исследованиям — стали различать род имен, предмет и действие, правильность речи (орфоэпия), «подлинное значение слов» (этимология) и т. п. Наибольшего развития античная наука, а в том числе и филология, достигла в эпоху эллинизма, в III—I вв. до н. э. Главными научными центрами в эту пору стали Пергам в Малой Азии и Александрия в Египте, где местные цари, желая придать блеск своему правлению и оправдать его в глазах населения, старались показать себя покровителями просвещения и искусства, окружали себя целым штатом ученых, поэтов и художников. Так созданы были в Пергаме и в Александрии громаднейшие библиотеки, в которых тщательно собирались сочинения и современных, и прежних писателей. Многие ученые, так называемые грамматик, усердно занимались собиранием и изучением рукописей, объяснением их текстов и содержания, вопросами их принадлежности тому или другому писателю, выяснению особенностей языка, соби-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 29. Ср. А. А. Реформатский. Введение в языкознание. Учпедгиз, М., 1955, стр. 15; В. А. Звегинцев. Очерки по общему языкознанию. Изд-во МГУ, 1962, стр. 8.

ранием исторических, географических и биографических сведений, а также мифов и т. п. Так, от этого времени сохранилась, хотя, может быть, в сокращенном виде, грамматика Дионисия Фракийского, прообраз всех позднейших грамматик. В начале XX в. в Египте на папирусах найдены «Псаммит» («Исчисление песчинок») — математический труд и «Метод механических теорем» знаменитого физика и механика Архимеда (287—212 гг. до н. э.)⁵, «Элементы» — основы математики Эвклида (начало III в. до н. э.) и несколько сочинений по физике и механике Герона (II в. до н. э.), а также часть комментария Дидима (I в. до н. э.) к речам оратора Демосфена (384—322 гг. до н. э.). Однако большинство работ этого времени утрачено, и о них мы знаем главным образом по «схолиям», то есть комментариям, позднейших ученых к текстам разных писателей.

В Александрии в III в. до н. э. был создан «Музей», то есть храм муз, где ученым были предоставлены все условия для плодотворной научной работы. Вот тут и получила начало филологическая наука. Большую известность приобрели своими трудами над текстом поэм Гомера Зенодот и Аристарх в III в. до н. э. и Дидим в конце I в. до н. э. Первым ученым, который назвал себя «филологом», был Эратосфен, поэт, грамматик, то есть литературовед, он же математик, географ, историк и хронограф, живший в конце III и начале II в. до н. э. Такое представление о филологии, как о какой-то всеобъемлющей науке, надолго закрепились в обществе.

В I в. до н. э. начался научный подъем и в Риме. В 47 г. Юлий Цезарь основал публичную библиотеку и заведование ей поручил Варрону (116—27 гг. до н. э.), плодовитейшему писателю и весьма разностороннему ученому-энциклопедисту. Позднее было образовано немало и других библиотек; среди них отметим основанную Октавианом в 28 г. до н. э. Палатинскую библиотеку. В числе сочинений Варрона был огромный труд «Древности божеских и человеческих дел», который нам известен в передаче других писателей, и сохранившиеся трактаты «О сельском хозяйстве» и «О латинском языке», другие труды языковедческого и литературоведческого содержания, в том числе два специальных исследования о творчестве комического поэта Плавта (ок. 250—184 гг. до н. э.), к сожалению, не сохранились, но оказали сильное влияние на позднейшую науку.

⁵ Архимед. Сочинения (пер. И. Н. Веселовского). Физматгиз, М., 1962.

Представление о филологии, как всеобъемлющей науке, сохранялось до конца античного мира. Это находим, например, в аллегорическом сочинении писателя V в. н. э. Марциана Капеллы «О свадьбе Меркурия и Филологии и о семи свободных искусствах» (подробнее см. в гл. XVIII). На этой основе в средневековых школах установилась система преподавания «семи свободных искусств» — *septem artes liberales*. Но средневековая система обучения выродилась, как известно, в «схоластику», то есть в слепое следование сложившимся в «школе» (*schola*) порядкам и учениями, не допускала свободной мысли. Возрождение, как мы уже говорили, началось с открытия и освоения гуманных, передовых идей античного мира. Но это не могло наступить сразу. На первых порах дело сводилось к собиранию произведений древности, к прочтению и публикации найденного материала, для чего прежде всего требовалось изучение древних языков, затем — к составлению грамматик и словарей. За этим возникла необходимость более тщательного выбора древних рукописей и уяснения их содержания. Так постепенно к началу XVIII в. накопился и материал, и вместе с тем опыт работы. Развитие наук требовало более точной их дифференциации, а также ограничения круга специальности, без чего уже становилось невозможным серьезное и глубокое исследование каждого отдельного предмета изучения. Наступило время, когда европейские народы стали осознавать свою национальную самобытность и стали интересоваться своей собственной культурой, языком, искусством и литературой. Методы, которые были выработаны при изучении античного мира, могли быть применены и к культуре других народов. Область филологии разделилась по национальному признаку: появились филологии германская, романская, славянская, индийская и т. д. За филологией, посвященной античному миру, закрепилось название «классической», как образцовой. Ведь и в литературах новых народов лучшие представители именуются «классиками» — в Германии Гёте и Шиллер, в России Пушкин, Гоголь, Тургенев, Горький и другие.

Латинское название «классический» — *classicus* произведено от слова *класс* — *classis*. Так назывались подразделения римских граждан по имущественному цензу, установленному, по преданию, царем Сервием Туллием. А так как этой системой все преимуществва предоставлялись гражданам первого класса, то слово *classis* в обыденной речи даже без дальнейшего определения стало употребляться в смысле первого класса (Геллий, VI, 13, 3), а его производное

classicus получило значение «первоклассный», то есть самый лучший. После всего вышесказанного становится понятным, почему такое определение утвердилось именно за наукой об античном мире. Ведь по образцу «классической филологии» создались другие виды филологии.

Первым дал классической филологии научное определение и объяснение немецкий ученый Фридрих Август Вольф (1759—1824) — тот самый, который, еще будучи студентом, назвал себя studiosus philologiae, а затем получил всемирную известность постановкой гомеровского вопроса в своем сочинении «Предисловие к Гомеру» (*Prolegomena ad Homerum*, 1795). Свою точку зрения он изложил в специальном труде «*Darstellung der Altertumswissenschaft*» (1807)⁶, где предмет филологии определил как всестороннее изучение культуры античного мира — «совокупность сведений и известий, которые знакомят нас с деяниями и судьбами, с политическим, научным и домашним положением греков и римлян, с их культурой, языками, искусством и науками, с нравами, религиями, национальным характером и образом мысли — все это так, чтобы мы имели возможность дошедшие до нас их произведения основательно понимать и наслаждаться ими, проникая в их содержание и дух, представляя себе древнюю жизнь и сравнивая ее с позднейшей и сегодняшней». Такое понимание Вольф развивал затем в «Лекциях об энциклопедии филологии», изданных после его смерти в 1830 г. Его многочисленные научные работы служат подтверждением широкого взгляда ученого на сущность классической филологии. Обращает на себя внимание то, что под филологией он разумел только науку об античном мире.

Тонкое и оригинальное объяснение сущности филологии в целом, а не отдельной отрасли наук, так называемых «гуманитарных» или *Humaniora* («человечных»), дал младший современник и ученик Вольфа Август Бёк (1785—1867) в своем университетском курсе «Энциклопедия и методология филологических наук», который был издан уже после смерти автора⁷. Бёк обратил серьезное внимание на важность изучения древних надписей как подлинного и документального свидетельства античной жизни и первый составил «Свод» открытых в его время греческих надписей — «*Corpus inscriptionum*

⁶ См. Ф. Вольф. Очерк науки древности (пер. И. В. Помяловского). СПб., 1877.

⁷ См. А. Бёк. Энциклопедия и методология филологических наук (на русск. яз. в изложении П. И. Аландского). «Киевские университетские известия», 1878, № 8—12.

пут *græcagum*» (1824—1862); ему же принадлежит важнейшее исследование хозяйственной жизни Афин «Государственное хозяйство афинян» («Die Staatshaushaltung der Athener») в двух томах (Берлин, 1817, изд. 3, 1886), основанное не только на литературных источниках, но и на документальном материале надписей. С его точки зрения филология есть «познание познанного» — Erkenntnis des Erkannten. Он затем поясняет свою мысль: это есть «исторически научное познание всей вообще деятельности, всей жизни и работы какого-нибудь определенного народа в какой-нибудь более или менее ограниченный промежуток времени». Этими словами Бёк хотел выразить ту мысль, что всякая филологическая работа имеет дело с познанием мыслей других людей, которые уже ранее продумали вопрос и изложили свои взгляды на него. Филолог стремится уяснить себе и как бы повторить мысли своего предшественника. Таким образом он может иметь дело с предметами других наук, но в тех специальных науках эти предметы познаются по их основной задаче, для филолога же они представляют интерес как памятники определенной эпохи, в них его интересует творческое сознание.

После Бёка многие ученые, как западные, так и русские, давали свои определения сущности и предмета классической филологии. Основная мысль этих определений имела двойное направление: одни сужали круг дисциплин классической филологии, ограничивая его главным образом вопросами языка и примыкающими к ним вопросами стилистики, текстологии, интерпретации (истолкование), критики, метрики (стихосложение) и т. п. — такова школа Г. Германа (1777—1848); другие вслед за К. О. Мюллером (1797—1840) понимали сущность нашей науки в широком плане, включая в нее не только средства познания античного мира, как тексты, языки и т. п., но и содержание—литературу, философию, искусство, историю, политическую, общественную и частную жизнь и т. д. Первое из этих направлений можно характеризовать как формальное, второе — как реальное. Первое, естественно, сомкнулось со школой языковедов, второе склонилось в сторону исторических и литературоведческих исследований. Однако ясно, что одностороннее предпочтение какой-либо стороны перед другой ограничивает кругозор и вредно отражается на результатах исследования. Поэтому заслуживают особенного внимания суждения тех ученых, которые умели совместить преимущества обоих направлений.

Видный немецкий ученый Т. Бирт в специальном рассмотрении методов классической филологии писал: «Филология

есть охват (Erfassen) всего того, что было когда-то в области человеческой культуры; она есть реконструкция былых человеческих культур. В этом смысле мы говорим и о науке древности, но правильнее было бы ее назвать исследованием древности (Altertumsforschung)»⁸. Приведем также мнение знаменитого знатока и исследователя римской истории Т. Моммзена (1817—1903): «Филология есть история и история есть филология». Эта мысль еще более развита другим ученым конца XIX и начала XX в. Г. Узенером.

Немецкий ученый Г. Узенер обратил внимание на крупные достижения исторической науки и археологии, показавшие, что в настоящее время уже нельзя научно рассматривать жизнь ни одного народа в отрыве от жизни других и без учета их взаимовлияния. В соответствии с этим он высказал мысль о теснейшей связи филологии с историей и истории с филологией. «Таким образом филология,— писал он,— есть метод исторической науки, притом метод основополагающий, служащий мерилom. Ведь только она при своем знании языковой формы обладает последним речательством за правильное понимание переданного материала»⁹. «Ее (филологии. — С. Р.) задача,— писал он далее,— распространяется на всю ширь и глубину человеческого, прежде всего духовного существования»¹⁰. Таким образом, с этой точки зрения филология и история являются двумя сторонами одного и того же предмета. Несомненно, надо отметить прогрессивность такого исторического подхода к научному вопросу. Такое понимание было повторено русским специалистом Ф. Ф. Зелинским. «Филология — это обращенная к памятникам история, история — обращенная к общим законам развития сторона историко-филологической науки»,¹¹ — так определял этот ученый сущность нашей науки.

Типичной чертой всех этих определений, сделанных буржуазными учеными, является идеалистический подход к предмету, обращение к метафизическому принципу «духа» и т. п., и притом у двух последних пропадает разграничение между историей и филологией. Все ученые этого направления согласно указывают, как на отличительный признак работы

⁸ Th. Birt. Kritik und Hermeneutik nebst Abriss des antiken Buchwesens. Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft, Bd. I, 3 Abt. München, 1913, S. 4.

⁹ H. Usener. Philologie und Geschichtswissenschaft. «Vorträge und Aufsätze». Leipzig—Berlin, 1907, S. 26.

¹⁰ Ibid., S. 27.

¹¹ «Новый энциклопедический словарь», изд. Брокгауза и Ефрона, полутом 70. М., 1900, стр. 811—816.

филолога, на то, что она строится на изучении первоисточников, основывается всецело на показаниях текстов, и потому всестороннее исследование текстов является основой филологического знания. Упомянутый выше Г. Узенер образно объяснил этот основной принцип работы филолога сравнением с силой мифического героя Антея, который в борьбе с Гераклом (Геркулесом) не мог с ним равняться, но, когда падал на землю, свою мать, от соприкосновения с ней получал новую и еще большую силу. «Филологу, исследователю истории, — писал он, — каждое погружение в точное слово источников приносит новое и дальнейшее познание»¹². Тексты составляют основу для филологического знания; гипотеза, как бы ни была она хороша, не может заменить точного, документально подтвержденного знания.

Мысль, чувства и настроения человека другой эпохи — не только античного мира, но даже и близкой к нам эпохи — мы можем постигать только через посредство записанного слова. Надо возмечь любовь к слову, надо стать в подлинном смысле филологом, чтобы через изучение слова дойти до мыслей и чувствований другого человека. Слово, как великое орудие мысли и общения между людьми, а вместе с тем и как средство познания чужой мысли, — это основной материал для филолога и отправной пункт для всех его исследований.

Чтобы охарактеризовать значение филологии, необходимо представить себе место ее среди других наук. Видный буржуазный ученый-философ В. М. Вундт (1832—1920), основатель направления экспериментальной психологии, создавший свою теорию происхождения языка из импульсивных движений, пытался дать классификацию наук и разделял их на две группы — науки о материальном мире и науки о духе, причем к последней категории относил филологию. Эта точка зрения в России была принята Ф. Ф. Зелинским. Нетрудно увидеть ее несостоятельность, так как в основу положен чисто идеалистический дуализм — материи и духа.

Для того чтобы правильно ответить на поставленный нами вопрос, необходимо обратиться к основному положению марксистско-ленинского учения. В замечательном месте своей книги «К критике политической экономии» Маркс развивает мысль о производительных силах и возникающих на

¹² H. Usener. Philologie und Geschichtswissenschaft, S. 28.

В научной литературе велись даже споры о том, кому же более подобает заниматься историей античного мира — историкам или классикам. См. В. П. Бузескул. Исторические этюды. СПб., 1911, стр. 26—27.

их базисе производственных отношениях, являющихся как бы надстройкой. «Способ производства материальной жизни,— писал он,— обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»¹³. Тут мы находим противопоставление сознания общественному бытию людей. Однако между тем и другим нет противоречия, поскольку сознание само есть продукт бытия; с другой стороны, и сознание может оказывать действие на экономический базис. Так же переплетаются между собой и научные отрасли, оказывая влияние взаимно одни на другие. И все-таки можно установить между ними два направления — одно идет в сторону изучения природы и материального мира, другое — в сторону общественной деятельности человека. «Человек по природе — существо политическое», — писал еще греческий философ Аристотель («Политика», I, 1, 9). В. И. Ленин писал: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»¹⁴. Итак, к этой категории общественных наук принадлежит филология, а язык, средство общения между людьми, не будучи связан ни с базисом, ни с надстройкой, является выразителем мыслей.

Из общественных наук филология выделяется тем, что предметом своим имеет язык во всех его проявлениях, в живой, разговорной и особенно письменной речи, которая одна дает возможность узнавать мысли и формы речи не только великих мастеров слова, но и простых людей прошлого, их нравы и мировоззрение, а тем более живую речь современников. Из всех разделов филологии, определяющихся по национальному признаку, особое место принадлежит классической филологии, которая занимается специально культурой древних греков и римлян, ограничивая таким образом свой предмет лишь хронологическими рамками существования античного рабовладельческого общества. Однако и этот период достаточно велик, так как он охватывает не только почти полуторатысячелетний срок от времен Гомера до конца V в. н. э., но присоединяет еще по крайней мере два тысячелетия, которые стали в недавнее время нам известны не только по вещественным памятникам, но и по письменным материалам.

Хотя некоторые ученые имели склонность ограничивать круг ведения классической филологии областью языка и ли-

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 7.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 10, стр. 30.

тературы, мы держимся наиболее принятого понимания предмета во всей его широте, в согласии с рядом выдающихся представителей русской науки, как В. И. Модестов, Ф. Г. Мищенко, Ф. Ф. Зелинский, М. М. Покровский и другие, и зарубежных, как Г. Узенер, Э. Роде, У. Виламовиц-Меллендорф, Дж. Э. Сендис, Р. Джебб, бр. А и М. Круазе, А. Герке, Дж. Томсон и многие другие.

Попробуем теперь конкретно представить весь цикл дисциплин, составляющих классическую филологию, как он нашел выражение в руководящих изданиях, например, в многотомном «Руководстве классической науки о древности» — «*Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft*» и других, меньшего масштаба энциклопедиях¹⁵. В кругу дисциплин, входящих в состав классической филологии, мы можем наметить два раздела — дисциплины основные и дисциплины вспомогательные и дополнительные. К числу основных мы относим: изучение языков со всеми необходимыми в этом деле средствами, как грамматика нормативная и историческая вместе с историей обоих классических языков и диалектологией, изучение всего содержания античной культуры — именно, истории политической, социальной и экономической, истории литературы обоих народов, искусства, философии и эстетических учений, религии и мифологии, бытовой обстановки античной жизни, так называемых «древностей» — государственных, правовых, военных, культовых, театральных и частных, то есть домашне-бытовых. К отряду вспомогательных дисциплин мы относим: археологию, которая занимается отысканием и объяснением вещественных остатков античной жизни — и целых городов, и отдельных построек, и предметов общественной и частной жизни; палеографию, имеющую своим предметом изучение письменности и книжного дела у древних и прочтение древних рукописей, писанных главным образом на пергаменте; папирологию, занимающуюся специально текстами на папирусах; эпиграфику, то есть науку о надписях, сохранившихся на каменных (мраморных) или бронзовых плитах; нумизматику — науку о древних монетах и монетном деле; географию стран античного мира, наконец, метрику, посвященную вопросам стихосложения в связи с данными античной музыки. Ряд дисциплин имеет большое методологическое значение. Это критика высшая, имеющая в виду установление подлинности или подложности сохранившихся литературных памятников, критика низшая,

¹⁵ Перечень см. выше, в предисловии.

ставящая себе задачей установление и по мере возможности восстановление правильного текста древних авторов на основании имеющихся у нас рукописей, наконец, герменевтика, или интерпретация, то есть истолкование читаемых текстов. Дополнением ко всем перечисленным дисциплинам может служить перевод сочинений древних авторов, основанный на всестороннем истолковании текста.

Прибавим ко всему этому, что, конечно, важным вспомогательным средством в нашей науке должно быть изучение современных живых языков — новогреческого и итальянского и других романских языков, которые являются потомками древних, классических языков и содержат много остатков древних элементов, что представляет неоценимое значение в истории языков. Такое же значение имеет и знакомство с позднейшей литературой греков и римлян — с византийской и так называемой «латинской» литературой, то есть средневековой литературой, писавшейся на латинском языке. Наконец, большую помощь при изучении античной культуры может иметь знакомство с современной географией обеих стран.

Применяя эти общие положения о сущности культуры (см. выше, стр. 7) к тому периоду всемирной истории, который принято называть античным, классическая филология в нашем понимании охватывает все проявления культурной жизни античных народов за исключением тех, которые по своим особым свойствам составляют предмет специальных наук (математика, физика, техника, медицина и т. п.).

Мы дали беглый обзор научных дисциплин, включаемых в круг ведения классической филологии, — обзор материала и научных средств к овладению им. В дальнейшем мы постараемся показать, какие практические результаты представляются нам в познании богатого наследства античной культуры.

ГЛАВА V

КЛАССИЧЕСКИЕ ЯЗЫКИ И МЕТОДЫ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Первым и самым необходимым элементом предмета классической филологии является изучение классических языков, то есть древних греческого и латинского. Без знания их невозможно действительное понимание античной культуры, а тем более научное исследование в какой бы то ни было ее области, и глубоко ошибаются те люди, которые думают, что для такой цели вполне достаточно пользоваться готовыми переводами. Научный кругозор человека, который полагается лишь на готовые переводы, не учитывает того, что далеко не все дошедшие в письменном виде материалы имеются в переводах не только на русском, но и на других современных языках, тем более что из года в год наша наука обогащается новыми открытиями. Стоит только представить себе, сколько чрезвычайно важных памятников принесли нам начиная с конца XIX в. египетские папирусы («Афинская полития» Аристотеля, сборник стихотворений Бакхилида, бытовые сценки Геронда и другие), а в 1958 г. была впервые опубликована единственная целиком сохранившаяся комедия Менандра («Ворчун»), а собрание подлинных античных документов в виде надписей греческих и латинских насчитывает в настоящее время более двухсот тысяч номеров и продолжает еще пополняться.

Кроме того, надо помнить, что для научного исследования необходимо исходить из рассмотрения подлинного текста во всем его смысловом и художественном своеобразии, которое трудно, а иногда и вовсе не поддается передаче на другой язык. Вспомним только исключительное богатство образов, сравнений и «украшающих» эпитетов у Гомера, из которых некоторые требуют сами пояснений и переводятся лишь условно, как «волоокая» Гера, «совоокая» или, может быть, «светлоокая» Афина, «далекокользящий» Аполлон, «сыплющая стрелы» или, может быть, «радующаяся стрелам» Артемиды и т. д. В языке Гомера и трагика Эсхила наблюдается склонность вводить слова, образованные соединением двух-трех корней или имеющие две-три приставки, которые придают слову многообразные оттенки — в переводах все это обычно стирается и упрощается, отчего пропадает сочность оригинала.

Важность изучения языков выходит далеко за пределы их общего языковедческого значения. Правильно было сказано одним из русских поэтов — П. А. Вяземским:

Язык есть исповедь народа:
В нем светится его природа,
Его душа и быт родной¹.

Это положение вполне применимо и к древним языкам. Художественные свойства греческого народа видны и в его языке, который отличается изумительным богатством лексики и свободой синтаксиса. Большое количество слов, означающих море, и эпитетов моря, особенно у Гомера, воспроизводящих разные его состояния, — глубокое, беспредельное, многошумное, рыбообильное, соленое, седое, багряное и т. д., многочисленные образы из жизни, связанной с морем, как мореплавание, картины бури, рыболовство и т. п., — все это — принадлежность народа, постоянно имеющего перед глазами море. Большую роль в языке Гомера играют образы из спортивных состязаний, получивших у него, как известно, самое широкое распространение. Наоборот, у римлян, народа более сурового и строгого, синтаксис поражает своей строгостью и логической последовательностью, а речь, даже разговорная, например в комедиях Плавта, изобилует словами и образами из политической и судебно-юридической практики. Это видно даже в любовной поэзии Овидия. Уже Гораций в своей «Науке поэзии» (323—332) отмечал практическую складку ума даже у римских школьников.

¹ П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. XI. СПб., 1887, стр. 192.

Правильно, хотя несколько односторонне, характеризовал римский народ В. Г. Белинский. В статье «Сочинения Державина» он писал: «...римляне имели своего ... Гомера в лице Тита Ливия, которого история есть национальная поэма, и по содержанию, и по духу, и по самой риторической форме своей»². Действительно, римское право, выработавшееся постепенно в течение всей истории Рима, было собрано в «Свод римского гражданского права» по распоряжению византийского императора Юстиниана в VI в. н. э. и послужило основой законодательства новых народов. Строжайшая точность формулировок и охват мельчайших подробностей и возможностей в взаимоотношениях между людьми типично для римского народа, а поэт Вергилий, идеолог руководящих кругов времени Августа, в «Энеиде», противопоставляя римлян грекам, такими словами определял мировую задачу римского народа:

Ты же, о римлянин, помни — державно народами править;
В том твои будут искусства, вводить чтоб обычаи мира,
Милость покорным давать и войною обуздывать гордых.
(«Энеида», VI, 847—853).

Сознание политической мощи, тонкая наблюдательность и острое юридическое чутье — все это наложило отпечаток и на язык римлян.

Выше мы указывали, какое историческое значение имели классические языки в культуре нового времени. Но, помимо этого, они представляют весьма большой интерес и с точки зрения общего языкознания. Древнегреческий язык, являющийся прародителем современного греческого языка, засвидетельствован письменными памятниками начиная с II тысячелетия до н. э., и это дает нам редкий пример истории языка почти за четырехтысячелетний период. Латинский язык, хотя и не имеет столь длинной истории, является отцом целого ряда современных языков: испанского, французского, румынского с разными их разновидностями, которые все по своему происхождению называются романскими. Имея в своем распоряжении такой огромный материал, мы получаем прочную основу для понимания всего процесса развития языков — роста языка от примитивных форм до высшего совершенства и растворения в формах современных языков, постепенного изменения фонетики, лексики и морфологии, перехода от

² В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI. Изд-во АН СССР, М., 1954, стр. 613.

принципов развитой морфологии синтетического строя к комбинированным формам аналитического строя.

Язык — продукт общественной жизни, но в то же время он является выражением мыслей и отдельных индивидуумов, и в соответствии с этим изучение языка ведется в этих двух планах: языка народного в разных его проявлениях — разговорного языка повседневной жизни, включая сюда и простонародный, так называемый «вульгарный», а с другой стороны, языка литературного, более изысканного, в котором можно различить традиции определенных литературных жанров и индивидуальные свойства отдельных писателей; наконец, в языке народа мы должны различать и особенности местных говоров и наречий — диалектов. В общем все это дает большое разнообразие форм и словесного состава — лексики, отвечающей умственному кругозору говорящих.

Помимо указанных различий, нам необходимо постоянно иметь в виду, что язык, и в первую очередь народный язык, находится в непрерывном движении, создавая по мере изменений в жизни народа новые слова или заимствуя у других народов, или отбрасывая старые, а попутно изменяя и формы речи. В сущности, не бывает такого момента, когда бы язык останавливался в своем развитии. Поэтому основательное изучение языка требует рассмотрения его в плане исторического развития. Систематическое изучение языка во всех его проявлениях составляет предмет грамматики; на практике же из соображений педагогических мы отличаем от научной и потому необходимо исторической грамматики грамматику описательную и до некоторой степени нормативную, которая излагает явления языка как известного рода норму в пору его высшего развития по лучшим его образцам. В греческой литературе это язык аттических писателей V и IV вв. до н. э. — Ксенофонта, Платона, Лисия, Исократы, Демосфена, Фукидида, Аристофана, Менандра и других. Исходя из этой нормы, учащиеся получают возможность начать изучение стилевых и диалектных особенностей языка других писателей — Гомера, трагических поэтов (Эсхил, Софокл и Эврипид), лирических поэтов, буколических (Феокрит), Геродота и позднейших писателей и т. д.

Подобным образом описательная грамматика латинского языка за основу берет язык римских писателей I в. до н. э. и начала I в. н. э. — Цицерона, Юлия Цезаря, Лукреция, Катутлла, Саллюстия, Вергилия, Горация, Овидия, Ливия и других. Уже древние ученые особенно выделяли из этого периода время правления Октавиана Августа, называя это время

«золотым веком». Исходя из норм языка этих писателей, будет практически удобно рассматривать особенности языка более ранних писателей — Плавта и Теренция и более поздних — Сенеки, Петрония, Апулея и т. п.

Из сказанного видно, что описательная, или нормативная, грамматика составляет лишь часть общей исторической грамматики. В дальнейшем мы еще будем останавливать внимание и на важности специального изучения языка отдельных писателей. В этом отношении большой интерес будут привлекать особенности стиля, то есть своеобразной манеры каждого из них.

Греческий и латинский языки принадлежат к группе так называемых индоевропейских языков наряду с индийским, кельтскими, германскими, славянскими и некоторыми другими, поскольку все они происходят от общего источника, единого праязыка, или языка-основы. Все они характеризуются общностью корней основного словарного фонда, измененных в соответствии с требованиями данного языка, и сходством форм словоизменения. Приведем некоторые примеры:

старослав.	греч.	лат.	др.-инд.	немецк.
мати (род. п. матери)	μάτηρ (μήτηρ)	mater	mata(r)	Mutter
брат (отец)	φράτηρ πατήρ	frater pater	bhrata(r) pita(r)	Bruder Vater
дышти (дочь)	θυγάτηρ			Tochter
тур	ταῦρος	taurus		
овьца	ὄϊς (из ὄφης)	ovis	avis	
свинья	σῦς	sus		Schwein
орати (пахать)	ἀροῦν	arare		
беру	φέρω	fero (в значении «несу»)	bharami	

А вот образец спряжения вспомогательного глагола *быти*, (ср. греч. ἔφυν, лат. fui), у которого настоящее время образуется от корня *es*, теряющего в некоторых формах гласный звук, а в древнеиндийском имеющего вид *as*:

старослав.	греч.	лат.	др.-инд.
есмь	εἰμι (из εἶμι)	sum	asmi
еси	εἶ (из εἶσι)	es	asi
есть	ἐστί	est	asti
есмъ	ἐσμεν	sumus	smaś
есте	εἶστε	estis	stha
суть (с Жть)	εἶσι (из ἐντι)	sunt	santi

Систематическая последовательность таких совпадений, конечно, не может объясняться случайностью и дает достаточное основание говорить о родстве этих языков.

По свойствам своей морфологии оба классических языка принадлежат к категории языков синтетических, то есть таких, в которых грамматические и смысловые отношения выражаются внутренними изменениями самих слов в противоположность языкам аналитическим, в которых грамматические формы образуются комбинацией ряда служебных слов. Это значит, что в первых одна падежная или глагольная форма дает в предложении определенное смысловое значение, что само уже предполагает наличие развитой системы склонения и спряжения. Правда, имеющиеся у нас тексты свидетельствуют уже об утрате некоторыми языками древнейших форм, причем эти формы слились с другими или перенесли свое смысловое значение на другие формы. Это явление бросается в глаза при рассмотрении их синтаксического употребления, которое в грамматиках обычно и отмечается специальной терминологией. Так, в некоторых формах мы находим пережиточные воспоминания о древнем местном падеже (*locativus*), родительный падеж (*genitivus*) обозначает не только имя отца, но и принадлежность (*possessivus*) и отделение (*separativus*); *ablativus* употребляется не только в прямом значении падежа отложительного, но и в значении творительного или орудийного (*instrumentalis*). В греческом языке сохранилось очень четкое различие видов прошедшего времени — прошедшее несовершенное, длительное (*imperfectum*), прошедшее совершенное, означающее одновременно закончившееся действие, — аорист и прошедшее законченное, но продолжающее сохранять значение в виде результата действия. Эти формы принято называть *perfectum*. Значение аориста имела соответствующая форма в старославянском языке, например: *рех*, *видех*, *писах*, *приидох*. В латинском *perfectum* слились значения аориста и перфекта. В русском языке эти различия в значении ясно выражаются в глагольных видах, в других европейских языках этих различий нет, и потому иностранцы так затрудняются в понимании разницы между выражениями: *я говорил* и *я сказал*, *я скажу* и *я буду говорить* и т. п.

Правда, в греческом языке уже встречаются некоторые формы, образованные аналитическим способом, например, в *perfectum* и *plusquamperfectum medii — passivi* или в поэтическом языке даже *οτιςσας εχει* (Софокл, «Царь Эдип», 697), *ηρωξας εχω* (Софокл, «Антигона», 192), а в латинском языке

такие образования являются постоянными в *perfectum* и *plusquamperfectum passivi*. Уже в языке Саллюстия встречается выражение: *conscientia de culpa* «сознание вины» («Катилина», 35, 2), то есть выражение с предлогом вместо простого родительного падежа.

В позднем латинском языке в начале средних веков стала наблюдаться явная склонность к упрощению типов склонения и выражению падежных форм с помощью предлогов, особенно *ad* и *de*, например, *terra ad illo homine*, «земля того человека», *aliquid de pecunia*, «сколько-нибудь денег»³. Так затем в романских языках утратились падежные окончания, остались только признаки множественного числа, а значение падежей получили сочетания предлогов с артиклем. Так, в итальянском языке из лат. *civitas* «государство», «город» получилось *città*, во фр. *cit * (ср. англ. *city*), род. пад. *della citt *, *de la cit *, из лат. *tabula* в ит. дат. пад. *alla tavola*, во фр. *  la table* и т. д. Формы будущего времени в итальянском и во французском языках образуются присоединением настоящего времени вспомогательного глагола *иметь*, ит. *avere*, фр. *avoir*; *canter , je chanterai* «я буду петь» и т. п.

Аналогичные явления наблюдаются и в современном греческом языке по сравнению с древним⁴. Так, из древнего склонения удержались только три или даже две падежные формы и форма множественного числа, зато расширилось употребление предлогов для обозначения отношений между предметами. Характерно образование будущего времени с помощью частицы $\theta\acute{\alpha}$, получившейся из древнего глагола $\theta\acute{\epsilon}\lambda\omega$ «хочу»: $\theta\acute{\alpha}$ $\lambda\acute{\epsilon}\gamma\omega$, $\theta\acute{\alpha}$ $\lambda\acute{\epsilon}\xi\omega$, ср. в английском *I will speak*. А формы конъюнктива образуются прибавлением к индикативным формам частицы $v\acute{\alpha}$. Прибавим ко всему этому, что, если латинский язык в средние века, становясь в своем просторечии — в так называемой «вульгарной латыни» — основой романских языков, в то же время в литературной речи старался держаться форм классической латыни, то в современном греческом языке разговорная речь, димотик , обособилась от искусственной ученой речи, старающейся воспроизводить формы классического языка — это так называемая «кафаревуса», то есть «чистый» язык.

Ни один язык не имеет полного единообразия в фонетике, лексике, морфологии и т. п., а включает много местных гово-

³ См. Э. Бурсье. Основы романского языкознания (русс. пер.). ИЛ, М., 1952, стр. 90, 210 и 440.

⁴ См. А. А. Иоаннидис. Новогреческо-русский словарь. ГИС, М., 1950 (приложение А. А. Белецкого).

ров и наречий—диалектов, соответствующих племенным различиям. Этими вопросами занимается специальная отрасль грамматики — диалектология.

На заре греческой истории греческий народ не составлял единого целого, а распадался на ряд племен, говоривших каждое на своем наречии, но достаточно понимавших друг друга и сознававших свое родство. «Образование различных диалектов у греков, скученных на сравнительно небольшой территории, — писал Энгельс, — получило меньшее развитие, чем в обширных американских лесах; однако и здесь мы видим, что лишь племена с одинаковым основным наречием объединяются в более крупное целое, и даже в маленькой Аттике мы встречаем особый диалект, который впоследствии стал господствующим в качестве общего языка для всей греческой прозы»⁵. Так мелкие местные говоры объединялись в наречия — диалекты.

Древнегреческие ученые различали три основных диалекта: эолийский, на котором говорили жители северо-западной части Малой Азии и островов северной части Эгейского моря (самый большой из них — Лесбос), ионийский, распространенный на островах средней части Эгейского моря и в средней части западного побережья Малой Азии, в области, которая называлась Ионией, — из него обособился в виде самостоятельной ветви аттический диалект, сыгравший исключительно важную роль в истории греческой литературы, как наречие граждан афинского государства, создателя высших культурных ценностей, и, наконец, дорийский диалект — наречие жителей южных областей Греции, главным образом Пелопоннеса, островов Крита и Сицилии, а также колоний южной Италии и т. д. Эолийский диалект, являющийся остатком древнего ахейского, имеет отличительный признак — отсутствие в начале слов густого придыхания, передвижение ударения дальше от конца, переход долгого [o:] закрытого в о, ряд особенностей в окончаниях и т. д. Типичной чертой ионийского диалекта является изменение индоевропейского [a:] долгого открытого в [e:] долгое — η, кратко [ə] закрытого в оу, долгого [o:] закрытого в ευ, переход заднебного глухого в сочетании с иотом в σσ и т. д. Аттический диалект отступил от ионийского, из которого возник, в том, что восстановил индоевропейское [a:] долгое в положении после ε, ι, и ρ, двойное τ и т. д. Дорийский диалект характеризуется сохранением индоевропейского долгого [a:], заменой закрытого долго-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21. Госполитиздат, М., 1955. стр. 104.

го [о:] открытым, выражаемым через ω, сохранением окончания υτι в 3-м лице множественного числа — ἔχοντι и т. п. Показательным примером может быть название *музы* на разных диалектах: на ионийском и аттическом *μουσα*, на эолийском *μουσα*, на дорийском *μῶσα*.

По письменным памятникам, сохранившимся, главным образом, в надписях, современные ученые устанавливают такое различие наречий: ионийско-аттическая группа, ахейская, объединяющая в себе аркадскую, кипрскую и шамфилийскую ветви, северо-восточная, включающая говоры северо-западного берега Малой Азии, острова Лесбоса, западного побережья Фессалии и говоры Беотии, западная, к которой принадлежат дорийские наречия Локриды, Фокиды, Этолии, Пелопоннеса — в том числе Элиды и Лаконики, острова Сицилии и юга Италии.

Естественно, что эти диалектные, как и племенные, различия отражаются и на литературных памятниках. Но, конечно, язык литературы, как мы покажем ниже, отличается от разговорного языка простых людей, и об этом последнем мы получаем представление, главным образом, по надписям и частично по комедиям и письмам, сохранившимся в папирусах и других документах.

Древнейшие греческие надписи, частично прочитанные только в 1953 г., носят черты аркадско-кипрского диалекта. Однако содержание их весьма ограничено, в чтении еще остается много спорного⁶. Таким образом, первыми более или менее точно известными памятниками греческого языка для нас являются поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея», относящиеся приблизительно к IX—VIII вв. до н. э. Основной фон в их языке составляет ионийский диалект, но он пересыпан значительным количеством «эолизмов», что может быть объяснено или унаследованием более ранних форм эолийской песенной традиции, или влиянием говора соседей. Язык этот замечателен своим фонетическим, лексическим и морфологическим богатством, а поскольку поэзия Гомера имела глубокое национальное значение в истории греческого народа, язык его оказал сильнейшее влияние на всю греческую литературу. Однако этот язык не был обыденным разговорным языком, а искусственным, поэтическим, возникшим в результате длительной работы многих поколений певцов-аэдов⁷.

Более поздние формы ионийского диалекта дают произве-

⁶ См. С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. Изд-во АН СССР, М. — Л., 1957, стр. 10—11.

⁷ К. Me i s t e r. Die homerische Kunstsprache. Leipzig, 1921.

дения «элегиков» и «ямбографов» (по преимуществу, сатириков) VII и VI вв. до н. э. и песни Анакреонта VI в. до н. э., а затем исторический труд Геродота и медицинские сочинения Гиппократова V в. до н. э.

Своеобразной чертой древнегреческой литературы было то, что раз выработанные литературные формы становились традиционными и закреплялись за определенным жанром. Вследствие этого даже в поздние времена эпические произведения и элегии писались на ионийском диалекте. Произведения торжественной лирики Пиндара и Бакхилида (несмотря даже на то, что последний был по происхождению ионец с острова Кеоса) писались на дорийском диалекте. Традиция торжественной лирики передалась и в хоревые части трагедии. Особо выделяется группа поэтов на острове Лесбосе — Алкей и Сапфо, которые писали свои произведения на местном эолийском диалекте.

В эпоху эллинизма (последние три века до н. э.), когда установились тесные отношения между греческими городами, в литературной прозе выработался особый язык, известный под названием «общего» — κοινῆ; это общегреческий язык, возникший по преимуществу на основе аттического, как наиболее развитого, с сильной примесью ионийских элементов. Конечно, это не мешало тому, чтобы в отдельных районах сохранились местные говоры, и один из таких говоров в Лаконике (район Спарты) отчасти сохранился до нашего времени в виде «цаконского» наречия.

Точно так же и в Италии существовало несколько племенных наречий — языки умбров, сабеллов, фалисков, осков, марсов, пелигнов, лигурийцев, сикулов, мессапийцев, япигов, латинов и других. Эти племена не были так разобщены по месту жительства, как греки, и потому не могли так же долго сохранять самостоятельное значение, а с другой стороны, все они уже в III в. до н. э. были объединены под крепкой властью Рима. Политическое, а вместе с тем и общекультурное преобладание Рима привело к тому, что и его язык — латинский, как более развитой и притом как язык более сильного племени, вытеснил отдельные племенные наречия и сделался господствующим, общим языком всей Италии. Правда, эти наречия продолжали держаться среди местного населения, и среди надписей в Помпеях в I в. н. э. сохранилось немало образцов языка осков. Однако ни одно из этих местных наречий не сделалось литературным: такая роль досталась всецело на долю латинского языка, на котором создавалась обширная и могучая литература.

Зато большое значение приобрел простонародный, так называемый «вульгарный» латинский язык, на основе которого образовались новые романские языки. Следы этого просторечия мы находим в большом количестве надписей поздней поры, а частично и в литературных памятниках — в речах некоторых действующих лиц в комедиях Плавта (III—II вв. до н. э.), а также у более поздних писателей — в сатирическом романе Петрония «Сатирикон» (I в. н. э.) и в «Метаморфозах» Апулея (II в. н. э.) и некоторых других. В этих произведениях встречается уже значительное количество новых слов и выражений, не бывших в употреблении у писателей «золотого века» литературы и содержащих серьезные фонетические изменения и признаки аналитических форм речи.

Совершенно особое место среди италийских языков занимает язык древних этрусков, заселявших северо-западную часть Италии, Этрурию, современную Тоскану. Это была сильная народность, пытавшаяся подчинить себе и южные области Италии, на некоторое время, как видно, даже подчинившая себе Рим и давшая ему царей из династии Тарквиниев в VI в. до н. э. Хотя этруски оказали значительное влияние на римскую культуру, язык их, представленный многими надписями, начертанными греческим алфавитом, остается до сих пор неразгаданным. Весьма правдоподобно предположение, что этот народ переселился в Италию из Малой Азии⁸.

Из вопросов фонетики нас в первую очередь с практической точки зрения должен занимать вопрос о чтении и произношении слов и звуков древних текстов. Нами выше (гл. III) было указано, что уже в начале XVI в., когда ученые гуманисты начали разбираться в богатом наследии древнегреческой и римской литературы, им пришлось задуматься над тем, как же следует произносить читаемые тексты. Конечно, естественным решением было произносить их так, как произносят их современные греки. На такую точку зрения и стал немецкий ученый гуманист Рейхлин, по имени которого и называется в настоящее время эта система произношения. Но ему серьезно возражал другой не менее авторитетный специалист Эразм Роттердамский, который возглавил второе направление, ставшее известным под его именем⁹. Дело

⁸ См. И. М. Тронский. Очерки по истории латинского языка. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 80—89.

⁹ Erasmus. De recta latini graecique sermonis pronuntiatione. Basel, 1528.

заключается в том, что, как показывает история, у всех народов с течением времени произношение изменяется — отпадают некоторые звуки, появляются новые. Это отражается и на составе алфавита. Буквы каждого алфавита первоначально назначались для того, чтобы передавать, хотя бы приблизительно, основные звуки данного языка, и, если по прошествии сколько-нибудь значительного времени новый писец начинает делать ошибки в правописании и ставить одну букву вместо другой, это значит, что в живом языке он слышит уже не тот звук. Это явление нам очень хорошо знакомо по истории букв ѣ (ять) и ъ (ер) в русском языке; первая теперь совершенно исключена из алфавита, а вторая сохраняется, но не в качестве знака гласного звука, какой она передавала первоначально, и не как знак твердости в конце слов, а как обозначение твердости в середине слов перед йотированным гласным. Совершенно исчезли у нас носовые звуки [ен] и [он], которые воспроизводились специальными буквами — «юсом малым» (Ɑ) и «юсом большим» (Ɱ). Это наблюдение относится и к классическим языкам.

Исторические данные показывают, что в разные эпохи произношение в греческом языке было разное. В нашу задачу в настоящее время не входит давать подробное изложение вопроса о греческом произношении, так как это принадлежит к специальному курсу исторической грамматики, и мы остановимся только на некоторых особенно важных случаях.

В современном греческом языке есть пять способов написания звука [и]: ι, η (ита), ει, οι, υ. Звук [е] передается через ε и αι. Чистого звука [б] в современном греческом языке нет, а этот звук в словах, заимствованных из других языков, выражается комбинацией μπ. А буква β («вита») передает звук [в]. По названию буквы η — «ита» современный способ произношения называется «итаизм».

Вполне понятно, что в так называемых «мертвых» языках мы лишены возможности слышать их живое произношение и точно представить себе свойства «музыкального» ударения классических языков. Таким образом, в этом вопросе многое остается спорным. Однако для нас он имеет большое значение, так как помогает яснее понимать некоторые фонетические явления и систему античного стихосложения. Впрочем, некоторые сведения по данному вопросу оставили нам древние ученые, но больше всего помогает пристальное изучение сохранившихся текстов, например, ошибки переписчиков, а также передача греческих слов римскими писателями и латинских слов греческими авторами. Особенно ценными явля-

ются показания надписей, в которых отражается современное произношение. Такие показания дают богатый материал специалистам-языковедам для решения многих вопросов по истории языков.

Поскольку у нас в России изучение греческого языка в течение нескольких столетий велось при непосредственном соприкосновении с греками и очень часто сами греки были у нас учителями, естественно, усвоено было современное греческое произношение, и только с конца XVIII в. пришла система Эразма, которая исходит из предположения, что при установлении системы алфавита создатели ее изобретали (или заимствовали у других народов) знаки, отдельные для каждого звука, и что, следовательно, при чтении античных текстов и должно передавать каждый знак отдельным звуком. Рейхлиновская система в России сохранилась в духовных учреждениях и в духовных академиях, а эразмова в светских школах (гимназиях) и университетах. В результате такой двухсистемности получилась разногласица в передаче греческих слов на русский язык. Но все-таки и в том, и в другом случае возникает иногда естественный компромисс. Важную роль в установлении формы передачи (транскрипции) играет показание латинского языка, где греческое *αι* передается через *ae*, *a* *oi* через *oe*.

Таким образом, в силу вышеизложенных оснований у нас принято написание: Афины — греч. Ἀθήναι — лат. Athenae, Фивы — Θῆβαι — Thebas, Димитрий — Δημήτριος, Ирина — Εἰρήνη, Эсхил — Αἰσχύλος, Эзоп — Αἰσώλος, педагог — παιδαγωγός, хирург — χειρουργός, алфавит — ἄλφ'ἄβητος и т. д. Но наряду с такой транскрипцией у нас все более утверждается произношение по системе Эразма, например: демократия — δημοκρατία, механика — μηχανική, Гомер — Ὅμηρος, ср. старое Омир, Гесиод — Ἡσίοδος, Демосфен — Δημοσθένης, библиотека — βιβλιοθήκη и т. д. В передаче греческого *οι* у нас принята латинская форма *oe*, как экономия — οἰκονομία, ср. лат. oeconomia, Феб — Φοῖβος, лат. Phoebus. Любопытна судьба слова *псэт*, греч. ποιητής, которое в старину, даже еще Пушкин, передавали формой *пишт* или *пишта*: преобладание получила, как видно латинская форма poeta, ср. также *псэма* — *пишма* — ποιήμα. Название греческой области Беотии Βοιωτία некоторые передают как у современных греков «Виотия».

С другой стороны, обращают на себя внимание названия *трагедия* и *комедия* — τραγῳδία, κωμῳδία, которые пришли в русский язык через посредство латинского языка — tragoedia, comoedia; в латинский же язык они явно попали в то

время (III в. до н. э.), когда в греческом произношении еще чувствовалась так называемая йота подписная, позднее потерявшая звучание, ср. *мелодия* из *μελωδία*.

Судить о правильности системы произношения отчасти позволяют нам вот какие данные. В одной греческой комедии V в. до н. э. у Кратина (фр. 43) представлено подражание бляенню овец словами: βῆ βῆ.

Такое написание дает нам полное право утверждать, что в V в. до н. э. буква η обозначала долгое [e:] открытое, а отнюдь не [и], а буква β — звук [б], а не [в], как в новогреческом языке. Другим важным показателем может служить то, что в аттических надписях до 403 г. до н. э., пользовавшихся старым аттическим алфавитом, в котором не было буквы ω, а буква η была знаком густого придыхания, все виды звука [o] — и долгого, и краткого, открытого и закрытого, воспроизводились буквой ο, а буквой ε — все виды [e]. Зато в поздних греческих надписях смешение знаков говорит об изменении в самом языке¹⁰.

Интересные данные имеем мы и о произношении латинского языка. Поздние римские ученые — «грамматики» — оставили много тонких наблюдений этого рода. А передача римских имен греческими писателями дополняет наши сведения. Систематическая передача фамильных имен Сципионов, Цицерона, Цезаря и т. п. формами Κικέρων, Σιλπίων, Καίσαρ показывает, что так называемая буква «це» даже в положении перед узкими гласными «е» и «и» выражала звук «к», а не «це». Свистящий звук стал появляться только на переходе к средним векам. А сочетания «ае» и «ое» первоначально звучали, как дифтонги. Обращает на себя внимание также и то, что римляне при передаче греческого «фи» всегда употребляли ρh, хотя имели свою букву f: это показывает, что они слышали различие между своим f и греческим φ. А начальное греческое ρ передавали через gh.

Прибавим еще, что в греческих надписях VII—IV вв. до н. э. встречаются «дигамма» F — буква, воспроизводившая звук, близкий к [в] (вроде английского w), «коппа» (ρ) из которой получилось латинское q, то есть лабиализованное [к] и т. д.

От языка общенародного и разговорного с его особенностями диалектов надо отличать язык литературный, в котором в свою очередь наблюдаются индивидуальные особен-

¹⁰ См. Ф. Е. Корш. О звуках «е» и «о» в греческом языке. «Журнал Министерства Народного Просвещения», 1881, № 3.

ности речи каждого писателя, его стиль, то есть ему одному свойственную и типичную для него одного манеру выражения. Рассмотрение таких свойств речи — целой ли эпохи, или определенного литературного направления, или даже отдельного писателя — составляет предмет стилистики¹¹. Известно выражение французского естествоиспытателя Ж. Л. Бюффона (1707—1788): «Стиль — это человек». Действительно, в речи, как и во всем образе мыслей и поведении человека, отражаются типичные черты его личности. Особенный интерес представляет стиль художественных произведений.

Вопросы языка и стиля, как мы уже указывали, привлекали внимание еще древних мыслителей, начиная с софистов V в. до н. э. Очевидно, под их влиянием знаменитый греческий комический поэт V в. до н. э. Аристофан (ок. 445—380 гг. до н. э.) высказывает некоторые принципиальные суждения, сопоставляя творчество трагиков Эсхила (525—456 гг. до н. э.) и Эврипида (484—406 гг. до н. э.). Симпатизируя первому, он восхваляет возвышенный характер его речи и считает его «высокий» стиль необходимым для трагического жанра. В комедии «Лягушки» он устами Эсхила высказывает следующую мысль (1080—1081):

Вообще подобает для полубогов говорить языком величавым:
Ведь и в платьях они не в таких, как все мы, выступают,
а в более пышных.

По этим соображениям он жестоко порицает язык Эврипида за то, что тот допускал снижение стиля, доводя его до уровня разговорной речи. В комедии «Птицы» Аристофан (1372—1409) высмеял манерность и напыщенность некоторых поэтов младшего поколения. Позднее более точную и обстоятельную формулировку литературных взглядов дал знаменитый философ Аристотель (384—322 гг. до н. э.) в «Поэтике» и в «Риторике». Он строго различал стиль прозы и поэзии, эпический, драматический, трагический и комический и т. д. Трагедию он характеризовал, как воспроизведение действия серьезного («Поэтика», 6), и потому введение комических элементов было бы нарушением общего характера. Такое определение дано на основании всего известного ему материала и подтверждается имеющимися у нас трагедиями.

¹¹ Первоначальное значение слова *стиль* см. в гл. VIII, стр. 181.

Вопрос о стилях художественной речи широко обсуждался в античной литературе и среди поэтов, и особенно среди ораторов и в риторских школах. Много сделала в этом отношении школа оратора

Перикл. Мраморный бюст, копия с работы Кресилая

Исократа (IV в. до н. э.). В римской литературе большую ценность представляют теоретические сочинения Цицерона — «Об ораторе», «Брут, или О славных ораторах», «Оратор» и другие, сочинения Горация «О науке поэзии», труды ритора Дионисия Галикарнасского (I в. до н. э.), сочинение ритора Квинтилиана (конец I в. н. э.) и, наконец, трактат «О возвышенном» неизвестного автора II в. н. э., так называемого Псевдо-Лонгина и многие другие¹².

Время высшего расцвета свободных греческих государств — V в. до н. э. — характеризуется особыми формами искусства, стремлением к ясности и простоте, краткости и выразительности. «Мы любим красоту без роскоши», — говорил знаменитый Перикл, руководивший делами Афин в течение пятнадцати лет (445—430 гг.), и такой принцип

можно видеть и в постройке Парфенона (437 г. до н. э.), и в украшающих его скульптурах школы Фидия, и в трагедиях Со-

¹² См. С. В. Толстая и И. М. Тронский. Античные теории языка и стиля. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1936; E. Norden. Die antike Kunstprosa. Leipzig, 1898; C. Augustyniak. De tribus et quatuor dicendi generibus quid docuerint antiqui. Varsaviae, 1957. Подробнее о стиле см. в гл. XI.

фокла. Это — в полном смысле «классический» стиль. Позднее, в эпоху эллинизма с изменением всего уклада жизни, когда была утрачена независимость и установилось господство крупных монархий с богатством и роскошью придворной обстановки, получил развитие новый стиль, известный под названием «азиатского», отличающийся искусственностью, вычурностью, расплывчатостью и высокопарностью или отрывистостью. Большое значение в нем имеет «сухая» риторика — вырождение былого ораторского искусства.

Сходные черты наблюдаются и в истории римской литературы. Из комедий Плавта и Теренция (III—II вв. до н. э.), особенно из прологов комедий последнего, видно, какая борьба уже в этот ранний период римской литературы происходила между двумя направлениями — одним, которое стояло за рабское копирование греческих образцов, и другим, которое стремилось комедию, на первых порах еще подражательную, вывести на простор свободной переработки путем соеднения разных сюжетных образцов и внесения оригинальных самобытных элементов. За этим следовали в конце II в. до н. э. попытки создания национальной римской комедии, так называемой «тогаты», то есть «комедии тоги» (одежда римских граждан), и одновременно национальной римской сатиры (Луцилий). Цицерон (I в. до н. э.) борется против сухости «аттицистов». С временем острейшего внутреннего кризиса, приведшего к падению республики, совпадает «золотой век» римской литературы. Поэтам этого времени приходилось вести споры с упорными поборниками старины, «архаистами», которые не допускали мысли о естественном росте и языка и литературных форм. Оправдывая новые требования жизни, Гораций писал («Наука поэзии», 55—62):

Что ж упрекаешь меня, если вновь нахожу выраженья?
Энний с Катонем ведь новых вещей именами богато
Предков язык наделили; всегда дозволялось, и ныне
То же дозволили нам, и всегда дозволено будет
Новое слово ввести, современным клеймом обозначив.
Как листья на ветвях изменяются вместе с годами,
Прежние ж все облетят, — так слова в языке. Те, состарясь,
Гибнут, а новые, вновь народясь, расцветут и окрепнут.

(Перевод М. Дмитриева)

Отстаивая право поэта на обновление речи в согласии с требованиями времени, Гораций проводит глубокую мысль о необходимости соответствия между словесным выражением

и мыслью об индивидуализации речей действующих лиц и т. п. («Наука поэзии», 88, 234—235). Этим самым предусматривались и различия стиля по жанрам. Для героического сюжета, вроде гомеровского, не подходят формы речи простой любовной новеллы об Аконтии и Кидиппе, которая была написана Каллимахом (III в. до н. э.). Это отметил Овидий («Средства от любви», 381—382):

Не воспоешь Ахиллеса размером стихов Каллимаха,
Да и Кидиппа тебе не подобает, Гомер!

Строгие правила языка и стиля нашли самое полное выражение у писателей «золотого века» римской литературы. Но в эпоху империи, в первые века н. э., в связи с большими внутренними изменениями, с приходом людей нового типа и даже людей иноземного происхождения наступила перемена художественных вкусов, явились признаки явного огрубения нравов и наплыва чужеземных слов — «варваризмов». В литературе под влиянием всего этого возникло новое направление, «новый стиль»: чрезмерная «аффектация» — стремление бить по нервам читателей, использование отрывистых, коротких фраз с необычной расстановкой слов, нарочитых противопоставлений и т. п. Это можно наблюдать, например, в языке философа и драматурга Сенеки (4—65 гг. н. э.). Такие черты упадочности позволяют предугадывать приближение конца античной литературы.

Античные теории языка и стиля, как мы уже неоднократно убеждались, весьма тесно связаны с вопросами изучения техники ораторского искусства — риторики. Поскольку риторика играла очень большую роль во всей жизни античного мира, необходимо остановиться на ней особое внимание.

Античные теоретики рассуждали, что «из всех живых существ только человек обладает даром речи» (Аристотель, «Политика», I, 1, 10). Эта мысль приводит к дальнейшему заключению, что человеческое слово есть предмет, вполне достойный самой тщательной обработки и внимательного изучения, и Цицерон не раз в своих сочинениях повторяет рассуждения вроде следующего: «Вот тем-то единственно мы и превосходим наиболее зверей, что разговариваем между собой и можем словами выражать свои чувства» («Об ораторе», I, 8, 32, ср. «Об изобретении», I, 4, 5, «Об обязанностях», I, 16, 50 и т. д.).

Никогда, ни в какую другую эпоху не проявлялся в человеческом обществе такой глубокий интерес к ораторскому слову и к его изучению, как в античном мире. Можно прямо

говорить о каком-то как бы культе слова. Теория ораторского искусства — риторика, зародившись в V в. до н. э., стала одной из самых типичных черт античной жизни, и во время ломки рабовладельческого строя, в период утверждения христианства, риторские, как и философские, школы оставались крепким оплотом старого античного мирозерцания, пока не были в 529 г. н. э. закрыты по распоряжению императора Юстиниана.

Древние теоретики ясно представляли, что своим развитием ораторское искусство обязано демократическому строю, который открывал широкий простор для состязания ораторов и в органах политического управления — в народных собраниях, в советах и в римском сенате, в судах и на торжественных собраниях. Так, в зависимости от места, где приходилось выступать оратору, определились три вида красноречия: совещательное, или политическое, судебное и торжественное (эпидиктическое). Из живой практики и опыта родилась теория — риторика. Слово *ритор* первоначально значило просто «оратор», но постепенно оно приобретало и специальное значение учителя красноречия. Расцвет красноречия в Греции относится к IV в. до н. э., а в Риме — к I в. до н. э. Утрата греческими государствами независимости в конце IV в. до н. э. и падение республиканского строя в Риме в конце I в. до н. э. пагубно отразились на состоянии ораторского искусства, так как замерла политическая жизнь, а вместе с этим угасла живая ораторская речь, и красноречие ушло всецело в недра школ, где учителя — риторы изощрялись в разработке самых невероятных тем, но пустоту содержания прикрывали тончайшими эффектами речи. Такая система образования молодежи наложила свой отпечаток и на художественное творчество поздней литературы, внося в нее элементы надуманности и схематизма. Однако, несмотря на такие недостатки, риторике принадлежит важная заслуга в том отношении, что она тщательно разработала принципы литературного оформления речи.

Поскольку первые ораторы, когда только еще зарождалась техника их искусства (V в. до н. э.), стали свои речи записывать и публиковать, их устные выступления превращались в литературные произведения, которые должны были удовлетворять и художественным целям. Деловая сторона требовала прежде всего тщательного подбора материала, то есть фактических данных, относящихся к процессу, и всестороннего обоснования и аргументации в пользу защищаемой точки зрения и опровержения возможных возражений про-

тивной стороны. Затем было необходимо расположить подобранный материал в наиболее выгодном и убедительном порядке так, чтобы он мог захватить внимание и снискать расположение слушателей. Третьим требованием была ясность и художественность изложения, причем по мере усовершенствования техники возрастало желание украшать речь художественными средствами вплоть до музыкального звучания и ритма. Исократ (IV в. до н. э.) разработал теорию «периода», то есть сложной фразы, закругленной в смыслеловом и звуковом отношении с повышением в начале и понижением к концу и расчлененной для плавности на «колена». Демосфен (IV в. до н. э.) и Цицерон (I в. до н. э.), кроме того, самой фразе придают музыкальное звучание, пользуясь музыкальными свойствами своих языков. Наконец, подготовленная таким образом речь должна быть хорошенько разучена и произнесена с соответствующей интонацией и жестикულიацией, чтобы захватить и увлечь слушателей. Цицерон в своих теоретических сочинениях определял задачу ораторской речи тремя основными требованиями: сообщить необходимые сведения (*docere*), подействовать на чувства слушателей (*moveere*) и доставить им удовольствие (*delectare*) («Брут», 49, 185, «Оратор», 21, 6, «О лучшем роде ораторов», 1, 3, ср. Квинтилиан, «Образование оратора», III, 5, 2). Таким образом, если два первых условия имеют практическое значение — повлиять на сознание и волю слушателей и через это добиться благоприятного решения рассматриваемого дела, то последнее обращается уже к эстетическим средствам — художественному очарованию. Действительно, некоторые речи Демосфена и Цицерона даже в чтении и в современных условиях способны захватить читателя. Вполне понятно поэтому, что они производили сильное впечатление на слушателей — современников. На знаменитый процесс «О венке» в 330 г. до н. э., когда оратор Эсхин на суде старался доказать неправильность награждения Демосфена за патриотическую деятельность золотым венком, собралось такое множество слушателей, словно это было «состязание ораторов», по замечанию самого Демосфена («О венке», 226); это был, по выражению современников, поединок двух крупнейших ораторов своего времени (Плутарх, «Жизнеописание Демосфена», 24).

Так и в позднейшие времена собирались слушатели на выступления известных риторов — словно в наше время на концерты знаменитых певцов. Но это уже были не живые речи ораторов, а «декламации» особого рода артистов. Тем

не менее кропотливая работа риторов над формами языка и литературной речи оставила нашему времени весьма богатое и ценное наследство в области литературоведения, вопросов структуры произведений, жанровых различий, стиля, украшений, тропов и фигур, о чем свидетельствует терминология, повторяющая античные названия.

В заключение этой главы о классических языках мы должны остановиться на принципах выражения высшей формы художественной речи, именно на принципах античного стихосложения. Поскольку античное стихосложение принципиально отличается от стихосложения большинства современных народов, этот вопрос требует специального рассмотрения, без него невозможно понимание античных стихов. Вопросами античного стихосложения занимается специальная дисциплина — метрика.

Всякий стих в основе своей имеет чувство ритма, то есть плавности (слово *ритм* буквально значит «течение», «поток»), а следовательно, равномерной последовательности. «Всякий ритм измеряется определенным движением», — писал Аристотель («Проблемы», 882 *b* 2). Ритм наблюдается в ходьбе, в движении рук при работе, при гребле веслами и т. п. Он же лежит в основе песни, музыки и пляски. Поэзия, как стихотворная речь, возникла из народных песен и так же, как они, подчинялась законам музыки и сохраняла с ней самую тесную связь. Эта связь античной поэзии с музыкой была тем более естественной, что оба классических языка в античную пору сами по себе обладали некоторыми чисто музыкальными свойствами: звуки и слоги в них различались по «количеству», то есть по длительности произношения — одни, как краткие, другие, как долгие, с таким соотношением, что обычно краткий слог равнялся одной единице времени (латинское название *пога*), а долгий обычно считался равным двум единицам — морам; при этом долгий слог обладал большей высотой звука, чем краткий. Ударение в классических языках было музыкальным в отличие от современного экспираторного, то есть «выдыхательного», основанного на силе выдыхаемой струи воздуха. Ритмическое ударение не совпадало с речевым в слове. Для обозначения краткости принят знак \cup , для долготы —

Метрическое стихосложение античных народов основано на этих свойствах классических языков. По указанному принципу в античном стихе возможны замены одного долгого двумя краткими и наоборот — двух кратких одним долгим, возможны сочетания стоп разного объема — двусложных

с трехсложными (так называемые «логаэды»); возможны стопы и односложные, равно как и растяжение долгого слога до значения целой стопы. Важно, что при таких комбинациях основной ритм может сохраняться, но разнообразие таких сочетаний сопровождается колебаниями темпа и придает стиху гибкость и освобождает его от монотонности.

Немалое значение имеет и сама по себе ритмическая форма, которая способна оказывать влияние на просодию, то есть метрические свойства звуков, придавая ритмическим ударением силу выделяемому им слогу. Вследствие этого в некоторых случаях может оказаться, что слог, краткий по природе, становится долгим под ритмическим ударением.

Из сказанного следует, что эти свойства античного стихосложения невозможно передать точно на современные языки, имеющие экспираторное ударение, которые строят свои стихи на принципе своего речевого ударения (тоническое стихосложение), подбирая слова так, чтобы ритмическое ударение совпадало с речевым, и переводчику остается заботиться лишь о том, чтобы у читателя вызвать однородное впечатление за невозможностью точно воспроизвести музыку подлинника.

Н. И. Гнедич, работая над переводом «Илиады», хорошо понял это различие языков и в предисловии к переводу справедливо пояснял, что передает текст «русским гексаметром». «Русский гексаметр, — писал он, — существует, как существовал прежде, нежели начали им писать. Того нельзя ввести в язык, чего не дано ему природою». И далее он прибавляет: «Мы только заняли имена греческие для стоп русских»¹³. Он отчетливо представлял себе, что греческий спондей, стопа, состоящая из двух долгих слогов (— —), нередко заменяющая трехсложную стопу дактиль (— ∪ ∪), не имеет соответствия в русском стихосложении. Но учитывая гибкость и разнообразие стиха, получающиеся от применения обеих форм стопы, он, а за ним В. А. Жуковский и другие стали с этой целью вводить в гексаметры двухсложную стопу «трохеи» (— ∪). Такой стих они стали называть «дактило-трохейским» гексаметром.

Было замечено, что в гомеровых стихах обилие чистых дактилей придает речи быстроту темпа, тогда как преобладание спондеев придает ей медлительность и важность. Поэт явно пользуется этими средствами для того, чтобы формой иллюстрировать характер содержания: получается образец единства формы и содержания. Вот как В. А. Жуковский

¹³ Н. И. Гнедич. Стихотворения. Гослитиздат, М., 1956, стр. 317.

старался в своем переводе выразить эту черту подлинника. В XI песни «Одиссеи» описывается казнь Сисифа, который присужден в загробном мире вкатывать на высокую гору огромный камень. Большое напряжение и естественную при этом медлительность движения поэт воспроизводит скоплением в стихах спондеев. Но когда Сисиф почти достигает высоты, камень вдруг срывается и быстро, скачками несется вниз — это быстрое движение показывается обилием чистых дактилей. Жуковский заменяет спондеи трохеями. Вот это место («Одиссея», XI, 594—600):

Тяжкий камень снизу обеими влек он руками
 В гору; напрягши мышцы, ногами в землю упершись,
 Камень двигал он вверх; но едва достигал до вершины,
 С тяжелой ношей, назад устремленный невидимой силой,
 Вниз по горе на равнину катился обманчивый камень.
 Снова силился вздвинуть тяжесть он, мышцы напрягши.
 Тело в поту, голова вся покрытая черною пылью.

Приведем еще примеры наиболее распространенных в античной лирической поэзии стихотворных схем с образцами их условного переложения на русский язык.

Вот, например, образец так называемой «сапфической» строфы, названной по имени ее изобретательницы поэтессы Сапфо конца VII в. до н. э.:

Пестрым тронем славная Афродита,
 Зевса дочь, искусная в хитрых ковах!
 Я молю тебя,— не круши мне горем
 Сердца, благая!

(Перевод В. В. Вересаева)

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —

Другая весьма распространенная форма строфы — алкеевская, названная по имени греческого поэта конца VII в. до н. э. Алкея. Приводим образец ее из стихотворения римского поэта Горация (65—8 гг. до н. э.) («Оды», II, 14, 1—4):

Увы, о Постум, Постум! летучие
 Года уходят, и благочестие
 Морщин и старости грозящей
 Не отдалит ни всеильной смерти.

(Перевод Ф. Е. Корша)

— — — — —
 — — — — —
 — — — — —
 — — — — —

А вот начало стихотворения «Памятник» Горация, написанного первым асклепиадовым стихом («Оды», III, 30, 1—5):

Вековечней воздвиг меди я памятник,
 Выше он пирамид царских строения,
 Ни снедающий дождь, как и бессильный ветер,
 Не разрушит его век, ни бесчисленных
 Ряд идущих годов или бег времени.

(Перевод В. Я. Брюсова)

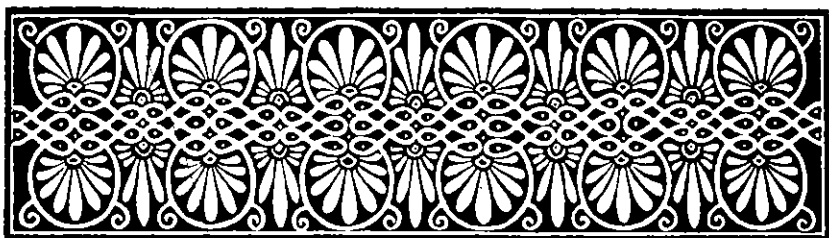
Все строки этого стихотворения имеют одну общую схему:

— — — — — || — — — — —

В греческой и римской поэзии существует еще много и других стихотворных схем, особенно в так называемой «торжественной», то есть хоровой, лирике, например, у поэтов V в. до н. э. Пиндара и Бакхилида, а также в хоровых частях драмы — в трагедиях и комедиях. Самым распространенным размером диалогических частей драмы был шестистопный ямбический стих — «триметр» у греков и «сенарий» у римских поэтов. Но и эти простейшие формы стиха заключают в себе много вариаций с введением, вместо чистого ямба, спондеев, трибрахов (три кратких слога ~ ~ ~), дактилей и анапестов и т. д. Все это делает невозможным даже условное воспроизведение в переводе размеров подлинника.

Из всего сказанного в этой главе достаточно ясно видно, что без всестороннего понимания подлинных античных текстов невозможно сколько-нибудь серьезное знание античной культуры, а для этого необходимо владеть хорошо классическими языками — не только лексической стороной и грамматическими свойствами языков (морфологией и синтаксисом), но и стилистическими формами и метрикой. Это первый шаг к сознательному и критическому освоению науки об античном мире — классической филологии.

ГЛАВА VI

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ АНТИЧНОГО МИРА

Классическая филология, как наука об античном мире, требует от филолога в первую очередь знания истории этого мира. Без знания его истории не может быть правильного понимания ни языка, ни литературы, ни искусства, ни философии, ни религии, ни какой-либо другой стороны античной жизни. Хотя история сама по себе составляет предмет специальной науки, ее данные входят как необходимый элемент в состав классической филологии. Разница только в том, что обе науки рассматривают предмет с разных точек зрения. История, как самостоятельная наука, исходит из общих категорий развития человеческого общества и обращается к источникам под этим специальным углом зрения; классическая же филология главный интерес обращает на изучение и толкование первоисточников и от них восходит к общим историческим категориям. А этими источниками служит вся вообще античная литература не только прозаическая, как сочинения историков и ораторов, но и поэтическая — произведения Гомера, Гесиода, трагиков, Аристофана, Вергилия, Петрония, Апулея и т. д. Прибавим к этому огромное количество подлинных надписей, заметок и писем, сохранившихся

на папирусах и т. п., а также многочисленные вещественные остатки, открываемые археологами¹.

С другой стороны, история, как самостоятельная наука, сосредоточивает внимание по преимуществу на вопросах социальной, политической, экономической и военной жизни. Классическая же филология интересуется всеми сторонами античной жизни и культуры не только в историческом развитии, но и в статическом состоянии, ее бытовой стороной, правовыми, военными, религиозными и культовыми и частнобытовыми условиями (семейной и уличной жизнью, зрелищами и увеселениями и т. д.).

Понятие истории в современном смысле, как науки о прошлых временах человеческой жизни, развивалось из более общего первоначального значения греческого слова *ἱστορία*, принятого и в латинском языке — *historia*, именно в смысле «изыскание», «исследование». Так, Платон употребляет это слово в применении к «исследованию о природе» («Федон», 45, р. 96 А), Аристотель — к науке о животных («О передышке», 447 а 7), Феофраст к науке о растениях («Об истории растений») и т. д. Сам Геродот (V в. до н. э.), которого по почину Цицерона («О законах», I, 1, 5) принято называть «отцом истории», начиная свой труд о войне греков с персами, называет его «изложением исследования» — *ἱστορίας ἀπόδειξις* (I, 1) и в таком смысле нередко употребляет это слово в своем сочинении. Римский ученый II в. н. э. Геллий объясняет это греческое слово, как «познание существующих вещей» — *genitum cognitio praesentium* («Аттические ночи», V, 18, 2). А другой римский энциклопедист-естествоиспытатель I в. н. э. Плиний Старший назвал свой труд «Естественная история» — *Naturalis historia*. Так и до нашего времени за естественными науками удерживается название «естественной истории». Только постепенно за словом *история* укрепилось значение науки о прошлом.

Геродот в начале своего труда так определяет свою задачу: «Чтобы с течением времени не изгладились из памяти людей происходящие события и чтобы не оставались непрославленными великие и удивительные дела, совершенные гре-

¹ «История древней Греции», под ред. В. И. Авдиева и Н. Н. Пикуса. «Высшая школа», М., 1962; В. С. Сергеев. История древней Греции. Изд-во восточной литературы, М., 1963; «Хрестоматия по истории древней Греции», под ред. Д. П. Каллистова. «Мысль», М., 1964; Н. А. Машкин. История древнего Рима, изд. 3. Госполитиздат, М., 1956; С. И. Ковалев. История Рима. Изд-во ЛГУ, 1948; K. Kumaniecki. Historia kultury starożytnej Grecji i Rzymu. Warszawa, 1955; «Хрестоматия по истории древнего Рима», под ред. С. Л. Утченко. Соцгиз, М., 1962.

ками и варварами, а вместе с тем и причина, из-за которой они воевали друг с другом» (I, 1). И действительно, в героическом величии представил он в своем рассказе и события, и участников этой войны. Повествование его привлекает своей эпической простотой, а иногда и наивностью. Но автор все-таки делает попытки находить разумное объяснение некоторым сведениям, казавшимся сомнительными или невероятными. А между тем сколько раз сообщаемые им сведения, казавшиеся неправдоподобными, например рассказы о Египте во II книге и о скифах в IV книге, подтвердились данными раскопок! Во всяком случае постановка Геродотом исследовательской задачи послужила основой для дальнейшего развития исторической науки и современного понимания ее сущности, и его стали называть «отцом истории».

Продолжателем дела Геродота был Фукидид (ок. 465—400 гг. до н. э.). Его «История», посвященная событиям Пелопоннесской войны (431—404 гг. до н. э.), отвечает самым высоким требованиям по строгой точности и научному методу. Как представитель передовой мысли своего времени, он считал необходимым тщательно разбираться в сообщаемых сведениях и подвергать их всесторонней критике. Вот как он в начале

своего труда определяет основную задачу: «Афинянин Фукидид описал войну пелопоннессцев и афинян — как они воевали друг с другом, причем начал свой труд тотчас же при самом ее возникновении, предвидя, что это будет большая и наиболее достопримечательная из всех войн, какие были прежде. Об этом он заключал из того, что обе стороны вступали в нее

Геродот. Мраморный бюст. Неаполь

в полном расцвете своей боевой готовности, и что, как он наблюдал, и остальные греки стали примыкать к той или другой стороне — одни сразу, другие после некоторого раздумья. Это было величайшим потрясением среди греков, да отчасти и среди варваров и даже, можно сказать, среди большинства людей» (I,1).

Придавая большое значение своему труду, Фукидид заявлял, что создал его «скорее, как достояние навеки, нежели как предмет соревнования лишь в данное время» (I, 22, 5).

Фукидид. Мраморный бюст. Частное собрание в Англии

Необходимо отметить, что, руководствуясь таким высоким пониманием своего дела, он обращал исключительное внимание на проверку точности и правильности передаваемого материала. «О событиях, которые происходили во время войны, — писал он, — я считал необходимым писать не так, как слышал от первого встречного, и не так, как представлялись они мне, но лишь то, чему сам был свидетелем, или то, что узнавал от других, проверив со всей возможной точностью» (I,22, 2). Точность, о которой говорит здесь Фукидид, подтверждается во всем его изложении: он использовал не только показания свидетелей, но и документальные данные, как видно при сличении его цитат с некоторыми подлинными надписями, найденными при раскопках археологами (напри-

мер, V, 47). Кроме того, историк в целях уточнения своих описаний посещал те места, где происходили описываемые события. Касаясь событий ранней истории, особенно в начальной части своего труда (в так называемой «Археологии», I, 2, 23), он пользуется методом восстановления старины по пережиткам ее, сохраняющимся в современном быту. Как подлинный сын своего века — «века просвещения», он все свое изложение подчиняет требованиям разумности и устраняет в противоположность Геродоту все чудесное или участие богов.

С этой точки зрения труд Фукидида до сих пор считается образцом научной точности.

Маркс отметил у Фукидида характерное рассуждение, высказанное от лица Перикла (I, 141, 5), что «люди, производящие для собственного потребления, скорее отдадут войне свои тела, нежели деньги»².

Далее, мы должны остановиться на исторических взглядах Аристотеля (384—322 гг. до н. э.), которые оказали сильное влияние на политическую мысль нового времени. Его высоко ценили и Маркс и Энгельс. Маркс называл его величайшим мыслителем древности, гением и исполином мысли³. Энгельс писал, что «Аристотель самая универсальная голова»⁴ среди греков. Оба они неоднократно ссылаются на его экономические суждения и на элементарные формы диалектики. Аристотеля высоко ценил и В. И. Ленин⁵, подчеркивая материалистические черты в его философии.

Из многочисленных сочинений Аристотеля для истории имеют особенное значение «Политика» и «Государственное устройство афинян» («Афинская политика»). Первое из них содержит теоретическое определение сущности государства, его происхождения, условий его существования и развития государственных форм, «правильных» — монархии, аристократии и политики (умеренной демократии), и их извращений в виде тирании, олигархии и «демократии» в смысле «охлократии», затем основ экономической жизни и т. д. В «Политике» он дает знаменитое определение государства, как «общества людей ради хорошей жизни», и человека, как «существа политического по природе» (I, 1, 8—9). В соответствии с общим мнением своих современников он представляет государство в виде маленького государства-города — полиса, в названии которого понятие государства сливается с понятием города. Такую форму государства он оправдывает тем соображением, что для прочности его существования необходимы средние размеры: слишком малое не будет в состоянии обеспечить материальное существование и отстоять свою независимость, а при слишком большом размере с чрезмерно большим количеством населения оно распадется на части. Состав государства в соответствии с современной действи-

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23. Госполитиздат, М., 1960, стр. 378.

³ Там же, стр. 419, ср. стр. 70 и 92.

⁴ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 19.

⁵ См. В. И. Ленин. Философские тетради. Соч., т. 38, стр. 367, ср. стр. 278—279, 282, 365—366.

тельностью он определял так: свободные граждане и свободные поселенцы, не имеющие гражданских прав (в Афинах — метеки), и бесправные рабы. Рабство он в духе своего времени считал явлением естественным, происходящим от природы. Поскольку все это учение отражает исторические отношения античного мира, мы остановимся на них подробнее в главах IX, XII и XIV.

Свои теоретические положения Аристотель вывел из анализа большого конкретного материала, который потом изложил в ряде специальных исследований государственного устройства 158 городов, их «политий». К сожалению, из этих сочинений мы имеем только «Афинскую политику», которая была открыта в 1890 г. на египетском папирусе конца I в. н. э. В первой части этого трактата дается политическая история Афин, а во второй — система управления Афин того времени, то есть середины IV в. до н. э.

В обоих сочинениях Аристотель широко использовал философскую и политическую литературу своего времени, особенно политические памфлеты конца V в. до н. э., а также документы, литературные произведения и исторические памятники; для восстановления картины порядков древнейшего времени он широко применял метод истолкования пережитков. Относясь с предубеждением к демократическому строю, он не всегда правильно оценивал исторические события, поддавался влиянию олигархических памфлетов. Однако его влияние на политическую мысль позднейших времен было исключительно велико, а открытие «Афинской политики» было важным событием в греческой историографии нашего времени (см. гл. XII).

Дальнейшее развитие политических взглядов Аристотеля в приложении к истории мы находим в «Всемирной истории» Полибия (ок. 200—120 гг. до н. э.). Его труд охватывал события с 220 до 150 г. до н. э. Однако из 40 книг этого сочинения сохранилось полностью лишь пять первых и значительные отрывки из остальных.

Из Греции, раздираемой смутами, Полибий в 166 г. до н. э. был увезен в качестве заложника, как опасный деятель греческого сопротивления римскому завоеванию, и 16 лет провел в Риме, вращаясь в кругах передовой аристократии и особенно фамилии Сципионов. Застав Рим в пору быстрого роста его могущества и в пору культурного подъема и предвидя наступающий распад эллинистических государств, он невольно подчинился обаянию строгого порядка в Риме и сделался его почитателем. Обладая широкими познаниями, он стал

учителем римской передовой молодежи и пропагандистом философии Аристотеля. В системе римского управления он увидел осуществление и счастливое сочетание трех лучших политических форм — аристократии в виде сената, умеренной демократии в виде комиций (народного собрания) и монархической власти в виде магистратуры, то есть высших государственных должностей (VI, 3, 7; 10, 13; 11, 11—13). История мира отождествляется им с историей стран средиземноморского бассейна, а центром их оказывается Рим, так что всемирная история превращается в его представлении в историю Рима. Такова основная точка зрения его труда.

Полибий полон уверенности в пользе исторической науки, поскольку она опытом прежних поколений помогает правильно строить современную жизнь (I, 1, 1). «Кто же,— спрашивает он,— столь ограничен и легкомыслен, что не хотел бы знать того, как и при каком роде государственного устройства в течение неполных 53 лет почти все части вселенной были побеждены и подпали под единую власть римлян? Такого случая не бывало никогда прежде. Да и кто же, с другой стороны, настолько увлечен видом какого-нибудь зрелища или какой-нибудь другой наукой, что скорее уделит бы внимание им, чем изучению этого предмета?» (I, 1, 5—6). Первым и необходимым требованием у историка должны быть достоверность и беспристрастие, и только при соблюдении этого условия история может приносить пользу (I, 14, 4; XVI, 20, 8—9).

«Особенностью нашего труда,— пишет он в начальной части,— как и самым удивительным свойством нашего времени является то, что, поскольку судьба почти все события вселенной склонила в одну сторону и направила их все к одной и той же цели, ввиду этого и нам следует в историческом сочинении показать читателям единую точку зрения, по которой действие судьбы привело все дела к полному завершению» (I, 4, 1). В дальнейшем автор объясняет, что эта завершающая сила Рима создалась не случайно, а сложилась вполне естественно в результате постепенной подготовки (I, 63, 9). В VI книге он дал блестящую характеристику Рима и его современного состояния.

Свою «Историю» Полибий называет «прагматической»⁶ в том смысле что имеет в виду последовательное изложение событий, и «политической», поскольку она говорит «о деяниях

⁶ Не надо смешивать этот термин с названием особенно реакционного направления в современной буржуазной философии, отождествляющего реальность с совокупностью субъективного опыта и ощущений.

народов, государств и властителей» (IX, 1, 4). «Прагматический вид нами выбран,— объясняет он,— во-первых, потому, что он постоянно вносит что-нибудь новое и требует нового объяснения, так как древним людям не было возможности рассказать нам о позднейших событиях, а во-вторых, и потому, что этот вид и прежде оказывался наиболее полезным, а в особенности полезен теперь, поскольку в наше время прибавилось так много опыта и научных средств, позволяющих любознательным людям как бы по правилам разбираться во всяком деле, какое случается в зависимости от обстоятельств. Поэтому-то мы отказались от всех других видов истории и обратились к этому не столько, чтобы доставить удовольствие будущим читателям, сколько, чтобы помочь занимающимся» (IX, 2, 4—6). Полибий пишет это в предисловии к рассказу о войне с Ганнибалом.

В вопросе об определении достоверности рассказа Полибий подчеркивает важность показаний очевидцев. Он ссылается на слова философа Гераклита (конец VI в. до н. э.): «Глаза более достоверные свидетели, чем уши» (XII, 27, 1). Но этого мало. Научный метод Полибия требует изложение фактов подкреплять и объяснять указанием на взаимоотношение и причинную связь между фактами. «У истории,— писал он,— если отнять «почему, как, ради чего что-нибудь было сделано?» и «было ли благополучно доведено до намеченной цели?» — останется только предмет состязания, но не будет науки, будет удовольствие в данное время, но никакой пользы для будущего» (III, 31, 12—13).

Как известно, этот «прагматический» метод в исторической науке и до сих пор находит применение, хотя, конечно, уже явно не удовлетворяет возросшим научным требованиям. Полибий оказал сильное влияние на последующую историографию. Историки нового времени ставят его на один уровень с Фукидидом.

Поскольку Полибий во время своего пребывания в Риме сделался идейным руководителем кружка, группировавшегося вокруг Сципиона Эмилиана (185—129 гг. до н. э.), он оказал глубокое влияние на римских писателей. Его учение о взаимодействии в римском государственном устройстве трех лучших, по Аристотелю, политических форм было подхвачено Цицероном (106—43 гг. до н. э.). Лично через философа Посидония (135—50 гг. до н. э.) и из сочинений Панетия (185—109 гг. до н. э.) он был знаком с взглядами Полибия. В своем философско-политическом трактате «О государстве», частично сохранившемся до нашего времени, Цицерон прямо

ссылается на его авторитет (I, 21, 34; II, 14, 27; IV, 3, 3), но при этом старательно подчеркивает, что римская политическая теория подсказана не столько греческой философией, сколько самой политической практикой (I, 22, 36). «Государство, — говорит он устами Сципиона Эмилиана, — есть дело народа, а народ — не всякая сходка, собранная любым образом, но собрание народа, объединенного согласием права и общностью пользы. Первой причиной этого общения является не столько слабость, сколько какое-то естественное, как бы стадное объединение» (I, 25, 39).

Принадлежа к сословию всадников, он в начале своей карьеры защищал интересы этого сословия, но потом, когда выдвинулся на политическом поприще, стал идеологом «согласия сословий», то есть всаднического и сенатского. В последние годы жизни он выступал в качестве энергичного поборника республики — той, которая выражала интересы служилой, сенатской аристократии — «нобилитета». В сочинении «Об обязанностях», написанном в последние месяцы жизни, в разгар последней борьбы за республику, идеал политического деятеля Цицерон в духе учений Платона рисует такими словами: «Вообще те люди, которые будут стоять во главе государства, должны держаться двух правил Платона: во-первых, блюсти пользу сограждан в такой степени, чтобы на их пользу направлять все свои действия, во-вторых, заботиться о всем теле государства и, оберегая одну часть, не оставлять без внимания остальные. Ведь как опека, так и управление государством должно быть направлено на пользу тех, которые ему вверены, а не тех, кому оно вверено. Те же, кто заботятся лишь об одной части граждан, а о другой не думают, вводят в государство самую губительную вещь — смуту и раздор: от этого и происходит, что одни оказываются сторонниками народа, другие сторонниками оптиматов и лишь немногие думают об общем благе» (I, 25, 85).

В соответствии с такими взглядами на роль политического деятеля — у Цицерона и понимание задач историка. «Кто не знает, — писал он в трактате «Об ораторе», — что первый закон истории — это не сметь говорить ничего ложного, а затем не сметь не говорить правды (*ne quid falsi dicere audeat, ne quid veri non audeat*). Пусть не будет в писании никакого подозрения в благоволении или во вражде к кому-нибудь» (II, 15, 62). И далее Цицерон говорит, что историк не должен ограничиваться сообщением голых фактов, но должен писать и о намерениях и планах и речах действующих лиц, обо всем, что достойно памяти, с сохранением по-

рядка по времени и месту действия, а кроме того, он должен говорить и о причинах и следствиях, а также давать оценку и событиям, и людям («Об ораторе», II, 15, 63).

Задаваясь вопросом, откуда историк черпает свои сведения о прошлом, Цицерон говорит, что первоначально «история была не чем иным, как составлением летописи», и поясняет, что «ради этого, а также ради увековечения памяти дел от начала римского государства вплоть до верховного понтифика П. Муция верховный понтифик все события из года в год записывал и заносил на белую доску (*album*), а эту доску вывешивал на стене своего дома, чтобы народ имел возможность узнавать о событиях: это — то самое, что и теперь называется великими анналами» («Об ораторе», II, 12, 52, ср. «О государстве» I, 16, 25). Из других источников, видно, что под названием «анналы», то есть летопись, разумелся первоначально голый перечень событий, имевших значение в обиходе современных представлений, как война и мир, неурожай, градобитие, чудесные знамения (*prodigia, portenta*), затмение солнца и т. п. (А. Геллий, «Аттические ночи», V, 18; ср. II, 28, 6; IV, 5, 6; Сервий в комментарии к Вергилию, «Энеида», — 373). Цицерон отмечает, что «ничего не может быть более сухого», чем эти летописные записи («О законах», I, 2, 6). Тем не менее ими пользовались все последующие римские историки, писавшие о ранней истории. Из слов Цицерона видно, что верховный понтифик, глава жреческой коллегии понтификов, П. Муций Сцевола в 127 г. до н. э. собрал в единый свод все ежегодные записи своих предшественников и опубликовал их под названием «Великих анналов», после чего оказалось нецелесообразным дальнейшее ведение таких записей, так как их полностью заменяла связная история отдельных ученых.

Наблюдения над сочинениями историков своего и предшествовавшего времени привели Цицерона к характерному определению, что «история есть труд по преимуществу ораторский» («О законах», I, 2, 5). В этом сказалась та роль, которую в общественной жизни античного мира играло ораторское искусство и теория его — риторика. Это не противоречит требованиям достоверности содержания, но относится к форме изложения: с точки зрения людей античного мира, исторический жанр должен был давать интересное чтение.

Римский историк Г. Саллюстий Крисп (86—35 гг. до н. э.) известен нам главным образом по двум сочинениям: «Заговор Катилины» (история заговора, составленного им и разоблаченного Цицероном в 63 г. до н. э.) и «Война с Югуртой»

(история войны римлян с этим царьком Нумидии в 111—105 г. до н. э.). Точка зрения, которую автор проводит в этих сочинениях, сводится к мысли, что пока Рим оставался верен своим древним нравам и обычаям, он был могуч и славен, но с тех пор, как граждане стали отступать от добрых правил старины, в государстве началось разложение. В связи с этим автор в духе стоической философии идеализирует жизнь первобытных людей. «Когда вместо труда,— пишет он,— нахлынуло безделье, вместо умеренности и справедливости произвол и надменность, тогда вместе с нравами меняется и судьба» («Катилина», 2, 5). Во втором сочинении, рассказывая о позорных поражениях римского войска в войне с полудиким племенем африканцев, он показывает нравственный упадок правящего класса — служилой аристократии (нобилитета), а в истории заговора Катилины в образах заговорщиков показаны результаты этого разложения — честолюбивые и своекорыстные замыслы промотавшихся аристократов. Им противопоставляется (в «Югурте») сильная личность «нового человека» — Мария. На исторический труд Саллюстий смотрит, как на средство возбудить в сознании граждан благородные мысли о служении на благо родины. «Память о великих подвигах,— так объясняет он свою точку зрения,— имеет такую силу, что может в сердцах выдающихся людей усиливать их пламенную страсть и не давать ей ослабевать, пока их доблесть не сравняется с молвой и славой тех дел» («Югурта», 4, 6). К сожалению, не сохранилось, кроме некоторых отрывков, большое сочинение Саллюстия «История», охватывавшее события от 78 до 67 г., где рассказывалось о знаменитом восстании Спартака (73—70 г. до н. э.).

Из римских историков наибольшей известностью пользуется Т. Ливий (59 г. до н. э.— 17 г. н. э.). Его огромный труд, обычно называемый «Книги от основания города», содержал 142 книги и охватывал события от основания Рима в 754 г. до н. э. до смерти Друса, пасынка Августа, в 9 г. до н. э. Однако из его труда сохранилось лишь 35 книг, именно I—X и XXI—XLV, то есть за время с 754 по 293 и с 218 по 167 г., а содержание остальных известно по краткому изложению. Все сочинение Ливия проникнуто такой же дидактической (назидательной) целью, как и труд Саллюстия. Он живо отражает настроения эпохи, когда Рим сделался мировой державой, подчинившей себе все прибрежные районы средиземноморского бассейна от Атлантического океана до Индии. Подчиненные народы и даже враги, с которыми при-

ходилось сталкиваться Риму, могли с удивлением смотреть на могущество и обширность этого государства, и Ливий, оглядываясь в прошлое, старается показать, как из маленького государства-города Рим превратился в мировую державу. «Мне приятно будет,— писал он в «Предисловии» к своему труду, — сознание того, что и я по мере своих сил содействовал сохранению памяти о деяниях первого в мире народа» («Предисловие», 3). Но историк не может скрыть и огорчения, что могущество государства подрывается растущим падением нравов. Нужны яркие краски, чтобы оживить в глазах читателей образцы древней доблести и патриотизма. «Дело это,— говорит он далее,— требует неимоверного труда, поскольку нужно проследить события свыше, чем за семьсот лет, и притом показать, как государство, начинаясь с ничтожных основ, разрослось до таких размеров, что теперь страдает уже от своей величины, и, несомненно, многим из читателей начальные времена и ближайшие к ним отделы доставят менее удовольствия, так как они будут торопиться перейти поскорее к нашим, новым временам, когда силы народа, ранее достигшего преобладания над всеми, уже сами истощаются. Я же, наоборот, буду искать удовлетворения за свой труд в том, если отвращу свой взор от вида тех несчастий, которые наш век наблюдал в течение стольких лет,— отвращу, по крайней мере, на тот срок, пока все внимание буду сосредоточивать на том прошлом, свободный от всякой думы, которая могла бы, если не отвести от истины, то все-таки смутить мысль пишущего» («Предисловие», 4—5).

С другой стороны, Ливий считает невозможным слишком распространяться о ранних, сказочных временах и хочет сосредоточить внимание на эпохах, точно известных. «У меня,— продолжает он свои объяснения,— пусть каждый самостоятельно обратит внимание особенно на то, какова была жизнь, каковы нравы, благодаря каким людям и какими средствами дома и на войне была создана и расширена держава (*imperiū*). Затем пусть читатель мысленно проследит, как постепенно, по мере того как расшатывался строгий порядок (*disciplina*), стали сначала падать нравы, а затем все более и более покатались вниз и, наконец, понеслись уже со всей стремительностью, пока дело не подошло к нашим временам, и вот теперь мы уже не в силах терпеть ни наших пороков, ни средств их излечения» («Предисловие», 9).

Весь огромный труд Ливия построен по этой программе — на стремлении воздействовать на современников величием

образов прошлого. Слабой стороной истории Ливия является то, что он первоисточниками пользовался по преимуществу из вторых рук. Так, он указывает, что в его время в храме Юпитера Феретрийского висели доспехи, снятые консулом А. Корнелием Коссом в 437 г. до н. э. с убитого им царя фалисков Толумния, но не прочитал надписи на них, а передает ее со слов видевшего их Октавиана Августа (IV, 20, 6—7). Со слов одного из своих предшественников Г. Лициния Макра Ливий упоминает о «полотняных книгах», хранившихся в храме Юноны-Монеты, содержавших списки магистратов, то есть высших должностных лиц (IV, 20, 8), но сам к ним не обращался. Он жалуется на то, что при пожаре Рима во время вторжения галлов в 390 г. до н. э. погибли все письменные документы предшествовавшего времени (VI, 1, 2), и тем не менее весьма точно сообщает о многих событиях прежних времен. Это дает основание думать, что вопрос о первоисточниках вовсе не был в таком безнадежном положении, как утверждал Ливий, и в новое время известный ученый Г. Б. Нибур считал возможным в некоторых местах истории Ливия видеть следы летописной традиции⁷.

Богатый исторический материал даже при спорности некоторых сообщений и несомненная художественность изложения — все это с давних пор привлекало большой интерес мыслителей нового времени — Данте, Макиавелли, Монтескье и многих других. На изучении истории Ливия сложилась историческая критика.

Из историков эпохи империи нам особенно важно остановиться на больших трудах П. Корнелия Тацита (55—120 г. н. э.) — на его «Историях» в 14 книгах, из которых сохранились лишь первые четыре и начало пятой, и на «Анналах» в 16 книгах, из которых сохранились I—VI и XI—XVI. Энгельс характеризовал Тацита, как одного из немногих, оставшихся еще в живых староримлян «патрицианского склада и образа мысли»⁸. Действительно, его идеалы — в республиканском прошлом; но отдавая дань времени и считаясь с громадными размерами империи, он уже не может мечтать о возрождении прежней жизни и признает необходимость единоличного управления — правда, с серьезными оговорками: правитель должен обладать высокими моральными качествами и получать власть по избранию («История», I, 16, 1—2).

⁷ Вот пример: «При этих консулах (Сервин Сульпиция и Манин Тулли, то есть в 499 г. до н. э. — С. Р.) осаждены Фидены, взята Крустурия, Пренест отпал от латинян и перешел на сторону римлян» (II, 19, 2).

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 311.

В юности, находясь под влиянием модного учения стоиков, он написал небольшое сочинение «Германия», где идеализировал быт и нравы германцев, как первобытного народа, не испорченного человеческой культурой и сохраняющего первобытную чистоту нравов. Такую моралистическую точку зрения он сохранил и в позднейших больших сочинениях. Так, в «Анналах» (III, 26, 1—2) он говорит: «Древнейшие люди в своих поступках не руководились никакой дурной страстью, жили без пороков и преступлений, не нуждаясь ни в наказаниях, ни в обуздании. Не было надобности и в наградах, так как люди по собственному сознанию стремились к благородным целям, а, поскольку желания их не противоречили нравственности, то ни в чем не приходилось удерживать их страхом. Но после того, как стало исчезать равенство и вместо умеренности и стыда стало появляться честолюбие и насилие, тогда стали нередкими случаи захвата власти, и у многих народов это осталось навеки».

Подобно Полибию и Цицерону, Тацит считает наилучшим тот строй, который сочетает правление народа с правлением «первых людей» (*primogenes*) и даже с единоличным правлением, но прибавляет, что в жизни такое сочетание редко встречается, а, если и бывает, то оказывается очень недолговечным («Анналы», IV, 33, 1).

Так же, как Саллюстий и Ливий, а несколько позже и греческий писатель Плутарх, Тацит ставит себе практическую задачу — историческими примерами добродетели и порока навести на путь добродетели своих современников. «Я ставил себе задачей, — объясняет он в «Анналах», — приводить только суждения, замечательные или по благородству, или по исключительному безобразию, и это я считаю главной обязанностью летописи — делать так, чтобы не умалчивалось о делах добродетели и чтобы за негодные речи и дела у людей был страх перед потомством и перед собственным бесчестьем» (III, 65, 1). И далее, клеймя нравственный упадок своего времени и низкую лесть именитых людей, он приводит отзыв императора Тиберия: «О, люди, готовые быть рабами!» (III, 65, 3).

Говоря о событиях недавнего прошлого, Тацит широко пользуется свидетельствами современников, документами и личными воспоминаниями. Известно его определение принципов исторического исследования: «писать, без гнева и пристрастия» — *sine ira et studio* («Анналы», I, 1, 3). Однако, как видно, окружающая действительность была так ужасна, что он не мог быть хладнокровным ее бытописателем. По-

вествуя о жестокости и подозрительности императора Тиберия, о глупости и самодурстве Клавдия, о самомнении и жестокости Нерона, о распутстве и жестокости императриц Мессалины, Агриппины Младшей и других, о злодеяниях выскочек и фаворитов из вольноотпущенников и т. д., Тацит не мог сдерживать негодования, и с полным основанием Пушкин назвал его «бичом тиранов» и отметил при этом, что он «не нравился Наполеону»⁹. Неудивительно, что вследствие такого направления мыслей Тацит пользовался большим влиянием в кругах наших декабристов, и Пушкин под впечатлением его рассказа задумал написать исторический роман из римской жизни времен Нерона («Цезарь путешествовал...»).

Из многих других античных историков назовем еще Аппиана (ок. 95—165 гг. н. э.), александрийского грека. Он был автором «Всемирной истории», из которой сохранились отдельные части, в том числе «Гражданские войны» — история Рима в период от Гракхов до Августа, то есть от 133 до 31 г. до н. э. Это сочинение высоко ценили Маркс и Энгельс. Энгельс подчеркивал, что из всех древних историков «только Аппиан говорит нам ясно и отчетливо, из-за чего она (внутренняя борьба.— С. Р.) в конечном счете велась: из-за земельной собственности»¹⁰.

Экономические вопросы в античном мире, вполне естественно, выдвигались самой жизнью. Греция по преимуществу горная страна, и только в немногих областях, как Беотия, Мессена (юго-западная часть Пелопоннеса), Фессалия и остров Сицилия, успешно развивалось земледельческое хозяйство. Уже Фукидид указывал на скудость почвы Аттики, вследствие чего она в раннюю пору и не привлекала завоевателей (I, 2, 5). Поэтому большинство государств Греции пользовалось хлебом привозным, главным образом с северных берегов Черного моря (Демосфен, XVIII, 87; XX, 31—32), частью из Сицилии и Египта, и вопрос о подвозе приобретал по временам весьма острый характер. Зато широко развивалось виноградарство и виноделие, огородничество, садоводство, разведение маслин, из которых получалось замечательное масло. В горных местностях было распространено скотоводство, дававшее для промышленности шерсть. В прибрежных областях население занималось разного рода морскими промыслами. Из природных богатств особенно известны

⁹ А. С. Пушкин. Соч., т. VIII. Изд-во АН СССР, М., 1960, стр. 131.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 312.

серебряные рудники в Аттике близ мыса Суния, золотыми россыпями славилась область Лидия в Малой Азии (вспомним сказочные богатства лидийского царя Креза в VI в. до н. э.), а в IV в. во Фракии у горы Пангея открыты были золотые рудники, богатствами которых пользовался Филипп Македонский для подкупа политических деятелей во многих государствах. Медь получали в рудниках Кипра и на острове Эвбее близ города Халкиды, который от этого и получил свое название (*халкос* «медь»). Железные рудники были в Пелопоннесе. Прибавим еще в разных местах мраморные ломки, из которых особенно знамениты на острове Паросе и в Аттике в горах Пентелика. Кроме того, Аттика была богата прекрасной глиной, из которой аттические мастера выделывали замечательную посуду, высоко ценившуюся во всех районах античного мира и до сих пор украшающую художественные музеи всех стран.

Италия в раннюю пору была по преимуществу сельскохозяйственной страной, и знаменитый цензор Катон (234—149 г. до н. э.) в своем сочинении «О земледелии» писал, что лучшей похвалой для римлянина старого закала было назвать его хорошим земледельцем («Предисловие», 2). Однако уже в его время, когда Рим сделался властителем всей Италии и повел завоевательные войны за ее пределами, явилась возможность получать хлеб из других областей и прежде всего из Сицилии, а затем из Египта. Вместе с этим крупные землевладельцы стали обращать плодородные земли под пастбища, находя это более выгодным для себя. Так сельскохозяйственное хозяйство стало приходить в упадок.

Сам Катон в наставлениях своему сыну высказывал мысль, что для хозяина выгоднее обратить внимание на разведение виноградников, масличных плантаций, на садоводство и т. п. Тиберий Гракх в 136 г. до н. э., возвращаясь из Испании, видел в Этрурии запустение ее плодородных полей, на которых паслись лишь стада, охраняемые рабами (Плутарх, «Тиберий Гракх», 8). Тщетно пытались братья Тиберий и Гай Гракхи восстановить нормальное положение, ограничить рост крупных поместий и наделить земель безземельных: за счет мелких владений росли крупные поместья — «латифундии», так что в I в. н. э. римский естествоиспытатель и энциклопедист Плиний Старший имел некоторое основание сказать: «Латифундии погубили Италию, а вскоре погубят и провинции» («Естественная история», XVIII, 35).

Помимо хлеба (пшеница и полба), винограда и оливок, Италия обладала и минеральными богатствами: железо на

острове Ильве (совр. Эльба), медь, мрамор, глина для посуды в Этрурии; культура льна — в долинах реки По и т. д. Однако при рабовладельческой системе хозяйства обработка этих материалов сосредоточивалась главным образом в рабовладельческих мастерских, а это выбивало работу из рук простых свободных ремесленников и снижало развитие техники.

Экономическим вопросам античные писатели уделяли сравнительно мало внимания. Однако сами по себе вопросы экономического неравенства волновали их с давних времен¹¹. У Гомера, особенно в «Одиссее», содержится немало интересных данных по экономике. Но первое сочинение, в котором описано земледельческое хозяйство, — поэма Гесиода «Труды и дни» (конец VIII и начало VII в. до н. э.), где поэт дает наставления, как и в какую пору года следует производить те или другие сельские работы. Это — типичный образец натурального хозяйства, в котором все производится для собственного потребления, но в то же время это — хозяйство рабовладельческое, хотя и с малым количеством рабов.

В конце VII в. до н. э. в Греции обнаружилось явное черты новых хозяйственных отношений: стала развиваться торговля — по преимуществу внешняя, появились деньги и частная собственность, а вместе с этим обострение противоречий между богатыми и бедными, что в свою очередь привело к необходимости писаного законодательства. Законами Солона в Аттике установлен имущественный ценз и разделение граждан на классы по имущественному состоянию. Стихотворения Солона и некоторых поэтов VII—VI вв. до н. э. освещают нам этот процесс.

В конце V в. до н. э. писалось много проектов социального переустройства, но до нас дошли только два сочинения Ксенофонта начала IV в.: «Экономик», нечто в роде «Домостроя», где представлен тип рачительного хозяина, который сам во все вникает и сам всем руководит — образец замкнутого домашнего хозяйства — *oikos*, и «О доходах», где особенно много места уделяется вопросу о разработке серебряных рудников в районе Лаврия и об использовании тут силы рабов. Далее, под именем Аристотеля имеется трактат «Книги об экономике», но он вряд ли принадлежит знаменитому философу. Это свод отдельных наблюдений и над ведением домашнего хозяйства вплоть до семейной жизни, и над государственным хозяйством с рядом примеров изобретательно-

¹¹ См. В. Я. Железнов. Экономическое мировоззрение древних греков. «История экономической мысли», под ред. В. Я. Железнова и А. А. Мануйлова, т. I. М., 1916.

сти некоторых правителей в деле изыскания доходов. Об экономических противоречиях в Спарте, достигших крайней остроты в III в. до н. э., когда число полноправных граждан — «спартиатов», владевших всей землей страны, сократилось до ста, свидетельствуют реформаторские попытки царей Агиса IV и Клеомена III, которые, однако, не увенчались успехом. Дальнейшие сведения мы имеем из сборника «Геопоники» (О земледелии) из византийской поры (X в. н. э.), содержащего некоторые сведения и об античной Греции.

Экономическая история Рима явственно начинается для нас с установления цензового строя, приписываемого традицией царю Сервию Туллию, но фактически относящегося к начальным временам республики. Разделение граждан на пять имущественных классов с выделением двух центурий ремесленников, с предоставлением прав только землевладельцам и с объединением в одну центурию всех безземельных или малоземельных — «пролетариев»; — все это говорит о значении богатства и о наметившихся социальных противоречиях. Сословная борьба между плебеями и патрициями и противоречия между богатством и бедностью увековечены в «законах XII таблиц» 449 г. до н. э. В основу их положена земельная собственность, а вопрос о земле, как мы уже видели, был основным вопросом всей римской истории.

Из римских писателей, оставивших сочинения на эту тему, кроме Катона, о котором было сказано выше, мы должны назвать поэта П. Вергилия и ученых М. Т. Варрона и Л. Ю. М. Колумеллу.

П. Вергилий Марон (75—19 гг. до н. э.), прославивший себя героической поэмой «Энеида», автор и дидактической поэмы «Георгики» (О земледелии), где откликнулся на продовольственные затруднения своего времени в связи с упадком сельского хозяйства в Италии. В этом произведении он рисует в поэтических красках земледелие в собственном смысле, затем садоводство, скотоводство и пчеловодство. Так как отец его владел небольшим поместьем близ Мантуи, хозяйственная жизнь была ему хорошо знакома, и потому его описание отличается большим реализмом.

Его современник, весьма разносторонний ученый М. Теренций Варрон (116—27 гг. до н. э.), касаясь тех же вопросов, что и Вергилий, освещает их со строгой научностью. Наблюдая упадок земледелия в Италии, он настаивает на необходимости усиления тщательности сельских работ, причем имеет в виду не только интересы самообслуживания, но

и заготовку продуктов для продажи. Он предусматривает также возможность использования не только рабского труда, но и вольнонаемного.

Третий специалист по сельскому хозяйству Л. Юний Модерат Колумелла (I в. н. э.) в сочинении «О сельском хозяйстве» считал себя продолжателем дела Вергилия и жаловался на упадок земледелия. Он писал с полным знанием предмета, хорошо изученного на личном опыте. Интересно отметить, что он указывал на низкое качество рабского труда.

Хотя античные писатели, начиная с Гомера, говорят о труде ремесленников и даже мифология представляла Гефеста как кузнеца-ремесленника, а Афины как покровительницу рукоделия, труд ремесленника при рабовладельческих условиях хозяйства не пользовался почетом. В период расцвета жизнь требовала участия ремесленников, и образовалось много самых разнообразных специальностей, однако их труд встречался с конкуренцией крупных рабовладельческих мастерских и вследствие этого не получал широкого значения. Выделялись только разного рода художественные специальности, да и то почти только в Греции.

В нашу задачу в настоящее время не входит давать полную историографию античного мира: читатели найдут это и в специальных пособиях. Нам важно было показать лишь общий характер исторической науки в античном мире. Античные историки, как мы видели, интересовались по преимуществу политической и военной стороной и лишь при случае освещали явления социальной жизни. Их исторические труды отражают полностью миропонимание времени. Главное внимание они уделяли изложению фактов и обрисовке действующих лиц. Но вместе с тем для нас интересно и их отношение к своему предмету, постепенная выработка исследовательского метода. Начав с совершенно безыскусственного изложения преданий и чужих рассказов о событиях, они приходят к проверке их достоверности, к установлению между ними последовательности и причинной связи. Вместе с этим в литературе нашел себе место исторический жанр, причем за ним было признано общественное значение, как жанра, способного образами добродетеля и порока оказывать моральное действие на современников.

Как ни далеко ушла наша современная историческая наука от тех основ, которые заложены были античной наукой, некоторые ее принципы остаются идеалом и для нашего времени. Конечно, в наше время наука не может оставаться на том уровне, на котором стояла в древности, но нам необхо-

димо указать основные направления современной науки и притом не во всей широте, а лишь в пределах, касающихся античного мира.

Мы можем отметить, что историческая критика первым условием всякого исторического исследования ставит определение достоверности имеющихся в нашем распоряжении сведений; она установила свой метод на исследовании данных римской истории, и заслуга в этом деле принадлежит немецкому ученому Г. Б. Нибуру (1776—1831). Он был наследником просветительских идей XVIII в. Как известно, это был век рационализма. Увлеченные революционными стремлениями, ученые этой эпохи готовы были во всем сомневаться и все отвергать, а так как главным предметом исторического исследования была по преимуществу античная культура и в первую очередь особенно интересовавшая их история Рима, им нетрудно было увидеть, что многие данные традиции кажутся невероятными. История Ливия содержит много таких рассказов — об основании Рима, о судьбе Ромула и Рема, об изгнании царей и т. п. Немало сказочного есть в истории борьбы плебеев с патрициями, в рассказах о децемвирате (случай с Вергинией), о нашествии галлов и даже о более поздних событиях. К этому надо прибавить, что встречаются противоречия между разными писателями в рассказе об одном и том же событии. Однако недостаточно просто отвергнуть какое-нибудь сообщение, а важно выяснить основание его, найти положительную сторону. В этом и была заслуга Нибура, который даже в народных преданиях и песнях старался открыть историческое зерно. Он первый указал на следы летописной традиции в истории Ливия. Английский ученый Дж. К. Льюис за руководство для историков взял замечание одного действующего лица из комедии Плавта: «Больше значит один свидетель с глазами, чем десятеро с ушами» — *pluris est oculatus testis unus, quam auriti decem* («Грубиян», 489)¹². Льюис имел в виду, что для историка важно найти такую версию рассказа, которая бы опиралась на свидетельство непосредственного очевидца события, то есть по мере возможности на документ того времени; важно также и то, чтобы этот очевидец не был лично заинтересован в одностороннем освещении события. Краткие и сухие показания летописи, как и другие официальные документы, могут скорее всего подходить для целей истории.

¹² Сравним еще у Геродота: «Уши у людей менее достоверны, чем глаза» (I, 8) и у Лукиана «О пляске», 78 (ссылка на это замечание Геродота).

Этот положительный взгляд нашел немало последователей и за рубежом, и в России. Из русских можно назвать В. И. Модестова (1839—1907) и И. В. Нетушила (1850—1928). Такой взгляд нашел во многих случаях подтверждение в новых археологических находках — на римском Форуме, в этрусских могилах и т. п. Однако, несмотря на это, еще многие ученые продолжают сохранять скептическое отношение — Т. Моммзен, Э. Пайс, Г. Ферреро, в России — Р. Ю. Виппер. Они доходят до такой крайности (гиперкритицизм), что отвергают достоверность всей истории Рима до Пуннических войн.

Такой скептицизм в применении к греческой истории начался значительно позже — со второй половины XIX в. В начале же прошлого века наибольшее внимание привлекала к себе Спарта со своей строгой дисциплиной и героизмом. Таковы, например, работы К. О. Мюллера (1797—1840). Только под влиянием развития буржуазного строя в западной Европе интерес обратился в сторону более сложной культурной жизни Афин. Первый шаг в этом направлении был сделан английским ученым Дж. Гротом (1794—1871), автором обширной (в 12 томах) «Истории Греции» (1846—1856). Обладая большим житейским и политическим опытом в качестве банкира и члена английского парламента, он лучше других мог понять особенность афинской демократии, по-новому оценить деятельность софистов и греческую жизнь до македонского завоевания. Дополнением к этому труду могут служить еще две его большие работы — о Платоне (3 тома) и об Аристотеле (2 тома). Однако сближение древней жизни с живой современностью таило опасность модернизации истории, что и наступило вскоре.

Освобождение Греции из-под турецкого владычества (1829 г.), углубление знакомства с ее памятниками породило и идеализацию ее прошлого. Этим несомненно проникнут большой труд Э. Курциуса (1814—1896) «История Греции» в трех томах (1857—1867) и ряд других его работ.

Долгое время интерес исследователей привлекала лишь классическая Греция, то есть до македонского завоевания. Новый шаг в этом отношении был сделан И. Г. Дройзеном (1808—1884) в его большом труде «История эллинизма» (3 тома — 1833—1843). Им был впервые употреблен термин «эллинизм», который теперь стал общепринятым для обозначения эпохи греческой истории после завоеваний Александра Македонского. Дройзен имел в виду распространение греческой культуры на востоке, но у нас в настоящее время с этим словом связывается представление также и об обратном

влиянии восточных культур на греческую и таким образом о культурном взаимодействии и даже слиянии — синкретизме. Дройзен постарался на основании имевшихся в его время научных данных представить историю Александра и его ближайших преемников — диадохов и их продолжателей — эпигонов, то есть от конца IV до конца III в. до н. э. Богатыми открытиями конца XIX и начала XX в. теперь история этого времени значительно дополнена и уточнена. Но характерно то, что Дройзен в Александре старался представить как бы идеал для современной Германии, раздробленной на ряд мелких княжеств и стремившейся к политическому объединению под главенством Пруссии. Так в античную историю перекинулись интересы живой действительности. Это была уже модернизация истории, и, конечно, при таких условиях автор не мог понять и оценить по справедливости таких патриотов, как Демосфен.

С еще большей силой модернизация выступает в «Истории Рима» Т. Моммзена (1817—1903). Юрист по образованию и политический деятель, поборник идеи империи германского народа, он в первых трех томах¹³ (1854—1856) описал историю республики, причем свой политический идеал представил в образе Юлия Цезаря и жестоко осмеял деятелей республики — Цицерона и Катона Младшего. Рукопись четвертого тома сгорела и не была восстановлена автором, а пятый том вышел значительно позже, в 1885 г., и посвящен обзору организации римских провинций, что стало возможным на основе громадного документального материала собранных под его редакцией надписей. Среди многочисленных трудов Моммзена выдающееся значение имеет непревзойденное до сих пор по богатству и точности собранного материала «Римское государственное право», в трех томах и пяти частях (1887—1888).

К середине XIX в. относится разносторонняя деятельность русской исторической школы — М. С. Куторги (1809—1888), из работ которого особенно известна книга «О коленах и сословиях аттических» (СПб., 1838), Д. Л. Крюкова (1809—1845), работа которого «Мысли о первоначальном различии римских патрициев и плебеев в религиозном отношении» (в сборнике «ПроPILEИ», т. IV. М., 1854) пролила свет на происхождение плебеев из отношений матриархата¹³,

¹³ Ср. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 127; И. В. Нетушил. Обзор римской истории, изд. 2. Харьков, 1916, стр. 12—13.

Т. Н. Грановского (1813—1855), который известен своими лекциями, П. Н. Кудрявцева (1816—1858), который один из первых заинтересовался поздними эпохами римской истории в сочинениях «Римские женщины» (М., 1855) и «Судьбы Италии от падения римской империи до восстановления ее Карлом» (М., 1850), И. К. Бабста (1824—1881), написавшего книгу «Государственные мужи Греции в эпоху ее распада» (М., 1851), С. В. Ешевского (1829—1865), который в книге «Аполлинарий Сидоний. Эпизод из литературной и политической истории Галлии V в.» (М., 1855) первый на 20 лет ранее Моммзена стал изучать жизнь отдаленной провинции и первый обратил внимание на народное движение багаудов.

Французский ученый Н. Д. Фюстель де Куланж (1830—1889) в противоположность склонности некоторых ученых модернизировать древность сделал попытку понять античный мир в его своеобразии. В книге «Древняя гражданская община» (*Cité antique*, 1864) он основу государственной жизни Греции и Рима представил в организации небольшой вполне самостоятельной гражданской общины, известной у греков под названием «полис», в котором понятие государства совпадает с понятием города, а объединяющим началом он признал религию и главным образом культ предков и связанный с ним родовой строй. Хотя сведение всей сущности государства к единому источнику — религии было явно односторонним и неправильным, тем не менее мысль найти в греческом полисе первичную форму была близка к пониманию Аристотеля и оказалась плодотворной.

Расширение круга исторических интересов в сторону исследования экономических вопросов ведет начало от А. Бёка (1785—1867), который прославился изданием первого «Свода греческих надписей» (*Corpus inscriptionum graecarum*, 4 vv, 1828—1877). На материале главным образом надписей он создал свой классический труд «Государственное хозяйство афинян» («*Staatshaushaltung der Athener*», 3 Bände, 1817—1840, 3-te Aufl., 1886), который до сих пор остается непревзойденным по богатству документального материала. Вопрос о роли рабов в античном хозяйстве, затронутый Бёком, послужил темой специального исследования французского ученого А. Валлона (1812—1904) «История рабства в античном мире» (1849), которое сохраняет научную ценность и до сего времени¹⁴. Автор на основе богатого исторического материала

¹⁴ См. А. Валлон. История рабства в античном мире (русс. пер.). Соцэкгиз, М., 1941.

показал, что античное хозяйство строилось почти исключительно на эксплуатации труда рабов, и пришел к заключению, что такая система стала причиной деморализации и гибели античного мира. Это мнение нашло подтверждение в трудах Маркса, Энгельса и Ленина, как будет показано в дальнейшем нашем изложении. Такая же мысль была высказана мимоходом и Н. Г. Чернышевским¹⁵.

Экономические взгляды Маркса и Энгельса, как ни замалчивали их буржуазные ученые, все же находили отклик в трудах об античном мире. Возникал естественный вопрос: отличалась ли античная хозяйственная система от современной? Было ли хозяйство чисто натуральным похожим на капиталистическое?

Немецкий экономист К. Бюхер (1847—1930) в книге «Происхождение народного хозяйства» (1893) и затем в другой работе «Очерки экономической истории Греции» (1901), углубляя мысль Родбертуса (1805—1878), доказывал, что хозяйственное развитие человечества представляет три периода: замкнутое домашнее хозяйство, городское и народное хозяйство. Хронологически это соответствует трем крупным разделам всеобщей истории — древней, средневековой и новой. «Я отнес, — писал он, — народы классической древности, на основании преобладающих у них хозяйственных форм, к ступени замкнутого домового хозяйства (*οἶκος*) и при этом особенно подчеркнул, что полным развитием этой формы они обязаны были рабству»¹⁶. Так, Бюхер старался определить типичные свойства античного мира. Однако сразу же бросается в глаза серьезная натяжка в этой теории, так как она совершенно не учитывает естественных изменений и на один уровень ставит экономику гомеровской эпохи, века Перикла, эпохи эллинизма, первоначального земледельческого строя римской республики и латифундий времени империи.

Выдвигая свою точку зрения, Бюхер вынужден был выступить с опровержением другой еще более ошибочной теории, которая была четко сформулирована одним из крупнейших знатоков древнего мира Эд. Мейером (1855—1930) в многотомной «Истории древности» (1884—1902) с многократными переизданиями и дополнениями и отдельно развивалась в специальных исследованиях «Экономическое развитие

¹⁵ См. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. IV. ГИХЛ, М., 1948, стр. 481—482.

¹⁶ К. Бюхер. Очерки экономической истории Греции (русс. пер.). Л., 1924, стр. 18.

древнего мира» (1895) и «Рабство в древности» (1898)¹⁷. Эд. Мейер утверждал, что человечество в разные эпохи своей истории проходит одинаковые ступени, которые, таким образом, периодически повторяются: в античном мире, по его теории, натуральное хозяйство первобытных времен сменилось феодальным, а затем капиталистическим, после чего наступил упадок, переродившийся затем в новый феодализм средних веков и т. д. А рабство, с его точки зрения, не играло в хозяйственной жизни существенной роли, так как количество рабов будто бы вовсе не было так велико, как обычно думают, и труд рабов, которые работали наравне со свободными, мало отличался по существу от наемного труда нового времени. В результате получалось, что «стола» менял — «трапезитов» ничем не отличались от банкирских контор нового времени, рабовладельческие мастерские — «эргастерии» не отличались от фабрик и заводов нового времени. Мейер и его последователи стали говорить о капитализме в античном мире.

Как ни очевидна ошибочность такой исторической концепции, она была подхвачена многими буржуазными учеными, среди которых особенно выделялся Р. Пёльман (1852—1914), автор большого труда «История античного коммунизма и социализма» (1893—1901) или в новой редакции «История социального вопроса и социализма в античном мире» (1925). К этому мнению примкнули и некоторые из русских ученых, например Р. Ю. Виппер. Однако большинство русских ученых досоветского времени, как В. И. Герье, П. Г. Виноградов, И. В. Нетушил, Ф. Ф. Соколов и другие, хотя и чужды были марксистскому пониманию истории, не вдавались в гиперкритику и модернизацию.

Нетрудно понять, что такая модернизация древности направлялась на опровержение получавших все большую силу новых социальных теорий и, говоря о капитализме в древнем мире, должна была внушать мысль об извечности всего буржуазного строя. В связи с этим полезно напомнить предостережения против таких теорий В. И. Ленина, который писал: «Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы»¹⁸. А за этим должно следовать и другое требование: «...не приписывать

¹⁷ См. Эд. Мейер. Экономическое развитие древнего мира (русск. пер.). М., 1910; его же. Рабство в древнем мире (русск. пер.). М., 1899.

¹⁸ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Соч., т. 1, стр. 137, прим.

древним такого «развития» их идей, которое нам понятно, но на деле отсутствовало еще у древних»¹⁹.

Таким образом, задача историка древности должна состоять в том, чтобы, рассматривая какое-нибудь историческое явление, собрать о нем все имеющиеся сведения, проверить их достоверность и историческую ценность, поставить их в историческую взаимосвязь, установить причины и следствия, посмотреть на них глазами непредубежденного современника, и только на основании таких данных сделать свои выводы о характере и значении рассматриваемого явления.

Буржуазная наука эпохи империализма безусловно сделала многое по собиранию и проверке исторических фактов, но в истолковании их значения и внутренней взаимосвязи явно зашла в тупик, впадая в гиперкритику, сводя ход истории к деятельности великих личностей и руководящей роли идей, не замечая действия народных масс и классовой борьбы. Нечего уже говорить об извращениях фашистской идеологии, распространившихся и на изучение античной древности²⁰.

Октябрьская революция принесла торжество идей Маркса — Энгельса — Ленина в России, а после Великой Отечественной войны и в странах народной демократии, а отчасти и в капиталистических странах. Конечно, и в России освоение идей марксизма-ленинизма наступило не сразу, и был некоторый период шатаний и уклонов, но теперь мы можем видеть уже окончательное утверждение марксистско-ленинской методологии в целом ряде общих и специальных сочинений по истории античного мира, как, например, в первых трех томах «Всемирной истории» (М., 1955—1957). Обращает на себя внимание разработка вопросов по истории периферийных областей римской империи, и особенно надо выделить ряд специальных исследований истории и быта греческих поселений на северном побережье Черного моря.

Сущность нашего современного понимания исторического процесса с исключительной четкостью была сформулирована Марксом в книге «К критике политической экономии»: (см. выше, стр. 85—86)²¹.

¹⁹ В. И. Ленин. Философские тетради. Соч., т. 38, стр. 244.

²⁰ См. сб. «Против фашистского мракобесия и демагогии». Соцэкгиз, М., 1936; сб. «Против фашистской фальсификации истории». Изд-во АН СССР, М., 1939; сб. «Критика новейшей буржуазной историографии». Изд-во АН СССР, М.—Л., 1961; В. П. Шестаков. Античность в современной буржуазной философии и истории. «Вестник древней истории», 1963, № 2, стр. 3—22.

²¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 7.

Учение о базисе и надстройке учитывает обе стороны человеческой деятельности — и материальную, и духовную, но в противоположность идеалистическим концепциям основой считает материальную жизнь, экономическую структуру общества — «бытие», а явления идеологического порядка признает производными этого бытия, однако допускает при этом, что идеи могут оказывать со своей стороны влияние на породивший их базис. Исторический процесс и протекает в том, что в общественном производстве вырастают новые силы, которые вступают в борьбу со старыми, а прежние общественные формы оказываются устаревшими и несоответствующими требованиям развивающейся жизни. Вместе с этим руководящая роль в жизни постепенно переходит от одних общественных групп к другим, более прогрессивным, а это в свою очередь отражается и в смене идеологических направлений, так как всегда идеология господствующего класса бывает господствующей идеологией.

Изложенные тут принципы приложимы и к истории античного мира. Позднее, в главе XIV, когда мы будем характеризовать общественную и частную жизнь античного мира, мы постараемся более широко показать основную линию, по которой развивалась его история, а сейчас мы наметим лишь общие черты этого процесса, а их как раз недостаточно учитывала или вовсе не учитывала буржуазная наука.

Марксистское учение античную общественную формацию определяет, как рабовладельческую, поскольку производительный труд выполнялся главным образом руками рабов. Но между рабами и рабовладельцами с тех пор, как возникло государство, всегда велась скрытая или явная борьба, и вся история античного мира в той или иной степени является историей этой борьбы — то едва заметной в раннюю пору, то выражающейся в целых восстаниях, угрожающих существованию самих государств. При этом рабовладельческая система оказывала пагубное, разлагающее влияние на самих рабовладельцев, что и привело античный мир к окончательной гибели. Но, кроме того, в среде самих рабовладельцев идет борьба вследствие растущего имущественного неравенства. Одновременно с этим происходит постоянное изменение и в пределах той формы, в которой проходила жизнь античного общества: форма полиса — государства-города, которая вначале удовлетворительно выполняла свою задачу, постепенно становилась все более несоответствующей новым требованиям жизни, оказывалась несостоятельной и, наконец, распалась под ударами новых сил.

Нам необходимо отчетливо представлять себе этот многовековой процесс, чтобы понять и оценить то культурное наследие, которое мы получили от античного мира.

Моральное разложение, явившееся следствием рабовладельческой системы хозяйства, выражалось прежде всего в большом количестве безработных бедняков. Теснимые богатыми соседями или отрываемые от земли бесконечными войнами, мелкие землевладельцы легко продавали оставшийся участок земли и превращались в пролетариев. Занятие ремеслом также не приносило бедняку материального обеспечения, так как не могло выдержать конкуренции на рынке с изделиями эргастериев крупных рабовладельцев. Однако этот бедняк рассчитывал получать содержание от государства — в виде легкого заработка, например, в качестве присяжного в суде, или в виде платы за присутствие в Народном собрании, или в виде «зрелищных» денег для посещения театральных и других зрелищ; римский гражданин надеялся получить долю в хлебных или денежных раздачах или в военной добыче после удачного похода, или, наконец, он старался попасть в клиенты к какому-нибудь богачу и пользовался его милостями. Так он превращался в люмпен-пролетария в нашем смысле слова. В Греции такое явление стало наблюдаться с конца V в. до н. э., в Риме — после ряда завоевательных войн II в. до н. э. В противоположность трудовому населению, особенно среднему крестьянству, эти люди, свободно располагающие своим досугом и без дела слоняющиеся по улицам города, составляют большинство в народных собраниях — беспринципное, легко поддающееся влиянию разных честолюбцев, демагогов, создающих себе популярность безответственными, крикливыми речами и вовсе не думающих об интересах государства. Из «Истории» Фукидида и из комедий Аристофана нам хорошо известен этот тип в образах Клеона, Алкивиада и других. Филипп Македонский не жалел денег, чтобы с помощью таких деятелей усыпить бдительность народа и в удобный момент нанести сокрушительный удар свободе Греции.

В еще более широком масштабе этот процесс происходил в истории Рима. Тщетно пытались братья Гракхи в 133—121 гг. до н. э. остановить пролетаризацию италийского крестьянства. Мелкое крестьянское хозяйство пришло в полный упадок, и за его счет вырастали огромные поместья богачей — латифундии. Реформа Мария в 107 г. до н. э., открывшая доступ в состав легионов пролетариям и сделавшая военную службу оплачиваемой, привлекала в армию по преимуще-

ству эти пролетарские элементы. Такая армия вскоре же сделалась опасным орудием в руках честолюбивых полководцев. Так подготовилась диктатура Суллы (82—79 гг. до н. э.), а затем Юлия Цезаря (46—44 гг. до н. э.); колебания разрешились, наконец, приципатом Августа в 30 г. до н. э. и установлением империи.

Централизация управления в государстве, разросшемся до огромных размеров, внесла некоторый порядок и частично даже облегчила положение провинций²², но не могла поправить внутренних противоречий и возраставшей экономической разрухи, неизбежного следствия рабовладельческой системы. Постепенно владельцы крупных поместий стали заменять рабский труд работой свободных поселенцев — колонов. Но в 332 г. н. э. императору Константину пришлось запретить особым декретом переход колонов с одного места на другое — прикрепить их к земле. Следы этого продолжали держаться до конца античной истории, постепенно уступая место крепостному праву эпохи феодализма.

²² См. Г. Буассье. Картины римской жизни времен Цезарей (русск. пер.). М., 1915, стр. 17—47.

ГЛАВА VII

АРХЕОЛОГИЯ КАК ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПОЗНАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АНТИЧНОГО МИРА

Наше знание античной культуры основывается не только на показаниях древних писателей, но и на непосредственном рассмотрении некоторых остатков античной жизни, которые к новым народам перешли по наследству от их античных предшественников. Современные Афины, Рим, Александрия, Стамбул (прежний Константинополь или Византия), Керчь и другие расположены на тех самых местах, где находились древние города, и вполне естественно позднейшее население старалось использовать старые сооружения для своих целей, языческие храмы переделывались в христианские, как это можно видеть по многим примерам в Риме; приспособлялись под храмы древние «базилики», то есть крытые царские дворы (имеются в виду постройки эллинистических царей), как бы «пассажи» с торговыми, судебными и другими помещениями. Парфенон на афинском Акрополе был превращен в храм св. Софии, причем на восточном фронте выломали замечательные статуи посередине, чтобы устроить колокольню, а во время турецкого владычества в нем устроили мечеть и с одной стороны приделали даже минарет (убран после освобождения Греции). Но хуже всего было то, что пока не была осознана ценность остатков древности, их жесточайшим об-

разом расхищали для удовлетворения текущих потребностей. Так, в 60-х годах прошлого века немецкий инженер К. Гуман, приехав в город Бергаму (др. Пергам), был свидетелем того, как турецкие рабочие толкли на известь мраморные статуи. Это побудило его поднять вопрос перед турецким и германским правительствами об организации раскопок в этом месте, и так был открыт древний город с богатыми постройками и замечательными произведениями искусства (знаменитый алтарь Зевса). Театр Марцелла в Риме, построенный в 11 г. до н. э., частично занят в настоящее время под торговые помещения. В театрах в Афинах и Эпидавре до сих пор продолжают ставить античные драмы. Бронзовые предметы обычно переплавлялись на оружие или предметы обихода. В начале XIX в. огромный амфитеатр Флавиев, известный под названием Колизея, отстроенный в 79 г. н. э., разрушался окрестными жителями для своих построек. А огромный мавзолей императора Адриана папским правительством в X в. был превращен в крепость под названием «Замок св. Ангела». Но если в Афинах новый город образовался вокруг древнего и мало затронул его, то новая Александрия развивалась прямо на почве древней и почти совершенно поглотила ее. Точно так же у нас город Керчь возник на почве древнего Пантикапея и только окрестности хранят еще остатки древнего города.

Лишь в конце эпохи феодализма в связи с ростом городской культуры и зарождением капиталистического хозяйства пробудился интерес к античной культуре, оценили важное значение ее наследства и началось деятельное собирание остатков классической древности. Но эпоха Возрождения была временем по преимуществу любительского собирательства, имевшего в значительной степени случайный характер, что превращалось нередко в простое кладоискательство, принесшее для науки немало вреда. Недоставало еще ясного сознания важности планомерного ведения дела, необходимости тщательно оберегать найденное и не ограничиваться случайными находками на поверхности земли, но самим искать в недрах земли, руководствуясь научными данными. Накопление опыта, подкрепленное изучением литературных свидетельств, привело к установлению исследовательских методов, а вместе с этим и к возникновению специальной науки — археологии¹.

Слово археология греческое (*ἀρχαιολογία*) и буквально

¹ См. С. А. Жебелев. Введение в археологию. Пг., 1923; К. В. Керам. Боги. Гробницы. Ученые, изд. 2. ИЛ, М., 1963.

значит «наука о древности». В этом смысле первоначально и употреблялось это слово в древности. Софист Гиппий в V в. до н. э., как передает об этом Платон («Гиппий Большой», б, р. 285 D), определял задачей этой науки исследование «о родах героев и людей, об основании городов, — как в древности они были основаны, и вообще о всей древности». Так же представляли дело Диодор (II, 46, 6) и Страбон (XI, 14, 12, р. 530 D). Дионисий Галикарнасский словом *археология* называет древнюю историю Рима, Иосиф Флавий — «Древности иудейского народа» и т. д. С этой точки зрения — «археологией» называют и начальную часть «Истории» Фукидида, где дается очерк первоначальной истории Греции.

В настоящее время под словом *археология* разумеется наука об отыскании и изучении материальных остатков жизни древних народов. Открытие Помпей, Геркуланея² и Стабий — трех италийских городов, заваленных в 79 г. н. э. извержением Везувия, относится к XVI в., но настоящие раскопки начались лишь с 1748 г., а правильно, методически ведутся только с 1860 г. В Греции же, на которую обращалось особенное внимание, археологические исследования могли начаться только после освобождения ее из-под турецкого ига в 1829 г. А до этого памятники ее подвергались разрушению и расхищению со стороны разных авантюристов, которые умели посредством взяток (бакшиш) получить от турецкого паши разрешение султана (фирман) на вывоз всего, что им угодно. Так, в Британский музей в Лондоне были перепроданы знаменитые украшения с фронтонов афинского Парфенона: они известны под названием «мраморов лорда Эльджина». В мюнхенской «глиптотеке» находятся скульптуры с фронтонов храма на острове Эгина, а в 1880 г. в Берлин были привезены замечательные горельефы с алтаря Зевса в Пергаме, туда же были переданы и троянские находки Г. Шлимана. Многие археологические ценности разбросаны по разным музеям Европы и даже Америки.

В настоящее время в большинстве государств проведены законы, строго воспрещающие вывоз в иные страны национальных древностей. Они собираются и бережно хранятся или на своих местах, или в местных национальных музеях. В кругу дисциплин классической филологии нас будет интересовать археология греческая и римская. Поскольку античный мир, как было указано выше (гл. II), занимал очень большое пространство, поле для деятельности археологов

² Herculaneum. В России получила распространение искаженная форма *Геркуланум*.

чрезвычайно обширно, и почва не только отдаленных уголков античного мира, но и центральных мест Греции и Италии и Египта все еще продолжает давать обильные результаты, открывать таящиеся в ней сокровища; а поскольку античное наследие имеет всемирное значение, в разысканиях его остатков принимают участие ученые всех стран и национальностей. Мы не имеем возможности в плане нашего краткого «Введения» давать сколько-нибудь подробного обзора выдающихся археологических открытий и отметим наиболее важные.

В июне 1873 г. весь мир облетела весть, что известный миллионер, коммерсант, не то русский, не то американец, а может быть немец — на все эти именованья он имел право — Генрих Шлиман открыл гомеровскую Троию. Многие серьезные ученые отнеслись к этому сообщению весьма скептически, так как давно уже пришли к мысли, что Троянская война — это народная сказка, украшенная фантазией многих поэтов и получившая особенную известность по поэмам «Илиада» и «Одиссея», которые традиции приписала Гомеру. Припомнили, что Г. Шлиман в 1867 г., объездив Старый и Новый свет, а затем, покопав немного на острове Итаке и на месте воображаемой Трои, высказал свои наблюдения в книге «Итака, Пелопоннес и Троя» (1869). Эта книга и некоторые другие были представлены даже в качестве диссертации в университет в городе Ростоке. Автору в уважение перед его удивительным знанием многих языков, не только европейских, но и восточных (он говорил на 21 языке), присвоили ученую степень доктора философии, однако рецензенты отнеслись совершенно отрицательно к мысли автора, что гомеровскую Троию надо искать не под турецкой деревушкой Бунарбаши, как думали те немногие, которые допускали возможность существования Трои, а под холмом Гысарлык. Точка зрения Шлимана мотивировалась тем, что на месте Бунарбаши не удалось найти никаких остатков древнейшего поселения и что вся окружающая обстановка и особенно удаленность от берега моря на 40 километров совершенно не соответствует гомеровскому описанию, тогда как холм Гысарлык как раз подходит к этому описанию.

Биография Генриха Шлимана (1822—1890), известная по его собственным воспоминаниям и многочисленным письмам³, содержит столько чудесного, что по необыкновенным

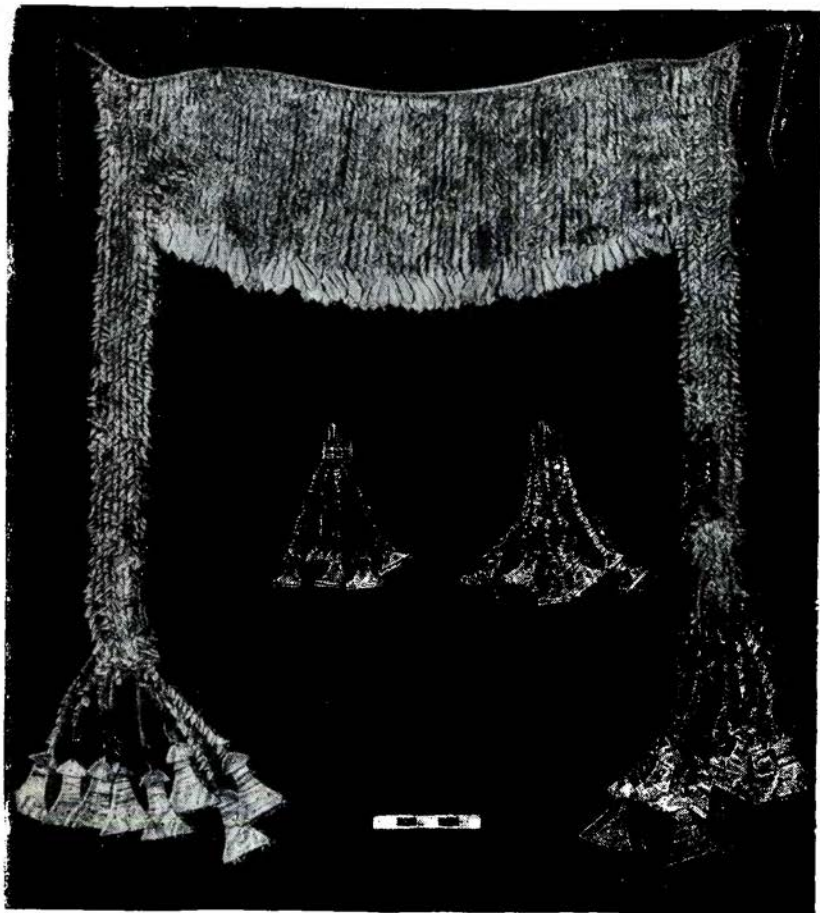
³ H. Schliemann. Selbstbiographie, bis zu seinem Tode vervollständig; herausgegeben von Sophia Schliemann, 3-te Aufl. Leipzig, 1939; Briefe von H. Schliemann, gesammelt und mit einer Einleitung in Auswahl herausgegeben von E. Meyer. Berlin — Leipzig, 1936.

переменам его судьба похожа на какую-то сказку и не раз привлекала к себе внимание ученых и давала тему для биографических романов⁴. Сын бедного пастора в местечке Нойбуков в Мекленбурге, из-за бедности не получивший образования и брошенный отцом, он начал свою деятельность простым мальчиком в мелочной лавке, но с детских лет был захвачен верой в историческую действительность сказаний о Трое и мечтой когда-нибудь найти остатки этого города. Надорвавшись на непосильной работе и лишившись заработка, он решил искать счастья в Америке, но, выброшенный кораблекрушением на берег Голландии, он нашел там скромный заработок, причем все свободные минуты стал уделять изучению иностранных языков, в том числе русского, что было в то время большой редкостью на Западе. Это открыло ему дорогу в финансовый мир. Он был послан в качестве представителя одной крупной голландской фирмы в Петербург, а вскоре ввиду проявленной им исключительной способности и энергии был принят в число компаньонов фирмы. Ряд удачных коммерческих операций, особенно во время поездки в Америку, где он получил даже права гражданина США, принесли ему богатство, и, наконец, он стал миллионером. Но не это было его целью: он копил средства только для того, чтобы осуществить мечту своей жизни — найти гомеровскую Троию. Он изучил новогреческий, а затем древнегреческий и латинский языки, внимательно вчитался в текст поэм Гомера, овладел знанием древней литературы и, откупив район Гысарлыка, с разрешения турецкого правительства приступил к раскопкам на этом холме в 1870 г.

Не имея достаточного опыта и увлекаемый своей мечтой о гомеровской Трое, Шлиман сразу же стал наткаться на следы древних поселений других эпох, но отбрасывал их, как неподходящие: это был Новый Иллион эпохи римской империи, а ниже его — город эллинистический, основанный Лисимахом, полководцем Александра. Это было серьезной ошибкой Шлимана, так как в некоторых местах он разрушил стены других эпох. Кроме того, он вел раскопки траншеями, а не по всей площади города, так что не мог получить представления о последовательных слоях поселений, возникавших

⁴ См. Д. Н. Егоров. Генрих Шлиман. Пг., 1923; М. Мейерович. Шлиман (Жизнь замечательных людей). «Молодая гвардия», М., 1938 и т. д. Из романов назовем: Н. А. Stoll. Der Traum von Troja. Lebensroman Heinrich Schliemanns, 4-te Aufl. Berlin, 1958; Fr. Meichner. Der Schatzgräber. Eine Erzählung um Heinrich Schliemann, den Entdecker Trojas. Berlin, 1955.

одно над другим. Наткнувшись в одном месте на большую грудку драгоценных вещей, он решил, что это и есть сокровищница Приама, а золотой женский головной убор назвал «диадемой Елены». В остатках крепостных ворот он признал

Золотые украшения из так называемого «клада Приама» в Трое

Скейские ворота, о которых упоминается в «Илиаде», в остатках башни он увидел то место, с которого Приам наблюдал за ходом сражения, и т. д.

Открытием «сокровищ Приама» раскопки Трои не были закончены, и Шлиман организовал еще три экспедиции, в которых деятельное участие принял архитектор и археолог В. Дёрпфельд (1853—1940). Дело было завершено только после смерти Шлимана Дёрпфельдом, который и дал обстоятельный отчет о проделанной работе. Ведя планомерные раскопки всей площади троянских поселений, он в них установил 11 или 12 последовательных пластов от эпохи неолита (третье тысячелетие до н. э.) до римской империи. При этом выяснилось, что то поселение, которое Шлиман считал гомеровской Троей, с найденным в нем кладом значительно древнее Троянской войны и принадлежит ко второму слою снизу.

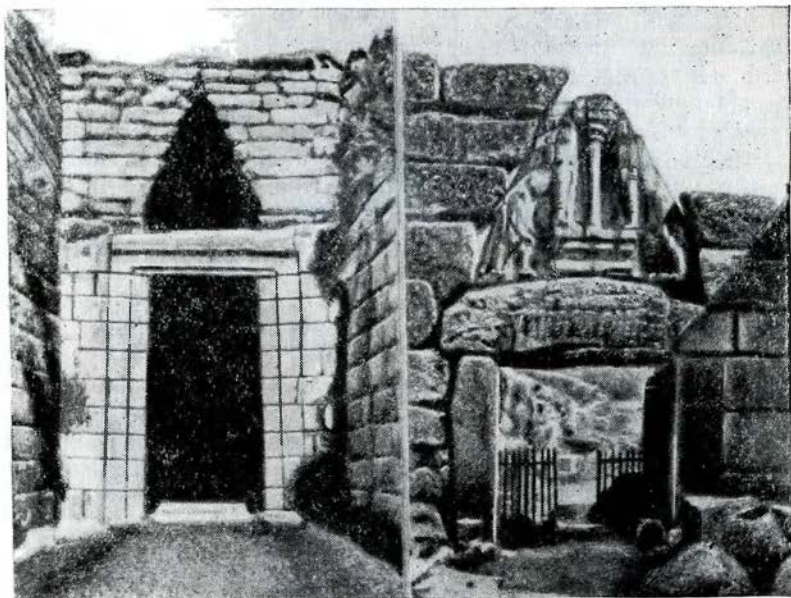
Гомеровскую же культуру, сходную с микенской, Дёрпфельд находил в VI слое, относящемся к началу второго тысячелетия. Таким образом, несмотря на все возражения и сомнения противников Шлимана, Троя и Троянская война оказались историческим фактом.

В 1932—1938 гг. район Трои был снова обследован американской экспедицией с Карлом Блегеном во главе. Были открыты еще новые материалы и уточнены прежние заключения. Выяснилось, что Троя VI погибла вследствие землетрясения, зато промежуточный слой VII^a сохраняет следы разграбления и пожара и, таким образом, может быть отождествлен с гомеровской Троей, а культура его вполне соответствует микенской. Этот город датируется приблизительно 1275—1225 гг. до н. э.

Увлеченный открытием гомеровской Трои, Шлиман решил отыскать и царство Агамемнона Микены (в Арголиде). И эта попытка увенчалась полным успехом: был открыт микенский кремль с остатками дворца, храма и несколькими служебными помещениями и большим круглым двором, обнесенным стенами, за которыми было обнаружено девять богатых погребений с золотыми украшениями на костях покойников, в том числе с золотыми масками на лицах. Одна из них отличалась особым богатством: ее Шлиман принял за принадлежащую Агамемнону. В нижней части города с давних пор обращало на себя внимание куполообразное строение, известное под названием «сокровищницы царя Атрея». Однако оказалось, что это была вовсе не сокровищница, а усыпальница, а сокровища ее были уже унесены турецким пашой. Кроме нее, поблизости было обнаружено еще шесть подобных усыпальниц. Огромное количество драгоценностей, оружия, глиняной посуды и всевозможных украшений удалось

Шлиману извлечь из этих мест. Найдены были и письма, но они долго еще оставались непрочитанными.

После открытия Трои и Микен Шлиману принадлежит честь открытия кремлей соседнего города Тиринфа и беотийского Орхомена, относящихся к той же эпохе, что и Микены. Открылась новая, неизвестная до этого времени эпоха греческой истории.

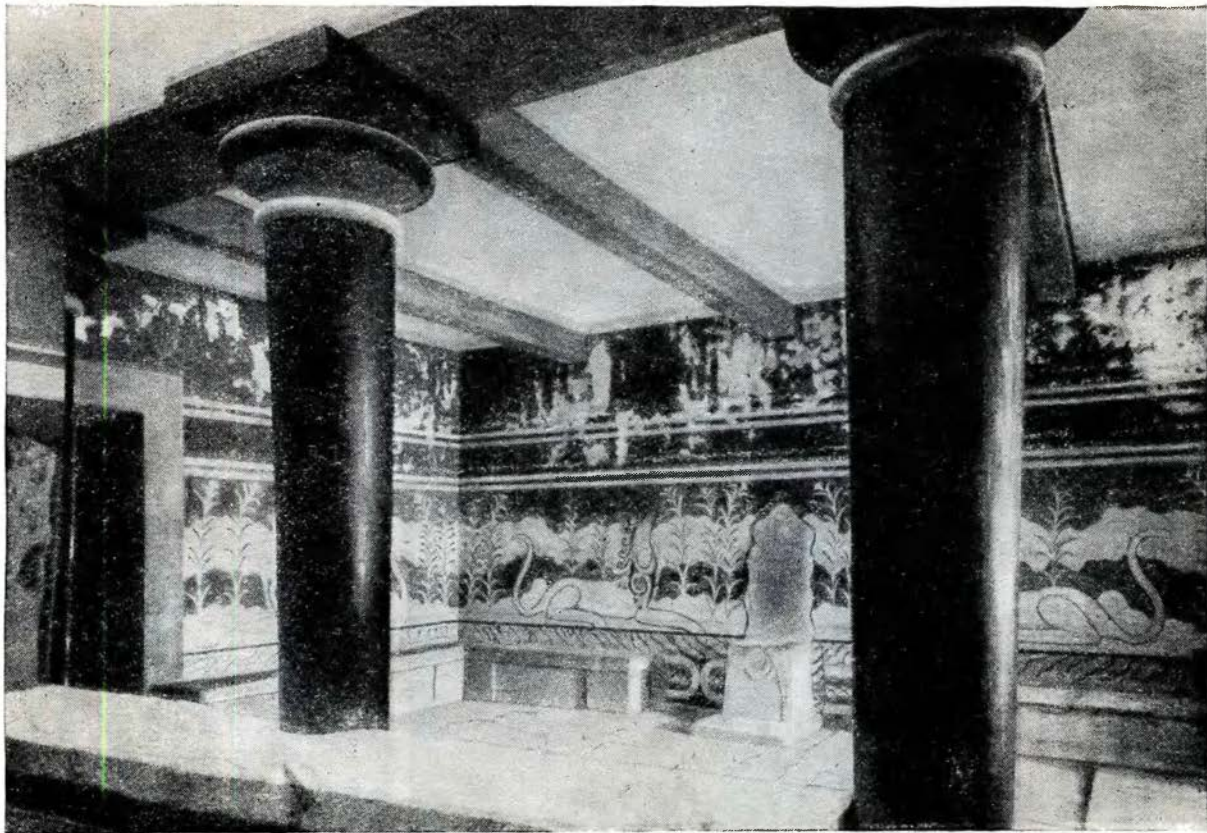
Вход в так называемую «сокровищницу царя Атрея» и Львиные ворота в Микенах

Пример Шлимана увлек многих других исследователей, и постепенно стали открываться все новые очаги древнейшей культуры. Наиболее важными из них были раскопки на острове Крите близ города Кносса, сделанные в 1900 г. английским ученым А. Эвансом (1851—1941). Грандиозные остатки, включающие в некоторых местах части третьего этажа, связываются с преданием о Лабиринте, огромном дворце царя Миноса. В глубине его за бесчисленным множеством запутанных ходов обитал, по мифу, чудовищный Минотавр, полубык-получеловек, которому в течение некоторого времени афиняне вынуждены были в качестве дани посылать на

съедение семь юношей и семь девушек, пока этому не положил конец афинский герой Тезей, убив чудовище. Помимо множества драгоценностей, в том числе перстней с тонко выгравированными рисунками на печатях, тут собрано много оружия, хозяйственной утвари и предметов культа, как двойная секира и статуэтки с изображением какой-то местной богини со змеями и т. п. Стены дворца украшены стеной живописью, воспроизводящей дворцовые праздники с процессиями и культовыми играми, во время которых какие-то жонглеры показывают свое искусство на спинах мчащихся быков. Подобные дворцы несколько меньших размеров обнаружены еще и в других местах на Крите — в Фесте, Айя-Триаде, Гурнии и т. д. Остатки такой же культуры были найдены в Беотии, Аттике, Пелопоннесе и других местах. Особенно важное значение имеет открытие в 1939 г. дворца в Пилосе, царстве гомеровского Нестора.

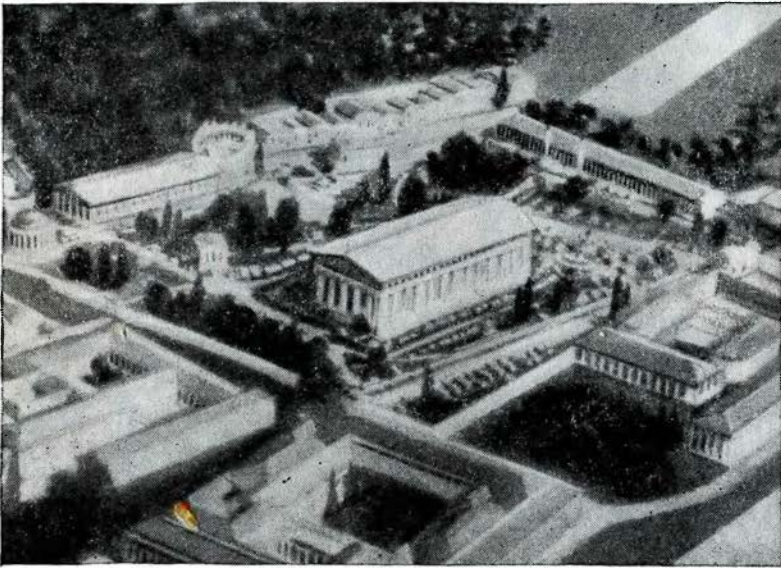
Во всех этих местах обнаружена однородная культура, содержащая напластования разных эпох. Вслед за Эвансом эту критскую культуру, относящуюся к III—II тысячелетиям до н. э., принято называть «минойской» с различием по периодам — ранним, средним и поздним. Память о могуществе в глубокой древности острова Крита отмечена историком Фукидидом (I, 4), и это подтверждается археологическими данными, из которых видно, что области материковой Греции долгое время находились в подчинении у Крита. Высший расцвет критской культуры следует относить к первой половине II тысячелетия до н. э., а после этого главенство перешло на материк и особенно к Микенам, которые достигли наибольшего расцвета в XIV—XII вв. до н. э. Эту общую древнюю культуру, развивающуюся в III и II тысячелетиях до н. э., принято называть «эгейской» или по главным пунктам ее расцвета — «крито-микенской». В главных пунктах ее найдено много надписей — в большинстве на глиняных табличках. В 1952 г. английскому ученому М. Вентрису удалось найти ключ к прочтению части этих надписей — так называемого «линейного письма Б», вследствие чего открывается новая перспектива в изучении этого периода истории: эти данные проливают свет на весь дальнейший ход истории и обнаруживают связи греческого мира с Египтом и народами Востока. Этот период стал известен только с помощью археологии⁵.

⁵ См. С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. Изд-во АН СССР, М. — Л., 1957.

Зал в царском дворце в Кноссе (Крит). Реконструкция

В конце XII в. до н. э. в результате какой-то катастрофы эта высокая культура пришла в упадок, дворцы ее оказались разрушенными, и только в народных преданиях сохранилось воспоминание о прежнем блеске и могуществе. Наступивший период неизвестности (XI—X вв. до н. э.) теперь принято называть «темным веком». После него греческая история начинается как бы заново — с примитивных форм патриархаль-

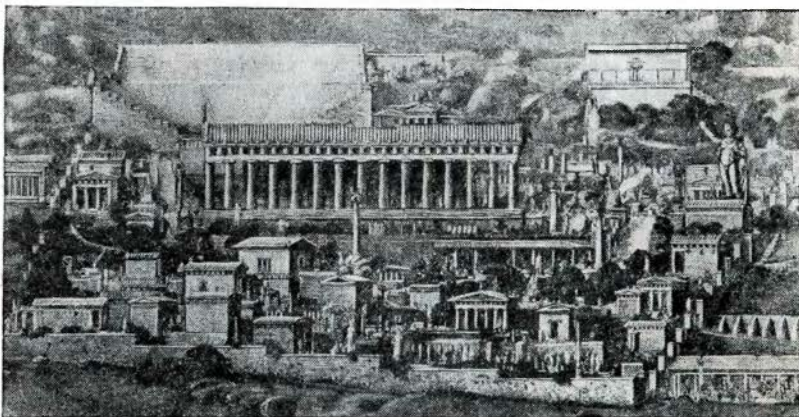

Общий вид Олимпии. Посредине храм Зевса, левее в глубине — храм Геры. *Реконструкция*

ного строя и первых опытов художественного творчества. Катастрофу, которая постигла крито-микенский мир, приходится связывать с известным из сказаний нашествием дорийцев (XII в. до н. э.).

К числу замечательных побед археологической науки XIX в. надо отнести раскопки древней Олимпии — того места, которое прославлено в песнях Пиндара и Бакхилида в V в. до н. э. и особенно известно спортивными состязаниями, происходившими там в течение свыше тысячи лет. Представляя себе культурно-историческое значение этого места в жизни Греции, еще знаменитый Винкельман писал о необходимости

раскопок в Олимпии. Однако вся местность имела вид почти пустыни, в которой изредка удавалось открыть некоторые части построек и художественных произведений, например французской экспедиции в 1829 г. Позднее выяснилось, что вся местность была приблизительно в XII в. н. э. занесена глубокой массой земли и горных пород вследствие разлива горной речки Кладея. Глубина наноса в некоторых местах достигала 14 метров. Раскопки здесь были произведены в 1875—1881 гг. германской экспедицией со знаменитым историком

Дельфы. Общий вид. Реконструкция

Э. Курциусом (1814—1896) во главе и дали блестящие результаты. Перед глазами предстала картина целого города, пережившего почти всю историю древней Греции. Открылись остатки знаменитого храма Зевса с его большими фронтонными композициями и «метопами» — рельефами в промежутках между потолочными балками, архаическая стройка храма Геры и замечательная статуя Гермеса с младенцем Дионисом на руках работы Праксителя (IV в. до н. э.), много других святилищ и общественных зданий, 130 статуй, много рельефов, до 13 тысяч надписей. А среди статуй, кроме Гермеса, найдена, хотя и в поломанном виде, интересная статуя летящей Ники (Победы) с надписью, показывающей, что это работа художника Пеония из Менды (Фракия) 424 г. до н. э. Эти находки подтвердили точность описания всего места, данного писателем Павсанием II в. н. э. в V и VI кни-

гах его «Описания Греции», и статуя Гермеса определена именно по этому описанию (V, 17, 3). Некоторые дополнительные исследования были произведены в XX в. Для хранения находок из Олимпии был создан специальный музей.

Другим пунктом, имевшим важное значение в жизни Греции, были Дельфы с их знаменитым храмом и оракулом Аполлона. С этим культом и его жрецами, по замечанию одного из лучших специалистов, русского ученого А. В. Никитского (1859—1921), имели дело все, кто говорил на греческом языке, и даже иностранцы, как видно из истории лидийского царя Креза (Геродот, I, 46, 2—47, 3 и 91, 4). Обращались за советом и римляне (Ливий, «История», I, 56, 5; V, 15, 3), а в 216 г. в пору II Пунической войны в Дельфы был послан Кв. Фабий Пиктор (Ливий, XXII, 57, 5 и XXIII, 11, 1—3).

Раскопки в Дельфах были произведены в 1891—1901 гг. французской экспедицией во главе с Омоллем. Раскопки вполне оправдали ожидания: были найдены остатки знаменитого храма Аполлона над расселиной горы Парнасса, из которой, может быть, и в самом деле исходили газы, одурманивавшие пророчицу пифию, развалины других храмов и сокровищниц разных государств, в том числе и афинского, где государственные богатства отдавались под охрану божества. Постройки эти были богато украшены, следы чего сохранились в большом количестве. Было найдено более 6 тысяч надписей, которые принесли богатый материал, свидетельствующий о жизни всей вообще Греции, поскольку сюда обращались интересы всех племен. Интересны надписи об освобождении рабов под видом продажи их храму. Сохранилось воспроизведение некоторых религиозных песнопений с нотными знаками, проливающими свет на эту малоизвестную сторону античного искусства. Все эти материалы помещены в местном музее.

В высшей степени важное значение имеют открытия, сделанные на месте древнего Пергама (совр. Бергамо близ Измира в Малой Азии). Этот город достиг расцвета в III и II вв. до н. э. Большие богатства, собранные местными царями, потомками Эвмена, одного из соратников Александра Великого, так называемыми Атталидами, позволили им украсить город роскошными постройками и принять меры к благоустройству, о чем свидетельствует обширная надпись с законом об астиномах (градона начальниках)⁶. Раскопками здесь

⁶ Часть этой надписи см. в книге: Д. А. Жаринов, Н. М. Никольский, С. И. Радциг и В. Н. Стерлигов. Древний мир в памятниках его письменности, т. II. М., 1916, стр. 478—483.

в 1878—1886 гг. руководил немецкий ученый К. Гуман (1839—1896). Был открыт богатый город с великолепными храмами, театром, школьными зданиями и библиотекой. Однако наибольшее восхищение вызывают остатки знаменитого алтаря Зевса с изображением битвы богов с гигантами. Этот алтарь в древности почитался одним из семи чудес света, а христианский автор «Апокалипсиса» называет его тронном сатаны (2, 13).

И. С. Тургенев в 1880 г. проездом через Берлин видел эти скульптуры, когда их только устанавливали в берлинском музее, и поспешил поделиться своими впечатлениями в статье «Пергамские раскопки». Рассказав о замечательных находках, он заключает: «Все эти — то лучезарные, то грозные, живые, мертвые, торжествующие, гибнущие фигуры, эти извивы чешуйчатых змеиных колец, эти распростертые крылья, эти орлы, эти кони, оружия, щиты, эти летучие одежды, эти пальмы и эти тела, красивейшие человеческие тела во всех положениях, смелых до невероятности, стройных до музыки, — все эти разнообразнейшие выражения лиц, беззаветные движения членов, это торжество злобы, и отчаяние, и веселость божественная, и божественная жестокость — все это небо и вся эта земля — да это мир, целый мир, перед откровением которого невольный холод восторга и страстного благоговения пробегает по всем жилам»⁷.

Эти произведения искусства были спасены Советской Армией при взятии Берлина в 1945 г. и одно время хранились в Ленинграде, а позднее возвращены Германской Демократической Республике.

Кроме названных больших городов ученым исследователям в течение второй половины XIX в. и в XX в. удалось обнаружить остатки многих менее значительных городов. Еще Байрон, объезжая Грецию в 1809 г. и позже, писал в «Чайльд-Гарольде» (II, 53):

Додона, где ж твой лес? Где знаменитый
Тот дол, где эхо вторило словам
Юпитера? Оракул твой забытый
Умолк на век; где ж Громовержца храм?

(Перевод П. А. Козлова)

Имеется в виду та самая Додона в Эпире, прославленная своим оракулом Зевса, где прорицания давались жрецами «селлами» по шелесту листьев священного дуба. Раскопки тут производились греческим богачом Карапаносом в 1876 г.

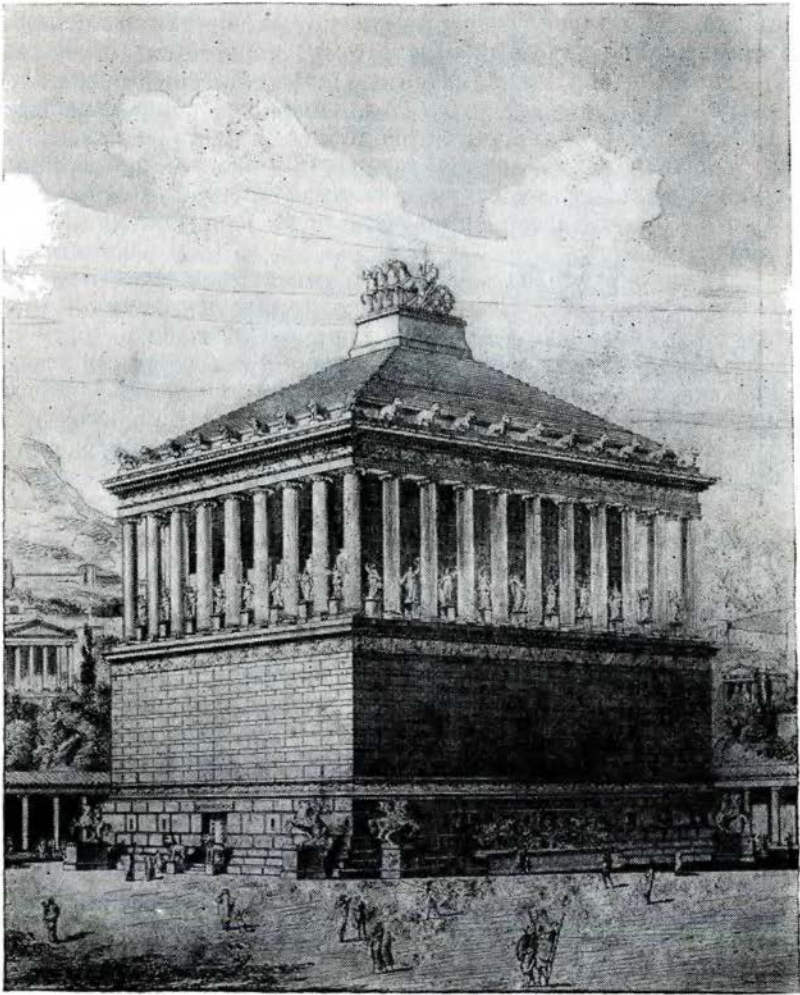
⁷ И. С. Тургенев. Собр. соч., т. 11. Гослитиздат, М., 1956, стр. 400; E. Rohde. Pergamon. Burgberg und Altar. Berlin, 1964.

Среди многих находок, сделанных тут, есть немало свинцовых табличек с вопросами к оракулу и его хитрыми ответами. Они проливают свет на некоторые закулисные и интимные стороны античной жизни, на грубые суеверия народных масс.

В городе Эпидавре (Арголида в Пелопоннесе) есть развалины театра IV в. до н. э., который настолько хорошо сохранился, что в нем до сих пор еще ставятся пьесы античного репертуара. Но, кроме этого, город в древности славился культом бога-целителя Асклепия (римский Эскулап). Греческим ученым Каввадиасом здесь в 1881—1887 гг. был открыт храм этого бога с ваннами и другими приспособлениями лечебного значения. Тут были и специальные спальни, так как бог иногда подавал помощь во сне; множество посвященных надписей с наивной простотой рассказывает о чудесной помощи, оказанной богом (см. гл. XVI, стр. 448).

Немало ценных материалов принесли исследования на Делосе, священном острове Аполлона, который в V в. до н. э. сделался центром большого союза приморских городов под главенством Афин, а вместе с тем и важным рынком всего бассейна Средиземного моря. В I в. до н. э. через него ежедневно проходило по несколько тысяч рабов. Несмотря на крайне малый размер площади, свидетелями его былой славы остается немало развалин храмов и общественных зданий и большое количество надписей.

В эпоху эллинизма (III—I вв. до н. э.) достигли цветущего состояния многие города в Малой Азии и далее на востоке. Кроме Пергама, интересные результаты дали раскопки в Приене, Милете, Эфесе и некоторых других городах. Довольно хорошо сохранился театр в Приене от III в. до н. э. Он дает представление о некоторых переменах, происшедших в это время в театральном деле: например, появление высокой сцены. На стенах школьного здания в этом городе обнаружены подписи 732 учеников. Милет, разрушенный персами в 494 г., возродился в эпоху эллинизма. Город украсили просторное здание совета (булевтерий), театр и бассейн, снабжавший население водой; найдено большое число статуй и художественно украшенной утвари. В городе Галикарнассе (юго-запад М. Азии) еще в 1857 г. были открыты части огромного надгробного памятника в честь местного царька Мавсола, воздвигнутого его вдовой, царицей Артемисией в IV в. до н. э. — отсюда вошло у нас в обиход слово *мавзолей*. К украшению этого памятника были привлечены выдающиеся современные художники.

Мавзолей в Галикарнассе. Надгробный памятник царю Мавсолу, середина IV в. до н. э. *Реконструкция*

Сохранились некоторые статуи и богатый фриз-рельеф, опоясавший здание и изображавший битву греков с амазонками и т. д. Укажем еще небольшой городок в Беотии—Танагра. Он получил известность по множеству маленьких, но чрезвычайно изящных статуэток из терракоты (обожженная глина), изображающих самые разнообразные сценки, по преимуществу из женского быта. По месту первых находок в могилах близ Танагры за подобными статуэтками, которых много было найдено и в других местах, закрепилось название «танагрских статуэток». Найдены были и формочки, по которым мастера производили их в нескольких экземплярах.

Совершенно особое место надо отвести открытиям в греческих поселениях в Египте. Александрия, основанная Александром Македонским в дельте Нила в 332 г. до н. э., почти не оставила следов, так как возникший на ее месте новый город поглотил остатки древнего. Зато археологам удалось обнаружить остатки греческих поселений в нескольких мелких местечках. Наибольший интерес представляют городки Арсиноя, Оксирих, Тебтунис, Фаюм и другие. Но интерес представляют не только сами по себе эти городки с их домами, улицами и домашним скарбом, а их окружение, в котором привлекли внимание какие-то холмы, достигавшие высоты 20—70 метров. Оказалось, что под этими холмами скрывались занесенные песком свалки мусора, выброшенного когда-то жителями, а среди него было обнаружено большое количество папирусных свитков. Благодаря исключительной сухости египетского климата серьезно пострадали только нижние слои сваленных там свитков. Раскрытие таких холмов обогатило нашу науку исключительно ценным и новым материалом письменных памятников художественной литературы и бытовых документов. Прибавим к этому, что в эпоху эллинизма и последовавшего за ним римского владычества в Египте происходило взаимодействие двух культур — греки, поселившиеся здесь, усваивали местные обычаи и египтяне перенимали многое у греков. Покойников хоронили по египетскому обычаю в виде мумий и нередко их на тот свет снабжали хорошим чтением в свитках папируса. А казавшиеся ненужными папирусы употребляли на обклейку мумий. Были случаи, когда находили папирусы в обклейке мумий крокодилов. Тут были не только египетские, но и греческие и отчасти латинские тексты.

С другой стороны, согласно египетскому обычаю лицу мумии старались придать сходство с погребаемым, и это

привело к тому, что вместо скульптурного изображения на лицо стали класть деревянную дощечку с портретом, исполненным восковыми красками. Некоторые из них поражают своим реализмом. Первые находки таких портретов были сделаны в Фаюме, и потому за портретами такого рода установилось название «фаюмских»⁸.

Как ни блестящи некоторые из упомянутых выше открытий, никогда наша мысль не может забыть главного очага греческой культуры — города Афин. Благодаря тому что современный город строился главным образом вокруг древнего, памятники последнего остались почти не затронутыми и открывают возможность новых исследований⁹. Но, конечно, главное внимание приковывают к себе развалины Акрополя, на котором были расположены святыни города, сосредоточены высшие достижения строительной техники и чудеса художественного мастерства, приводившие в изумление современников (ср. рис. на стр. 25).

Нам необходимо несколько оглянуться в прошлое, чтобы понять, почему эти дивные постройки превратились в развалины, хотя и в таком виде они продолжают вызывать и в наше время удивление посетителей.

В XVII в. при разных европейских дворах составлялись планы изгнания турок из Европы. Осуществить это попытались венецианцы, представлявшие в то время сильное морское государство. Турки под натиском их в 1687 г. укрепились на афинском Акрополе, причем на постройку брустверов разобрали некоторые здания Акрополя, в том числе небольшой храм Бескрылой Победы (Нике Аптерос) на юго-западном выступе Акрополя (в XIX в. удалось восстановить его почти полностью). В Парфеноне был устроен пороховой склад. Венецианское ядро пробило крышу, и внутри произошел взрыв, в результате чего вся средняя часть здания оказалась разбитой. Когда победители вступили на Акрополь, их предводитель Морозини задумал сделать подарок дожу, правителю венецианской республики, и привезти ему замечательных коней Посейдона с западного фронтона Парфенона. Однако канаты, на которых стали спускать их, не выдержали тяжести и оборвались, вследствие чего эти мраморы разбились вдребезги. Но злоключения этим не ограничились. В 1801 г. английский посол в Турции лорд Эльджин

⁸ См. А. Стрелков. Фаюмский портрет. «Academia», М., 1936.

⁹ J. Thallon Hill. The ancient city of Athens. London, 1933; К. М. Колобова. Древний город Афины и его памятники. Изд-во ЛГУ, 1961.

с разрешения турецкого правительства вывез в Англию целые части с фронтонов Парфенона и ряд других произведений искусства и перепродал их в Британский музей, где они и остаются до сих пор¹⁰.

Освобождение Греции от турецкого ига и достижение независимости укрепило в гражданах патриотические и национальные чувства, и после этого такие хищения стали невозможными. Возрос интерес к национальному прошлому, и начались научные изыскания в этом направлении. Это отразилось и на самом городе. Начались исследования не только того, что находилось перед глазами у всех, но и того, что скрывалось в недрах земли. В 1882—1889 гг. производились раскопки в самих Афинах под руководством греческого археолога Каввадиаса. Они дали весьма интересные результаты.

Из показаний греческих историков (Фукидид, I, 89; Плутарх, «Перикл», 12) видно, что после изгнания персов, разоривших Афины в 480 и в 479 гг. до н. э., афиняне, вернувшись в город, энергично взялись за его восстановление, но по мере возрастания своего могущества они изменяли первоначальные планы, ломали начатое, чтобы заменить лучшим и более величественным.

Была расширена площадь Акрополя, для чего основная скала была окружена стенами; при поспешности первоначальных работ в северную стену были заложены даже барабаны прежних колонн, а промежутки между скалой и стенами были завалены «мусором» от разрушенных персами зданий. В этом так называемом «персидском мусоре» было найдено немало частей древнейших построек VII—VI вв., статуй, рельефов и тому подобных украшений, сохранивших следы окраски, бытовых предметов, надписей и черепков, относящихся к процессам «остракизма» (суд над политическими деятелями, например, над Фемистоклом, Ксанфиппом и другими).

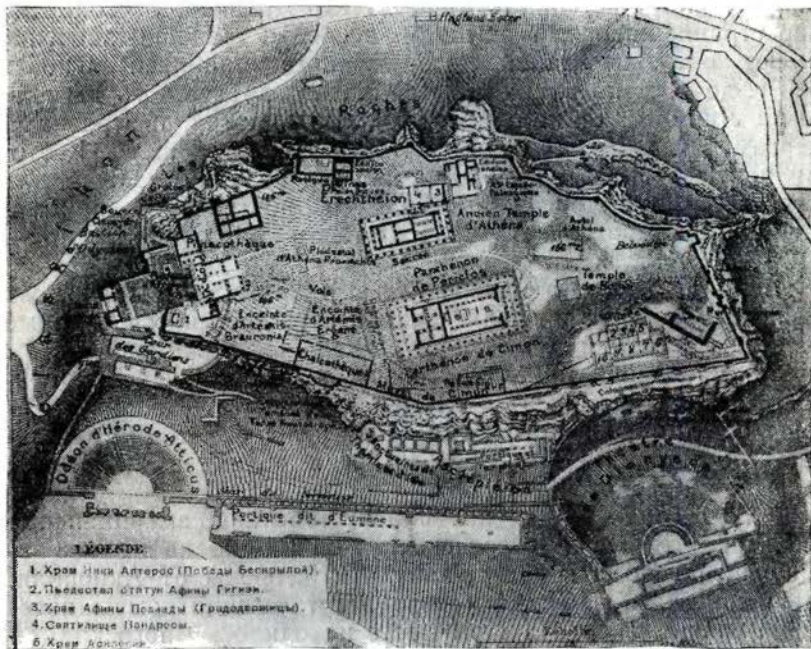
Известно, что при Перикле в середине V в. до н. э. была образована специальная комиссия под председательством

¹⁰ Глубоким негодованием заклеил это грабительство Байрон в прочувствованных стихах II песни «Чайльд Гарольда», строфа 13:

Британия, ужели ты довольна,
Что плачет грек, который слаб и сир?
В хищениях таких признаться больно.
Ты за себя краснеть заставишь мир! и т. д.
(Перевод П. А. Козлова)

Фидия для выработки плана переустройства города, и те развалины, которыми в настоящее время восхищается все образованное человечество, являются живым напоминанием о красоте построек, возведенных при Перикле и в ближайшее после него время по планам этой комиссии.

Так выяснился общий ансамбль Акрополя. За средневековой постройкой — так называемые «Ворота Бёле» — фун-

План афинского Акрополя

дамент памятника римскому полководцу Агриппе, сподвижнику Августа (I в. до н. э.), затем художественно оформленный вход на Акрополь — Пропилеи, крытая лестница, обрамленная снизу и сверху колоннами дорийского ордера, а вдоль внутренней части — колоннами ионийского ордера. На площадке Акрополя посредине видно место, где стояла большая бронзовая статуя Афины-Промехос (Поборницы), направо — Парфенон, образец постройки дорийского ордера с 8 колоннами с востока и с запада и с 17 колоннами по

боковым сторонам, налево — Эрехфейон, храм местного героя Эрехфея со святилищами Афины Полиады (Градохранительницы) и Посейдона. Кроме того, видны остатки храма Артемиды Бравронской на южной стороне, храм Рому (Рима) на восточной стороне, картинной галереи (пинакотеки) слева от Пропилей и т. д. На юго-западном выступе Акрополя стоит восстановленный почти полностью храмик Бескрылой Победы. А вдоль южного склона расположены в направлении с востока на запад: театр Диониса, многократно перестраивавшийся, в котором особенно важное значение имеют остатки здания, сооруженного приблизительно в 330 г. до н. э. по инициативе видного политического деятеля Афин Ликурга; от него идет длинный портик, построенный пергамским царем Эвменом II (197—159 гг. до н. э.). К этому портику примыкает Одеон, здание по типу театра для музыкальных и других выступлений, построенный приближенным императора Адриана Геродом (Иродом) Аттиком (101—177 гг. н. э.).

В конце XIX и в начале XX в. трудами разных ученых были открыты в пределах самих Афин многочисленные остатки поселений и могил от древнейших времен, в том числе укреплений микенской эпохи; некоторые черепки глиняной посуды датируются XIV в. до н. э. На Акрополе найдены остатки «крепкого дома Эрехфея», о котором упоминается в «Илиаде» (II, 546—549) и в «Одиссее» (VII, 81), а также у Геродота (VIII, 85).

В 30-х годах XX в. в Афинах работала американская экспедиция, которая сосредоточила внимание на исследовании части города и северо-западной стороны от Акрополя, где находилась площадь (агора). Тут были открыты поселения разных эпох. На этом месте находилось много храмов и общественных зданий: здание Совета (булеверий), круглое здание — Фол, где заседала дежурная часть Совета (пятьдесят пританов), «царский портик», местопребывание архонта-басилевса, место статуй эпонимов, то есть героев, имена которых носили филы (политические подразделения граждан), огромный портик, воздвигнутый пергамским царем Атталом II (220—138 гг. до н. э.). Среди этих развалин было найдено большое количество надписей и до трех тысяч черепков, относящихся к делам об остракизме. К востоку от Акрополя обнаружены следы построенного при Перикле Одеона, краткое описание которого оставил Плутарх («Перикл», 13).

К западу от Акрополя находится холм Пникс, на кото-

ром происходили заседания Народного собрания. Обследование показало, что афинские руководители сумели удачно воспользоваться условиями места, так как покатошь холма дала возможность, как в театре, расположить сидения для граждан. Сохранилась частично и та трибуна (βῆμα), с которой ораторы произносили свои речи, с которой в IV в. до н. э. Демосфен в пламенных речах — «Филиппиках» разоблачал коварную политику македонского царя Филиппа.

Неподалеку от Пникса можно видеть и холм Ареса — Ареопаг, место заседаний священного судилища, которое, по местному преданию, было учреждено самой богиней Афиной для суда над Орестом, убившим собственную мать в отместку за смерть отца Агамемнона. У подножия холма видны следы святилища богинь-мстительниц Эриний, которые почитались тут под именем Эвменид — «Благосклонных», как охранительницы покоя всего города.

С Афинами был тесно связан и во вторую половину V в до н. э. даже соединен «длинными» стенами Пирей, один из важнейших портов древности и вместе с тем крупный торговый центр. Однако, занятый современным городом, он мало дает материала для археологии, хотя недавно при рытье земли для новой постройки было обнаружено подземелье, скрывавшее в себе несколько прекрасных статуй.

К западу от Афин расположен важный религиозный пункт Аттики Элевсин с его культами Деметры, Персефоны (Коры) и Диониса (Кора). На весь античный мир были прославлены Великие Элевсинские мистерии с их таинственным культом, оказавшие сильное влияние на христианское учение, а обрядовые «действия», исполнявшиеся жрецами при участии посвященных, сыграли, по-видимому, некоторую роль в образовании форм драматического жанра. Археологами открыты фундаменты Телестерия (дома посвящения) и других зданий, значительное количество предметов культа и надписей, характеризующих организацию жречества и исполнения обрядов. К сожалению, сущность самого учения так и остается тайной, которую знали лишь посвященные, например, Павсаний и Плутарх, но не хотели открыть из благочестивых соображений.

В стороне от главных центров античной культуры, на северном побережье Черного моря и на берегу Азовского моря — в тех областях, которые в настоящее время входят в пределы Советского Союза, было расположено много греческих колоний, и они, несмотря на свою отдаленность, принимали участие в жизни центральных областей, особенно

в деле экономики, снабжая центральную Грецию хлебом, рыбой, строевым лесом и т. п. Исследование этих мест делалось вполне естественной задачей и обязанностью русских и советских ученых. Исследование областей северного Причерноморья началось тотчас же после присоединения этого края к Российскому государству (1783 г.). Так, академик П. С. Паллас в результате обследования естественных богатств этой области в опубликованном в 1793 г. отчете привел открытую им надпись из древнего Херсонеса в честь византийского императора Зинона (474—491 гг. н. э.), содержащую много интересных данных экономического характера; Г. К. Кёлером в 1804 г. на берегу Темрюкской бухты на Таманском полуострове был найден памятник боспорской царице Комосарии второй половины IV в. до н. э. с почитательной надписью местным богам Санергу и Астаре. Находки постепенно стали собираться. Важными хранилищами их являются Эрмитаж в Ленинграде, Исторический музей в Москве, кроме того, для хранения их созданы были музеи древностей в городах: в Херсонесе, Николаеве — в 1806 г., в Феодосии — в 1811, в Одессе — в 1825 и в Керчи — в 1826 г.¹¹ Много важных открытий было сделано в середине XIX в. В 1853 г. около устья Дона профессор Московского университета П. М. Леонтьевым были произведены раскопки на месте города Танаиса. За этим последовали первые сводные издания собранных материалов. Особенную известность получило издание «Древности Боспора Киммерийского» в 3 томах (СПб., 1854), переведенное впоследствии на французский язык (Париж, 1892).

В Крыму и южнорусских степях было раскрыто много скифских курганов с богатыми погребениями местных царей. Согласно обычаю с покойником клали принадлежавшие ему вещи, убивали животных и рабов, и поэтому в некоторых могилах (если они уже не были ограблены какими-нибудь

¹¹ Историю исследований Причерноморья см. в книгах: Н. И. Новосадский. Греческая эпиграфика, ч. I, изд. 2. М., 1915; М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Л., 1925 (и на немецком языке — Берлин, 1931); краткий обзор современного состояния исследовательской работы см.: Д. Б. Шелов. Античный мир в северном Причерноморье. Изд-во АН СССР, М., 1956; подбор главных материалов в переводах см.: Б. А. Тураев, И. Н. Бороздин и Б. В. Фармаковский. Античный мир на юге России. М., 1918; библиографию см. в книгах: С. А. Жебелев. Северное Причерноморье. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1953; «Ольвия и нижнее Побужье в античную эпоху». Изд-во АН СССР, М.—Л., 1956; «Ольвия (Теменос и агора)». «Наука», М.—Л., 1964; «Пантикапей». Изд-во АН СССР, М., 1962; Т. Н. Книпович. Танаис. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1949.

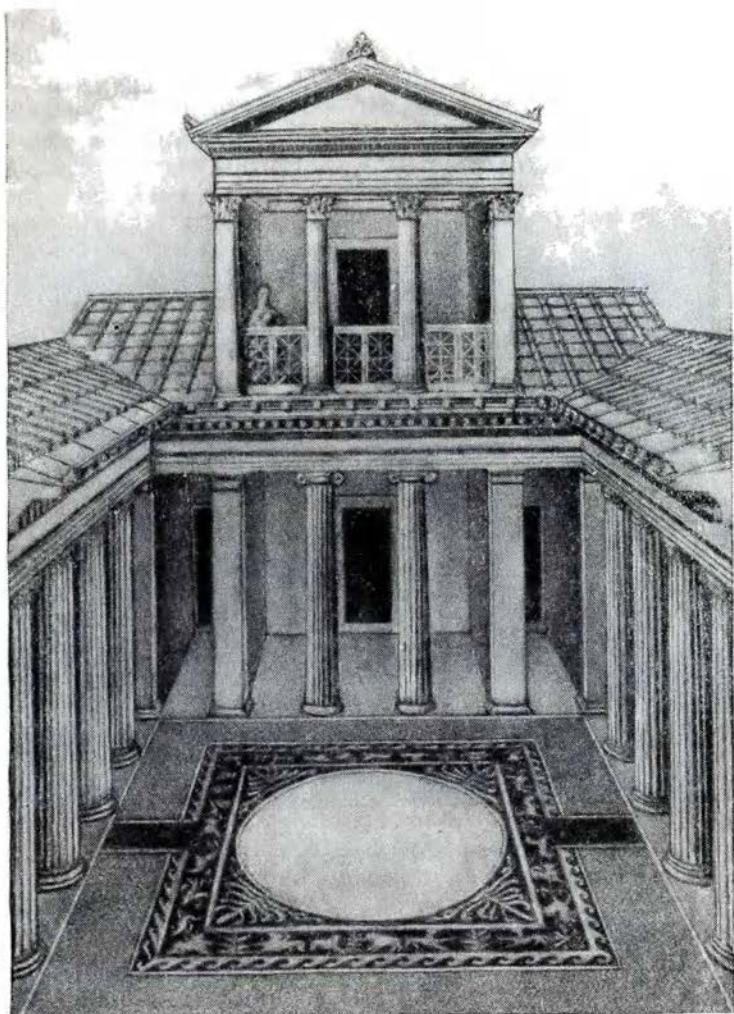
кладоискателями) открывались целые склады оружия, утвари и драгоценностей. Некоторые из таких могил представляют целые подземные дома, выложенные камнями и украшенные стеной живописью. Но искусство и техника скифов находились в зачаточном состоянии, и они пользовались изделиями греческих мастеров, достигших высокого совер-

Крепостные ворота в Херсонесе III в. до н. э. Сверху калитка римского времени

шенства. Особенным богатством отличались курганы: Куль-Оба близ Керчи (II в. до н. э.), где найдены золотые подвески с изображением головы Афины типа фидиевской статуи, сосуд из электра (сплав золота с серебром), воспроизводящий сцены из жизни скифов; Чертомлыцкий близ Никополя (II в. до н. э.), давший большую серебряную вазу с прекрасным орнаментом и сценами из жизни скифов, курган Солоха (IV в. до н. э.), где найден золотой гребень с изображением охоты и т. д.

В настоящее время внимание советских ученых сосредоточено на продолжении исследований городов Херсонеса, Пантикапея (Боспор), Ольвии, Фанагории, Нимфея, Гор-

Задний дворик дома в Ольвии середины II в. до н. э. *Реконструкция*

гипсии и других. В центре Крымского полуострова (близ Симферополя) в 1945 г. П. Н. Шульцу удалось найти остатки скифского города Неаполя. По найденным в этих областях надписям и монетам удастся восстановить историю их края, малоизвестную нам из литературных источников. Рас-

копки дают интересную картину жизни древних городов с их узкими улицами, маленькими домами, с огромными глиняными сосудами, врытыми в землю, для хранения воды. В некоторых местах сохранились большие ванны для засолки вылавливаемой рыбы, остатки примитивных мельниц и т. д. Выясняется постепенный рост местных городов, создание большого царства Боспора Киммерийского (надо отличать от Боспора Фракийского — совр. Босфорский пролив, у которого расположен Стамбул). Можно видеть, как эти города попадают под власть понтийского царя Митридата VI Эвпатора, а после смерти его — под власть Рима, как они подвергаются натиску скифских племен, как слабеет их экономическая сила, как им приходится искать защиты у византийских императоров. Памятники Херсонеса переносят нас и в христианскую эпоху. Город появляется перед нами под названием Корсуня в «Повести временных лет», чтобы затем надолго исчезнуть из памяти. Стены Херсонеса, содержащие следы разновременных перестроек, наглядно показывают смену эпох античной, византийской и генуэзской в верхних частях.

Среди русских ученых, зарекомендовавших себя многими работами о греческих городах северного Причерноморья, назовем здесь имена В. В. Латышева (который потрудился собрать и сообщения древних писателей об этих городах и подлинные надписи, найденные в их пределах¹²), С. А. Жебелева, Б. В. Фармаковского, М. И. Ростовцева, ныне здравствующего В. Д. Блаватского и многих других.

Для классической филологии не меньше, чем греческая археология, имеет значение археология римская. Вся почва Италии, а также и тех мест, где существовали римские провинции, представляет поле для классической археологии. Но в нашем «Введении» нам нет возможности и необходимости останавливаться на этом вопросе во всей широте, и мы скажем лишь о том, что представляет наибольший интерес.

Археология пролила свет на древнейшую историю Рима и всей Италии. В разных ее областях — в Лигурии, Умбрии, Лации, Лукании и других — открыты остатки поселений

¹² «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе». СПб., 1893—1894, переиздано с дополнениями в «Вестнике древней истории» за 1947—1949 гг., а также сборник надписей «*Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*», vv. I, II, et IV. Petropoli, 1885—1901; v. I, iterum ed. 1916.

доклассового общества, относящихся к периоду перехода от новокаменного к бронзовому веку¹³.

Тут прежде всего надо отметить открытие культуры «террамар». Это слово буквально значит «жирная земля». Так итальянские земледельцы называли некоторые участки, отличавшиеся особым плодородием почвы. Выяснилось, что это плодородие происходило от большого количества в ней перегноя, сохранившегося от глубокой древности, когда люди имели жилища на сваях и сбрасывали всякого рода отбросы вниз, а среди них были и орудия, и черепки посуды. Культура эта относится к началу II тысячелетия до н. э. Начало железного века принадлежит уже первым векам I тысячелетия до н. э. Этот период принято называть именем городка Вилланова (близ Болоньи), где были найдены первые образцы этой культуры.

В образовании римской культуры весьма существенную роль играло влияние североиталийского народа этрусков. Несмотря на наличие большого числа этрусских надписей, сделанных буквами греческого алфавита, до сих пор происхождение этого народа и его язык остаются невыясненными. С XVI в. ученые стали находить усыпальницы знатных людей «лукумонов», а в XIX и XX вв. таких усыпальниц, обследованных учеными, накопилось уже значительное число, и нередко именно в таких местах, которые, хотя и в несколько измененном виде, сохранили древние названия: Черветери (Caere), Кьюзи (Клусий), Перуджия (Перусня) и т. д. Некоторые из этих усыпальниц представляют вид целых подземных домов и содержат в себе кроме праха покойников изображения их в виде лежащих на пышном ложе рядом с супругами, огромное количество утвари, оружия и произведений искусства, даже целых бронзовых статуй. А среди произведений этрусских мастеров была и знаменитая «Капитолийская волчица» и т. п. Интерес представляет урна, имеющая вид дома — прообраз римского атриума — с отверстием в крыше (compluvium) для выхода дыма от домашнего очага, причем дождевая вода стекала в находившийся под ним водоём (impluvium).

Среди открытых таким образом могил в одной обнаружена надпись с именем Тагспа, напоминающим имена двух

¹³ См. В. И. Модестов. Введение в римскую историю, т. I («Вопросы доисторической этнологии и культурных связей в доримскую эпоху в Италии и начало Рима»), т. II («Этруски и месалы»). СПб., 1902—1904; А. И. Немировский. История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962.

царей Рима, о которых говорит традиционная история, Тарквиния Древнего (Приска) и Тарквиния Гордого. По рассказу историка Т. Ливия (I, 60, 2), последний, оказавшись в изгнании, поселился в местечке Цере (совр. Черветери), где как раз и открыта эта могила. Это значит, что здесь мы имеем усыпальницу рода Тарквиниев, которые в течение некоторого времени правили Римом. Этрусское завоевание является историческим фактом, и открытие могильной надписи подтверждает достоверность традиционной истории.

В этрусской могиле близ Вульчи, как можно догадаться по надписи на стене, изображено, как герой Мастарна освобождает Целеса (точнее Келеса) Вибенну из рук врагов, предводитель которых назван *Sneve Tarchunies Rumach*, что в переложении на латинский язык дает: *Gnaeus Tarquinius Romapus*¹⁴. Мастарну римляне отождествляли с царем Сервием Туллеем, и таким образом эта картина воспроизводит какое-то столкновение его с одним из представителей этрусского рода Тарквиниев. Император Клавдий (I в. н. э.), вообразивший себя великим ученым, утверждал, что Мастарна был другом Целеса Вибенны и что этот последний, придя после разных приключений со своим родом на помощь римлянам, поселился на холме, который и получил от него название Целийского¹⁵.

Этрусские могилы явно свидетельствуют, как рано в их стране распространилось греческое влияние. На это указывает не только алфавит, которым написаны их надписи, но и посуда с клеймами греческих мастеров и стенная живопись, воспроизводящая сюжеты из греческой мифологии; такие сюжеты нередко перемешиваются с чисто местными, этрусскими: наряду с Ахиллом, убивающим троянских пленников в жертву тени друга своего Патрокла, появляется, как видно по подписи, чудовищный образ местного божества — Тухульки — с оскаленными зубами и высунутым языком.

Как ни важны и как ни интересны открытия, сделанные в разных местах Италии, все-таки наибольшее внимание, естественно, обращается к главному центру античной исто-

¹⁴ E. Pais. *Histoire Romaine (Histoire ancienne sous la direction de G. Glotz)*, t. I. Paris, 1926, pp. 43—44; A. Frova. *L'arte etrusca*. Garzanti, 1957; R. Bloch. *Arte Etrusca*. Milano, 1958.

¹⁵ Tacitus. *Annales*, IV, 65; Varro. *De lingua latina*, V, 46; Dionysius. *Antiquitates Romanae*, II, 36; Festus. *Lexicon*, 44. Речь Клавдия сохранилась в надписи в городе Лионе (I, 17).

рии — к Риму. В своей истории он претерпел много изменений. Первые его поселения возникли, как видно, на Палатинском холме. Постепенно расширившись, город охватил уже несколько соседних холмов. О границах его впоследствии напоминал путь, по которому проходила процессия обряда очищения (*lustrum*) города при совершении ценза (оценки имущественного состояния граждан); эта линия древнего города была известна под названием «померий» (Ливий, I, 44, 2—5; Геллий, XIII, 14, 1; ср. Плутарх, «Ромул», 11), и остатки ее были видны во II в. н. э. и точно указываются историком Тацитом («Анналы», XII, 24). Постепенно из пределов этого так называемого «квадратного» Рима город вырос до семихолмного. В состав его вошли следующие семь холмов: Палатин, Капитолий, Квиринал, Виминал, Эсквилин, Целий и Авентин. Одна часть стены, известная под названием стены царя Сервия Туллия, сохранилась до настоящего времени. Религиозным центром города и его крепостью (кремлем) сделался Капитолий, на котором, несмотря на многократные перестройки, сохранились еще следы древнего храма Юпитера Препялого Величайшего (*Iuppiter Optimus Maximus*) и некоторых храмов других богов¹⁶. В настоящее время на площадке Капитолия возвышается Капитолийский музей и Дворец консерваторов, служащий также музеем, а в память о волчице, вскормившей, по мифу, Ромула и Рема, в большой клетке выставлена живая волчица.

Палатинский холм в последние времена республики, а еще более во времена империи сделался средоточием особенного богатства и роскоши. Тут находился храм Юпитера Статора (дающего стойкость), где в 63 г. до н. э. Цицерон в громовой речи разоблачил заговор Катилины. Тут построил себе дворец Август, а за ним стали возводить дворцы и другие императоры и их приближенные. Вот почему название этого холма *Palatinus*, или *Palatium*, связано у нас с представлением о дворцовой роскоши; ср. русск. *палаты*, ит. *palazzo*, фр. *palais*, нем. *Palast*.

Для нас, естественно, представляет большой интерес римский Форум, как место, где происходили величайшие события мировой истории. Под словом *форум* разумеется вообще рынок, площадь, каких в Риме было несколько — коровий, рыбный, овощной рынки и т. п. Главный же Форум, который нас интересует, занимает низину, идущую от Квиринальского

¹⁶ E. Rodocanachi. Le Capitole romain antique et moderne. Paris, 1905.

холма между Палатинским и Капитолийским к берегу Тибра. Уже к царскому периоду относится сооружение тут водотока канала — Сюаса Махима, подземного туннеля с арочным перекрытием, который выполняет свое назначение до сего времени. Конечно, в течение веков и даже тысячелетий на Форуме произошло много изменений и перестроек, причем одни постройки частично или полностью разрушались, а на месте их воздвигались новые, так что в настоящее время, когда все пространство его вскрыто раскопками, наблюдателю даже трудно разобраться во всем множестве фундаментов, обвалившихся стен, алтарей, колонн и статуй. Наибольшее количество остатков принадлежит императорской эпохе, так как каждый император хотел увековечить свое имя какой-нибудь постройкой — особого форума (форум Юлия, то есть Цезаря, форум Августа, форум Веспасиана, Траяна и других), базилики по типу эллинистических «царских дворов» (от республиканской поры базилика Порция (Катона) и Эмилия, от императорской эпохи — Юлия и Августа, Константина и других), термы (бани) Траяна, Каракаллы, Диоклетиана и других, различные курии, портики, триумфальные арки Тита, Септимия Севера, Константина и других, колонны со статуями наверху — Траяна, Марка Аврелия и других (ср. рис. на стр. 29).

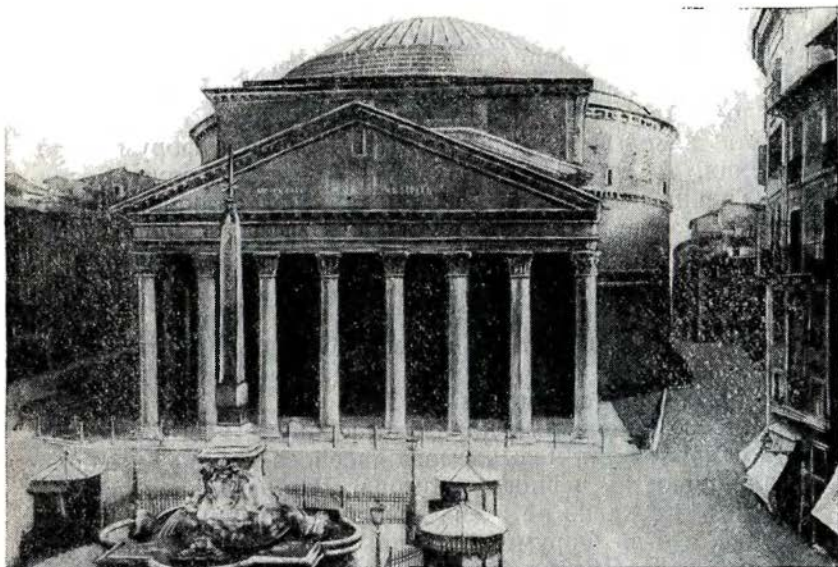
Среди весьма важных находок на Форуме необходимо отметить открытие так называемого «черного камня» — небольшой площадки из черного мрамора. Любопытство археологов было возбуждено не очень ясными сообщениями древних писателей, что на Форуме под черным камнем находится могила Ромула¹⁷. Правда, никакой могилы тут не было найдено, но открыты части какого-то жертвенника весьма древней эпохи, и, что особенно важно, на стенках разбитой пирамидки открыта надпись — древнейший образец римской письменности, относящийся, вернее всего, к концу VII или началу VI в. до н. э. По-видимому, в ней содержится «священный» закон с ритуалом данного культа; однако точнее установить значение памятника пока нет возможности, так как от камня уцелела только малая часть.

Среди других интересных памятников древнего Рима назовем остатки круглого храма богини огня на очаге государ-

¹⁷ См. В. И. Модестов. Памятники царского периода и древнейшая латинская надпись на римском Форуме. «Журнал Министерства Народного Просвещения», 1900, № 3 и 12; H. Thédénat. Le Forum romanum et les forums impériaux. Paris, 1908; P. Romanelli. The Forum Romanum. Roma, 1959.

ства — Весты (Aedes Vestae) и ее «атриум», служивший как бы монастырем весталок. На дворике этого храма найдено несколько портретных статуй с изображениями «старших» весталок, как бы настоятельниц этого монастыря.

К Форуму с юго-востока примыкал «комиций», место первоначальных собраний (особенно важные центуриатные комиции происходили за чертой города, на Марсовом поле

Пантеон в Риме (фасад). Надпись: M. Vipsanius Agrippa Fecit («М. Випсаний Агриппа соорудил»)

к северо-востоку от Капитолия). Там же на комиции находилась и обширная ораторская трибуна, известная под названием *rostra*, то есть корабельные носы, так как была украшена носами кораблей, отбитых у жителей города Анция в 338 г. до н. э. На южном склоне Капитолия сохранились остатки государственной тюрьмы, так называемый *Tullianum*, где приводились в исполнение смертные приговоры.

На Марсовом поле сохраняется античная постройка Пантеона. Это здание, как гласит сохранившаяся на ней надпись, сооружено Марком Випсанием Агриппой, полководцем Августа в 27 г. до н. э. Но во II в. н. э. задняя часть по-

стройки была разрушена пожаром и перестроена при императоре Адриане, причем был заново сооружен замечательный потолок в виде небесного свода диаметром в 43,8 метра без каких-либо поддержек с круглым отверстием по середине (см. гл. XIII, стр. 339).

Одним из грандиознейших памятников императорского Рима остается Колизей или, правильнее, Колоссей, называемый так за свои колоссальные размеры. Он сооружен императорами династии Флавиев — Веспасианом и Титом и был открыт в 80 г. н. э. Это — амфитеатр, то есть здание, предназначенное специально для устройства гладиаторских игр, травли диких зверей или боев гладиаторов между собой и подобных зрелищ.

Важным памятником, характеризующим направление политики Августа, был воздвигнутый в 13—9 гг. до н. э. по решению сената на форуме Августа Алтарь Мира Августа, от которого сохранились интересные рельефы с изображением процессии, направляющейся к новому алтарю, и символическим образом Матери-Земли с двумя младенцами на руках (см. гл. XIII, стр. 357).

При рассмотрении достижений римской археологии нельзя, конечно, ограничиваться находками в пределах самого города. Немалый интерес представляют и его окрестности и в первую очередь его гавань Остия, расположенная у устья реки Тибра (слово *ostium* значит «устье»). Основание этой гавани римской традицией приписывается четвертому царю Анку Марцию (Ливий, I, 33, 9; Энцикл., «Анналы», фр. 144). С развитием экономических отношений эта гавань достигла наибольшего расцвета в конце республики и в начале империи, уступив потом первенство ПUTEОЛАМ (совр. Puzzoli) в Кампании.

Раскопки в Остии, начатые в 1800 г. и продолжающиеся до сего времени, обнаружили остатки целого города с улицами, многочисленными храмами не только италийских богов, но и восточных, особенно египетской Исиды и персидского Мифры, что свидетельствует о многочисленности и пестроте разноплеменного населения. Видны остатки торговых и портовых сооружений. В эпоху империи гавань Остии была значительно расширена. Здесь найдено большое количество статуй и надписей.

Большой интерес по богатству находок представляет загородная вилла императора Адриана. Этот император (117—138 гг. н. э.) был большим почитателем греческой культуры, и в своей вилле близ городка Тибура (совр. Тиволи) поста-

рался воспроизвести знаменитые постройки и даже отдельные местности, где ему удалось побывать во время продолжительных поездок по обширной империи. Об этом говорят развалины и фундаменты «Пестрого портика», наподобие афинского, Одеона, театра, стадиона и т. п. Один уголок воспроизводил знаменитую Темпейскую долину — подобие фессалийской. Только пруд, предназначенный для навмахий (морских боев), переносит нас в обстановку чисто римских воинственных нравов. Огромное количество художественных произведений, статуй, рельефов, сосудов и т. п. было расхищено разными любителями даже в начале XIX в., и лишь малая часть их оставалась на месте ко времени раскопок, главным образом, второй половины XIX в.¹⁸

С литературной точки зрения, а отчасти с бытовой и экономической, представляет большой интерес место, где было расположено поместье поэта Горация близ того же городка Тибура, которое подарил ему в 33 г. до н. э. его богатый и знатный покровитель Меценат. Сам поэт вспоминает об этом в одной из «Сатир» (II, 6, 1—5):

Вот в чем желания были мои: необширное поле,
Садик, от дома вблизи непрерывно текущий источник,
К этому лес небольшой! И лучше, и больше послали
Боги бессмертные мне; не тревожу их просьбою боле,
Кроме того, чтоб все эти дары мне они сохранили.

(Перевод М. Дмитриева)

Осматривая это поместье, мы, несмотря на все происшедшие с тех пор изменения, можем узнать отдельные уголки, о которых упоминает поэт в своих стихотворениях: речку Дигенцию (совр. Личенца) с ее холодной водой («Послания», I, 18, 104), источник Бандусии с водой прозрачнее стекла, куда не проникает солнце в знойный день («Оды», III, 13), гору Лукретил, надежный приют для козочек («Оды», I, 17), и ту опушку леса, где поэт однажды столкнулся со страшной волчицей («Оды», I, 22, 14), и т. д. Еще в конце XVIII в. исследователи творчества Горация установили тождественность места с его виллой, установили и место, где находился его скромный домик.

В дополнение к перечисленным находкам отметим еще целый ряд городов в отдельных провинциях, как «законсервированный» образец римского лагеря в Заальбурге (ФРГ), Аквинк в Венгрии близ Будапешта и другие, где ведутся

¹⁸ P. G u s m a n. La villa impériale de Tibur. Paris, 1904.

успешные исследования, — Пальмира и Баальбек или Гелиополь в Сирии, Ламбесис в Нумидии, Тимгад в Алжире, Дура-Эвропос на Евфрате и другие. Города, возникшие в пустынях Азии и Африки, вследствие своего положения вдали от других населенных пунктов, лучше всего сохранили свой внешний вид (см. сб. «Africa Romana». Praha, 1964).

Нигде античная культура не сохранилась в таком полном и наглядном виде, как в Помпеях и двух соседних с ними городах — Геркулане и Стабиях; эти три городка, расположенные на берегу моря в окрестностях современного Неаполя, были защищены от хищничества позднейших поколений страшной катастрофой — извержением Везувия 25 августа 79 г. н. э., в результате которого они были глубоко засыпаны мелкими камнями, песком и пеплом, причем осевшая масса превратилась от проливного дождя в густую грязь и потом затвердела. Об этом событии у нас есть обстоятельный рассказ Плиния Младшего в письме к историку Тациту (VI, 16), который интересовался обстоятельствами смерти его дяди, известного естествоиспытателя, автора огромного сочинения «Естественная история», павшего жертвой своей любознательности при наблюдении необыкновенного события¹⁹.

Конечно, бежавшие из пострадавших городов жители при миновании опасности постарались, что только было возможно, унести из своих жилищ, а позднее некоторые части построек, оставшиеся на поверхности, использовать для нового строительства, но в дальнейшем на поверхности уже ничто не стало напоминать об исчезнувших городах. Стали возникать даже новые поселения, а вулканическая почва оказалась весьма благоприятной для разведения виноградников.

В 1594—1600 гг. при попытке проложить водопровод для соседней местности рабочие наткнулись на две плиты с надписями, из которых увидели, что под землей похоронен городок Геркуланей²⁰. Это навело на мысль о раскопках. Но эти раскопки вначале имели чисто любительский характер и мало отличались от грабительства. Более или менее систематическое исследование началось лишь с 1748 г., так что в 1948 г.

¹⁹ См. М. Е. Сергеевко. Помпеи. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1949; А. Мау. Pompeji im Leben und Kunst. Leipzig, 1908; H. Thédénat. Pompei. Histoire. Vie privée. Paris, 1906; «Pompeiana». Raccolta di studi per il secondo centenario degli scavi di Pompei. Napoli, 1950; A. Majuri. Pompei. Novara, 1957.

²⁰ Это обстоятельство дало основание Шиллеру в 1796 г. в стихотворении «Помпеи и Геркуланум» говорить об открытии этих городов, как о случайном событии при рытье колодца.

итальянские ученые праздновали двухсотлетие помпейских раскопок. Но, разумеется, не сразу дело стало на вполне научную почву и выработался научный метод. Серьезный подъем наступил в 1807—1814 гг. в правление Жозефа Бонапарта (брата Наполеона) и маршала Мюрата, в связи с подъемом в Италии национальных чувств. После наступившего затем ослабления интереса новый подъем начался в 1860 г., когда руководство раскопками взял на себя Дж. Фиорелли, который поставил дело в соответствие с новыми научными требованиями, и так оно продолжается и в настоящее время. Более половины площади Помпей уже раскрыто, но в Геркулане и Стабиях сделано еще очень мало.

В противоположность прежней стихийности и случайности теперь проводится строгая планомерность; никакие находки не вывозятся с места, и все они консервируются с сохранением их положения; раскрывается последовательно участок за участком, и сам город превращается в музей, строго охраняемый властями. Глазам посетителя представляются тесные улицы древнего города с тротуарами и дорожками для перехода с одной стороны на другую. На стенах сохраняются их украшения, роспись и надписи — не только официальные объявления, но частные обращения, например, к избирателям в период выборов на местные муниципальные должности или начерченные углем размышления досужих прохожих, которые, как будет показано в следующей главе, обнаруживали большое пристрастие к этому. В городе обнаружено два форума — один главный, другой малый, так называемый треугольный, специальные овощной и мясной рынки, два театра — большой и малый, а наряду с ними типичный для римских нравов амфитеатр для представлений с травлей диких зверей или гладиаторских боев, и в соответствии с этим специальная казарма для гладиаторов. Отметим еще значительное число храмов — большие храмы Юпитера, Аполлона и Венеры, а наряду с ними типичные для нравов империи храм Фортуны Августа, а также храм египетской Исиды с изображением мистического культа этой богини, что является наглядным свидетельством распространенности этого культа в поздний период античного мира. Наконец, среди крупных построек мы находим два вида терм (бань) — одни более богатые, другие — попроще для более бедного населения, но те и другие с отделениями горячим и холодным, с бассейнами для плавания и с портиками, в которых граждане любили проводить свободное время. Во всех

этих постройках мы видим блестящие образцы строительного искусства.

Впрочем, и частные дома дают много интересного. По ним мы получаем наглядное представление о расположении римского дома в цветущую пору античной жизни, соединение чисто римского типа постройки с атриумом в передней части и греческих форм в задней части — экседры и перистилия (сквер, окруженный колоннадой). За прихожей, где иногда можно прочесть на полу: «Берегись собаки» — *save sapem* или: «Здравствуй» — *salve*, идет приемная хозяина, атриум с очагом и водоемом внизу и с отверстием в крыше, а за ним «таблинум», кабинет, и далее в глубине и по сторонам — спальни, столовая и разные служебные помещения. Лестницы в некоторых домах указывают на существование в них вторых этажей. Для большей наглядности картины древней жизни в наиболее богатых домах в настоящее время восстановлены водопроводы и разводятся растения и цветы тех сортов, следы которых сохранились в развалинах.

По имеющимся в некоторых домах надписям мы знаем имена их владельцев: таковы дома Пансы, Корнелия Руфа, Марка Олкония, Марка Лукреция, Обеллия Фирма, Саллюстия, Диомеда и других. Особенной известностью пользуется по роскоши обстановки и по великолепию украшающей его стеной живописи дом Веттиев. Многие дома получили среди ученых прозвания по каким-нибудь внешним признакам или по найденным в них предметам, как дом Фавна (по статуэтке), дом с медведем, дом трагического поэта, дом серебряной свадьбы и т. д. Упомянем еще открытую в окрестностях Помпей богатую загородную виллу близ местечка Боскореале с ее замечательным кладом серебряных вещей изумительной ювелирной работы.

Во время катастрофы, постигшей Помпеи и их окрестности, большая часть населения успела спастись, но некоторым это не удалось, и они погибли под песком и пеплом. Засыпанная их масса затвердела, образовав вокруг их трупов, истлевших с течением времени, прочные формы. Археологи научились по глухому звуку при ударах заступы угадывать наличие пустоты и, вынужив целиком эту часть, пользоваться ей, как формой: заполнив пустоту гипсом, они получают точный слепок погибших при катастрофе людей и животных. Таких слепков собрано значительное количество в неаполитанском музее.

Планомерная работа по обследованию Помпей и соседних с ним городов успешно продолжается. К сожалению,

варварские действия фашистов не пощадили и здесь достижений мировой науки: одна бомба, сброшенная ими при отступлении в 1943 г., разрушила дом с роскошной живописью, уцелевший от первого извержения Везувия 63 г. н. э.

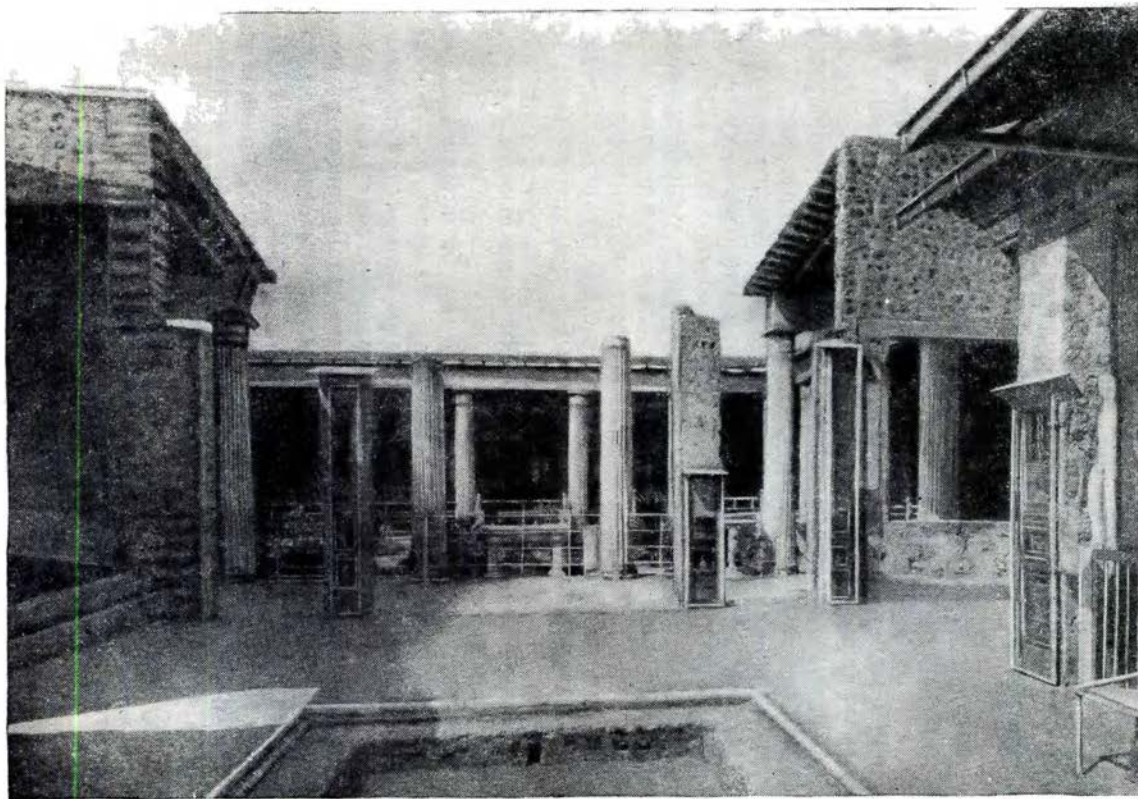
На предыдущих страницах мы бегло охарактеризовали важнейшие открытия археологической науки, не касаясь некоторых специальных сторон, как изучение письменных документов — об этом мы будем говорить в следующей главе. А сейчас остановимся на задачах керамики и нумизматики.

Керамика (от греческого слова *κέραμος* «глина») означает гончарное искусство и специальный раздел археологии, занимающийся изучением гончарного производства, как самого по себе и особенностей его техники, так в частности живописью, которой посуда в древности украшалась²¹.

Необожженной глиной в древнейшую пору пользовались в качестве кирпича для строительства, а также и для посуды, которую вылепливали сначала просто руками. В первом слое троянской культуры найдены изделия такого рода, особенно так называемые «личные урны», то есть сосуды, которым приданы формы человеческого лица. Обработка глины с помощью гончарного колеса и обжигание в огне, начавшееся в эпоху неолита (новокаменного века), дали много особенно ценного материала, отличающегося большой устойчивостью против разрушающего действия сырой почвы. Даже черепки разбитой посуды представляют большую ценность, характеризую степень развития техники и давая возможность хотя бы приблизительной датировки находок. Но, помимо этого, при склонности древних даже простой посуде, которую у нас принято называть латинским словом «вазы», придавать красивый вид, они обильно украшали их живописью, и таким образом через них мы получаем представление о почти не сохранившейся большой, станковой живописи. Многие из таких ваз являются образцами изящества, а рисунки на них воспроизводят часто бытовые сцены, иногда сцены из театральных постановок, часто мифологические сюжеты или сюжеты литературных произведений, нередко иллюстрации недошедших до нас произведений, или даже копии знаменитых произведений современной живописи. Так благодаря вазам значительно расширяется наше представление о всей вообще античной жизни.

Другим вспомогательным средством в изучении античного

²¹ См. В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. Изд-во МГУ, 1953; E. Buschor. Griechische Vasenmalerei. München, 1913; I. F r e i. Recké vasy. Praha, 1956.

Атриум дома Веттиев в Помпеях

мира является нумизматика (точнее — номисматика — от греческого слова νόμισμα «монета»), изучающая древние монеты²². Нет надобности объяснить, какое значение может иметь эта отрасль науки для понимания финансовой и экономической жизни древнего мира. Монетная система возникла из первоначальных форм товарообмена только в VII в. до н. э. и по основному своему значению монета должна была равняться ценности покупаемого товара. Этим и объясняется, что некоторые названия монет, как заимствованные у вавилонян «талант» и «мина» и римский «ас», были одновременно и весовыми единицами и единицами стоимости. Но постепенно монета превратилась в денежный знак, значение которого гарантируется государственной властью и удостоверяется государственным гербом. В условиях первобытного общества, как это видно еще в поэмах Гомера, ценность предмета определялась стоимостью скота: у одного щит оценивается в девять быков, у другого в сто («Илиада», VI, 235—236), бронзовый треножник—двенадцать быков («Илиада», XXIII, 702—703). Отсюда понятно, что и у римлян слово «деньги» — *rescipia* происходит от одного корня с *pecus*, что значит «скот»²³. Сохранились некоторые образцы древнейших монет с изображением быка (ср. Плутарх, «Тезей», 24, 3). В дальнейшем же выпускаемые государством монеты стали отмечаться геральдическими знаками: на афинских монетах можно видеть изображение покровительницы города, богини Афины и ее постоянной спутницы — совы, на римских монетах ранней поры — двуликая голова бога Януса и на оборотной стороне — корабельный нос, на монетах города Сиракуз — нимфа Арефуса с дельфинами, на монетах острова Эгины — изображение черепахи, на трапезунтских монетах — бога Мифры и т. д. Со времени Александра Великого на монетах стали воспроизводить портреты правителей — самого Александра и его преемников, в Риме — Помпея и Юлия Цезаря, а в эпоху империи — самих императоров, начиная с Августа. Кроме этого, отдельные города на своих монетах старались запечатлеть какие-нибудь свои местные достопри-

²² См. А. Н. Зограф. Античные монеты. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1951; его же. Монеты Тиры. Изд-во АН СССР, М., 1957; Д. Б. Шелов. Монетное дело в Восточной Восточной Азии VI—II вв. до н. э. Изд-во АН СССР, М., 1956; Г. А. Федоров-Давыдов. Монеты рассказывают (нумизматика). Изд-во АН СССР, М., 1963; В. V. Head. *Historia nummorum*. London, 1911.

²³ Сравним в древнерусском быту название денег «куны», обозначающее первоначально шкуры куниц, которые составляли ходкий товар для обмена.

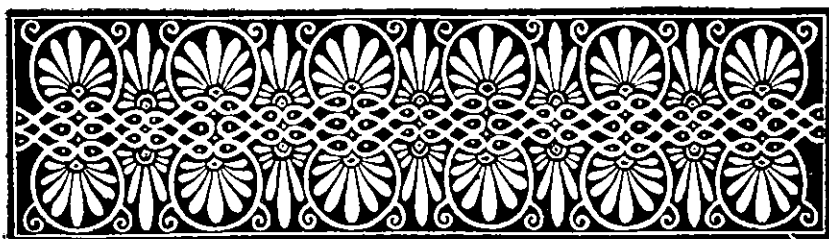
мечательности. Так, например, монеты Элиды дают нам представление о знаменитой статуе Зевса Олимпийского работы Фидия (см. рис. на стр. 345), по римским монетам мы знакомимся с внешним видом храма Юпитера на Капитолии.

Монеты являются ценнейшим историческим документом, поскольку часто отмечают важнейшие события своего времени и содержат хронологические данные. По золотым монетам города Пантикапея (Боспор) мы имеем возможность проследить историю этого города, мало известную из литературных источников, почти триста лет год за годом без перерыва. Кроме того, качество чеканки монет является показателем экономического состояния государства, и по ним бывает можно судить о процветании равно, как и об упадке государства; об этом же говорит вес и состав сплава металлов, количество лигатуры. Так, известна сильная порча и обесценение монет в III в. н. э., когда в «серебряной» монете оставалась только малая доля чистого серебра. Приведем еще, что монеты представляют интерес и с художественной точки зрения, так как нередко содержат образцы ювелирного искусства, а также портреты исторических деятелей, между прочим и таких, которых не сохранило статуарное искусство. А отчасти монеты могут представлять интерес и с точки зрения языка, так как надписи на них («легенды») отражают иногда особенности языка и письменности своего времени²⁴.

Мы сделали беглый обзор достижений археологической науки в разных областях античного мира. Она представляет особенную ценность тем, что вводит нас прямо в подлинную обстановку античной жизни. Правда, памятники, открываемые археологией, сами по себе остаются немymi, но часто они несут и письменные документы, которые могут рассказывать о жизни и помыслах людей своего времени, если мы сумеем заставить их заговорить. А как это можно сделать, мы увидим из следующей главы.

²⁴ Для образца укажем небольшой сборник монет Ольвии и Пантикапея: «Antike Münzen aus Olbia und Pantikapaum». Photographien von M. Hrlas und J. Marco. Text von K. Dittrich, deutsch von F. Kirschner. Prag, 1959.

ГЛАВА VIII

АНТИЧНАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ И МЕТОДЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Мысль, высказанная человеком в словесной форме, может получить широкое распространение и стать достоянием всего человечества, если слова эти будут своевременно записаны. Главная часть культурного наследия античного мира известна нам по произведениям письменности. Поэтому вопрос о состоянии, в каком сохраняются памятники письменности, имеет для нас первостепенное значение.

Книга в той форме, в какой она в настоящее время составляет необходимую принадлежность в обиходе всякого культурного человека, получила свой теперешний, всем хорошо известный вид в результате многовекового процесса еще в античном мире. Греки называли ее βιβλος, или βιβλίον откуда происходит теперешнее слово *библиотека*, то есть помещение для книг, а в церковном обиходе βιβλία означает собрание книг священного писания — Библия. А от латинского слова *liber* произошло французское *livre* «книга». Оба эти слова, греческое и латинское, первоначально обозначали просто «лыко» или древесную кору и тем самым указывали на материал, которым первоначально пользовались. В греческом языке была еще разновидность понятия книги — βιβλος, название, относившееся к какому-то растению вроде египетского папируса.

Так как книгопечатание было изобретено только в XV в.

(ок. 1450 г.), в течение всего предыдущего времени книги распространялись только в рукописном виде — manuscripti (то есть «рукой написанные»), что, конечно, до крайности ограничивало число выпускаемых экземпляров и снижало точность передачи текста, умножая опiski, пропуски и другого рода искажения. Поэтому нам необходимо иметь точное представление о состоянии письменности в античном мире и о способах сохранения и распространения ее в средние века до тех пор, когда она получила прочную опору в печатном станке.

В зависимости от того, на каком материале писались древние тексты, различались формы и способы письма, и в соответствии с этим они подлежат изучению в разных специальных дисциплинах. Общее обозрение основ древнего письма составляет предмет палеографии (παλαιογραφία), то есть «древлеписания», а в то же время и специально текстов, написанных на мягком материале, чаще всего на пергаменте. Тексты, вырезанные в виде «надписей» на твердом материале — на камне, бронзе и т. п., изучает эпиграфика (ἐπιγραφική). Отдельной отраслью палеографии является папирология, которая занимается текстами на папирусах.

Письменность в Греции, как показали археологические находки, существовала уже в III тысячелетии до н. э., еще до прихода греческих племен, а от II тысячелетия сохранились уже надписи на греческом языке. Однако это письмо резко отличалось от того, которое нам хорошо известно из времен широкого развития греческой культуры и которое в измененном виде было усвоено италийскими народами, а затем и всей Европой.

Бумага в Европе стала появляться через арабов в VIII в., а распространение получила в XII—XV вв. Она выделялась из льняного тряпья и древесины.

В древности для письма употребляли самые разнообразные материалы — древесные, например, пальмовые листья, лыко, шкуры животных, деревянные доски и каменные или бронзовые плиты, а также глиняные пластинки, таблички и даже черепки, отчасти свинцовые пластинки.

Греческий историк Геродот говорит, что греки-ионийцы заимствовали у финикийцев буквенные знаки, приспособив их к своему языку, и называли их «финикийками»; он прибавляет при этом, что в качестве писчего материала они пользовались «папирусными листьями» (βύβλοι), которые у них назывались «шкурами» (διφθέραι), так как в то время за редкостью папируса (βύβλος) употребляли для письма козьи

или овечьи шкуры («История», V, 58, см. ниже стр. 196). Разумеется, эти шкуры очищались от мяса и шерсти. Известно также, что древнейшие законы, например, Драконта в 620 г. и Солона в 594 г. до н. э. в Афинах были написаны на деревянных или каменных призмах — ἄξονες или κῶρυμβες (Аристотель, «Афинская полития», 7, 1; Плутарх, «Солон», 19, 23, 24). А известные римские «законы XII таблиц» (449 г. до н. э.) были вырезаны на 12 бронзовых досках (Ливий, «История», III, 57, 10). Историк Ливий около начала новой эры упоминает, как о важном источнике исторических сведений, о «полотняных книгах» (libri lintei), которые были найдены историком Лицинием Макром в храме Юноны-Монеты (Памятливой): они содержали списки должностных лиц по годам (Ливий, IV, 7, 12; 20, 8).

Простейшим видом писчего материала была вошенная табличка (δέλτος, πίναξ, tabula, tabella). Таких табличек немало сохранилось до нашего времени. Это — небольшая, размером около 12×14 сантиметров деревянная (сосновая) или даже из слоновой кости (у богатых) дощечка, покрытая слоем воска, чаще всего вставленная в рамочку, вроде употреблявшихся у нас в прежнее время аспидных или грифельных досок. По воску чертили еχαγαπᾶν («бороздили») особой заостренной костяной или металлической палочкой — стилем (στύλος, stilus). Другой конец стила делался плоским для того, чтобы в случае ошибки можно было стереть написанное¹. Отсюда выражение *повернуть стиль* (stilum vertere) получило смысл «исправить ошибку». Зная эту технику письма в античном мире, мы легко поймем, почему слово *стиль* в настоящее время стало рассматриваться, как выражение манеры письма и даже своеобразного направления мысли писателя. Это и имеет в виду известное выражение Ж. Л. Бюффона (1707—1789): «Стиль — это человек».

Таблички могли накладываться одна на другую, образуя «складень» (диптих). В Египте в числе школьных принадлежностей найден экземпляр, составленный из девяти табличек. Дощечки скреплялись между собой шнурками или шарнирами, так что вместе составляли «книгу» (codex), в которой можно было перелистывать страницы. Получалось такое преимущество, что на внутренних дощечках можно было

¹ Интересен факт, сообщаемый Светонием в биографии Юлия Цезаря (гл. 82). Окруженный заговорщиками и не имея другого оружия, Юлий Цезарь стал защищаться бывшим у него в руке стилем и пронзил руку одному из нападающих. Этот пример объясняет, почему в позднейшие времена этим словом стали обозначать маленький кинжал, ср. фр. *стилет*.

писать на обеих сторонах и положение их внутри книги предохраняло написанный текст от стирания, а рамки защищали от соприкосновения с другими дощечками. Сложенные таким образом таблички могли быть использованы в качестве книги или письма и в случае надобности перевязывались шнурком и запечатывались воском с помощью печати на перстне. Складень из двух табличек назывался «диптих» или «диплом» (διπλωμα). У нас есть 15 бронзовых «дипломов» из эпохи империи, в которых от имени императоров обеспечиваются некоторые привилегии заслуженным старым солдатам — ветеранам. Вот откуда ведет происхождение современный термин *диплом*.

Естественно, что таблички, как принадлежность повседневной жизни, часто упоминаются в литературных произведениях. Так, в пародийной поэме «Война лягушек и мышей» автор (Пигрет) говорит, обращаясь по обычаю эпических поэтов к музам, о своей песне:

Той, что недавно сложил я, таблички держа на коленях.

Перед нами встает встречающийся нередко в египетском искусстве образ писца, который сидит на земле, поджав ноги, с табличками на коленях. В трагедии Эврипида «Ифигения в Авлиде» (35—39) представлено, как Агамемнон в тяжелом раздумье пишет в лагере письмо домой с приказанием прислать Ифигению, которую по требованию богини Артемиды он должен принести ей в жертву: он то напишет, то сотрет написанное, то запечатает, то сорвет печать. В другой трагедии того же поэта, в «Ифигении в Тавриде», героиня, спасенная от смерти и чудом перенесенная богиней в Тавриду, заготовила письмо на родину и хочет вручить его молодому пленнику для передачи домой, но тут же в другом пленнике узнает своего брата Ореста (725—830). В таком же складне Федра оставила клеветническое обвинение против пасынка Ипполита в трагедии его имени («Ипполит», 856—865). Подобным образом римский поэт Овидий представляет влюбленную в брата героиню Библиду, дочь Эола, задумавшейся над сочинением письма («Метаморфозы», IX, 521—523):

Вот, пораздумав, дрожащей рукою слова подбирает.
Правую держит железо (т. е. стилъ), а левой вошную доску,
Станет писать, да в сомнении вдруг все писанье стирает.

Тот же Овидий с комическим драматизмом рисует горе влюбленного, который получает обратно свое письмо с отказом («Любовные элегии», I, 12, 1—2):

Девушка с табличками и стилем. Помпейская фреска

Плачьте о горе моем: возвратились печально таблички!
Буква одна лишь на них значит несчастное: нет!

И поэт Проперций в одной из своих элегий (III, 23, 19—20), не получая ответа, жалуется, что его любимая забросила посланные им таблички и что теперь, может быть, на месте его страстных стихов какой-нибудь скряга пишет свои счета и дневники.

Таблички находили широкое применение в школьной жизни, как можно видеть по произведениям искусства, особенно по изображениям на вазах и на рельефах. Такую черточку из живой действительности находим мы в одной бытовой сценке, представленной в «Мимиямбах» Геронда (III в. до н. э.): простая мать из бедной семьи жалуется учителю, что ее отбившийся от рук сынишка вместо того, чтобы учиться хорошенько писать, соскреб воск с дощечки и забросил ее за постель (III, 17).

Таблички, таким образом, имели свое широкое распространение в повседневной жизни. Но еще более широкие возможности давал другой вид писчего материала — папирус. Под этим названием разумеется прежде всего особое растение — *Surgus papyrus* из семейства осоковых, которое растет только в болотистых местностях; в древности главным местом его разведения была дельта Нила в Египте, где отдельные растения достигали большой высоты. Описание этого растения и разных способов его употребления дал ученик Аристотеля Теофраст в начале III в. до н. э. в сочинении «Исследование о растениях» (IV, 8, 2—4). Из этого растения выделялось нечто вроде бумаги, за которой установилось то же название «папирус».

Римский естествоиспытатель Плиний Старший оставил довольно подробное описание того, как из папируса приготавливали особый вид писчего материала («Естественная история», XIII, 74—82). Стебель папируса взрезали в продольном направлении и внутренние волокна иголкой расщепляли на длинные полоски. Затем эти полоски укладывали параллельными рядами, чередуя направление узких и широких концов, так как нижние части стебля оказывались шире верхних. После этого на продольно разложенные длинные полоски накладывались в поперечном направлении такого же рода короткие полоски. Длина листа могла достигать нескольких метров, и если естественная длина стебля казалась недостаточной, к взятым полоскам можно было подклеить дополнительные. Среди сохранившихся папирусных листов некоторые имеют размер 20 и более метров. Ширина колеблется между 10 и 40 сантиметрами, средний же размер был около 20—25 сантиметров. Наложённые один на другой эти два слоя полосок прессовались, вследствие чего волокна выделяли клейкий сок; его еще разбавляли клейкой нильской водой или даже клейковиной, то есть выжимкой из хлебных злаков. В результате получался хорошо проклеенный лист. После тщательного просушивания лист полировался, все под-

клейки сглаживались и получался изящный, мягкий, светлого цвета лист, удобный для письма².

В наше время делались неоднократно попытки изготовлять папирус согласно указаниям Плиния, однако они не дали ожидаемых результатов. В СССР этим занимается Лаборатория консервации и реставрации документов при Академии наук СССР. Результаты этих опытов опубликованы в статье Н. П. Тихонова «Папирус, его хранение и реставрация»³.

В папирусном листе естественно различались по качеству две стороны: лучшей была лицевая сторона (*recto*), хорошо отполированная и наиболее удобная для письма, и только в случае недостатка писчего материала, что свидетельствует о стесненном материальном положении владельца, писали текст на обратной стороне (*verso*).

Для письма длинный лист папируса разграфлялся в поперечном направлении на столбцы или страницы (*σελίδες*), которые чаще всего имели 20—30 строк. Размер строки в значительной степени определялся характером содержания: прозаические сочинения обычно писались более короткими строками, иногда даже около 5—7 миллиметров, для стихотворных текстов меркой мог служить гомеровский стих — «гексаметр», состоящий приблизительно из 40—50 букв. Это немного уступает среднему размеру современной книжной строки.

Писали на папирусах обычно черной краской, которая изготовлялась из сажи, замешанной на клею. Иногда выделяли некоторые части красной краской. В качестве пера пользовались обточенной тростниковой палочкой — калам (*κάλαμος*).

Когда рукопись была закончена, оставшуюся лишнюю часть папируса обрезали. Вот от этого «обреза» (*τόμος*) в дальнейшем обрезанная таким образом книга и получила название «том».

Для удобства хранения и пользования книгой длинный лист папируса наклеивали с обоих концов на деревянные скалки и на них накатывался, образуя свиток — цилиндр (от глагола *κυλίνδειν* «катать»), по-латыни *volumen*, по-

² W. Schubart. Das Buch bei den Griechen und Römern, 3-te Aufl. Leipzig, 1960, SS. 1—37; Th. Birt. Kritik und Hermeneutik nebst Abriss des antiken Buchwesens (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft, Bd. I, 3 Abt.), 3-te Aufl. München, 1913, SS. 263—280; О. А. Добинская. Рождественская. История письма в средние века, изд. 2. Л., 1936.

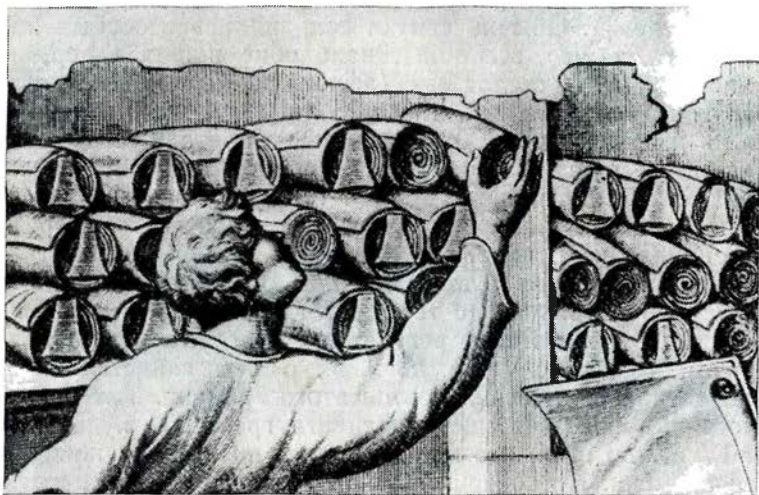
³ «Труды лаборатории консервации и реставрации документов», т. I. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1939, стр. 10—34.

французски *volume*, откуда библиотечный термин *волюм*, равнозначный со словом *том*. Читатель, раскручивая правую скалку и наматывая левую, раскрывал перед собой нужную страницу и по мере прочтения одной открывал следующую. Конец скалки, ее ручка, выдавался из свитка наружу под названием «пуп» — ὀμφαλός, umbilicus. Там же с наружной стороны наклеивался ярлычок с наименованием книги и автора, чтобы легче было находить книгу на полке. Для лучшей сохранности свиток иногда вкладывался в кожаный футляр (*capsa*). Обычно свитки сохранялись в особых ящиках (κίστη, τέβχος, *scrinium*), наподобие наших ведер, а в библиотеках — на стеллажах (*armarium*), положенные один на другой в специальных «гнездах» (*nidi*), как это можно видеть на рисунке (стр. 190). А богатые любители книг держали любимые книги в ларцах из кедрового или кипарисового дерева, о чем упоминает Гораций («Наука поэзии», 332).

Употребление папируса в качестве писчего материала ведет начало из Египта, где его стали применять для таких целей еще в III тысячелетии до н. э. В Греции папирус получил распространение с тех пор, когда стали устанавливаться более или менее регулярные торговые отношения с Египтом, то есть с VII в. до н. э., о чем свидетельствуют произведения лирических поэтов этого времени. Так продолжалось и в эпоху высшего расцвета греческой культуры в V и IV вв. до н. э., что можно видеть по вазовой живописи этого времени. Но совершенно новое значение и распространение в Греции, а затем и в Риме папирус получил в эпоху эллинизма, то есть в III—I вв. до н. э., и позднее, когда в Египте у устья Нила в 331 г. была основана Александрия, а затем возникли и другие греческие поселения. Здесь образовался важный культурный и научный центр, из которого книги и папирусы стали расходиться во все концы античного мира.

Огромное количество папирусов было открыто во второй половине XIX и в XX в. Правда, большинство из них сильно пострадало от времени и сохранилось в виде клочков, но немало есть и цельных произведений: сборник речей оратора Гиперида (IV в. до н. э.), «Государственное устройство афинян» («Афинская полития») Аристотеля, правда, без начала, сборник стихотворений Бакхилида (V в. до н. э.), ряд бытовых сенок — «Мимиямбы» Геронда (III в. до н. э.), значительные отрывки из стихотворений Пиндара (V в. до н. э.), из трагедий Эврипида, почти целая «сатирическая драма» Софокла «Следопыты», большие отрывки из произведе-

ний Эхила, из поэм Гомера и других, прежде даже неизвестных поэтов, историков и ученых, значительные отрывки из бытовых комедий Менандра (IV—III вв. до н. э.), а в 1958 г. была впервые опубликована целиком комедия Менандра «Ворчун, или Человеконенавистник». Все это показывает, каких находок можем мы еще ожидать при дальнейших исследованиях. Прибавим к этому огромное множество

Античная библиотека. Античный рельеф из Неймагена, ныне утраченный

найденных на папирусах официальных и частных писем и документов, даже образцов школьных упражнений (см. стр. 494). Такими находками, как нетрудно убедиться, чрезвычайно обогатилось наше представление об античном мире, и явилась возможность узнать его в неприкрашенном виде.

Самый ранний папирус, дошедший до нас, относится к IV в. до н. э. Это поэма «Персы» Тимофея Милетского, поэта начала IV в. до н. э., образец вычурной и напыщенной поэзии в духе «искусства для искусства» — свидетельство упадочных настроений эпохи. С конца III в. до н. э. папирус стал конкурировать с пергаментом, но сохранял значение до конца античного мира. Им продолжали пользоваться и в раннюю пору средневековья — до VIII в., когда на смену ему явилась примитивная форма бумаги (ср. русск. *хартя*).

7. ἘΠΙΒΛΗΝ ΑΝΤΙ...
 ΔΟΙΝΙ...
 ΠΡΩ...
 ΚΗΤΤΥΚΤΟΝ...
 ΚΑΝΚΙ...
 ΧΓΡ...
 ΙΙ. ἸΤΕΡΙΝΟΙ...
 ΒΕ...
 Μ...
 Χ...
 Δ...
 Ι. ΠΑΡΕ...
 Δ...
 Ο...
 Χ...
 Ι...
 Φ...
 Β...
 Υ...
 Τ...
 Ο...
 Ε...
 Π...
 Ο...
 Χ...
 Τ...
 Φ...
 Ε...
 Τ...
 Ο...
 Π...
 Μ...

«Оды Бакхилида XVIII, 50—60; XIX, 1—21. Лондонский папирус I в. до н. э.

Форма папирусной книги в виде свитка была не единственной: по образцу складней из воощенных табличек, а еще более под влиянием получивших тем временем распространение пергаментных книг, приблизительно со II в. н. э. в кругах христиан ради удобства хранения и распространения книг священного писания стали большие листы папируса разрезать по страницам, складывать стопками и сшивать таким же образом, как это делается с современными книгами.

Естественно, что сверху, снизу и по бокам и в промежутках между столбцами оставлялись свободные поля: это требовалось и для удобства читателей, и для внешнего изящества книги. Текст рукописи обычно заканчивался указанием имени автора и заголовка произведения. Среди законодательных актов византийского императора Юстиниана (527—565 гг.) есть распоряжение, датированное 536 г., о том, чтобы должностные лица во избежание подлогов и под страхом строгого взыскания в составляемых ими документах на первое место ставили основной текст, содержащий главную суть дела, и только после него вносили дополнительные данные; основной текст, помещенный впереди, и назывался по этому признаку «протоколом» — *πρωτόκολλον*, то есть «первая вклейка» («Новеллы», 44, 2).

Первыми любителями и собирателями книг греческая традиция называет тираннов Поликрата Самосского и Писистрата Афинского (VI в. до н. э.). Но более достоверные сведения имеются о крупных частных библиотеках у поэта Эврипида в V в. и философа Аристотеля в IV в. до н. э. (Афиней, I, 4, р. 3 А). По-видимому, часть библиотеки Аристотеля была приобретена в III в. в Александрии царем Птолемеем II Филадельфом (Страбон, XIII, 54, р. 608). Так постепенно назрела необходимость в организации больших общественных библиотек. Это принадлежит уже поздней поре греческой культуры.

В результате серьезного кризиса в жизни рабовладельческого общества Греции в конце IV в. до н. э. сложились новые условия. Новый период (III—I вв. до н. э.), который принято называть эпохой эллинизма, характеризуется тем, что греческая культура получила невиданно широкое распространение среди всех народов в бассейне Средиземного моря. Помимо прежних центров, какими были Афины, Коринф, Сиракузы в собственной Греции, выдвинулись на руководящие места Александрия в Египте, Пергам в Малой Азии, Антиохия на реке Оронте в Сирии, республика на острове Родос, постепенно стал к этому приобщаться и Рим.

Если в художественной литературе наступило ослабление, то пышное развитие получила наука. В названных пунктах возникали, помимо элементарных, еще и высшие школы: философские и риторские, стали появляться не только частные, но и общественные библиотеки. Состояние этого дела нам лучше всего известно в Александрии. Один из первых местных царей — Птолемей I Сотер (328—283 гг. до н. э.) наметил, а его преемник Птолемей II Филадельф (285—246 гг. до н. э.) осуществил его мысль — основал «Музей», то есть храм муз, — нечто вроде академии наук, а при Музее была образована библиотека, именовавшаяся царской; несколько позже в Александрии была устроена и другая библиотека при храме местного бога Сараписа, в которую были переданы лишние экземпляры рукописей — дубликаты. В первой из этих библиотек перед пожаром, от которого она погибла в 47 г. до н. э. при взятии города Юлием Цезарем, насчитывалось до 700 тысяч свитков (Плутарх, «Юлий Цезарь», 49), во второй — 42 800. Раскопки показали остатки великолепных зданий школ и библиотеки в Пергаме, основанных царем Эвменом II (197—154 гг. до н. э.). По словам Плутарха («Антоний», 58), из этой библиотеки известный триумvir Марк Антоний в 30-х годах I в. до н. э. вывез до 200 тысяч свитков в Александрию в подарок царице Клеопатре в возмещение сгоревшей библиотеки. Впрочем, достоверность этого рассказа возбуждает сомнения.

Об интересе Птолемеев к книжному делу свидетельствуют некоторые их мероприятия. Ими, например, был проведен закон, по которому всякий корабль, прибывавший в александрийский порт, должен был все находившиеся на нем рукописи или продать, или, по крайней мере, предоставить для снятия копии в местную библиотеку, если данного сочинения в ней не было. В своих заботах о пополнении библиотеки Птолемеи не останавливались даже перед грубыми средствами. Так, Птолемей III Эвергет (246—221 гг. до н. э.), воспользовавшись затруднительным финансовым положением афинского государства, ссудил афинянам большую сумму денег — 15 талантов под залог высоко ценившегося по строгой точности государственного экземпляра сочинений знаменитых трех трагиков; когда же афиняне справились с затруднениями и готовы были вернуть полученные деньги, он отказался принять их, а вместо взятых книг послал им копию с них (Псевдо-Плутарх, «Жизнеописание Ликурга», 841F; Гален, «Объяснения к Гиппократу», XVII, 1, р. 607).

Создание крупных библиотек и других научных учрежде-

ний способствовало подъему исследовательской работы в разных областях науки — математики, физики, медицины, механики, ботаники, зоологии, астрономии и т. д., а в том числе и филологии: поднялся интерес к вопросам истории, языка и литературы, к толкованию устаревших слов и выражений, к объяснению отдельных мест в сочинениях знаменитых писателей. Но из этой громадной литературы до нас дошло очень мало. Однако впоследствии средневековые ученые, которые еще имели эти сочинения в руках, сделали из них немало выписок и, выпуская новые рукописные издания, часто снабжали их объяснительными примечаниями, причем приводили мнения прежних ученых и даже цитаты из их сочинений. Такие примечания писались мелким почерком на полях рукописи или даже между строк и известны под названием «схолий». Понятно, что они составляют весьма ценный материал для изучения всей вообще культуры античного мира.

Достижения греческой культуры постепенно усваивались и римлянами. В течение III и II вв. до н. э. быстро развивался этот процесс, и к началу I в. до н. э. книга в виде свитка папируса и вошенные таблички стали принадлежностью римской культуры. Первая крупная частная библиотека в Риме принадлежала известному богачу и полководцу Л. Лицинию Лукуллу (Плутарх, «Лукулл», 42), а первая публичная библиотека была учреждена Г. Асинием Поллионом в 39 г. до н. э. (Плиний, «Естественная история», VII, 30; XXXV, 2); три библиотеки были основаны при Августе — одна на Палатине в 28 г. до н. э. и во главе ее был поставлен Г. Юлий Гигин (Светоний, «О грамматиках», 20) — и еще в других местах (Овидий, «Печальные элегии», III, 1, 60—72).

Вполне понятно, что при таком развитии спроса на книгу существовавшие до сих пор способы книжного производства не могли удовлетворять растущей потребности, тем более что папирус получали только из одного места — из Египта. Плиний Старший передает (XIII, 70), что в начале II в. до н. э. вследствие обострения экономического и культурного соперничества между Египтом и Пергамом египетский царь Птолемей V Эпифан (203—181 гг. до н. э.) наложил запрещение (эмбарго) на вывоз папируса в Пергам. Этим он хотел нанести удар развитию библиотечного дела, которым очень интересовался пергамский царь Эвмен II (197—159 гг. до н. э.). В ответ на это пергамские техники приспособили и усовершенствовали недавнее изобретение

сирийских мастеров, сделанное в период 196—190 гг. до н. э. Этот писчий материал получил название по городу Пергаму «пергамин» (περγαμηνή) или в более распространенной латинской форме «пергамент» (pergamenum). Иначе римляне называли его «мембрана» (Персий, 3, 10; Марциал, XIV, 7, 188; Ювенал, 7, 23 и т. д.). Для лучших сортов пергамента требовалась особенно тонкая, мягкая и светлая кожа. Ее стали брать от еще не родившихся ягнят и козлят, вырезая их из чрева матерей, а так как это было сопряжено с необходимостью убивать не только плод, но и взрослых животных, ценность получаемого материала, конечно, соответственно возрастала; при этом надо учитывать еще и то, что на одну сколько-нибудь объемистую книгу приходилось употребить несколько десятков шкурок. Поэтому стоимость каждой пергаментной книги оказывалась значительно большей, чем книг папирусных. Этим и объясняется, почему вначале пергаментные книги распространялись медленно. Зато в дальнейшем преимущества пергамента нашли полное признание, особенно с IV в. н. э., и им продолжали пользоваться вплоть до времени изобретения книгопечатания.

Выработка пергамента начиналась с того, что содранную с животного шкуру тщательно очищали от шерсти и мясных частей, обрабатывали дубильными веществами, проглаживали и для белизны натирали мелом⁴. Обе стороны листа оказывались одинаково пригодными для письма. О внешней отделке такой книги можем судить по словам поэта Катуллы (I в. до н. э.), который, посвящая книжку своих стихов историк Корнелию Непоту, отмечает, что она «выглажена сухой пемзой» (I, 2).

Само собой разумеется, что листы пергамента не могли иметь такой длины, как листы папируса. Четырехугольные листы перегибались пополам и складывались по четыре «четверками» (тетράς или τετράδιον, quaternio). Отсюда происходит современное слово *тетрадь*. Несколько таких тетрадей, сложенных в пачку и подшитых, образуют книгу в нашем смысле слова — codex.

Заголовок (titulus), который в папирусах обычно писался в конце, в пергаментных книгах постепенно занял место на первой странице и закрепил за собой это место с IV в. н. э.; это видим в самой ранней имеющейся у нас пергамент-

⁴ Употребляемый в настоящее время пергамент имеет только внешнее сходство с древним, но в приготовлении не имеет ничего общего.

ut ad te Statores meos et Lectores cui vobis mittere. qual si satis oportuno
tempore accepissem gratissimum mi feceris si ad me in Cilicia quoniam ue
neris. Na qd a me Curius Cordobrinus tuus mi ne sit maxime necessarius
qd iterum propinquus tuus. C. iurgini saluans sim mi de te accuratiss
sime scripsit. ualet id quod ap me multu. sicuti debi omni aicis simoniu
diliget comiciatis. sed tunc tunc de tua pfecti dignitate. et de miu quid dace
maxi sunt ap me ponderis. Mibi questor optator contingere nemo po
tuit. Quia obre quecuqz a me ornamenti ad te proficiantur. ut omni in
telligant a me bitam esse tunc. maiorisqz tuoru dignitatis. sed facilius
consequatur si ad me i Cilicia ueneris quod ego et mea et rei. p. et maxie
tua interesse arbitror. Vale. Marcus Tully Ciceronis. Epistolarum
Familiarium Liber Secundus explicit. Incipit Tertius feliciter

MARCUS Cicero. sal. dicit Appio Pulcro Imperatori
Si ipsa res. p. tibi narrare posset oio se hret. no fa
cilis ex ea cogitare posses. si ex Liberto tuo pba
ria ita e. ho no in prudens. ueni et qd undi curio
fuit. Quapp ille oia t. explanabit. id. n. in ad bre
uitate e aptius. et ad reliqua res pudenti. De
mea aut biniolentia erga te et si potes ex eod. cogitare. tam indeneu
aliq mee ptes. Sic. n. tibi pnuade carissimum te mihi esse. tu pp multal
urbaitate ingenij officij. humilitatis tue. tria. inu tuu. et ex multo
simoniu intelligo oia q a me profecta sunt i te tibi accidisse gratissie. Qd
ai ita sit pliciam profecto ut legi tpmul usura q carum interm. i. i. i. i.
nra olinet. i. i. i. i. et gra. et acerbitate et magnitudine officioy meoz
latona. Idqz qm tu ita uis puto me no uita mineua esse facturuz.
quia ego si forte detulsi impleto no sibi pallada. sed et Appicia noia
do. Cihx libertus tuus antea mi fuit nini notus. sed ut in reddidit
a te ual pientia et amoris et officij mirifice ipse suo simoe subleuitus e
humanitate tua. Itaz. loci de in emuloro fuit. ai de aio tuo. de simonibz
qd de me hret quotidie mi narraret. Quid qm. Bratio e factus mi fa
miliari. Ita tam ut Phana sim ualde delectaturus. Quicu Roma
mitteret. qd ut putam celeriter etal facturuz oibz de rebz ei qual

Из писем Цицерона «К близким» — конец 13-го письма II книги и начало
1-го письма III книги: Marcus Cicero salutem dicit Appio Pulcro Imperatori.
Рукопись XV в. из Научной библиотеки им. А. М. Горького при МГУ

ной книге — Синайском списке Библии IV в. н. э. Для красоты, а также и для большей четкости заголовков как всей книги, так и отдельных частей писали красной краской. Начальные буквы отделов, «заставки», разрисовывались в виде замысловатого, красивого орнамента. Начальная строка отдела, абзаца тоже выделялась красной краской: отсюда современный термин *красная строка*. Для выделения важного отдела в тексте римские юристы пользовались красной разметкой — *rubrica* (Дигесты, XLIII, 1, 2), от слова *ruber* «красный». Украшениями часто отмечалось и окончание сочинения. Кроме этого, рукописи нередко украшались иллюстрациями как в самом тексте, так и на отдельных страницах, в виде «миниатюр». С художественной точки зрения известностью пользуются миниатюры, украшающие Синайскую рукопись Библии IV в. н. э., Ватиканскую рукопись комедий Теренция IX в., греческий текст «Апостола» XI в., привезенного в 1472 г. в Москву Софьей Палеолог (см. выше, гл. III, стр. 44). Краски применялись красная, синяя, зеленая, а также золото и серебро. Некоторые рукописи поражают читателя своей красотой.

Прибавим в заключение, что пергаментные рукописи обычно переплетались, причем передняя и задняя часть делались из деревянных дощечек, которые обклеивались кожей (отсюда выражение *прочитать книгу от доски до доски*), а снаружи на крышках делались тисненные украшения.

Листы пергамента, помимо своей прочности, обладали еще тем преимуществом, что написанный на них текст в случае надобности можно было стереть пемзой, чтобы на месте его написать новый. В распоряжении науки имеется немало таких рукописей. Это так называемые палимпсесты (*βιβλίον παλιμψηστον*), то есть «вторично натертые». Средневековые монахи, в руках которых по преимуществу находилось дело переписывания книг, часто, не имея пергамента для переписки церковных книг, брали книги с текстами языческих писателей, счищали прежний текст и на его месте писали то, что им было нужно. Однако очень часто сквозь написанный ими текст просвечивают остатки прежде написанных букв. Так, под текстом сочинений святого Иеронима немецкий ученый Г. Б. Нибур открыл в Веронской рукописи V—VI вв. н. э. следы сочинения юриста Гая «Институции», а в 1822 г. итальянский кардинал Анджело Май, читая в Ватиканской библиотеке рукопись с объяснениями святого Августина к псалмам, нашел под ними следы сочинения Цицерона «О государстве» (*De re publica*) в списке IV в. н. э.; большое

значение в установлении редакции текста комедий Плавта имеет так называемый «Амвросиевский» палимпсест в Милане от V в. н. э. На палимпсестах имеются тексты Вергилия, Ливия и другие. Известно также, что еще в древности иногда пользовались палимпсестами просто из экономии писчего материала.

Любопытно замечание римского поэта Катулл об одном бездарном его современнике Суффене, который, не обладая талантом, старался щеголять внешним изяществом пускаемых в продажу рукописей своих стихов: «Сочиняет он стихов многое множество. Им написано, кажется, с десятков тысяч стихов или даже больше и притом не на палимпсесте, как обычно делают, — нет, это «царские» папирусы, совсем новые листы, новые ручки (*umbilici*), красные футляры, пергамент обведен свинцом и все выглажено пемзой» (22,3—8). Погоня за оригинальностью приводила к тому, что, например, Плинию Старшему был известен экземпляр «Илиады», помещавшейся в скорлупе грецкого ореха (VII, 85).

Собственноручных рукописей самих авторов у нас нет: до нас дошли только копии, которые были сняты с более ранних копий и текст которых прошел уже через несколько рук. Из быта образованных людей античного мира мы знаем, что обычно они имели при себе специально обученных рабов, которые служили им в качестве секретарей и нередко читали им книги. У Плутарха есть статья под заголовком «Как надо слушать поэтов?». Он имеет в виду, что кто-нибудь слушает чужое чтение и это для него заменяет непосредственное чтение.

Нам известно немало примеров такого использования рабов. Некоторые из них проявили себя потом даже в качестве писателей. Тут мы можем назвать первого римского поэта Ливия Андроника, грека, который в 272 г. до н. э. после взятия города Тарента (южная Италия) был привезен в Рим и, в качестве раба приставленный учить грамоте детей своего хозяина, написал для учебных целей стихотворный перевод «Одиссеи» Гомера. Из подобных же соображений было дано прекрасное образование африканскому рабу Теренцию (189—159 гг. до н. э.), который потом оказался талантливым комическим поэтом. Но более всего нам известна деятельность Тирона, раба, а затем вольноотпущенника Цицерона. Цицерон, как видно из его писем, проявлял самую живую заботу об этом своем секретаре, отличавшемся слабым здоровьем, и охотно поручал ему ведение своих дел, в особенности литературных, и тот в свою очередь после смер-

ти своего бывшего хозяина проявил большое усердие в деле собирания и издания сочинений Цицерона⁵.

Конечно, работа одного переписчика не могла удовлетворять запросы большого круга читателей, и распространение литературных произведений было бы весьма ограниченным. Но античные рабовладельцы иногда ставили это дело на уровень предпринимательских операций и заводили у себя специальные мастерские для переписки книг. О таких специалистах говорит, например, во II в. н. э. Лукиан («Неучу, который покупал много книг», 2). Иногда делали так, что целая группа рабов писала одновременно один текст под диктовку кого-нибудь из их среды, и таким образом сразу получалось несколько экземпляров. Конечно, после этого была нужна хорошая корректура, так как легко возникали ошибки не только орфографические, но и фонетические. Такое производство книг предполагает и некоторую организацию их сбыта — торговлю. Беглые сведения об этом дают нам древние авторы. Платон, например, ссылаясь на слова Сократа, утверждал, что в конце V в. до н. э. в каком-то помещении близ театра можно было приобрести философские сочинения Анаксагора («Апология», 14, р. 26 D). Демосфен, по словам его биографа, восемь раз переписал «Историю» Фукидида (Дионисий, «Демосфен», 52—53; Псевдо-Плутарх, 844 В; Лукиан, «Неучу, который покупал книги», 4). Распространением сочинений Платона занимался его ученик Гермодор (неизвестный комический поэт — *Comicorum Atticorum fragmenta*, ed. Th. Kock., fr. 209). Римский поэт Гораций упоминает о какой-то книготорговой фирме братьев Сосиев («Послания», I, 20, 2; «Наука поэзии», 345). Марциал в конце I в. н. э. в одной из своих эпиграмм (I, 117, 10—17) указывает приятелю, как он может найти в продаже книжку его сочинений: против форума Цезаря есть лавка, у дверей которой на косяках написаны имена поэтов, чьи сочинения имеются тут в продаже: хозяин «даст тебе из первого или второго гнезда (см. выше) протертый пемзой экземпляр в пурпуровой обложке за пять денариев» (около 2 руб.). Он же в другом месте говорит о каком-то Трифоне, который умеет наживаться на книжной торговле (XIII, 3, 4). Надо, конечно, принять во внимание, что автор никакого гонорара не получал.

Лучше всего мы осведомлены об издательской деятельности Т. Помпония Аттика, одного из ближайших друзей

⁵ См. Г. Буасье. Цицерон и его друзья (русск. пер.). М., 1915, стр. 109, 112.

Цицерона⁶. У него была специальная мастерская по переписке книг, и он проявлял исключительное усердие в распространении сочинений Цицерона. Из большого сборника писем Цицерона к Аттику (например, XII, 6, 2 и XVI, 6, 4) мы узнаем, как сам Цицерон был озабочен исправлением некоторых ошибок, вкравшихся в текст его сочинений. В последующие времена образцовыми считались изданные Аттиком собрания сочинений Демосфена, Эсхина и Платона.

Традиции древних греческих и римских писцов и книжных издателей были унаследованы и деятелями средневековья. Однако с падением античного мира под натиском новых «варварских» народов и с водворением их на исторической арене, а вместе с тем и с утверждением новой — христианской идеологии, ставшей во враждебные отношения к прежнему язычеству, общий культурный уровень резко понизился, греческий язык на Западе был основательно забыт и продолжал развиваться только на Востоке, наука подчинилась всецело интересам церкви и почти замкнулась в церковных, по преимуществу монастырских, кругах. Монахи сделались главными носителями образованности; они же стали заниматься перепиской книг, и от них, таким образом, стал зависеть выбор их для переписки. Вполне естественно, что они были озабочены перепиской прежде всего таких сочинений, которые наиболее соответствовали их мировоззрению, и поэтому в случае надобности счищали с пергамента старые тексты, чтобы получить палимпсесты. Только в пору правления Карла Великого (768—814 гг. н. э.) наступил на Западе временный подъем, известный под названием «каролингского возрождения». Большую роль сыграли монастыри в Монте-Кассино в Италии, в Сен-Галлене в Швейцарии и некоторые другие.

Лучше обстояло дело на греческом востоке, где никогда не прерывалась античная традиция. Исключительно важными хранителями памятников греческой письменности были монастыри на горе Синае и в еще большей степени на Афоне (у северного берега Эгейского моря). С этими монастырями в России поддерживалась постоянная связь, и отсюда поступило большинство рукописей, находящихся в наших хранилищах — например, в Историческом музее в Москве, принявшем в свой фонд бывшую Патриаршую, а потом Синодальную библиотеку, о чем свидетельствуют надписи на книгах:

⁶ См. Г. Буаэрье. Цицерон и его друзья, стр. 127 и 141—142.

ἰβήρων, то есть происходящие из Иверского монастыря на Афоне.

Таково происхождение и таков общий характер основного рукописного фонда, в котором сохранилось большинство текстов античных писателей — от Гомера до самых поздних времен античного мира. Этот фонд значительно пополнился и продолжает пополняться новыми находками папирусов. Стоит только представить себе значение таких находок, как «Афинская полития» Аристотеля, сборники произведений Бакхилида, Геронда, комедий Менандра, многочисленные отрывки из трагиков и лирических поэтов, научные сочинения вроде Архимеда, Эвклида, Герона и других, а также множества юридических документов, частных писем, финансовых счетов и даже школьных упражнений, и будет легко понять, как обогащается наше представление об античном мире⁷.

Однако все литературные произведения, дошедшие на папирусах и на пергаментах, не являются писаниями самих авторов и прошли через много рук разных переписчиков, вследствие этого они подверглись многим искажениям, которые требуют к себе критического отношения. С этой точки зрения, большим преимуществом обладают «надписи», сделанные на твердом материале. Они уже являются прямыми памятниками своего времени и, за исключением естественных ошибок резчиков, сохраняют текст в неприкосновенности через тысячелетия. Правда, серьезным недостатком этого рода памятников бывает то, что они попадают в наше распоряжение очень часто разбитыми в виде обломков или пострадавшими от действия природных условий, со стертыми буквами, так что перед учеными встает трудная задача восстановления утраченных частей.

Вот этой задачей собирания и всестороннего изучения древних надписей занимается специальная отрасль филологических наук — эпиграфика (от слова ἑπιγραφή

⁷ См. А. М. Придик. Греческие папирусы. «Варшавские университетские известия», 1907, № 3—4, стр. 1—71; В. П. Бузескул. Введение в историю Греции, изд. 3. Пг., 1915, стр. 387—408; Б. Фрезе. Очерки греко-египетского права. Ярославль, 1912; Э. Цибарт. Культурная жизнь древнегреческих городов (русск. пер.). М., 1916, стр. 106—133; W. Schubart. Griechische Paläographie. München, 1925; J. Mitteis und U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyruskunde, 4 Bände. Leipzig—Berlin, 1912; W. Schubart. Einführung in die Papyruskunde. Leipzig, 1917; R. Taubenschlag. The law of greco-roman Egypt in the light of papyri (332 b. C.—640 a. D.), 2 ed. Warszawa, 1955.

«надпись»)⁸. Она зародилась в то время, когда образованные люди XIV—XV вв., так называемые гуманисты, дорожа всем, что относится к античному миру, стали собирать, а еще чаще просто списывать попадавшиеся им надписи среди развалин античных городов, в могилах, на памятниках и на предметах обихода. Но, не обладая достаточным опытом или даже необходимыми сведениями в этой области, они нередко принимали надписи позднейших эпох за античные, а ловкие спекулянты, пользуясь увлечением любителей, навязывали им за большую цену свои подделки. Тем не менее в XVII, XVIII и в начале XIX в. уже было сделано немало весьма ценных открытий; известны даже попытки объединять и систематизировать найденные материалы. Эти попытки привели постепенно к выработке исследовательского метода. Эпиграфика заняла подобающее место среди филологических дисциплин благодаря трудам немецкого ученого Августа Бёка (1785—1867). Ему принадлежит создание первого «Свода греческих надписей» (*Corpus inscriptionum graecarum*), который был рассчитан на четыре тома; из них первые два были выпущены самим Бёком в 1828 и 1843 гг., вторые два в 1853 и 1859, а указатель в 1877 г. на основании собранного им материала его сотрудниками И. Францем, Э. Курциусом и Г. Рёлем (ср. гл. IV, стр. 82—83). «Свод» Бёка включал 9926 надписей и был подобран по географическому признаку. Но вскоре же в результате освобождения Греции от турецкого ига резко повысился интерес к историческому прошлому Греции, и открылся большой простор для исследовательских работ, а вместе с этим невероятно увеличилось количество научного материала, в том числе и надписей. При таких условиях сборник Бёка оказался уже недостаточным и приходилось думать о новом, значительно дополненном издании. Начало было положено А. Кирхгофом, издавшим в 1873 г. первый том «Свода Аттических надписей» (*Corpus inscriptionum Atticarum*), поскольку таких надписей вследствие исключительно важного значения Афинского государства было особенно много. Это составило четыре тома (1873—1888). За изданием аттических надписей последовало издание надписей других областей Греции. Наконец,

⁸ См. Н. И. Новосадский. Греческая эпиграфика, ч. I, изд. 2. М., 1915; его же. Античная эпиграфика в СССР за 20 лет (1917—1937). «Вестник древней истории», 1939, № 4, стр. 200—213; S. Reinach. *Traité d'épigraphie grecque*. Paris, 1885; W. Larfeld. *Griechische epigraphik*. München, 1914; G. Klaffenbach. *Griechische Epigraphik*. Göttingen, 1957.

все отдельные издания были объединены в одну общую систему под общим названием «Inscriptiones Graecae» — 15 больших томов. Вся эта работа получила интернациональное значение, и в ней приняли участие ученые разных стран, а издание периодически пополняется новыми публикациями в дополнительных томах. Среди изданий этого рода видное место занимает труд русского ученого В. В. Латышева (1855—1921) — свод надписей северного побережья Черного моря — «Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae» (т. I, СПб., 1855; изд. 2, 1916; т. II, 1885; т. IV, 1901; т. III не вышел).

В 1863 г. под редакцией Т. Моммзена стал издаваться свод латинских надписей «Corpus inscriptionum Latinarum» (16 томов) и до сих пор продолжает пополняться новыми выпусками⁹, расположенными также по географическому признаку. Ввиду громоздкости этих изданий по формату (In folio) и по стоимости, чаще всего используются сборники-амбланжы, особенно важных надписей¹⁰.

Археологические открытия последнего времени показали, что письменность в Греции существовала уже в конце III тысячелетия до н. э. Однако древнейшее письмо сильно отличалось от того, которое нам хорошо известно по памятникам цветущей поры античной культуры и которое было приспособлено римлянами, а затем и всеми европейскими народами. Открытые в XX в. на Крите, а потом в Микенах и Пилосе надписи представляют три различных типа — рисуночное письмо (пиктографическое) вроде египетских иероглифов (в пещере Камарес и на диске в Фесте на Крите), до сих пор еще остающееся неразгаданным, и более позднее линейное письмо двух видов в Аяя-Триада в южной части

⁹ R. Gagnat. Cours d'épigraphie latine, 4 ed. Paris, 1914.

¹⁰ W. Dittenberger. Sylloge inscriptionum graecarum, 3 ed., 4 vv. Lipsiae, 1915—1924; W. Dittenberger. Orientis graeci inscriptiones selectae, 2 vv. Lipsiae, 1903—1905; M. N. Tod. A selection of greek historical inscriptions, 2 vv. Oxford, 1946; И. В. Цветаев. Итальянские надписи. «Журнал Министерства Народного Просвещения», 1882, № 3 и 7, 1883, № 11 и 12, 1886, № 1 и 9; его же. Сборник осских надписей с очерком фонетики, морфологии и глоссарием. Киев, 1876; его же. Итальянские диалектические надписи. М., 1886; I. V. Zvetaiieff. Inscriptiones Italiae mediae et inferioris dialecticae, 2 vv. Mosquae, 1884—1886; I. V. Zvetaiieff. Sylloge inscriptionum oscarum. Petropoli, 1878; H. Dessau. Inscriptiones Latinae selectae, 3 vv. Berolini, 1892—1936; E. M. Штаерман. Обзор открытий в области латинской эпиграфики за XX в. «Вестник древней истории», 1946, № 4, стр. 188—218; ее же. Античная эпиграфика в СССР. «Вестник древней истории», 1947, № 3, стр. 51—67.

Крита XVII в. до н. э., обозначаемое буквой А, еще непрочитанное, и другого типа Б — в Микенах и Пилосе, которое недавно было разобрано М. Вентрисом (1923—1957) и Дж. Чадвиком. Линейное письмо в этих двух разновидностях представляет типы слогового письма, то есть такого, в котором каждый знак выражает не отдельный звук, а целый слог; этим объясняется большое количество знаков — 84 в первом и 88 во втором. Несколько тысяч таких надписей, найденных на Крите, в Микенах и Пилосе, содержат весьма ценный материал, главным образом по финансовой и экономической жизни II тысячелетия до н. э.¹¹ Раскрытию этих надписей много помогло то обстоятельство, что уже несколько ранее удалось разобрать слоговое письмо на острове Кипре, относящееся к X в. до н. э. и развившееся, по-видимому, из форм предыдущего. Наличие таких форм письменности в Греции еще в XV в. до н. э. показывает независимость их от финикийского влияния¹². Развитие этого письма обрывается в XII в. до н. э. вместе с катастрофой всего эгейского мира.

Можно предполагать, что письменные знаки крито-микенской эпохи легли в основу хорошо известного нам греческого алфавита, однако во всяком случае переход к нему был достигнут путем длительных и постепенных изменений, а в этом процессе большую роль сыграло финикийское влияние. Греческий историк Геродот («История», V, 58) так объяснял происхождение греческой письменности: «Финикияне, прибывшие с Кадмом¹³... и поселившиеся в нашей стране, принесли к грекам разные науки и в том числе письменность, которой до этого, как мне кажется, у них не было, и те письменные знаки, которыми пользуются финикияне, но позднее они, усвоив с течением времени местную речь, изменили вид букв. Это было в том месте, где кругом жили в то время из греков главным образом ионяне, и те, переняв у финикиян буквы и приспособив некоторые из них на свой лад, стали пользоваться ими, причем пользуясь ими, называли их «финикийками», как и было справедливо, так как финикияне принесли их в Грецию». Мы не имеем возможно-

¹¹ См. С. Я. Лурье. Язык и культура микенской Греции. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1957; M. Ventris and J. Chadwick. Documents of Mycenaean Greek. Cambridge, 1959.

¹² См. Э. Добльгофер. Знаки и чудеса (русск. пер.). Изд-во восточной литературы, М., 1963, стр. 279—331.

¹³ По греческому преданию, Кадм был послан отцом своим Агенором из Финикии на поиски похищенной Зевсом сестры его Европы и, не найдя ее, поселился в Фивах, где основал кремль Кадмею.

сти проверить достоверность этого ставшего традиционным представления. Однако несомненно, что имя Кадма — семитское, а названия большинства букв греческого алфавита имеют явно негреческое происхождение и напоминают финикийский: альфа — алеф, бета — бет, гамма — гимель, дельта — далет, тета — тет, йота — йод, каппа — каф, лямбда — ламед, тау — тав и т. д. А в одной сохранившейся надписи начала V в. до н. э. из Теоса (Малая Азия) выражение «финикийские знаки» — φοινικῆα употреблено в смысле «буквы» вообще¹⁴. А финикийское письмо мало отличалось от других семитских алфавитов.

Существенным отличием греческого алфавита исторической эпохи с начала VIII в. до н. э. является то, что он имеет отдельные знаки для каждого звука в отличие от слогового письма ранней эпохи и притом не только для согласных звуков, как в семитских языках, в том числе и египетском, а и для гласных; вот почему названия их, за исключением йоты, все — чисто греческие: омикрон — «о малое», омега — «о большое», эпсилон — «э узкое», как противоположность открытому долгому [e:], и ипсилон — «и узкое», отличное от обычного [и]. Альфа, как название гласного [a], хотя и семитское, но изменило свое значение, так как семитский алеф обозначал согласный звук, а семитское название «хет» («эта») первоначально в греческом языке было знаком густого придыхания. Таким образом, создание алфавита, соответствующего звуковому составу языка, является достижением уже самого греческого народа.

Древнейшими памятниками греческой письменности из времени после падения крито-микенской культуры является слоговая надпись X в. до н. э. на острове Кипре, надпись по фонетической системе VIII в. до н. э. на островке Пифекуса (у западного берега Италии); к VII в. до н. э. относится надпись на левой ноге огромной статуи фараона Раамзеса II в Нубии в местечке Абу-Симбел с именами греческих наемников, состоявших на службе у египетского фараона Псамметиха.

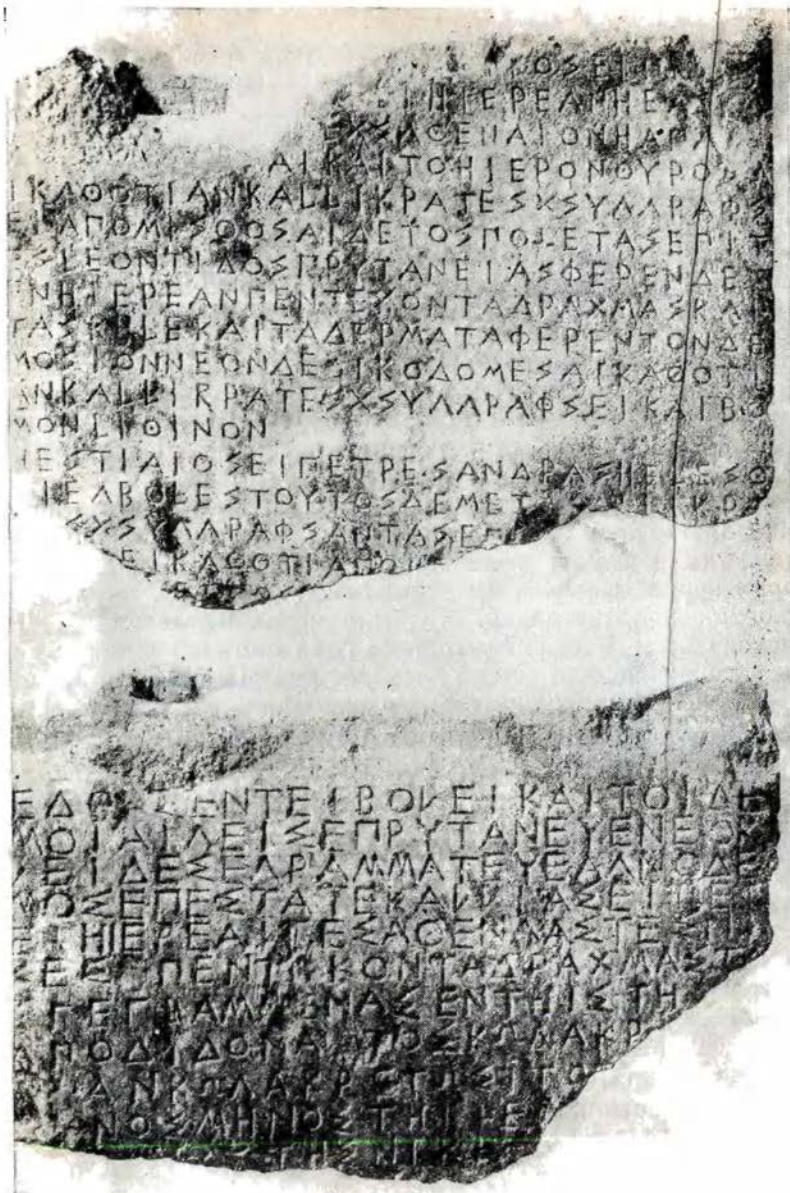
В древнейших греческих надписях буквы располагаются, как в семитских языках, справа налево. Переходной формой было чередование направлений: одна строка идет справа налево, другая обратно — слева направо. Греки уподобляли такое расположение строк движению волов на пашне, которые одну борозду ведут в одну сторону, другую в противо-

¹⁴ W. Dittenberger. *Sylloge inscriptionum graecarum*, 3 ed., t. I. Lipsiae, 1915, N 38.

положную. Этот порядок был известен у них под названием «бустрофедон» — βουστροφηδών, то есть «подобно поворотам волов» от βοῦς «вол» и στρέφω «поворачиваю». Такое расположение строк можно видеть, например, в огромной надписи, содержащей законодательство города Гортины на острове Крите начала V в. до н. э. О такой форме древнего письма говорит и писатель II в. н. э. Павсаний в своем «Описании Греции» (V, 17, 6).

В пору расцвета греческой культуры, когда стали обращать внимание не только на содержание надписи, но и на внешнее оформление ее, в каждой строке стали помещать одинаковое количество букв, причем каждую букву следующей строки вырезали точно под верхней, что в общем давало равные столбики или колонки—στοῦχοι, откуда название этой формы письма «столбцами»—στοιχηδών. Буквы применялись только «большие» или, как мы называем, «заглавные». Между собой они никак не соединялись, не было никаких надстрочных знаков, ни придыханий, ни ударений, не ставилось и знаков препинания. Густое придыхание в некоторые периоды выражалось отдельной буквой Η, из которой получилось латинское h. Не было и так называемой «подписной» йоты (iota subscriptum): пока она сохраняла звуковое назначение, она всегда писалась рядом (iota adscriptum).

В течение продолжительного времени в разных областях Греции применялись свои местные алфавиты, которые, правда, не особенно существенно отличались один от другого. Так, в некоторых местах вплоть до II в. до н. э. сохранилась буква Ϝ «дигамма», которая рано утрачена была в ионийских областях и в Аттике. Во многих местах пользовались «коппой» (семитское «коф») для обозначения лабиовеларного [к] — Ϙ, из которого в латинский алфавит вошла буква «ку» (Q). Буква «гамма» в ранних надписях воспроизводилась с углом, наклоненным влево <, из чего в латинском алфавите получилась буква «с», обозначавшая звук [к], и далее с небольшим добавочным значком образовалось G. Древнейшая греческая «сигма» составлялась из трех черточек, соединенных наискось в виде 4, из чего путем закругления образовалось латинское S. Древнейшая «лямбда» с опрокинутым вниз углом V дала в латинском алфавите заглавное L. В древнейших греческих алфавитах не было букв «кси» и «пси», а соответствующие звуки передавались сочетаниями χσ и φσ, а в некоторых западных областях даже простое χ в значении «кс», и эта буква утвердилась в латинском алфавите в виде «икс» (x).

Две стороны мраморной плиты, содержащей два постановления афинского Совета и Народного собрания второй половины V в. до н. э. о сооружении храма и алтаря Афины — Ники (Победы) по проекту Калликрата. Письмо — стойхедон. В шрифте — смешение старого аттического шрифта с ионийским. Текст см.: G. Dittenberger, *Sylloge inscriptionum Graecarum*, 3 ed., N 63

В 403 г. до н. э. в Афинах после восстановления демократического строя, низвергнутого под давлением Спарты в 404 г. в результате поражения в Пелопоннесской войне, был введен ионийский алфавит, несколько отличавшийся от прежнего, аттического. Вследствие исключительно большого культурного значения Афин через них этот алфавит уже с конца IV в. до н. э. получил всеобщее признание и сделался «общегреческим» (*κοινή ἀλφίβητος*) в составе 24 букв и сохраняется до сих пор в современной Греции.

Любопытное отражение эти формы ионийско-аттического письма нашли в трагедии Эврипида «Тезей». Из нее сохранился отрывок (фрагмент 382), в котором представлено, как неграмотный пастух, описывая замеченные им очертания букв имени неизвестного молодого героя, подготавливает тем самым его узнавание. В этом описании мы узнаем типичные формы ионийского алфавита — ΘΗΣΕΥΣ:

Хоть знаков писанных не разумею,
Их начертанье точно объясню.
Какой-то круг там циркулем прочерчен;
В нем посредине точка видна.
Второй же знак имеет две черты;
Пересекает их еще одна.
А третий, как какой-то локон, вьется.
В четвертом есть одна черта прямая,
В нее три поперечных уперлись.
А пятый трудно просто описать:
В нем две черты, отдельные вверху,
Внизу в основе сходятся единой.
Последний же вполне похож на третий.

Формы греческого алфавита, по преимуществу колонистов из Халкиды с острова Эвбеи, поселившихся на юге Италии, например в Кумах, нашли распространение во всей Италии и легли в основу латинского алфавита. О некоторых внесенных в них изменениях мы уже говорили. Прибавим еще, что для своего звука «ф», отличного, как было указано выше (гл. V), от греческого φ, которое в латинских текстах всегда передавалось через ϕh, римляне приспособили греческую «дигамму» (Ϝ) и получили свое F. В римских надписях нередко можно видеть деление слов точкой посредине, выражение долготы гласного звука путем увеличения размера буквы и т. д. Древнейшая римская надпись VI в. до н. э. была найдена на Форуме в том месте, где по римской традиции был погребен Ромул. Она написана строками, чередующимися в направлении справа налево и слева направо (*βοῦστροφιδόν*), и содержит обрывок какого-то религиозного

устава. Есть много надписей из времени республики, но особенно большое количество их относится ко времени империи.

Типичной особенностью римских текстов является широкое применение сокращенных написаний, среди них не только обозначение имен и степеней родства, но и целые политические формулы, как SPQR (Сенат и Народ Римский) или: qbfffqsprq quod — bonum faustum felix fortunatumque sit populo Romano, Quiritium—«да будет это на благо, преуспевание, счастье и благоденствие народа римского квиритов». В письмах обычно встречаются формулы вежливости и доброго расположения после имени автора и адресата: s d p — salutem dicit plurimam — «Шлет наибольший привет», или: svvbeeqv — si vos valetis, bene est, ego quidem valeo, то есть «если вы здравствуете, — хорошо, я же сам здоров» и т. п.

По содержанию надписи разнообразны до бесконечности. Тут мы находим и законодательные постановления, как упомянутый выше свод законов города Гортины на Крите (615 строк) с рядом позднейших дополнений¹⁵. Имеется множество постановлений правительственных органов, начинающихся типичной формулой: «Совет и Народ решили» — ἔδοξε τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ, распоряжений властей, финансовых отчетов, например, отчет казначеев государственной афинской и союзной казны, хранившейся в задней части (описфодом) Парфенона¹⁶. Большой интерес представляет ряд надписей, относящихся к получению Афинами податей с союзников¹⁷. Выше мы отмечали обширный текст закона об астиномах (градоначальниках) богатого эллинистического города Пергама от II в. н. э., представляющий новую публикацию закона II в. до н. э., который живо рисует нам внутреннюю жизнь и городские порядки. Большое значение в вопросах датировки исторических событий имеет огромная надпись, известная под названием «Паросской хроники» (Marmor Parium), к сожалению, без средней части, содержащая перечень событий от 1581 г. до н. э., от мифического Кекропа, до 354 г. и от 336 до 299 г. до н. э., причем счет

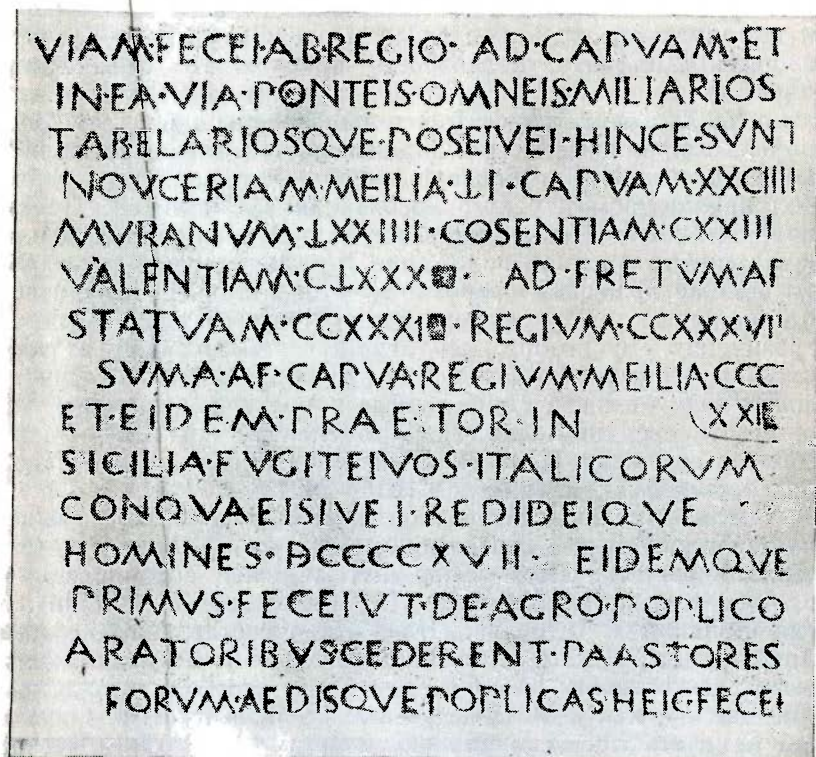
¹⁵ «Гортинская надпись» (пер. С. В. Мирошникова), см.: «Записки русского археологического общества», 1888, т. III, стр. 76; см. также: Д. А. Жаринов, Н. М. Никольский, С. И. Радциг и В. Н. Стерлигов. Древний мир в памятниках его письменности, т. II, М., 1916, стр. 76—89.

¹⁶ Образцы см. в кн.: «Древний мир в памятниках его письменности», т. II, стр. 202—206.

¹⁷ «The Athenian Tributes lists», 4 vv. London, 1939—1953.

ведется в обратном порядке от 264 г. до н. э., времени составления документа.

В недавнее время было найдено много новых документов, представляющих большой интерес, при раскопках на площади (αγορά) в Афинах, в частности, материалы о продаже с аукциона имущества лиц, осужденных в процессе об

VIA M F E C E I A B R E G I O · A D · C A P V A M · E T
I N E A · V I A · P O N T E I S · O M N E I S M I L I A R I O S
T A B E L A R I O S Q V E · P O S E I V E I · H I N C E · S V N T
N O V C E R I A M · M E I L I A · L I · C A P V A M · X X C I I I I
M V R A N V M · L X X I I I I · C O S E N T I A M · C X X I I I
V A L E N T I A M · C L X X X · A D · F R E T V M A G
S T A T V A M · C C X X X I · R E G I V M · C C X X X V I I
S V M A · A F · C A P V A · R E G I V M · M E I L I A · C C C
E T · E I D E M · P R A E T O R · I N · X X I I
S I C I L I A · F U G I T E I V O S · I T A L I C O R V M ·
C O N Q V A E I S I V E I · R E D I D E I Q V E
H O M I N E S · D C C C C X V I I · E I D E M Q V E
P R I M V S · F E C E I V T · D E · A G R O · P O P L I C O
A R A T O R I B V S · C E D E R E N T · P A A S T O R E S
F O R V M · A E D I S Q V E · P O P L I C A S · H E I C · F E C E I

Латинская надпись на милевом столбе в местечке Форум Попилия между Капией и Римом, сделанная консулом Попилием Ленатом в 132 г. до н. э.

осквернении «Герм» (изображений Гермеса) в 415—414 гг. до н. э.

Большое количество надписей дали и продолжают давать раскопки в греческих городах северного побережья Черного моря. Они были тщательно подобраны в образцовом труде академика В. В. Латышева (см. выше, стр. 204), а теперь

пополняются еще новыми находками. Исключительный в своем роде интерес среди этих памятников имеет хорошо сохранившийся текст гражданской присяги города Херсонеса Таврического от III в. до н. э., в которой ярко выступают политические идеалы и даже некоторые отклики недавно пережитых потрясений — натиска соседних скифских племен и какого-то заговора внутренних врагов, что заставляло подчеркивать необходимость бдительности в защите страны и демократического строя¹⁸. Не менее интересна и надпись в честь Диофанта, полководца, присланного Понтийским царем Митридатом VI Эвпатором в конце II в. до н. э. для защиты Херсонеса от скифов и водворения порядка в Боспоре: текст приведенного в надписи постановления позволяет догадываться, что в Боспоре имело место восстание рабов под начальством царского воспитанника Савмака¹⁹. Почетное постановление в честь Протогена в Ольвии в III в. до н. э. живо рисует трудное положение города, который готов отдать даже храмовые сокровища, чтобы только откупиться от осаждающих его скифов: богач Протоген спас город от грозившего ему позора, выплатив требуемую сумму из собственных средств, да и после не раз выручал город в финансовых затруднениях. Приведенные примеры показывают, как оживает перед нами по таким документам жизнь греческих городов северного Причерноморья (подобный же труд издан болгарской Академией наук в 1956—1964 гг.).

Среди римских надписей по значению и объему выделяется надпись, известная под названием «Деяния божественного Августа» (*Res gestae divi Augusti*), сохранившаяся в трех списках — в Анкаре (*Monumentum Ancyranum*), в Аполлонии и в Антиохии. Это — отчет, составленный самим Августом на 76-м году жизни (14 г. н. э.); подводя итоги своей деятельности, Август старался в этом «политическом завещании», как некоторые ученые его называют, оправдать ее, показать свою узурпацию власти как патриотическое дело, направленное на благо народа. По всему видно, что этому документу автор придавал большое значение, так как он был опубликован в нескольких местах и даже с переводом на греческий язык²⁰.

¹⁸ См. С. А. Жебелев. Херсонесская присяга, в сборнике его статей «Северное Причерноморье». Изд-во АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 217—247.

¹⁹ См. С. А. Жебелев. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, в том же сборнике, стр. 82—115.

²⁰ См. сб. «Римская империя», под ред. А. С. Милюковой. М., 1900, стр. 40—53.

В нашем распоряжении имеется в надписях ряд законодательных постановлений об устройстве внутренней жизни «муниципиев» и колоний: *Lex Iulia municipalis* — 45 г. до н. э. объемом в 163 строки, *Lex Tarentina* — середины I в. до н. э., *Lex coloniae Genetivae Iuliae* — 44 г. до н. э. в Испании и других испанских колоний Салпенсы и Малаки конца I в. н. э. К этому надо прибавить огромное количество распоряжений властей, «эдикты» магистратов (высших должностных лиц), императоров и т. д., документов, относящихся к аграрным мероприятиям, к устройству зрелищ, надгробных и посвячительных надписей. Среди множества надписей религиозного значения отметим ряд протоколов религиозной коллегии «братьев арвальских», связанной с древними сельскохозяйственными культами (*arvum* «пашня»), за время от 21 г. до н. э. до 241 г. н. э. Некоторые из упомянутых тут обрядов переносят нас в миропонимание глубочайшей древности, в эпоху каменного века. В одном из этих протоколов от 29 мая 218 г. н. э. приведена поражающая архаизмом языка культовая песнь — образец древнейшего латинского языка²¹ (*Enos, Lases, iuvate...* и т. д.).

Важное значение в экономической истории имеют постановления уже из эпохи империи об устройстве больших поместий (*saltus*) в северной Африке, из которых видно, как постепенно на смену рабовладельческой системы появляется закрепощение свободных земледельцев — колонов. Одинаково и в греческих, и в латинских надписях встречается много документов частного характера, как духовные завещания, акты купли и продажи, отпущения рабов на волю и т. д., причем нередко, как это видно особенно в дельфийских надписях, отпущение оформлялось под видом фиктивной продажи раба богу. Отметим еще, что в Дельфах найдено несколько текстов религиозных песен с нотными знаками, что дает возможность ближе познакомиться с музыкальной культурой древнего мира²². Упомянем, наконец, еще важный документ о праздновании в 17 г. до н. э. при Августе «юбилейного года»; в этом праздновании, как и отмечено в надписи, 3 июня исполнялся хором юношей и девушек религиозный гимн, написанный специально для этого случая поэтом Горацием²³.

²¹ H. Dessau. *Inscriptiones Latinae selectae*, 3 vv. Berlin, 1892—1916, N 5039. Образцы см. в кн.: «Древний мир в памятниках его письменности», т. III, стр. 58—62.

²² См. Р. И. Грубер. Музыкальная культура древнего мира. Л., 1937.

²³ H. Dessau. *Inscriptiones Latinae selectae*, N 5050.

От охарактеризованных таким образом надписей, имеющих в общем публичное значение, следует отличать беглые записи более или менее случайного и личного назначения, которые кое-как выцарапывались на стенах и на глиняных сосудах (так называемые граффити)²⁴. Сюда же надо отнести и всевозможные «заклятия», находимые по преимуществу в могилах. Они писались обычно на свинцовых табличках и содержат обращения к духу покойника, чтобы он в чем-нибудь помог писавшему, а чаще всего, чтобы причинил вред его врагу. Написанные малограмотными людьми, эти таблички дают живое представление о культурном уровне и о самых грубых суевериях, царивших среди них, а вместе с тем и о языке этих простых людей.

Выше мы уже говорили о том, какую живую картину античной жизни, как бы мгновенно застывшей, открывают перед нами раскопки в Помпеях и соседних с ним городах. Стены домов хранят на себе надписи не только официальные, но и беглые, сделанные углем, — объявления о предстоящих сценических представлениях и гладиаторских боях, предвыборные рекомендации должностных лиц, причем замечательно, что видную роль в этой агитации играли местные женщины. А вот наряду с этими серьезными делами видим руку школьника, который, должно быть, переживал впечатления недавнего урока: на стене изображен четырехугольник, перечерченный внутри многими ходами, и рядом подпись: «Лабиринф. Здесь живет Минотавр». Школьники слышали рассказ об огромном дворце царя Миноса на острове Крите и о чудовищном Минотавре, полубыке-получеловеке, которого убил герой Тезей.

Как обильно были испещрены стены Помпей всякого рода надписями — деловыми и совершенно праздными, как бывало и в других городах, можно судить по одной из них, принадлежащей какому-то досужему поэту:

Диву даюсь я, стена, что не рухнула ты еще ныне:
Как же ты столько писак сносишь всю эту тоску?
*Admiror, paries, te non cecidisse ruina,
Cum tot scriptorum taedia sustineas.*

Впрочем, если у современника такие писания вызывали тоску, для нас они представляют большой интерес, так как вводят в обстановку живой действительности прошлых вре-

²⁴ См. И. И. Толстой. Греческие граффити древних городов северного Причерноморья. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1953.

мен. Однако необходимо иметь в виду, что прочтение древних надписей сопряжено с многими трудностями: это и входит в круг ведения эпиграфики. Дело в том, что каменные, по преимуществу мраморные, или в более редких случаях — бронзовые плиты, пролежав полторы — две тысячи лет в земле, подверглись сильным повреждениям от действия сырости и других климатических условий, а еще более страдали они от рук людей, которые, не научившись ценить в них памятники древности, часто употребляли их для своих текущих потребностей, стирали, обскребали, царапали или даже разбивали на куски, так что ученым приходится постепенно собирать, когда представляется возможность, разбросанные части, руководствуясь сходством материала и характером письма. В общем можно сказать, что только в редких случаях мы имеем надписи неповрежденные, а от многих ценнейших документов сохранились лишь ничтожные обломки. Если мелкие повреждения иногда удается восстановить по догадке (*conjectura*), то утрату ряда строк не сможет восстановить даже самое сильное воображение. На помощь приходится брать все исторические и документальные данные из других источников, относящихся к данному вопросу, чтобы уяснить смысл и хотя бы общее значение рассматриваемого отрывка. Некоторую помощь оказывает знание ходячих формул, применяемых в официальных документах, а также, если буквы расположены «столбцами» (*στοιχίδον*), возможность рассчитать число букв в строке. Даже самая хорошая фотография не может достаточно полно передать текст надписи, так как на снимке черточки букв сливаются со случайными царапинами или другими повреждениями камня. Лучших результатов эпиграфисты добиваются, снимая с камня эстампаж, то есть как бы слепок или отпечаток, сделанный наложением на камень размоченной бумажной массы, которая глубоко проникает под нажимом специальной щетки во все углубления камня и, высушенная, дает возможность изучать текст в наиболее благоприятных условиях.

Письмо на камне и бронзе по самому свойству этих материалов не могло быть особенно мелким и беглым и было ограничено в своих формах; зато более свободным и потому более разнообразным было письмо на мягком материале — на папирусе и пергаменте. Прочтение и изучение таких рукописей входит специально в круг ведения палеографии и папирологии. Такое письмо имело также свою историю и меняло свои формы. Самые ранние образцы его дают папи-

русы, частично относящиеся еще к IV в. до н. э., самые ранние пергаментные рукописи, сохранившиеся до нашего времени, относятся к IV в. н. э. — отрывок из «Илиады» и три списка Библии от IV и V в. н. э. А самый ранний образец латинского письма — геркуланейский папирус I в. н. э. с текстом поэмы Рабирия (времени Августа) о битве при Аквиуме.

В развитии греческого, а затем и латинского письма различаются три основных периода: 1) письмо «капитальное» из заглавных букв, как на камнях, крупного размера вроде славянского «устава», 2) «унциальное» — более мелкое вроде нашего полуустава «маюскулы» — крупный шрифт, в котором наблюдаются попытки закругления форм и связывания букв между собой, и 3) «минускулы» (малый шрифт), или «курсив» (беглое письмо), в котором буквы имеют наклон вправо и связываются между собой и который часто прибегает к знакам сокращения, а в греческих рукописях обозначает ударения и придыхания.

Высшего расцвета латинское минускульное письмо достигло в эпоху так называемого «каролингского возрождения» (ок. 800 г.) и выработало затем формы так называемого «готического» шрифта. В XV в. с изобретением книгопечатания рукописное распространение книг, естественно, остановилось, и ряд просвещенных людей — «гуманистов» занялся печатным изданием древних авторов по имеющимся рукописям. Особенно прославился такими изданиями Альдо Мануччи, более известный под латинским именем Aldus Manutius в Венеции, фирма которого просуществовала с XV в. до начала XVII в. Эти издания принято называть «альдинами», и они высоко ценятся знатоками. Первое печатное издание античного автора называется по научной терминологии *editio princeps*.

Формы букв и характер письма могут служить, хотя и не всегда, приметой для определения времени написания, а это имеет очень важное значение в дальнейшей критической работе над текстом. С развитием письма и потребности в книгах еще в древности возникла необходимость быстроты изготовления книги и более убористого письма. Однако это приводило к снижению качества рукописи — к неразборчивости и к увеличению количества ошибок и пропусков, а вместе с тем иногда чрезвычайно осложняло исследовательскую работу над текстом. Так как нас интересует подлинный текст изучаемого произведения, то перед нами встает задача — среди всех ошибок и искажений, невольных, а иногда и

сознательных, найти такую редакцию текста, которая ближе всего подводила бы нас к подлинному произведению автора. Все это требует большой критической работы.

Первой задачей исследователя должно быть определение имени автора изучаемого произведения. Иногда имя бывает обозначено в рукописи, но не всегда на это можно положиться, а нередко имя и вовсе отсутствует. Установление имени автора является задачей высшей критики. Так, в 1890 г. был обнаружен папирус, содержащий историю и систему афинского государственного устройства, но папирус не имеет начала, и нигде в нем не названо имя автора. Однако по цитатам из этого сочинения у других авторов удалось установить, что перед нами знаменитый трактат Аристотеля «Государственное устройство афинян», обычно называемый «Афинская полития». Историческое сочинение, рассказывающее о событиях начала IV в. до н. э. в Греции, об организации беотийского союза и т. п., открыто также на египетском папирусе без имени автора, и одни ученые готовы были приписывать его ученику Исократу Феопомпу, другие — Кратиппу, но более осторожные обозначают его просто по месту находки папируса: «Оксиринхский историк». Во многих случаях вопрос об авторстве приходится решать лишь отрицательно. Pamфлет «Афинская полития», по содержанию относящийся к 425—424 гг. до н. э., дошел до нас в собрании сочинений Ксенофонта; однако из содержания видно, что он написан пожилым и авторитетным человеком, тогда как в эти годы Ксенофонт был еще совсем молодым, а по политическим воззрениям был убежденным приверженцем Спарты, чего не видно у автора трактата. Поэтому его принято называть условно «Псевдо-Ксенофонтом». Подобным образом «Риторика», дошедшая в сборнике сочинений Цицерона, расходится с воззрениями знаменитого оратора, да и по времени написания не может ему принадлежать. Так как в ней есть посвящение некоему Гереннию, ее и принято в отличие от других сочинений на эту тему называть «*Rhetorica ad Herennium*».

Подобных примеров ошибочного присвоения знаменитых имен сочинениям неизвестных авторов мы знаем немало. В числе произведений Эврипида оказалась трагедия «Рес», совершенно не похожая на остальные по стилю и носящая черты более позднего творчества. Вергилию приписаны «Комар» и «Винегрет» (*Mogetum*), произведения явно более поздней эпохи. В числе трагедий Сенеки оказалась трагедия «Октавия», в которой сам он выведен в качестве действующего

щего лица. В сборник элегий Тибулла включены стихотворения каких-то Сульпиции и Лигдама. Большое сомнение вызывает имя «Лонг», которому приписан известный позднегреческий роман «Дафнис и Хлоя». В некоторых случаях уже сами переписчики высказывали лишь свои догадки об имени автора. Это видно, например, в рукописи одного из весьма важных сочинений по исследованию вопросов художественного стиля под заголовком «О возвышенном»: автор называется только предположительно — «Дионисий или Лонгин».

Если мы припомним, что в позднюю пору античного мира по мере развития книжного дела и книжной торговли явился большой спрос на произведения знаменитых писателей, то станет понятно, что ловким издателям выгодно было выпустить книгу под именем прославленного автора, и таким образом открывалась возможность для всякого рода подделок, а перед высшей критикой встает задача серьезно разобраться в этом вопросе. Некоторые подделки имели политическую или религиозную цель. Выше (гл. III) мы указывали, как ученый гуманист Лоренцо Валла (1407—1457) разоблачил подложность документа «Дарение Константина», на котором римские папы основывали свое право на светскую власть над целой областью.

Под названием низшей или дипломатической (от слова *δίπλωμα* «сложенный лист», ср. стр. 196) критики разумеется критическое исследование сохранившегося текста писателя и установление правильной редакции его (*διόρθωσις*, *gesensio*)²⁵. Теперь такую работу называют еще текстологией.

Так как подлинных рукописей самих античных писателей мы не имеем, а их произведения дошли до нас через посредство копий, которые снимались одна с другой в течение многих веков, естественно, что в тексты вошло много описок, искажений и пропусков. Ошибки происходили как вследствие неразборчивости оригинала, так и вследствие звукового смешения, особенно когда текст писался под диктовку, так как в средние века многие буквы в греческом и латинском языках получили иное звучание (см. выше в гл. V). Недоразумения происходили также и от неправильного разделения слов и неясностей пунктуации.

Нередко получались искажения и вследствие желания переписчиков самим объяснить непонятные им места текста.

²⁵ P. Maas. *Textkritik*, 2-te Aufl. Leipzig, 1950.

Так, встречая устаревшее или редкое, непонятное им слово, так называемую «глоссу», они заменяли его или поясняли, вставляя общеизвестное, а позднейшие переписчики списывали все подряд. Впрочем, иногда такая деятельность переписчиков не ограничивалась вставками отдельных слов, а доходила до внесения целых фраз, отражая их собственное понимание данного места и заполняя кажущийся пропуск. Такие вставки называются «интерполяциями», то есть сглаживанием, полировкой. Некоторые имеют остро тенденциозный характер. Так, уже александрийские критики указывали, что в «Илиаде» в «Перечне кораблей» во II песни стих 553, прославляющий силу Афин, не мог принадлежать Гомеру, так как в его время Афины были еще совершенно ничтожным городом, а внесен комиссией в VI в. до н. э., записывавшей поэму в Афинах при Писистрате. Особенно показательны интерполяции, касающиеся вопроса о происхождении христианства. Это — два упоминания о крестной смерти Христа в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия (XVIII, 3, 3) и в «Анналах» Тацита (XV, 44). Оба эти места выделяются тем, что не связаны с остальным рассказом.

При исследовании текста любого писателя нашей первой задачей должно быть восстановление его текста по мере возможности в том виде, как он был создан самим автором, или, по крайней мере, в таком, какой имела та редакция, от которой ведут начало имеющиеся у нас рукописи, так называемый «архетип». Для этого нам необходимо собрать все их «сличить» (*collatio*) тексты и выделить имеющиеся в них «разночтения» (*variae lectiones*). Мелкие ошибки переписчика иногда бывает нетрудно устранить. Грамматические не-правильности против морфологии, синтаксиса, согласования слов и т. п. можно исправлять путем догадки — «конъектуры», но только при условии точного изучения языка и стиля данного писателя, так как иначе мы рискуем навязать ему формы речи, свойственные другой эпохе или другим писателям, как это нередко допускали ученые прежних времен, искажавшие текст своими произвольными конъектурами.

Сличение рукописей данного писателя или даже одного сочинения показывает, что они имеют неравную ценность и лучшими надо считать более ранние, главным образом от IX—X вв. н. э. и в редких случаях от предыдущих веков, так как они прошли через наименьшее число переписчиков и, следовательно, подверглись наименьшим искажениям; вместе с тем обычно эти ранние рукописи написаны более крупным шрифтом и более разборчивым почерком. С этой точки зре-

ния высоко ценится так называемый «Амвросиевский палимпсест» Плавта V в. н. э., венецианская рукопись Гомера X в. н. э. со схолиями, парижская рукопись Демосфена X в. При исследовании рукописей оратора Лисия обнаружилось, что все они являются копиями с имеющейся у нас Палатинской рукописи XII в. н. э.²⁶ Они сохраняют значение только как вспомогательное средство для восстановления выцветших или стершихся мест оригинала. То же самое некоторые ученые предполагали и относительно Лаврентьевской рукописи (во Флоренции) Софокла (XI в. н. э.). Однако дальнейшее уточнение вопроса привело к заключению, что остальные рукописи имеют самостоятельное происхождение и что значительную ценность представляет также Парижская рукопись XIII в.

В общем преобладающее количество имеющихся у нас рукописей относится к XIII и XIV вв., отчасти даже к XV в., когда ручная переписка стала уже вытесняться книгопечатанием.

При изучении рукописей исследователи стараются классифицировать их, распределять по группам и по мере возможности устанавливать взаимоотношения между ними и «родословное древо» (*stemma*), если удастся заметить, что они происходят от общего, хотя бы и не сохранившегося оригинала — «архетипа». Когда в показаниях рукописей обнаруживается разногласие, но оба варианта не вызывают возражений, предпочтение отдается чтению наиболее авторитетной рукописи, то есть наиболее ранней и содержащей в общем наиболее удовлетворительный текст. В спорных случаях руководствуются правилом — выбирать более трудный вариант (*lectio difficilior praeferenda est*), потому что при склонности переписчиков выражения, казавшиеся им непонятными, заменять более привычными, трудно представить себе обратное, чтобы вместо обычного и понятного слова они поставили редкое и не всем понятное.

Из всего сказанного вытекают основные требования, которые предъявляются ко всякому изданию текста, претендующего на научное значение. В таком издании, помимо установленной редакции текста, даются в «Предисловии» (*Praefatio*) сведения об имеющихся рукописях и их относительной ценности, а под текстом, внизу страниц «критический аппарат» (*apparatus criticus*), в котором отмечаются

²⁶ К числу таких рукописей принадлежит рукопись XV в. н. э., хранящаяся в Научной библиотеке им. А. М. Горького при Московском университете (см. рис. на стр. 195).

все расхождения рукописей, оговариваются все принятые в издании отступления от их показаний, все редакционные поправки и особенно важные «конъектуры» (догадки) исследователей, так чтобы читатель мог ясно представлять себе состояние текста данного автора и вести на основании приведенных данных самостоятельную работу, постоянно проверяя предложенную издателем редакцию текста.

Такое научное, «критическое» издание предполагает еще большую предварительную работу по всестороннему разъяснению текста, его содержания и смысла. Для этого требуется прежде всего точное понимание его языка с грамматической, стилистической и исторической точки зрения, затем знание исторической обстановки, философских учений, литературных и других взглядов, материальных условий жизни и т. д. Сведение всех данных такого рода, необходимых для понимания изучаемого произведения, наконец, извлечение вытекающих из чтения произведения выводов — все это составляет особую ступень в филологической работе — «истолкование» — герменевтику (*ἑρμηνευτική*) или интерпретацию (*interpretatio*). Очень часто такая работа по истолкованию произведения принимает вид объяснительных примечаний, комментариев (*commentarii*).

После того как установлена редакция текста и содержание выяснено путем всестороннего истолкования, произведение входит в оборот научного исследования художественной критики и как памятник литературы, истории, философии, общественного и частного быта и т. д. Об этих вопросах будет идти речь в последующих главах.

ГЛАВА IX

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АНТИЧНОЙ НАУКИ И ФИЛОСОФИИ

Развитие общественной жизни, материальное бытие, порождает, как известно, общественные идеи, но возникшие таким образом идеи сами со своей стороны могут оказывать воздействие на современную жизнь общества. Вот почему и классическая филология, стремящаяся к всестороннему изучению античного мира, не может обходиться без основательного знакомства с историей античной науки и философии. Однако, поскольку эти вопросы составляют раздел специальной науки¹, мы не можем здесь входить в подробности и наметим лишь основные направления, причем постараемся показать их органическую связь с другими сторонами античной культуры — общественным и частным бытом, с литературой, искусством, языкознанием и т. д.

Стремление как-то обобщать практические наблюдения было началом человеческой «мудрости» (σοφία), а за этим следовала потребность собирать их и для памяти облекать в мудрые изречения — пословицы. Однако живая действительность путем горьких разочарований привела к сознанию, что истинная «мудрость» едва ли доступна человеку и что

¹ «История философии», т. I. Изд-во АН СССР, М., 1957.

ему более подобает говорить лишь о «любви к мудрости»: это и есть «философия» (φιλοσοφία). Понимаемое в таком смысле, это слово охватывало все области знания, и только постепенно в результате развития и увеличения числа научных специальностей круг философии ограничился вопросами научного мирозерцания. Таким образом, история античной философии является в значительной степени и историей науки вообще².

Первые шаги науки уходят в такую даль веков, когда человек, едва осознавая свое существование, первые наблюдения свои облакал в мифологические образы и передавал их из рода в род, от племени к племени. Греки и итальянцы, как показали археологические открытия последнего времени, не были изолированы от других народов и на заре своей истории поддерживали отношения — мирные и военные с народами Востока. Таким образом, факты культурных заимствований в области науки и философии не оставляют сомнения, но для нас важнее другое: как они, усваивая чужое, претворяли его на свой лад и завещали свои достижения новым народам?

Переход от мифологического мышления к трезвому, сознательному мышлению стал давать очевидные результаты к концу VII в. до н. э., и почти с этих пор в греческой мысли стали намечаться два противоположных направления, которые затем прошли через всю античную историю и до сих пор продолжают разделять мыслителей на два непримиримых лагеря — материализм и идеализм. Поскольку мысль первобытного человека приковывал к себе прежде всего видимый им материальный мир, то есть природа, с этого и началась исследовательская работа: это была «натурфилософия», и, как ни была она наивна, она была прогрессивным явлением. Но сейчас же возникло и другое направление — необходимость найти оправдание сложившемуся в общественной жизни неравенству, а для этого нужно было обратиться к отвлеченным категориям, выйти за пределы реального мира: оно шло на службу реакционным силам — аристократии в борьбе с наступающей демократией. Это — идеализм.

Ф. Энгельс, а вслед за ним и В. И. Ленин с полным основанием говорят, что во всей истории всемирной философии

² См. С. Я. Лурье. Очерки по истории античной науки. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1947; Дж. Бернал. Наука в истории общества (русс. пер.). ИЛ, М., 1956; В. Farrington. Greek science, 2 vv. Harmondsworth, 1944—1949, то же в одном томе, изд. 2, 1953 (польск. пер.). Варшава, 1954.

проходят две линии, которые по именам виднейших представителей их в греческой философии могут быть обозначены как линия Демокрита (V в. до н. э.) — материалистическая и линия Платона (IV в. до н. э.) — идеалистическая³. В результате катастрофы античного рабовладельческого строя и торжества христианства начались гонения против языческих, а тем более материалистических учений, примером чего может быть сожжение фанатической толпой в 391 г. н. э. богатой библиотеки при храме Сараписа в Александрии. Преследования продолжались и в эпоху средневековья. Этим и объясняется, что оказалось затерянным или даже сознательно уничтоженным множество литературных произведений, особенно таких, которые не отвечали воззрениям христианской церкви, в том числе сочинения материалистов. Счастливым исключением являются лишь поэма римского философа Лукреция (I в. до н. э.) «О природе вещей» (*De rerum natura*), содержащая подробное изложение материалистического учения Эпикура, и несколько писем самого Эпикура в греческом эпикюрике. При таких условиях наше знакомство с большинством античных философов происходит косвенным путем, по передаче, конечно, не всегда точной, других писателей и по приводимым ими в виде цитат отрывкам, так называемым «фрагментам»⁴.

Так, интересные и весьма оригинальные учения софистов V в. до н. э. известны нам главным образом в передаче их идеологического противника Платона. Мало известны учения таких выдающихся мыслителей, как Анаксагор, Демокрит и другие. Главное же место в философской литературе занимают сочинения Платона и Аристотеля в греческой, Цицерона и Сенеки в римской литературе.

Первые греческие философы, так называемые «натурфилософы», главную задачу видели в том, чтобы определить

³ См. Ф. Энгельс. Фейербах и конец классической немецкой философии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21. Госполитиздат, М., 1961, стр. 283; В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Соч., т. 14, стр. 117.

⁴ См. В. Ф. Асмус. Курс истории античной философии. Изд-во МГУ, 1956; М. А. Дынник. Очерк истории философии классической Греции. Соцэкгиз, М., 1936; «Древнеримские мыслители» (Свидетельства, тексты, фрагменты). Сост. А. А. Аветисян. Киев, 1958; А. О. Маковельский. Досократики, 2 тт. Казань, 1914—1915; его же. Древнегреческие атолисты. Баку, 1946; «Материалисты древней Греции». Сборник под ред. М. А. Дынника. Изд-во АН СССР, М., 1955; F. W. Mullach. *Fragmenta philosophorum graecorum*, 3 vv. Paris, 1860—1881; H. Diels. *Fragmente der Vorsokratiker*. Griechisch und deutsch, 5-te Aufl. von W. Kranz, 3 Bände. Berlin, 1934; W. Capelle. *Die Vorsokratiker*. Die Fragmente und Quellenberichte. Berlin, 1958.

материальную первооснову всего сущего — ту материю, из которой путем уплотнения или разрежения возникают все предметы видимого мира. Такой материей Фалес считал воду, Анаксимандр — «хаотическое беспредельное» (ἀλειρον), Анаксимен — воздух, Гераклит — огонь. При этом имея дело с природой, особенно с органической, они приходили к заключению, что материя сама по себе есть нечто живое, способное к движению, в частности к изменениям. Их поэтому называют еще «гилозоистами» (от слов ἔλη «материя» и ζωή «жизнь»). Не обладая возможностью детального исследования природы, они, естественно, ограничивались лишь общими заключениями, и это придает их воззрениям особенную цельность. «У греков, — писал Ф. Энгельс, — именно потому, что они еще не дошли до расчленения, до анализа природы — природа еще рассматривается в общем, как одно целое. Всеобщая связь явлений природы не доказывается в подробностях: она является для греков результатом непосредственного созерцания»⁵. Такая же обобщенность наблюдается и в произведениях раннего искусства и литературы. И нигде в этих смелых догадках не видно ни малейшего сомнения в реальности бытия, а вместе с тем и в возможности его познания. Ф. Энгельс такими словами характеризовал этот этап в развитии философии: «...здесь перед нами уже полностью вырисовывается первоначальный стихийный материализм, который на первой стадии своего развития весьма естественно считает само собой разумеющимся единство в бесконечном многообразии явлений природы и ищет его в чем-то определенно-телесном, в чем-то особенном, как Фалес в воде»⁶.

После этих первых, чисто стихийных попыток¹ натурфилософов материалистическое учение получило наиболее полное выражение в «атомистической» теории Левкиппа и Демокрита в V в. и Эпикура в IV в. Чисто интуитивным путем эти мыслители пришли к догадке, что вся представляющаяся нашим чувствам материя состоит из бесчисленного множества мельчайших «неделимых» частиц — «атомов» (ἄτομον «неделимое») и что эти частицы, объединяясь между собой, образуют видимые нами формы, а распадаясь, производят их гибель. Развитая подробнее Эпикуром, эта теория известна нам главным образом в изложении Лукреция в его

⁵ Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 369.

⁶ Там же, стр. 502.

поэме и отчасти по нескольким письмам Эпикура⁷. Эта теория, оставаясь механистической, продолжала жить и в новое время и в XVIII в. была воспринята французскими материалистами Гольбахом, Ламеттри, Дидро и другими. Рассмотрению ее посвятил свою диссертацию молодой К. Маркс⁸, и только успехи естествознания и физики в XIX и XX вв. дали атомизму новое направление, которое и заняло свое место в идеологии марксизма-ленинизма.

Материалистическая теория, развитая Эпикуром, со стороны этики, то есть учения о нравственности, отразила некоторые характерные черты кризиса общественной жизни. Именно, ставя идеалом личное счастье, он находил его в «безмятежности духа» (*ἀταραξία*), которая достигается уходом от всех мирских волнений, а прежде всего от политической жизни с ее переменчивостью. Он выражал это принципом: «проживи незаметно» (*λάτρε βίωσας*). Но сама такая тихая жизнь и душевное спокойствие невозможны, по его мнению, без добродетели. В письме к одному из своих последователей он так поясняет свою мысль: «Когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении, как думают некоторые, не знающие или не соглашающиеся, или неправильно понимающие, но мы разумеем свободу от телесных страданий и от душевных тревог»⁹. Это учение по имени главного представителя часто называется «эпикуреизмом» или «эпикурейством», однако в него влагают нередко тот смысл, против которого философ как раз предостерегал — возведение в цель жизни чувственных наслаждений, и эта вульгаризация эпикурейства, скорее «гедонизм» (см. ниже), нашла очень широкое распространение в художественной литературе — не только в античной (у Горация, Овидия, Тибулла, Проперция и т. д.), но и в новой¹⁰.

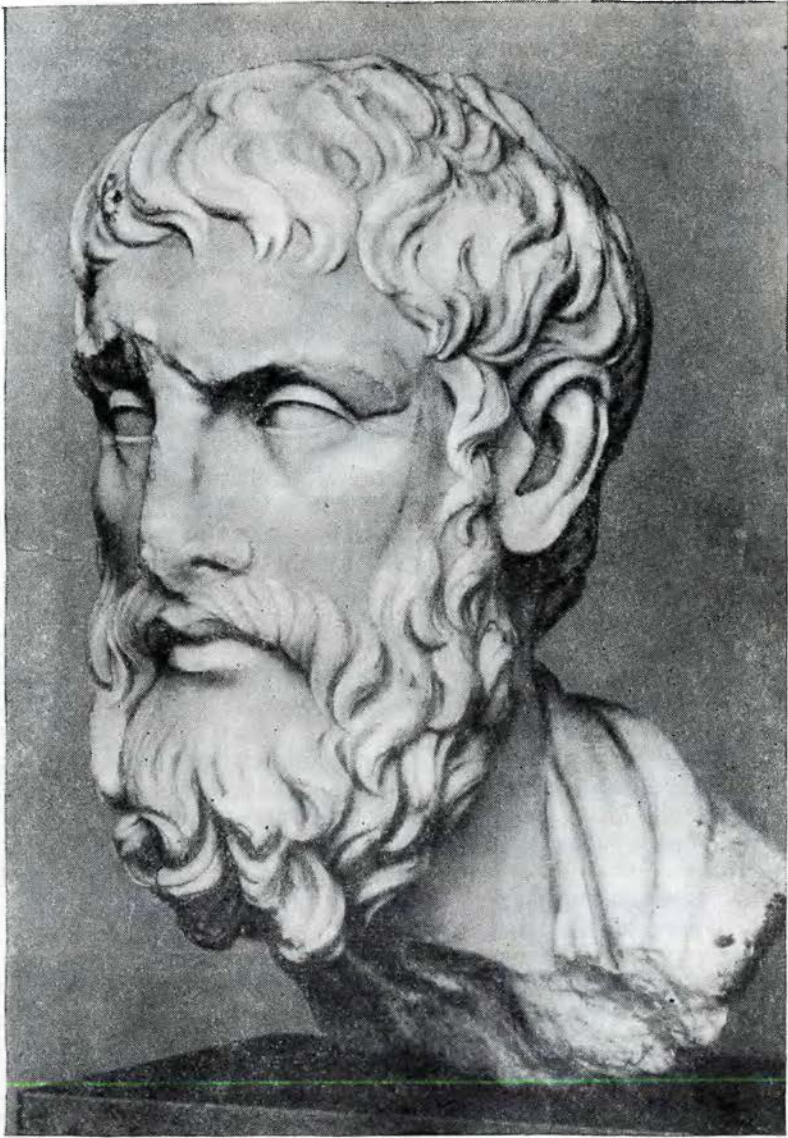
⁷ «Материалисты древней Греции». Сборник под ред. М. А. Дынина.

⁸ См. К. Маркс. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. Госполитиздат, М., 1956, стр. 17—98.

⁹ Эпикур. Письмо к Менекею. См. «Материалисты древней Греции», стр. 211—212.

¹⁰ Ср., например, у А. С. Пушкина («Кн. А. М. Горчакову», 1814 г.):

Дай бог любви, чтоб ты свой век
Питомнем нежным Эпикура
Провел меж Вакха и Амура!

Эпикур, Мраморный бюст. Римская копия с оригинала III в. до н. э.
Нью-Йорк

При всей простоте и наивности эти первые философские учения содержали в себе уже задатки примитивной диалектики, и Ф. Энгельс с полным основанием утверждал, что «древнегреческие философы были все прирожденными, стихийными диалектиками»¹¹. Действительно, все они предполагают переход одного качества в другое. Но ни у кого эти свойства не показаны так отчетливо, как у Гераклита из города Эфеса в Малой Азии конца VI и начала V в. до н. э. Новизна и оригинальность его мыслей вместе с искусственностью выражения заслужили ему прозвище «Темного». В одном отрывке мы читаем: «Этот мир (космос), один и тот же для всего существующего, не создал никакой бог и никакой человек, но всегда он был, есть и будет вечно живым огнем, мерами загорающимся и мерами потухающим»¹². Основным принципом жизни Гераклит считал движение, которое сравнивал с потоком воды в реке, а начало движения видел в вечной борьбе — войне: «война — отец всего», «в одну и ту же реку нельзя войти дважды», так как она постоянно изменяется и т. д. Ф. Энгельс писал о нем: «Этот первоначальный, наивный, но по сути дела правильный взгляд на мир был присущ древнегреческой философии и впервые ясно выражен Гераклитом: все существует и в то же время не существует, так как все *течет*, все постоянно изменяется, все находится в постоянном процессе возникновения и исчезновения»¹³. А В. И. Ленин считал Гераклита родоначальником теории диалектики, находил у него «очень хорошее изложение начал диалектического материализма»¹⁴.

Здесь нам уместно будет сказать, что термин *диалектика*, нашедший применение в марксистско-ленинской философии для обозначения процесса борьбы противоположностей и образования из синтеза их нового качества, был заимствован из идеалистической системы Гегеля, причем получил чисто материалистическое значение. В древности же слово *диалектика* (*διαλεκτική*) в буквальном смысле означало «искусство вести беседу» (от слова *διαλέγεσθαι* «разговаривать», «беседовать»): предполагается, что во время беседы, когда один из разговаривающих высказывает какую-нибудь мысль, а другой ему возражает, из скрещивания противополо-

¹¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 19.

¹² «Материалисты древней Греции», стр. 44.

¹³ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 20.

¹⁴ В. И. Ленин. Философские тетради. Соч., т. 38, стр. 347.

ложных мнений выясняется истина. Таким методом изложения пользовались многие писатели — Платон, Ксенофонт, Лукиан, Цицерон и другие. У Сократа в его устных беседах (сам он ничего не писал) выработался особый метод наводящих вопросов, так называемый «сократический метод».

Идеалистическая, реакционная философия характеризуется стремлением выйти из рамок живой действительности, подвергнуть сомнению ее подлинность, ссылаясь на недостоверность чувственных восприятий, и найти какую-то внемировую закономерность. Первым, насколько мы знаем, представителем такого направления был в VI в. до н. э. Пифагор. Вынужденный под натиском персов покинуть родной остров Самос, он после продолжительного пребывания в Египте поселился в Кротоне в южной Италии и основал там школу, вокруг которой объединил аристократические элементы страны. Он образовал даже «пифагорейский» союз местных городов, имевший целью поддержание аристократического строя во всей области. Всемирную известность он имеет как математик, и эти математические познания он положил в основу своей философской системы. Представляя мир, как высшую красоту — «космос», он видел сущность и первопричину ее в «гармонии», происходящей от пропорциональности частей, а пропорциональность определяется числовыми отношениями: так, сущность всего, по учению Пифагора, заключается не в материальных элементах, а в «числе», которое существует, по его мысли, отдельно и независимо от человека. И В. И. Ленин отмечает дуализм его философии¹⁵.

✓ У позднейших последователей Пифагора его учение выродилось в чистейшую мистику, которая усугублялась заимствованным у египтян учением о переселении душ.

Одновременно с пифагорейством на юге Италии в городе Элее возникла другая идеалистическая школа, называющаяся по месту происхождения «элейской». Ее главные представители — Ксенофан, Парменид и другие — утверждали единство и неизменяемость мира, но отвергали достоверность чувственных восприятий, отрицали реальность понятий движения и пространства и, считая истину и мир непознаваемыми, ограничивали человеческое познание субъективным «мнением». Интересно, что хотя они не отрицали существования богов, их человекообразные свойства признавали измышлением поэтов. Вот что писал об этом Ксенофан:

¹⁵ См. В. И. Ленин. Философские тетради. Соч., т. 38, стр. 369—370.

Все без разбору богам приписали Гомер с Гесиодом,—
Что только срамом слывет и позором что люди считают,—
Будто воруют они, совершают и блуд, и обманы.

В начале V в. до н. э. сицилийский философ Эмпедокл, соединяя примитивный материализм с идеей постоянной борьбы, объяснял изменимость мира чередованием действия мистических сил — Любви и Вражды.

Ионийская натурфилософия в полном блеске показала себя в Афинах в лице приехавшего около 462 г. до н. э. из Малой Азии Анаксагора, который сделался другом Перикла, Софокла, Эврипида и других и вместе с ними является выразителем высшего расцвета Афин. Правда, своими «безбожными» учениями о том, что солнце и луна не боги, а огромные глыбы камня, он возбудил негодование невежественной толпы и вынужден был в 432 г. до н. э. покинуть Афины. Существование видимых предметов он объяснял соединением в них бесчисленного множества материальных частиц, содержащих в себе прообразы — «семена» этих предметов; причину же непрерывного движения и изменения их он видел в действии «разума». Буржуазные ученые стараются доказывать, что это — внешняя сила, дух или бог. Однако такое понимание не вяжется с общей материалистической точкой зрения философа и должно быть объяснено как внутренняя сила самой материи.

Высочайший материальный и духовный расцвет Греции в середине и конце V в. до н. э. типично характеризуется также деятельностью целой группы оригинальных мыслителей и ученых, известных под названием «софистов», среди которых были и прогрессивно настроенные, и крайние реакционеры. Наибольший успех выпал на долю главного из них — Протагора. Знаменем века стало его учение: «Человек есть мера всех вещей — существующих, что они существуют, не существующих, что они не существуют». Существования богов Протагор не отрицал, но считал недоказуемым. Прогрессивным было это учение потому, что заставляло человека по-новому взглянуть на мир — не как на создание богов, а как на поле деятельности самих людей, и этим поднимало их самосознание, пробуждало новые взгляды на государство, на право и взаимоотношения между людьми, на рабство, как на противоречащее природе, на ненормальное положение женщин и т. д. Эта идеологическая перестройка нашла отражение в богатой политической литературе памфлетов и социальных проектов, которая хотя и не сохранилась до нашего времени, оставила глубокие следы в совре-

менной и последующей литературе (см. гл. XII), как можно видеть по сочинениям Эврипида, Платона, Аристотеля, Полибия, Цицерона и других.

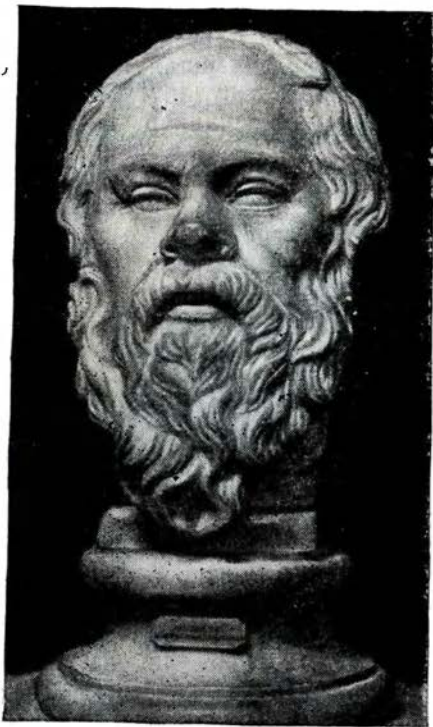
С другой стороны, принцип Протагора допускал возможность противоположных взглядов на один и тот же предмет и этим признавал относительность понятий («релятивизм»), открывая дорогу субъективизму со всеми его крайними выводами вплоть до проповеди эгоизма и культа сильной личности (некто вроде сверхчеловека). Такими идеями питались крайние олигархии конца V в. до н. э., совершая государственные перевороты в Афинах и других государствах. Среди них можно найти немало предшественников Ницше, Беркли и Маха. Едко высмеял их Аристофан в комедии «Облака». Среди софистов получила широкое признание идеализация природы, как единственно верной и прекрасной основы, по которой и следует человеку строить свою жизнь. Эта теория «естественного права» стала в дальнейшем основным принципом кинической и стоической школ, а в XVIII в. возродилась в учениях Ж. Ж. Руссо и его последователей. В. И. Ленин характеризовал Протагора, как субъективного идеалиста¹⁶.

На борьбу против софистов выступил Сократ. (469—399 гг. до н. э.), который в противовес им, как «учителям мудрости», выставил свои принципы: «познай самого себя» и «я знаю только то, что ничего не знаю». Принципиально отказавшийся кого-либо учить, он только «беседовал» со слушателями, применяя свой метод вопросов и ответов, и ничего не писал, а его учения известны нам только в передаче его «собеседников», главным образом Ксенофонта и Платона, которые понимали его каждый по-своему. Впоследствии Цицерон писал, что он «философию свел с неба на землю» («Тускуланские беседы», V, 10; «Академические беседы», I, 15), другими словами, что он в отличие от остальных философов не стал заниматься естественноисторическими, физическими, астрономическими вопросами, а все внимание сосредоточил на вопросах нравственных, на этике или морали, причем добродетель признал не прирожденным качеством, а знанием, которое приобретается путем изучения и, следовательно, доступно каждому. Он исходил при этом из того, что человек, знающий справедливое, никогда не поступит несправедливо. Заслугой Сократа в развитии философской мысли надо считать выработанный им метод строгого

¹⁶ См. В. И. Ленин. Философские тетради. Соч., т. 38, стр. 351.

определения и классификации понятий. Прием наводящих вопросов, которые из совокупности частных примеров заставляют собеседника делать заключения общего значения, есть элементарная форма логической индукции и анализа.

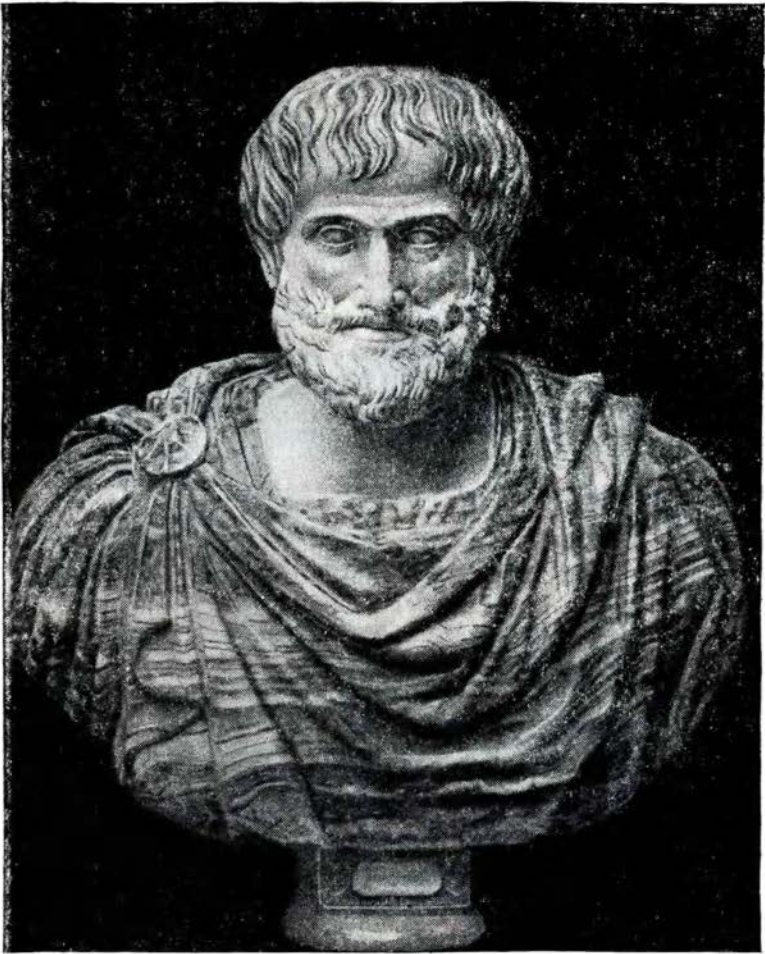
Наиболее полное и яркое выражение получила идеалистическая философия в лице ученика Сократа Платона (427—347 гг. до н. э.).

Сократ. Мраморная голова. Копия с оригинала IV в. до н. э. Рим

В пору расцвета своей деятельности он для своих занятий избрал парк при святилище героя Академа к северо-западу от Афин, вследствие чего за его школой укрепилось название Академии. В художественно написанных «диалогах» — разговорах нескольких собеседников, среди которых руководящая роль обычно отводится Сократу, он развивает свои мысли. Наиболее крупными среди диалогов являются «Государство» (в 10 книгах) и «Законы» (в 12 книгах), где набрасывается план идеального государства — государства справедливости и наилучших законов в духе спартанских. Вместе с тем автор яркими красками рисует моральное разложение в современных ему государствах, разнузданность страстей и непонимание обществен-

ного блага вследствие неправильного распределения собственности, когда в государстве фактически оказываются два государства, противостоящих одно другому и готовых уничтожить друг друга, — государство богатых и государство бедных. Из создавшихся взаимоотношений он делает свой известный вывод: «...до тех пор, пока не будут царствовать философы или цари не будут философами, не будет конца бедствиям»

Аристотель. Мраморный бюст. Копия с оригинала IV в. до н. э. Рим

- («Государство», V, 13). При всей фантастичности этой «утопии» с кастовым разделением граждан, с отсутствием частной собственности, с государственным воспитанием и т. д. она вызвала много подражаний в новое время (см. гл. III).

Основой философии Платона является его учение о вечных прекрасных неизменных «идеях», то есть общих понятиях, пребывающих независимо от видимых материальных

предметов в некоем сверхчувственном месте, постигаемом только разумом. Они лишь одни обладают подлинным бытием и являются прообразами предметов видимого мира, имеющих лишь кратковременное и призрачное существование. В художественном образе он уподобляет видимый нами мир теням на стене, которые представляются взорам узников, извечно находящихся в глубокой пещере и никогда не видавших другого мира («Государство», VII, 1—3). Таким образом, задача мыслящего человека состоит в том, чтобы от мира частных явлений вознестись до понимания великих сущностей, отраженных в них, а само это познание есть только воспоминание того, что созерцала некогда душа в предвечном состоянии («Федр»). А любовь к прекрасному, по учению Платона, есть одно из средств приобщения к миру идей («Пир»), ср. выражение *платоническая любовь*. Все это учение об идеях В. И. Ленин называл архивздорной мистикой идей¹⁷. Высшей идеей блага и вместе с тем высшейдвигающей силой, «демиургом»; Платон считал бога. Так идеалистическая философия естественно обращается к религии¹⁸. С этим связывается и учение о бессмертии и даже предвечном существовании души, которая в загробном мире должна предстать перед высшим судом: этому посвящен рассказ о предсмертной беседе Сократа в диалоге «Федон». Нетрудно заметить, что тут содержатся основные черты христианской догматики. А поскольку Платон представляет мир идей существующим объективно, независимо от человеческого сознания, его надо считать объективным идеалистом.

Учеником Платона был Аристотель (384—322 гг. до н. э.) — «величайший мыслитель древности», по мнению К. Маркса¹⁹ и Ф. Энгельса²⁰. Сын придворного врача в Македонии, от отца он усвоил основы и методы естественных наук, которые потом распространил на все отрасли науки своего времени. В возрасте 17 лет он приехал в Афины и сделался учеником Платона, но учение последнего принял не полностью. После смерти Платона он в 335 г. основал собственную школу в парке при храме Аполлона Ликейского, так называемом Лицее (Лицее) к западу от Афин. Занятия там происходили в

¹⁷ См. В. И. Ленин. Философские тетради. Соч., т. 38, стр. 277.

¹⁸ Там же, стр. 360.

¹⁹ См. К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 419, ср. стр. 70 и 92.

²⁰ См. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 19.

портиках и аллеях — периплатот, отчего и школа получила название «перипатетической» (ср. гл. XVIII, стр. 498).

✓ В учении Аристотеля вследствие соединения естественно-исторического подхода к внешнему миру с идеализмом Платона получилась некоторая двойственность, и это открывало возможность средневековым схоластам и философам нового времени представлять его как идеалиста. В противоположность Платону он считал идею неотделимой от предмета, идеей которого она является: общее живет в частном, конкретизируясь в нем, типичное в индивидуальном. Точно так же форма не отделима от материи; но материя не существует, как нечто общее, а всегда проявляется в какой-нибудь определенной форме. Однако материя сама по себе пассивна, остается лишь «возможностью» (δύναμις, potentia), если не будет формы. Такое понимание близко к материалистическому. Однако в духе идеализма он приписывал форме творящую силу, начало движения, а, развивая свою мысль дальше, высшей формой, превращающей пассивную материю в живую действительность, он считал божество.

Признавая в философии Аристотеля такие натяжки и колебания, В. И. Ленин все же высоко ценил его. «У Аристотеля *езде* объективная логика *смешивается* с субъективной и так притом, что *езде видна* объективная, — отметил он в своих тетрадах. — Нет сомнения в объективности познания». И далее: «Нет сомнений в реальности внешнего мира»²¹. Читая «Метафизику» Аристотеля, В. И. Ленин отметил: «Масса архиинтересного, живого, *наивного* (свежего), вводящего в философию и в изложениях заменяемого схоластикой, итогом без движения etc». Очевидно, имея в виду судьбу аристотелевского наследства в средние века и новое время, В. И. Ленин прибавляет: «Поповщина убила в Аристотеле живое и увековечила мертвое»²². Но, если философ мог в чем-нибудь заблуждаться, у него ценны его живые запросы, и надо возмущаться, как Гегель и другие старались подделывать его под идеалиста²³.

Удивителен по богатству и разнообразию круг научных интересов Аристотеля²⁴. По-видимому, им было написано до тысячи разных, больших и мелких, произведений, и около сотни сохранилось до нашего времени. Мы имеем его сочи-

²¹ В. И. Ленин. Философские тетради. Соч., т. 38, стр. 366—367.

²² Там же, стр. 365.

²³ Там же, стр. 285.

²⁴ См. В. П. Зубов. Аристотель. Изд-во АН СССР, М., 1963.

нения по физике, ботанике, зоологии и т. д. Он по праву считается основателем науки логики («Органон», «Топика», «Категории», «Аналитика 1-я и 2-я» и т. д.). Свою философскую систему, основанную на рассмотрении предшествовавших учений, он дал в «Метафизике» (13 книг), психологии посвящено сочинение «О душе» (3 книги), где рассматривается вопрос теории познания; вопросам нравственного поведения посвящена «Этика», дошедшая в двух редакциях (полная в 10 книгах). Для литературоведения исключительную ценность представляет небольшой (сохранившийся, по видимому, в неполном виде) трактат «О поэтическом искусстве», или «Поэтика», и «Ораторское искусство», или «Риторика». Теория государственного права с замечательной глубиной и обстоятельностью изложена в «Политике» (8 книг). Для исследовательского метода Аристотеля показательно, что этот обобщающий труд подготовлен путем тщательного анализа большого конкретного материала (см. гл. XII, стр. 304—307).

Политические и социальные учения Аристотеля отражают типичный уровень понятий его времени, и при всей широте своего кругозора он принял как вполне естественный порядок рабовладельческую систему, объясняя ее тем, что от природы одни люди предназначены управлять, другие подчиняться и быть рабами («Политика», I, 1, 4). Сущность государства он определял как «общение людей, имеющее целью хорошую жизнь» (I, 1, 8). Знаменито его положение: «Человек есть существо политическое» — ζῷον πολιτικόν (I, 1, 9). В сочинении Аристотеля даются характеристики основных политических форм, условия их возникновения, их извращений и упадка. В противоположность фантастичности идеалов Платона план Аристотеля отличается полной реальностью и дает конкретное представление о политической жизни его времени. Высокую оценку К. Маркса получило его определение понятия стоимости. Он по условиям своего времени не мог дойти до открытия основы стоимости в труде человека и остановился на равноценности некоторых предметов («Этика» V, 8, 16; «Политика», I, 3, 11). «Гений Аристотеля, — писал К. Маркс, — обнаруживается именно в том, что в выражении стоимости товаров он открывает отношение равенства»²⁵.

Один из горячих поклонников Сократа Антисфен сделался основателем школы киников (цициков), которая вначале

²⁵ К. Маркс. Капитал, т. I. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 70, ср. стр. 69.

обосновалась в гимнасии Киносарге (к востоку от Афин) и частью от этого места, а еще более от образа жизни своих представителей, вызывавших в обществе презрительное отношение, получила свое прозвище (*κῆλον* «собака»). Впрочем, она не имела строгой организации, и большинство киников вело образ жизни странствующих проповедников. Основным учением этой школы было утверждение свободы личности, обращение к первобытной простоте, не стесняемой никакими условностями, даже простым приличием (вот откуда смысл ходячего теперь выражения *циник, цинизм*). Выше всего ставя добродетель, как единственное благо, эта школа все остальное считает безразличным — богатство, жизненные удобства, почести и даже здоровье, науку и искусство, отвергает государство и провозглашает «космополитизм», то есть мировое гражданство. Наиболее известным выразителем этого учения был Диоген из Синопы (IV в. до н. э.), живший одно время близ Коринфа в бочке. Есть рассказ о том, как Александр Македонский, подойдя, чтобы взглянуть на такого чудака, спросил его, не нужно ли ему чего-нибудь, и услышал в ответ: «Да вот немножечко отойди от солнца!» (Цицерон, «Тускуланские беседы», V, 32, 92).

Упомянем еще «гедонистическую» школу Аристиппа из Кирены. Целью жизни эта школа ставила «удовольствие» (*ἡδονή*); однако мудрость, по этому учению, состоит в том, чтобы не стать рабом наслаждения и удовольствие найти в высшем благе: Познание истины и блага получается через чувственные восприятия, которые не могут быть вполне достоверными показателями, и это приводит к субъективизму и скептицизму. Выше было уже отмечено, что в некоторых кругах учение киренской школы, как и эпикурейство, было грубо вульгаризировано и утратило принципиальную основу.

Перечисленные выше философские школы, образовавшиеся в течение V—IV вв. до н. э., продолжали существовать и в дальнейшем, но в связи с изменениями условий общественной жизни сами уступали требованиям времени, принимали новые черты, заимствуя элементы других учений. Утратила значение примитивная натурфилософия ионийцев, элейская «диалектика» растворилась в разных школах. Сильное развитие в позднюю эпоху получил скептицизм. Он лег в основу специальной скептической школы Пиррона (прибл. 360—270 гг. до н. э.), который пришел к отрицанию возможности всякого познания. Позднее эта точка зрения была изложена Секстом Эмпириком (II в. н. э.) в дошедших до нас «Пирроновых очерках» (3 книги), «Против догматиков»

(5 книг) и «Против ученых» — *Πρὸς μαθηματικούς* (6 книг). Сплошное отрицание, которое проповедуется этой школой, достаточно характеризует состояние какой-то безнадежности, охватившей образованные круги в последние века античного мира, и это проникает и в другие школы, например академическую. Это — «агностицизм» — сознание невозможности познания мира.

Исключительное значение в позднюю пору приобрела школа стоиков, основанная в начале III в. до н. э. Зеноном из Кития. Свое название эта школа получила от места, где происходили занятия, именно от «Пестрой стои» — *Στοῖζ ποικίλη*, то есть портика, украшенного картинами знаменитых художников в Афинах. Особенное развитие этой школе придал Хрисипп в последние годы III в. до н. э. Своим идеалом эта школа ставила «естественное право» — жизнь, согласную с требованиями природы, а из этого вытекает равенство людей, недопустимость рабства и космополитизм, а также «апатия», то есть бесстрастное и безразличное отношение к внешним благам или неприятностям, даже к страданиям, к богатству и физическим удовольствиям и т. п. Высшей целью признается мудрость, которая одна обеспечивает человеку счастье. Обладание такой мудростью возвышает его над остальными, делает его сверхчеловеком — *homo supra omnes*. О непоколебимой твердости мудреца писал Сенека в трактате «О стойкости мудреца» и других сочинениях. Правда, его дела, как замечал Ф. Энгельс, не всегда соответствовали словам (см. ниже). «Будь, как скала, о которую постоянно ударяются волны: она стоит, и вокруг нее стихают вздувшиеся воды», — так писал Марк Аврелий в своих размышлениях «К самому себе» (IV, 49). В случае невозможности осуществить свой идеал «мудрый» может спокойно уйти из жизни, то есть покончить с собой, и мы знаем немало случаев самоубийства среди стоиков: таков был конец Брута, Кассия, Катона Младшего, Сенеки и других. Мы располагаем многочисленными сочинениями Сенеки (5 г. до н. э. — 65 г. н. э.), рассуждениями императора Марка Аврелия Антонина (121—180 гг. н. э.) и раба Эпиктета (55—135 гг. н. э.). Учение школы стоиков с ее отрицанием ценности жизни характерно для упадочных настроений поздней поры античного мира, когда эта школа стала центром оппозиции против деспотизма императорской власти. Осложненное мистическими чертами ее учение, как увидим ниже, сыграло важную роль в образовании идеологии христианства.

√ Философия в Риме, как и вся римская наука, возникла

значительно позже греческой и развивалась под сильным влиянием последней. При практическом складе ума римского народа отвлеченные философские теории с трудом находили у него распространение, и среди римлян почти не было оригинальных мыслителей. Подчинение греческих областей юга Италии, а затем и собственной Греции столкнуло римлян с греческой литературой, наукой и философией, и это сразу нашло отклик у писателей второй половины III в., а затем укрепилось в течение II в. до н. э., как это можно видеть в комедиях Плавта и Теренция, а еще более в разнообразных сочинениях Кв. Энния (239—169 гг. до н. э.). Римские писатели согласно говорят о глубоком влиянии в кругах передовой римской аристократии греческого историка Полибия и философа-стоика Панетия (ок. 185—109 гг. до н. э.). Как крупное событие культурной жизни рассматривался приезд в Рим в 155 г. до н. э. греческого посольства трех философов (см. гл. XVIII, стр. 506). Несмотря на противодействие римских националистов вроде Катона Старшего (234—149 гг. до н. э.), греческое влияние укреплялось. Любопытно, что многие римляне с этих пор стали считать признаком хорошего тона иметь в своем доме в качестве советника какого-нибудь ученого грека. Правда, в этом таилась опасность дальнейшего морального упадка самих этих учителей.

Важным культурным центром в Риме сделался кружок Сципиона Эмилиана (185—129 гг. до н. э.). Цицерон напомнил об этом в сочинении «О государстве», рассказав о том, как в 129 г. члены этого кружка — Кв. Туберон, П. Рутилий Руф, Г. Лелий, Кв. Сцевола и другие обсуждали вопрос о необыкновенном астрономическом явлении: на небе видели два солнца (I, 10—19). В настоящее время такое явление «паргелий» объясняется особым преломлением лучей. Собеседники Сципиона хотя и не могут найти объяснения, все-таки отказываются видеть в нем какое-нибудь чудо.

Продолжительные гражданские войны, происходившие в результате кризиса всей рабовладельческой системы в Риме, постепенно вели к падению республиканского строя и установлению военной диктатуры, а такой процесс, естественно, сопровождался моральным разложением. Наука и философия для многих становились убежищем от политических потрясений. Сам Цицерон в годы невольного отстранения от политической деятельности искал успокоения в научных занятиях. В такой обстановке была создана знаменитая поэма Лукреция «De rerum natura» («О природе вещей» или правиль-

нее — «О вещественной природе»), соединяющая обстоятельное изложение материалистической системы Эпикура с художественной выразительностью поэта. «Надо признать, — говорится тут, — что ничто не может произойти из ничего». Подробно излагается теория атомов, их соединения и распада, реальное значение жизни и смерти предметов, происхождение чувств и ощущений. В поэме доказывается материальность, а потому и смертность души, тяготение тел, как начало их движения. Но движение представляется не только прямолинейное, а признается возможность отклонений, которые являются показателем наличия свободной воли — в этом учение Эпикура—Лукреция отличается от миропонимания Демокрита, который над всем видел силу необходимости или «рока» — ἀνάγκη. Прибавим к этому, что поэма Лукреция содержит целую энциклопедию по разным вопросам физики, астрономии, техники и других наук. Интересны его объяснения всего мироздания, происхождения животных и путем постепенного совершенствования их породы появления людей. Сама последовательность развития не допускает существования сказочных чудовищ. «Всякое существо появляется своим порядком, и все сохраняют свои особенности по определенному закону природы» (V, 923—924). Так и жизнь первобытных людей мало отличалась от жизни животных. С поразительной прозорливостью набросал Лукреций картину жизни первобытного человека. Новой науке оставалось только уточнить это описание по наблюдениям над жизнью примитивных народов.

Большой интерес представляет также теория происхождения членораздельной речи и языка. Лукреций оспаривает мнение тех, которые считали речь сознательным и искусственным изобретением, доказывает, что она возникла естественно, как у животных разные оттенки лая, визга, ворчанья и т. п., имеющие разный смысл: «...насколько же естественнее, — пишет он, — что люди в то время могли каждую вещь называть особым словом!» (V, 1089—1090).

Может быть, наиболее блестящие стихи посвящены разъяснению вопроса о происхождении религии и веры в богов: все это есть создание напуганного страшными и непонятными явлениями воображения людей (V, 1161—1240). Плодом человеческой фантазии оказываются все чудовищные образы мифологии — кентавры, скилла, химера и т. п. А между тем сколько ужасных преступлений совершено во имя религии — *tantum religio potuit suadere malorum* (I, 101). Тем более великой считает Лукреций заслугу Эпикура, ко-

торый своим учением освободил людей от страха богов и смерти. К. Маркс назвал Лукреция свежим, смелым, поэтическим властителем мира²⁶.

В истории римской философии немалое значение имеет знаменитый оратор Цицерон (106—43 гг. до н. э.), от которого до нас дошел ряд крупных сочинений по философии; однако он не был оригинальным мыслителем, а ценен главным образом как пропагандист греческой философии в римском обществе, а это, как мы видели (гл. III), имело большое значение в распространении античной культуры в средние века и в Новое время. Так, в «Академических беседах» Цицерон попытался изложить историю и учения школы Платона, которой особенно симпатизировал, в частности учение о нравственности и о высшем благе. В сочинениях «О границах добра и зла» и в «Тускуланских беседах» рассматриваются взгляды разных школ по вопросу о высшем благе и опровергаются материалистические учения эпикурейцев. Сходные моральные темы затронуты Цицероном в коротеньких трактатах «О дружбе» и «О старости». Свои политические воззрения он изложил в трактатах «О государстве», «О законах» и «Об обязанностях». В первом он следовал теории Полибия о соединении в римском государственном устройстве трех лучших форм — монархии в магистратуре, аристократии в сенате и демократии в комициях (народном собрании). В двух последних сочинениях Цицерон проводил взгляды стоиков на сущность законов, которые должны строиться на естественном сознании человека, на естественном праве и понимании своего нравственного долга. Эти три сочинения поднимают на большую идейную высоту вопросы римской практической жизни и живо откликаются на события текущей действительности. Группа сочинений Цицерона занимается вопросами религии — «О природе богов», «О гадании» и другие. Сообщая любопытные данные об античной религии, верованиях и обрядах, он разоблачает множество суеверий, отвергает и радикальные мысли материалистов и стоиков, а сам поддерживает точку зрения академической школы, что религия важна для сохранения нравственных устоев в государстве.

Передавая учения греческих философов и ученых, Цицерон не забывает подчеркнуть, что, если римляне заимствовали что-нибудь у греков, они обрабатывали все это доста-

²⁶ См. К. Маркс. Тетради по истории эпикурейской, стоической и скептической философии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 169.

точно оригинально. Сам он со своими идеалистическими взглядами, с прославлением добродетели как высшего блага и т. п. оказался близок Иерониму, Августину и другим отцам христианской церкви, а Амвросий Миланский признал его этику христианской. Этим была обеспечена судьба его наследия в последующие времена (см. гл. III).

В эпоху римской империи явное преобладание имела школа стоиков. О главных представителях ее — Сенеке, Эпиктете и Марке Аврелии — мы уже говорили. Для характеристики философии этой поздней поры античного мира приходится сказать, что большинство старых школ сохраняло свои основные принципы, но в соответствии с новыми требованиями жизни вносило в свои учения новые черты, заимствуя многое одна от другой. Большую силу приобрело скептическое направление. Особенно это заметно в школе неоплатоников. Стоическая школа стала уделять большое место символическому толкованию мифов, а также вопросам грамматики. При крайней неустойчивости всей жизни вследствие экономического расстройтва благодатную почву нашли всевозможные суеверия и мистика, а вместе с этим экстатические восточные культы Исиды, Кибелы, Мифры и других и, наконец, христианство. В дебри мистики ушли обновленные школы платоников и пифагорейцев — неоплатоники и неопифагорейцы. Обратной стороной крайнего скептицизма явился гностицизм — учение о каком-то высшем «познании» (γνῶσις), которое достигается только глубоким проникновением чувством через высшее откровение. Так наука заменяется слепой верой, и нам становится понятным знаменитое изречение Тертуллиана (II в. н. э.): «Я верую, так как это дело — нелепость» — *credo, quia absurdum est*. Разум не в силах понять чудеса: их надо принимать на веру.

Такие настроения делают понятным появление разных шарлатанов и обманщиков, каких описал в своих сатирических «Диалогах» Лукиан.

Это состояние общества красочно охарактеризовал Ф. Энгельс в статье «Бруно Бауэр и первоначальное христианство»: «Всеобщему бесправию и утрате надежды на возможность лучших порядков соответствовала всеобщая апатия и деморализация... Философы были или просто зарабатывающими на жизнь школьными учителями, или же шутами на жалованье у богатых кутил. Многие были даже рабами. Что из них получалось, когда дела их шли хорошо, показывает пример господина Сенеки. Этот стоик, проповедовавший добродетель и воздержание, был первым интриганом при

дворе Нерона, причем дело не обходилось без пресмыкательства; он добивался от Нерона подарков деньгами, именьями, садами, дворцами и, проповедуя бедность евангельского Лазаря, сам-то в действительности был богачом из той же притчи. Только когда Нерон собрался схватить его за горло, он попросил императора взять у него обратно все подарки, так как, дескать, с него достаточно его философии. Только очень редкие из философов, как Персий, размахивали, по крайней мере, бичом сатиры над своими выродившимися современниками»²⁷.

Мрачная картина, нарисованная Ф. Энгельсом, подтверждается примером Лукиана (ок. 120—180 гг. н. э.), который, как видно из его сочинений, прошел через все современные философские школы — неоплатоников, неопифагорейцев, стоиков, эпикурейцев и киников и нигде не нашел удовлетворения, так как у всех видел глубокое противоречие между учением и делами и всей жизнью; более других его удовлетворяла школа киников с ее простотой, непосредственностью и честностью, но и тут он встречал преобладание внешности над существом дела. Это свидетельствует об общем разочаровании и растерянности, создававшей почву для мистики. В философии стоиков утвердился фатализм, то есть убеждение в господстве рока. «Это было время,— писал Ф. Энгельс в статье «К истории первоначального христианства»,— когда даже в Риме и Греции, а еще гораздо более в Малой Азии, Сирии и Египте абсолютно некритическая смесь грубейших суеверий самых различных народов безоговорочно принималась на веру и дополнялась благочестивым обманом и прямым шарлатанством; время, когда первостепенную роль играли чудеса, экстазы, видения, заклинания духов, прорицания будущего, алхимия, каббала и прочая мистическая колдовская чепуха»²⁸. А это как раз и были элементы, из которых складывалось здание будущего христианского учения; с другой стороны, идеалистическая философия дала основу его догматике²⁹.

Так, учения старых философских школ были достаточно использованы нарождавшимся христианством. Но наступил момент, когда христианский аскетизм, опираясь на поддержку высших властей, повел борьбу против свободного языческого

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 311—312.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 475.

²⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 307, 309, 310; т. 22, стр. 474.

миропонимания и главное препятствие увидел в деятельности философских школ, как рассадника свободомыслия: они были закрыты по распоряжению византийского императора Юстиниана в 529 г. н. э.

Философия в первоначальном своем значении, как «любовь к мудрости», включала в себя самые разнообразные познания, но постепенно, по мере накопления опыта и наблюдений, из ее состава стали выделяться самостоятельные науки. Первый известный нам философ Фалес занимался по примеру египетских жрецов геометрическими измерениями и астрономией, предсказав солнечное затмение 22 мая 585 г. до н. э. Анаксимандр считался изобретателем солнечных часов и составителем первой географической карты. Пифагор имел славу замечательного математика, и до сих пор с его именем связывают теорему о равенстве квадрата гипотенузы сумме квадратов двух катетов. К VI в. до н. э. относятся первые географические, этнографические и исторические наблюдения. В V в. до н. э. Анаксагор доказывал, что чудес не бывает и что солнце и луна есть не что иное, как большие каменные глыбы, причем луна заимствует свой свет от солнца, а затмения ее объясняются тенью, падающей на нее по временам от земли. Во второй половине V в. до н. э. Гиппократ поставил на научную почву опыт народного лечения болезней и стал родоначальником медицинской науки; некоторые его сочинения сохранились до нашего времени, в том числе знаменитая «присяга», определяющая благородные обязанности врача.

Всесторонний гений Аристотеля достаточно свидетельствует о широте научных интересов его времени. Его ученик Теофраст (середина IV и начало III в. до н. э.) оставил два больших исследования по ботанике и «Характеры» — обзор типичных образов современников. О развитии исторической науки было уже сказано выше (гл. VI). Расцвет греческой науки наступил в эпоху эллинизма (III—I вв. до н. э.), когда образовались крупные научные центры в Александрии и в Пергаме. Говоря о библиотечном деле, мы останавливали внимание и на зарождении филологических наук (гл. VIII). Интересным примером этого может служить захвативший даже широкие круги общества спор о происхождении языка и форм человеческой речи: александрийские ученые держались принципа образования слов и форм по «аналогии», пергамские стояли за «аномалию», отвергая какую-либо закономерность в словообразовании и допуская полную свободу словотворчества.

Одновременно развивались и другие науки. В области математики, физики и механики до сих пор остаются памятными имена Эвклида (так называемая «Эвклидова геометрия») и Архимеда³⁰, прославившего себя военными машинами при защите Сиракуз от римлян в 212 г. до н. э. Ему принадлежит теория удельного веса и применение рычага. Известны его слова о значении последнего изобретения: «Дай место, где мне стать, и я сдвину землю». У нас имеется его «Метод механических теорем» и «Псаммит» (Исчисление песчинок). Ученый этой эпохи (III в. до н. э.) Аристарх Самосский уже доказал, что в центре мироздания находится солнце (гелиоцентрическая система), а не земля. Правда, позднее, во II в. до н. э. Гиппарх из Вифинии, а за ним Клавдий Птолемей возвратились к общераспространенному мнению, что центром является земля (геоцентрическая система), и эта точка зрения держалась в течение средних веков (см. гл. III). Эратосфен Киренский в III в. до н. э. делал попытки на основании измерения углов отбрасываемой солнцем тени в северной и южной областях Египта определить окружность и объем земли³¹. Ктесибий и Герон во II в. до н. э. старались использовать силу воздуха и положили основание пневматике, а Гиппарх Вифинский наметил основы тригонометрии. Большие достижения были сделаны в эту пору и в области медицины. Врачи Гиерокл и Герофил в III в. до н. э. занимались анатомическими исследованиями, установили деятельность нервов и пульса, а Эрасистрат сделал первые наблюдения над кровообращением. До нашего времени сохранилось большое количество медицинских сочинений Галена (II в. н. э.) вместе с трудами его последователей. Это есть итог всей античной медицинской науки. Обширность пределов римского государства в эпоху Августа и установление связей с многими народами востока и запада дали богатый материал для географических и этнографических наблюдений. Памятником этого остается у нас большой сводный труд географа Страбона (63 г. до н. э. — 19 г. н. э.).

Римская наука, как и философия, находилась в тесной связи с греческой. Наибольшую оригинальность она проявила в области сельского хозяйства, строительства, грамматики и в особенности в области права — юриспруденции.

Одним из крупнейших и плодовитейших римских ученых был М. Теренций Варрон (116—27 гг. до н. э.). Из много-

³⁰ «Архимед». Перевод и комментарии И. Н. Веселовского. Физматгиз, М., 1962; С. Я. Лурье. Архимед. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1945.

³¹ См. В. И. Ленин. Философские тетради. Соч., т. 38, стр. 331.

численных его сочинений сохранилось частично «О латинском языке», содержащее много интересных данных по истории латинского языка и много цитат из несохранившихся литературных произведений (он — сторонник учения об «аналогии»), и «О сельском хозяйстве». Это последнее — серьезная попытка возродить в Италии земледельческое хозяйство, пришедшее в упадок при общем кризисе рабовладельческой системы. Написанное в 37 г., оно оказало некоторое влияние на создание поэмы Вергилия «Георгики» (О земледелии), вышедшей в 30 г. и сходной по общей точке зрения. К сожалению, из главного труда Варрона «Древности дел человеческих и божественных», состоявшего из 41 книги, мы имеем лишь отрывки, сохраненные позднейшими, преимущественно христианскими, писателями. А это сочинение содержало ценнейшие сведения о государственном устройстве и религии Рима.

Строительное искусство римлян, известное нам по многочисленным остаткам, находит историческое и теоретическое объяснение в большом труде Витрувия Поллиона «Об архитектуре», написанном в 25—23 гг. до н. э. Это — целая энциклопедия научных данных не только о строительстве, как таковом, но и о строительных материалах и технике, об архитектурных ордерах, об устройстве греческого и римского театра, о водопроводах, о машинах для мирных и военных целей, о геометрии, астрономии и т. д. Эта книга сделалась руководством для строителей эпохи Возрождения.

Как бы итогом всего развития естественноисторических и технических знаний античного мира остается огромный труд Плиния Старшего (23—79 гг. н. э.), погибшего жертвой своей любознательности при извержении Везувия, — «Естественная история» в 37 книгах. Не блистая ни оригинальностью, ни изяществом языка, это сочинение содержит энциклопедию сведений по ботанике, геологии, географии, минералогии, металлургии, технике и т. д., отчасти даже по искусству. При такой разносторонности это сочинение стало справочником для средневековых схоластов.

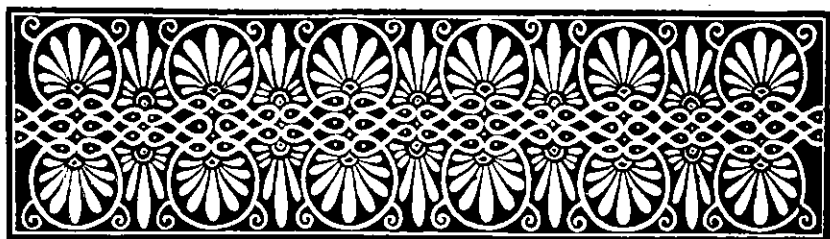
Грамматическая наука у римлян стояла на большой высоте, и ее представители показали большую наблюдательность и тонкость суждений. Авторитетом пользовались Элий Стилон (II в. до н. э.), Нигидий Фигул (I в. до н. э.) и многие другие. Сюда принадлежит и упомянутый уже труд Варрона. Но наибольшую известность получили своими комментариями (объяснительными примечаниями) Донат — к Теренцию и Сервий (оба в IV в. н. э.) — к Вергилию. «Грамматика» (*Arg's grammatica*) Доната есть свод всех прежних

достижений в этой области. В различных переработках она продолжала жить в течение средних веков и послужила основой «нормативных» грамматик нового времени.

О юридической науке римлян, в которой они показали себя особенно тонкими специалистами, мы будем говорить в гл. XII.

Сделанный нами беглый обзор развития науки и философии в античном мире может показать, какое идейное богатство вынашивалось передовыми умами античного общества и как оно входило в сознание широких кругов, так что без знания его невозможно понять ни всей вообще жизни, ни тем более литературы и искусства.

ГЛАВА X

СУЩНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ АНТИЧНОЙ МИФОЛОГИИ

Мифология имела исключительно большое значение в жизни людей античного мира — и в общественной, и в частной, особенно же видна ее роль в произведениях литературы и искусства. Нельзя не вспомнить весьма тонкого замечания К. Маркса, который, характеризуя высокую ценность художественного наследия Греции, так определял его основной источник: «Известно, что греческая мифология составляла не только арсенал греческого искусства, но и его почву»¹.

Что такое мифология, можно видеть по значению самого слова. Греческое слово *μυθολογία* в первой своей части содержит понятие «слова», «рассказа» (*μῦθος*), а во второй — общее понятие «науки» (см. гл. IV) или смысл «собрания» (ср. *антология* от *ἄνθος* «цветок» и от корня глагола *λέω* в значении «собираю»). Таким образом, «мифология» — это «собрание мифов» и «наука о мифах». В том и другом случае нам необходимо уяснить конкретно, что надо разуметь под словом *миф*.

У греков чаще всего этим словом обозначался рассказ о событиях далекого прошлого, в которых принимали участие

¹ «Из рукописного наследия К. Маркса». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12. Госполитиздат, М., 1960, стр. 736.

не только древние люди, представлявшиеся в памяти потомства какими-то богатырями и пользовавшиеся даже религиозным почитанием в качестве «героев», но и сами боги. Понятно, что в таких рассказах историческая основа, если она и была, перемешивалась с вымыслом и фантазией. В наше время понятие «миф» прямо противопоставляется действительности и сближается со «сказанием», «сказкой», с германской «сагой», со средневековой «легендой». Различие в значении этих слов лишь в степени достоверности, какую мы за ними предполагаем.

Мифы не единоличное создание отдельных людей, а результат коллективного творчества народа, отражение его миропонимания, и входят таким образом в область фольклора, «народоведения». Мифология, как объяснял К. Маркс, — это «природа и сами общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом народной фантазией»². Выше, говоря о происхождении философии (гл. IX), мы отмечали, что мифы были у народа первыми попытками осознания окружающего мира. Первобытный человек, сталкиваясь с непонятными и загадочными, а тем более со страшными и поражающими его ум явлениями природы и окружающей жизни, искал сильного объяснения их и, не имея научных средств, строил свои догадки, причем воображение придавало им сверхъестественные черты. Так возникала мысль о действии каких-то могучих сил — богов, злых, враждебных человеку, или, наоборот, добрых, оказывающих ему помощь или защиту; иногда же воображение рисовало образы могучих людей, богатырей, которые совершали великие подвиги на благо человечества. Невольное и необъяснимое почтение, благоговение и страх перед этими загадочными силами — «табу» создавали особое почитание этих сил — религию, а вместе с этим воображение подсказывало и рассказы о жизни и деятельности таких существ. Это уже область мифа. Мифология таким образом сближается с религией и часто дополняет ее, но отнюдь не тождественна с ней. Ф. Энгельс хорошо обрисовал весь процесс развития мифологических образов — от примитивного обоготворения сил природы до создания идеи единого всемогущего бога в античной философии и в религиях еврейской и христианской. «...Всякая религия, — писал он, — является не чем иным, как фантастическим от-

² «Из рукописного наследства К. Маркса». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 737.

ражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни»³. Такое образное объяснение окружающей жизни присуще всем народам, пока они стоят на низком культурном уровне, мифология есть у индийцев, евреев, вавилонян, египтян, кельтов, германцев, славян, римлян и т. д., но ни у одного народа мифология не отличалась таким богатством и такой художественной силой, как у греков, на что и указывал К. Маркс в подготовительной работе к книге «К критике политической экономии», говоря об «обаянии» греческого искусства⁴.

Для понимания античной культуры совершенно необходимо знакомство с античной мифологией, и у нас есть немало книг, специально посвященных изложению главных мифов⁵. Но важно знать не только формы их, как они излагаются у разных писателей, а ясно представлять их сущность, происхождение и историю. Это может быть достигнуто путем тщательного исследования всего вопроса. Разработкой его занимались ученые в разные времена. Но для нашей задачи достаточно будет указать лишь главные направления.

Уже древние философы и ученые, а отчасти и поэты пытались найти объяснение мифологических образов и даже критиковать их с точки зрения морали. Философы стоической школы видели в этих образах простое обоготворение сил природы или моральные аллегории. Большое распространение получила мысль Эвгемера (III в. до н. э.), будто мифы — это искаженные от времени воспоминания о древних людях, увековечивших свои имена какими-нибудь полезными или жестокими делами. Например, Зевс — это древний царь, низвергнутый с престола отца; Прометей, прикованный к высокой скале, — это астроном, наблюдавший звезды с высокой скалы и научивший людей добывать огонь. Средневековые схоласты в некоторых мифах видели прообразы христианских учений, например в прикованном Прометее — распятого Христа и т. п. В XVII—XVIII вв. наряду с восхищением перед античной культурой (вспомним Винкельмана, Шиллера и других) ученые повторяли античные объяснения, считая мифы аллегориями или толкуя их в духе эвгемериз-

³ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 328.

⁴ «Из рукописного наследия К. Маркса». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 737—738.

⁵ См. Н. А. Кун. Легенды и мифы древней Греции, изд. 5. Учпедгиз, М., 1958; С. И. Радциг. Античная мифология. Очерк античных мифов в освещении современной науки. Изд-во АН СССР, М., 1939; И. Тренчени-Вальдапфель. Мифология (русс. пер.). ИЛ, М., 1959; Мифологический словарь, изд. 2. Л., 1961.

ма. В начале XIX в. немецкий ученый Ф. Крейцер (1771—1858) создал «теорию символов», в которой развивалась мысль, будто первобытные люди и особенно жрецы выражали великие истины религии в символах, а эти символы с течением времени становились непонятными для простых людей и свободно перетолковывались ими, превращаясь в причудливые рассказы. Нечего говорить, сколько натяжек требовалось для подтверждения такой мысли. Эта теория встретила отпор со стороны выдающихся ученых К. А. Лобека (1781—1860), Ф. Г. Велькера (1784—1868) и К. О. Мюллера (1797—1840), которые обратили внимание на исследование источников и истории каждого мифа. Однако в середине XIX в. на долгое время внимание ученого мира было отвлечено «сравнительно-мифологической школой», основателем которой был английский ученый Макс Мюллер (1823—1900). Возникновение науки сравнительного языкознания, открывшей родство между некоторыми языками, в связи с подъемом интереса к языку и культуре древней Индии натолкнуло на мысль о возможности сравнивать и мифологические представления разных народов. Удалось установить этимологическое сходство в именах некоторых богов, — например, греческого Ζεύς πατήρ, римского Iuppiter (из первоначального Iov-pater) и древнеиндийского Dyāus — pitā. Сходство имен Мюллер считал свидетельством одинаковой сущности самих богов у народов единой индоевропейской семьи. Этими именами первобытные люди выражали свое почитание, главным образом, сил природы, но, еще не умея ясно выразить свои мысли, прибегали к метафорам, которые позднее неправильно понимались и вызвали искаженные представления: он называл это «болезнью языка».

Последователи Мюллера довели до крайности идею почитания первобытными людьми сил природы и все мифы стали сводить к воспроизведению в них различных фаз солнца. Эта так называемая «солярная» (sol «солнце») теория имеет разновидности в теории метеорологической. Согласно этим теориям, чуть ли не во всех мифах надо видеть метафорическое воспроизведение разных положений солнца. Агамемнона убивает жена Клитемнестра, но приходит сын Орест и, мстя за отца, убивает мать: это значит, что туча или ночь скрыла солнце, но свет победил тьму. Нетрудно понять, что такое толкование является совершенно произвольным и не находит подтверждения в самом мифе. Однако эта теория пользовалась успехом до начала XX в.

В конце XIX в. в истолковании мифов появилось новое

направление, которое можно назвать антропологическим. Оно вошло в науку благодаря накоплению большого этнографического материала, основанного на изучении жизни народов, стоящих на первобытных ступенях развития, и на данных археологии. Труды И. Я. Бахофена (1815—1887), Л. Г. Моргана (1818—1881), Э. Б. Тейлора (1832—1917), Дж. Дж. Фрезера (1854—1941), Н. Н. Харузина (1865—1900) и других показали, что многие черты мифов, как добывание огня, почитание деревьев, животных, камней, различные формы семейных отношений (например, матриархат) и т. п., казавшиеся плодом фантазии, подтверждаются обычаями и верованиями народов, стоящих на низкой ступени развития. Сходство некоторых понятий и мифов у разных народов подавало даже мысль о заимствованиях, о кочующих сюжетах, например сюжет о всемирном потопе, о похищении огня у богов и т. п. Такие сопоставления дали повод объяснить их заимствованиями. На этом предположении возникла миграционная теория. Однако широкого значения, которое пытались ей придать некоторые ученые, она не может иметь, так как однородные мифы встречаются у народов, столь удаленных один от другого, что исключается всякая мысль о взаимодействии между ними.

При всех положительных достижениях антропологической теории она имеет тот недостаток, что, сопоставляя обычаи и мифы разных народов и разных эпох, представители ее оставляли без внимания связь каждого мифа с местом, с социальной средой, с историей народа и последовательное развитие его самого. Эта сторона получает новое осмысление в свете марксистско-ленинского учения. Дело в том, что в мифах нередко отражаются черты определенных эпох. Правильно отметил это А. М. Горький: «Историками первобытной культуры совершенно замалчивались вполне ясные признаки материалистического мышления, которое неизбежно возбуждалось процессами труда и всею суммой явлений социальной жизни древних людей. Признаки эти дошли до нас в форме сказок и мифов, в которых мы слышим отзвуки работы над приручением животных, над открытием целебных трав, изобретением орудий труда. Уже в глубокой древности люди мечтали о возможности летать по воздуху, — об этом говорят нам легенды о Фазтоне, Дедале и сыне его — Икаре⁶, а также сказка о «ковре-самолете»... Все мифы и

⁶ См. Овидий. *Метаморфозы*, I, 750—779, II, 1—328 и VIII, 159—235. Фазгон взлетел на небо на колеснице своего отца, бога солнца, но

сказки древности как бы завершаются мифом о Тантале: Тантал стоит по горло в воде, его мучает жажда, но он не может утолить ее⁷, — это древний человек среди явлений внешнего мира, не познанных им»⁸.

Так как мифы создаются народом в качестве посильного объяснения непонятных явлений окружающего мира, их цель отпадает по мере того, как человек начинает овладевать положительными знаниями. «Всякая мифология, — писал К. Маркс, — преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, вместе с наступлением действительного господства над этими силами природы». И далее он спрашивает: «...возможен ли Ахиллес в эпоху пороха и свинца?»⁹. Нет, не возможен, ответим мы. Так мифология стала достоянием искусства и философии.

Чтобы представить себе процесс образования мифов, надо перенестись мысленно в раннюю эпоху истории, когда весь мир уму первобытного человека казался живым и полным загадок и таинственных сил. Трудами упомянутых уже И. Я. Бахофена, Л. Г. Моргана, Э. Б. Тейлора и других установлено с полной убедительностью, хотя этого до сих пор не хотят признать некоторые видные буржуазные ученые, что греки и римляне в раннюю пору своей истории переживали такие же ступени развития, как и другие народы, прежде чем дошли до организации общественной жизни в форме полисов — государств-городов. Некоторые культурные «пережитки» хранили воспоминания о первобытных временах. Ф. Энгельс, как и К. Маркс, мог с полным основанием утверждать: «...сквозь греческий род явственно проглядывает дикарь (например, ирокез)»¹⁰.

Таким образом, у греков, как и у римлян, мы найдем все основные формы богопочитания и мифотворчества, какие знаем у других народов: именно, табу (индонезийское сло-

не мог справиться с чудесными конями и погиб. Дедал, спасаясь из плена с острова Крита, улетел на крыльях, сделанных из перьев и скрепленных воском; но сын его Икар взлетел слишком высоко и погиб, так как воск в его крыльях растопился от лучей солнца.

⁷ См. Гомер. Одиссея, XI, 582—592.

⁸ М. Горький. Речь на I съезде советских писателей. См. сб. «Горький о литературе». «Советский писатель», М., 1953, стр. 725.

⁹ «Из рукописного наследия К. Маркса». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 737.

¹⁰ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 101.

во) — необъяснимое чувство благоговения и страха перед предметом, фетишизм (португальское слово) — поклонение неодушевленным предметам, как обладающим сверхъестественной силой, тотемизм (австралийское слово) — почитание некоторых пород животных, как своих родоначальников или братьев, почитание некоторых растений, наконец анимизм (лат. *animus* «дух» и *anima* «душа») — верование в существование духов и в бессмертие души, а вместе с этим и в загробный мир (обо всем этом см. в гл. XVI). Присоединим к этому и веру в магию, то есть в чудесные средства, которыми можно подчинять себе даже богов.

Для греческого народа характерным было то, что он очень рано своих богов стал мыслить, как подобных людям, но только обладающих высшей силой и бессмертием: такое представление называется антропоморфизмом, от греческих слов *ἄνθρωπος* «человек» и *μορφή* «внешний вид». Вместе с этим люди стали приписывать богам свои собственные качества — не только добродетели, но и пороки, а это, как мы уже видели (гл. IX), давало основание серьезно мыслящим людям для разоблачения всей этой системы.

Поэмы Гомера, самые ранние из имеющих у нас литературных памятников, изображают мир богов в таком именно виде, как большую патриархальную семью, имеющую пребывание по преимуществу на горе Олимпе (северная Фессалия). Главой этой семьи почитается «отец богов и людей» Зевс. Супругой его представляется сестра его Гера, имеющая все черты сварливой и ревнивой женщины, затем братья Зевса Посейдон, бог моря, и Плутон или Гадес (Аид), бог загробного, подземного мира, и сестра Деметра, богиня земного плодородия, — ее дочь Персефона, супруга Плутона. К олимпийскому сонму принадлежат и дети Зевса — Гефест от Геры, бог огня и кузнец-художник, Арес, также от Геры, жестокий и недалекий бог войны, дети Зевса от Латоны (Летó) — Аполлон, бог света и солища, и Артемида, богиня луны и охотница. Мифология полна рассказов о происхождении и о всевозможных приключениях богов, особенно о браках их со смертными женщинами, от которых происходили поколения героев.

Помимо этих главных богов было бесконечное множество мелких богов, и почти каждый уголок земли имел своих местночтимых богов — богов рек, гор (нимфы «ореады»), источников («наяды»), лесов («дриады») и т. д.

По мере того как в народе росло сознательное отношение

к окружающему миру, грубые первобытные понятия перестали удовлетворять новые поколения людей, и они стали искать объяснения своим старым верованиям. Так, из комедии Аристофана «Лисистрата» (645) видно, что по принятому обычаю афинские девушки перед замужеством служили при храме Артемиды «медведицами», причем наряжались в медвежью шкуру и подражали повадкам медведей. Мы можем догадаться, что за этим странным обрядом кроется пережиток глубокой старины — тотемистического культа, почитание богини в образе медведицы. На этой почве сложился миф, будто среди нимф из окружения Артемиды одна, по имени Каллисто, согрешила, нарушив девственность, и за это богиней была превращена в медведицу (ἄρκτος). Качество самой богини было перенесено на ее служительницу. Другие боги, сжалившись над несчастной, перенесли ее на небо в виде созвездия, за которым и до сих пор остается название Большой Медведицы. Так как это созвездие показывает северную часть неба, всей области земного шара около северного полюса присвоено название «Арктика», а областям около южного полюса дано название «Антарктика».

Почему Аполлону было посвящено дерево лавр? Потому, отвечает миф, что лавр (по-гречески δάφνη) первоначально был девушкой Дафной, которую полюбил Аполлон. Спасаясь от его преследования, она взмолилась к богам, чтобы они защитили ее, превратив в дерево, и Аполлон мог обнять только холодный ствол (Овидий, «Метаморфозы», I, 452—567).

Большое количество мифов и имеет целью объяснить причины существования тех или иных предметов, обычаев или даже названий. Такие мифы принято называть «этиологическими» от греческого слова αἰτία «причина». Под эту категорию подходят многие рассказы об основании городов, о родоначальниках племен и народов и т. п. Так, родоначальником греков — эллинов стал герой Эллин, родоначальниками племен эолийцев, ионян, дорян оказались Эол, Ион и Дор; племя латинян в Италии возводило свое происхождение к древнему царю Латину и т. д. Большим почитанием суевенных людей пользовались в храмах старые, совершенно бесформенные идолы, главным образом деревянные (ξύλον). Такой истукан под названием Артемиды Таврополы почитался в аттическом местечке Галы, о нем рассказывали, будто привез его сюда из Тавриды Орест вместе с сестрой Ифигенией, которая была чудесно спасена от принесения в

жертву Артемидой (Эврипид, «Ифигения в Тавриде», 1446—1461; Страбон, «География», IX, 1, 22, p. 399).

Среди верований первобытных людей немалую роль играло представление о душе или духе, который таится в каждом предмете, даже таком, который мы привыкли считать неодушевленным¹¹. Смерть и сон, сновидения, во время которых душа как будто покидает тело, переходит в другие места и встречается с другими подобными же душами и даже с душами покойников, а тем более галлюцинации и другие патологические явления — все это открывало самое широкое поле для всевозможных догадок и воображения. Особенно много пищи для таких воззрений дает смерть человека. Уже в «Илиаде» (XXIII, 59—102) рассказывается, как Ахиллу во сне является душа убитого Патрокла и просит, чтобы он поскорее предал тело его погребению, так как без этого она не может пройти в загробный мир и найти там успокоение. А в XI песни «Одиссей» описывается и самый загробный мир, в котором Одиссей видит души многих героев. В связи с этим обращает на себя внимание обряд «окликания» покойников, убитых в чужой земле, с целью возвращения, по крайней мере, их душ на родину («Одиссея», IX, 64—66). С этим верованием у римлян был связан обряд окликания (*acclamatio*) покойника, как будто для того, чтобы убедиться в смерти человека.

Убеждение, что после смерти тела душа человека продолжает жить в каком-то другом мире, наводило на мысль, что в том мире для человека начинается новая жизнь и что сам он приобретает особенную силу и может являться живым людям в виде призрака, а вместе с тем приносить им пользу или вред. Покойник становится сам божеством — «героем» (это слово имело у древних религиозное значение), которого следует улаживать дарами или жертвами. Такой культ воздавался предкам, а воспоминания о их славных делах, конечно, с большой примесью фантазии, становились предметом сказаний и превращались в мифы. Ахилл пользовался религиозным почитанием в Эпире (северо-западная часть Греции) и почитался как родоначальник рода местных царей. Именем его сына Пирра (иначе Неоптолема) назывался местный царь Пирр, известный своими бесплодными побе-

¹¹ E. Rohde. *Psyche. Seelenkult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen*. Tübingen, 1907; A. Dieterich. *Nekyia*. Leipzig, 1893; Н. Д. Фюстель де Куланж. *Древняя гражданская община* (русск. пер.). М., 1903.

дами над римлянами в III в. до н. э. (Плутарх, «Пирр», I). Известный афинский тиранн Писистрат (VI в. до н. э.) носил имя в честь сына Нестора («Одиссея», III, 400). Агамемнон имел культ в Аргосе, Гектор и Андромаха — в Фивах (Павсаний, I, 11, 2; IX, 18, 5). В «Одиссее» (IV, 561—569) приводится предсказание, что Елена и Менелай будут перенесены в сонм богов. Благочестивый Амфиарай, невольный участник похода семерых против Фив, живым взят богами в недра земли и сделался местным богом (Павсаний, I, 34, 2—5); местное аттическое сказание указывало медный порог в местечке Колоне, где многострадальный Эдип был принят в недра земли и стал богом-покровителем страны (Софокл, «Эдип в Колоне», 1587—1666).

Мысль первобытного человека не могла представить, чтобы важнейшие культурные достижения могли быть созданы силами самого человека, и создавала чудесные образы богов или героев, которые будто бы взяли все нужное у богов и принесли людям. Так, огонь для людей хитростью похитил от небесного очага Прометей, но за это поплатился жестокой карой — на многие тысячи лет он был прикован к скале. Так сложились сказания о великих подвигах Геракла, Тезея и многих других. Отдельные группы жителей под натиском соседей или вторгшихся врагов — особенно приходится иметь в виду переселение дорийцев в конце II тысячелетия до н. э. — несли в новые места свои родные верования и сказания, но творческая мысль этих племенных групп продолжала работать, развивать и дополнять или даже перерабатывать свои мифы. Естественно, что при таких условиях в них получались многочисленные варианты, разные версии. Так, например, Эдип, по одному сказанию, был убит в сражении («Илиада», XXIII, 678—679), по другому, умер естественной смертью в Фивах (Эсхил, «Семеро против Фив», 750—791) и его дочь Антигона совершила над телом похоронные обряды (Софокл, «Антигона», 900—901), по третьей версии, он живой ушел в подземный мир (Софокл, «Эдип в Колоне», 1518—1555).

По мере того как разные греческие племена стали сознавать свое национальное единство, они должны были, наконец, убедиться, что в разных областях под разными именами разумеют одну и ту же религиозную сущность. Так, из всего множества местных богов выделились боги олимпийского круга, а все другие сохранили лишь местное значение и сошли на уровень полубогов или героев. Для народной фантазии это давало то преимущество, что в них можно было

еще с большей свободой воплощать свои земные, хорошо знакомые и типичные свойства и идеалы. Боги и герои греческой мифологии приобрели исключительную жизненность и художественную силу и дали неисчерпаемый источник для дальнейшего претворения в произведениях поэтов и философов.

В процессе накопления мифологических образов наступил, как видно, такой момент, когда широкому кругу населения становилось все труднее разбираться во взаимоотношениях среди такого множества богов и героев — кто предки, кто родители, кто дети и т. д. Ответ на это дает поэма Гесиода «Феогония» (Родословие богов), первая попытка установить некоторую классификацию божеских поколений, а с этим связывается и космогония, то есть происхождение мира. Вот как рассказывает эта поэма (116—138):

В самом начале родился Хаос, а позднее его Гея —
С грудью широкой Земля — местожительство прочное вечно
Вечных богов всех, царящих на облачных высях Олимпа,
Сумрачный Тартар, что в недрах обширной земли обитает,
Также Эрот — из бессмертных богов это самый прекрасный, —
Бог, расслабляющий члены, который богам всем и людям
Разум в груди подавляет и вместе всю силу рассудка.
А из Хаоса Эреб и с ним черная Ночь родились.
После от Ночи Эфир народился и Дня с ним богиня,
Коиx она родила, сочетавшись любовью с Эребом.
Гея ж сперва породила Урана, ей равного бога —
Звездное небо, дабы покрывало ее отовсюду
И чтоб блаженным богам было вечно надежным жилищем,
После — высокие горы, отрадный приют для бессмертных;
Также бесплодное море, кипящее бурным волненьем,
Понт родила без любви возжеленной; позднее с Ураном
В браке она Океан породила глубокопучинный,
Кея и Крия затем, Гипериона и Иапета,
Фию и Рею еще и Фемиду затем с Мнемосиной,
Златовенчанную Фебу и Тефию, милую сердцу.
После же них самым младшим родился и Крон хитроумный,
Самый ужасный: отца он могучего возненавидел.

За этим следует рассказ о том, как Крон подстерег отца своего Урана, оскотил его и низверг в Тартар, но затем, опасаясь такой же участи от своих детей, проглатывал их, едва они рождались. Однако супруге его Рее удалось скрыть последнего из детей — Зевса: вместо новорожденного она поднесла Крону завернутый в пеленки камень. Когда Зевс возмужал, он заставил отца отрыгнуть проглоченных детей. Это были Посейдон, Плутон-Гадес, Гера, Деметра и Гестия, а за ними был выплюнут и проглоченный камень — он был

отнесен затем в Дельфы и стал предметом поклонения, как «пуп земли» и фетиш. Так наступило царство олимпийских богов. От браков между ними произошли младшие боги Гефест, Арес, Аполлон и Артемида, Гермес, Афродита, Дионис и другие. Затем от браков богов со смертными рождались поколения героев. В недошедшей поэме «Перечень женщин» Гесиод перечислял имена родоначальниц героических родов и таким образом позволяет нам уловить в этом повествовании воспоминание времен материнского права — матриархата¹².

Римская мифология по сравнению с греческой кажется весьма бедной. Исконно римские божества — *di indigetes* — имеют узко ограниченный круг действий. Это так называемые «боги определенные» — *di certi*: например, Янус — бог двери, Термин — бог границы, Сильван — бог леса (у нас «леший»). Некоторые означают просто отдельные акты сельскохозяйственной, растительной, семейной жизни, являясь сухими абстракциями. Церера, Сатурн, Просерпина, Сея, Сегетия и другие выражают лишь разные моменты сеяния и прорастания зерна. С ними не связывается никаких красочных образов. Только после соприкосновения с греческой культурой и ее богатой мифологией мифология римлян стала оживляться и усваивать красочность и образность греческой. В результате древнеиталийские божества Юпитер, Юнона, Минерва, Марс, Меркурий, Церера, Диана и другие вследствие сходства основных черт были отождествлены с греческими Зевсом, Герой, Афиной, Аресом, Гермесом, Деметрой, Артемидой, наделены их типичными качествами и стали участниками тех же приключений (ср. гл. XVI, стр. 438). Правда, к греческим версиям мифов присоединились некоторые местные. Это видим, например, в итальянском рассказе о Геркулесе, греческом Геракле. Когда он с крайнего запада гнал чудесное стадо побежденного им трехтелого Гериона и остановился поблизости от Авентинского холма, четырех коров и четырех быков похитил у него чудовищный злодей Как. Геркулес по мычанию коров узнал, где укрыл их похититель. Он сдвинул с места верхушку горы и нашел в глубокой пещере окутанного густым дымом Кака (Вергилий, «Энеида», VIII, 190—275; Ливий, I, 7; Проперций, V, 9; Овидий, «Фасты», I, 543—584). У многих писателей повторяется рассказ о дружбе римского царя Нумы Помпилия с нимфой Эгерией (Ливий, I, 21, 3).

¹² См. П. Лафарг. Матриархат. См. сб. «Очерки по истории культуры», М.—Л., 1926, стр. 30 и 137.

Наибольшей известностью пользуются римские сказания, относящиеся к ранней истории Рима. Это — знаменитые рассказы о Ромуле и Реме, о волчице, вскормившей их, об основании города, о похищении сабинянок, о битве Горациев и Куриациев, об изгнании царя Тарквиния Гордого и т. д. Это — своеобразный эпос римского народа.

Миф, раз создавшись в определенных исторических условиях и отражая в себе эти условия, продолжал жить в памяти народа и при этом пополнялся новыми чертами, пока, наконец, не терял связь с окружающей действительностью и не становился историческим пережитком. Таков, например, миф об амазонках, воинственных женщинах, которые некогда устроили свою жизнь без мужчин и даже воевали против них. Мы можем догадываться, что за этим мифом кроется воспоминание о первобытном матриархате. Эсхил, взяв сюжетом для трагедии «Эвмениды» миф об Оресте-матереубийце, констатирует только факт, что богини-мстительницы Эринии, или Эвмениды, требуют возмездия Оресту, но оставили безнаказанным убийство Агамемнона. Брошенное мимоходом объяснение их, что он не был единокровным с Клитемнестрой, позволяет видеть в них хранительниц материнского рода¹³. Такое же объяснение получает и миф о Мелеагре, которого губит его собственная мать за то, что он убил ее братьев: братья, как дети ее матери, ей ближе, чем сын¹⁴.

Большинство мифов, как и характер взаимоотношений на Олимпе, прямо напоминает человеческую патриархальную семью. Об этом же говорят мифы о судьбах больших родов — рода Пелопидов, к которому принадлежат Агамемнон и Менелай, Лабдакидов (Лаий, Эдип и т. д.), Эакидов (Пелей и Ахилл) и т. д.

Миф, как создание народа, в течение своего исторического развития вбирал в себя черты разных эпох, и при сличении имеющихся вариантов нередко удается вскрыть его историю. Становясь историческим пережитком, миф сохраняет художественное значение и становится неисчерпаемым источником для работы индивидуальных поэтов и философов, которые приспособливают его и перерабатывают согласно своим творческим замыслам: он становится сюжетом, а мифология в целом — арсеналом для искусства, по приведенному выше замечанию К. Маркса.

¹³ См. Ф. Энгельс. К истории первобытной семьи. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 216—217.

¹⁴ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 136.

Постараемся эту мысль пояснить двумя-тремя примерами. Проследим вкратце историю мифа о Прометее. В Афинах был посвященный ему праздник «Прометии», сопровождавшийся состязанием в беге с факелом: от алтаря Прометея в Академии, парке героя Академа, несли зажженные факелы к другим алтарям в городе в знак обновления огня¹⁵. Этот обряд свидетельствует, что в образе Прометея первоначально чтился древний бог огня, уступивший с течением времени первенство Гефесту, и в частности Прометей считался покровителем гончаров (см. Лукиан, «Человеку, назвавшему меня Прометеем красноречия», I). Первое упоминание о нем сохранилось в поэмах Гесиода (VIII в. до н. э.); тут он изображен как хитрец и обманщик, который сумел перехитрить самого Зевса («Феогония», 535—560, «Труды и дни», 47—82) и украл для спасения людей огонь, а за это был прикован к Кавказской скале. Канва этого рассказа взята Эсхилом для знаменитой трагедии, однако главная сущность образа изменилась: он стал не только борцом против всякой неправды и тирании, но и благодетелем человечества, создателем всей его культуры. Хорошо писал об этом образе К. Маркс¹⁶. Ясно, что такого образа не могла создать мысль примитивного человека: это — создание зрелой эпохи, времени подъема философской мысли, закаленной в боях за независимость и свободу Греции против персидского деспотизма в первой половине V в. до н. э.

Не менее интересные наблюдения дает и миф об Эдипе. С детства он воспитывался чужими людьми. Достигнув зрелости, он отправляется на поиски родителей и по дороге убивает отца и женится на матери. Так бывало во времена матриархата, когда сын не знал своего отца: Тезей ищет отца; Телегон, сын волшебницы Кирки, убивает Одиссея и тут только узнает, что он — его отец. Победа над чудовищной Сфинкс дает Эдипу право на руку царицы Иокасты (частый мотив в фольклоре). Но вот открывается, что Иокаста его мать; проявляется сознание кровосмесительства и за ним следует наказание. В «Одиссее» (XI, 271—280) приводится одна из ранних версий мифа: оказывается, что боги немедленно раскрыли преступление, и Эпикаста, так

¹⁵ L. Deubner. Attische Feste. Berlin, 1956, S. 211.

¹⁶ См. К. Маркс. Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура. «Из ранних произведений». Госполитиздат, М., 1956, стр. 25.

тут называется Иокаста, лишила себя жизни, оставив Эдипу «очень много бедствий, какие совершают Эринии матери». Все эти бедствия объясняются «пагубными решениями богов», и Эдип не лишил себя зрения и продолжал царствовать, а четверо детей (Этеокл и Полиник, Антигона и Исмена) родились от другой жены — Эвриганией (Павсаний, IX, 5, 11; Аполлодор, III, 5, 8, 7)¹⁷. Версия о том, что Эдип после раскрытия своих невольных преступлений ослепил себя, упоминалась в недошедшей трагедии Эсхила «Эдип» (ср. его «Семеро против Фив», 764) и во всей потрясающей силе передана в «Царе Эдипе» Софокла (1268—1279). У нас естественно должен возникнуть вопрос: раз Эдип совершил преступления невольно, вследствие действия высшей силы, зачем же он так жестоко казнит себя? Ответ дается в позднейшем произведении «Эдип в Колоне» (974—977): он сделал это вследствие сильного душевного потрясения. Ясно, что такая мотивировка была еще недоступна сознанию поколений, создававших первоначальную версию мифа. Софокл, вводя мотив самоослепления, отражал тонкое гуманное чувство своих современников. Оно прекрасно выражено словами Перикла, как они передаются в «Истории» Фукидида (II, 37, 3): «Мы повинемся и лицам, стоящим в данное время у власти, и законам, особенно тем из них, которые изданы в защиту обижаемых, и тем, хотя и неписанным, неисполнение которых навлекает на виновных всеми признаваемый позор». Так старый сюжет в претворении великого художника приобретает совершенно новый смысл.

Подобных примеров серьезного изменения народных мифов в духе требований нового времени и в соответствии с художественными замыслами поэтов можно привести много. Эсхил, например, убийство Агамемнона представил как единоличное дело Клитемнестры, тогда как у Гомера она выступает лишь помощницей Эгисфа («Одиссея», I, 36; XI, 409—411; XXIV, 96—97). В Коринфе был известен культ детей Медеи, умерщвленных жителями в отмщение за гибель царя и царевны от ее коварств (Павсаний, II, 3, 6—11). В замечательной трагедии Эврипида на такую опасность сделан только намек (1301—1305), а убийство детей оказывается делом самой матери, которая жестоко переживает измену мужа Ясона, бросившего ее ради брака с царевной, и убивает любимых детей, чтобы отнять у отца все надежды на будущее. Насколько же вырастают в демонической силе

¹⁷ C. Robert. Oidipus. Geschichte eines poetischen Stoffes im griechischen Altertum, Bd. I. Berlin, 1915, SS. 106—109.

эти образы, когда они становятся всецело ответственными за свои поступки, а вместе с тем получается возможность глубже раскрывать внутренний мир героев.

Свободная трактовка мифологического сюжета позволяет вводить в него чисто современные и даже политические мотивы. Эта сторона ясно видна в трагедиях «Семеро против Фив» Эсхила, в «Андромахе» и «Просительницах» Эврипида, в «Эдипе в Колоне» Софокла и других. В «Эвменидах» Эсхила, поставленных в 458 г. до н. э., речь богини Афины (681—710) нарочито прославляет значение учрежденного ею Ареопага, который незадолго перед этим реформой Эфиальта в 462 г. был лишен руководящей роли в государстве, а в уста Ореста (754—777) вложена клятва от лица всего народа Аргоса, что он никогда не подымет оружие против Афин — это прямой намек на заключенный в 461 г. союз с Аргосом.

В римской мифологии, как мы уже говорили, политические мотивы занимали особенно большое место, и поэтому приспособление их к требованиям политического момента находило самый широкий простор. Так, этиологический миф об основании города и об установлении главных учреждений нашел официальное признание в III в. до н. э., и первые римские поэты — Гн. Невий, Кв. Энний и другие свободно «творили» раннюю историю Рима, как можно видеть по сохранившимся отрывкам их сочинений. Особенно хорошо мы можем это видеть по величайшему созданию римской литературы — по «Энеиде» Вергилия (70—19 гг. до н. э.), которая явилась как бы завершением всего предыдущего процесса, объединив в себе все ходившие ранее сказания. Троянец Эней, сын Анхиса и богини Венеры (Афродиты), был признан родоначальником римского народа, а жена его Лавиния оказалась дочерью местного царя Латина, воплотившего в себе начало племени латинян. Но вот любопытная черта: сыну Энея Асканию по воле богов присваивается имя Иула (Юла) («Энеида», I, 267). Это потребовалось для того, чтобы род Юлиев, к которому принадлежали Юлий Цезарь и Август, возвести к божественному родоначальнику (ср. там же, VI, 789). Так в Риме начиналось обоготворение властителей.

Из приведенных примеров достаточно видно, как мифология, бывшая созданием народного творчества, стала неисчерпаемым источником для творческого воображения индивидуальных поэтов, которые могли вкладывать в старые сюжеты новое содержание. А это говорит о том, что в худо-

жественном произведении мифологические элементы можно выделить только путем тщательного анализа истории сюжета. Так, в обработке мифологических сюжетов в «Метаморфозах» Овидия бросаются в глаза черты современности и отклики новейшей литературы, иногда шутливое, ироническое отношение к рассказу. Ближе всего к народному источнику стоят поэмы Гомера и Гесиода, а за ними сочинения историка Геродота, записавшего много фольклорного материала. Научный интерес к фольклору пробудился в эпоху эллинизма, когда появился ряд ученых «мифографов», а некоторые поэты блистали знанием редких мифов — Каллимах, Аполлоний Родосский, Ликофрон и другие. Образцом такого рода сочинений может служить «Библиотека» какого-то Аполлодора (II в. н. э.). Много ценных сведений содержит «Историческая библиотека» Диодора (начало н. э.), «География» Страбона того же времени и «Описание Греции» Павсания (II в. н. э.). Из римских ученых кроме упомянутого выше Варрона, сочинения которого известны по цитатам у христианских писателей, надо назвать сборник мифологических рассказов (*Fabulae*) Юлия Гигина (начало н. э.). Много ценных сведений дают «схолии», то есть комментарии, греческих и римских ученых к текстам различных античных писателей. Однако и тут нередко можно встретить произвольные толкования или даже простой пересказ литературных произведений: еще не было сознания различия между мифом, как созданием народного творчества, и сочинением индивидуального поэта.

Большую помощь в раскрытии основной сущности некоторых мифов и религиозных образов оказывает нам рассмотрение культовых пережитков, то есть утративших свое прямое значение обрядов и обычаев, а в некоторых случаях истолкование имен и эпитетов. Так, одна из версий мифа об Оресте говорила, что и после его оправдания судом Ареопага Эринии не переставали его преследовать и по повелению оракула он должен был отправиться в Тавриду, чтобы оттуда привезти «явленный» идол богини Артемиды. А так как в Тавриде был обычай, чтобы греков, попавших в плен, приносить в жертву местной богине, его ожидала такая участь. Но оказалось, что жрицей, которая должна была выполнить это дело, была его сестра Ифигения, чудесно спасенная Артемидой, и таким образом все окончилось благополучно. В трагедии Эврипида «Ифигения в Тавриде», где берется этот сюжет, устами богини Афины Оресту дается повеление (1458—1461):

И ты введи обычай: если праздник
Народ справлять тут станет, пусть в возмездье
Закланья твоего жрец к шее мужа
Подносит меч и проливает кровь,
Блюдя обычай и богине почеть.

Такой обычай, чтобы жрец острием меча делал укол до крови на шее одному из граждан, действительно сохранялся на празднике Таврополий в Аттике, и в этом нельзя не видеть пережитка древних человеческих жертвоприношений¹⁸. К нему-то и прилепилась для объяснения обычая, ставшего непонятным, версия мифа об Оресте — типичный образец этиологического мифа.

Большинство богов греческой религии имеет имена догреческого происхождения и потому не может получить объяснения, как Посейдон, Арес, Гера, Афина, Гефест, по видимому, даже Аполлон, а тем более Артемида и мать их Лето (Латона). Сами греки пытались найти объяснение некоторым именам: например, имя Афродиты производили от ἀφρός «пена» и связывали с этим рассказ о рождении ее из пены морской (Гесиод, «Феогония», 191—200). Имя Диониса толкуется, как «сын Зевса»¹⁹. Прометей — «провидец», Эпиметей — «тугодум». Имена исконных римских богов (*di certi*) действительно выражают непосредственно их сущность, что мы отмечали в имени Зевса, со всей очевидностью это выступает в именах: Гестия, богиня очага (ἑστία — «очаг», ср. римскую Весту), Гелиос — «солнце», Селена — «луна» и т. п. Особенно это свойство можно наблюдать в эпитетах богов и героев, так как в них в силу многовековой традиции заостренили древнейшие представления²⁰. Сходство имен или даже составных частей имен позволяет говорить о первоначальном тождестве или мифологической близости соответствующих богов или героев. Так, оказалось два Аякса, два Ипполита — гигант и сын Тезея, Тифон мало отличается от Тифоея. Аполлону дается несколько эпитетов, имеющих смысл «далекоразящий», особенно Гекатос, а наряду с этим такой же эпитет получила сестра его Артемида — Геката, как богиня луны — параллель с Аполлоном, как богом солнца. Однако под этим именем известна еще богиня луны, ночных призраков и подобных ужасов — Геката. В об-

¹⁸ L. Deubner. Attische Feste, S. 208—209.

¹⁹ M. Nilsson. Geschichte der griechischen Religion, 2-te Aufl., Bd. I. München, 1955, S. 567.

²⁰ D. L. Page. History and the Homeric Iliad. California, 1959, pp. 218—219.

щем получается большое количество «двойников», или божественных «ипостасей» (заместителей), из которых каждый имеет свою историю, свою версию мифа.

Если в создании элементарных мифологических образов нашли выражение первые попытки осмысления окружающей действительности, то в дальнейшем, в развитии их художественной силы и расширении их кругозора содержались основы всего художественного творчества античных народов. Вот почему изучение античной мифологии надо считать предпосылкой для понимания всей вообще античной культуры.

ГЛАВА XI

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭСТЕТИКИ В КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

Античная литература представляет большой интерес не только потому, что она послужила основой всей дальнейшей европейской литературы, но и потому, что созданные ею произведения отличаются высокими художественными качествами, получившими всеобщее признание. В нашу задачу не входит здесь излагать историю античной литературы — это читатель найдет в специальных пособиях¹, а мы остановим внимание на некоторых отличительных особенностях ее в сравнении с литературами новых народов, а также укажем важнейшие проблемы, возникающие при ее изучении.

¹ См. И. М. Тронский. История античной литературы, изд. 3. Л., 1957; С. И. Радциг. История древнегреческой литературы, изд. 2. Изд-во МГУ, 1959; М. М. Покровский. История римской литературы. Изд-во АН СССР, М., 1942; Н. Ф. Дератани, И. М. Нахов, К. П. Полонская, М. Н. Чернявский. История римской литературы. Изд-во МГУ, 1954; «История греческой литературы», тт. 1—3. Изд-во АН СССР, М., 1946—1960; «История римской литературы», тт. 1—II. Изд-во АН СССР, М., 1959—1962. Присоединяем еще краткие очерки: С. И. Радциг. Античная литература. Изд-во МГУ, 1962; Н. А. Чистякова и Н. В. Вулих. История античной литературы. Изд-во ЛГУ, 1963; «Античная литература», под ред. А. А. Тахо-Годи. Учпедгиз, М., 1963.

Первая особенность античной литературы заключается в том, что хронологическая удаленность ее от нас на три или, в лучшем случае, на полтора тысячелетия создает некоторые трудности для полного и отчетливого понимания, так как переносит нас в непривычную историческую обстановку, в круг чуждых нам понятий и образов и потому требует точного знакомства с историей и бытовыми условиями данной эпохи. Само собой разумеется, что основательное изучение античной литературы, как и всякой другой иностранной литературы, предполагает чтение литературных памятников на языке подлинника, так как перевод, даже самый хороший (что вообще встречается редко) не передает многих свойств оригинала, в особенности оттенков языка и стиля. Если на первых ступенях учащиеся могут довольствоваться чтением переводов, то главной задачей должно быть чтение произведения в подлиннике, а для этого требуется знание языка и всестороннее понимание текста.

Изучение античной литературы сильно осложняется ее плохой сохранностью, утратой многих произведений, а иногда и полным отсутствием сочинений некоторых авторов. Стоит только представить себе, что более или менее полные собрания мы имеем из сочинений Платона, Ксенофонта, Плутарха, Лукиана, Теренция, Вергилия, Горация, Цицерона и некоторых других, от иных — лишь отдельные произведения, например, от Аполлония Родосского («Аргонавтики»), Лукреция («О природе вещей»), несколько поздних поэм и романов разных авторов и т. д. А из 92 произведений Эсхила дошло лишь 7 трагедий, также из 123 произведений Софокла осталось всего 7, из 90 драм Эврипида — 19 или, правильнее, 18, так как одна из них («Рес») явно ему не принадлежит, из 45 комедий Аристофана у нас имеется лишь 11, из 100 приблизительно комедий Плавта сохранилось только 20, из 18 книг сатирического романа Петрония дошло лишь около полуторы книги. Многие писатели известны нам лишь в отрывках, сохранившихся в цитатах у поздних писателей, или даже только по именам. Так, по отрывкам (фрагментам) знакомимся мы со стихотворениями знаменитых греческих лириков Алкея, Сапфо, Симонида и других. Только в 1956 г. была открыта на египетском папирусе целиком комедия «Ворчун, или Человеконенавистник» (*Δύδωλος ἢ Μισάνθρωπος*) Менандра, главного поэта так называемой «новой», бытовой аттической комедии, которая до этих пор была известна по римским подражаниям Плавта и Теренция и частично по фрагментам.

При таких пробелах в литературном материале исследователю приходится особенно дорожить всеми сохранившимися цитатами, упоминаниями и даже намеками на утраченные произведения, стараясь найти в них положительные данные и по мере возможности связать в одно целое.

При рассмотрении имеющегося у нас литературного материала античной литературы нетрудно заметить, что некоторые формы прозаической литературы, которым в настоящее время мы не склонны придавать художественное значение и которые относим к специальным, научным жанрам, как труды по истории, философии, географии и т. п., у античных народов предназначались не только для познавательных целей, но и в качестве интересного, занимательного чтения и ради этого пользовались различными средствами украшения речи. Особенно это относится к произведениям ораторского искусства, в которых техника речи была доведена до высшего совершенства — у Демосфена и Цицерона. А отдельные части исторических сочинений Геродота, Фукидида, Саллюстия, Ливия, Тацита читаются с захватывающим вниманием. Платон, излагая отвлеченные тонкости своей идеалистической философии, драматизирует рассказ и для этого пользуется диалогической формой, причем индивидуализирует образы участников беседы.

Хотя античная литература, как и вся вообще античная культура, создала бесспорно высочайшие художественные ценности, старая буржуазная наука допускала крупную ошибку, абсолютизируя их, как что-то вневременное, несравнимое ни с чем другим и развивавшееся по своим особым законам. Изучение античной литературы прошло несколько этапов: сначала — в эпоху Возрождения — это было простое собирание памятников и сведений о писателях; после увлечения внешней стороной античной культуры в эпоху «классицизма» (XVII в.) наступила пора некритического восхищения и субъективного эстетства и романтики конца XVIII и начала XIX в., затем началось установление между произведениями исторической последовательности и, наконец, с середины XIX в. по мере развития исторической науки определение связи литературы с развитием общественной жизни. Так возникло культурно-историческое направление, которое имело много крупных представителей и на западе и у нас. Вся культурная история с этой точки зрения представляется как развитие идей и художественных форм. Прибавим к этому, что в настоящее время на Западе широкое распространение имеет теория «чистого искусства», или

«искусства для искусства», которая видит в поэте только поэта и не признает его связи с определенной эпохой и общественной средой. Марксистско-ленинская методология исходит из признания самой тесной связи литературы и искусства с общественной жизнью. Еще В. Г. Белинский писал: «Создает человека природа, но развивает и образует его общество»². В. И. Ленин продолжил эту мысль: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»³. Все учение марксизма-ленинизма основывается на признании объективности внешнего мира. «Формы бытия мышление никогда не может почерпнуть и выводить из себя самого, а только из внешнего мира»⁴, — писал В. И. Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Из этих положений вытекает и все понимание литературных явлений — «теория отражения», которая полностью относится и к античной литературе. Это значит, что не только воспроизведение современной жизни, но и тонкие лирические переживания и самые высокие взлеты фантазии бывают навеяны окружающей живой действительностью. У нас иногда указывают, будто реализма в античной литературе не допускает широкое использование мифологических сюжетов. Однако выше (гл. X) мы уже разясняли ошибочность такого взгляда. Ведь уже сама мифология, как верно отмечал А. М. Горький, была отражением некоторой исторической действительности, а поэты, начиная с Гомера, претворяли мифологические образы в свете миропонимания своих современников и надеялись их чисто человеческими свойствами, как, например, Эврипид, а тем более поэты поздней поры, как Аполлоний Родосский (III в. до н. э.) или Овидий (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.). Вот почему для понимания античной литературы так необходимо знание общей истории этого времени.

Так как во всяком художественном произведении есть две стороны — содержание и форма, при рассмотрении его всегда встает вопрос, в каком взаимоотношении находятся они в данном случае. Общество, достигшее высшего расцвета, создает произведения, в которых прекрасное содержание находит и наилучшие формы для своего выражения, так что между тем и другим получается полная гармония. В грече-

² В. Г. Белинский. Сочинения Александра Пушкина. Полн. собр. соч., т. VII. Изд-во АН СССР, М., 1955, стр. 485.

³ В. И. Ленин. Партийная организация и партийная литература. Соч., т. 10, стр. 30.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 14, стр. 29.

ской литературе особенно это можно видеть в произведениях V и IV вв. до н. э., а в Риме в I в. до н. э.

✓ Литература древней Греции возникла значительно ранее римской и пережила уже свой «классический» период, когда та только что начала развиваться. Выше уже говорилось, что римская культура, а вместе с ней и литература, вступив в соприкосновение с греческой, естественно, испытала на себе сильное влияние с ее стороны. Однако это еще не значит, что она вместе с этим утратила свою самостоятельность. Как создание крепкого народа, она принимала только то, что подходило ей по духу, а принимая чужое, перерабатывала его на свой лад и после этого могла уже сама оказывать обратное влияние на Грецию. R. P. ✓

Конечно, и греческая литература при своем зарождении испытывала влияние более древних соседних народов — вавилонян, египтян и других, и это видно в некоторых мифах, но в общем все это было так глубоко переработано, что следы этого едва можно различать. Но греческое влияние в римской культуре сохранялось совершенно явственно.

Греческая литература дает разительный пример того, как в строгой последовательности по мере развития общественной жизни из нераздельной массы народного творчества выделяются и получают руководящее значение отдельные жанры — эпос, лирика и драма. Наоборот, в римской литературе, которая в начальный период оказалась под сильным влиянием греческой, такой последовательности нет, и лисьменное творчество дает произведения одновременно всех трех жанров.

Буржуазная наука обычно недостаточно учитывала значение начального периода — времени безраздельного господства устного народного творчества. Хотя от этого периода сохранилось мало памятников и даже простых свидетельств, он имеет весьма важное значение, так как тогда именно зарождались основные жанры и формы поэзии, которые позднее получали завершение в творчестве индивидуальных поэтов. Первобытные трудовые, обрядовые, застольные, праздничные песни повторялись в новом виде в песнях Сапфо, Алкея и даже в виртуозных созданиях Пиндара. В народных песнях содержались зачатки и драмы. Народные сказания о героях и песни народных певцов — аэдов — дали основу для создания героического эпоса и знаменитых поэм Гомера. Римская народная поэзия, как ни мало она нам известна, позволяет, помимо тематики, общей с другими народами, в формах «сатуры», солдатских песен и народ-

ной комедии угадывать общую склонность римлян к сатире. В этом и надо искать корни того заразительного смеха, которым блещут комедии Плавта, или бичующих стихов Ювенала.

Укрепление строя маленьких государств-городов (полисов) вместо первобытных родовых общин открыло простор для столкновения разных общественных групп, а одновременно и для проявления частной инициативы, для выражения индивидуальных чувств и запросов. Так, на смену преобладающего значения эпической поэзии руководящую роль стала играть лирика, как поэзия личного чувства, с ее темами военных и политических призывов или даже с излияниями сердечных переживаний и праздничных настроений. Эти же условия были благоприятны для возникновения научной мысли, а вместе с тем и для начала прозаической литературы. Высшее завершение этот период получил в расцвете драматической поэзии.

Такой расцвет материальных и моральных сил греческого народа был возможен, пока он сохранял независимость. В конце IV в. до н. э. Греция подпала под власть Македонии, а в 146 г. до н. э. превратилась в римскую провинцию. Это имело последствием постепенное ослабление художественных сил греческого народа. Глубокий кризис в недрах рабовладельческого общества привел к резкому противопоставлению литературы верхов, отчасти даже придворного круга, и литературы низов, которая, впрочем, по понятным причинам и плохо сохранилась. Прихотливая изысканность, игра формальными эффектами, ученостью и эротикой и вместе с тем утомление шумом городской жизни, идеализация тихой жизни простых пастухов (рабов) — вот темы этой поздней литературы. Прибавим еще появление нового жанра — любовного романа, полного самых невероятных приключений любящих молодых людей. Вот что передавала угасающая античная греческая литература средневековой.

В римской литературе решительным моментом было усвоение греческой культуры с ее богатой мифологией и литературой. С этим связывается появление первых римских поэтов и даже усвоение греческих стихотворных форм (Энний). После непродолжительного периода борьбы за сохранение национальных обычаев (Катон Старший в первой половине II в. до н. э.) наступает период полного расцвета национальных сил в I в. до н. э. Время напряженной борьбы за существование республики выдвинуло таких деятелей и писателей, как Цицерон, Юлий Цезарь и исто-

рик Саллюстий, а с другой стороны, вызывало желание уйти из омута политических волнений или в мир науки (Лукреций), или в узкий круг личных переживаний (Катулл). Умиротворение страны после страшных бурь конца республики дало возможность довести поэтическое мастерство до высшей степени совершенства и обогатило поэтов — Вергилия, Горация, Овидия и других темами современной действительности. Это в общем и составило то направление, которое обычно называют «золотым веком» римской литературы.

Однако блеск «золотого века» стал вскоре и быстро тускнеть под влиянием углублявшегося кризиса рабовладельческого строя и возраставшего при этих условиях деспотизма правителей, изменения состава общества и огрубения нравов и художественных вкусов. Новый стиль явно обнаруживается в трагедиях Сенеки (I в. н. э.). Состояние общества в начальную пору империи разоблачается в бичующих сатирах Персия и Ювенала и в эпиграммах Марциала, в романах Петрония и Апулея. Исторические сочинения Тацита показали во всем ужасе деспотизм императоров. В тщетной борьбе старой идеологии с наступлением новых условий жизни, принесших торжество нового, христианского мировоззрения, проходят последние века античного мира (III—V вв. н. э.). Напыщенность формы и бедность содержания характерны для многих произведений этой эпохи. А это все подготавливало почву для средневековой «латинской» литературы на западе и для византийской литературы на востоке.

Кроме общего вопроса развития античной литературы в целом, история ее содержит большое количество разделов и моментов, представляющих важное значение в литературоведческой науке нашего времени, как фольклор и мифология, происхождение гомеровского эпоса, начало драмы и театра, эстетические учения и т. д.

Выше (гл. X) мы уже говорили об античном фольклоре и мифологии. Но необходимо еще иметь в виду, что в истории античной литературы изучение мифологии приобретает особенно важное значение для понимания некоторых памятников, так как дает возможность проследить историю сюжетов и образов и таким способом выделять личное творчество данного писателя, его индивидуальные свойства.

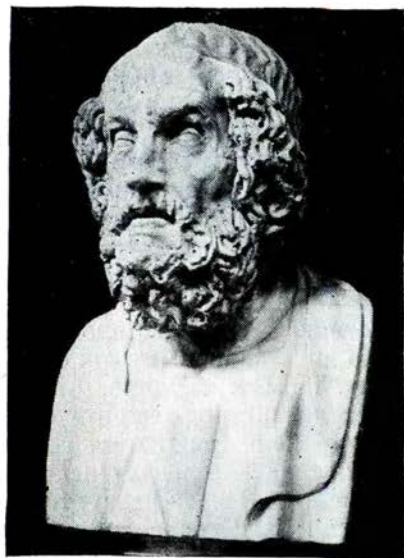
Всемирное значение приобрела в науке история гомеровского вопроса, — именно, имеющий почти двухсотлетнюю давность спор о происхождении поэм «Илиады» и «Одиссеи», известных под именем Гомера. Первоначальное безоговорочное признание авторства единого гениального поэта Гомера

сменилось в XVIII в. под влиянием рационалистических идей «эпохи просвещения» скептицизмом «разделительных теорий», которые особенно после выхода в свет в 1795 г. «Предисловия к Гомеру» Ф. А. Вольфа (1759—1824) пытались в знаменитых поэмах видеть творчество многих поэтов — «теория малых песен». В дальнейшем этот взгляд уступил место «теории основного зерна» Г. Германа (1772—1848), предположившего, что в основе «Илиады» была небольшая песнь «Пра-Илиада» и в основе «Одиссеи» — «Пра-Одиссея», которые впоследствии обросли дополнительными частями и вставками. Так как в создании поэм предполагалось участие многих поэтов в течение нескольких веков, это приводило к мысли о возможности обнаружить в тексте поэм отражение разных исторических моментов — «теория напластований» и т. д. Такое «разрывание» поэм на части с самого же начала встретило серьезные возражения со стороны Г. В. Нича (1790—1861) и многих других. У нас эту так называемую «унитарную» точку зрения отстаивали Н. И. Гнедич (1784—1833), Ф. Ф. Соколов (1841—1909) и другие, которые опровергли возражения «разделителей», показав на примерах эпических произведений других народов и отдельных писателей нового времени возможность создания крупных произведений на память без помощи письменности и при этом возможность мелких противоречий; а главное — было обращено внимание на выдержанность основной идеи — гнева Ахилла в «Илиаде» и возвращения героя на родину в «Одиссее». В процессе изучения поэм Гомера был привлечен богатейший материал аналогий с однородными произведениями других народов — русского и народов СССР, финского, германского, французского и т. д., и гомеровский вопрос стал предметом общей фольклористики. Образы гомеровских аэдов, носителей эпической традиции греческого народа, становятся понятными при сопоставлении со сказителями наших былин, со «слепаками» сербских юнацких песен, с германскими «шпильманами», французскими «труверами», казахскими «акынами», монголо-ойротскими «тульчи» и т. д. В настоящее время в связи с поразительными открытиями в области крито-микенской культуры и прочтением некоторых надписей этой эпохи, обнаруживающих сходство с языком поэм Гомера, этот вопрос вступил в новую фазу⁵.

✓ Другой вопрос, имеющий общемировое значение, относится к происхождению драмы и театра. Ведь нетрудно заме-

⁵ A. Lesky. Die Homerforschung in der Gegenwart. Wien, 1952.

тить, что при всех изменениях, которые претерпевали в течение веков драма и театр в Европе, они восходят к древнегреческому первоисточнику. Ясным свидетельством этого остаются вошедшие повсюду в культурный обиход греческие и отчасти латинские названия: *театр, сцена, драма, трагедия, комедия, драматургия, актер* и т. д. Как ни скудны имеющиеся у нас сведения о происхождении драмы, внимательное рассмотрение даже отдельных терминов наталкивает на важные заключения. Самое значение слова *драма* — «действие» — заставляет нас искать корни в народных песнях, часто сопровождающихся примитивной «игрой», мимическими, то есть подражательными, телодвижениями — иначе сказать, плясками, с переодеванием участников. Все это нам хорошо известно из описаний жизни примитивных народов. Таким образом, и маски, в которых выступали античные актеры, нельзя считать изобретением театральной техники, а в них надо видеть наследство глубочайшей старины. С другой стороны, несомненная связь театральных представлений в Греции в хорошо знакомую нам пору с куль-

Гомер. Мраморный бюст эпохи эллинизма (II в. до н. э.). Неаполь

том бога Диониса показывает, что они первоначально составляли обрядовую игру в честь него. Этими наблюдениями подтверждается короткое сообщение Аристотеля в 4-й главе его «Поэтики»: «Трагедия возникла от запева л дифирамба, а комедия от запева л фаллических песен, которые еще и теперь исполняются во многих городах». А так как эти оба вида песен связаны с культом Диониса, это дополняет наши предположения указанием, что трагедия вышла из песен дифирамба, которые получили литературную форму у Ариона, поэта VII в. до н. э. Однако почти единственный известный нам образец этого жанра, дошедший в числе произведений Бакхилида, от-

носится к 70-м годам V в. и сам, по-видимому, носит следы влияния трагедии.

Изучение сохранившихся произведений греческих драматургов, уделяющих немалое место оплакиванию погибших героев, дает основание видеть один из источников жанра трагедии в народных «плачах». Есть предположение также, что в процессе возникновения оказали влияние и обрядовая игра на праздниках Великих Элевсинских мистерий. Конечно, эти догадки содержат много правдоподобия, но трудно доказуемы⁶. Во всяком случае собранные материалы могут помочь разъяснению вопроса и о происхождении средневекового театра — представления «мистерий» и «мираблей» на западе и наших «действ», например «Пещное действо» и т. д.

В истории греческой драмы для нас исключительный интерес представляет то обстоятельство, что трагедия, вышедшая из религиозно-обрядовых форм и поэтому естественно пользовавшаяся преимущественно мифологическими сюжетами, стала вскоре же своим мифологическим героям придавать чисто человеческие свойства, а это сообщило всему действию гуманный, прогрессивный характер. Это было величайшим вкладом в сокровищницу мировой культуры, и образы Прометея, Эдипа, Антигоны, Ифигении и т. п. продолжают до сих пор озарять своим сиянием мировую культуру.

Отдельно приходится говорить о греческой комедии. Возникновение ее следует искать тоже в источниках народного творчества. Пережитки этого народного происхождения ее, по-видимому, сохранялись в так называемой «парабазе» — хоровой партии в средней части пьесы, где хор как бы от лица поэта обращался к зрителям с разъяснением сущности произведения. Комедия, отражая злободневные интересы текущей действительности, в соответствии с переменами в общественной жизни, имела в своей истории три периода: «древняя», «средняя» и «новая» комедии. После высокого подъема общественных интересов во второй половине V в. до н. э. комедия постепенно изменяет свою тематику и от важных вопросов политической и общественной жизни сни-

⁶ М. Pohlenz. Die griechische Tragödie, 2-te Aufl. Göttingen, 1954; A. Lesky. Die griechische Tragödie, 2-te Aufl. Stuttgart, 1958; A. Lesky. Die tragische Dichtung der Hellenen. Göttingen, 1956; H. D. F. Kitto. Greek tragedy, 2 ed. London, 1950; G. Norwood. Greek tragedy, 4 ed. London, 1958; A. W. Pickard-Cambridge. Dithyramb, tragedy and comedy. Oxford, 1927; F. M. Cornford. The origin of attic comedy. Cambridge, 1934. G. Norwood. Greek comedy. London, 1931.

жается до воспроизведения самых повседневных и домашних, семейных интересов: «древняя» — это комедия «политическая», «новая» — это бытовая. Трудность понимания комедий Аристофана, единственного имеющегося у нас представителя первого направления, в том и заключается, что они полны прямых и скрытых намеков на современные события: надо отчетливо представлять себе эти события, чтобы понять и оценить сатиру поэта. В мировой литературе Аристофан — явление совершенно неповторимое. Рабле, Свифт, Фильдинг и другие вдохновлялись его примером, но не могли с ним равняться.

Зато «новая» аттическая комедия, занимавшаяся темами повседневной бытовой действительности, имела общечеловеческий характер, была легко подхвачена римскими поэтами Плавтом, Теренцием и через них оказала сильное влияние на Шекспира, Мольера и других новых писателей, вплоть до А. Н. Островского. Значительные отрывки из комедий главного представителя этого вида — Менандра, найденные на папирусах, познакомили нас непосредственно с типичными образами и формами этого жанра, и, наконец, недавнее открытие цельной комедии «Ворчун» показало прототип образа «мизантропа».

При рассмотрении римской литературы прежде всего необходимо разрешить высказывавшееся некоторыми учеными, например знаменитым Т. Моммзенем, сомнение в художественных способностях римского народа, который более всего прославил себя государственным строительством и тщательной разработкой правовых основ государственной жизни — знаменитого «римского права». В такую односторонность впадал у нас В. Г. Белинский, который, увлекаясь гениальными созданиями греков, не хотел признавать достоинств

Менандр. Мраморный бюст. Копия с бронзовой статуи III в. до н. э. Бостон

даже главных представителей римской литературы⁷. В статье «Сочинения Державина» он наибольшее значение придает самой истории римского народа⁸. Даже в Вергилии и Горации он видел только придворных поэтов, умевших блистать лишь изяществом формы. Нельзя, конечно, от римских поэтов ожидать полного равенства с греческими — каждый народ обладает своими, ему лишь присущими качествами, но нельзя закрывать глаза и на высокие качества многих римских поэтов, принесшие им мировую славу и сделавшие их образцами для подражания у новых народов.

Происхождение римской драмы не возбуждает сомнений, так как вступление ее в литературу произошло в результате греческого влияния, но развитие ее остается в значительной степени темным вследствие того, что римская трагедия известна нам по девяти произведениям Сенеки (I в. н. э.) и одному («Октавия») неизвестного автора. Нам известно, что римские драматурги писали чаще всего драмы на греческие сюжеты или перерабатывали произведения своих греческих предшественников. К этой категории принадлежат и все сохранившиеся комедии Плавта и Теренция.

Такие комедии известны под названием «комедий плаща» — паллиаты. Для характеристики творческих приемов их авторов очень показательны признания, которые мы читаем в «прологах» комедий Теренция: это — метод «контаминации», то есть «сплавливания» — соединения частей из двух-трех греческих образцов в одно художественное целое. А таким приемом пользовались и другие комические поэты. Важно иметь в виду, что именно из этого источника вошли в мировую литературу типы скупца, воина-хвастуна, ловкого слуги-раба, простоватого «барина» и т. д.

В литературе «золотого века» особенно выделяется Вергилий — автор большой поэмы «Энеида». Создание этой поэмы, послужившей образцом для множества произведений нового времени, как «Освобожденный Иерусалим» Торквато Тассо, «Франсиада» Ронсара, «Генриада» Вольтера, «Мессиада» Клопштока, «Россиада» Хераскова и т. д., само возбуждает большой интерес: она как бы суммирует всю предыдущую литературу и греческую и римскую, и вместе с тем она имеет значение национальной римской поэмы, воплотив-

⁷ См. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V. Изд-во АН СССР, М., 1954, стр. 632, ср. т. VII, стр. 405.

⁸ См. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI, стр. 613.

шей в себе отечественные традиции и идеалы в духе кругов, близких к Августу⁹. Кроме того, она дает богатейший материал для изучения того, как перерабатывалось наследство Гомера и киклических поэм, драматической поэзии, особенно Эврипида, римских поэтов ранней поры, особенно Энния, и т. д. Большой интерес представляет и самый стиль поэмы¹⁰, послуживший образцом для позднейшей поэзии — Овидия, Лукана, Стация, Силия Италика, Клавдиана и других. Исключительно велико было влияние Вергилия в средние века, когда его почитали, как пророка и волшебника. Недаром Данте в «Божественной комедии» сделал его своим руководителем в загробном мире¹¹.

Всемирную славу приобрели и другие поэты времени Августа — Гораций и Овидий. «Памятник» Горация послужил образцом для подражаний и выражения поэтического призвания многим поэтам нового времени¹². Стоит нам вспомнить переводы и подражания М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, В. В. Капниста, А. С. Пушкина, В. Я. Брюсова, А. А. Блока и других. О взглядах Горация на искусство поэзии будет сказано ниже. Овидий в «Метаморфозах» познакомил читателей нового времени в занимательном изложении с большим подбором античных мифов и сказаний о «превращениях» людей в новые формы. Его многочисленные стихотворения на тему любви оказали сильное влияние на поэзию средневековых поэтов и романистов. Эту славу отчасти разделяли с ним элегические поэты Тибулл и Проперций¹³.

Среди писателей эпохи империи большой интерес привлекали трагедии философа Сенеки, которые в западном мире стали известны прежде их греческих образцов Софокла и Эврипида, а также бытовые романы Петрония и Апулея.

В античной литературе нам необходимо особо рассмотреть хотя бы вкратце эстетические воззрения — тем более,

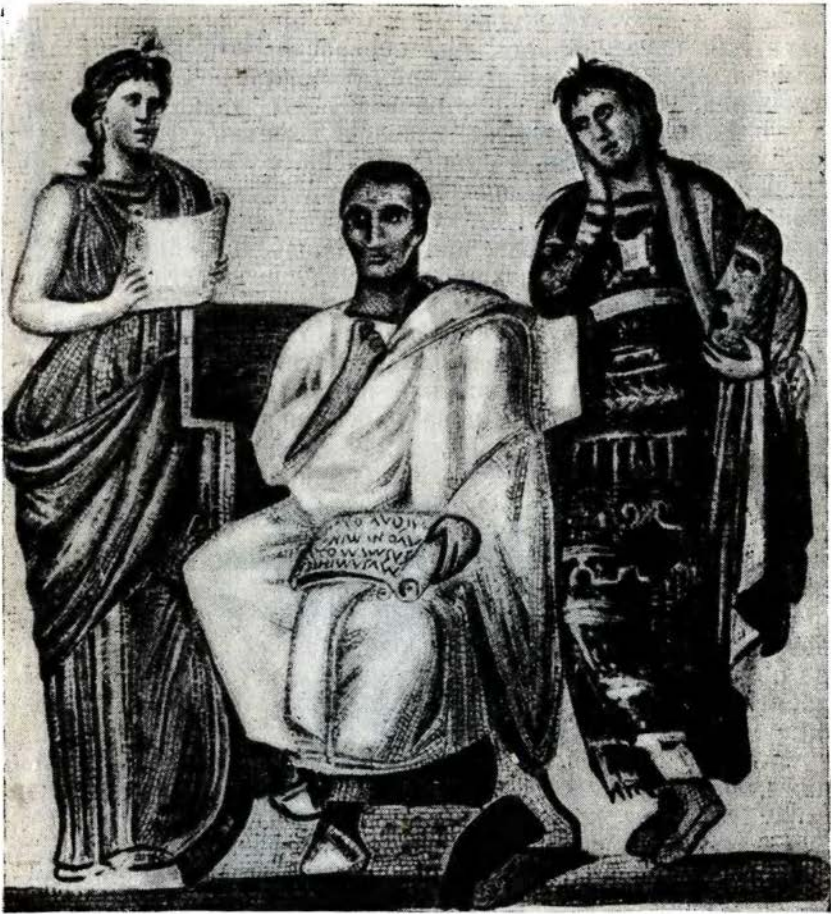
⁹ См. Н. А. Машкин. Принципат Августа. Изд-во АН СССР, М., 1949, стр. 569—572; К. П. Полонская. Римские поэты эпохи принципата Августа. Изд-во МГУ, 1963.

¹⁰ R. Heinze. Vergils epische Technik, 3-te Aufl. Leipzig — Berlin, 1928; W. Y. Sellar. Virgil (The roman poets of the Augustan age), 3 ed. Oxford, 1929.

¹¹ D. Comparetti. Virgilio nel medio evo, 3 ed. Firenze, 1957 (deutsche Übersetzung. Leipzig, 1875).

¹² См. Н. М. Благовещенский. Гораций и его время, изд. 2. Варшава, 1878.

¹³ См. Ф. Е. Корш. Римская элегия и романтизм. М., 1899.

Вергилий с рукописью «Энеиды» между двух муз. *Античная мозаика*

что они легли в основу современных теорий и сохраняют значение до нашего времени.

Уже ранние античные мыслители выработали некоторые характерные представления об искусстве, как подражании или даже своего рода игре. Гераклит говорил об относительности прекрасного. Пифагор все мироздание понимал как выражение высшей красоты и гармонии — «космос». Мате-

риалист Демокрит видел в «подражании» источник познания, а музыку считал порождением развившейся в городах роскоши и избытка, а в художественном творчестве видел дело вдохновения или даже безумия (мании)¹⁴.

Интерес к теоретическому объяснению сущности искусства возрастал по мере того, как оно достигало высшей ступени. Так, нам известно, что во вторую половину V в. до н. э. ваятель Поликлет написал трактат «Канон» (Образец), где изложил свою теорию пропорций человеческого тела. Конкретно он показал эти нормы в статуе «Дорифора» (Копьеносца), которая тоже известна под названием «канона» — она сохранилась в копии. Ксенофонт, передавая в своих «Воспоминаниях» беседы Сократа с современными художниками, характеризует их стремление не только передавать внешнюю сторону предметов, но и выбирать лучшие и наиболее выразительные черты их (III, 10, 2—8). Художественный идеал афинян второй половины V в. нашел наилучшее определение в словах самого руководителя Афин Перикла: «Мы любим красоту без роскоши; мы ценим образованность, не страдая слабостью духа» (Фукидид, «История», II, 40, 1). Во всем блеске этот идеал встает перед нами в постройке Парфенона, в творениях Софокла, Фидия, Полигнота и других.

Можно догадываться, что в греческом обществе второй половины V в. до н. э. велись оживленные споры о задачах и формах искусства, а некоторые из софистов много занимались истолкованием литературных произведений и по содержанию и по форме. Прямой отклик этих споров надо видеть в замечательной комедии Аристофана «Лягушки», поставленной в феврале 405 г. до н. э. Тут под непосредственным впечатлением смерти Эврипида и Софокла дается сравнение Эсхила с Эврипидом не в пользу последнего. Устами Эсхила высказывается следующее определение задачи поэта: «Малых детей наставляет учитель, а взрослых поэты» (1054—1055). Поэзии приписывается таким образом воспитательное значение. Затрагивается также и вопрос об отношении поэзии к действительной жизни. Эврипид доказывает свое право изображать отрицательные образы героев, ссылаясь на то, что такие существуют на самом деле (959—961),

¹⁴ «Материалисты древней Греции». Изд-во АН СССР, М., 1955, стр. 152, фр. 271—272; В. Ф. Асмус. Античные мыслители об искусстве, изд. 2. «Искусство», М., 1938, стр. 16; А. Ф. Лосев. История античной эстетики (ранняя классика). Учпедгиз, М., 1963.

но Эсхил возражает — и это есть мнение Аристофана, что все позорные явления в жизни надо не выставлять напоказ, а скрывать (1053—1054). Как видим, этот спор сохраняет жизненность до сих пор.

Воспитывающее значение искусства и литературы было признано и величайшими философами древности — Платоном и Аристотелем, которые на этом основании включают занятия искусствами в план идеального государства, но каждый в соответствии со своим учением отводит ему особое место.

Платон, как объективный идеалист, в диалоге «Гиппий больший» проводит мысль, что над всеми частными проявлениями красоты возвышается общее понятие — «идея красоты», которая постигается только разумом (8, р. 286 D). В диалоге «Ион» он утверждает, что истинному поэту необходимо вдохновение свыше, ощущение в себе божественной силы — «энтузиазма» или «божественного безумия» (*μανία*), через которое он становится истолкователем воли богов (5, р. 533 E—535 A). В диалоге «Федр» Платон еще более резко формулирует свою мысль: «А кто придет к вратам поэзии без безумия муз, убежденный, что путем навыка станет вполне хорошим поэтом, тот сам, как и его «здравая» поэзия, сгинет перед лицом поэзии безумных» (22, р. 245 A). Конечно, такие рассуждения Платона имели готовую почву в древнейшей поэзии, например у Гомера и Гесиода, которые свое искусство представляли как дар, посылаемый Аполлоном и музами. Эта поэтическая традиция была унаследована новыми поэтами. Сравним, например, у Пушкина: «Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон...» Учение Платона о вдохновении неоднократно повторял В. Г. Белинский даже в последний период своей деятельности в статьях о Пушкине¹⁵.

Сущность искусства Платон видел в «подражании» (*μιμήσις*). Однако по системе его философии воспроизведение окружающей действительности содержит опасную сторону, так как в нашей жизни есть много отрицательных явлений и изображение их может оказывать вредное влияние на нравы граждан. Поэтому в плане своего идеального государства он допускает художественные произведения со строгим выбором, подчиняя это требованиям морали («Государство», III, 8, р. 395 C; 9, р. 398 A), тем более, что уже сами поэтические вымыслы основаны на неправде (II, 21, р. 382 C),

¹⁵ См. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IV, стр. 497 и 500; т. VII, стр. 148.

а способность поэтов к художественному перевоплощению кажется ему опасной для государства (III, 9, р. 398 А; «Законы», VII, 19, р. 877 D). В общем такая точка зрения приводит почти к полному изгнанию поэтов из идеального государства.

Полнее всего и без крайностей идеалистической философии поэтическая теория изложена Аристотелем, главным образом в «Поэтике», частично в «Риторике» и в некоторых местах «Этики» и «Политики».

Аристотель принял учение своих предшественников об искусстве как «подражании», но в то время, как Платон самое действительное, являющуюся предметом подражания, считал только слабой и весьма несовершенной копией с мира вечносущих и прекрасных «идей», Аристотель в творческом подражании видел средство познания реального мира, в котором идеи (общие понятия) находят конкретное выражение. В зависимости от того, какое искусство, чему, как и посредством чего подражает, определяется классификация видов искусства. Аристотелю принадлежит мысль, что искусство и наука преследуют одну и ту же задачу познания мира, но искусство достигает своей цели воспроизведением пластических образов, а наука путем точного описания и логических доказательств. Таким образом, искусство не есть механическое копирование действительности, а творческое воспроизведение, обобщающее сумму однородных явлений и выделяющее характерные, типичные черты предмета. Творческая деятельность автора предполагается уже в самом слове *поэзия* (ποίησις), которое значит именно «творчество». А «подражание», по мнению Аристотеля, есть прирожденное свойство человека, который находит в этом удовольствие («Поэтика», 4). «На некоторые предметы,— говорит он,— нам неприятно глядеть в их подлинном виде, а между тем мы с удовольствием смотрим на самые точные их изображения, например, на изображения самых гадких животных и трупов. Причина этого в том, что познавать что-нибудь очень приятно не только ученым, но одинаково и всем вообще, хотя другие уделяют этому мало внимания» (там же).

В этих рассуждениях Аристотеля заключаются предпосылки основных положений В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского и даже марксистско-ленинской теории отражения. А идея выражения общего в единичном открывает путь к реалистическому искусству.

«Поэтика» Аристотеля содержит много весьма ценных сведений по истории греческой литературы, основана на

тщательном изучении материала предшествовавшей и современной ему литературы, но, к сожалению, она дошла до нас не в полном виде и содержит данные главным образом о трагедии, в том числе знаменитое определение сущности трагедии (гл. 6). Авторитет Аристотеля был весьма высок в новое время, и это имело отчасти даже отрицательные последствия, так как некоторые неправильно понятые его замечания в эпоху «классицизма» в XVII в. были возведены в догму и породили, например, теорию трех «единств», которую совершенно не имел в виду автор и которая опровергается дошедшими трагедиями. Аристотель строил свою теорию на основе наблюдений над материалом своего времени и своего народа и отнюдь не имел намерения давать правила для всех времен и народов. Раскрытие таких извращений теории Аристотеля составляет заслугу Г. Э. Лессинга, особенно статей в его «Гамбургской драматургии» (см. выше, гл. III).

Наибольшие споры вызывает до сих пор определение сущности трагедии. Оно формулируется так: «Трагедия есть воспроизведение действия серьезного и законченного, имеющего определенный объем, воспроизведение речью, в разных частях различно украшенной, и притом действием, а не рассказом, совершающее через сострадание и страх очищение подобных чувств» (гл. 6). Отдельные пункты этого «определения» объяснены самим автором, кроме одного: что он подразумевал под словом «очищение» (*καθάρσις*)? Новые ученые пытались объяснить его то как мистическое, то как моральное очищение — чего? — страстей, аффектов, чувств, подобных страху и состраданию. Поскольку Аристотель в «Полинике» (VIII, 7, 5, р. 1442 а 10—12), говоря об очищающем действии музыки, сравнивает его с лечением болезни, естественно будет в его выражении видеть медицинский термин. Через лицемерие страданий героя зритель испытывает страх не только за него, но и за себя, находя у себя сходство с его судьбой, а вместе с тем проникается чувством сострадания; в результате всего этого он получает облегчение и моральное удовлетворение¹⁶.

¹⁶ Свод главных мнений см. в вводной статье Н. И. Новосадского к его переводу «Поэтики» Аристотеля («Academia», М., 1927), ср. также: «Основы марксистско-ленинской эстетики». Госполитиздат, М., 1960, стр. 450—454; А. Альтман. Драматургия. ГИХЛ, М., 1936, стр. 36—69; В. Ф. Асмус. Искусство и действительность, в сб. «Из истории эстетической мысли древности и средневековья». Изд-во АН СССР, М., 1959, стр. 63—138; A. Lesky. Die griechische Tragödie, 2-te Aufl., SS. 11—45.

В римской литературе эстетическая теория разрабатывалась главным образом в связи с учением об ораторском искусстве — риторикой. У Цицерона в трех его главных сочинениях на эту тему («Об ораторе», «Брут, или О славных ораторах», «Оратор») развивается мысль о необходимости для поэта, как и для оратора и актера, обладать способностью художественного перевоплощения. Ставя перед оратором задачу «осведомлять, побуждать и услаждать» — *docere, movere, delectare*, он доказывает, что тронуть своих слушателей или зрителей может только тот, кто сам глубоко переживает описываемые события. «Не может быть, — говорит один из главных собеседников в диалоге Цицерона «Об ораторе» Антоний (родственник будущего триумвира. — *C. P.*), — чтобы слушающий горевал, ненавидел, завидовал, боялся чего-нибудь, был доведен до слез и жалости, если не будет видно, что все те движения, которые оратор хочет вызвать у судьи, запечатлены и горят в самом ораторе. Так и актер только при том условии хорошо исполнит свою роль, если до глубины проникнется ее содержанием». Это все полностью относится и к поэзии. «Часто слышал я, — говорит то же лицо, — что не может быть истинного поэта (об этом говорится в сочинениях Демокрита и Платона) без духовного горения и некоторого как бы безумия» (II, 45, 190; 46, 194). К этому автор прибавляет, что «лучше всего закрепляется в умах то, что передано и запечатлено чувственным восприятием» (II, 87, 357).

Можно догадываться, что в образованных кругах Рима конца республики, как и в Греции эпохи эллинизма, много споров возбуждал вопрос: что важнее — навык или талант? Писатели эпохи эллинизма нередко пытались талант подменить ученостью. Цицерон требовал соединения таланта с навыком и ученостью («Об ораторе», I, 25, 113—115). На этом решительно настаивал и Гораций.

Гораций в своих произведениях уделял немалое внимание вопросам значения и теории литературы. Уже в посвящении Меценату («Оды», I, 1) он говорит о высоком значении поэзии. В другой оде (III, 1) он обещает слагать песни, «каких еще не слышали ни девы, ни юноши». Всемирную славу заслужила упомянутая уже его ода «Памятник» (III, 30). Большое теоретическое значение имеют некоторые из его стихотворных «Посланий». Так, в «Послании к Августу» (II, 1) он набросал краткий очерк истории римской литературы. Но наибольший интерес для нас представляет его «Послание к Писонам» («О науке поэзии») в 17/16 г.

до н. э. В общем он берет тему, однородную с Аристотелем, но разрабатывает ее независимо от него, руководясь, как видно из объяснений древнего схолиаста Порфириона, сочинением Неоптолема Парийского. В противоположность Аристотелю, он не касается сущности предмета, не дает никаких классификаций и т. п., а просто, как известный и опытный поэт, делится дружескими наставлениями с молодыми начинающими писателями. Поэтому его «Послание» имеет весьма свободное построение и напоминает скорее дружескую беседу, полную живых образов и сравнений, чем систематический трактат.

Задачу поэзии Гораций видит в том, чтобы доставлять и пользу, и удовольствие (333—346). Он доказывает необходимость планомерности в построении (1—23), последовательности в изображении характеров, соответствия образов и речей с общественным положением и возрастом действующих лиц (156—178), строгого единства между формой и содержанием, а вместе с этим ясности и чистоты языка; в противоположность некоторым пуристам из современников и упрямым поклонникам старины, он допускает и введение новых слов при условии их удобопонятности (47—59; 69—72). А содержательность произведения зависит от умственного кругозора писателя и его трудолюбия, из чего следует, что он должен постоянно пополнять свои знания. Гораций признает в этом отношении превосходство греков. «Образцовые греков творенья и по ночам вы рукою листайте и днем их листайте» (268—269). Обязательным он считает соединение таланта с навыком и мастерством (305—311, ср. «Послания», I, 18, 100). Подобно Цицерону, Гораций требует от писателя внимательно наблюдать жизнь (315—318). Только то, что пережито и глубоко прочувствовано самим писателем, может найти отклик у слушателей. Интересно его замечание (101—103):

Раз ты смеешься, смеются другие; заплачешь — так слёзы
Будут на лицах людей. Если хочешь, чтоб я прослезился,
Сам будь сначала растроган.

Начинающий писатель должен прежде всего взвесить свои силы, насколько он в состоянии взять на себя намеченную тему (38—41). А если он что-нибудь написал, не следует торопиться с опубликованием — надо лет девять подержать у себя рукопись, так как за это время можно будет исправить допущенные ошибки (385—390). Кто не обладает спо-

собностями и знаниями и при этом не хочет учиться, имеет ли право называться поэтом (87—88)?

Таковы в общих чертах главные мысли «Поэтики» Горация, а помимо этого в ней много замечаний — особенно таких, которые относятся к драме и театру. Театральные представления тем сильнее действуют на зрителя, что он не только слышит слова, но и видит действие непосредственно перед глазами, и потому некоторые события нельзя выносить на сцену, так как они или оскорбляют чувства своей жестокостью или не могут быть показаны с полной реальностью (180—188)¹⁷.

Нетрудно убедиться, что наставления Горация, подсказанные его наблюдательностью, отличаются такой меткостью, тонкостью и убедительностью, что сохраняют значение до сего времени. Напомним, что они дали большой материал для «Поэтического искусства» Буало, для теоретических сочинений Лессинга и т. п. В России ими широко пользовались Феофан Прокопович (*De arte poetica*, 1705 г.), А. П. Сумароков в «Эпистоле о стихотворстве», А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов, А. Ф. Мерзляков и другие.

Выше в связи с проблемами языка (гл. V) мы уже говорили о принципах выразительной и художественной речи и о формах стиля. Эти вопросы с большой обстоятельностью были разработаны в трудах греческих и римских риторов¹⁸. Аристотель посвятил этой теме несколько глав в «Поэтике» (19—22) и особенно подробно занимался этим в III книге «Риторики». Большое внимание уделял этому Цицерон в III книге «Об ораторе» и в сочинении «Оратор», а после него ритор Дионисий Галикарнасский и особенно Квинтилиан в «Образовании оратора» (VIII и IX книги) и т. д.

Необходимо еще отметить весьма обстоятельное и тонкое рассмотрение художественных средств в трактате неизвестного автора, так называемого Псевдо-Лонгина (II в. н. э.) «О возвышенном», сохранившемся, к сожалению, с большими пробелами. Это сочинение основано на тщательном изучении выдающихся писателей Греции — Гомера, лириков, трагиков, Лисия, Платона, Демосфена, Исократы, Геродота, Фукидида. Язык этих писателей автор берет за образец и противопоставляет его языку своих современников, у которых видит явный упадок. Причиной упадка он считает потерю незави-

¹⁷ См. И. В. Нетушил. Тема и план Горациевой *Ars poetica*. «Журнал Министерства Народного Просвещения», 1901, № 7; 1903, № 2.

¹⁸ См. И. М. Тронский и С. В. Меликова-Толстая. Античные теории языка и стиля. ОГИЗ, М.—Л., 1936.

симости народа (44, 2—4). Идеал свой он видит в природной естественности. «Только тогда,— читаем мы тут,— искусство достигает совершенства, когда оно похоже на природу» (22, 1). Автор подчеркивает необходимость взаимодействия между талантом и искусством (36, 4). Буало высоко ценил этого автора и в трактате «Размышления о Лонгине» (1692—1694) назвал его «законодателем Парнасса»; в России изучал и даже конспектировал его М. В. Ломоносов¹⁹.

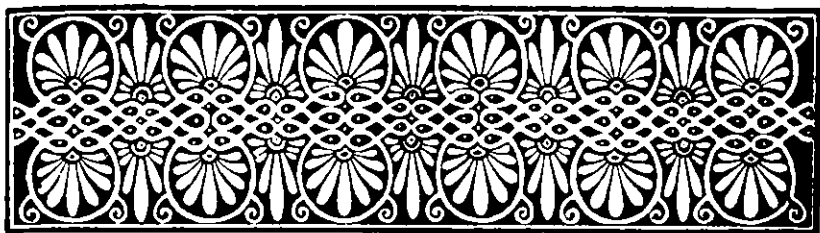
Разработка техники речи у античных теоретиков была настолько обстоятельной, что ее принципы сохраняются в научном обиходе до сих пор, о чем свидетельствует наша современная терминология в области литературоведения²⁰. По античным образцам писали свои «Риторика» Феофан Прокопович, М. В. Ломоносов, А. Ф. Мерзляков, Н. Ф. Кошанский, учитель Пушкина, и другие. Когда этого рода сочинения стали принимать характер грубой догматики и схоластики, они были отвергнуты критикой²¹, и их заменили теории литературы, которые унаследовали многие положения риторики.

¹⁹ См. И. М. Нахов. Выдающийся памятник античной эстетики (трактат «О возвышенном»). Сб. «Из истории эстетической мысли древности и средневековья», стр. 139—182; М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. VII. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 791.

²⁰ См. Ж. Марузо. Словарь лингвистических терминов. ИЛ, М., 1960.

²¹ Ср. В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. III, стр. 272—275; т. IV, стр. 407; т. VI, стр. 445—446; т. VIII, стр. 503—514; т. IX, стр. 318—322.

ГЛАВА XII

АНТИЧНОЕ ПРАВО И ПОЛИТИЧЕСКИЕ УЧЕНИЯ

Правосознание и осуществление законности занимало видное место в жизни античного общества и потому естественно входит в круг интересов классической филологии. Изучение этой стороны имеет тем более важное значение, что правовые понятия и законодательство новых европейских народов, особенно с эпохи Возрождения, складывалось на основах, выработанных в древности. Принципами римского гражданского права пользовались во Франции до времени Наполеона I, а в Германии приблизительно до 1900 г. Однако идеи, заложенные в нем, настолько крепки, что продолжают сохранять значение и после формального отхода от него, в частности в России в «Своде законов», составленном М. М. Сперанским в 1832—1839 гг. Но римское право само немало воспользовалось образцами греческих законов и учениями греческих мыслителей.

Конечно, во все времена правовые понятия и формы обуславливаются наличными социальными отношениями, и, как только первобытное общество сменяется классовым, господствующие классы навязывают свою волю остальным, пользуясь для этой цели государственной властью. Государственная власть — «это организованное насилие одного клас-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4. Госполитиздат, М., 1960, стр. 447; ср. т. 21, стр. 108; см. В. И. Ленин. Государство и революция. Соч., т. 25, стр. 358.

са для подавления другого»¹, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Коммунистическом манифесте».

В рабовладельческом обществе античного мира, помимо основного разделения жителей на рабов и рабовладельцев, существенную роль играли противоречия среди самих рабовладельцев — между родовой знатью и массой безродного люда, между богатыми и бедными, крупными землевладельцами и мелкими или даже совершенно безземельными (*proletarii, capite censi*) батраками — «фетами», опускавшимися нередко на уровень черни («охлос»), или люмпен-пролетариев с их паразитическими наклонностями.

Уже первобытное общество имело свои, хотя и примитивные, представления о праве. Первобытным людям подсказывало нередко чисто инстинктивное чувство недопустимость некоторых действий («табу»). Оно переходило затем в обычай, а позднее принимало форму закона. Характерно, что в греческом языке оба эти понятия обозначались одним словом νόμος. От этого отличается «закон» — θεσμός, как «уложение» или «установление».

Общество гомеровской эпохи в своих взаимоотношениях исходит из представления о «правде» («Одиссея», IV, 691; XI, 218); предполагается даже, что она пользуется покровительством богов и что те любят людей, уважающих правду («Одиссея», XIV, 84), и гnevаются на тех, кто ее нарушает («Илиада», XVI, 388). Слову θεμῖς Гомер придает значение идущего от богов «правопорядка», сознания допустимости или недопустимости какого-нибудь дела («Илиада», II, 73; XIV, 386; «Одиссея», III, 45; X, 73). Сходно с этим у римлян понятие *fas* «свято», то есть позволительно, и *nefas* «грех», то есть нельзя. Более того, у Гомера эти понятия даже олицетворяются в образах Дики и Фемиды, исполнительниц велений самого Зевса («Илиада», XV, 93; «Одиссея», II, 68)². Высшее мерило законности и религиозной чистоты приписывалось оракулу Аполлона в Дельфах. Это имеет в виду, например, Эсхил в «Орестии», где Аполлон изображается блюстителем «отцовского» рода; ему же приписывается сила нравственного очищения и оправдания.

В родовом обществе знание такой «правды» и обычая признается за главой рода, старейшиной и особенно за главой старейшин — царем (басилевс). С этой точки зрения цари называются у Гомера «блюстителями правды» — δικαστῶλοι («Илиада», I, 238, «Одиссея», XI, 186). Гомер подчеркивает,

² R. Hirschl. Themis, Dike und Verwandtes. Leipzig, 1907.

что такое чувство правды в особенности присуще грекам, как культурным людям, и им противопоставляются «не знающие правды» — ἀθέμιστοι — киклопы («Одиссея», IX, 106).

В условиях родового быта личность отдельного человека не имеет значения и обречена на полное бесправие, а защитой ему может служить только родовая сплоченность³, и человек, по какой-либо причине порвавший связь со своим родом, вынужден искать покровительства в чужом роде. Так, например, отец Патрокла Менетий пришел с этой целью к Пелею так же, как и Феникс, ставший воспитателем Ахилла («Илиада», XXIII, 85—90; IX, 447—484); при подобных же условиях Феоклимен был принят Телемахом («Одиссея», XV, 271—278).

Общее мнение считало самым несчастным, отверженным всеми человеком того, кто «фратрии чужд, вне закона живет, к очагу не причастен» («Илиада», IX, 63), то есть не принадлежит к родовой организации. Зато принадлежность к сильному роду обеспечивает человеку известную неприкосновенность, так как обида, нанесенная члену рода, а тем более убийство его, вызывает мщение со стороны рода, родовую или кровную месть. Этот обычай показан в заключительной части «Одиссеи» (XXIV, 413—437), где рассказывается о восстании, поднятом против Одиссея родичами убитых им женихов. Эта идея родовой мести сохранялась и в последующее время в греческом судопроизводстве: не государство вступалось за убитого, а его род.

Так как поэмы Гомера запечатлели переходную ступень от родового строя к государственному (см. гл. VI), в них упоминается уже возможность соглашения между сторонами при условии уплаты пени. На это указывает Ахиллу Аякс, уговаривая его примириться с Агамемноном («Илиада», IX, 632—636). Сцена спора из-за уплаты пени изображена на щите Ахилла («Илиада», XVIII, 497—508). При этом никакого различия не делается между преднамеренным и невольным убийством.

При отсутствии писаного законодательства судьи, то есть цари и старейшины родов, руководствуются «обычным» правом и себя выставляют единственными подлинными истолкователями права. Гесиод (начало VII в. до н. э.) в своем споре с братом из-за отцовского наследства убедился в пристрастности такого суда и назвал судей «царями-дароядцами»

³ G. Glotz. La solidarité de la famille dans le droit criminel en Grèce. Paris, 1904.

(«Труды и дни», 38), а их произвол сравнил с действиями ястреба, который держит в когтях соловья (202—212). Но все-таки и в этот тяжелый, полный насилий и кровопролития «железный век» (174—201) Гесиод сохраняет веру в существование Правды, которая лучше всего на свете (279). Она представляется ему уже как богиня⁴.

Утверждение основ рабовладельческого общества и образование простейших форм государства-города приблизительно к концу VIII в. до н. э. несло с собой и аппарат принуждения, который явился важным орудием угнетения в руках господствующих групп, что естественно стало вызывать противодействие угнетенных и революционное движение. Первой важнейшей задачей народных масс было добиться написания законов, так как это даже при неудовлетворительности их ограничивало произвол правителей и судей. Раньше всего, насколько нам известно, законы были записаны в Локрах Эпизефирских в южной Италии Залевком и в сицилийском городе Катане Харондом в начале VII в. до н. э. (Аристотель, «Политика», II, 9, 5, р. 1274 а 22—25; Страбон «География», VI, 18, р. 259—260). Однако никаких более точных данных об этих законах у нас нет. Рассказ Диодора (XII, 11—21) явно содержит позднейшие вымыслы.

К IX в. до н. э. греческое предание относит законодательство Ликурга в Спарте. Однако в действительности приписываемая ему система социального и политического устройства возникала постепенно в течение продолжительного времени. Самое раннее известное нам упоминание о «благозаконии Спарты», содержится в стихах Тиртея VII в. до н. э. Бегло говорит о Ликурге Геродот (I, 65), а более обстоятельно рассказывается о спартанском строе в сочинениях Ксенофонта «Агесилай», «Греческая история» и особенно в «Лакедемонской политике» («Государственное устройство лакедемонян»), частично у Фукидида и Аристотеля в «Политике», а подробнее всего передает Плутарх (II в. н. э.) в биографии Ликурга и частично в некоторых других сочинениях. Он приводит так называемую «ретру» — изречение дельфического оракула, который будто бы дал указание об организации спартанского государства («Ликург», 6). Но сам Плутарх признает, что писаных законов Ликург не дал (там же, 13), и, таким образом, весь рассказ о нем есть сводка преданий из разных времен, а слово *ретра*, как видно

⁴ J. H. Lipsius. Das attische Recht und Rechtsverfahren, Bd. I. Leipzig, 1905, S. 11, Anm. 39.

из надписей, имело значение «договор». Строй Спарты нам известен как узко-аристократический или даже олигархический, он пользовался симпатиями у реакционных кругов, спартанское же правительство с середины V в. до н. э. стало оплотом реакции во всей Греции, насаждая свои порядки грубой силой. Примером этого может служить установление олигархического правительства Тридцати в Афинах в 404 г. до н. э. после их поражения в Пелопоннесской войне. Но в III в. до н. э. спартанский режим обнаружил уже свою несостоятельность, как видно из реформаторских попыток царей Агиса IV и Клеомена III. Идеализация спартанских порядков, добрых нравов и добрых законов, которую находим у Ксенофонта, породила целое направление в политической литературе следующих веков: она-то и нашла яркое отражение у Плутарха⁵.

Греческая традиция, и в том числе Платон («Законы», I, 6, р. 631 В) и Аристотель («Политика», II, 7, 1—8, р. 1271 В, 20—1272 В, 23), определенно утверждает, что образцом для спартанского строя послужила государственная организация на Крите. Однако Аристотель отмечает ее крупные недостатки, приводившие часто к гражданским смутам. Он имеет в виду главным образом политическую сторону. По счастливой случайности в огромной надписи (530 строк), открытой в 1881—1885 гг., сохранился целый свод гражданских законов критского города Гортины середины V в. до н. э., являющийся частично переработкой более ранней основы⁶. Он охватывает главным образом вопросы личных имущественных отношений⁷.

Первое писаное законодательство в Афинах было проведено Драконтом в 621/620 г. до н. э. Аристотель в «Политике» (II, 9, 9, р. 1274 В, 15—18) говорит, что оно касалось только частно-правовых отношений и ничего не изменило в существовавшем государственном порядке. «Драконту принадлежат законы,— читаем мы тут,— но он эти законы издал

⁵ G. Busolt. Griechische Staateskunde, Bd. I. München, 1920, SS. 40—52.

⁶ J. Kohler und E. Ziebarth. Das Stadtrecht von Gortyn und seine Beziehungen zum gemeingriechischen Recht. Göttingen, 1912, SS. V und VII.

⁷ «Гортинская надпись», пер. С. В. Мирошникова. «Записки русского археологического общества», 1888, т. III, см. также: Д. А. Жаринов, Н. М. Никольский, С. И. Радциг и В. Н. Стерлигов. Древний мир в памятниках его письменности, т. II. М., 1922, стр. 76—89; Л. Н. Казамова. Очерки социально-экономической истории Крита V—VI вв. Изд-во МГУ, 1964, стр. 179—189.

для существовавшего уже государственного строя». В прямом противоречии с этим стоит его же сообщение в 4-й главе «Афинской политики» об установленном Драконтom политическом устройстве, по которому гражданские права имеют лишь обладающие имущественным цензом, Совет состоит из 401 члена, за неявку на заседание назначен штраф и т. д.— все это черты, похожие на политические проекты эпохи Пелопоннесской войны. Да и сам Аристотель не включил драконтовский строй в перечень политических преобразований в 41-й главе. Все это заставляет в данном случае признать у Аристотеля в 4-й главе «Афинской политики» ошибку, допущенную им под влиянием политических памфлетов конца V и начала IV в. до н. э.⁸ В потомстве сохранилась память только о суровости уголовных законов Драконта (Плутарх, «Солон», 17).

В период Пелопоннесской войны в результате стремления некоторых кругов к возрождению добрых нравов старины и «строя отцов» (πάτριος πολιτεία) была сделана в 409 г. до н. э. попытка заново опубликовать законы Драконта об убийствах. По счастливой случайности сохранился обломок надписи с начальной частью этой публикации⁹. Некоторые дополнения к этой надписи имеются в цитатах позднейших писателей.

Показательным в законах Драконта являются, с одной стороны, пережитки родового строя, поскольку судебное преследование рассматривается, как мщение родичей убитого, однако с ограничением пределами кровного родства до двоюродных, а с другой стороны, появление новой черты в различении преднамеренного от непреднамеренного убийства.

Лучше нам известна законодательная деятельность Солона. Он сам в своих стихотворениях нарисовал мрачную картину социальных бедствий, вызвавших необходимость его реформ в 594 г. до н. э. Он представляет себя перед судом времени (фр. 24) и ожидает заступничества величайшей матери Земли, лоно которой освободил от позорных долговых столбов. Главной заслугой своей он считает отмену царившего до этих пор кабального права — права кредитора продать должника в рабство. Установление цензового строя, организация управления и учреждение Совета четырехсот наряду с древним советом Ареопага, остатком родового совета старейшин, и, наконец, создание суда присяжных с чрезвы-

⁸ G. Busolt. Griechische Staatskunde, Bd. I, SS. 52—58.

⁹ См. Аристотель. Афинская политика (русс. пер.), изд. 2. Соцгиз, М., 1937, стр. 153—154.

чайными полномочиями не только в разбирательстве гражданских споров и отчетности должностных лиц, но и в разъяснении законов и т. д.— вот главнейшие его мероприятия. Законы Солона, которые были выставлены на главной площади, вырезанные на призматических столбах — кирбах, известны нам лишь отрывочно в виде цитат у разных авторов, особенно у ораторов. О деятельности же его мы имеем довольно подробные рассказы у Аристотеля в «Афинской политике» (5—12) и у Плутарха в «Жизнеописании Солона». Законы Солона не удовлетворили его современников: одни ожидали более радикальных мер — полной отмены долгов, передела земли и т. п., другие хотели лишь поверхностных изменений (Аристотель, «Афинская политика», 11); он же старался держаться середины: «Стал я, могучим щитом своим тех и других прикрывая» (фр. 5, 5). Его стихотворения полны веры в конечное торжество Правды: «Рано иль поздно придет дать воздаяние всем» (фр. 3, 16).

Среди юридических мероприятий Солона обращают на себя внимание законы, утверждающие права частной собственности — в том числе законы о духовных завещаниях, об освобождении сына от обязанностей по отношению к отцу, если тот не научил его полезному ремеслу (Плутарх, «Солон», 21—22). Ясно, что такие меры выходили уже далеко за пределы «обычного» права. Солон, как говорит Ф. Энгельс, «открыл ряд так называемых политических революций, причем сделал это вторжением в отношения собственности»¹⁰. Привлечение граждан всех имущественных классов к участию в судах присяжных и широкие полномочия, предоставленные этим судам, рассматривались как весьма важный шаг в развитии демократического строя (Аристотель, «Афинская политика», 9; Плутарх, «Солон», 18).

Дальнейший шаг в этом направлении был сделан Писистратом, который в борьбе с засилем крупных аристократических родов опирался на поддержку крестьян и ремесленников. Ему принадлежит организация судебного производства по мелким делам на местах — в демах (Аристотель, «Афинская политика», 16, 5). Окончательное же утверждение демократического строя в Афинах выразилось в законодательстве Клисфена в 509/508 г. Важную роль играла тут новая организация фил, которая окончательно порвала с родовым принципом. Филы, число которых было увеличено до 10, были искусственно составлены из «третей» — триттий,

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 115.

принадлежавших к трем районам страны с разным социальным составом населения — горному с преобладанием бедняков, приморскому, где жители занимались торговлей, ремеслами и морскими промыслами, и центральному, включавшему крупнейших землевладельцев. Такое смешение в составе филы граждан различного имущественного состояния обеспечивало большинство за широкими массами на собраниях фил при избрании должностных лиц. А основной ячейкой государственной структуры Клисфен сделал самоуправляющийся

Острак (черепок) с подписью: «Фемистокл фреарриец», 480 г. до н. э.

дем (поселок), принадлежность к которому давала человеку права гражданства (Аристотель, «Афинская полития», 21). Для предотвращения опасности тирании был установлен закон об остракизме — чрезвычайном народном суде, в котором голоса подавались на черепках — *острака* (Аристотель, «Афинская полития», 22, ср. 43, 5). Десятилетнее изгнание, которое полагалось осужденному, в сущности не было наказанием, а выражением недоверия политическому деятелю; Аристотель же считает эту меру средством поддержания гражданского равенства («Политика», III, 8, 2—4, р. 1284 а, 17—37). В последний раз она была применена в 417 г. к демагогу Гиперболу.

В течение V в. до н. э. было проведено еще несколько законов, имевших целью развитие и укрепление демократического строя. Так, в 462 г. руководящая политическая власть

была отнята у Ареопага, а вскоре и право занятия высших государственных должностей, за исключением стратегов и казначеев, было предоставлено гражданам всех имущественных классов, выборы стали производиться по жребию. Введена плата за исполнение обязанностей присяжных, а затем и за участие в заседаниях Народных собраний и т. д. После тяжелых испытаний конца Пелопоннесской войны афиняне свергли в 403 г. навязанный спартанцами олигархический режим Тридцати и восстановили демократию, и с тех пор, как заявляет Аристотель («Афинская полития», 41, 1), вплоть до его времени, то есть приблизительно до 330 г., в порядке управления Афин не было никаких изменений. Мы можем поэтому считать строй греческого полиса в V—IV вв. до н. э. вполне установившимся во всех его основных формах — демократии, олигархии и тирании. «Ничем другим не определяется гражданин лучше, чем участием в суде и управлении», — писал Аристотель («Политика», III, 1, 4, р. 1275 а, 22).

Большое количество надписей из разных городов содержат законы и постановления высших органов, что может нам дать представление о правовых понятиях и об организации управления греческих государств. Необходимо при этом отметить, что, признавая народ властелином демократического государства, греки строго различали понятие закона и постановления Народного собрания. Для издания закона требовалась разработка вопроса в специально избранной комиссии номофетов, защита автором законопроекта в суде присяжных и в случае одобрительного приговора рассмотрение проекта и окончательное утверждение в Народном собрании (Демосфен, XX, 89—94; XXIV, 17—23)¹¹. Но и после такого утверждения он мог в течение года быть опротестован в суде присяжных в виде «жалобы на противозаконие» — *γραφὴ παρανόμων*.

Подъем хозяйственной и политической жизни Греции пробудил интерес и к вопросу о сущности и происхождении государства, о правах и обязанностях гражданина. Этот вопрос занимал уже первых греческих мыслителей. «Народ должен сражаться за закон, как за свои стены», — говорил Гераклит (фр. 44). Но у него же есть индивидуалистическое рассуждение: «Один для меня — десять тысяч, если он — наилучший» (фр. 49).

¹¹ См. В. В. Латышев. Очерк греческих древностей, изд. 3, ч. I. СПб., 1897, стр. 235—237; G. F. Schömann. Griechische Altertümer, 4-te Aufl., Bd. I. Berlin, 1897, SS. 415—418; G. Busolt. Griechische Staatskunde, Bd. I, SS. 457—465; С. Ф. Кечекьян. Государство и право древней Греции. Изд-во МГУ, 1963.

В период борьбы за национальную независимость против персов во всей силе проявилось гражданское самосознание народа. В «Персах» Эсхила патриотизм греков, полных понимания, за что они сражаются, противопоставляется рабской покорности врагов (337—432, ср. 242), а в трагедии «Семеро против Фив» от лица Этеокла, который жертвует собой для спасения родины (672—675), высказывается мысль, что каждому в меру своих сил следует прилагать старание, не щадя жизни, к защите родной земли, как «любезнейшей матери-кормилице, которая на своей благодатной почве принимала всю тягость забот, воспитывала вас с младенческих лет и сделала гражданами, чтобы в случае надобности вы были верными воинами-щитоносцами» (13—20, 824—849).

Таким же патриотическим духом проникнуты песни хора в «Медее» Эврипида 431 г. до н. э. (824—845) и в последней трагедии Софокла «Эдип в Колоне» (668—693).

Сознание гражданского долга находило четкое выражение в гражданской присяге, которую должны были приносить молодые люди, вступая в состав граждан после надлежащей проверки их прав (Аристо-

Присяга граждан Херсонеса начала III в. до н. э. *Надпись на камне. Музей в Херсонесе*

тель, «Афинская полития», 41,3). Вот как приводят ее текст поздние писатели (Полидевк, VIII, 105—106 и Стобей, LXIII, 48): «Я не посрамлю священного оружия и не покину товарища, с которым буду идти в строю, но буду защищать и храмы, и святыни — один и вместе со многими. Отечество оставляю после себя не умаленным, а бóльшим и лучшим, чем сам его унаследовал. И я буду слушаться властей, постоянно существующих, и повиноваться законам установленным, а также и тем новым, которые установит согласно народ» и т. д.¹² В более полном виде сохранилась подобная же присяга граждан города Херсонеса в надписи III в. до н. э. Гражданин клятвенно обязуется хранить согласие ради спасения и свободы государства и граждан и всех их владений; обязуется принимать все меры для сохранения демократического строя, честно исполнять государственные должности, не участвовать ни в каких противогосударственных заговорах, не вывозить хлеба в чужие страны и т. д. Сопоставление с другими данными из истории Херсонеса этой поры показывает, что все детальные требования этой присяги отвечают сложившимся внутренним и внешним условиям жизни государства, выражают его идеологию¹³ (см. рис. на стр. 298).

Подъем гражданского сознания наводил, естественно, на мысль, что обладание гражданскими правами составляет для человека особую «честь» — τιμή, а отсюда «эпитимия» — обладание гражданскими правами (Демосфен, XVIII, 312; XXI, 106; Эсхин, II, 88)¹⁴. В противоположность этому всякое умаление гражданских прав рассматривается, как «лишение чести» — ἀτιμία, которое бывает или частичным в виде лишения права выступать в Народном собрании, или в суде, в общественных местах, в храмах и т. п., или полным в виде изгнания.

Большое внимание вопросам общественной жизни стали уделять софисты с середины V в. до н. э. Протагору, который провозгласил человека «мерой всего», принадлежит и первая попытка объяснить происхождение государства. Платон в диалоге, названном его именем, цитирует отрывок из его сочинения, где мысль облечена в форму мифа: когда боги создали человеческий род, для людей не хватило средств за-

¹² Аристотель. Афинская полития (русск. пер.), изд. 2, стр. 217.

¹³ См. С. А. Жебелев. Херсонесская присяга. В сборнике его статей «Северное Причерноморье». Изд-во АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 217—247.

¹⁴ В нашем церковном языке это слово стало употребляться уже в обратном смысле наложения запрета на эти права — «наказание».

щиты, какими были наделены все животные, и Зевс, чтобы возместить этот недостаток, решил дать им Стыд и Правду — всем без исключения, и наделенные таким даром, люди получили способность совместного житья, а через это и «гражданское искусство» — *πολιτικὴ τέχνη*. («Протагор», 12, р. 322 В—D). Такое объединение давало людям возможность совместными силами бороться со стихиями природы, с дикими зверями и т. д. Кто такими чувствами не обладает, тот, по мнению Протагора, должен быть извергнут из человеческого общества или даже убит (там же, 14, р. 325 А). Таким образом, создание государства основано на прирожденной способности людей к взаимному общению.

Еще дальше пошел софист Гиппий, который стал утверждать, что все люди — братья, дети одной общей матери Природы, закон же — тиран над людьми и вынуждает их многое делать против природы («Протагор», 24, р. 337 С — D). Другой софист Алкидамант говорил, что бог создал людей свободными и природа никого не создала рабом (схолин к «Риторике Аристотеля» I, 13, р. 1373 b, 18). Софист Ликофрон объяснял происхождение государства делом «договора» (*συνθήκη*) между самими людьми (Аристотель, «Политика», III, 5, 11, р. 1280 b, 10—11). Такие рассуждения тем более интересны, что подрывают основы рабовладельческого строя. Софист Антифонт стал возражать против разделения людей на эллинов и варваров: «По природе,— говорил он,— мы все и во всех отношениях одинаковы — и варвары, и греки. Можно наблюдать существующие у всех людей от природы потребности; все одинаково могут удовлетворять их, и варвар не отличается от нас, как и грек от варвара; все мы через рот или через нос вдыхаем воздух и едим с помощью рук» (фр. В, 2). Возвышаясь до идеи равенства всех людей, Антифонт создает соответствующее представление о государстве. «Нарушать справедливость,— рассуждает он,— не позволяют законы (*νόμοι*) государства, в котором человек является гражданином» (фр. А, 6—11). Кроме того, он отличает «признанные» (*ὁμολογηθέντα*), то есть писанные, законы государства от законов самой природы, которые обязательны для всех. Нарушитель государственного закона может остаться незамеченным, но не уйдет от ответственности тот, кто нарушает закон природы (фр. А, 1—2). Мы узнаем в этих рассуждениях те идеи, которые Софокл вложил в уста Антигоны в трагедии ее имени (450—460, ср. «Царь Эдип», 865—871). А Перикл в своем знаменитом «Надгробном слове» (430 г. до н. э.), характеризуя благородство афинского госу-

дарства, в заслугу ему ставил соблюдение этих высших законов: «Мы повинемся и лицам, стоящим в данное время у власти, и законам — особенно тем из них, которые изданы в защиту обижаемых, и тем, хотя и неписаным, неисполнение которых навлекает на виновных общепризнаваемый позор» (Фукидид, II, 37, 3).

Конечно, принцип относительности понятий, внесенный положением Протагора, что «человек — мера всего», вносил большую путаницу в сознание людей и открывал путь для всевозможных индивидуалистических извращений вплоть до признания права сильного и до морали «сверхчеловека» (Критий, Фрасимах, Калликл и другие). Любопытен приводимый Ксенофонтом рассказ о том, как молодой Алкивиад однажды поставил в смешное положение своего опекуна Перикла, задав ему вопрос: Что такое закон? — Закон — это то, что постановит народ. — Но постановление бывает ошибочным. — То, что постановят опытные и знающие люди, или правитель государства, тиранн. — Но это — насилие одних над другими. И Перикл при всей своей опытности не знает, что ответить, и должен признать условность всех определений («Воспоминания о Сократе», I, 2, 40—46).

При создавшейся таким образом неустойчивости понятий единственным критерием истины, справедливости и красоты осталась только природа — вечная и прекрасная. Так, в суждениях мыслителей конца V в. до н. э. и в последующие века первым вопросом была мысль, как существует данное явление — от природы (φύσει) или по закону и по человеческому установлению (νόμῳ, θέσει). Под этим углом зрения рассматриваются все человеческие установления. А вместе с тем начавшийся кризис рабовладельческого строя выдвигал новые запросы, которые находили выражение в обильной социально-политической литературе. К сожалению, она известна нам только косвенным путем. Аристотель в «Афинской политике», говоря об олигархическом перевороте 411 г. до н. э., упоминает несколько проектов государственного переустройства, предложенных в это время (29—33). Но сохранился только трактат неизвестного автора под названием «Афинская политика»¹⁵, ошибочно включенный в собрание сочинений Ксенофонта, почему автора и принято называть Псевдо-Ксенофонтом. Этот трактат написан в 425—424 гг. до н. э. Автор сам заявляет о своих олигархических симпатиях. Однако, держась умеренных взглядов, он весьма трезво судит об

¹⁵ Полный перевод см. в книге: Аристотель. Афинская политика, изд. 2, стр. 222—235.

афинской демократии и потому сообщает много весьма ценных наблюдений о жизни в Афинах (ср. гл. VIII, стр. 217).

Естественно, что политические споры того времени нашли живой отклик и в художественной литературе, особенно в драмах Эврипида. Например, в его «Просительницах» представлен спор между фиванским послом и афинским царем Тезеем на политическую тему, причем первый восхваляет деспотически-олигархический строй своего государства, а второй — афинскую демократию (400—455).

К концу V и началу IV в. до н. э. относятся и первые проекты социального переустройства. Гипподам Милетский, архитектор, перестроивший пирейскую гавань, проектировал новое распределение граждан, земли, переустройство судов и законодательства. Аристотель, передавая сущность проекта, показал его непригодность, так как земледельцы и ремесленники, прикрепленные к своей специальности и не имея оружия, окажутся в порабощении у воинов и т. д. («Политика», II, 5, 4—12, р. 1267 *b*, 22—1268 *a*, 15). Фалей Халкедонский мечтал об уравнении имущественного состояния граждан и думал этого достигнуть, если бедные будут жениться на девушках с приданным, а богатые на бесприданницах (Аристотель, «Политика», II, 4, 1—6, р. 1266 *a* 39 — *b*, 35). Явной пародией на такие социально-политические «утопии» является комедия Аристофана «Женщины в Народном собрании» (492 г.), где представлено, как женщины, захватив в свои руки власть, установили своеобразный «коммунизм», отметили частную собственность¹⁶.

Среди умственного разброда, естественного в обострении социальной борьбы и упадочных настроений, некоторые искали покоя от волнения политической жизни и идеалом своим поставили «прожить незаметно»: *λάτρε βίωσας* — учение Эпикура; другие стали видеть спасение в сильной личности. Ксенофонт в политическом романе «Киропедия» (Воспитание Кира) в образе основателя персидской державы Кира Старшего нарисовал идеал просвещенного монарха, а афинский оратор Исократ, начав с прославления кипрского тирана Эвагора и наследника спартанского престола Архидама, дошел в своем страхе перед народными массами до прямого призыва к Филиппу Македонскому, чтобы он взял в свои руки управление всей Грецией.

Наиболее яркое выражение мечта о лучшем устройстве

¹⁶ См. Р. Пёльман. История античного коммунизма и социализма. СПб., 1910, стр. 120—122, R. Pöhlmann. Geschichte der sozialen-Frage und des Sozialismus in der antiken Welt. München, 1925.

нашла в большом диалоге Платона «Государство»¹⁷. Рассматривая вопрос о справедливости, Платон устами Сократа показывает высшее ее проявление в государстве, причем сущность ее видит в воздаянии каждому должного (IV, 10—16). Представляя мысленно процесс образования государства, он исходит из положения, что в нем должны быть люди самых разнообразных специальностей, чтобы удовлетворять всевозможные потребности жителей, так как ни один человек не может быть одинаково искусен во всех делах. «Город создает, как видно, наша нужда», — вот основная мысль сочинения (II, 11, 369 C). Высокого качества может достигать лишь тот, кто занимается одним делом, а из этого прямо вытекает необходимость разделения труда (II, 11, р. 370 BC) и далее необходимость взаимного обмена — торговля и морские промыслы (II, 11, р. 371 A—12, р. 372 C). К. Маркс высоко оценил эту мысль Платона, но внес в нее критическую оговорку: «Поскольку в республике Платона разделение труда является основным принципом строения государства, она представляет собой лишь афинскую идеализацию египетского кастового строя...»¹⁸.

Нарушение естественных норм собственности, по учению Платона, создает стремление к роскоши и жажде наживы — хрематистику, которая становится источником несправедливости. Главное зло, таким образом, заключается в частной собственности (VII, 14, р. 562, B, ср. V, 12, р. 464 D). С замечательным мастерством Платон изображает состояние современного ему общества, в котором, по его словам, образовалось два государства — государство богатых и государство бедных: между ними идет непримиримая борьба. (IV, 2, р. 422 E; VIII, 16, р. 566 A). В процессе такой борьбы и возникают разные государственные формы. Но для создания правильного государства необходимо правильное воспитание молодого поколения, а для этого его нужно сосредоточить в руках государства (V, 1, р. 449 C — 11, р. 464 A) так, чтобы дети не знали своих родителей, но каждого тражданина почитали по возрасту за отца, деда или брата; а каждую гражданку за мать или сестру (V, 12, р. 465 D); управление же должно быть сосредоточено в руках философов (IV, 6, р. 428 D; V, 18, р. 473 D; VI, 15, р. 503 B; 17, р. 504 B; VII, 18, р. 540 B). Вместе с этим для высшего класса устанавливается общность имущества, жен

¹⁷ См. Р. Пёльман. История античного коммунизма и социализма, стр. 122—267.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 379.

и детей (III, 22, p. 416 D — 417 B; V, 7, p. 457 CD) (см. гл. IX). Этот фантастический план, нарисованный с большим художественным мастерством, послужил образцом для многочисленных «утопий» нового времени: Томаса Мора, Бекона, Кампанеллы и других. Сам Платон под конец жизни должен был убедиться в несбыточности своего плана и несколько смягчил его в «Законах», отказавшись от разделения на классы, от общности имущества, жен и детей, но сущность сохранил прежнюю. Как и все учение Платона, этот план носит резко выраженный реакционный характер.

Особенно большой интерес представляет учение о государстве Аристотеля¹⁹, который определял сущность государства, как «общение людей ради хорошей жизни» («Политика», I, 1, 1; III, 5, 13, p. 1280 b 23). А стремление к общественной жизни он считал прирожденным свойством человека, отличающим его от других существ: «...человек по природе существо политическое» — ζῷον πολιτικόν и не может жить в одиночестве (I, 1, 9, p. 1253 a 2—3; III, 4, 2, p. 1278 b 19)²⁰. Не будем излагать подробностей, укажем лишь главные черты этого учения Аристотеля.

Первичной формой объединения является основная пара — муж и жена. В семью затем входят не только дети, но и рабы, из чего видна чисто рабовладельческая точка зрения философа. Из объединения родов образуется селение, а из объединения селений город-государство. Основой его существования должна быть способность к самоудовлетворению — αὐτάρχεια (III, 1, 8, p. 1275 b 20—21, ср. III, 5, 13, p. 1280 b 33). Оно имеет в виду общую пользу («Никомахова этика», VIII, 11, 4, p. 1160 a 9—15). В целях самосохранения государство должно быть не слишком малым, но и не слишком большим («Политика», VII, 4, 2—3, p. 1326 a 5—6; «Этика», IX, 10, p. 1170 b 31—32).

Аристотель создавал свою теорию на основании исторического наблюдения и различал формы государств по

¹⁹ См. С. Ф. Кечекьян. Учение Аристотеля о государстве и праве. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1947; Г. Ф. Александров. Аристотель. Философские и социально-политические взгляды. Соцэкгиз, М., 1940; T. A. Sinclair. A history of greek political thought. London, 1951, pp. 209—238; N. L. Newman. The politics of Aristotiel, 4 vv. Oxford, 1887—1902; W. Oncken. Die Staatslehre des Aristoteles. 2 Hälfte. Leipzig, 1870—1875; R. Weil. Aristote et l'histoire. Essai sur la Politique. Paris, 1960.

²⁰ К. Маркс считал это определение Аристотеля характерным для гражданина городской республики. См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 338, прим. 13.

признаку количества участвующих в управлении: если правит один, это монархия; если только знатные — аристократия; если весь народ, это самая нормальная система управления — «полития». Но каждая из этих форм может подвергнуться извращению, и тогда возникают формы ненормальные — тирания, деспотическое управление, олигархия — правление кучки крупных богачей, и «демократия», или точнее «охлократия», господство толпы («Политика», III, 5, 1—4, p. 1279 *a* 25—*b* 10; IV, 2, 1—5, p. 1289 *a* 26—*b* 26).

Определяя свойства каждой из этих форм, Аристотель показывает, как они развиваются и какие условия приводят их к гибели. Сам он — сторонник умеренности и отдает предпочтение средней форме, умеренной демократии, основанной на невысоком цензе, которую он называет «политией» (III, 7, 5, p. 1283 *a* 17—20; IV, 4, 3, p. 1291 *b* 39). В демократическом строе он наблюдает много разновидностей; и все-таки полное осуществление гражданских прав он видит только при демократии (III, 1, 6, p. 1275 *b* 5—6). Типичной чертой рабовладельческой идеологии Аристотеля является то, что идеальную жизнь гражданина он представляет не иначе, как свободную от ремесленного или физического труда (III, 3, 2, p. 1278 *a* 8—9).

Большое значение Аристотель придает воспитанию граждан. Об этом он говорит в конце VII и в VIII книге «Политики», но еще специально останавливается в «Этике» (см. гл. XVIII, стр. 500—501). В VII и VIII книгах «Политики» Аристотель пытается набросать план наилучшего государственного устройства. «Единственное само по себе счастливое государство, — говорит он, — будет то, которое явно имеет хорошее управление, если возможно государству жить самостоятельно и пользоваться хорошими законами, и строй которого обращен не на войну и не на подчинение врагов... Хороший законодатель должен иметь в виду государство и человеческий род и всякое другое объединение, так чтобы люди имели участие в хорошей жизни и в предоставляемом им благополучии» — εὐδαιμονία (VII, 2, 9—10, p. 1325 *a* 1—10). В связи с этим он и рассматривает вопросы воспитания и входящую в него задачу искусства (см. гл. XI).

Любопытно, что в системе Аристотеля намечается уже проблема разделения властей — совещательной (законодательной), управленческой (исполнительной) и судебной («Политика» IV, 11, 1, p. 1297 *b* 41—1298 *a* 3). Это — то, что впоследствии было провозглашено Монтескье.

Понимание сущности права Аристотель изложил главным образом в «Этике». Право, по его мысли, есть выражение справедливости и теснейшим образом связано с организацией государства, так как преследует цель общего блага. Закон имеет в виду не частные случаи, а общие явления («Этика», V, 1, 3, р. 1129 *b* 14—19; 10, 3—6, р. 1137 *b* 11—29). Аристотель отличает положительное право, выражающееся в писаных законах, от естественного или нравственного, причем настаивает на соблюдении не буквы закона, а его смысла, тем более, что писаный закон не может предусмотреть всех случаев жизни («Этика», V, 10, 3—8, р. 1137 *b* 12—р. 1138 *a* 3; «Риторика», I, 13, р. 1374 *b* 11—16). Сама же политическая справедливость определяется законом («Политика», I, 1, 12, р. 1253 *a* 37—39). Наказание он строго отличает от мщения: первое имеет в виду интересы общества и исправление виновного, а второе есть результат личного чувства, гнева или раздражения («Риторика», I, 10, р. 1369 *b* 12—16).

Ограниченностью античного мирозерцания объясняется то, что Аристотель везде говорит только о свободных и равных. Государство он мыслит, как союз равных, и имеет в виду достижение блага только таких людей и не учитывает противоречия интересов разных общественных групп («Политика», III, 7, 1—2, р. 1282 *b* 14—30).

«У Аристотеля мы находим, — говорит советский исследователь, — зачатки учения о преступлении и наказании, один из первых опытов разработки уголовно-правовой теории. Ставя задачей добиться классового мира и обеспечить его среди свободных, Аристотель, естественно, должен был уделить внимание не только вопросу о воспитании граждан, но и о воздействии карательных органов государства на поведение граждан»²¹. Аристотель в своих многочисленных сочинениях обследовал разнообразные стороны общественной жизни и поставил перед своими продолжателями большие задачи.

Представляя себе вполне конкретно жизнь государства, Аристотель уделяет много внимания экономической стороне. Он решительно заявляет, что уклад жизни народа определяется образом питания («Политика», I, 3, 4, р. 1256 *a* 20) и что люди живут так, как велит им нужда — одни ведут кочевой, другие охотничий, третьи земледельческий, оседлый

²¹ С. Ф. Кечекьян. Учение Аристотеля о государстве и праве, стр. 102.

образ жизни, иные занимаются морскими промыслами или даже грабежом (I, 3, 5, р. 1256 *b* 6—7). Но, конечно, ни одно хозяйство не может воспроизводить всего ему необходимого, и каждое получает разные продукты и в неравном количестве, а это делает необходимым взаимный обмен — простейшую форму торговли (I, 3, 12, р. 1257 *a* 25—26). Аристотель тонко заметил, что всякая вещь имеет двойное применение — или по прямому своему назначению, или по сравнению с другими вещами и в таком случае получает значение той или другой ценности. Например: один дом — пять кроватей, или на деньги — пять мин («Этика», V, 5, 16, р. 1133 *b* 26—28). Вещь, предназначенная для обмена, становится товаром, а монета — единицей соизмеримости (V, 5, 14, р. 1133 *b* 16)²². Неудобство простой формы товарообмена, особенно в условиях заграничной, по преимуществу заморской, торговли, привело к изобретению условной единицы ценности — монеты (*νόμισμα*), то есть металлической пластинки, ценность которой подтверждается государственным клеймом («Политика», I, 3, 13—14, р. 1257 *a* 25—41). Пользование монетами дало возможность копить деньги в неограниченном количестве. Тогда уже целью для некоторых людей стал не обмен равноценных вещей, а получение наибольшей прибыли, «прироста» (*τόκος*), то есть процента, «денег от денег» (I, 3, 23, р. 1258 *b* 7). За этой ненасытной и противоестественной страстью к наживе (хрематистикой) следует жажда чувственных наслаждений и т. п., — все то, что разрушает нормальный порядок общественной жизни (I, 3, 17—20, р. 1257 *b* 17 — р. 1258 *a* 18).

Эти интересные наблюдения Аристотеля получили высокое признание К. Маркса в «Капитале»²³. Если Аристотель еще не мог определить подлинную основу этих соотношений, то К. Маркс указал ее: «...это — человеческий труд»²⁴.

Македонское завоевание расширило пределы распространения греческой культуры, но не изменило основ рабовладельческого строя. Произошло лишь перемещение центров²⁵. После смерти Александра его монархия распалась на несколько более или менее крупных государств по преимуществу монархических, но политическая форма полиса со-

²² См. К. Маркс. Капитал. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 69.

²³ Там же, стр. 68—69, 95, 163, 175.

²⁴ Там же, стр. 69.

²⁵ См. Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 643.

хранилась даже и в условиях зависимости. Экономический упадок и крайнее обострение классовых противоречий еще в IV в. до н. э. находили выражение в речах политических ораторов Исократ, Демосфена, Гиперида, Ликурга, Эскина. К III в. до н. э. относятся попытки оздоровления социальных условий — реформы спартанских царей Агиса IV в 243 г. и Клеомена III в 227 г., которые пытались провести передел земли и расширить круг полноправных граждан, но погибли в борьбе с враждебными силами. Кратковременный успех имела там же тиранния Набиса во II в. до н. э. Богатые люди, чувствуя шаткость своего положения, обратились к чужеземной помощи, как прежде к Македонии, так теперь к Риму. Эта «помощь» и превратилась в полное подчинение и Македонии, и всей Греции Риму в 146 г. до н. э., несмотря на упорное сопротивление союзов Этолийского и Ахейского. Из богатой политической литературы времени эллинизма нам известны почти только имена Феофраста, Дикеарха, Аристоксена, Деметрия Фалерского. О Полибии мы скажем позднее в связи с развитием политической мысли в Риме. Типичен для этого времени политический упадок пессимизм и стремление уйти от политической жизни.

Прогрессивная мысль V в., ставившая выше государственных рамок идею «человечности», получила широкое признание в эпоху эллинизма. А развитие более тесных связей с другими народами привело к идее международного, общечеловеческого единения. С другой стороны, разочарование в современной действительности и в силах государства-города порождало идеи анархизма и космополитизма в философских учениях киников и стоиков. Обе эти школы ставили идеалом жить по природе, то есть, как жили люди до образования государства.

Известный киник Диоген из Синопы (конец IV в. до н. э.) говорил о необходимости «переоценки ценностей» — *παραχρηστέω τὸ νόμισμα* (точнее: «перечеканивать монету») и отвергал значение государства, законов и собственности. «У меня нет отечества, — говорил другой представитель школы киников Кратет в начале III в. до н. э. — весь мир для меня отечество» (фр. 17). Протесты против роскоши богатей и против социального неравенства изливал поэт-киник Керкид из Мегалополя в своих «Мелиямбах» (III в. до н. э.). Он принимал деятельное участие в борьбе своего города за независимость. Но киники, пренебрегавшие всеми достижениями культуры, не могли дать сколько-нибудь развитого учения о государстве.

Учеником Кратета был Зенон из Кития (335—263 гг. до н. э.) — основатель школы стоиков. Полное развитие учению этой школы дал Хрисипп (280—207 гг. до н. э.). Его учение исходит из признания высшим законом «закона природы» — *φύσει νόμος*²⁶. «Мир, по этой теории, есть как бы общий дом богов и людей или город тех и других. Ведь только люди, обладающие разумом, живут по праву и по закону» (Цицерон, «О природе богов», II, 62, 154). Этим самым уже исключается различие расы и пола. Возвращаясь к мысли Пифагора, Зенон видит в жизни людей великую красоту и порядок — «космос» (Плутарх, «О счастье или добродетели Александра», I, 6, р. 329 A—D), что, однако, не мешает допускать существование отдельных полисов. Впрочем, позднейшие представители школы стоиков, как Панетий и Сенека, стали делать упор на превознесение роли «мудреца», выделяя его из остальной массы людей и, подобно Платону, мечтали о правлении «мудрых». А римская империя, достигнув мирового значения, стала как будто реальным осуществлением идеи «государство — весь мир».

Неудовлетворенность окружающей действительностью заставляла искать осуществления лучших надежд в мире воображения. Нам известны в греческой литературе некоторые данные о таких «утопических романах». Такова «Священная надпись» Эвгемера, где описывается прекрасная жизнь на чудесном острове Панхее (Диодор, V, 41—46). Подобная же «утопия», «Государство солнца» Ямбула (Диодор, II, 55—60), вдохновила грандиозное восстание рабов и свободной бедноты в Малой Азии под начальством Аристоника в 133—130 гг. до н. э., мечтавших установить на земле «государство солнца», где бы царил общее равенство и счастье²⁷. К сожалению, оба эти сочинения известны нам только по кратким заметкам историка Диодора (конец I в. до н. э.).

Правовые и политические представления греческого народа и его выдающихся мыслителей нашли благоприятную почву у римского народа, который воспринял их и как бы заново, оригинально переработал, так что созданное им римское право может считаться основой всего законодательства современной Европы. Строгая точность и склонность к формализму были свойственны римскому народу с древней-

²⁶ Н. und M. Simon. Die alte Stoa und ihr Naturbegriff. Ein Beitrag zur Philosophiegeschichte des Hellenismus. Berlin, 1956, SS. 70—84.

²⁷ См. Р. Пёльман. История античного коммунизма и социализма, стр. 492.

ших времен и соединялись у него с трезвым взглядом на жизнь. Это хорошо видно в римской религии, которая похожа на юридические сделки. С этой точки зрения интересно замечание В. Г. Белинского в статье «Общее значение слова литература»: «...лучшее и величайшее произведение римлян был кодекс Юстиниана — плод исторического развития римской жизни»²⁸.

Древнейшей формой правосознания римского народа, унаследованной от времен доклассового общества, было «обычное» право — *mos maiorum*. Этот неписаный закон первое свое выражение нашел во «власти отца» — *patris potestas*, которая давала отцу «право жизни и смерти» в пределах семьи — *ius vitae et necis*. Зародившись в пору родового строя, оно сохранялось формально до поздних времен античного мира (Дионисий Галикарнасский, «Римские древности», II, 26, 4—6; 27)²⁹. Ф. Энгельс, говоря о первобытной семье, замечает, что «законченным типом этой формы семьи является римская семья»³⁰.

Римская семья включала в свой состав не только родителей, детей и ближайших родственников, но и рабов, а также некоторых посторонних людей, так называемых клиентов. Клиенты, как показывает этимология этого слова, — люди «послушные», свободные, но по каким-либо соображениям искавшие у «отца семьи» (*pater familias*) покровительства, и тот в качестве «патрона» (слово произведено от *patet* «отец») стал им вместо отца — *in patris loco*. Эти отношения ставились под охрану религии, и патрон, нарушивший святость их, подлежал проклятию, обрекался подземным богам — *sacer esto*. Со своей стороны и клиент брал на себя обязательства, как по отношению к отцу. Такие отношения между патроном и клиентом держались до конца республики и постепенно сменились отношениями экономической зависимости, причем клиент превратился в жалкого прислужника, паразита, живущего подачками.

Поскольку владение предметом осуществляется рукой, рука (*manus*) стала с течением времени символом владения и власти; отсюда «взятие рукой» (*manu capere*) становится выражением права собственности, и слово *mancipium* уже

²⁸ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, стр. 632. Ср. стр. 123: «...римляне — по преимуществу народ гражданского права».

²⁹ См. кн.: «Древний мир в памятниках его письменности». т. III, стр. 20—22.

³⁰ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 61.

означает принадлежащую кому-нибудь вещь, в частности — раба. А сами вещи с юридической точки зрения различаются, как такие, которые можно взять рукой (*res mancipi*) — недвижимая собственность, рабы, скот и т. п., и такие, которые не могут быть взяты рукой — наследство, обязательства и т. п. (*res nec mancipi*) (Гай, «Институции», II, 12—22)³¹.

Эти отношения собственности переносятся и на семью. Сын находится «в руке отца» — *in manu patris*, жена «в руке мужа» — *in manu mariti*. Отказаться от права собственности — значит: «отпустить рукой» — *manu mittere*, и отпущение раба на волю называлось *manumissio*. Соответственно этому освобождение жены от власти мужа, допускавшееся при некоторых условиях, называлось *emancipatio*. Суровость права отца уже «законами XII таблиц» была смягчена условием, что если отец трижды продаст сына, а покупатель трижды отпустит его на волю, сын освобождается от власти отца (таблица IV, 2). С течением времени эта форма превратилась в фикцию.

Римская историческая традиция приписывала царям всю полноту власти гражданской, военной и религиозной и с их именами связывала создание первых неписаных законов³². Шестому царю Сервию Туллию приписывается цензовая организация гражданского населения, близко напоминающая систему Солона в Афинах. Современная критика склонна относить ее к периоду республики, так как цензовая система предполагает уже развитие денежного хозяйства, причем счет ведется не по первоначальной стоимости фунтового асса, а по позднейшей, более низкой³³.

Ввиду того, что знание и истолкование права в древнейшие времена считалось достоянием старейшин и особенно жрецов, оно получило религиозный отпечаток, и судопроизводство начиналось принесением присяги. Еще и во времена Цицерона изучение права находилось по преимуществу в руках коллегии понтификов.

Об этих правах первобытных времен нельзя не вспомнить рассказа Горация в одном из его стихотворных «Посланий» (II, 1, 103—107):

³¹ Р. Зом. Институции, ч. I, (русск. пер.). СПб., 1908, стр. 44, 46; ч. 2. СПб., 1910, стр. 164.

³² С. G. Grun s. Fontes iuris Romani antiqui. Tubingae, 1909, pp. 1—14.

³³ См. Н. А. Машкин. История древнего Рима. Изд-во АН СССР, М., 1950, стр. 113—115; А. И. Немировский. История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства. Воронеж, 1962, стр. 228—230.

В Риме был долго обычай хороший, — открывши дверь дома.
Утром за дело садиться — права объяснять ли клиенту,
Деньги ль ссудить кому в долг, обеспечив надежной порукой,
Слушать советы старейших, а младшим давать наставленья,
Как достоянье умножить, и страсть дорогую умерить.

С установлением республики было проведено разделение власти: военные и судебные обязанности возложены на двух консулов, религиозные — на «царя-жреца» — *rex sacrificulus*. Одним из первых республиканских законов был закон, гарантировавший гражданину сохранение жизни и имущества — право в случае жестокого приговора обратиться за помощью непосредственно к народу — *ius provocacionis ad populum* (Ливий, II, 8, 2), и этот закон сделался основой всего гражданского права Рима.

Вместе с тем с самого начала римского государства мы видим борьбу между двумя группами свободного гражданского населения — между плебеями и патрициями. Название патрициев не возбуждает сомнения: оно явно происходит от слова *patres* «отцы», как эти люди часто именуется в литературе, и имеет значение «отцовские люди», то есть люди, которые могут указать своих отцов — *qui patrem sicere possunt* (Ливий, X, 8, 9—10). Это заставляет видеть в них старейшин древних родов. Сложнее вопрос о плебеях, и ученые высказывали весьма различные мнения о их происхождении. Одни считали их остатками первоначального, покоренного населения, другие — освободившихся от зависимости клиентов, третьи видели в них остатки старого экономически закабаленного населения и т. п.³⁴. Несомненно, однако, что в понятиях римлян они представлялись людьми «безродными», не имеющими родовой организации — *plebei gentem non habent* (Ливий, IV, 2, 5—6; X, 8, 9—10). Русский ученый Д. Л. Крюков в 1845 г. обратил внимание на религиозные различия между патрициями и плебеями, а другой наш специалист И. В. Нетушил пришел к заключению, что плебеи, не имеющие рода отцовского, были потомками родов материнских — от времен матриархата³⁵.

Восстание плебеев против произвола патрициев в 494 г. до н. э. привело к созданию должности народных трибунов спе-

³⁴ См. Н. А. Машкин. История древнего Рима, стр. 110—112; И. А. Покровский. История римского права, изд. 3. Пг., 1917, стр. 18—21; М. Целлер. Римские государственные и правовые древности (русс. пер.). М., 1894, стр. 15—20.

³⁵ См. И. В. Нетушил. Обзор римской истории, изд. 2. Харьков, 1916, стр. 11—12.

циально для защиты прав плебеев, причем личность трибуна ограждалась правом религиозной неприкосновенности (*sacrosanctus*) и ставилась под защиту религиозного проклятия в случае нарушения. Так как защита прав плебеев может быть верной только в их собственных руках, занятие этой должности считалось недопустимой для патрициев (Ливий, II, 33, 1). Наделенные первоначально лишь отрицательным правом запрещения — *veto*, трибуны постепенно расширили свои полномочия до общегосударственной должности, особенно с тех пор как постановление плебейского собрания — «плебисцит» — получило общеобязательную силу для всего государства в 339 и 287 г. до н. э. (законы Публилия Филона и Гортенсия).

Бесправие плебеев усиливалось отсутствием писаных законов. Облегчение наступило с изданием так называемых «законов XII таблиц» в 449 г. до н. э. Эти законы были составлены специальной комиссией «десяти мужей» — децемвиров — по образцу законов Солона (Ливий, III, 31—58); на 12 бронзовых досках было опубликовано применявшееся ранее обычное право с некоторыми дополнениями, отвечавшими назревшим потребностям. Среди законов бросается в глаза сохранение во всей жестокости первобытного долгового права: раз получено признание ответчиком задолженности, по истечении тридцатидневной отсрочки следует «наложенные руки» на виновного и, если не найдется человека, готового дать выкуп, на осужденного налагаются оковы весом не более 15 фунтов, а на пропитание кредитор обязуется выдавать по фунту полбы в день (III, 3); в каждый базарный день (нундины) полагается выводить кабального на базар в расчете, что кто-нибудь сжалится над ним, а на третьи нундины кредиторы «режут его на части» (III, 6). Хотя, как уверяют римские писатели, на деле такая расправа не применялась, в законах она предусмотрена. Наследием глубокой старины было право за телесное повреждение воздавать «такой же» — *talio esto* — мерой (ср. вавилонское и еврейское «око за око», «зуб за зуб» (VIII, 2). Однако в той же таблице за членовредительство предусматривается и штраф — 300 ассов за свободного и 150 за раба (VIII, 3). Законы признают также право завещаний (V, 3). Типично римские черты видны в законах об обязанностях патрона по отношению к клиенту (VIII, 21) и об отношении отца к сыну: «...если отец трижды продаст сына, сын да будет свободен» (IV, 2). Браки между патрициями и плебеями не признаются законными (XI, 1). Характерной чертой римского законодательства даже на ран-

ней ступени есть стремление строго держаться формы: «когда совершит сделку и куплю, да будет правом то, как он определит вещь на словах» (VI, I) ³⁶.

При всей грубости, неполноте и несовершенстве эти законы сыграли очень большую роль в истории римской культуры. Ливий говорит, что эти законы «еще и теперь (в эпоху Августа) в бесконечной груде законов, нагроможденных друг на друга, являются источником всего общественного и частного права» (III, 34, 6). А Цицерон, вспоминая свои школьные годы, рассказывает, что мальчики «разучивали», как обязательную песню, эти законы («О законах», II, 23, 59). И несмотря на такую ценность этих законов, текст их не сохранился полностью, и мы знаем его лишь по отрывкам, сохранным позднейшими учеными, которые много занимались толкованием их ³⁷.

После опубликования «законов XII таблиц» для простых людей оставалось много трудностей в осуществлении своих прав, особенно потому, что им были неизвестны многие тонкости судопроизводства, формулы и даже сроки судебных заседаний. Поворот наступил в 304 г. до н. э., когда человек простого звания Гней Флавий, состоявший секретарем (*scriba*) у прогрессивно настроенного патриция Аппия Клавдия, «опубликовал гражданское (цивильное) право, остававшееся скрытым в недрах дома (*in penetralibus*) понтификов» (Ливий, IX, 46, 5, ср. «Дигесты», I, 2, 7). В 253 г. до н. э. Тиберий Корунканий, первый из плебеев занявший должность великого понтифика, стал публично давать разъяснения правовых вопросов («Дигесты», I, 2, 8, 38), а в 198 г. до н. э. Секст Элий Пет написал уже книгу с объяснениями «законов XII таблиц» и формул юридических сделок и исков. Это сочинение впоследствии считалось «пеленками» (*incunabulae*), «элиевым правом» («Дигесты», I, 2, 2, 4, 7; I, 2, 2, 38). Вопросами права стали заниматься видные политические деятели, как М. Парций Катон Старший; особенную известность получили понтифики: Публий Муций Сцевола (141 г.) и Квинт Муций Сцевола (102 г.). Последний опубликовал в 18 книгах систематическое изложение действовавшего гражд-

³⁶ Текст см. у С. G. G u n s. *Fontes iuris Romani antiqui*, pp. 15—40; Б. В. Никольский. Система и текст XII таблиц. Исследование по истории римского права. СПб., 1897. Полный перевод всех отрывков см. в кн.: «Древний мир в памятниках его письменности», т. III, стр. 113—128; «Хрестоматия по истории древнего Рима», под ред. С. Л. Утченко. Изд-во АН СССР, М., 1962, стр. 62—72.

³⁷ О тексте см.: И. А. Покровский. История римского права, стр. 85—88.

данского права, послужившее затем основой для всех трудов последующего времени («Дигесты», I, 2, 2, 8, 41).

Значительная часть законодательных актов известна нам по сообщениям писателей — Ливия, Цицерона, Диодора, Аппиана и других, а также через разных собирателей старины — Валерия Максима (I в. н. э.), Авла Геллия (II в. н. э.), Макробия (IV в. н. э.), Августина (354—430 гг. н. э.) и других. Немало постановлений дошло до нас в подлинном виде в надписях³⁸.

Борьба плебеев с патрициями продолжалась с 494 по 300 г. до н. э. и кончилась победой и полным уравнием в правах за исключением доступа к некоторым не имевшим значения жреческим должностям. В процессе этой борьбы и происходившего одновременно роста населения и занимаемой им области устанавливалось государственное управление и круг правящей магистратуры. Так, помимо консулов и народных трибунов появились с 443 г. цензоры, с 367 г. — преторы и курульные эдилы, в исключительных случаях назначались диктаторы и некоторые другие «экстраординарные» сановники. Все они обладали правом в пределах своей компетенции издавать приказы — «эдикты» (*ius edicendi*). Для установления правовых норм особенно важное значение имели преторские эдикты.

Когда была установлена должность одного претора, на него было возложено судопроизводство в городе — *qui ius in urbe diceret* (Ливий, VI, 42, 11). Это не требовало самостоятельного разбирательства дел, а общего руководства или председательства в судебной комиссии. Но, обладая не только гражданской (*potestas*), но и военной (*imperium*) властью, претор мог в некоторых случаях замещать консула и в военном командовании, и в качестве председателя сената и центуриатных комиций. А по мере того, как в Риме стало появляться все больше свободных иностранцев — *peregrini* (отсюда русск. *пилигрим*), у которых стали возникать тяжбы и между собой и с римскими гражданами, для разбирательства таких дел была введена в 246—242 гг. до н. э. должность второго претора — *praetor peregrinus*, тогда за первым были оставлены только споры между гражданами и он стал называться «городским» — *praetor urbanus*. Впоследствии число преторов было еще увеличено для выполнения специальных задач, например, в качестве наместников в Сардинии и Корсике и т. п. С учреждением в 149 г. до н. э. «постоянных

³⁸ C. G. Bruns. *Fontes iuris Romani antiqui*, pp. 48—159.

судебных комиссий» (*quaestiones perpetuae*) по особо важным делам руководство ими вошло в круг обязанностей преторов. Сулла в годы своей диктатуры (82—79 гг.) увеличил состав их до 8, а при Августе их было уже 16.

Сменявшиеся ежегодно преторы имели возможность не только издавать каждый раз свои новые эдикты с указанием правил, которыми они намерены руководствоваться в течение своего служебного года, но и подтверждать, если находили нужным, эдикты своих предшественников. Так получался последовательный ряд эдиктов — *edictum perpetuum*, который совмещал в себе опыт многих поколений и содержал разъяснения и дополнения к существующему праву. Из этого достаточно ясно, каким важным юридическим документом становились эти эдикты. Разумеется, преторы при составлении эдиктов широко пользовались советами опытных людей (*prudentes*) и юристов (*iurisconsulti*). Об этом неоднократно говорит и Цицерон.

Городской претор, имея дело с гражданами, естественно пользовался «квиритским», то есть римским гражданским, «цивильным» правом. Наоборот, peregrinский претор должен был считаться с законами и обычаями других народов, поскольку рассматривал споры peregrinов — иностранцев. Это была уже область общенародного права — *ius gentium*, в создании которого важное значение имела греческая философия. Соответственно с этим Цицерон различал два вида права: «Нашим предкам угодно было один вид права признать общенародным, другой — гражданским; гражданское не тождественно с общенародным, но общенародное должно быть и гражданским» («Об обязанностях», III, 17, 69). Большое количество эдиктов сохранено поздними юристами³⁹.

Из греческих деятелей, оказавших сильное влияние на формирование римской государственной мысли среди передовой аристократии, видное место принадлежит историку Полибию (см. гл. VI) и философу стоической школы Панетию. Цицерон сохранил воспоминания о частых беседах их с Сципионом Эмилианом («О государстве», I, 21, 34). Полибий, воспитанный в духе учений Аристотеля и других философов, в истории видел практическую пользу для политики (I, 1, 1) и, приступая к своему труду, заявлял, что вряд ли найдется хоть один человек, которому не было бы полезно знать историю последних 53 лет, с 219 по 167 г. (I, 1, 5; VI,

³⁹ C. G. Bruns. *Fontes iuris Romani antiqui*, pp. 211—237.

1, 3). А это, как мы знаем, было временем, когда создавалось могущество Рима. В противоположность Аристотелю, он видит начало государственности не в прирожденной человеку способности к политической жизни, а в сознательном расчете *λογισμός* (VI, 6, 4), в понимании пользы. В оценке явлений Полибий ищет исторический подход: «Всякое дело, если его рассматривать в связи с его временем, получает здравое признание или осуждение» (VI, 11, 10).

Подобно Платону («Законы», IV, 5, р. 712 D), Полибий идеализировал спартанский строй, видя в нем объединение монархии, аристократии и демократии (VI, 10). Такое объединение трех лучших форм он считал залогом прочности (VI, 3, 5—7). Он предвидел опасность такого случая, когда какой-нибудь из означенных элементов получит одностороннее преобладание, так как это приводит к установлению извращенного порядка и бывает началом дальнейших переворотов — к круговороту правлений *ἀνακόλλησις* (VI, 9, 10). С этой точки зрения его поражает стройность и прочность римского государства в пору войны с Ганнибалом (VI, 11, 1), явившегося образцом органического взаимодействия трех лучших государственных форм: «Все в свою меру было так ровно и надлежащим образом установлено и распределено между отдельными властями, что никто даже из местных граждан не мог бы сказать точно, каков этот строй в целом — аристократический, демократический или монархический. И это естественно. Когда внимательно приглядеться к власти консулов, этот строй мог бы казаться чисто монархическим и царским, а если приглядеться к власти сената, то, наоборот, аристократическим; когда же станешь рассматривать власть народа, строй станет казаться явно демократическим» (VI, 11, 11—12). После такой общей характеристики Полибий дает обстоятельный очерк всего управления Рима в его время⁴⁰.

Школа стоиков, как мы видели, получила распространение в Риме в середине II в. до н. э. Однако идеал космополитизма Панетий (185—109 гг. до н. э.) признал неосуществимым, хотя допускал при наличии отдельных самостоятельных городов общность всего человеческого рода (Цицерон, «Об обязанностях», I, 41, 149). Нормой справедливости он считал разум и природу — *λόγος* и *φύσις*. Другой представитель школы стоиков Карнеад (214—129 гг. до н. э.) стал доказывать

⁴⁰ См. В. П. Бузескул. Введение в историю Греции, изд. 3. СПб., 1915, стр. 179—204; Ф. Г. Мищенко. Федеративная Еллада и Полибий. Введение к переводу «Всеобщей истории Полибия», т. I. М., 1890.

условность понятия справедливости, так как то, что хорошо для одного, оказывается несправедливым для другого, и, если бы осуществлять справедливость, римлянам пришлось бы отказаться от всех своих владений, а богатым от своих богатств (Цицерон, «О государстве», III, 6, 9; 7, 10; 20—22). Но в учении стоиков была еще одна черта, которая могла сыграть опасную роль в дальнейшем: Посидоний (135—51 гг. до н. э.), исходя из мысли о значении «мудреца», рисовал в духе Платона идеал мудрого правителя и даже просвещенного монарха (Сенека, «Письма к Луцилию», XIV, 2 (90), 5).

Эпикурейская философия, выступившая с мыслью об уходе от треволений политической жизни («проживи незаметно»), представила в поэме Лукреция блестящую картину первобытной жизни человека (V, 925—1160). Поэт выставил на первый план значение дружбы, как прирожденного чувства человека, которое и служит основой для государственного общения (V, 1019—1020). Так, наконец, они стали строить города (V, 1108), установили права и законы (V, 1144), отказались от применения силы (V, 1150) и т. д.

Учеником Посидония был Цицерон. Как политический деятель он конечно не мог принять мысль старших стоиков об уходе от политической деятельности и связывал свои философские взгляды с практической деятельностью — сначала как представитель сословия всадников, а со времени консульства (63 г. до н. э.) как поборник идеи «согласия сословий» — *consociatio ordinum*. Понятно, что он глядел на окружающий мир глазами собственника, усвоившего чисто римское представление о власти — *imperium* и в подчинении народов Риму видел для них благодеяние. Впрочем эта мысль у него смягчалась общим гуманным мировоззрением.

Цицерон оставил большое число речей, в которых нередко останавливается на разъяснении спорных юридических случаев и на истолковании законов. Много занимался он и теоретической стороной дела, особенно в сочинениях «О законах», «Об обязанностях», «О государстве», «Об ораторе» и т. д. Учения греческих философов он старался приспособить к римским условиям. Он повторяет учение стоиков о сущности закона: «Истинный закон есть правильный разум, согласный с природой, распространяющийся на всех, постоянный, вечный, такой, который призывает к исполнению обязанностей приказанием, запрещением отвращает от проступка» («О государстве», III, 22, 33). Он с чисто национальной гордостью ставит римское законодательство выше всех других — Ликурга, Драконта и Солона — и говорит даже, что у тех граж-

данское право было еще «неупорядоченным и почти смешным» («Об ораторе», I, 44, 197). «Наилучший государственный строй,— говорит он,— это тот, который оставили нам наши предки» («О государстве», I, 21, 34). К старому учению теории естественного права он делает существенную поправку относительно руководящей всеми мысли о личной пользе: «Хотя люди и собирались вместе, руководимые природой, все-таки они в надежде на охрану своего достоинства искали защиты в городах» («Об обязанностях», II, 21, 73). Следуя изгибам Полибия, он устами Сципиона Эмилиана провозглашает принцип смешения и слияния трех лучших политических форм. Конкретно это представляется ему, как «соглашение между народом и могущественными людьми» — *ratio inter populum et potentes* («О государстве», III, 13, 23). В трактате «Об обязанностях», написанном после смерти Юлия Цезаря, он клеймит его, как тиранна, «который нарушил все божеские и человеческие права» (I, 8, 26). Цицерон ставит перед нами вопрос: что же такое право? Он приходит к заключению, что «в праве всегда искали справедливого (*aequabile*), так как иначе оно и не было бы правом» («Об обязанностях», II, 12, 42). Он говорит уже о науке права, которую надо черпать в глубинах философии («О законах», I, 5, 17, ср. «Об обязанностях», III, 17, 68). А содержание гражданского права он видит в том, «что заключается в законах, в постановлениях сената, в рассмотренных судом делах, в авторитетных высказываниях знатоков права, эдиктах должностных лиц, в обычае и справедливости» («Толика», 5, 28).

В наших целях было проследить, как возникли в древнем Риме первые законодательства, права и законы, с которыми тесно связаны и главные политические учения, но в нашу задачу не входит полное рассмотрение истории и теории римского государства и права, что подробно освещается в специальных сочинениях⁴¹.

Понятие закона (*lex*) у римлян имело более широкое значение, чем у греков: так называлось не только принятое постановление народного собрания (*комиций*), но и внесенное предложение—с тем лишь различием, что последнее до при-

⁴¹ Основным и непревзойденным остается до сих пор труд: Th. Mommsen. *Römisches Staatsrecht*, 3 Bände, 3-te. Aufl. Leipzig. 1887—1888. Ср. его же. *Römisches Strafrecht*. Leipzig, 1899; W. Kunkel. *Römische Rechtsgeschichte*. Münster, 1956; С. Л. Утченко. Идейно-политическая борьба в Риме накануне падения республики. Изд-во АН СССР, М., 1952; И. Б. Новицкий. Основы римского гражданского права. Юриздат, М., 1956; И. А. Покровский. История римского права. Пг., 1917; В. М. Хвостов. История римского права, М., 1919.

нения не подлежало исполнению. В начальную пору республики постановление центуриатных комиций нуждалось еще в утверждении сената, но с 287 г. такое согласие давалось уже наперед — *in incertum comitiorum eventum*. По мере усиления плебеев такую же общеобязательную силу получили постановления плебейских собраний (*plebi scita*) и трибутных комиций, согласно закону Валерия и Горация 449 г. и Публилия Филона 339 г. до н. э. (Ливий III, 55, 3; VIII, 12, 14—15). Окончательно постановление плебейского собрания получило силу закона в 287 г. по предложению Гортенсия (Плиний, «Естественная история», XVI, 37; Гайй, «Институции», I, 1, 3). Большое значение, почти равное закону, имели постановления сената — *senatusconsulta*. Однако руководящая роль в государстве оставалась за сенатом, и потому формулой римского правительства было: *senatus populusque Romanus* или коротко: *SPQR*.

Приведенное определение понятия закона, как можно видеть, вытекает непосредственно из живой практики, которая сама определялась соотношением классовых сил. В этой связи интересно привести замечание К. Маркса и Ф. Энгельса в «Коммунистическом манифесте» о сущности закона в буржуазном обществе: «...ваше право есть лишь возведенная в закон воля вашего класса, воля, содержание которой определяется материальными условиями жизни вашего класса»⁴². Вся история античного права и законодательства подтверждает эту мысль.

Важнейшим вопросом римской жизни был вопрос о правах гражданина: В римской юридической терминологии вся совокупность физических и моральных свойств человека обозначалась словом *caput* «голова». Это включает в себя понятие свободы, гражданской полномочности, то есть право завещания, купли, продажи и т. п., право вступать в законный брак и, следовательно, иметь законных детей. Отсюда всякое посягательство на эти «личные» права считалось *crimen capitale*, как преступление против «головы» гражданина (у нас в механическом переводе получилось слово: «уголовный»). Всякое же «умаление» личных прав называлось *capitis deminutio*, которое само по себе различалось или как «величайшее», выразившееся в лишении свободы за крупное преступление против государства, «среднее» — в случае изгнания и «малое» — переход самостоятельного лица под «руку» друго-

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 443, ср. В. И. Ленин. Государство и революция. Соч., т. 25, стр. 72.

го, например, в случае «усыновления» или при замужестве женщины в результате вступления «в руку» отца семейства.

Совокупность прав гражданина (*civis*) называлась *civitas*, а в переносном значении этим словом стали называться и все граждане, обладающие этим правом, а затем и «государство» в целом. Гражданин, пользующийся всеми соответствующими правами, считался *civis optimo iure*. Главными из этих прав были: 1) право подачи голоса в комициях — *ius suffragii*, 2) право занимать высшую государственную должность, что считалось «честью» — *ius honorum*, 3) право в случае приговора, угрожающего смертью или потерей имущества, обращаться к суду всего народа — *ius provocationis ad populum*. Конечно, занятие высших государственных должностей, никак не оплачивавшееся, фактически оставалось достоянием состоятельных и знатных людей (*nobiles*), и право на них для большинства оказывалось лишь номинальным. Право же голоса было могучим средством на выборах, но в поздний период республики при общем моральном упадке оно у обездоленных бедняков превратилось в продажную ценность, которой путем всевозможных раздач и прямого подкупа избирателей стали широко пользоваться политические честолюбцы.

Распространение римского господства за пределами Италии поднимало вопрос об управлении завоеванными областями, как провинциями. За отсутствием необходимого числа регулярных должностных лиц стали прибегать к продлению полномочий в качестве заместителей — «промагистратов», и для управления стали посылать проконсулов и пропреторов. Однако история показывает, как часто эти наместники злоупотребляли своими полномочиями. Некоторые речи Цицерона, особенно речи против Верреса (70 г.), и письма из Киликии (49 г. до н. э.) говорят о страшных злоупотреблениях наместника Аппия Клавдия и других. Несмотря на специальные суды по делам о лихоимстве в ведении «постоянных комиссий», эти преступления стали бытовым явлением. Вместе с тем возникал вопрос о создании специального местного законодательства, которое бы учитывало туземные обычаи. Ряд таких законов известен по надписям в Испании, Галлии, северной Африке, Сирии, Греции и т. д. Особенно богатые материалы получены в греко-римском Египте благодаря обильным находкам папирусов. Образование греческих поселений в Египте, к которым с I в. до н. э. стали присоединяться и группы римских военных и дельцов, вызвало к жизни новые деловые отношения и вслед за ними и новые юридические

формы. В нашей науке открылись новые перспективы, и выросла значительная научно-исследовательская литература⁴³.

В первые годы после завоевания Египта Александром, преобладающая часть местного населения крепко держалась своих обычаев, и греческое право применялось главным образом лишь к греческому населению, но в дальнейшем стали пользоваться одинаково тем и другим правом. Однако в городах греки получили преобладание. Римское же управление должно было учитывать наличие этих двух элементов, а к ним присоединилось еще сильное влияние еврейской религиозной философии (Филон и другие). В результате на почве Египта встретились четыре культурных элемента, которые и придали местным отношениям совершенно своеобразный характер.

В общем на пространстве римской империи действовали четыре правовых течения: обычное, так называемое «естественное», право, цивильное «квиритское» право римских граждан, «гонорарное» (от *honor*) право, основанное на эдиктах должностных лиц, главным образом преторов, и «общенародное» право (*ius gentium*), применявшееся к «перегринам», но имевшее широкое международное значение. Уравнение — относительное, поскольку оно могло касаться только свободных — наступило лишь после того, как все свободные жители городов получили права римского гражданства — в 212 г. н. э. по эдикту императора Каракаллы. Подчинение же всех единым нормам римского права произошло лишь в силу законодательства императора Юстиниана в VI в. н. э.

Установление военной диктатуры Октавиана Августа в 30 г. до н. э. приостановило надвигавшуюся катастрофу рабовладельческого общества. Создавшиеся новые условия внесли новый круг воззрений. Сам Октавиан в составленном

⁴³ Сборник источников: L. Mitteis und U. Wilcken. Grundzüge und Chrestomathie der Papyrskunde, 4 Bände. Leipzig, 1912; R. Taubenschlag. The law of greco-roman Egypt in the light of papyri (332 b. C.—640 a. D.). Warszawa, 1955; R. Taubenschlag. Scripta Minora. 2 vv., Warszawa, 1959; Б. Н. Фрезе. О греко-египетских папирусах. Ярославль, 1908; его же. Очерки греко-египетского права. Ярославль, 1912; его же. Греко-египетские частно-правовые документы. Ярославль, 1911; А. Д. Ранович. Восточные провинции римской империи в I—III вв. н. э. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1949; его же. Эллинизм и его историческая роль. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1950; Н. Н. Пикус. Переходный период в истории эллинистического Египта. «Вестник древней истории», 1951, № 1, стр. 53—64; К. К. Зельин. Исследования по истории земельных отношений в эллинистическом Египте II—I вв. до н. э. Изд-во АН СССР, М., 1960.

им политическом завещании — «Деяниях божественного Августа» под внешним видом сохранения старых республиканских форм, которому давал скромное название принципата, старался наметить черты нового политического порядка. А поэты придворного кружка под руководством Мецената усердно прославляли создавшийся порядок, как эру всеобщего мира (pax Romana) и благоденствия, когда пахарь имеет возможность спокойно возделывать землю, ремесленник и торговец заниматься своими делами, а художник и поэт — своим искусством (о Вергилии см. стр. 28 и 91).

Примирился с режимом принципата и Гораций после своих республиканских увлечений юности и под конец стал даже певцом Августа. Он также прославлял наступление мира, символом которого было в Риме закрытие дверей храма Януса, и мирную победу над парфянами, вернувшими римские знамена, взятые в 53 г. до н. э. при разгроме армии Красса, восхвалял также попытки оздоровить пришедшие в упадок добрые нравы старины. Он писал в одной из «Од» (IV, 15, 5—12):

Твой век, о Цезарь, вновь обилием плодов
Благословил труды оратаев счастливых;
Он нашему Юпитеру вернул орлов,
Сорвавши их со стен парфянских горделивых,
И двери Януса Квирина затворил,
И обуздал и ввел в границы дух бесчинный,
Рукою мощною пороки устрасил
И доблестию нас обрадовал старинной.

(Перевод А. А. Фета с некоторыми исправлениями)

Однако с водворением принципата деятельность высших законодательных и судебных органов заменялась личными распоряжениями. Больше того, под влиянием восточных представлений о власти в римские нравы и в литературу проникает обоготворение «гения» (духа) императора, чему отдал дань уже Вергилий («Буколики», I, 6—10)⁴⁴. А при преемниках Августа это приняло уже формы самого грубого низкопоклонства, но вместе с тем и облекало видом святости их власть, как источник права. «Что угодно принцепсу, то имеет силу закона», — провозглашает юрист времени Адриана («Дигесты», I, 4, 1). В результате в империи водворяется ничем не ограниченный деспотизм, к которому временами присоединяется дикий произвол разнузданной солдатчины.

⁴⁴ См. Н. А. Машкин. Принципат Августа. Изд-во АН СССР, М., 1949, стр. 376—426, 568—581; «История римской литературы», т. II. Изд-во АН СССР, М., 1959, стр. 356—358, 372—374, 394—399.

Тем не менее общая разруха рабовладельческой системы вынуждала и людей старого закала видеть спасение в сильной единоличной власти, таков, например, Тацит («История», I, 1, 4; I, 16, 1; «Летопись», I, 9, 4—5; IV, 33)⁴⁵. Наиболее известные нам мыслители эпохи империи создали мало оригинального; они питаются главным образом наследием прошлых времен и особенно часто обращаются к учениям Платона. Так, Плутарх в трактате «О монархии, демократии и олигархии» рассматривал политические формы в духе Платона, но отдавал предпочтение монархии, а в «Политических наставлениях» проводит мысль, что руководство государством должно основываться на «суждении и разуме» (*κρίσις καὶ λόγος*), на поддержании согласия среди самих граждан, необходимую же в данное время поддержку греки могут найти у римлян, не допуская, однако, никакого унижения родины (2, р. 798 С; 18—19, р. 814 С — 816 А). В подтверждение и разъяснение своих мыслей Плутарх часто ссылается на примеры из истории Греции и Рима. Мы уже ранее (гл. VI) говорили, как широко он пользовался этим материалом в «Параллельных жизнеописаниях». Дион Хрисостом (40—112 гг. н. э.) в знаменитой «Эвбейской речи» идеализировал жизнь простых пастухов в духе стоической школы. Характерно для эпохи империи «Похвальное слово Риму» Элия Аристиды (117—189 гг. н. э.) и стихотворение такого же содержания какой-то поэтессы Мелинны. Приведенные примеры, конечно, показательны для настроения только верхов общества.

Воля императора заменила теперь власть народа, и гражданин в случае угрозы смертного приговора должен апеллировать не к народу (*provocatio ad populum*), как прежде, а к Цезарю. Примером может быть известный случай с апостолом Павлом («Деяния», 22, 25; 25, 10—12), который, ссылаясь на свои права гражданина, потребовал суда у императора. Однако важно иметь в виду, что некоторые императоры, издавая свои «законы», пользовались советами крупных знатоков права. Так, например, при Августе советниками были М. Антистий Лабен и Г. Атей Капитон, Адриан в 129 г. н. э. поручил известному юристу Сальвию Юлиану отредактировать и издать «эдикты» городских и peregrinских преторов с присоединением к ним эдиктов эдилских, и это издание было утверждено постановлением сената. Оно и под-

⁴⁵ См. И. М. Гревс. Тацит. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1946, стр. 194, 214 и т. д.

вело до некоторой степени итог всему предыдущему правотворчеству в области так называемого «гонорарного» права. Материал был распределен по содержанию на 90 книг, известных в дальнейшем под названием «Дигесты», или «Пандекты»⁴⁶.

Время империи оказалось временем расцвета римской правовой науки. Юристу Гаю (фамильное имя его неизвестно) II в. н. э. принадлежит учебник — «Институции» (*Institutionum iuris civilis commentarii quattuor*)⁴⁷, содержащий объяснения главных понятий римского права. Наибольшую славу имел Эмилий Папиниан, сотрудник императора Септимия Севера, совмещавший широкое знание греческой философии с тонким пониманием права, как выражения нравственных идей (убит в 212 г. клеветами Каракаллы). Из последующего времени нам известны отрывки из трудов Ульпиана, Павла, Модестина и других. Но они лишь перерабатывали наследство своих предшественников и не внесли ничего нового. Между тем сама жизнь с крайним обострением экономических условий и социальных отношений рабовладельческого общества требовала новых мероприятий. Важные реформы осуществлялись Диоклетианом, Константином, Феодосием и были выражены в специальных законодательствах.

Окончательный итог всему многовековому развитию римского права был подведен уже после падения западной римской империи под ударами вторгавшихся «варварских» народов распоряжениями византийского императора Юстиниана (527—565 гг.). Ввиду того что многое в действовавшем до сих пор праве утратило значение или стало непонятным, были отобраны наиболее важные и сохранившие жизненность статьи, допущены и некоторые дополнения (интерполяции) в соответствии с требованиями жизни, включены также разъяснения и ответы авторитетных специалистов (*prudentes*) и юрисконсульты. В результате в 529 и 534 гг. был издан огромный сборник, известный под названием «Свод гражданского права» (*Corpus iuris civilis*). Текст его лучше всего сохранился в флорентийской рукописи VII в. н. э. Этот «Свод» состоит из следующих частей: 1) «Институции» в 4 книгах — краткий историко-догматический учебник права, 2) «Дигесты», или «Пандекты» в 50 книгах — извлечения из трудов знаменитых юристов, подобранные в определенной

⁴⁶ См. И. С. Перетерский. «Дигесты» Юстиниана. Юриздат. М., 1956.

⁴⁷ Открытие текста этого сочинения на веронском палимпсесте в 1916 г. является заслугой Г. Б. Нибура (см. гл. VIII, стр. 198).

системе, 3) «Кодекс» в 12 книгах — сборник императорских постановлений, 4) «Новеллы» — новые постановления, изданные на греческом языке Юстинианом в качестве дополнения к основному «Своду» — 174 постановления за 533—565 гг.

Римские юристы различали «право общественное» (публичное) и «право частное»⁴⁸. «Публичное право — то, которое касается положения всего государства, частное — то, которое имеет в виду интересы отдельных лиц», — так определяется их сущность в «Дигестах» (I, 1, 1, 2). Частное право в свою очередь подразделяется на личное, вещное и исковое.

Законы, вошедшие в состав римского права, разработаны с такой методичностью и точностью, с изумительным умением частные случаи жизни подводить под категории общих понятий и, естественно, отражали материальный уклад и умственный кругозор своего времени, а в нем руководящее значение имели интересы частной собственности. Ф. Энгельс дал этому соответствующую оценку в «Анти-Дюринге»: «...римское право, совершеннейшая, какую мы только знаем, форма права, имеющего своей основой частную собственность»⁴⁹. В статье «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» он говорит, что в континентальной Западной Европе было взято за основу «римское право, с его непревзойденной по точности разработкой всех существенных правовых отношений простых товаровладельцев (покупатель и продавец, кредитор и должник, договор, обязательство и т. д.)»⁵⁰. А в введении к английскому изданию «Развития социализма от утопии к науке» он называет римское право почти совершенным выражением юридических отношений, соответствующих той ступени экономического развития, которую Маркс называет товарным производством⁵¹. Ф. Энгельс еще прибавляет, что на основе все того же римского права был создан «Гражданский кодекс» во Франции, то же было и в других странах⁵².

В истории развития римского права мы должны отметить, как оно под влиянием гуманных философских учений постепенно выходило из рамок своего национального «квиритского» права и, отвечая на запросы многих народностей, вошед-

⁴⁸ В советском праве такого различия нет, как видно из письма В. И. Ленина к Д. И. Курскому от 28/II 1922 г. См. В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 176—177.

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 105.

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 311.

⁵¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 312.

⁵² См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 311.

ших в состав империи, усваивало черты общечеловеческие, исходя из принципов разумности (ratio) и справедливости (aequitas), которая сочетается с понятием равенства перед законом. Это и обеспечило за римским правом исключительное место в юридическом сознании новых народов. Справедливо замечание В. Г. Белинского: «...Юстинианов кодекс — зрелый плод исторической жизни римлян — освободил Европу от оков феодального права»⁵³. Критик имеет в виду, что вступление в силу принципов римского права было одним из признаков торжества новых, гуманных порядков в эпоху Возрождения.

⁵³ В. Г. Белинский. Поли. собр. соч., т. VI, стр. 613.

ГЛАВА XIII

АНТИЧНОЕ ИСКУССТВО И ЕГО МИРОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Изучение античного искусства входит совершенно органически в круг дисциплин классической филологии, так как произведения пластического искусства в неменьшей степени, чем литература, изображают жизнь и интересы античного общества, показывают материальную жизнь людей и богов, как их представляла мысль античного человека. Художественная же ценность античного искусства признается согласно всеми еще со времен эпохи Возрождения, и выше мы приводили отзывы К. Маркса, Гёте, Шиллера, Пушкина, Белинского и других. К сожалению, один из видов античного искусства — музыка — остается нам мало известным, а она тесно связана с системой стихосложения, и в этой связи мы о ней упоминали выше (гл. V). Здесь же мы будем говорить о пластическом, то есть изобразительном, искусстве — о зодчестве, ваянии и живописи¹.

Памятники искусства, как и произведения письменности, сохранились не в одинаковой степени, и о многих знаменитых

¹ «Всеобщая история искусства», т. I. Изд-во Академии художеств СССР, М., 1956; «История европейского искусствознания от античности до конца XVIII в.», под ред. Б. Р. Виппера и Т. И. Ливанова. Изд-во АН СССР, М., 1963, стр. 9—52; A. Springer. Die Kunst des Altertums. 12-te Aufl. Leipzig, 1923; R. Hamann. Geschichte der Kunst, Bd. I. Berlin, 1955.

творениях мы знаем лишь по литературным свидетельствам. Образцы строительства, за редкими исключениями, сохранились лишь в виде развалин, и о планировке их мы можем судить лишь по фундаментам. В особенно печальном состоянии оказываются произведения живописи, так как, исполненные на непрочном материале, они скорее всего подвергались действию стихийных сил. В лучшем случае мы получаем о них представление по копиям или подражаниям на фресках, то есть стеной росписи, или по рисункам на вазах. Счастливые исключения составляют так называемые «фаюмские» портреты эпохи эллинизма и римской империи, извлеченные из некоторых египетских мумий.

Сведения об античном искусстве мы имеем из разных литературных источников преимущественно поздней поры — из «Описания Греции» Павсания (II в. н. э.), из «Естественной истории» Плиния Старшего (I в. н. э.)², из отдельных заметок Цицерона, из «Географии» Страбона (на рубеже н. э.), даже из художественных произведений³. Подробное же изложение принципов строительного искусства содержится в сочинении Витрувия Поллиона «Об архитектуре» (23 г. до н. э.)⁴. Но, конечно, наибольшую ценность представляют подлинные остатки античного искусства, открываемые археологами и хранящиеся в разных музеях мира — в Афинах, в Риме, в Неаполе, в Париже (Лувр), в Лондоне (Британский музей), в Берлине и т. д. В СССР главным хранилищем образцов античного искусства является Эрмитаж в Ленинграде и отчасти Музей изобразительных искусств, а находки из греческих городов северного Причерноморья, кроме того, хранятся в Московском историческом музее и местных музеях Киева, Харькова, Одессы, Севастополя, Керчи и других городов.

Для знакомства с произведениями, разбросанными по разным музеям мира, большое значение имеют гипсовые слепки, механически точно воспроизводящие подлинник.

² См. Б. В. Варнеке. Плиний об искусстве (русск. пер.) Одесса. 1918.

³ J. Overbeck. Die antiken Schriftquellen zur Geschichte der bildenden Künste bei den Griechen. Leipzig, 1868; «Античные поэты об искусстве». Изд-во ГМИИ, М., 1938; В. Ф. Асмус. Античные мыслители об искусстве. Сборник высказываний древнегреческих философов и писателей об искусстве, Изд-во АН СССР, М., 1938; В. П. Зубов и Ф. А. Петровский. Архитектура античного мира. Изд-во Академии архитектуры СССР, М., 1940.

⁴ См. М. Витрувий Поллион. Десять книг об архитектуре (пер. Ф. А. Петровского). Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры. М., 1936; то же, пер. А. В. Мишулина и Г. П. Полякова. ОГИЗ, М., 1936.

Хотя они, конечно, не могут передать всех художественных свойств подлинника, например, блеска и прозрачности некоторых сортов мрамора, но они позволяют изучающему чувствовать объемность памятника и его размер, наблюдать его со всех сторон, чего не дает даже самая лучшая фотография. Богатый и систематический подбор таких слепков в Московском музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина представляет с этой точки зрения исключительную ценность. Однако не следует забывать, что большинство имеющихся у нас памятников античного искусства — лишь копии, относящиеся главным образом ко временам римской империи, когда богатые любители искусства украшали свои дома не только работами современных мастеров, но заказывали им делать копии с произведений прославленных художников прежнего времени. Как всякие копии, они не могли вполне точно воспроизводить оригиналы, особенно размеры их и тонкость работы. К тому же копировальщики, делая мраморные копии с бронзовых подлинников, бывали вынуждены для придания прочности хрупкому материалу от себя прибавлять к изображенным фигурам различные подставки в виде древесных стволов или других предметов, что, конечно, портит впечатление. Однако и при таких недостатках эти копии имеют для нас огромную ценность, так как дают хотя бы приблизительное представление о безвозвратно утраченных оригиналах.

Обращаясь к беглому обзору античного изобразительного искусства, мы сразу же можем заметить серьезное различие в творчестве двух античных народов — у греков оно носит более свободный и эстетический характер, римляне, наоборот, проявляют склонность к большей строгости и практической деловитости. Это — свойства самих народов. В сравнении с искусством восточных народов античное искусство не давит сверхчеловеческими размерами и формами.

Остановимся прежде всего на обзоре развития строительного искусства — архитектуры — обоих народов⁵.

Первые образцы строительного искусства в Греции относятся к III и II тысячелетиям до н. э. Но они представляют

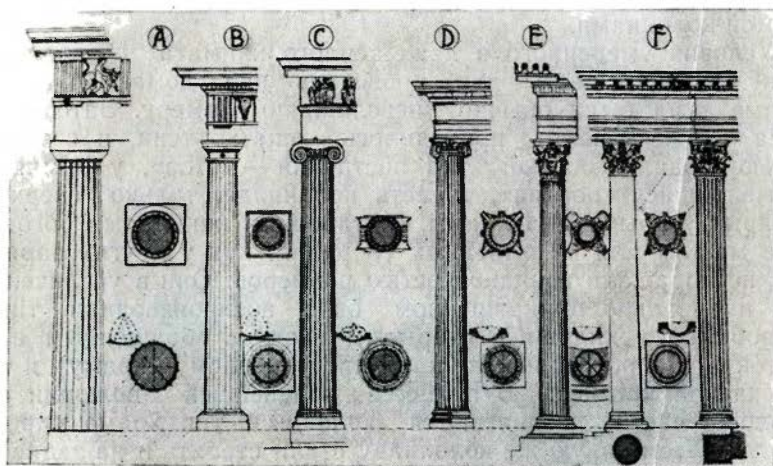
⁵ «Всеобщая история архитектуры». Изд-во Академии архитектуры СССР, т. II, ч. I — «Архитектура древней Греции». М., 1949, ч. 2 — «Архитектура древнего Рима», М., 1948; Н. И. Брунов. Очерки по истории архитектуры, т. II «Греция. Рим. Византия». «Academia», М., 1935; его же. Греция. Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, М., 1935; В. Д. Блаватский. Архитектура античного мира. Изд-во Академии архитектуры СССР, М., 1939; О. Шуази. История архитектуры, изд. 2, т. I. Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, М., 1937; Б. Н. Несторов и ч. Архитектура старого века. Белград, 1952.

интерес, главным образом, археологический (см. гл. VII). Это — дворцы в Кноссе, Фесте, Гурнии на Крите, в Трое, Микенах, Тиринфе, Орхомене, Пилосе и других местах распространения так называемой эгейской культуры. Постройки эти говорят о крепкой организации дела, требовавшей выбора места, учета оборонительных средств, укладки огромных каменных глыб и т. п. Некоторые постройки явно напоминают нам структуру домов Приама, Одиссея, Алкиноя, как они описаны у Гомера. Это тип «мегарон»: очаг посередине и над ним для выхода дыма отверстие в крыше, поддерживаемой колоннами.

Условия умеренного и даже теплого климата позволяли греку большую часть дня проводить вне дома. Поэтому жилые дома были обычно невелики по размеру. Зато вне дома человеку часто приходилось искать тени, и с этой целью создавался особый тип постройки — «стоа», у римлян называвшийся «портик», то есть колоннада, только сверху прикрытая крышей. И храмы, считавшиеся жилищами богов, а не местом для молитвенных собраний, как у других народов, не поражали грандиозностью размеров. Они в увеличенном и идеально прикрашенном виде воспроизводили тип первобытного жилища с открытым входом, обращенным на восток (в противоположность христианскому храму) и с двускатной крышей. В процессе дальнейшей эволюции в передней части воздвигаются колонны — тип храма «протилль»; затем такую же колоннаду стали строить и на задней стороне — храм «амфипротилль»; наконец, храмовую постройку стали окружать колоннами со всех сторон — храм «периптер». Древнейшими образцами таких «периптеральных» построек могут служить храмы Посейдона в Пестуме в южной Италии и некоторые храмы в Сицилии, храмы Геры и Зевса в Олимпии; но самым замечательным был Парфенон, храм Афины-Девы в Афинах. Обычно храм имел три части: передняя — «пронаос», основная — «целла», считавшаяся местопребыванием бога и содержавшая его статую (нередко эта часть продольными рядами колонн разделялась на три или реже — на два «нефа»), задняя часть — «описфодом» отделялась глухой стеной от целлы и служила сокровищницей.

В храмовых постройках различались три основных типа — «ордера», определявшиеся формами колонн. Колонна дорического ордера стоит непосредственно на полу (стилобат), сужается по направлению кверху, прорезывается вдоль желобками — «ложками» (каннелюра) и заканчивается на-

верху «капителью» в виде круглой подушки (эхин) с квадратной доской (абак) на ней. Ионийская колонна, более тонкая и высокая, опирается внизу на базу, между «ложками» имеет продольные «дорожки» и заканчивается капителью с четырьмя «волютами», завитками в виде бараньих рогов по углам. В противоположность массивной монументальности дорийской колонны эта отличается тонкостью и изяществом. Третий тип — колонна коринфского ордера, являющаяся раз-

Образцы архитектурных ордеров:

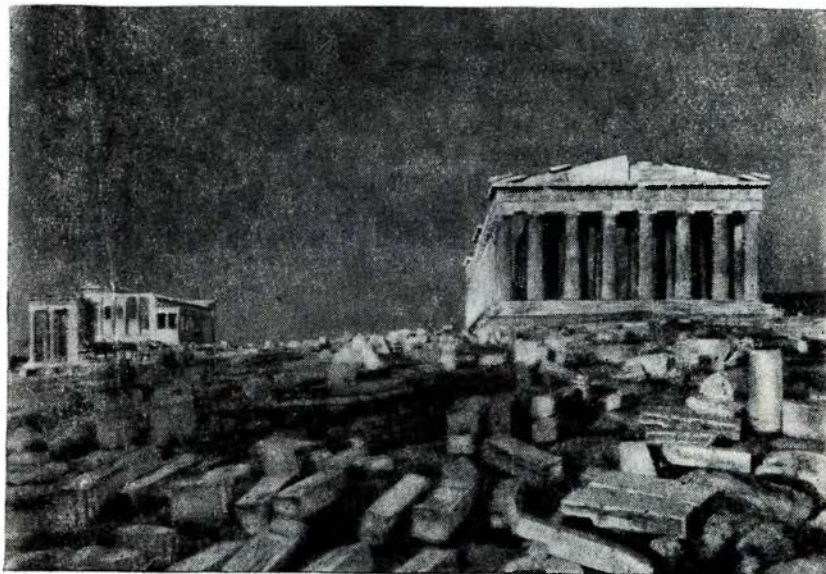
А — дорийский, В — римско-дорийский, С — ионийский, D — римско-ионийский, E — коринфский, F — римско-коринфский

витием ионийской, но еще более высокой; капитель ее имеет вид большого букета из колючего растения аканфа. Тонкие завитки и колючки этого растения придают капители вид роскоши и хрупкости.

Кроме этих внешних признаков, греческие храмы имели много украшений. Во многих из них треугольное поле под двускатной крышей по обе стороны постройки, так называемые фронтоны, заполнялось скульптурами, иногда целыми художественными композициями; промежутки между выступами балок украшались рельефами — «метопами», стены в верхней части покрывались лентой «фриза» и т. д.

Самым замечательным для всех времен и народов образцом строительного искусства греков был и остается афин-

ский Акрополь, как единое художественное целое. Вся его планировка и выполнение отдельных составных частей отражают тот высший расцвет материальных и духовных сил, которого достиг греческий народ в середине и во второй половине V в. до н. э., когда Афины сделали «школой Эллады», по меткому выражению Перикла⁶ (см. план на стр. 161).

Эрехфейон и Парфенон на афинском Акрополе. Вид с западной стороны

Вход на Акрополь по западному склону холма был художественно оформлен архитектором Мнесиклом в 437—432 гг. до н. э. Эти так называемые Пропилеи имели вид поднимающейся кверху колоннады с шестью дорийскими колоннами внизу и вверху и шестью ионийскими внутри. Через этот вход на празднике Великих Панафиней торжественная процессия вступала на площадку Акрополя и, минув огромную бронзовую статую Афины — Промехос и оставляя влево Эрехфейон, приближалась к восточной стороне Парфенона, чтобы отсюда

⁶ См. Б. В. Фармаковский. Художественный идеал демократических Афин. Пг., 1918; К. М. Колобова. Древний город Афины и его памятники. Изд-во ЛГУ, 1961.

войти в святилище богини. Прибавим к этому, что по южной стороне высились храмы Афины-Эрганы и Артемиды Бравронской, здания по обе стороны Пропилей и маленький храм Ники Аптерос (Победы Бескрылой) ионийского ордера на юго-западном выступе Акрополя, и на юго-восточном склоне размещался театр с примыкавшим к нему храмом Диониса. Впоследствии, особенно в пору римского владычества, к этим основным постройкам присоединилось еще много новых.

Парфенон — лучший образец периптерального храма дорийского ордера, построенный Иктином и Калликратом в 447—434 гг. до н. э. на площадке в $69,5 \times 30,86$ метра. По продольным сторонам он имеет по 17 и по узким по 8 колонн высотой в 10,43 метра. Вся постройка в целом, свободная от искусственных украшений, производит впечатление исключительной простоты и величавости. В ней полностью осуществляется художественный принцип эпохи Перикла: соединение красоты с простотой, и это достигается соразмерностью частей, гармоничностью их расположения, умением найти подходящее место, связать с окружающей обстановкой, исползовать необходимую пропорциональность между высотой колонны, ее диаметром и разделяющим колонны промежутком. Тщательные обследования показали, что выпуклость средней части стилобата (пола), легкое утолщение (припухлость) верхних частей колонн и другие средства, как будто нарушающие геометрическую правильность линий, на самом деле придают им мягкость и жизненность.

Другое замечательное здание на Акрополе — Эрехфейон, соединенный храм Афины-Полиады (Градодержицы) и Посейдона-Эрехфея, построенный в 420—406 гг. до н. э., уже своей прихотливой структурой с тремя различными отделениями, расположенными даже на различном уровне вследствие покатости почвы, производит впечатление некоторой изысканности, и оно усиливается видом небольшого южного портика, в котором потолок держат вместо колонн шесть женских фигур, так называемых «кариатид» — афинских девушек, несущих на головах корзины с предметами культа. А на западной стороне применен чисто декоративный прием: стена украшена полуколоннами.

Среди достижений античной архитектуры всемирное значение имеют театральные постройки. Слово *театр* (θέατρον) буквально значит «зрительное место» (от глагола θεᾶσθαι «смотреть»), а драма (буквально «действие») возникла из песен хора, сопровождавшихся мимическими телодвижениями — плясками. Поэтому для исполнения драмы была необ-

ходима площадка для хора — «орхестра» (от слова ὄρχησθαι «плясать»). Если к этому прибавить еще «палатку» — сцену, место, из которого выходили актеры и где складывалась будафория, будут налицо три основные части греческого театра. Конечно, такое примитивное устройство с течением времени было усовершенствовано, площадь расширена, деревянные части заменились каменными и даже мраморными, но основной план сохранился на все дальнейшие времена: зрительные места, расположенные на откосе холма, подковой охватывают орхестру, и вид замыкается большим зданием сцены шириной вровень с крайними концами подковы зрительных мест. По сторонам оставались свободные проходы — «пароды». Крыши здания не имело (ср. гл. XVII, стр. 465).

Первый каменный театр в Афинах был построен в начале V в. до н. э. Позднее он много раз перестраивался, но наибольшее значение имеет постройка, возведенная около 330 г. до н. э. по инициативе политического деятеля Ликурга. Сохранилось много остатков древних театров (до 200) из разных эпох. Особенно известен театр в Эпидавре (Арголида), сооруженный в конце IV в. до н. э. архитектором Поликлетом Младшим. В нем до сих пор продолжают ставить пьесы античного репертуара. Он обладает такими акустическими свойствами, что малейший шорох в орхестре отчетливо слышен даже в заднем ряду на расстоянии 59 метров, на высоте 22,5 метра. Афинский театр вмещал до 17 тысяч зрителей, театр в Эпидавре до — 20 тысяч. Еще большие театры были в Сиракузах, в Пергаме; театр в Мегалополе вмещал 44 тысячи зрителей⁷.

По мере того как изменялась внутренняя жизнь рабовладельческого общества, возникали и новые художественные запросы, а в строительстве они выражались в возраставшей роскоши построек. Всемирную известность получил надгробный памятник середины IV в. до н. э. в честь карийского властителя города Галикарнасса в Малой Азии Мавсола, так что само слово *мавзолей* стало нарицательным для обозначения роскошного надгробия. Богато украшенный статуями и рельефами, он имел три этажа и замыкался сверху пирамидальной крышей, на которой стояла квадрига, то есть колесница с четверкой коней, и на ней статуи самого Мавсола и его супруги Артемисии (см. рис. на стр. 157).

⁷ R. G. Flickinger. The greek Theater and its drama, 4 ed. Chicago 1936; M. Bieber. Denkmäler zum Theaterwesen der Antike. Berlin, 1920, англ. пер.: The history of the greek and roman theater, 2 ed. London, 1961.

Пристрастие к созданию чего-то грандиозного и необыкновенного проявлялось в постройке, например, огромного алтаря в городе Пергаме в 180 г. до н. э., имевшего целью прославить победы местных царей над вторгшимися ордами галатов (галлов). Этот алтарь размером 36×34 метра со своими замечательными скульптурами производил такое впечатление на зрителей, что в пору возникновения христианства автор так называемого «Апокалипсиса» («Откровения Иоанна») считал нужным заклеить его как «трон сатаны» (2, 13) (см. рис. на стр. 353).

Эпоха эллинизма отмечена также кипучей строительной деятельностью в ряде городов Малой Азии — Пергаме, Приене, Милете и других⁸, в городах северного Причерноморья — Ольвии, Херсонесе, Пантикапее. Появился и новый тип построек, так называемых базилик, то есть «царских дворов», — огромных крытых зданий с колоннадами внутри, сооружавшихся царями (отсюда их название), где размещались и торговые, и общественные заведения.

Римское завоевание во II в. до н. э. дало в руки победителей богатое наследие. К этому времени римский народ прошел уже начальные ступени своего развития, выработал свою строительную технику и мог успешно продолжить и усовершенствовать заимствованное.

Римское строительное искусство берет начало от этрусков из северо-западной части Италии (совр. Тоскана). Археологические исследования открыли большое количество культурных остатков этого народа и в том числе богатые усыпальницы, как бы подземные жилища местной знати, повторяющие формы жилищного строительства. Так как в раннюю пору владычество этрусков простиралось далеко к югу и сам Рим находился под их властью, их строительная техника оставила глубокие следы и там. К эпохе царей в Риме относится образец применения нового приема в строительстве — сводчатой арки. Это сохраняющаяся до сих пор «клоака» — водоотводный подземный канал в топкой местности между Капитолийским и Палатинским холмами. По находимым погребальным урнам, которым придавали формы домов, можно составить представление о их внешнем виде. Форма круглой первобытной хижины удержалась в силу святости религиозной традиции в круглых храмах Весты в Риме и в Тибуре (Тиволи).

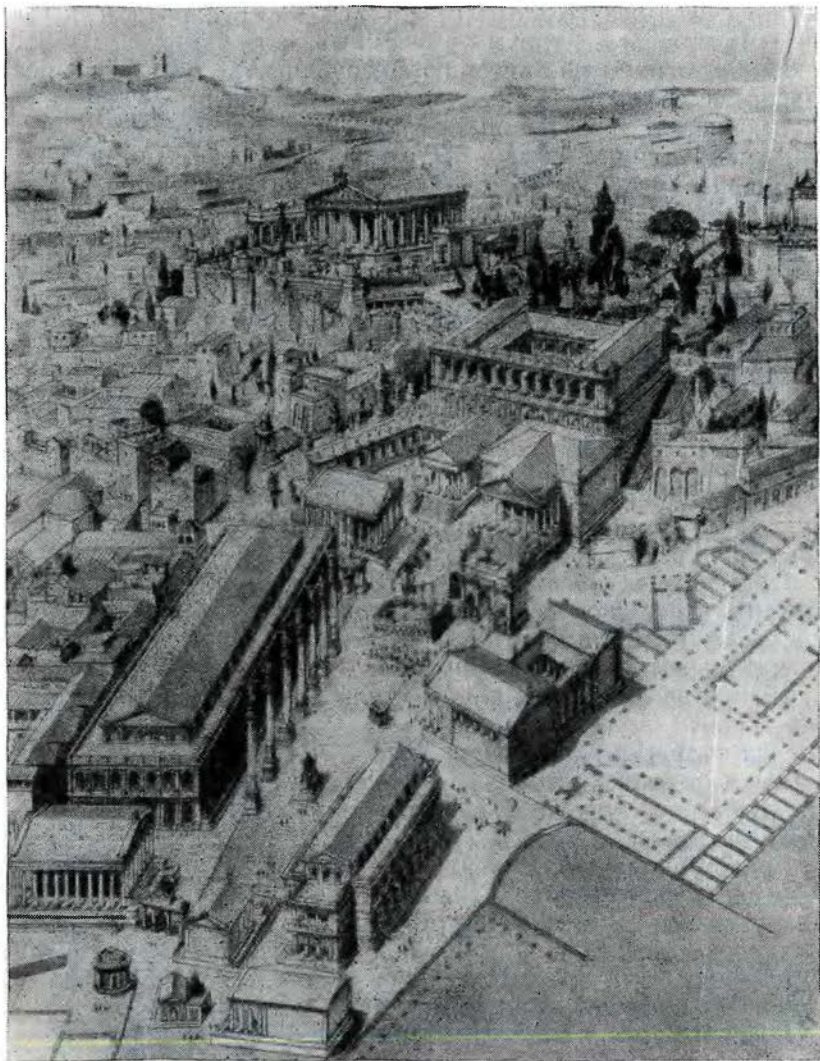
⁸ См. Э. Цибарт. Культурная жизнь древнегреческих городов (русск. пер.). М., 1915.

Другой тип погребальных урн воспроизводит постройку римского атриума: резко выступающие по сторонам края крыши с четырехугольным отверстием посередине для выхода дыма от очага. Атриум — приемный зал римского дома, как мы его знаем по описанию Витрувия (VI, 3) и по сохранившимся домам в Помпеях и Геркулане. Самое название, происходящее от слова *ater* «черный», напоминает о том, что в раннюю пору крыша была закопчена от дыма. А в зрелую пору римской жизни это отверстие оставалось лишь как окно, пропускающее и свет, и дождь (*compluvium*), и под ним в полу приходилось устраивать водоем (*impluvium*). В этом зале помещались в особых шкафах изображения домашних богов — пенатов и ларов, а также восковые маски (*imagines*) предков. Типом этрусской постройки был храм Юпитера, Юноны и Минервы на Капитолии.

Уже с ранних пор римляне показали себя замечательными строителями дорог и водопроводов (акведуков), и многочисленные остатки их сохраняются еще в самой Италии и в провинциях и частично выполняют свое назначение до сих пор, как, например, Аппиева дорога, проложенная в 312 г. до н. э. от Рима до Капуи и продолженная затем до Брундисия (Бриндизи).

По мере подчинения греческих областей в Рим стало прибывать большое число греческих инженеров и архитекторов, которые несли свой опыт и технику, и римские богачи, имея в своем распоряжении почти неограниченные возможности применения силы рабов, стали сооружать великолепные дома и виллы. Гораций язвительно замечал, что некоторые на старости лет, глядя уже в могилу, изощряются в роскоши построек, сгоняя для этого бедных клиентов с родных мест, возводят виллы даже над водой, точно мало им места на земле («Оды», II, 18, 17—28).

Средоточием общественной жизни в республиканскую пору сделалась главная площадь между Капитолийским и Палатинским холмами — *Forum Romanum*, на котором возвышалась ораторская трибуна, украшенная бронзовыми носами кораблей, отбитых в 338 г. до н. э. в войне с городом Антием в Лациуме — *rostra*. Впоследствии вокруг форума выросло много других построек, а императоры сооружали новые форумы, называя их своими именами — форум Юлия, форум Августа, форум Траяна и т. д. В конце республики и особенно в пору империи великолепные дворцы были воздвигнуты на Палатинском холме, в том числе «золотой дом» Нерона. Октавиан Август мог с гордостью заявлять, что, застав в на-

Римский Форум времен империи. Реконструкция

чале своей деятельности Рим кирпичным, он оставлял его своим преемникам уже мраморным (Светоний, «Божественный Август», 28, 3). К сожалению, большинство этих дворцов в средние века и даже позднее было разобрано на новые постройки. Зато сохранились огромные на площади 37 тысяч квадратных метров остатки дворца Диоклетиана (конец III в. н. э.) в Далмации (северо-восточный берег Адриатического моря) в Салоне (Спалато).

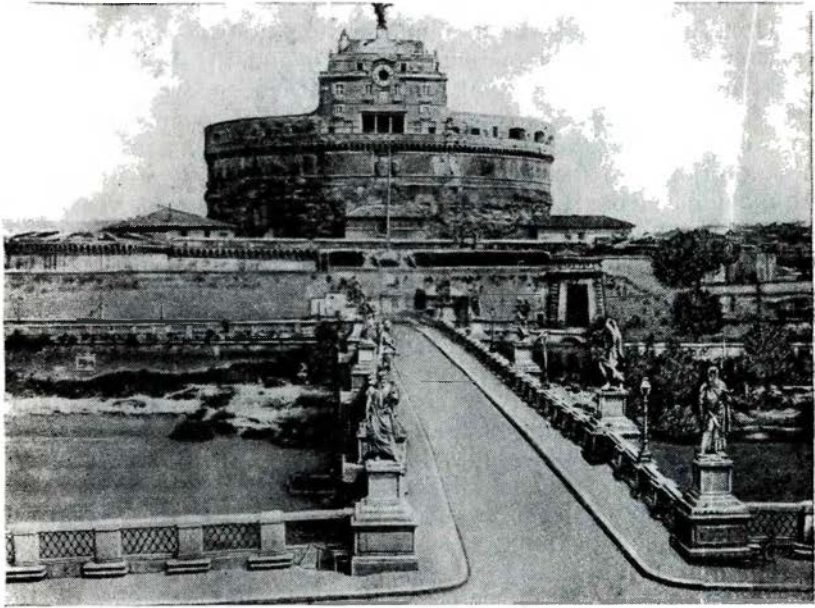
При Августе в Риме широко развернулось строительство храмов. Так, его полководцем М. Випсанием Агриппой был построен Пантеон — «храм всех богов» и (см. рис. на стр. 172) на фасаде этого здания можно прочесть имя первого строителя. Однако основная часть его была уничтожена пожаром, и оно было заново перестроено во II в. н. э. при Адриане греческим архитектором Аполлодором из Дамаска. Эта часть имеет форму цилиндра диаметром в 43,8 метра и высотой 42,7 метра, причем половину высоты занимает полусферический купол с круглым окном посередине 9 метров в диаметре. Внутренние колонны прикрывают ниши для культа отдельных богов, а вход обрамляется большой колоннадой. В христианскую эпоху он был превращен в храм богородицы Sancta Maria ad Martyres. Здание, несмотря на некоторые позднейшие переделки, сохранило свой античный вид и в настоящее время служит почетной усыпальницей великих деятелей Италии — Рафаэля, Гарибальди и т. п., и самое слово стало теперь нарицательным в этом именно значении. В строительной технике выдающимся достижением было устройство огромного купола, который мастерством своим уступает только еще более грандиозному куполу в Айя-София в Константинополе (Стамбул), сооруженному в 532—537 гг. н. э.

Во II в. н. э. в римской империи наблюдался некоторый подъем культурной жизни, отмеченный новым интересом богатых людей к греческому искусству. Тон задавал император Адриан, который, повидав во время продолжительных путешествий произведения греческих мастеров, задумал воспроизвести их и другие памятные места в своей большой вилле близ Тибура (Тиволи), где и было найдено много следов их.

Сохранилось много разных надгробных памятников, особенно на Аппиевой дороге, где найдены остатки мавзолея Августа, но наиболее замечателен огромный мавзолей Адриана на северном берегу реки Тибра, превращенный папами в крепость, причем на высокой кровле его статуя императора

была заменена изображением ангела — отсюда его теперешнее название «Замок святого Ангела».

В местах, где пришлось побывать Адриану, осталось много сооруженных им памятников, в Афинах и на востоке. Один из его приближенных — Герод (Ирод) за свое увлечение аттической культурой получил прозвище Аттика. Уцелев-

Мавзолей Адриана, ныне Замок св. Ангела в Риме
Современный вид

шие до сих пор остатки построенного им на юго-западном склоне Акрополя «Одеона», здания для музыкально-вокальных постановок, сохранились в такой степени, что и теперь продолжают служить для театральных целей.

Из типично римских архитектурных сооружений необходимо отметить триумфальные арки, то есть сооружения в виде ворот, как памятники в честь побед, одержанных полководцами, главным образом императорами. Они украшались рельефами с изображением их подвигов. Таковы арки Тита в честь его победы и взятия Иерусалима в 70 г. н. э., Септимия Севера 200 г., арка Константина 315 г. н. э. и т. д.

Роскошь жизни в эпоху империи нашла выражение в исключительных по богатству постройках бань — терм, которые в античном быту удовлетворяли не только прямому назначению, снабженные для этого ваннами, душами, горячими и холодными отделениями, но служили как бы клубами, куда люди собирались для бесед, чтения книг, для занятий спортом и т. д. Таковы, например, термы Каракаллы (212—216 гг. н. э.), занимавшие площадь в 220×114 метров на 1600 посетителей; термы Диоклетиана (302—305 гг.) вмещали 3200 человек. Часть последней постройки позднее была превращена в христианскую церковь и затем была перестроена под руководством Микеланджело.

Некоторые изменения были внесены в заимствованные у греков театральные постройки. Выросли размеры их, зрительные места соединились со зданием «скены», а перед этим зданием появилась широкая и глубокая «сцена» в нашем смысле, то есть невысокая площадка для игры действующих лиц. Первый каменный театр был построен в Риме Помпеем в 55 г. до н. э. Сохранились значительные остатки театра Марцелла от 11 г. до н. э. В Помпеях было два театра. Большим театром в Оранже (Франция) пользуются для некоторых постановок еще и теперь. Крупные остатки найдены в Тимгаде и Ламбесе в северной Африке.

Формы римского искусства проникли и в строительство городов северного Причерноморья, как это видно в могильном «Склепе Деметры» в Пантикапее (начало I в. н. э.) с его полуциркульным сводом и интересной живописью⁹.

К типично римским сооружениям надо отнести императорские колонны Траяна, Марка Аврелия и других с изображениями их военных походов. Это огромные башни с лестницами внутри, ведущие наверх.

Особое место в римском строительстве занимают здания, имевшие целью увеселение праздной толпы — цирки и амфитеатры. Сатирик Ювенал в начале II в. н. э. с негодованием писал, что римский народ, некогда утверждавший власть над миром, превратился в жалкую голодную толпу тунеядцев, оглашающую улицы криками: «Хлеба и цирковых игр!» (*panem et circenses*) («Сатиры», 10, 77—81). Это прямое следствие морального разложения рабовладельческого общества, когда правящий класс, чтобы удержать власть в своих руках, потворствовал низменным чувствам толпы. Остатки цирковых зданий сохранились в разных местах им-

⁹ См. В. Д. Блаватский. Искусство северного Причерноморья античной эпохи. Изд-во ГМИИ, М., 1947.

перии. «Величайший цирк» в Риме вмещал, по-видимому, до 200 тысяч зрителей. Лучше других сохранился цирк Максенция у Аппиевой дороги, построенный в 309 г. н. э. В цирках происходили состязания в скачках на колесницах. Увлечение этими зрелищами переносилось и в политическую жизнь, в которой руководящую роль стали играть партии цирка.

Особенно печальную известность имеют кровавые игры в амфитеатрах. Амфитеатр (буквально «двусторонний театр») есть соединение двух подковообразно расположенных зрительных помещений, имевшее форму огромного эллипсиса, по всем сторонам которого ярусами расположены места для публики, а посередине большая площадка, засыпанная песком и потому называемая «ареной» (агена «песок»). На арене происходили травли диких зверей, бои гладиаторов и т. п. В некоторых амфитеатрах можно было арену заполнять водой и устраивать «навмахии» — сражения на кораблях. Остатки таких построек сохранились в Италии, Франции, северной Африке и других местах. Но более всех известен амфитеатр Флавиев, строившийся в Риме при императорах Веспасиане, Тите и Домициане и открытый в 80 г. н. э. Размер всего здания 189×156 метров, арены — 87×55, а высота 48,5 метра и вместимость до 50 тысяч зрителей. При таких огромных размерах требовалось, конечно, большое строительное мастерство в укреплении арок, сводчатых галерей, лестниц, колонн, подземных помещений и т. д. Впоследствии это здание стало известно под названием Колоссей (Colosseum) за свои колоссальные размеры, а у нас в искаженной форме — Колизей.

Наибольший интерес во все времена в античном искусстве привлекали к себе произведения скульптуры, и это понятно: они с ранних времен сосредоточивали внимание на воспроизведении самого человека, и это придало им глубоко гуманный характер¹⁰.

¹⁰ См. В. Д. Блаватский. Греческая скульптура. «Искусство», М.—Л., 1939; О. Ф. Вальдгауер. Античная скульптура. Пг., 1923; Ю. Д. Колпинский. Искусство Греции эпохи расцвета. Изд-во ГМИИ, М., 1937; его же. Скульптура древней Эллады. Изд-во Академии художеств, М., 1963; А. А. Павловский. Скульптура в Аттике до греко-персидских войн. СПб., 1896; М. М. Кобылина. Аттическая скульптура VII—V вв. до н. э. Изд-во МГУ, 1953; Ch. Picard. Manuel d'archéologie grecque. La sculpture, 2 vv. Paris, 1935—1939; L. Alscher. Griechische Plastik. Berlin, Bd. I—1954; Bd. II—1961, Bd. III—1956, Bd. IV—1957; J. Frel. Klassické řecke socharství. Praha, 1952; «Corpus vasorum antiquorum», 3 vv. Berlin, 1959; Castiglione László. Görög művészet. Budapest, 1961.

Первые образцы античного ваяния и живописи мы знаем по остаткам крито-микенской культуры: статуэтки, стенные фрески, рельефы, украшения на сосудах и т. п. Период после крушения этой культуры, который теперь принято называть «темным веком», характеризуется рисунками «геометрического стиля». Таковы так называемые «дипилонские» вазы, найденные у Дипилонских ворот Афин. Это погребальные урны украшены изображением сцен из похоронного обряда — оплакивание покойника, процессия с телом и т. п. При этом весь орнамент урны и даже фигуры людей и животных изображаются схематически в виде геометрических линий и треугольников.

Ранние образцы искусства отличаются крайней примитивностью форм, они выполнялись из материала, который легче всего поддавался обработке — из дерева, глины, мягких пород камня, и даже в произведениях следующей поры нередко можно видеть, что каменная статуя, например, Геры с острова Самоса похожа на слегка обработанный столб, Артемиды с Делоса сохраняет черты не вполне обтесанной доски. Естественно, что все такие образы лишены индивидуальности и имеют чисто обобщенный характер.

Другая особенность раннего искусства — «закон фронтальности». Фигура прочно стоит на месте, прижав руки к бедрам, слегка выдвинув одну ногу и обратив лицо вперед. Таковы фигуры обнаженных мужчин, которые долго принимались за Аполлонов — Аполлон Птийский, Ферский, Орхоменский, Тенейский и т. д., но в действительности — это надгробные памятники. Надгробный памятник Аристиона, одного из сторонников Писистрата, работы Аристокла, как это видно из надписи, изображает покойного как идеального воина — «гоплита», и это открывает социальную основу памятника — прославление «прекрасного и доброго» представителя знатного рода.

Дальнейшим шагом в развитии искусства являются попытки изображать людей и богов в движении, особенно в воздухе. На первых порах полет крылатой Ники (Победы) представляется в виде «коленипреклоненного бега», при котором одно колено касается земли, другое выставлено вперед, но по размеру одно бедро больше другого. Верхняя часть лицом обращена к зрителю, а нижняя поставлена в профиль. Можно сказать, что новые методы вступают в борьбу со старыми.

Такие приемы находят параллель в живописи, как можно

видеть по росписи на вазах VII и VI вв. до н. э. — время господства чернофигурных изображений на светлом фоне¹¹.

К переходному периоду относятся попытки воспроизводить целые композиции, например, на фронтонах древнего храма Афины на Акрополе в Афинах. Но подлинно новыми чертами отличаются фронтоны храма Афины-Афеи на острове Эгине начала V в. до н. э.: тут представлены целые сцены боев — на западном бой идет вокруг труп Ахилла, пораженного стрелой Париса, на восточном — аналогичная сцена вокруг павшего героя с участием Геракла. Замечательно, как искусно фигуры размещены в треугольнике фронтона: посередине — превышающая всех фигура Афины, а по сторонам ее — группы воинов, причем в углах лежат раненые¹².

Копия памятника «Тиранноубийцам», то есть Гармодию и Аристокитону, которые в 514 г. убили Гиппарха и покушались на Гиппия, характеризует стремление художников Крития и Несиота изобразить бурное движение героев вперед, причем фигуры расположены в обратной симметрии — у одного вынесена вперед правая рука и нога, у другого — левая рука и левая нога. Памятник этот датируется приблизительно 478 г. Дальнейшим шагом в этом направлении является известная фигура «Дискобола» (Метателя диска) Мирона¹³ около 460 г. до н. э. и его же группа «Афина и Марсий». К этому же кругу принадлежит статуэтка неизвестного автора «Мальчик, вынимающий из ступни занозу». Она характерна не только как опыт изображения в трех планах — высота, ширина и глубина, но и по чисто жанровому содержанию. Однако лица во всех этих фигурах по-прежнему остаются безжизненными. Фронтонные композиции знаменитого храма Зевса в Олимпии стоят как бы на перепутье в этом направлении: фигуры восточного фронтона, изображающего подготовительный момент перед состязанием Пелопа с Эномаем в скачках на колесницах, имеют вид напряженной неподвижности; на западном, наоборот, представлена бурная сцена ожесточенного боя лапифов с кентаврами.

¹¹ См. Б. В. Фармаковский. Античная вазовая живопись и ее отношение к искусству монументальному в эпоху непосредственно после греко-персидских войн. СПб., 1902; F. Höber. Griechische Vasen. München — Leipzig, 1909; E. Buschor. Griechische Vasenmalerei. München, 1913; J. Frel. Recke vazy. Praha, 1956; «Corpus vasorum antiquorum», 3 vv. Berlin, 1956.

¹² См. В. К. Мальмберг. Древнегреческие фронтонные композиции. СПб., 1904; A. Furtwängler und U. L. Ulrichs. Denkmäler griechischen und römischen Skulptur, 3-te Aufl. München, 1911, SS. 8—15.

¹³ См. О. Ф. Вальдгауер. Мирон. Берлин, 1923.

Середина V в. до н. э., когда Греция достигла высшего расцвета, отмечена появлением первых эстетических теорий (см. гл. XI). Аргосскому мастеру Поликлету¹⁴ принадлежит заслуга установления пропорций нормального человеческого тела — соотношение роста к размеру головы (7×1). Свою мысль он изложил в недошедшем до нас сочинении «Канон», показав ее на образце «Дорифора» (Копьеносца), за которым закрепилось впоследствии то же название «канон». Поликлет — выразитель идеалов физической крепости в духе

Элидские монеты II в. н. э. с изображением статуи Зевса в Олимпии работы Фидия

спартанского воспитания, но его фигуры тяжелы, приземисты и неподвижны. Славилась также его статуя богини Геры из золота и слоновой кости, но она известна нам лишь из литературных источников и по воспроизведениям на монетах Аргоса.

Одновременно достигла расцвета и живопись. Главным ее представителем был Полигнот. Некоторые из его прославленных картин-фресок, как «Взятие Илиона», «Одиссей в загробном мире», отчасти знакомы нам по копиям в вазовой живописи, но влияние его видно в композициях скульптурных групп аттических мастеров. А вазовая живопись — красно-фигурная — переживала пору высокого расцвета в работах Андокида, Дуриса, Эвфрония, второго Полигнота и других.

¹⁴ См. Д. Недович. Поликлет. «Искусство», М.—Л., 1939.

Так мы подходим к наиболее известной афинской школе, группировавшейся вокруг Фидия¹⁵. К сожалению, самые знаменитые его произведения известны нам почти только по литературным источникам и отчасти по позднейшим копиям и подражаниям. Статуя Зевса в Олимпии, сделанная из золота и слоновой кости на деревянном каркасе, имевшая высоту с пьедесталом около 14 метров, считалась одним из семи чудес света. Описание ее дает Павсаний (V, 11), более беглое Страбон (VIII, 30). Из их сообщений видно, что на создание этого образа Фидий был вдохновлен стихами Гомера («Илиада», I, 528—530):

Молвил Кронион и темные брови, согласие давая,
Вскинул; нетленные кудри в движенье пришли у владыки,
Вяя с бессмертной главы, и Олимп всколебал он великий.

Образ, созданный Фидием, навеки запечатлелся в потомстве так, что, например, ритор II в. н. э. Дион Хрисостом заявлял уже прямо, что, кто хоть раз видел его, иначе уже и не представлял себе этого бога (LIII, p. 401).

Другим не менее знаменитым созданием Фидия была статуя Афины-Девы для Парфенона также из золота и слоновой кости; содержала она 40 или более талантов золота, то есть около 1153 килограммов (Фукидид, II, 13). С общим видом ее мы знакомы по нескольким копиям — статуэткам. Высота ее с базой была около 12 метров, а поставлена она в 438 г. до н. э. Несколько ранее на площадке Акрополя была им же сооружена огромная бронзовая статуя Афины, получившая впоследствии прозвище «Поборницы» (Промакос), а в 450 г. Фидий создал еще Афину Лемнию по заказу жителей острова Лемноса.

Все эти произведения одинаковы по характеру, отличаются они величавым спокойствием и простотой. Поэт начала I в. н. э. Филипп Фессалоникский такими стихами выразил свое впечатление от статуи Зевса в Олимпии:

Зевс ли то с неба сходил показать тебе, Фидий, свой образ,
Или ты на небо сам, бога чтоб зреть, восходил?!

Он, видимо, хотел этим сказать, что такого величия, какое выражено художником в этой статуе, нельзя встретить нигде на земле. Нельзя не вспомнить и замечания Цицерона, который видел произведения Фидия в их неповрежденной красоте. «Этот художник, — писал он про Фидия, — создавая образ Зевса или Афины, не имел перед глазами никого, с кого мог бы их скопировать, но в его собственном уме жил какой-то превосходный образ красоты, к сходству с которым он

¹⁵ См. А. Чубова. Фидий. Изогиз, М.—Л., 1962.

и направлял свое искусство и руку, созерцая его и приковав к нему свое внимание» («Оратор», 2, 9).

Наряду с этими произведениями, известными нам по копиям и литературным свидетельствам, есть у нас, хотя и в обломках, подлинные образцы, созданные, может быть, при участии Фидия и во всяком случае под его руководством: это — обломки фронтонных композиций Парфенона со сценами рождения Афины из головы Зевса и спора Афины с Посейдоном за обладание Аттикой — сценами, о красоте которых свидетельствуют, например, три женские фигуры так называемых Мойр — богинь судьбы (см. рис. на стр. 349), 92 метопы и, наконец, лента фриза протяжением в 160 метров по верху стен, из которого уцелело около 140 метров, с изображением торжественной процессии на празднике Великих Панафиней — как бы художественной демонстрации всего, чем могло гордиться в эту пору Афинское государство (см. рис. на стр. 383 и 497) ¹⁶.

Названные памятники могут служить выражением определенных художественных идеалов, определенного художественного стиля. Фидий так же, как и его современник Софокл, изображал богов подобными людям, а людей «такими, какими они должны быть».

В пору расцвета указанного направления стали пробиваться черты и нового — с одной стороны, стремление к некоторой избыточности и роскоши, а с другой — к сближению с окружающей жизнью, с повседневным бытом. Об этом свидетельствует и прихотливая планировка Эрехфейона с его изящным южным портиком «кариатид», и балюстрада вокруг маленького храма Ники Аптерос, изображающая целую процессию бегущих ник в изящно драпирующихся одеждах, причем одна из них останавливается, чтобы поправить на ноге сандалию — бытовой мотив. Одним из замечательнейших образцов искусства этого времени была в Олимпии статуя Ники (Победы) работы Пеония, стоявшая на постаменте высотой около 7 метров. Богиня представлена летящей в поднебесье, ногами слегка опирающейся на крылья орла, причем ветер, крутящийся вокруг нее, развеивает ее одежду, обрисовывая прекрасные формы тела. Так была разрешена трудная задача — изобразить полет в воздухе с помощью тяжелого материала — мрамора. Статуя воздвигнута, как видно из надписи на постаменте, приблизительно в 424 г. (см. рис. на стр. 350).

¹⁶ D. E. L. Haynes und W. Forman. Der Parthenonfries. Prag, 1958.

Уже Эврипид в своих трагедиях первый стал изображать человеческие страсти, несколько позже эти мотивы стали появляться и в пластическом искусстве. Примеры этого можно видеть в рельефах храма Аполлона в Фигалии. Но особенно этим прославился в начале IV в. до н. э. художник Скопас. Большой известностью пользовалась его «Вакханка», бегущая в каком-то безумном исступлении с закинутой головой. Она сохранилась в мраморной копии римского времени. Внутренние переживания героев видны в глубоко запавших глазах на широком, словно «квадратном» лице с приоткрытыми губами, как это видно в подлинных головах из храма Афины-Алеи в Тегее и по многим позднейшим копиям статуй Мелеагра, Геракла и других. Уклон в сторону натурализма виден в статуе Мавсола на «Мавзолее», в которой явно подчеркивается негреческое происхождение изображенного. Вместе с тем эти поиски натуралистических черт подготавливают появление реалистического портрета. Виднейшим его представителем был Деметрий из Алопеки.

Противоположностью кипящим страстям в произведениях школы Скопаса может служить благодушное спокойствие и жизнерадостность, «гедонизм» (от слова ἡδονή «удовольствие»), которыми проникнуты статуи Праксителя¹⁷ — изящные, стройные фигуры, в легком изгибе тела опирающиеся на какую-нибудь подставку. Таковы «Отдыхающий Сатир», «Аполлон, убивающий ящерицу» (Савроктон), пробегавшую по стволу дерева, и т. п. Величайшей славой пользовалась его «Афродита анадимоена» (выходящая из воды) — она стояла в храме в городе Книде в Малой Азии. К сожалению, эти произведения известны нам лишь по поздним копиям, и только его «Гермес с младенцем Дионисом», найденный в соответствии с описанием Павсания (V, 17, 3) среди развалин храма Геры в Олимпии, может считаться подлинным образцом искусства Праксителя¹⁸. Эти боги — прекрасные люди с чисто земными чувствами, наслаждающиеся жизнью и далекие от волнений политических. В искусстве это симптом глубокого социального кризиса середины IV в. до н. э.

Среднее место занимает школа Лисиппа¹⁹, идущая навстречу реалистическим стремлениям второй половины IV в. до н. э., которые особенно явственно выступают в бытовой,

¹⁷ См. И. Б. Зеест. Пракситель. Изд-во ГМИИ, М., 1941.

¹⁸ Некоторые ученые (К. Бломель, В. Д. Блаватский и другие) заподозрили подлинность этой статуи, считая ее римской копией с бронзового оригинала. Однако этот взгляд решительно опровергнут в книге: L. Aischner. Griechische Plastik, Bd. III. Berlin, 1956, SS. 90—93.

¹⁹ См. О. Ф. Вальдгауер. Лисипп. Берлин, 1923.

Меры (Мойры) с восточного фронтона Парфенона

Летящая Ника (Победа). Мраморная статуя Пеония в Олимпии
около 424 г. до н. э.

так называемой «новой» комедии (Менандр, Филемон и другие). Лисипп нашел новые пропорции человеческого тела: отношение роста к размеру головы, как 8×1 . Образцом его манеры может служить «Апоксномен» — молодой человек, «счищающий с себя» скребницей грязь после физкультурных занятий. С новыми пропорциями фигуры приобрели большую стройность и представительность. По-видимому, одному из художников круга Лисиппа — Леохару принадлежит известная статуя Аполлона Бельведерского, прозванная так по месту нахождения в одном отделении Ватикана (см. рис. на стр. 48—50). Близка по стилю Артемида Версальская. В противоположность простоте произведений предыдущего времени эти статуи в своей красоте содержат уже черты излишней эффектности, которая составляет переход к новому периоду.

Школа Лисиппа продолжила реалистическое направление Деметрия из Алопеки и создала ряд замечательных скульптурных портретов²⁰. К сожалению, о портретном мастерстве таких художников-живописцев, как Апеллес, мы знаем только по литературным свидетельствам. Прибавим ко всему сказанному, что в нашем распоряжении имеется большое количество маленьких статуэток из обожженной глины («терракота»), которые переносят нас в обстановку обыденной действительности, особенно жизни женщин, а вместе с тем отражают тонкие вкусы мастеров и их заказчиков²¹.

В эпоху эллинизма искусство, естественно, оказалось в зависимости от новых условий жизни с ее более резкими социальными противоречиями: стремление властителей, как главных заказчиков, к великолепию и грандиозности, прославление их действий, грубый натурализм и т. п. Образцом этого может служить «Гигантомахия» (Битва богов с гигантами) на упомянутом выше алтаре Зевса в Пергаме (гл. VII, стр. 54—55). Этот горельефный фриз, простиравшийся на 130 метров, аллегорически прославлял победы пергамских царей над вторгшимися в Малую Азию галатами (галлами)²². Картина ожесточенной борьбы сильных людей, так как

²⁰ См. О. Ф. Вальдгауер. Этюды по истории античного портрета, т. I. Пг., 1922; т. II, 1938.

²¹ J. Chagnonnaud. Les terres — cuites grecques. Paris, 1936; М. М. Кобылина. Терракоты Пантикапея и Фанагории. Изд-во АН СССР, М., 1960; E. Paul. Antike Welt in Ton. Griechische und Römische Terrakotten des archäologischen Institutes in Leipzig. Leipzig, 1959.

²² См. Г. Д. Белов. Пергамский алтарь Зевса. Л., 1959; R. Hiere. Der Pergamon — Altar. Leipzig, 1961; E. M. Schmidt. Der grosse Altar zu Pergamon. Leipzig, 1961; E. L. Rohde. Pergamon, Burgberg und Altar. Berlin, 1964.

боги ничем не отличаются от людей и только некоторые из гигантов представлены со змеями вместо ног, мастерски передает крайнее напряжение сил, воинственный пыл, стра-

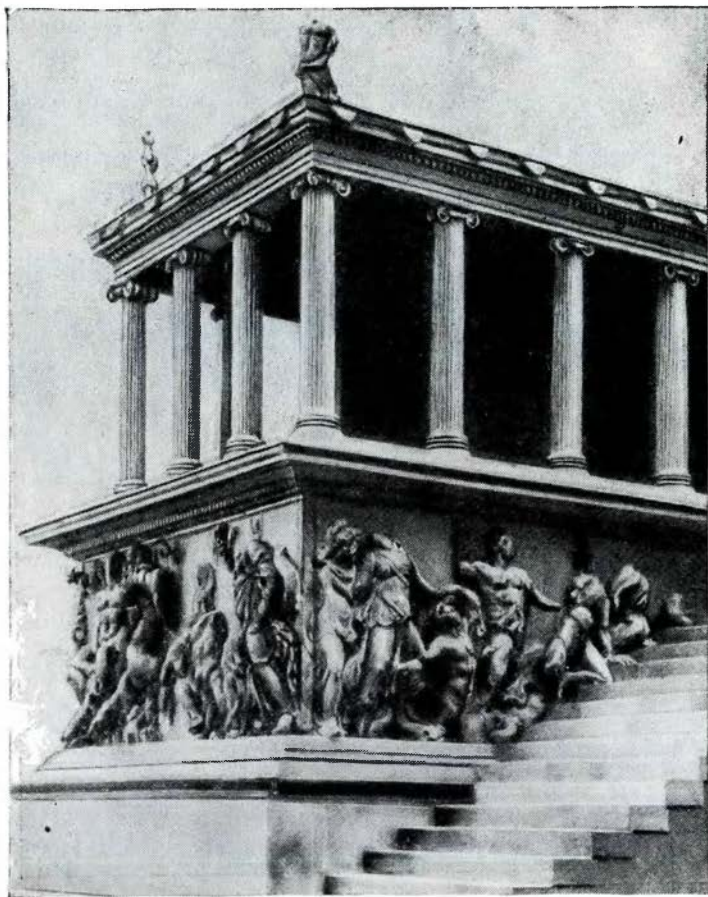
Гермес с младенцем Дионисом. Мраморная статуя Праксителя середины IV в. до н. э. Реставрированы ноги и правая рука

дания одних и ликование других. Но общий стиль при всем своем мастерстве далек от чарующей простоты скульптур Парфенона.

Близка к горельефам Пергама знаменитая мраморная группа, изображающая троянского жреца Лаокоона с двумя сыновьями, обвитого кольцами змей (см. рис. на стр. 52). Теперь установлено, что эта группа создана в середине I в. до н. э. на сюжет из сказаний о гибели Трои. Догадываясь, что в огромном деревянном коне, оставленном греками на берегу под стенами Трои, кроется какая-то хитрость, Лаокоон хотел остановить сограждан и не допустить их втащить его в город; однако конец Трои был предрешен богами, и по воле их Лаокоон был задушен змеями. Этот сюжет был подробно рассказан в недошедшей поэме «Разрушение Илиона», бегло упомянут в «Одиссее» (VIII, 492—515), а более обстоятельно в «Энеиде» Вергилия (II, 13—227). Мастерское изображение страданий человека, от которых все тело застыло в крайнем напряжении, служило

предметом тщательного изучения и давало материал для суждений о принципах искусства И. И. Винкельману, Г. Э. Лессингу, Гёте и другим. Образцами натурализма могут служить статуи «Кулачный боец» Аполлония, «Спящий сатир», «Пья-

ная старуха» и т. п. С другой стороны, блестящим примером обращения к формам классического искусства является замечательная статуя Афродиты Милосской, которая совмещает

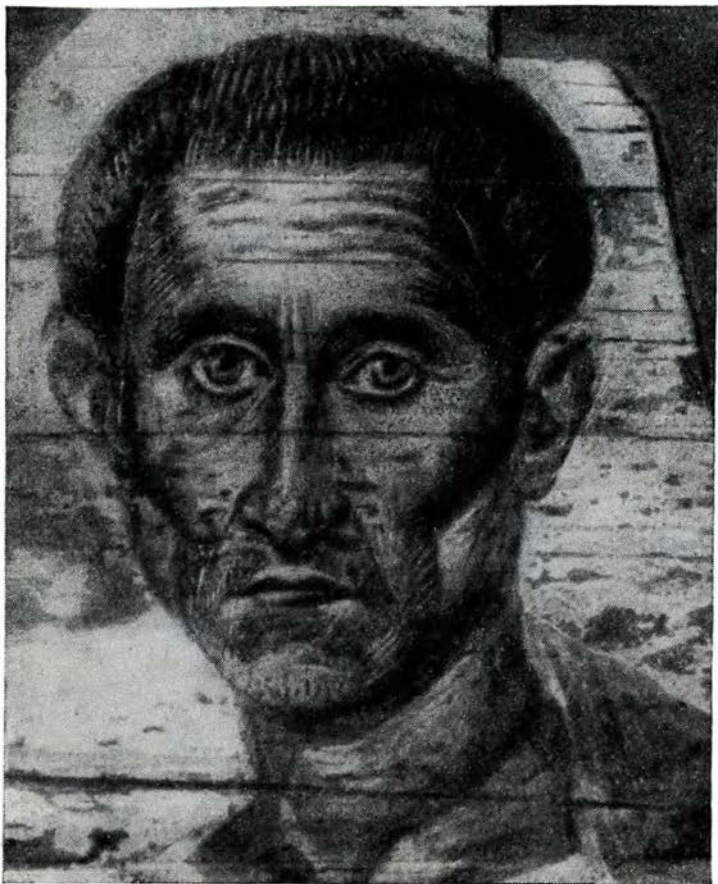

Алтарь Зевса в Пергаме, левое крыло. *Музей в Берлине*

в себе высокое изящество со строгой величавостью и простотой.

Наибольшее представление об эллинистической живописи и мозаике дают южноиталийские города: Помпеи, Геркуланы

ней и Стабии²³. Особенно много картин сосредоточено в богатом доме Веттиев. Хороший образец греческого мозаичного искусства дает целая картина с изображением битвы Алек-

Фаюмский портрет. ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве

сандра с Дарием, персидским царем, работы Филоксена. Если помпейская живопись охватывает ограниченный период времени, то более широкий (см. стр. 411) период в истории

²³ «Помпеянские росписи» (вступительная статья А. Починкова). «Искусство», М.—Л., 1937.

живописи дают южнорусские курганы, по которым можно проследить развитие ее за несколько веков²⁴. Подлинные образцы портретной живописи, более 400 экземпляров, известны нам среди находок в греко-египетских мумиях. Они называются «фаюмскими» по месту первых находок. Эти портреты, исполненные на деревянных дощечках восковыми красками, вкладывались по египетскому обычаю вместо маски на лица покойников. Некоторые из них достигают большой художественной выразительности²⁵. По их образцу позднее развилась христианская иконопись.

В Риме ваение и живопись не дают такого богатства, как в Греции, и в значительной степени обнаруживают на себе греческое влияние²⁶. Начало его восходит к искусству этрусков, в богатых усыпальницах которых находят много бронзовых и глиняных статуй, сосудов и украшений, стеной живописи и т. п. от VI—V вв. до н. э. и позднее. К числу таких произведений этрусских мастеров принадлежат «Капитолийская волчица», ряд портретных изображений, например, так называемый «Брут», «Оратор» (*L'arringatore*) и многие другие.

Среди многих этрусских обычаев, усвоенных римлянами, важное значение в развитии искусства имел обычай снимать с лица покойника восковую маску (*imago*), чтобы хранить ее в доме, как предмет религиозного почитания — пережиток древнего культа предков. Этот обычай подготовил благоприятную основу для развития реалистического портрета, в котором римские мастера проявили особенный талант. Об этом свидетельствуют многочисленные скульптурные портреты — бюсты и статуи римских деятелей, хранящиеся в разных музеях, каковы, например, изображения Цицерона, Юлия Цезаря, Августа и других; некоторые из них поражают психологической глубиной — вдумчивое, серьезное лицо Агриппы (сподвижник Октавиана), тип подлинного злодея в лице императора Каракаллы (211—217 гг. н. э.), выразительно лицо помпейского ростовщика Л. Цецилия Юконда и т. д. Сидящие статуи Августа (в Эрмитаже) и Нервы (96—98 гг. н. э.) полны политического смысла, напоминают Зевса Олимпийского. Выделяется, как единственная в своем

²⁴ См. М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913—1914.

²⁵ См. А. Стрелков. Фаюмские портреты. «Academia», М.—Л., 1936.

²⁶ См. М. М. Кобылина. Искусство древнего Рима. «Искусство», М.—Л., 1939; А. И. Воцилина. Очерк истории древнеримского искусства. Л., 1947.

роде, конная статуя императора Марка Аврелия Антонина (161—180 гг. н. э.).

Среди характерных памятников римского официального искусства необходимо отметить рельефы, украшавшие Алтарь Мира Августа, воздвигнутый в 13—9 гг. до н. э. (ср. гл. VII, стр. 173). Величавая женская фигура с двумя младенцами на руках, обвеваемая благодатными дыханиями

Благодать Мира. Мраморный рельеф с Алтаря Мира Августа 9 г. до н. э.

эфира в виде лебеда и моря в образе дельфина, с мирно пасущимся стадом у ног — это образ Италии, наслаждающейся благами мира под управлением Августа. На другой части Алтаря воспроизводится процессия к новому алтарю с портретными изображениями членов семьи и приближенных Августа. Если сравнить эту сцену с аналогичным изображением панафинейской процессии на фризе Парфенона, бросается в глаза разница художественных методов: там живость и разнообразие, здесь официальная сухость и однообразие.

Тенденциозно-политический смысл можно уловить и в прекрасной статуе Августа из виллы его супруги Ливии в Прима Порта. Он представлен со знаками военной власти — в панцире с жезлом и военным плащом на руке, в героизиро-

Октавиан Август. Мраморная статуя из Прима Порты начала I в. н. э.

ванном виде — с открытой головой и без обуви; сидящий у ног на дельфине Купидон должен напоминать о божественном происхождении рода Юлиев от Иула-Аскания, сына Энея. Изображенная на панцире сцена возвращения парфянским царем Фраатом IV в 20 г. до н. э. римских знамен, взятых в 53 г. при разгроме армии Красса, имеет явную цель показать торжество римского оружия и упрочение принципата.

С образцами чисто римской живописи лучше всего знакомят нас фрески из дома на Эсквилинском холме — иллюстрации к «Одиссее», свадебная сцена в собрании Альдобрандини, картины на стенах дома Ливии на Палатине и в ее же вилле в Прима Порта, в доме, известном под именем Фарнезины, а также в некоторых домах в Помпеях и в Геркулане — мы имеем высокие образцы рисунка и живость красок, несмотря на все повреждения времени²⁷. Много отдельных картин открыто и в более ранних погребальных склепах. На одной помпейской фреске в 1927 г. обнаружено изображение Спартака (см. стр. 368).

Выше мы указывали, что с конца I в. до н. э., когда Рим сделался центром огромного государства, он стал притягательной силой и для художников, благодаря которым для нас оказались сохранными копии многих произведений раннего искусства.

В эту пору античное искусство получило распространение по всем областям империи, и в настоящее время образцы его открываются не только во Франции, но и в северном Причерноморье, в Венгрии, Болгарии, Румынии, Месопотамии, Сирии, Бактрии, в Средней Азии — в районе Самарканда, в северной Африке²⁸.

Преобладающей чертой позднего римского искусства становится официальный характер. Но и в рельефах на триумфальной арке Тита, и в длинных лентах рельефов на 200 метров на колоннах Траяна и Марка Аврелия пробиваются реалистические сцены походной жизни или победное шествие войска Тита после взятия Иерусалима в 70 г. н. э. (см. стр. 421—422).

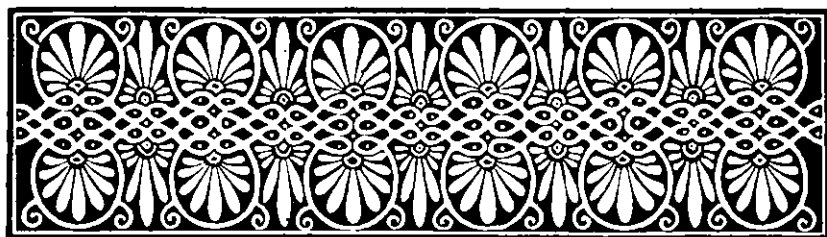
Усиливавшийся год от году кризис рабовладельческого

²⁷ А. Маюри. *La peinture Romaine*. Genève, 1953.

²⁸ См. С. П. Толстов. *Древний Хорезм*. Изд-во МГУ, 1948; К. В. Тревер. *Памятники греко-бактрийского искусства*. Л., 1940; М. I. Rostovtzeff. *Dura-Europos and its art*. Oxford, 1938; E. Condarachi. *Contributo allo studio della scultura Pontica in età imperiale* (Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae), 1962, t. X, fasc. 1—3, pp. 33—53; Y. Scilagyí. *Aquincum*. Budapest, 1956.

стройка вел к упадку и художественное творчество. Об этом свидетельствуют огромные статуи императоров Константина (306—337 гг. н. э.) и Феодосия (379—395 гг. н. э.), которые подавляют своей величиной и грубой обобщенностью форм. Стоит после этого взглянуть на мозаики в храме святого Виталия в Равенне (северная Италия), где изображается двор императора Юстиниана и его супруги Феодоры около 547 г. н. э., чтобы убедиться, что художник уже утратил представление о живой натуре: изображенные тут фигуры тщательно закутаны в одежды и непропорционально вытянуты; головы императора и императрицы увенчаны «нимбом» — «кругом» вроде сияния, как у святых на христианских иконах. Так позднеантичное обоготворение властителей вошло в идеологию христианской церкви. Культура человеческого тела, давшая блестящие образцы в античном искусстве, сменилась аскетическим умерщвлением плоти. Но это, хронологически более близкое к нам искусство остается чуждым нам по духу и не будит в нас тех гуманных чувств, которыми преисполнено античное искусство с его неувядающей прелестью.

ГЛАВА XIV

ГЛАВНЫЕ ЧЕРТЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ АНТИЧНОГО МИРА

Представление об античном мире и его культуре не может быть полным без знакомства с условиями повседневного быта, с общественной и частной жизнью античных народов¹. Если общественная жизнь нагляднее всего проявляется в деятельности государственных учреждений и теснейшим образом связана с государственным правом, то частная жизнь бывает видна в отношениях людей между собой — в уличной и домашней обстановке. Особое место должно быть отведено военной жизни, религиозным верованиям и отправлению

¹ См. В. В. Латышев. Очерк греческих древностей, ч. I, изд. 3. СПб., 1897; ч. 2, изд. 2. СПб., 1899; К. М. Колобова и Е. Л. Озерская. Как жили древние греки. Учпедгиз, Л., 1959; Н. В. Санчурский. Краткий очерк римских древностей для гимназий, прогимназий и самообучения. СПб., 1916; М. Целлер. Римские государственные и правовые древности (русск. пер.). М., 1893; П. Гиро. Частная и общественная жизнь греков (русск. пер.). М., 1893; его же. Частная и общественная жизнь римлян (русск. пер. С. П. Моравского). М., 1913; М. Е. Сергеевко. Жизнь древнего Рима. Изд-во АН СССР, М., 1964; Н. Blümner. Griechische Privataltertümer (K. F. Hermann. Lehrbuch der griechischen Antiquitäten, Bd. IV). Freiburg — Tübingen, 1882; Н. Blümner. Die Römischen Privataltertümer (Handbuch d. Klass. Altertums, IV Bd., 2. Teil, 2. Abt.). München, 1911; J. Marquardt. Das Privatleben der Römer, 2-te Aufl. Leipzig, 1886; P. Grimal. La civilisation Romaine. Paris, 1962; U. E. Paoli. Das Leben in Rom. Bern — München, 1961.

культов, положению женщины, воспитанию подрастающего поколения, положению рабов, роли физической культуры и спорта, зрелищам и театру.

Счастливые археологические открытия, о которых мы уже говорили (гл. VII), дают нам вещественное представление о жизни древних народов. Эти сведения дополняются документальным материалом надписей. Но живее всего они освещаются литературными свидетельствами. Художественные произведения, как поэмы Гомера, комедии Аристофана и Менандра, диалоги Лукиана, «мимиямбы» Геронда, отчасти даже греческие трагедии, в которых тоже можно найти немало откликов живой современности, произведения римских сатириков — Горация, Персия, Ювенала эпиграммы Марциала, отчасти и комедии Плавта и Теренция — все это воскрешает перед нами черты современного быта. Многие стороны жизни вырисовываются в рассказах историков а еще больше в речах ораторов — Лисия, Исея, Исократа, Демосфена, Цицерона и других. Богатейший материал содержат письма Цицерона. Свидетельства писателей дополняются объяснениями древних антикваров — Павсания, Плутарха (особенно, в так называемых моральных сочинениях), Афиней, Диогена Лаэртского, Авла Геллия, Валерия Максима, Макробия и т. д. Много частных, отдельных указаний дают «схолии», то есть древние комментарии к некоторым писателям, например к Аристофану, Пиндару, Теренцию, Вергилию, Горацию и т. д.

Античное общество по характеру производства и производственных отношений мы определяем как рабовладельческое, поскольку на всем протяжении его истории, какое доступно нашему наблюдению, за исключением самых ранних эпох родового строя, мы являемся свидетелями эксплуатации труда рабов. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» интересно определил историческое значение этой системы. Как ни отвратительна она сама по себе, она в свое время имела и прогрессивное значение. «Только рабство, — писал он, — сделало возможным в более крупном масштабе разделение труда между земледелием и промышленностью и таким путем создало условия для расцвета культуры древнего мира — для греческой культуры. Без рабства не было бы греческого государства, греческого искусства и греческой науки; без рабства не было бы и Римской империи. А без того фундамента, который был заложен Грецией и Римом, не было бы и современной Европы. Нам никогда не следовало бы забывать, что все наше экономическое, политическое и интеллектуальное развитие имеет своей предпосылкой такой строй, в котором раб-

ство было в той же мере необходимо, в какой и общепризнано. В этом смысле мы вправе сказать: без античного рабства не было бы и современного социализма»².

Разделение труда, при котором тяжелые работы были возложены на рабов, дало возможность гражданам посвящать больше внимания вопросам организации государства, занятиям науками и искусствами и, таким образом, достигнуть в них высших ступеней и создать ценности мирового значения, вызывавшие восторженные отзывы Гёте, Белинского, К. Маркса и многих других. Но, с другой стороны, для рабовладельцев создавалась угроза от эксплуатируемых. Интересами самозащиты Ф. Энгельс объясняет организацию государства как «учреждения, которое увековечило бы не только начинающееся разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплуатацию неимущего и господство первого над последним»³. Эта мысль была развита еще В. И. Лениным, который в лекции «О государстве» писал, что государство «появляется там и тогда, где и когда появляется деление общества на классы, когда появляются эксплуататоры и эксплуатируемые». И он продолжает свою мысль: «...государство времен рабовладельческой эпохи было государством рабовладельческим, все равно — была ли это монархия или республика аристократическая или демократическая»⁴. Хотя и в древности находились мыслители (например, поэт Эврипид) и даже целые философские школы, которые считали рабство противоречащим природе (школы киников и стоиков), но общее мнение не видело в нем ничего противоземного, и даже Аристотель, «величайший мыслитель древности», по признанию К. Маркса⁵, утверждал, будто от природы одни люди рождены, чтобы властвовать, а другие — чтобы подчиняться («Политика», I, 1, 4, р. 1252 а 31—34). Выражая общее мнение своих современников, он различал предметы и орудия неодушевленные и одушевленные — *τὰ μὲν ἄψυχα ὄργανα, τὰ δὲ ἔμψυχα* («Политика», I, 2, 4, р. 1253 b 25—33) и к последним относил рабов (ср. «Никомахова этика», VIII, 13, р. 1161 b 4). Эту мысль полностью разделял и римский ученый I в. до н. э. Варрон, который в сочинении «О сельском хозяйстве» (I, 17, 1) писал,

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20. Госполитиздат, М., 1961, стр. 185—186.

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 21, стр. 108.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 436 и 442.

⁵ К. Маркс. Капитал. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 419.

что орудия труда различаются: «обладающие голосом» — *instrumentum vocale* — рабы, «наполовину обладающие голосом» — *semivocale* — животные, и «немые» — *muta*, то есть предметы, как, например, *plaustrum* — телега⁶.

Уже на заре истории, в так называемую «крито-микенскую» эпоху, как показали недавно прочитанные надписи, во II тысячелетии до н. э. применялся рабский труд. Самый ранний памятник греческой литературы — поэмы Гомера, относящиеся, вероятно, к концу IX или началу VIII в. до н. э., вводят нас в обстановку рабовладельческих отношений, причем рабами оказываются по преимуществу военнопленные, но частично рабы приобретаются и путем покупки. Примером этого может быть судьба «божественного свинопаса» Эвмея: будучи царским сыном, он был увезен финикийскими купцами и продан Лаэрту, отцу Одиссея («Одиссея», XV, 403—484), а за нянюшку Одиссея и Телемаха Эвриклею Лаэрт заплатил 20 быков («Одиссея», I, 431). Так и сын Приама Ликаон, взятый в плен Ахиллом, был продан на остров Лемнос и куплен жителем Имброса, но оттуда бежал («Илиада», XXI, 34—44). Войны, предпринимаемые главным образом с грабительской целью, приносили победителям добычу не только в виде каких-нибудь богатств, но и в виде рабочей силы — рабов. Сосредоточение большого количества их в руках отдельных владельцев давало этим последним экономические преимущества перед другими и позволяло обращать эту силу не только на обеспечение своего существования, но и на приобретение прибавочной ценности, а через это и на возможность эксплуатации беднейшей части свободного населения. Так среди свободных возникали новые противоречия и борьба.

С другой стороны, рабовладение несло пагубные последствия в том отношении, что растлевающее действовало на психику самих рабовладельцев, приучая их смотреть с презрением на всякий труд, как на что-то недостойное свободного человека. «*Рабство* — там, где оно является господствующей формой производства, — писал К. Маркс, — превращает труд в рабскую деятельность, т. е. в занятие, бесчестящее свободных людей»⁷. Ф. Энгельс справедливо замечал: «Не демократия погубила Афины..., а рабство, которое сделало труд свободного гражданина презренным»⁸. Но и сам труд подне-

⁶ Ср. К. Маркс. Капитал. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 208.

⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 643.

⁸ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 119.

вольного человека по качеству не может равняться с производством свободного, который заинтересован в результатах своего труда. Это наблюдение отмечено уже Гомером в словах свинопаса Эвмея:

Если рабам господя не дают никаких приказаний,
Сами не думают вовсе за нужное дело приняться.
Ведь половины достоинств лишает широкогремящий
Зевс человека, когда его рабская доля достигнет.

(«Одиссея», XVII, 320—323)

Низкую производительность рабского труда хозяева старались возместить количеством рабов. Но К. Маркс весьма тонко заметил, что высший расцвет афинского государства в середине V в. до н. э. объясняется именно тем, что в ту пору рабство еще не успело овладеть производством и преобладал труд мелких землевладельцев и свободных ремесленников⁹. Уже с конца V в. до н. э. положение в греческих полисах стало серьезно изменяться. Увеличивалось количество рабов, а вместе с тем ухудшалось и их положение: они превращались в товар, из которого владелец старался извлечь наибольшую выгоду. У оратора Лисия и его брата Полемарха была мастерская (*ἐργαστήριον*) щитов, в которой работало 120 рабов (Лисий, XII, 19). Оратор Демосфен говорит, что у его отца были два таких «эргастерия» — один с 32 или 33 рабами, делавшими ножи, и другой — с 20 кроватными мастерами (XXVII, 9, 24, 31; XXVIII, 8; 12). А Ксенофонт называет ряд крупных богачей своего времени — стратега Никия, который, имея тысячу рабов, отдавал их внаем для работ в серебряных рудниках — работ, сопряженных с серьезной опасностью частых обвалов; Гиппоника, таким же образом эксплуатировавшего своих 600 рабов, и Филемонида, имевшего 300 рабов («О доходах», 4, 14—15). Разумеется, отношение к ним бывало весьма суровым. Домашних рабов посылали в виде наказания на мельницу (Лисий, I, 18). У Аристофана приводится целый перечень наказаний — в том числе подвешивание на лестнице, стегание кнутом, выкручивание членов, вливание уксуса в нос и т. д. («Лягушки», 618—622)¹⁰. Реакция со стороны рабов вначале была чисто пассивная — бегство от хозяев. Фукидид сообщает, что во вторую половину Пелопоннесской войны, когда спартанцы проч-

⁹ См. К. Маркс. Капитал. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 346, прим. 24.

¹⁰ См. С. И. Соболевский. Аристофан и его время. Изд-во АН СССР, М., 1957, стр. 291—347.

но утвердились в Декее, из Афин к ним перебежало более 20 тысяч рабов (VII, 27, 4), а почти в то же время на острове Хиосе множество рабов убежало к афинянам (VIII, 40, 2).

В Афинах положение рабов было лучше, чем в других государствах. Неизвестный автор олигархического трактата «Афинская полития», дошедшего среди сочинений Ксенофонта, возмущается свободным поведением рабов в Афинах, но признает в то же время, что предоставляемая им независимость делает их труд более продуктивным и приносит выгоду самим рабовладельцам (I, 10—12).

В IV в. до н. э. в жизни Греции стали наблюдаться явные признаки обнищания народных масс, не находивших заработка вследствие конкуренции рабского труда, и превращение их в паразитический люмпен-пролетариат. А вместе с тем нередко и сами рабовладельцы приходили к сознанию, что содержание огромной толпы рабов не окупается их работой, и они предпочитали отпускать рабов; в этом таилась серьезная угроза социальной революции, и требовались меры к ее предотвращению (Демосфен, XVII, 15). По показаниям древних писателей, в Афинах по переписи 312 г. до н. э. состав населения определялся в круглых цифрах так: 21 тысяча граждан, 10 тысяч метеков и 400 тысяч рабов. На острове Эгине рабов насчитывалось до 470 тысяч, а в Коринфе — до 640 тысяч (Афиней, VI, 103, р. 272 A—D). Остров Делос, сделавшийся во II—I вв. до н. э. важным торговым пунктом, производил ежедневный оборот купли-продажи рабов в количестве нескольких тысяч (Страбон, XIV, 5, 2, р. 668). Если даже допустить, что в приведенных цифрах есть преувеличение, останется факт, что количество рабов в городах значительно превосходило число граждан¹¹. В эпоху эллинизма (III—I вв. до н. э.) после подчинения восточных областей Александром и его преемниками это соотношение возросло еще более.

Аналогичный процесс происходил и в Риме, но в соответствии с нравами его граждан имел более суровый характер. Дионисий Галикарнасский (на рубеже новой эры) отметил различие в нравах обоих народов, говоря о существовавшем у римлян с древнейших времен и утвержденном «законами XII таблиц» праве отца продать сына в рабство («Римские древности», II, 27). Римские специалисты по ведению сельского хозяйства Катон, Варрон и Колумелла в дошедших до

¹¹ Ср. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 119; 167, 170; ср. т. 20, стр. 165.

нас сочинениях дают весьма кропотливый расчет количества рабов, необходимых в поместье, и распределение их обязанностей и даже их пропитания¹². Мы узнаем, что часть рабов содержится в подвальном помещении в оковах (Колумелла, I, 6, 3), и все одинаково находятся под строгим надзором виллика (старосты) и управляющего (I, 6, 7—8). Катон строго учитывает и питание рабов: летом, в пору напряженных хозяйственных работ, дает больший паек, чем зимой, в качестве питья — вино из виноградных выжимок, которое под конец превращается в настоящий уксус; некоторую прибавку допускает он для тех, которые работают закованными в цепи; тщательную экономию предусматривает он и в одежде (56—59, ср. 104). Старого раба, так же как и остаревшую скотину, он рекомендует поскорее продавать, чтобы взамен приобретать молодых, более трудоспособных работников (2,7).

Колумелла уже говорил о лучших качествах труда свободных земледельцев — колонов в сравнении с рабами (I, 7). Однако для рабовладельцев имело значение то преимущество рабов, что они не подлежали призыву на военную службу и, оставаясь на своем месте, заводили семьи и быстро увеличивали состав «фамилии» хозяина (Аппиан, «Гражданские войны», I, 7). Почти непрерывные войны, которые велись Римом в разное время, особенно же с III в. до н. э., с образованием провинций, имели результатом наплыв в Италию огромной толпы пленников-рабов. Так, по окончании III Македонской войны в 167 г. до н. э. было пригнано 150 тысяч рабов (Плутарх, «Эмилий Павел», 29). Дальнейшие завоевания наводняли страну новыми толпами рабов самых различных национальностей — греков, фракийцев, фригийцев, галлов, испанцев, германцев, славян, скифов, иудеев, африканцев и т. д. В развалинах Помпейских домов находят скелеты людей, прикованных цепями. Среди археологических находок имеются образцы медных ошейников с надписями, указывающими имена рабовладельцев, которым принадлежали их носители. О жестоких наказаниях, которым подвергали рабов, немало говорят литературные свидетельства и памятники изобразительного искусства. Не приходится удивляться, что иногда терпение истязаемых прорывалось и обращалось на виновников. Тацит рассказывает потрясающий случай, когда префект Рима Педаний Секунд в 61 г. н. э. был

¹² Катон, Варрон, Колумелла, Плиний. О сельском хозяйстве. Сельхозгиз, М.—Л., 1937.

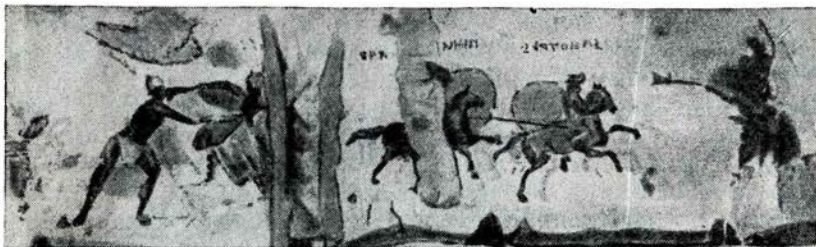
убит своим рабом, которому, несмотря на полученный выкуп, хозяин не давал свободы. Действовавший в это время закон требовал, чтобы все рабы, находившиеся во время убийства в доме, были казнены вместе с убийцей, как соучастники, а их было 400. Несмотря на возмущение народа, эта казнь была приведена в исполнение («Анналы», XIV, 42—45).

Сведения об отдельных вспышках волнений рабов мы имеем из разных времен, но они стали переходить в целые восстания тогда, когда количество рабов в Греции и в Риме стало значительно превосходить численность гражданского населения. К началу III в. до н. э. относится восстание на острове Хиос под начальством Дримакса, продолжавшееся несколько лет (Афиней, VI, 88—90, р. 265 С — 266 E). К 137—132 г. относится первое восстание рабов в Сицилии, поднятое под начальством сирийца Эвноя (Диодор, XXXIV, 2, 1—48). Почти одновременно с этим происходило восстание в Малой Азии под предводительством Аристоники, который был побочным сыном предпоследнего пергамского царя Эвмена II. Оно началось в связи с передачей во власть Рима всего царства по завещанию Аттала III. Свободное бедняцкое население соединилось с рабами. Они воодушевлялись мечтой о создании «государства солнца» (Страбон, XIV, 38, р. 646; Помпей Трог, фр. 149—150; Веллей, II, 4; Валерий Максим, III, 2, 12). А в 104 г. разразилось второе восстание рабов в Сицилии, длившееся почти четыре года (Диодор, XXXVI, 2—10). Эти движения нашли отклик и в землях Причерноморья. Херсонесская надпись в честь Диофанта, действовавшего от имени царя понтийского Митридата, показывает, что он был прислан для подавления восстания рабов под начальством Савмака. Это подтверждается монетой с его именем. Восстание явно поддерживалось земледельческим населением страны¹³.

Среди многочисленных обязанностей, которые возлагались на рабов, самой возмутительной была служба в гладиаторах, когда они для потехи толпы должны были биться с дикими зверями или даже между собой в амфитеатрах и цирках (см. гл. XVII). Однако подготовка рабов для этой цели была игрой крайне опасной для всего существования рабовладельческого строя, так как люди, обученные этому искусству, легко могли обратить данное им оружие и свое мастерство против своих владельцев. В гражданских смутах

¹³ См. С. А. Жебелев. Последний Перисад и скифское восстание. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 82—115. Ср. выше, стр. 312.

конца республики нередко вожди отдельных группировок вооружали своих рабов для действия против своих соперников. В 50-х годах до н. э. на улицах Рима и в других местах происходили стычки между бандами Клодия и Милона. Во главе одной группы гладиаторов в Капуе стал фракиец Спартак в 74 г. до н. э. Восстание приняло грандиозные размеры тем более, что к нему примкнуло много разорившихся крестьян¹⁴. Спартак призывал товарищей отдать жизнь лучше за свою свободу, чем ради потехи толпы в амфитеатре. Он собрал армию более чем из ста тысяч воинов, нанес несколько

Последняя битва Спартака (второй справа). Помпейская фреска

серьезных поражений регулярным войскам, и только раздоры между восставшими дали возможность Крассу в 71 г. нанести им поражение, в котором геройской смертью погиб Спартак (Аппиан, «Междоусобные войны» I, 116—120; Плутарх, «Красс», 8—11; Эвтропий, VI, 7). Шесть тысяч взятых в плен были распяты на крестах по всей дороге от Капуи до Рима. Память об этом восстании осталась на долгие годы.

Вся история римской империи полна упоминаний о мелких или крупных попытках поднять восстание. В III и V вв. н. э. Галлия и Испания дважды были охвачены движением багаудов, в IV в. провинция Африка была потрясена движением «бродяг» — циркумцеллионов¹⁵.

¹⁴ См. А. В. Мишулин. Спартакосское восстание. Революция рабов в Риме в I в. до н. э. Соцэкгиз, М., 1936; его же. Революция рабов и падение римской республики. «Правда», М., 1936.

¹⁵ См. Н. А. Машкин. Агонистики, или циркумцеллионы в Кодексе Феодосия. «Вестник древней истории», 1938, № 1, стр. 83—84; его же. К вопросу о революционном движении рабов и колонов в Римской Африке. «Вестник древней истории», 1949, № 4, стр. 51—52; Th. Buttner und E. Werner. Circumcellionen und Adamiten. Zwei Formen mittelalterlicher Haeresie. Berlin, 1959.

Уже самый перечень этих и подобных им движений показывает зыбкость той почвы, на которой покоилось античное рабовладельческое общество, а к этому присоединилось еще растущее противоречие в среде самих рабовладельцев — между богатыми и бедными.

Общественная жизнь гражданского населения прежде всего видна в деятельности высших государственных учреждений. Примитивному укладу жизни спартанцев соответствует доходящая до наивности простота их политических порядков. Юридически их «апелла», народное собрание, имеет полноту власти, но в действительности оно ограничено только правом принять или отвергнуть предложение, внесенное правительством, то есть герусией в составе двух царей и 28 геронтов, к которым прибавилась в дальнейшем власть пяти эфоров (Плутарх, «Ликург», 6). Формы же голосования Аристотель считал «детскими» («Политика», II, 6, 16, р. 1270 *b* 286, 6, 18, р. 1271 *a* 10). Плутарх в таких словах описывает порядок выборов в Спарте: «Когда соберется Народное собрание, особо выбранные люди забирались в расположенное поблизости помещение, причем ни они не должны были видеть происходящего, ни их самих нельзя было видеть, и только до них доносились крики собравшихся. По крику они должны были судить о соревнующихся — не о всех сразу, а о каждом в отдельности по мере того, как по жребию его вводили и он молча проходил через собрание. Таким образом, замкнутые в помещении, они у себя в списках отмечали о каждом силу крика, не зная, к кому он относится, а только в порядке, в каком проводились — первый, второй, третий и т. д. В пользу кого оказывался наиболее продолжительный и сильный крик, того и объявляли избранным» («Ликург», 26).

Аристотель отмечает также, что вопреки намерениям законодателя весь строй Спарты постепенно выродился и вместо демократического стал узко олигархическим и даже совместное столование в «сисситиях» привело к исключению обедневших, так что число полноправных спартианцев с 31 500 сократилось до одной тысячи («Политика», II, 6, 11, р. 1270 *a* 19—21; 7, 21, р. 1271 *a* 25—37). А в III в. до н. э., как видно из сообщения Плутарха («Агис», 5, 4), при царе Агисе IV их число понизилось уже до 100. Зато при крайнем упадке мелкого землевладения более двух пятых земельного фонда сосредоточилось в руках богатых наследниц, а вместе с этим и наибольшее влияние в государстве (Аристотель, «Политика», II, 6, 7, р. 1269 *b* 31—34; 6, 11, р. 1270 *a* 23—25).

Об общем распорядке всей жизни спартанцев, отличном

от жизни других греков, довольно подробно рассказал Ксенофонт в сочинении «Государственное устройство лакедемонян» («Лакедемонская полития»), правда, с обычной у него идеализацией этого строя.

Наиболее развитая общественная жизнь была несомненно у афинян, да она же и лучше всего нам известна.

Систематическое описание Афинского государственного устройства дает Аристотель в «Афинской политии» (гл. 43—62). Уже из постоянной формулы, которая встречается в аттических надписях V—IV вв. до н. э., видно, что главными правящими органами считались «Совет и Народ» (ἐδοξεν τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ). Выразителем воли народа было Народное собрание. «Совет состоит из пятисот членов, избираемых по жребию по 50 от каждой филы»,— так характеризует этот орган Аристотель («Афинская полития», 43, 2). Так как Совету надлежало всегда быть в курсе всех государственных дел и некоторые даже решать в срочном порядке, из его состава выделялась часть членов для постоянного дежурства — они назывались «пританами», 50 членов одной из десяти фил, представленных в Совете. Порядок дежурства распределялся между филами по жребию, так что на каждую приходилось нести эти обязанности в течение десятой части года, что составляло 35 или 36 дней, так как обычный год исчислялся в 354 дня (нехватка дней восполнялась в високосные годы вставочными месяцами, и тогда дежурство растягивалось на 38—39 дней). Дежурная часть Совета, как и срок дежурства, называлась «пританиями».

Пританы имели полномочие разрешать мелкие дела общественного значения, а о более важных они докладывали всему составу Совета, а от Совета зависел созыв Народного собрания. В течение одной притании оно обычно имело четыре регулярных заседания, в экстренных же случаях созывались чрезвычайные собрания. Для Народного собрания Совет обыкновенно подготовлял доклад и проект постановления (προβούλευμα). На заседании Народного собрания пританы составляли президиум. В V в. пританы из своей среды выбирали председателя (ἐπιστάτης), который и должен был вести собрание; в IV в. перед открытием заседания стали выбирать еще десятерых «проедров», а те из своей среды по жребию выбирали председателя на данное собрание (Аристотель, «Афинская полития», 44, 1—3).

К участию в заседаниях Народного собрания допускались все полноправные граждане Афин. Однако фактически далеко не все имели возможность или даже желание осуществ-

лять свое право, так как одни находились в отдаленном походе, другие не могли явиться за дальностью места жительства, особенно земледельцы к горячую пору сельскохозяйственных работ, и т. д. Уже в начале V в. для обсуждения столь важного вопроса, как остракизм, определен был обязательный «кворум» — присутствие не менее шести тысяч граждан. В общем преобладающее большинство в собрании составляли жители города, а к концу V в. это были отбившиеся от земли и жившие за счет государства нищие — ὄχλος, легко поддававшиеся на обманчивые призывы демагогов (Аристотель, «Политика», IV, 10, 6, р. 1297 а 36—38). Для поднятия активности граждан тогда же была введена плата за участие в заседаниях — сначала один, а затем и три обола (Аристотель, «Афинская политика», 41, 3). Это оказывалось существенным подспорьем в бедняцком хозяйстве, и охотников явилось так много, что пришлось ограничить их число чтобы получить жетон на оплату, нужно было пораньше прийти на Пникс, где происходили заседания (Аристофан, «Женщины в Народном собрании», 290—292).

Заседание открывалось очистительным жертвоприношением. Затем председатель оглашал вопросы, предлагаемые на обсуждение, и глашатай обращался к присутствующим с вопросом: «Кто желает говорить?» Желающие выступали, и таким образом начинались прения. Афиняне гордились своей свободой слова и равенством всех. Об этом говорил Перикл в «Надгробном слове» (Фукидид, II, 37, 1). Особенно выразительно представил это Эврипид, вложив в уста мифического Тезея следующие слова («Просительницы», 438—441):

А тот свободы голос: «Кто желает
На благо родине совет подать?»
Коль хочешь, славу за совет заслужишь;
Не то — молчишь. Где ж равенство полнее?

О ходе прений можно судить даже по официальным протоколам, содержащимся в некоторых надписях. Вот, например, постановление Афинского народного собрания о взаимоотношениях своего государства с Халкидой (остров Эвбея) от 446/445 г. до н. э. после подавления поднятого там восстания против Афин¹⁶. Оно начинается с указания внешних данных: «Совет и Народ решили, Антиохиды исполняла

¹⁶ W. Dittenberger. Sylloge inscriptionum Graecarum, ed. 3, t. I. Lipsiae, 1915, N 64. Перевод см. в кн.: Д. А. Жарнинов, Н. М. Никольский, С. И. Радциг и В. Н. Стерлигов. Древний мир в памятниках его письменности, т. II. М., 1916, стр. 173—175.

обязанности пританов, Драконтид был председателем, Диогнет заявил...» Оратор предложил взаимной присягой обеспечить права халкидян и обязательство их соблюдать верность Афинам и союзу с ними и взнос податей согласно договоренности. Другой оратор Антикл предложил договор этот заключить на тех же условиях, как с эретрийцами, и для выполнения дела немедленно избрать пятерых лиц и направить их в Халкиду, причем внести соответствующие оговорки относительно проживающих там иностранцев. Затем добавление сделал третий оратор Архестрат о том, чтобы взыскания по отчетности представлялись местными властями на месте, а афинскими в Афинах и только дела о лишении гражданской чести (*ἀτιμίαι*), об изгнании и смертной казни представлялись в Афины на рассмотрение суда присяжных.

Более живое описание процедуры заседаний дают нам историки. Так, например, у Фукидида находим рассказы о заседаниях в Спарте и в Афинах перед началом Пелопоннесской войны (I, 67—88), обсуждение военных операций при Сфактерии в 425 г. (IV, 57—28), перед походом в Сицилию в 415 г. (VI, 8—26). Живую сцену Народного собрания представил Эврипид в трагедии «Орест» 408 г. до н. э. (884—942). Хотя по внешней форме действие должно относиться к мифологическому времени, поэт модернизирует обстановку, вводя черты своего времени, рисуя беспринципность толпы и неблагоприятную роль демагогов. Он противопоставляет им простого честного крестьянина, который редко заходит в город и на площадь — человека, живущего трудами рук своих, — социально-политический идеал поэта.

Наоборот, в пародийном виде представляет сцены Народного собрания Аристофан в комедиях «Ахарняне» (425 г. до н. э.) и «Женщины в Народном собрании» (392 г. до н. э.). В первой из них представлен простой крестьянин Дикеополит, который спозаранку пришел на Пникс, где происходят заседания, надеясь там услышать добрую весть о мире. Но граждане не торопятся, и только после долгого ожидания он видит, что появляются пританы и народ теснится на передние места, скифские стрелки в качестве полицейских наводят порядок. Послы, вернувшиеся из Персии, докладывают о своей поездке. Появляется посол персидского царя, другой посол из Фракии. Видя, что о мире нет и речи, Дикеополит объявляет о небесном знамении в виде упавшей на него капли дождя и этим срывает заседание, так как суеверные люди во всяком необычном явлении готовы были видеть неодобрение богов. Подобная же пародия представлена и в «Женщи-

нах в Народном собрании». Неудовлетворительность современного положения Афин показана в забавной сцене, когда женщины, нарядившись мужчинами, заняли места в Народном собрании и провели закон о передаче всего управления в руки женщин (383—476).

Особенно наглядное представление мы получаем из рассказа Ксенофонта о заседании, на котором обсуждалось дело стратегов, одержавших победу над спартанцами при Аргинусских островах (близ Лесбоса) в 406 г. до н. э. Стратеги были обвинены в том, что после битвы не подобрали воинов и трупы с разбитых кораблей: этому помешала разыгравшаяся буря. Дело обсуждалось сначала в Совете, и по его распоряжению обвиняемые были взяты под стражу. Этому делу была придана религиозная окраска, и оно не было передано в суд присяжных, как бы следовало, а поставлено на рассмотрение Народного собрания. На первом заседании были заслушаны сообщения о битве и объяснения шести стратегов, а окончательное решение перенесено на следующее заседание. Между тем некоторые люди, подстрекаемые Фераменом, который сам в первую очередь подлежал ответственности, так как в его обязанности входило оказание помощи пострадавшим кораблям, развили агитацию, играя на религиозных чувствах народа. Вот как об этом рассказывает Ксенофонт: «Затем устроили собрание, на котором Совет внес предложение (γνώμη), сделанное Каллисфеном: «Так как на предыдущем заседании заслушали речи обвинителей, высказывавшихся против стратегов, и защитительные речи последних, предлагается афинянам произвести голосование: по филам и для этого поставить в каждой по две урны (ὄβριαι), в каждой филе глашатай должен объявить, что тот, кто считает стратегов виновными в том, что они не подобрали победителей в морском бою, опустит камешек (ψῆφος) в первую урну, а кто против — во вторую. Если признают их виновными, следует подвергнуть их смертной казни, для чего передать одиннадцати¹⁷, имущество конфисковать, а десятину зачислить в казну богини» («Греческая история», I, 7, 9—10).

Во время начавшихся прений выступил один свидетель, который спасся с разбитого корабля, и от лица погибших требовал мщения. В развернувшихся прениях высказывались различные мнения. Некий Эвриптолем указывал на противозаконность обсуждения дела в Народном собрании и настаи-

¹⁷ Специальная коллегия, ведавшая тюрьмами и исполнением смертных приговоров.

вал на передаче его в суд присяжных. Однако разложение рабовладельческого общества оказалось в эту пору настолько глубоким, что численно преобладавшая в собрании беспринципная толпа люмпен-пролетариев (*ὄχλος*) во имя мнимого права народа решать все дела по своему произволу (I, 7, 12) требовала огульным голосованием (*μὴ ψήφῳ*) приговорить всех к смертной казни. Сократ, исполнявший в этот день обязанности председателя (*ἐπιστάτης τῶν πρυτάνεων*), отказался, несмотря на протесты толпы, поставить такое предложение на голосование (I, 7, 15, ср. «Воспоминания», I, 1, 18 и IV, 4, 2; Платон, «Апология», 20 р. 32 В). Тем не менее предложение было принято, и шестеро стратегов-победителей были казнены, только четверем удалось заблаговременно спастись бегством.

Допуская естественную возможность принятия Народным собранием неправильного решения, афинское законодательство предусматривало обжалование всякого постановления в течение годичного срока в виде «жалобы на противозаконие» (*ὑραφή λαράνῳων*). Оратор Эсхин даже называл это право «оплотом демократии» (III, 4—8), и политические деятели, в том числе Демосфен и Эсхин, нередко прибегали к такой форме протеста против казавшихся им неправильных решений.

Яркое описание экстренного заседания Совета и Народного собрания оставил Демосфен в своей знаменитой речи «О венке». Он рассказывает тут, как в 338 г. в Афинах получено было известие о том, что Филипп Македонский неожиданно прошел с войском через Фермопилы и захватил крепость Элатею на границе Беотии. Это угрожало серьезной опасностью Афинам, так как они отделены лишь владениями фиванцев, состоявших в союзе с Филиппом. Вот его слова: «Был вечер. Вдруг пришел кто-то к пританам и принес известие, что Элатея захвачена. Тут некоторые — это было как раз во время обеда — поднялись с мест и стали удалять из палаток на площади торговцев и устраивать костер из загородок, другие пошли приглашать стратегов и вызывать трубача. По всему городу поднялась тревога. На следующий день с самого рассвета пританы стали созывать Совет в бульвартерий, а вы направились в Народное собрание, и не успел еще Совет обсудить дело и составить пробулевму, как весь народ сидел уже там наверху (то есть на Пниксе.— С. Р.). После этого туда явился Совет. Пританы доложили о полученных ими известиях, представили самого прибывшего, и тот рассказал обо всем. Тогда глашатай стал спрашивать: «Кто желает говорить?» Но не выступал никто. И хотя уже

много раз глашатай повторял свой вопрос, все-таки не поднимался никто...» (XVIII, 169—170). Подготовив таким образом слушателей к пониманию трудности создавшегося положения и желая показать свою собственную роль в этот момент, Демосфен передает суть внесенных им предложений: ободриться самим и держаться в боевой готовности; забыть о враждебных отношениях с фиванцами и понять, что несмотря на союз их с Филиппом, им самим грозит опасность порабощения, и что, следовательно, надо предложить помощь им и с этой целью немедленно отправить к ним посольство (XVIII, 177—178). Все предложения Демосфена были приняты, и он сам отправился в Фивы во главе посольства. Как известно, это посольство имело успех, и против врага афиняне пошли в союзе с фиванцами.

В дополнение к общей картине Народного собрания необходимо учитывать и то действие, которое оказывали речи ораторов на слушателей, и мы знаем немало примеров отрицательного влияния на невежественную толпу ловких демагогов вроде Клеона, Гипербола, Алкивиада, Клеофонта и других. Демосфен с горечью упоминает, какими грубыми выходками не раз пытались сбить его продажные представители македонской партии. Филократ, например, позднее осужденный за подкупность при заключении мира с Филиппом в 346 г. до н. э., перебил однажды Демосфена словами: «Нет ничего удивительного в том, что мы с Демосфеном не сходимся во взглядах: ведь он пьет воду, а я вино. И вы тогда смеялись» (XIX, 46).

Так как по закону выступать в Народном собрании имели право все совершеннолетние граждане, с молодыми и неопытными ораторами нередко случались неприятности. Первые выступления Демосфена, как известно из его биографии (Плутарх, «Демосфен», 6—7), обнаружили неумение держаться, слабость голоса и недостатки речи: он был освистан. А бывало и так, что молодых честолюбивцев насильственно удаляли с трибуны, как это было с одним из молодых друзей Сократа (Ксенофонт, «Воспоминания о Сократе», III, 6, 1). За порядком наблюдали пританы, которые в крайних случаях обращались к помощи «полиции» — скифских стрелков (Платон, «Протагор», 10, р. 319 С).

К сказанному необходимо еще добавить, что на большинство должностей, в том числе и архонтов, выборы производились по жребию (Аристотель, «Афинская политика», 55—59). Только на высшие военные должности — 10 стратегов и 10 таксирхов, а также на высшие финансовые долж-

ности казначеев государственной казны (казны богини) и союзной казны требовался имущественный ценз первого класса, и выборы производились открытым голосованием — поднятием рук (хиротонией) («Афинская политика», 61).

Социальные и политические изменения, происходившие в стране, естественно, приводили к образованию разных общественных группировок, которые вступали в борьбу между собой и сменяли одна другую. Одни держались старины. Таковы были Мильтиад, Аристид, Кимон, Фукидид из Алопеки и другие, а некоторые склонялись в симпатиях к Спарте. Передовое течение возглавлялось Фемистоклом, Эфиальтом, Периклом. Это разделение еще более резко определилось в период Пелопоннесской войны, когда, по словам Фукидида (I, 1, 1), вся Греция распалась как бы на два лагеря. Помимо лаконофильских симпатий, которые особенно резко были представлены Антифонтом, Критием и некоторыми другими, в Афинах шла тяжелая борьба между военной партией, возглавлявшейся демагогами Клеоном, Алкивиадом, Клеофонтом и другими, и партией мира, которая пользовалась поддержкой мелких и отчасти крупных землевладельцев — к ней принадлежал, например, крупный богач Никий. Олигархи, стараясь низвергнуть ненавистный им демократический строй, составляли тайные сообщества — «гетери» (Аристотель, «Афинская политика», 34, 3; Андокид, I, 100).

Интересный пример политической борьбы известен нам из времени Пелопоннесской войны — в 417 г. до н. э. Среди демагогов стал выдвигаться владелец мастерской ламп Гипербол — человек, которого историки характеризуют, как бесовестного честолюбца. Рассчитывая устранить с политического поприща Никия и Алкивиада, чтобы выдвинуться самому, он старался натравить их одного на другого, когда приближалось обычное время обсуждения вопроса о применении остракизма. Однако те вовремя разгадали его интриги и, когда наступило время подачи голосов, обе партии дружно подали голоса против него (Плутарх, «Никий», 11; «Алкивиад», 1313). И это был последний случай применения остракизма.

IV в. до н. э. — время глубокого кризиса рабовладельческого строя, когда все большее значение стали приобретать индивидуалистические побуждения. Греция представляется полем столкновения самых разнообразных интересов, и речи Демосфена, лучше других ораторов представленные в нашем наследии, пестрят откликами на современные события: то

угрозы из Персии, раздуваемые некоторыми политиками, то волнения на острове Родосе, то опасное положение города Мегалополя, которому угрожают спартанцы, то священная война в Фокиде, угрожающая общему миру, то восстание союзников против Афин, а за этим незаметно подкрадывающееся столкновение с Македонией. А между тем тайные агенты Филиппа действуют во всех городах, и в самих Афинах появляются идеологические сторонники, каковы Исократ, Эвбул, Фокион, а потом и предатели, вроде Филократа, Осхина, Демада и других, пока, наконец, не поднимается против них возглавляемая Демосфеном группа патриотов, как Гиперид, Гегесипп, Ликург и другие. Надо представлять себе эту шумную смесь людей и противоречивых настроений уличной жизни.

Наряду с официальными собраниями в греческом быту и особенно в Афинах играли значительную роль заседания судебных комиссий. Суды присяжных, введенные еще Солоном, получили широкое развитие в V в. и много способствовали укреплению демократии, так как на них возлагалась задача не только разрешать споры и тяжбы по делам о различных правонарушениях частного характера, гражданских и уголовных, но они должны были принимать отчетность должностных лиц, давать разъяснения действующих законов, рассматривать вопросы законодательных предположений, в том числе дела «о противозаконности» предлагаемых новых законов (*υραφῆ παρανόμων*). Забота о наибольшей объективности и неподкупности суда требовала увеличения численности его состава и оплаты судей (Аристотель, «Политика», II, 9, 2—3, p. 1273 b 41—1274 a 11). Общее число присяжных в Афинах достигало 6 тысяч (Аристотель, «Афинская полития», 24, 3; Аристофан, «Осы», 661—662; Пс. Ксенофонт, «Афинская полития», 37) и распределялись они по комиссиям в 201, 401, 501, 1001, 1501 человек. Уже с самого начала к участию в судах были допущены граждане без различия имущественного положения, даже «феты» — люди 4-го класса. Однако, чтобы сделать такое участие действительно возможным для беднейших граждан, уже Периклом была введена за исполнение судебных обязанностей оплата в размере одного обола (ок. 6 коп.), а в первые годы Пелопоннесской войны Клеоном повышена до трех оболов (Аристотель, «Афинская полития», 62, 2; Лисий, XIII, 35; Плутарх, «Перикл», 32, 2). Эта оплата сделалась легким заработком для афинского пролетариата, а самое занятие выродилось в грубую страсть к сутяжничеству, которую остроумно вы-

смеял Аристофан в комедии «Осы» (ср. 548—551). В комедии «Всадники» (255) он назвал афинян даже «членами братрии трех оболов».

Многолюдный состав судебных комиссий при разбирательстве важнейших процессов политического значения давал основание ораторам обращаться к судьям, как к народу в целом. А столкновение на суде крупных ораторов, например Эсхина и Демосфена в 330 г. до н. э., привлекало слушателей, как своеобразное состязание (Демосфен, XVIII, 226; XIX, 217).

Помимо упомянутых собраний официального значения для нас представляют большой интерес и частные собрания случайного характера. В силу благоприятных климатических условий греки имели возможность большую часть дня проводить на улице. Еще Перикл говорил об исключительной общительности афинян, и, прославляя их демократический строй, он прибавлял: «И от трудов мы предоставили для мысли самые многочисленные средства отдохновения — устраиваем в течение всего года игры и жертвоприношения; у нас есть великолепные частные сооружения, в которых мы изо дня в день испытываем такое наслаждение, что забываем за ним свои печали. Кроме того, благодаря величине нашего государства к нам подвозится из всех стран решительно все, и мы можем одинаково удобно пользоваться как теми богатствами, которые производятся у нас здесь, так и теми, которые производятся у других людей» (Фукидид, II, 38). Эта мысль подтверждается и другим современником: афиняне, господствуя на море, имеют возможность собирать богатства со всех концов земли (Пс. Ксенофонт, 2, 11—12), и на площади, особенно же в Пирее, можно было слышать разговоры на всех греческих наречиях и даже на разных языках (там же, 2, 8); такова тут свобода, что по одежде не отличишь гражданина от метека и даже от раба (там же, I, 10). Плутарх в «Жизнеописании Перикла» (12) приводит огромный перечень разных профессий, которые находили применение в Афинах при Перикле.

Демосфен, укоряя сограждан за пассивное отношение к политическим событиям, с большой едкостью, а вместе с тем и весьма живо рисует страсть афинян к собиранию сенсационных новостей, которая в его время становилась уже опасным легкомыслием под угрозой военных приготовлений Филиппа: «Так когда же, когда, наконец, граждане афинские, вы будете делать, что нужно? Чего вы дожидаетесь?» — «Такого времени, клянусь Зевсом, когда настанет какая-

нибудь необходимость». — «Ну, а как по-вашему нужно рассматривать вот эти теперешние события? Я, по крайней мере, думаю, что для свободных людей высшей необходимостью бывает стыд за случившееся. Или вы хотите, скажите пожалуйста, прохаживаясь взад и вперед, осведомляться друг у друга: не слышно ли чего-нибудь новенького?» (IV, 11).

За это пристрастие афинян к разговорам Платон называл их «словолюбивыми» (φιλόλογοι) в противоположность спартанцам с их краткостью — «лаконизмом» («Законы», I, 11, р. 641 E). При таких наклонностях у каждого было излюбленное местечко, где он в компании с друзьями проводил досужее время. Оратор Лисий, тонкий наблюдатель нравов, в одной из своих речей нарисовал типичный образ афинянина, простого калеки, который содержал какую-то мелкую лавчонку, и так как ему было предъявлено обвинение, будто у него собираются подозрительные люди, он отвечает: «Говоря так, мой обвинитель обвиняет меня ничуть не больше, чем всех людей, занимающихся ремеслами, и моих посетителей столько же, сколько и всех вообще ремесленников. Ведь и каждый из вас имеет обыкновение заходить — кто в парфюмерную (μυροπώλιον), кто в цирюльню (κουρείον), кто в сапожную (σχοτόμαεῖον), кто еще куда придется, и большинство — в заведения, расположенные ближе всего к площади, и реже всего — в находящиеся очень далеко от нее. Таким образом, кто осудит людей, заходящих ко мне, явно осудит и тех, которые бывают у остальных, а, если и их, то и всех афинян, так как все вы имеете обыкновение заходить и проводить время в каком-нибудь заведении» (XXIV, 19—20). Такова обстановка, в которой проводили обычно время афиняне и в которой у них складывалось общественное мнение.

Любимым местом времяпрепровождения афинян были палестры и гимнасии. Хотя эти учреждения предназначались для спортивных занятий подростков и юношей, пожилые люди часто собирались тут, чтобы посмотреть, как тренируется молодежь, часто тут завязывались интересные беседы на моральные и научные темы, а песок на дорожках служил удобным полем для набрасывания географических планов или геометрических чертежей. Так, нередко Платон в этих местах представляет действие своих диалогов — «Хармид», «Эвфифрон», «Эвфидем», «Гиппий Большой».

Вполне понятно, что одним из излюбленных мест, всегда привлекавших к себе множество людей, была главная площадь Афин, окруженная со всех сторон, как показали недавние раскопки, рядом общественных зданий. Типичной

принадлежностью этого места были столы менял — *τράπεζαι*. Для таких важных торговых центров, как Афины и Пирей, куда стекались люди из самых разнообразных концов бассейна Средиземного и Черного морей и где заключались всевозможные торговые сделки, стол менялы — траπεζита для размена монет разных государств имел весьма существенное значение, и траπεζиты поставили свое дело весьма широко. Они принимали деньги на хранение, давали ссуды, гарантируя себя, конечно, надежным обеспечением или поручительством, давали денежные переводы в другие города, где имели своих представителей, и мы имеем немало конкретных указаний на это у ораторов. Демосфен, например, говорит, что его отец держал часть своих денег в «столах» у четырех траπεζитов (XXVII, 11). Оратор Исократ в одной речи разоблачает ловкие махинации известного в его время траπεζита Пасиона (XVII). Это — раб, который успешно помогал в делах хозяину и, получив за это свободу, сделался его компаньоном, а затем и наследником. Подобную же карьеру сделал себе вольноотпущенник Пасиона Формион, против которого направлена одна из речей, имеющих в сборнике Демосфена (XXXIV). Такого рода дельцы для наживы не брезговали никакими средствами. Некоторые из них занимались спекуляциями на хлебе. Так как население в значительной степени пользовалось хлебом, подвозимым из городов северного Причерноморья, во время почти непрерывных войн достаточно было им пустить слух, что корабли разбиты бурей или захвачены врагами, как сразу же повышались цены на хлеб и т. п. (Лисий, XXII, 14).

О праздничных настроениях в Афинах может дать нам некоторое понятие замечательная картина на фризе Парфенона (см. гл. XIII), где воспроизведена процессия на празднике Великих Панафиней — кавалькада афинских юношей — эфэбов, группа девушек — канефор с корзиночками на головах, группы пожилых граждан и метекских женщин и, наконец, фигура первого архонта, принимающего из рук мальчика ризу — пеплос для статуи Афины: все полно строгого величия и простоты. Наоборот, какая толкотня на улицах Александрии в III в. до н. э. представлена в идиллии «Сиракузянки» Феокрита: две кумушки с трудом пробиваются в царский дворец на праздник Адониса и восхищаются роскошью обстановки (XV, 42—77). Какой роскошью старались блеснуть перед народом богатые цари эллинистической эпохи, может показать случайно сохранившееся описание праздничных торжеств в Александрии, устроенных Птоле-

меем П. Филадельфом (Афиней, V, 25—35, р. 196 А — 203 В)¹⁸.

Наше представление о жизни греческого народа не было бы полным, если бы мы, хотя бы коротко, не сказали о положении греческой женщины¹⁹. Оно было различным в разные времена и в разных государствах. В раннюю эпоху по наследству от времен матриархата женщина еще сохраняла некоторую самостоятельность. Таковы гомеровские Гекуба, Андромаха, Пенелопа и другие добродетельные жены, за которых дано было родителям богатое «вено» — выкуп (ἐξδωα) («Илиада», VI, 394; XVI, 178; XXII, 88; «Одиссея», XXIV, 294). Феакийская царица Арета даже оказывает большое влияние на супруга («Одиссея», VI, 310—315; VII, 66—77). Не приходится говорить о пленницах и рабынях, Хрисеиде, Брисеиде и т. п., которые становятся жертвами войны и потому лишены самостоятельности.

Иное чувствуется в поэмах Гесиода. Тут первая женщина Пандора, как библейская Ева, оказывается виновной во всех несчастях, так как выпустила их на землю из принесенного сосуда («Труды и дни», 69—104). Пережитки прежнего положения еще заметны в VII в. до н. э. на острове Лесбосе. Об этом свидетельствует поэзия Сапфо. Однако в других областях Греции ее поведение в памяти следующих поколений окружается самыми гнусными измышлениями.

Наибольшей свободой пользовались женщины в Спарте с ее старомодным укладом жизни, так как мужья их большую часть времени проводили в лагере. Общая молва обвиняла их даже в распушенности. Тип жестокой, надменной спартанки вывел Эврипид в трагедии «Андромаха» в лице дочери Менелая Гермiony. Вследствие гибели многих спартиатов в бесконечных войнах, а отчасти вследствие исключения некоторых из состава граждан за неспособностью участвовать в сисситиях большие богатства и земельные владения, а вместе с этим и политическое влияние сосредоточились в руках женщин-наследниц (Аристотель, «Политика», II, 6, 8, р. 1259 b 40—6, 11, р. 1260 a 25).

¹⁸ См. кн. «Древний мир в памятниках его письменности», т. II, стр. 495—499.

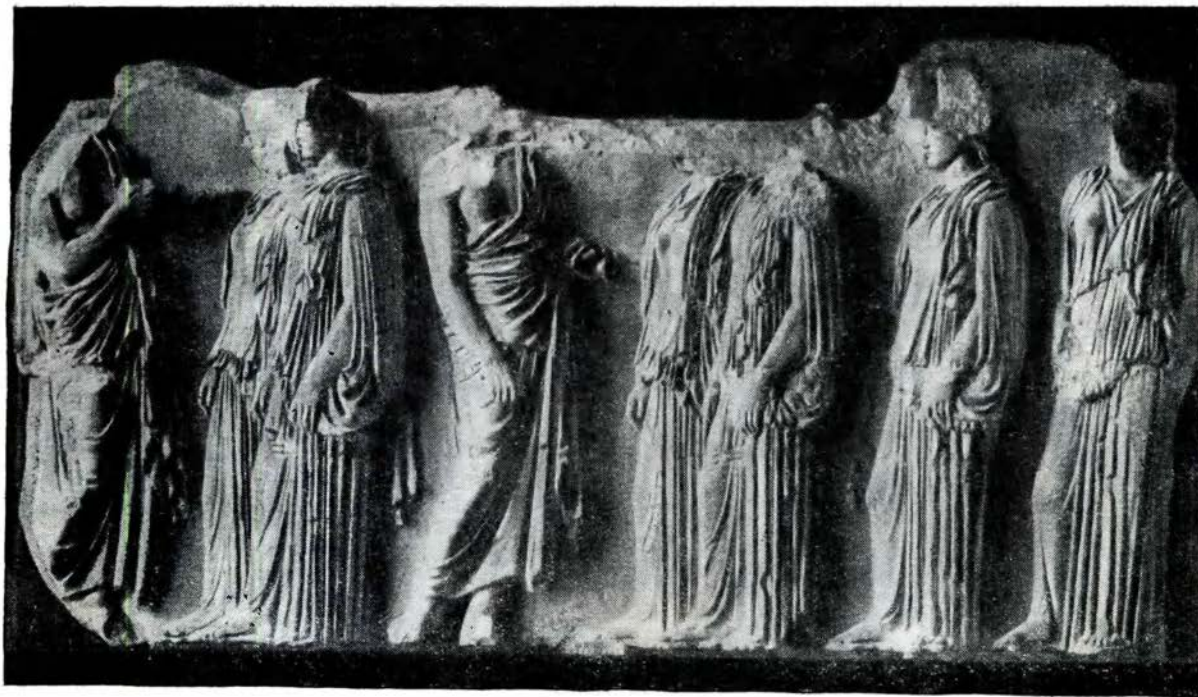
¹⁹ См. В. В. Варнеке. Женский вопрос на афинской сцене. «Ученые записки Казанского Университета», 1905, стр. 1—62; В. П. Бузескул. Женский вопрос в древней Греции (в кн.: «Исторические этюды»). СПб., 1911, стр. 38—70; G. Notog. La femme dans l'antiquité grecque. Paris, 1901; J. Bruns. Frauenemanzipation in Athen (Vorträge und Aufsätze). München, 1905, SS. 188—189; J. Leiboldt. Die Frau in der antiken Welt und Urchristentum, 2-te Aufl. Leipzig, 1955, SS. 24—71.

В Афинах, как и в большинстве греческих государств, положение женщин в зажиточных семьях было незавидным. Жизнь их замыкалась в пределах «гинекея», то есть женского отделения, куда, кроме мужа, не имел доступа ни один мужчина. На улицу им не полагалось выходить одним, без сопровождения рабынь, что, впрочем, не исключало возможности незаконных встреч, как это видно из сцен бытовой, «новой» аттической комедии и из речей ораторов, например 1-й речи Лисия «Об убийстве Эратосфена». Муж, как и родители, внушал жене мысль, что «украшением женщины является молчание» (Софокл, «Аякс», 293). Перикл в знаменитом «Надгробном слове» наилучшей женщиной называет ту, о которой меньше всего говорят в мужском обществе не только в дурном, но даже и в хорошем смысле (Фукидид, II, 45, 2). И теперь уже жених не платил за нее «вено», а брал от ее родителей приданое. В одной речи, ошибочно приписанной Демосфену (LIX, 122), находим такое рассуждение: «Гетер мы имеем ради удовольствия, наложниц для повседневного плотского удовлетворения, а жен для рождения законных детей и для верной охраны домашнего имущества».

Такое отношение к женщине не только устраняло ее от общества, но и замыкало ее в узкий круг гинекея с его домашними сплетнями, дразгами и мелкими интригами, лишало самостоятельности и индивидуальности. Ксенофонт в диалоге «Экономик» («Домострой») в уста образцового хозяина Исхомаха вкладывает объяснение, как тот сумел «воспитать» свою жену, взятую им в пятнадцатилетнем возрасте, так как родители «тщательно оберегали ее, чтобы она как можно меньше видела, как можно меньше слышала, как можно меньше спрашивала» (7, 4—5). Мать говорила ей только, что она должна быть скромной (7, 14). Таким образом, мужу приходилось прежде всего «приручить ее и приучить к разговору» (7, 10).

Привилегированное положение выпадало на долю только девушек-наследниц (*ἐπίκληρος*), когда в семье не оставалось наследников мужского пола. Ближайший родственник обязан был жениться на ней, хотя бы для этого пришлось развестись со своей женой, для того только, чтобы продолжить угасающий род²⁰.

²⁰ См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Соч., т. 21, стр. 67; G. Busolt. Griechische Staatskunde, Bd. I. München, 1920, S. 240; J. H. Lipsius. Das Attische Recht und Rechtsverfahren, Bd. II, I. Hälfte. Leipzig, 1908, SS. 349—350.

Процессия афинских девушек на празднике Великих Панафиней с фриза Парфенона

К чести греков надо сказать, что такое положение женщины лучшие представители греческой мысли считали недопустимым. Некоторые из философов V в. до н. э. считали это противным природе. Ксенофонт, Платон и Аристотель полагали, что женщина должна быть равноправной «сотрудницей» мужа. Уже образы женщин-героинь, возвышающихся над обыденным уровнем, в произведениях знаменитых трагиков V в. способны были пробуждать такие мысли. Вспомним образы Электры и Антигоны у Софокла. Еще больше эта черта видна у героинь трагедий Эврипида — таковы его Алкестида, умирающая за мужа, Ифигения, добровольно отдающая себя в жертву на благо родины и т. д. В недошедшей трагедии «Мудрая Меланиппа» в лице героини был представлен образец ума и высокой учености, рассеивающей человеческие суеверия. Решительный протест против ненормального положения женщины Эврипид вкладывает в уста Медеи в одноименной трагедии (230—240):

Да, между тех, кто дышит и кто мыслит,
Нас, женщин, нет несчастней. За мужей
Мы платим и не дешево. А купишь,
Так он тебе хозяин, а не раб.
И первого второе горе больше.
А главное — берешь ведь наобум:
Порочен он иль честен, как узнаешь?
А между тем, уйди — тебе ж позор,
А удалить супруга ты не смеешь.
И вот жене, вступая в новый мир,
Где чужды ей и нравы, и законы,
Приходится гадать, с каким она
Постель созданием делит.

(Перевод И. Ф. Анненского)

Выбиться из этого круга условностей могли только женщины, не связанные социальным положением — свободные иностранки, вольноотпущенные и женщины полусвета, называвшиеся в древности «гетерами» (буквально «подруги»), которые далеко не всегда были проститутками, как иногда думают. Нередко среди них встречались талантливые и весьма образованные женщины, которые при уме и остроумии могли быть душой общества. К числу таких женщин принадлежала и милетянка Аспасия, ставшая женой Перикла. С течением времени, конечно, нравы изменялись, и нам известно немало имен женщин — поэтов, музыкантов, философов и ученых. Особенно знаменита Гипатия (V в. н. э.), растерзанная толпой христианских изуверов.

Попробуем теперь представить себе те же самые черты в жизни древних римлян.

Народные собрания у римлян имели несколько видов. Они различались по происхождению и по внешним формам. Собрания, имевшие официальное значение и законодательную силу, назывались «комиции»²¹. Им противопоставляются собрания частного характера: *concilia plebis* — собрания плебеев и *contiones* — «сходки» (митинги) — собрания, не имевшие решающего значения и имевшие целью лишь предварительное обсуждение вопросов текущей жизни, например, встречи кандидатов с избирателями, выступления должностных лиц с целью осведомления граждан о намечаемых мероприятиях — таковы вторая и третья речи Цицерона против Катилины, в которых оратор излагал данные о раскрытом заговоре. Право созывать собрание принадлежало высшим должностным лицам — магистратам — *ius cum populo agendi*. Это же лицо председательствовало на собрании (*contionem habere*) и обращалось с предложением высказать мнение (*sententiam rogare*), отчего и самое «предложение» его называлось *rogatio*.

Древнейшим видом комиций были «куриатные», собиравшиеся по куриям, родовому разделению народа, унаследованному от времен родового строя. В историческую эпоху эта организация сохранялась лишь по традиции, как пережиток старины, и имела только формальное и отчасти религиозное значение. Она, например, механически утверждала выборы высших магистратов с военными полномочиями — *magistratus cum imperio*.

Важное политическое значение имели центуриатные и трибутные комиции. Первые были военной организацией народа, как войска — *exercitus* и собирались по центуриям за чертой города — на Марсовом поле. Трибутные комиции были собранием народа на мирном положении по трибам — районным группировкам и происходили в черте города.

Главным органом народной власти были центуриатные комиции. Им принадлежало право избрания высших должностных лиц государства, наделенных не только гражданской, но и военной властью — *imperium*, высшая законодательная власть и судебная в силу права каждого гражданина обращаться к решению народа (*ius provocacionis ad popu-*

²¹ «Комиции» (*comitia*) — форма множественного числа; единственным числом этого слова (*comitium*) обозначилось место, где происходили собрания; оно примыкало к главному Форуму.

lum) в случаях, когда от обычной судебной власти ему угрожала смертная казнь или лишение имущества.

Лучше всего нам известна процедура ведения центуриатных комиций. Римская традиция приписывала установление этого порядка царю Сервию Туллию, хотя некоторые черты говорят о времени республики. Уже за трое «нундин» — базарных дней, которые происходили через восемь дней на девятый (от слова *povet* «девять»), то есть не менее, чем за 17 дней, народ оповещался о дне собрания, и в знак этого на крепости (Агх) Капитолия вывешивалось красное знамя (*vexillum russeum*). В полночь перед назначенным днем высшее должностное лицо, взойдя на наблюдательный пункт, устроенный на Марсовом поле, совершало с помощью жреца-авгура гадание по полету птиц (*auspicium*) и, если знамения оказывались благоприятными, давало распоряжение созвать народ (*populum illicium vocare*)²². Конечно, легко себе представить, что такие гадания нередко служили предлогом, чтобы из каких-нибудь соображений сорвать заседание через объявление неблагоприятных знамений (*obpitiatio*) (ср. стр. 450).

Собрание начиналось после обычного жертвоприношения вступительным словом председателя, который объяснял положение дела в государстве, после чего «запрашивал» мнения присутствующих или при выборах объявлял список допущенных к избранию кандидатов и после доброго пожелания: «Да будет это на благо, преуспевание, счастье и удачу для римского народа квиритов» (*quod bonum, faustum, felix fortunatumque sit populo Romano Quiritium*) предлагал гражданам разойтись по центуриям для подачи голосов в специально для этой цели отгороженные на Марсовом поле места (*saepia*): «Повелеваю, как полагается для центуриатных комиций» — *impero, qua convenit ad comitia centuriata*. Каждая центурия производила голосование в своей среде и через своего представителя объявляла один общий голос председателю. Так как первому объявленному голосу собрание придавало значение предзнаменования (*omen*), из центурий первого класса по жребию выбиралась одна, которая и должна была проголосовать первой, она называлась «прерогатива». Голосование первоначально производилось устно, но с 139 г. до н. э. введена была подача специальных табличек (*tabellae* или *tesserae*). При выборах кандидат, по-

²² *illicium* — архаическое слово, которое Павел Диакон объясняет от глагола *illicere* (от *lacio*) в смысле «созывать».

лучивший большинство голосов, считался избранным. Результаты голосования объявлялись председателем (*renuntiatio*).

Как и в Греции, суеверные представления римлян не позволяли продолжать заседание при появлении каких-нибудь недобрых «знамений». К числу их относились, например, случаи припадка эпилепсии — «падучей» с кем-нибудь в собрании. Память об этом сохраняется до сих пор в медицинской практике, где эта болезнь носит название «комициальной» — *morbus comitialis*.

Ливий во многих местах своей «Истории» останавливается на описании хода собраний. Для примера возьмем его рассказ из времени II Пунической войны. На исходе 215 г. до н. э., то есть через год после страшного поражения римлян при Каннах, Кв. Фабий Максим, известный под прозвищем Кунктатора (Медлителя), «направляясь в Рим для проведения комиций, назначил их на первый же комициальный день и прямо с пути, не заходя в город, поспешил на Марсово поле. Когда в назначенный день жребий прерогативы выпал на долю центурии младших Аниенской трибы, она избрала в консулы Т. Отацилия и М. Эмилия Регильского. Кв. Фабий при наступившей тишине обратился к собранию с речью» (XXIV, 7, 11—12), в которой настаивал на том, чтобы в пору опасной и тяжелой войны на посты обоих консулов были избраны достойные полководцы, и заявил при этом, что считает обоих названных людей неподходящими для того дела, которое их ожидает. Свою речь он закончил обращением к глашатаю: «Призови снова к голосованию центурию младших Аниенской трибы» (XXIV, 8, 20). Таким образом, консул в качестве председателя имел право приостановить голосование и потребовать его пересмотра.

Любопытно также и то, что за этим последовало. Возбешенный Отацилий стал кричать, что Фабий так поступает потому, что хочет сам удержать власть на новый срок. Тогда консул послал к нему ликторов с предупреждением, что он еще не сложил военной власти и на Марсовом поле, то есть за чертой города, его ликторы имеют не только прутья (*fascēs*), но и секиры (XXIV, 9, 1—2). Это значило, что он имеет всю полноту власти — вплоть до того, что может предать ослушника смерти. После этого о сопротивлении уже не могло быть и речи, и та же центурия произвела повторное голосование, а вслед за ней голосами всех центурий избранными оказались Кв. Фабий в четвертый и М. Марцелл в третий раз (XXIV, 9, 3).

Не менее интересный случай передает Ливий, описывая начало II Македонской войны в 200 г. до н. э. Еще во время II Пунической войны македонский царь Филипп V, пользуясь затруднительным положением Рима, вступил в союз с Ганнибалом и пытался захватить некоторые области на восточном побережье Адриатического моря в ущерб интересам Рима. Однако римляне в тот момент не имели возможности воевать с ним и поспешили заключить мир. После победы над карфагенянами они уже не считали возможным терпеть распространение власти Македонии. Повод для этого нашелся, когда с ходатайством о помощи обратились к римлянам афиняне, теснимые Филиппом. Сенат — что характерно для возникших в правящих кругах империалистических стремлений — ждал только удобного случая, чтобы начать войну. Однако, когда вопрос о войне был поставлен на обсуждение в комициях, предложение было отвергнуто голосами почти всех центурий. Естественной причиной было утомление после только что оконченной войны с Карфагеном, как было указано народным трибуном Кв. Бебнем. Пришлось созвать комиции снова, и тут консул П. Сульпиций обратился к народу с речью, в которой указывал на необходимость предупредительных мер, чтобы не допустить нового вторжения врагов в Италию, так как, конечно, выгоднее вести войну на чужой земле, чем на своей. На этот раз решение вышло положительное, и к Филиппу было отправлено посольство для объявления войны (Ливий, XXI, 5—8).

Подобный же порядок можно представить себе и в трибутных комициях, особенно после того, как их решение получило силу общеобязательного закона, таковы были законы Валерия и Горация 449 г. до н. э. и подтверждение их в законах Публилия Филона в 339 г. и Гортенсия в 287 г. до н. э. Разница с центуриатными комициями заключалась после этого лишь в том, что этот вид комиций не имел военного характера и соответственно на них не могли производиться выборы на военные должности и что голосование велось не по центуриям, а по трибам, а сами собрания происходили в черте города и чаще всего на форуме и на комиции. Избирались на них кроме народных трибунов курульные эдилы, квесторы и другие должности низшего ранга.

Показательным примером процедуры трибутных комиций может быть описанный разными авторами случай из деятельности Тиберия Гракха. Когда внесенный им законопроект о пересмотре земельной собственности и о наделении безземельных встретил протест со стороны Октавия, одного из

коллегии десяти трибунов, Тиберий поставил вопрос: может ли оставаться на своем посту трибун, действующий против интересов народа? Когда 17 триб из 35 проголосовали за отрешение Октавия, Тиберий приостановил голосование, рассчитывая, что Октавий, сам снимет свое возражение. Но так как этого не последовало, голос восемнадцатой трибы получил решающее значение. Это был первый случай нарушения трибунской неприкосновенности (Плутарх, «Тиберий Гракх», 12; Аппиан, «Гражданские войны», 12).

Одним из важнейших вопросов, входивших в компетенцию комиций, были выборы на высшие государственные должности, а с этим связывалось и проведение предвыборной агитации. Эта сторона довольно хорошо известна нам по биографии Цицерона. Выше (гл. VI) мы уже говорили, что в последние столетия республики высшие должности находились почти исключительно в распоряжении ограниченного круга «нобилитета», то есть людей, предки которых уже занимали высшие должности. У Цицерона таких предков не было, и он был на положении «нового человека». В июле 64 г. до н. э. на должности двух консулов стали претендовать семь лиц, которые сделали соответствующие заявки. Однако вскоре четверо из них отказались от участия. Цицерон имел к этому времени необходимый стаж должностей — был квестором в 75 г., курульным эдилом в 69 и претором в 66 г. до н. э. и к тому же получил большую известность в качестве оратора. Его соперниками оказались Г. Антоний, дядя будущего триумвира, и Л. Сергий Катилина, человек патрицианского рода, но запятнавший себя вымогательствами в качестве пропретора в провинции Африке. Оба эти лица объединили свои усилия, чтобы оттеснить Цицерона, и нашли поддержку со стороны М. Красса, крупнейшего богача, и Г. Юлия Цезаря, представителя партии «популяров».

Любопытным памятником избирательной борьбы этого времени является сохранившееся в переписке Цицерона письмо его брата Квинта под заголовком «О домогательстве консульства» (*De petitione consulatus*), которое раскрывает своеобразную картину нравов своей эпохи. Квинт дает брату ряд практических наставлений о том, как следует держаться в пору предвыборной кампании. Главное внимание должно быть обращено на то, чтобы снискать расположение избирателей и ослабить действие зависти конкурентов и противников. Учитывая нравы людей, надо действовать на их психологию, привлекать их беседами и любезным обращением, собирать около себя как можно больше преданных людей,

оказывая им помощь, например, в качестве защитника и ходатая по судебным делам.

С началом предвыборной кампании, когда консул принял заявки кандидатов, открываются и их публичные выступления. Одетые в набеленную тогу (*in toga candida*) и от этого называемые «кандидатами», эти люди в сопровождении большой толпы клиентов и своих приверженцев проходят по улицам. Специально подготовленные рабы (*nomenclatores*) шепчут им на ухо имена встречающихся даже малоизвестных граждан, чтобы хозяин мог показать внимательность и любезность к простому человеку, называя его по имени и пожимая ему руку, как доброму знакомому. Такое «обхаживание» (*ambitus*) было своеобразной формой привлечения избирателей, которая нередко превращалась в организованный подкуп их.

Ввиду того что для Цицерона возникла опасность подкупа избирателей со стороны Антония и Катилины, ему пришлось выступить в сенате с «Речью в белой тоге», которая не сохранилась, но известна нам по изложению древнего комментатора Аскония Педяна. В этой речи Цицерон разоблачал происки своих противников. Между тем в обществе уже давно стали ходить слухи о замыслах Катилины захватить власть в Риме, и это насторожило общественное мнение против него. В результате Цицерон получил подавляющее большинство голосов, а коллегой его был избран Антоний, собравший значительно меньшее число голосов.

Высшим правительственным органом в Риме был сенат. Первоначально это был совет старейшин (*patres*) патрицианских родов, но постепенно в него получили доступ и плебеи из первого имущественного класса, а по мере того, как на высшие государственные должности стали допускаться плебеи, они вместе с этим получили право быть членами сената. Затем приблизительно с 312 г. до н. э. составление списка сенаторов, как почетного сословия, было возложено на цензоров сроком на пятилетие. Число сенаторов в начале республики было определено в триста, Сулла удвоил его, а Юлий Цезарь довел до 900. В 219 г. до н. э. сенаторам вышло запрещение заниматься торговыми и всякого рода финансовыми делами, после чего эти дела остались по преимуществу в руках сословия всадников.

Компетенция сената была весьма широка. В нее входили все вопросы внешней и внутренней политики, войны и мира, важнейшие финансовые и экономические дела, как взимание податей, сдача в аренду государственных имуществ, дела

религиозные и отчасти судебные, поскольку в некоторые периоды из сенаторов составлялись «постоянные следственные комиссии» — *quaestiones perpetuae* (Полибий, VI, 13). В первые столетия республики ему же принадлежало утверждение всех постановлений комиций. Однако с 339 г. до н. э. это право осталось за ним только в виде формальности, и он уже должен был давать свое утверждение наперед — *ante initum suffragium, in incertum comitiorum eventum* (Ливий, VIII, 12, 15, ср. I, 17, 9).

Председательство в сенате принадлежало консулу или лицам, его заменяющим, например, преторам, а в последнее столетие республики (закон Атиния) — даже народным трибунам. Председатель докладывал о предмете обсуждения и потом опрашивал мнения присутствующих, причем начинал по списку с того, чье имя стояло первым (*princeps senatus*), с лица, пользующегося особенным почетом, а далее вел опрос в порядке служебного положения людей. Лица, не занимавшие «курульных» должностей, голосовали молча, только «ногами», переходя в ту или иную сторону по указанию председателя: это значило *pedibus in sententiam alicuius ire*. Их поэтому в шутку называли «педариями» (Геллий, III, 18, 1; 5; XIV, 7, 4—11; 8, 1—2). Известен рассказ о том, какое внушительное впечатление произвело заседание сената, словно собрания царей, на Кинея, посланного Пирром в 279 г. до н. э. в Рим после одержанной им победы с предложением мира (Плутарх, «Пирр», 19).

Если постановление было принято в сенате большинством голосов и никем не было опротестовано, оно вступало в законную силу, как *senatus consultum*. В противном случае оно имело значение только как авторитетное мнение — *senatus auctoritas*. В случаях крайней опасности сенат особым постановлением (*senatusconsultum ultimum*) облакал консулов чрезвычайными, почти диктаторскими полномочиями: *dent operam (или иначе: videant) consules, ne quid res publica detrimenti capiat* — «пусть консулы примут меры, чтобы государство не потерпело ущерба». Случай такого постановления мы знаем по делу о заговоре Катилины 21 октября 63 г. до н. э. (Саллюстий, «Катилина», 29, 2).

Сущность прений и принятое постановление заносились в протокол, а для обеспечения его точности он скреплялся подписями нескольких уполномоченных. Ряд таких протоколов сохранился в подлинном виде в надписях²³, а несколько

²³ C. G. Bruns. *Fontes iuris Romani antiqui*, t. I, 7 ed. Tubingae, 1909, pp. 164—211.

образцов их — в переписке Цицерона, который во время отсутствия желал иметь от друзей сведения о событиях в Риме, ср. письмо Г. Целия Руфа в 51 г. («К близким», VIII, 8).

О ходе и порядке заседаний сената может дать живое представление рассказ Саллюстия (31,4—9) об историческом заседании 8 ноября 63 г. до н. э., когда Цицерон выступил с первой речью против Катилины, разоблачая его заговор, и более подробный рассказ о заседании 4 декабря, на котором рассматривался вопрос о наказании захваченных с поличным заговорщиков. Цицерон в качестве председателя доложил о создавшемся положении и затем стал опрашивать мнения сенаторов, причем в первую очередь предложил высказаться Д. Юнию Силану, избранному в консулы на следующий год — *consul designatus*. Тот предложил применить к виновным смертную казнь. Юлий Цезарь, опрошенный позднее, произнес хитрую речь, доказывая, что заговорщики повинны в таком преступлении, за которое нет соответствующего наказания, и потому должны быть оставлены под стражей в каких-нибудь муниципальных городах. В дальнейшем обмене мнений наступило колебание. Наконец, слово было предоставлено М. Порцию Катону, правнуку знаменитого Катона-цензора, и тот с присущей ему прямоотой и решительностью высказался за предание заговорщиков смерти. Его речь произвела сильное впечатление, так что большинством голосов был вынесен смертный приговор, который в ту же ночь был приведен в исполнение (Саллюстий, «Катилина», 50, 3—53, 1; Плутарх, «Цицерон», 20—21; Дион Кассий, XXXVI, 36).

В бурные годы республики обсуждение в сенате отдельных вопросов иногда затягивалось на несколько дней и сопровождалось бурными демагогическими выходками, о чем упоминает в переписке Цицерон («К брату», II, 3).

С установлением принципата Августа народные собрания стали существовать лишь номинально, а сенат составлялся из угодных императору лиц, высшие должности стали замещаться его приближенными, а нередко он сам принимал на себя обязанности консула и цензора и гордился тем, что из году в год оставался народным трибуном. При преемниках Августа народное собрание было вовсе упразднено. Тиберий возложил его компетенцию на сенат. Веспасиан и Тит еще обращались к сенату для утверждения своих действий. А во что превратился сенат при Домициане, можно видеть из IV сатиры Ювенала, где клеймится низкое угодничество сенаторов. В дальнейшем все правление стало принимать бюрократический, а потом и прямо деспотический характер по

образу восточных монархий. Большинство провинций перешло в непосредственное ведение императоров. Государственная казна — «эрарий» слилась с личной собственностью императора — «фиском». Естественно, что общественная жизнь, как таковая, замерла, остались лишь пышные процессии и веселые пиршества среди сказочного богатства немногих случайных людей, вышедших в люди, вроде Тримальхиона, изображенного в знаменитом романе Петрония, или снижавших милость правителя. В высшем обществе развилась страсть к риторским декламациям и литературным чтениям, о которых много рассказывает в «Письмах» Плиний Младший и которые часто осмеивает в своих «Эпиграммах» Марциал: народ же римский, по красочному изображению Ювенала, превратился в жалкую толпу, которая, утратив всякие гражданские чувства, бродила по улицам города с криками: **Panem et circenses!** («Хлеба и цирковых зрелищ!»)²⁴.

Особую роль в последнее столетие римской республики играло сословие всадников. Отстраненное от политической деятельности, оно взяло на себя крупнейшие финансовые операции. Высшее наблюдение за государственной собственностью сосредоточивалось в ведении сената, но в государстве не было специального органа, который бы ведал этими делами, и эксплуатация государственных имуществ — земель и зданий, а также взимание налогов и податей — все это сдавалось с торгов частным лицам; сюда в первую очередь входил сбор податей в провинциях. Всадники, как обладатели наибольших богатств, и брали на себя эту роль. Они составляли «общества откупщиков» и вносили вперед требуемую сумму податей с определенной провинции, чтобы затем с помощью наместника и римского войска взыскать с населения уже с лихвой его долг. Жестокость и вымогательство откупщиков — «мытарей» создали им недобрую славу. Цицерону не раз приходилось сталкиваться с этим явлением — в Сицилии и во время его наместничества в Киликии в 51—50 гг. и, к своему ужасу, он узнал, что в такой неблагоприятной деятельности участвовали его ближайшие друзья Брут и Аттик («Письма к Аттику», V, 21; VI, 1—1)²⁵.

²⁴ См. Л. Фридендер. Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов, т. I (русс. пер.). СПб., 1914.

²⁵ См. С. И. Радциг. Цицерон и его время. (Цицерон — 2000 лет со времени смерти). Изд-во МГУ, 1959, стр. 33—36; М. И. Ростовцев. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). СПб., 1899; В. И. Иванов. Общества государственных откупов в Римской республике. *De societatis vectigalium publicorum populi Romani*. «Записки Классического Отделения Русского Археологического Общества», 1910, т. VI, приложение.

Низшие слои общества, фактически не имевшие возможности активно участвовать в общественной жизни, составляли частные общества (*collegia, sodalicia*), особенно часто с религиозными целями, в том числе похоронные, а также профессиональные — врачей, строителей, плотников, каменщиков, пожарников и т. п. Так как нередко в деятельности этих обществ проявлялись и политические настроения, они по временам распускались римскими властями, как это было, например, в 64 г. до н. э.²⁶

Положение женщины в Риме было несколько более свободным, чем в Греции, и в домашней жизни она не была изолирована от других в особом отделении дома. Однако она подчинялась общему закону римской семьи и находилась сначала во власти отца — *in manu patris*, потом во власти мужа — *in manu mariti*. Знаменитый Катон в ту пору, когда древний порядок стал уже нарушаться, заявлял: «Нашим предкам было угодно, чтобы женщины никакого, даже частного, дела не предпринимали без указания своего опекуна и чтобы были под рукой родителей, братьев или мужей» (Ливий, XXXIV, 2, 11), а законный брак определялся задачей иметь детей — *liberorum procreandorum causa*. Такой брак со строгим соблюдением положенных обрядов, державшийся в патрицианских фамилиях, сопровождался вкушением хлеба из полбы — *confarreatio*. В школе девочки учились совместно с мальчиками. Идеал благородной «матери семейства» — *mater familias* — Ливий представил в образе добродетельной Лукреции: «В доме, сидя среди своих служанок даже поздно вечером она продолжала работу с шерстью» (I, 57, 9). Такая женщина не интересовалась нарядами или публичными выходами, не вмешивалась в политику, и тем не менее все относились к ней с глубоким уважением. Но положение стало меняться по мере расширения пределов государства и с наплывом чужеземных влияний, особенно греческого.

В пору серьезной военной угрозы после поражения при Каннах, когда Рим оказался до крайности стеснен в материальных средствах (Ливий, XXIV, 6, 12—16), трибун Оппий внес закон, запрещавший женщинам иметь золота более полунции (13,6 грамма), выходить на улицу в цветных платьях и ездить по городу и в окрестностях в повозках с парой ло-

²⁶ См. Ю. А. Кулаковский. Отношение римского правительства к коллегиям (в первые 3 века империи). «Журнал Министерства Народного Просвещения», 1882, № 1; его же. Коллегии в древнем Риме. Киев, 1882; F. Pohland. Geschichte des griechischen Vereinwesens. Leipzig, 1909.

шадей (Ливий, XXIV, 1, 3). Но только что окончилась война и Рим по достигнутому могуществу вышел на мировую арену, как у женщин заговорило естественное чувство и протест против введенных ограничений. В 195 г. до н. э. трибуны М. Фунданий и Л. Валерий внесли предложение об отмене закона Оппия. Однако это предложение встретило возражение со стороны других трибунов. Тогда за свое дело выступили сами женщины — случай небывалый в истории Рима. Они, забывая обычные условности своей жизни, вышли на улицу и стали останавливать проходящих мужчин, прося их содействия. Это дало основание Катону выступить с негодующей речью, в которой он клеймил позором попытку женщин вмешаться в общественные дела, как нарушение добрых нравов (Ливий, XXXIV, 2—4). Но закон был все-таки отменен (Ливий, XXXIV, 8, 3).

Некоторую роль в раскрепощении женщин, несомненно, сыграло участие их в религиозных культах, особенно после того как в Риме стали появляться иноземные культы, как, например, в культе Великой Матери (Кибелы), принесенном в 204 г. до н. э. (Ливий, XXIX, 11, 6—8; 14, 4—14; Овидий, «Фасты», IV, 249—348), в культе Вакха, принявшем даже разнузданный характер, так что сенату пришлось применить строгие меры (Ливий, XXXIX, 8—9), о которых свидетельствует и сохранившаяся надпись от 186 г. до н. э. (ср. гл. XVI, стр. 439). Впоследствии увлечение восточными культами еще более распространилось среди женщин, и Ювенал с негодованием говорил, как почтенная римская матрона в религиозном рвении в холодную зимнюю пору, разбивая до крови колена, ползком пробирается через Марсово поле, чтобы с головой окунуться в ледяную тибрскую воду (VI, 522—526).

В связи с новыми условиями жизни среди женщин все больше растет стремление выйти из-под зависимости мужей. Возможность представлялась в результате демократизации условий жизни — вследствие того, что вместо строгих форм патрицианского брака (*confarreatio*) все чаще стали обходиться упрощенными формами плебейского брака под видом купли (*coemptio*) или долговременного (годового) сожительства (*usus*): стоило женщине в течение года хоть три дня провести вне дома, отдельно от мужа, как его власть над ней утрачивалась, и она возвращалась к отцу. Самостоятельность же девушек была тем более сомнительной, что выдавали их замуж даже в двенадцатилетнем возрасте, а помолвки в 19 лет бывали уже редкостью.

В последнее столетие республики, а затем и в эпоху импе-

рии среди мужчин стало наблюдаться уклонение от семейной жизни, что, конечно, не могло не отражаться на состоянии государства. Известность получила речь цензора Кв. Метелла Нумидийского в 102 г. до н. э.: «Если бы мы, Квириды, могли жить без жен, мы освободились бы от всяких тягостей такого рода; но раз природа устроила так, что ни с ними нельзя жить достаточно удобно, ни вовсе без них, то надо думать более о постоянном благополучии, чем о кратковременном удовольствии» (Авл Геллий, I, 6, 2). Образцом женской добродетели и нравственной выдержки считалась Корнелия, мать Гракхов.

Потрясения конца республики отразились и на семейном укладе. Разводы стали повседневным явлением. Сулла и Помпей были женаты пять раз, Юлий Цезарь и Антоний по четыре раза. Даже Цицерон развелся со своей Теренцией после многих лет совместной жизни.

О свободных нравах женщин конца республики может свидетельствовать личность Клодии, воспетой Катуллом под именем Лесбии. Будучи замужем за недалеким Кв. Цецилием Метеллом, она вела крайне легкомысленный образ жизни, окруженная всегда толпой поклонников. А один из молодых друзей Цицерона М. Целий Руф был не только оставлен ею, но и обвинен в попытке ее отравления, о чем мы узнаем из сохранившейся защитительной речи Цицерона.

О нравах некоторых женщин этой эпохи можно судить по участникам заговора Катилины, о которых упоминает Саллюстий. Такова Семпрония, «достаточно счастливая по происхождению и по внешности, а также по мужу и детям; знакомая и с греческой и с римской литературой, она умела играть на кифаре и плясать более изящно, чем пристойно порядочной женщине, имела и еще много качеств, свойственных роскоши». «Она обладала бесспорным умом, сочиняла стихи, умела тонко шутить и вести разговор то скромно, то нежно, то вызывающе; вообще в ней было много остроумия, много изящества» (25, 1—2; 25, 5). О легкости нравов конца республики и эпохи империи говорят любовные произведения элегиков Тибулла, Проперция и в особенности Овидия, который додумался даже до создания «теории любви» (*Amandi*).

Октавиан Август с утверждением своей власти пытался возродить добрые нравы прежних времен законами о браках и о прелюбодеяниях, но нашел эти проступки в собственной семье и вынужден был сослать и дочь, и внучку. А Адриан думал добиться исправления нравов, предоставив женщинам

право завещания. Однако получилось обратное — погоня за такими наследницами.

Не только сатирики Марциал и Ювенал, но и историк Тацит сурово отзываются о нравах современных женщин. Тацита поражало извращение у них естественных чувств. Они берут пример с варваров, жестоко обращаются с рабами, занимаются несвойственными им делами, военными упражнениями на арене вместе с гладиаторами, вмешиваются в военные распоряжения, когда сопровождают в походы мужей, так что в лагере образуются два «штаба» — *duo praetoria* («Анналы», III, 33, 3—4). Женщина, по выражению Ювенала, «бежит от своего пола» — *fugit a sexu* (VI 252—267). Конечно, в сатире есть и нарочитое преувеличение, сгущение красок. Однако многое подтверждается и другими авторами. Женщины уже стали считать годы не по консулам, а по мужьям (Сенека, «О благоденствиях», III, 16, 2; ср. Ювенал, 6, 229—230; Марциал, VI, 7; X, 41).

О роли женщин в общественной жизни в муниципальных городах интересное свидетельство дают помпейские надписи, в которых называется немало женщин, рекомендующих для избрания своих кандидатов²⁷. Конечно, среди многих женщин, о которых говорят поэты, большинство — иностранки, рабыни или вольноотпущенницы, что подтверждает слова Ф. Энгельса: «Любовные отношения в современном смысле имеют место в древности лишь вне официального общества»²⁸. Конечно, этот нравственный упадок возможен только в условиях роскоши и богатства и не мыслим среди низших кругов. К сожалению, о их жизни наши сведения весьма ограничены.

С другой стороны, у Тацита же мы находим упоминание о мужестве двух Аррий («Анналы», XVI, 34, 2), а у других писателей — о доблестной смерти старшей Аррии: когда муж ее П. Клодий Трасея Пет был приговорен Нероном к смерти, она показала ему пример мужества, подав ему кинжал, которым поразила себя, со словами: «Пет, не больно». (Марциал, I, 13; Плиний Младший, «Письма», III, 16, 13).

²⁷ См. М. Е. Сергеевко. Помпеи. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 98—99.

²⁸ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 79; см. М. Е. Сергеевко. Жизнь древнего Рима. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1964, стр. 192—211.

ГЛАВА XV

ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННОГО ДЕЛА В АНТИЧНОМ МИРЕ ¹

Война в жизни античного мира была почти постоянным явлением. Погоня за добычей и присвоением новых участков земли, а вместе с этим захват живой силы в виде пленников, которые обращались в рабов,— все это с самых ранних времен служило причиной военных столкновений. Также и не-обеспеченность продовольствием в некоторых областях толкала жителей на военные авантюры. Связь таких предприятий с экономикой не оставляет сомнения. «...ничто, — писал Ф. Энгельс, — не зависит в такой степени от экономических

¹ См. Ф. Энгельс. Армия. Артиллерия. Конница. Пехота. Лагерь. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14. Госполитиздат, М., 1959; Е. А. Разин. История военного искусства, т. I. Изд-во Мин-ва обороны, М., 1955; Г. Дельбрюк. История военного искусства в рамках политической истории, т. I. (русск. пер.) Воениздат, М., 1936; В. В. Латышев. Очерк греческих древностей, ч. I. СПб., 1897; М. Целлер. Римские государственные и правовые древности (русск. пер.). М., 1893 J. Kromayer und G. Veith. Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer. München, 1928; A. Bauer. Die griechische Kriegsaltertümer (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft, Bd. IV, 1. Abt., 2. Hälfte). München, 1893; H. Droysen. Heerwesen und Kriegführung der Griechen (K. F. Hermann. Lehrbuch der griechischen Antiquitäten, Bd. II, 2. Abt.). Freiburg, 1889; H. Schiller und M. Voigt. Die römischen Staats- Rechts- und Kriegsaltertümer. Die römischen Privataltertümer und römische Kulturgeschichte (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft, Bd. IV, 2. Abt.). München, 1887.

условий, как именно состав, организация, вооружение, стратегия и тактика армии. Основой является вооружение, а последнее опять-таки непосредственно зависит от достигнутой степени производства»². Но если одни нападают, другие вынуждены обороняться. Защита отечества в Греции и в Риме признавалась обязанностью и долгом всякого гражданина, и потому военная подготовка составляла существенную сторону античной жизни. Все граждане, способные носить оружие, от 18 до 60 лет, считались военнообязанными с тем только различием, что юноши 18—20 лет и пожилые 45—60 лет не посылались в далекие походы, а оставались для охраны границ своей страны. С детских лет граждане подготавливались и тренировались в приобретении военных навыков.

Конечно, постановка военного дела в Греции отличалась от постановки его в Риме в зависимости от различия в общем укладе жизни самих народов, да и у каждого из них наблюдаются различия по периодам и по племенным особенностям. Тем более это видно при сравнении военной службы, как обязанности гражданина, с военным ремеслом наемников, народного ополчения ранней эпохи с постоянной, регулярной армией. Характерной чертой античной армии является малое использование конницы, что в значительной степени объясняется гористым рельефом большинства областей. Лишь в эпоху империи, когда римское войско стало пополняться воинами из «варварских» племен, явились большие отряды конницы (Вегетий, «Наставления в военном деле», I, 20). Главное же ядро войска составляла тяжеловооруженная пехота. Военный флот у греков получил важное значение со времени персидских войн, и первенство имели афиняне; римляне завели себе флот в период I Пунической войны.

Теоретический интерес к вопросам военного дела ведет начало от софистов (V в. до н. э.), но самыми ранними сочинениями этого рода у нас являются сочинения Ксенофонта «Обязанности гиппарха (начальника конницы)» и «О верховой езде». Далее следует назвать трактат Энея Тактика «О защите осажденных городов» (ок. 357 г. до н. э.) и из позднего времени «Стратегемы» Фронтинана (30—104 гг. н. э.), «Стратегемы» Полиэна (ок. 162 г. н. э.), «О терминах военного дела» Модеста (ок. 275 г. н. э.) и наиболее ценные «Наставления в военном деле» Вегетия (IV в. н. э.). Глав-

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 650, ср. стр. 170—171.

ными же источниками по военной истории являются сочинения историков Геродота, Фукидида, Ксенофонта, Полибия, Юлия Цезаря, Диодора, Ливия, Диона Кассия, Плутарха Арриана, Аммиана Марцеллина и других. Помимо литературных источников большой материал мы находим в надписях, произведениях пластического искусства и непосредственных остатках древней жизни, открываемых археологами³.

Древнейшие образцы военной техники в Греции относятся еще ко временам крито-микенской культуры. Таковы, например, мечи из микенских погребений, а инкрустация на этих мечах изображает самих воинов, прикрывающих себя огромными щитами. Ряд воинов с круглыми щитами видим мы в вазовой живописи этого же времени. Такого рода оружие встречаем и в описаниях Гомера. Костяная пластинка с изображением кожного шлема, покрытого кабаньими зубами, воспроизводит какой-то прототип шлема Одиссея в описании Гомера («Илиада», X, 261—265). Один рельеф из Тиринфа изображает бойца, выезжающего на колеснице. Интересен обломок серебряного сосуда из Микен с изображением осажденного города, жители которого с башни и через пролом в стене отбивают врагов. Да и самые постройки кремлей Тиринфа и Орхомена свидетельствуют о стратегических расчетах расположить подступы к городу так, чтобы враги вынуждены были подставлять под удары защитников свою правую сторону, не прикрытую щитом.

Поэмы Гомера, самый ранний литературный памятник, воспроизводящий древнейший быт греков, представляют битву или как столкновение двух войск, причем противопоставляют стройному порядку молчаливо наступающих греков беспорядочное и шумное движение троянцев, подобных стаду овец («Илиада», IV, 422—438), или как ряд единоборств отдельных героев. Характерно для эпохи разложения родового строя предлагаемое Нестором расположение войска (II, 362—363):

Войско по филам поставь и по фратриям, царь Агамемнон:
Фила пусть филе, а фратрия фратрии пусть помогает.

Как опытный воин, Нестор ставит слабых и ненадежных воинов в середину войска с тем, чтобы они под натиском

³ См. Г. Дильс. Античная техника (русс. пер.). Изд-во АН СССР, М.—Л., 1934, стр. 85—101; А. В. Болдырев и Я. М. Боровский. Техника военного дела. Сб. «Эллинистическая техника». Изд-во АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 267—337; В. Д. Блаватский. Очерки военного дела в античных государствах северного Причерноморья. Изд-во АН СССР, М., 1954.

сильных противников не дрогнули и не произвели панику среди остальных (IV, 299). Этим советом впоследствии воспользовался царь Пирр против римлян в битве при Аускуле в 279 г. до н. э. (Фронтин, «Стратегемы», II, 3, 21).

Командование, что естественно в условиях родового строя, находилось в руках родоплеменных вождей—«царей»—басилевсов. При этом греки, чтобы на время похода сосредоточить общее командование в одних руках, передали его «владыке мужей» Агамемнону. У троянцев же за старостью и дряхлостью царя Приама командование войском передано старшему сыну его Гектору, которому подчиняются и союзные «цари» — Главк, Сарпедон и другие. Оружие отдельных героев неоднократно описывается в «Илиаде» — панцири, шлемы и поножи; знаменито описание щита Ахилла (XVIII, 478—608); в качестве наступательного оружия служат мечи и копья; подробно описан лук Пандара (IV, 105—126) и в «Одиссее» лук Одиссея (XXI, 393—423). Не раз поэт описывает и вооружение своих героев: Ахилла («Илиада», XIX, 369—398), Агамемнона (XI, 15—19; 41—44), Патрокла (XVI, 131—143), Париса (III, 330—339) и других. Своеобразный характер получают бои гомеровских героев, когда они выезжают на колесницах, каков, например, выезд Ахилла после примирения с Агамемноном (XIX, 364—398; XX, 490—503).

Описанные тут формы вооружения сохранились в Греции и в последующие времена, за исключением колесниц, которые уступили место отрядам всадников.

В классическую эпоху крепче всего удерживали за собой славу лучших воинов спартанцы или, точнее, спартиаты, полноправные граждане Спарты, ее аристократия. Это объясняется всем укладом их жизни. Силой подчинив себе окрестное население, они должны были всегда держаться в боевой готовности, особенно против поработанного населения — гелотов. Спартиаты вели лагерный образ жизни и свою молодежь воспитывали в правилах строжайшей дисциплины, закаляя ее в силе, ловкости, смелости и выносливости. Как известно, с этой целью молодых людей посылали даже в обходы по стране для истребления опасных элементов, то есть заподозренных гелотов: это называлось «криптиями». «Со щитом или на щите», — говорила спартанская мать, провожая сына в поход. Это значило, что, если воин одержит победу, он вернется со щитом, так как потеря щита считалась величайшим позором, если же будет убит, его, как полагается по обычаю, принесут на щите. В спартанских лагерях еще в IV в. до н. э. для поднятия

мужества воинов распевали «элегии» поэта VII в. до н. э. Тиртея (фр. 6, 1—2):

О, как прекрасна та смерть благородного мужа, который
Доблестно в первых рядах пал за отчизну свою!

В бой шли спартанцы «эномотиями», то есть отрядами, в которых воины были связаны между собой клятвами (Геродот, I, 65). К их основным силам примыкали отряды «гимнетов», то есть легковооруженных, не имевших панцирей. В походах принимали участие и перизки — свободные поселенцы, а в качестве слуг — гелоты.

В «элегиях» Тиртея живо обрисовывается картина боя. Вот как поэт обращается к воинам (фр. 8, 21—38):

Ну, так покрепче вы в землю упритесь, расставивши ноги;
Стойте на месте своем, губы зубами прижав.
Бедро и голени ног и всю грудь свою сверху и плечи
Все вы прикройте себе выпуклым крепким щитом;
Мощным копьем потрясайте в могучих десницах отважно,
Сверху же над головой гребень пусть грозно встает.
Вы среди подвигов ратных учитесь военному делу
И от ударов копья не уклоняйте щитов.
Смело к врагу подступайте, колите копьем его длинным,
Или рубите мечом, насмерть разите его.
Ногу с ногою сомкните, щитом в его щит упирайте,
Гребнем касайтесь гребня, бейте шишак шишаком;
Грудью ко груди прижмитесь и бейтесь отважно с врагами,
Меч свой сжимая в руке или большое копье.
Вы же, гимнеты, прикрывшись щитами, вперед выбегайте,
С разных ударьте сторон, градом осыпьте камней;
Гладкими дротами их поражайте, а сами держитесь
Ближе к своим, что идут во всеоружии в бой.

В этих стихах, как нельзя лучше, представлено спартанское войско в действии. Свои боевые качества и показали спартанцы в битве при Фермопилах в 480 г. до н. э., когда отряд из 300 человек с царем Леонидом во главе не отступил ни на шаг перед подавляющей численностью персов и весь был перебит (Геродот, VII, 202, 205).

Однако, сильные в рукопашном бою, спартанцы не были искусны в осаде укреплений. Это и обнаружилось в битве при Платеях в 479 г., когда им пришлось дожидаться помощи афинян, чтобы начать штурм персидского лагеря Мардония (Геродот, IX, 70). Наш историк передает, что в этом бою участвовало около 50 тысяч спартанских воинов — в том числе 5 тысяч спартиатов из общего их числа 8 тысяч; (Геродот, VII, 234), при которых в качестве оруженосцев было по

семи гелотов (IX, 10, 28). К ним присоединились 5 тысяч периеков (IX, 11).

Спартанское войско разделялось на 6 мор с 4 лохами в каждой, и с 4 эномотиями в лохе (Ксенофонт, «Лакедемонская полития», 11, 4). Впрочем, как видно из слов Ксенофонта, эти соотношения иногда менялись. Развитию конницы спартанцы долгое время не придавали значения, и только после неудачи при столкновении с фиванцами они стали вводить в свое ополчение этот вид войска (Ксенофонт, «Греческая история», VI, 4, 10—11), причем в него допустили периеков («Обязанности гиппарха», 9, 4—6).

Высшее командование спартанским войском принадлежало царям. А после того, как между ними стали возникать несогласия (между Демаратом и Клеоменом в 507 г. до н. э.), а также и для того, чтобы сосредоточить командование в одних руках, было принято решение не посылать в поход одновременно обоих царей (Геродот, V, 75). Затем вошло в обычай для наблюдения за действиями царя посылать вместе с ним двух эфоров (Ксенофонт, «Лакедемонская полития», 13, 5). В годы Пелопоннесской войны в помощь царю был приставлен совет из десятиерых лиц или он сам собирал на совет командиров (Фукидид, V, 63, 4; Ксенофонт, «Греческая история», III, 5, 22; IV, 5, 7; «Лакедемонская полития», 13, 1). А во время боя его приказания быстро передавались по всем частям (Фукидид, V, 66, 2—4).

Морские силы Спарты значительно уступали афинским и по количеству и по качеству (Фукидид, I, 74, 4; 142, 4). Но все же во время войны с персами афиняне уступали командование спартанскому наварху (адмиралу) Эврибиаду (Геродот, VIII, 3). В дальнейшем спартанский флот был увеличен, и начальники его имели склонность расширять свои полномочия (Аристотель, «Политика», II, 6, 22, р. 1271 a 37—41) и посягать на верховную власть, чему примером может быть Лисандр (Плутарх, «Лисандр», 19). Любопытно, что на эту должность допускались даже периеки (Фукидид, VIII, 22, 2).

Лучше всего из греческих государств нам известна постановка военного дела у афинян. Интересы этого дела предусматривались уже распределением граждан по имущественному цензу по законам Солона. Распределяя граждан по классам, эта система налагала на них соответствующие военные обязанности. Главная тяжесть падала на наиболее состоятельных людей: они должны были выступать в тяжелом вооружении или даже конными, вносить в военное время

большие денежные взносы и нести тяжелые общественные повинности, например, в виде постройки кораблей (триэрархия). Главный состав войска давал третий класс (зевгиты). Граждане же четвертого класса принимались, как правило, только на службу во флоте (Фукидид, VI, 43, 2). Впрочем уже в середине V в. до н. э. различие по классам фактически утратило значение. К второму классу принадлежали «всадники», однако в действительности так называлась группа граждан, имеющих возможность содержать лошадей и обеспечивать необходимый уход за ними. Это, конечно, обуславливалось и их материальным положением (Ксенофонт, «Обязанности гиппарха», I, 9; «О верховой езде», 2, 1). Таких людей в конце V в. и в начале IV в. до н. э. насчитывалось 1000—1200 человек (Ксенофонт, «Обязанности гиппарха», 9, 3; Аристофан, «Всадники», 225; Аристотель, «Афинская полития», 24, 3). Управление делами конницы находилось в ведении Совета («Афинская полития», 49, 1), который набор всадников поручал комиссии «наборщиков» (там же, 59, 2). Но и Ксенофонт указывает на слабое развитие этого дела и настаивает на необходимости большего попечения («Обязанности гиппарха», 7, 3).

Уже взаимные столкновения между самими греками показали необходимость создания флота. Первенство в строительстве военных трехпалубных кораблей — триэр принадлежало коринфянам (Фукидид, I, 13, 2). Еще большая необходимость возникла при угрозе со стороны персов. В Афинах начало этому делу было положено Фемистоклом, по настоянию которого доход от серебряных рудников в Лаврии был обращен на постройку кораблей (Фукидид, I, 14, 2; Аристотель, «Афинская полития», 22, 7). Этот флот состоял из 250—300 триэр — военных кораблей, на которых гребцы были расположены в три яруса. 100 из этих кораблей предназначались для охраны берегов Аттики (Фукидид, III, 17, 2; II, 13, 8). Перикл заявлял даже, что афиняне имеют такой флот, который больше, чем у всех других греческих государств, и что обслуживается он самими гражданами (I, 143, 1). На этом, как известно, был построен план ведения войны: «Если они сухим путем пойдут на нашу землю, мы пойдём на их землю морем» (I, 143, 4, ср. II, 13, 2). Так, над персами были одержаны победы на море при Артемисии и при Саламине в 480 г., при Микале в 479 г. и позднее при Эвримедонте в 449 г. до н. э. В битве при Саламине, которая так красочно описана самим участником ее — Эсхилом («Персы», 337—471), греческих кораблей было 310 или, по

Геродоту (VIII, 82), 380, против 1207 персидских (Геродот, VII, 89), причем афинских было 180 (Плутарх, «Фемистокл», 14) или в круглом счете — 200 (Геродот, VII, 61).

Забота о материальном оборудовании и обслуживании военных кораблей возлагалась в виде общественной повинности, так называемой триэрархии, на богатых граждан, которые вместе с тем, как триэрархи, несли на кораблях обязанности капитанов. Геродот с похвалой упоминает некоего Клиния, который на им же построенном корабле участвовал в бою при Артемисии (VIII, 17). В таких затратах сказывалось патриотическое рвение граждан, что нередко отмечалось в речах ораторов (Лисий, XXI 10; Исократ, XVIII, 60; Демосфен, I, 6). Руководство этим делом было в ведении Совета, которому в течение года приходилось делать до 400 назначений триэрархов (Пс. Ксенофонт, «Афинская полития», 3, 4). Для многих такое назначение оказывалось тяжелым бременем (Аристофан, «Всадники», 912—926).

Когда молодые люди достигали совершеннолетия — возраста 18 лет, имена их вносились в списки их демов и в общий гражданский список под именем того архонта, который был эпонимом. В случае войны Народное собрание устанавливало количество воинов, подлежащих призыву (Демосфен, III, 4), а таксиархи — начальники пехотных подразделений, вывешивали списки соответствующих возрастов по их эпонимам (Аристотель, «Афинская полития», 26, 1). Конечно, при этом таксиархами нередко допускались злоупотребления, на которые особенно жаловались простые люди — крестьяне (Аристофан, «Мир», 1170—1190). Чаще всего призывались граждане среднего возраста и лишь в случаях серьезной опасности, например во время войны с Филиппом, после поражения при Херонее в 338 г. до н. э. были мобилизованы люди свыше пятидесятилетнего возраста (Ликург, «Против Леократа», 39, ср. Фукидид, I, 105, 4). За уклонение от военной службы виновные привлекались к судебной ответственности перед стратегами (Аристотель, «Афинская полития», 61, 2).

Общее командование афинским войском первоначально принадлежало архонту-полемарху, но после реформы Клисфена (508/507 г. до н. э.) за ним осталось только общее наблюдение, фактическое же руководство было передано коллегии 10 стратегов, которые чередовались между собой в главном начальствовании (Аристотель, «Афинская полития», 22, 2). Первый и весьма выразительный пример этого нам дает рассказ Геродота о битве при Марафоне, где главная

роль принадлежала Мильтиаду, а полемарх Каллимах командовал лишь правым крылом (VI, 110—111). Позднее было проведено дальнейшее разделение обязанностей: для командования пехотой каждой из 10 фил избирались 10 таксиархов, для конных отрядов два гиппарха и 10 филархов (начальников фил). На все эти военные должности выборы производились в Народном собрании поднятием рук, то есть открытым голосованием, а не по жребию, как на другие должности (Аристотель, «Афинская полития», 61). К концу IV в. между стратегами были точнее распределены их обязанности. Об обязанностях гиппарха подробно рассказал Ксенофонт в специальном сочинении.

Первоначально воины никакой платы не получали, так как эта служба считалась просто исполнением гражданского долга; отчасти расчет был и на то, что воины могут вознаграждать себя военной добычей (Фукидид, I, II, 1). Но по мере того как войны становились продолжительными и надолго отрывали граждан от обычных занятий, пришлось установить им плату — прежде всего гребцам на кораблях, как людям, принадлежащим к беднейшему классу, а затем и всем остальным. Началось это после создания Делосского морского союза (Аристотель, «Афинская полития», 24, 3) в 477 г. Средства для этого давали членские взносы союзников. Гоплитам, стоявшим под Потидеей в 432 г. до н. э., и их оруженосцам выдавалось по одной драхме на человека (Фукидид, III, 17, 2). Такую же плату получали и всадники, поскольку несли постоянную службу (Аристотель, «Афинская полития», 24, 3; 49, 1).

Всю боевую силу афинян перед началом Пелопоннесской войны Фукидид исчисляет в количестве 13 тысяч гоплитов, 16 тысяч легковооруженных, 1200 всадников, 1600 стрелков и 300 триэр, готовых к плаванию (II, 13, 6; 13, 9). Уже в середине V в. до н. э. была организована регулярная армия из 2500 гоплитов и 20 триэр, которые круглый год находились в боевой готовности и получали оплату (Аристотель, «Афинская полития», 24, 3). Забота о снабжении армии продовольствием первоначально предоставлялась самим воинам — и для этого при войске в обозе обычно находились маркитанты, и Ксенофонт нередко упоминает о них в «Анабасисе» (I, 2, 18) и в «Греческой истории» (I, 6, 37; VI, 2, 23; VI, 4, 9). Но с конца V в. до н. э. дело снабжения войска уже возлагалось на стратегов (Ксенофонт, «Воспоминания о Сократе», III, 1, 6).

Говоря о военных порядках, нельзя не упомянуть о постановке «трофея». Победители на поле битвы спешили уве-

ковечить свою победу особым памятником, который посвящался богам, «обратившим» врага в бегство — тропаῖον (от слова τροπή «поворот»): воздвигался шест, на который вешали доспехи, снятые с убитого врага (Фукидид, II, 92, 4; VI, 98, 4). В одной надписи (100 г. до н. э.) упоминается такой трофей в честь победы при Саламине: к нему собирались афинские эфебы и приносили жертвы Зевсу-Тропею⁴.

Пелопоннесская война дала богатый опыт и открыла новые методы. Следуя плану Перикла, афиняне избегали столкновения со спартамцами на суше, но старались наносить им удары с моря, так как тут имели бесспорное превосходство (Фукидид, II, 13, 2). Примером этого может служить победа при Сфактерии в 425 г. до н. э. Однако и спартанцы, начавшие войну кратковременными вторжениями в Аттику, после 415 г. переменили тактику и прочно укрепились в пределах самой Аттики в Декелее, держа всю страну под постоянной угрозой, и закончили войну капитуляцией города после продолжительной осады одновременно с суши и с моря.

Мы не будем перечислять всех войн и сражений, имевших место в истории греческого народа, и остановимся лишь на некоторых чертах их военной тактики. Важным усовершенствованием было введенное в начале IV в. до н. э. Ификратом широкое применение силы легковооруженных, так называемых «пелтастов», которые с легким щитом — πέλτη (отсюда их название) и с копьем в руках могли быстро маневрировать, неожиданно нападая то с одной, то с другой стороны (Диодор, XV, 44). Во главе такого отряда Ификрат в 390 г. до н. э. уничтожил целую мору спартанцев и навел панику на остальных (Ксенофонт, «Греческая история», IV, 4, 15—18; 5, 14—17; Демосфен, XIII, 22; XXIII, 198). Другое нововведение сделано было фиванским полководцем Эпаминондом. Обычно до этого времени одно войско наступало на другое прямым фронтом. Эпаминонд же в 371 г. до н. э. при Левктрах применил «косой» строй, поведя наступление левым крылом, где у него были сосредоточены главные силы, 50 рядов, легко справился с конницей спартанцев и разбеднил их основные силы (Ксенофонт, «Греческая история», VI, 4, 8—15; Диодор, XV, 55—56; Плутарх, «Пелопид», 23). Так битва закончилась полным поражением спартанцев. Такую

⁴ G. Dittenberger. Sylloge inscriptionum graecarum, 3 ed., v. II. Lipsiae, 1917, n 717, 27—28. Зевсу Тропею поют славу и старцы хора в трагедии Софокла «Антигона» (143).

же тактику применил Эпаминонд и в битве при Мантинее в 362 г., где сам он получил смертельную рану (Ксенофонт, «Греческая история», VII, 5, 18—25; Диодор, XV, 85). Ф. Энгельс заметил по этому поводу: «Эпаминонд первым открыл великий тактический принцип, который вплоть до наших дней определяет исход почти всех решающих сражений: неравномерное распределение войск по фронту в целях сосредоточения сил для главного удара на решающем участке... Эпаминонд... предназначил один из своих флангов для атаки, а другой — для обороны»⁵.

Еще новое изменение в военную практику было внесено Филиппом Македонским и его сыном Александром. Они завели у себя постоянное войско, пешую и конную гвардию— «гетеров» (букв. «дружинников»). Особенное значение имело новое построение главного ядра войска — тяжеловооруженной фаланги (Диодор, XVI, 3, 2). Представим себе четыре колонны из 16 отделений, в каждом из которых стоит 16 рядов по 16 человек, итого 16 384 человека. Все эти воины вооружены копьями такой длины, что острия их выступают перед первой линией строя и каждая задняя шеренга имеет копья более длинные, чем передняя. Эти так называемые «сариссы» в задних рядах достигают 16 локтей и кладутся на плечи стоящих впереди (Арриан, «Тактическое искусство», 9, 12). Если падал передний воин, его место занимал сзади идущий. Построенная таким образом фаланга обладала большой ударной силой. К тому же сосредоточение в единых руках всего командования давало Филиппу большое преимущество перед сложной передачей военных распоряжений у греков, как на это нередко указывал Демосфен (XVIII, 235; XIX, 185). Вот такое войско и одержало победу над греками. С ним потом Александр завоевал Персию и дошел до Индии. Известная помпейская мозаика (см. рис. на стр. 411) изображает тот момент битвы при Гавгамелах в 331 г., когда царь Дарий под натиском войска Александра спешит повернуть свою колесницу, чтобы спастись бегством (Плутарх, «Александр», 33). Ф. Энгельс о достижениях Александра писал: «...организация войск, примененная Эпаминондом в его боевом порядке, была доведена Александром до такого сочетания различных родов войск, какого Греция, с ее незначительной конницей, никогда не могла бы достигнуть»⁶.

⁵ Ф. Энгельс. Пехота. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 355; ср. т. 14, стр. 74.

⁶ Там же, стр. 355.

Однако слабой стороной фаланги была ее неповоротливость; она была непреодолима лишь на ровной местности и нуждалась в защите с флангов, и Александр делал это с помощью тяжелой конницы. Этот недостаток фаланги обнаружился впоследствии при столкновении с римскими легионами. Военная техника Александра после него успешно применялась как его непосредственными преемниками «диадохами», так и следующим поколением «эпигонов».

Обстановка прекращающихся войн создавала подходящую почву для превращения военного дела в ремесло — ремесло наемников. Оно возникло рано. Уже в VII в. до н. э. поэт-сатирик Архилох с острова Пароса соединял служение музам с опасным ремеслом воина-наемника. А память о греческих наемниках, выступавших на службе египетского фараона Псамметиха II (594—589 гг. до н. э.), сохранена в виде подписей одиннадцати из них на ноге огромной статуи Раамзеса II в Абу-Симбеле в Нубии.

Время Пелопоннесской войны было весьма благоприятно для развития наемничества. Экономический и социальный кризис рабовладельческого строя, когда упадок мелкого земельного хозяйства оставил многих без дела, толкал их на промысел воинов-наемников. В IV в. до н. э. наемничество стало бытовым явлением, и многие известные полководцы, как Ификрат, Тимофей, Хабрий, Харет, Харидем и другие, выступали во главе наемных дружин (Демосфен, IV, 24; XXIII, 118—186). Типичным примером этого может служить наемное войско на службе у сатрапа в Малой Азии Кира Младшего, который поднял восстание против брата своего царя Артаксеркса II в 401 г. до н. э. Ксенофонт, принимавший участие в этом походе, оставил красочное описание жизни и нравов наемников в «Анабасисе». Но, конечно, содержание такого войска ложилось тяжелым бременем на бюджет государства (Эней Тактик, 13), да и войско это было ненадежно, перебегало от одного начальника к другому, а иногда, в случае задержки с оплатой, грабило даже союзные города (Демосфен, II, 28; IV, 24; VIII, 24—25; XXIII, 148—151). И даже в Персии против Александра выступали греческие наемники под начальством Мемнона, которому затем была поручена охрана всего побережья и командование персидским флотом (Арриан, «Анабасис», III, 1, 1).

Наибольшего развития достигло наемничество при преемниках Александра в эпоху эллинизма. Эти цари заняты были приобретением новых земель и часто воевали между собой, а для этого нуждались в войсках. При таких условиях появи-

лась типичная фигура вербовщика солдат, давшая обильную пищу для насмешек в бытовой, так называемой «новой», аттической комедии и перешедшая по наследству в римскую. Пример этого мы имеем в комедии Плавта «Хвастливый воин».

Эпоха эллинизма, отмеченная различными усовершенствованиями в области техники, показала их и в военном деле. На море появились рядом с триэрами более быстроходные «пентеры», оснащенные пятью ярусами гребцов. При осаде городов появились сложные машины и другие сооружения. Осада Тира, расположенного на острове, была завершена Александром в 332 г. до н. э. с помощью насыпи и подвижной башни, которую осажденные пытались уничтожить огнем (Арриан, «Анабасис», II, 18—24). При обороне Сиракуз в 212 г. до н. э. осадные сооружения римлян в течение почти трех лет парализовались механизмами, устроенными Архимедом (Ливий, XXIV, 34).

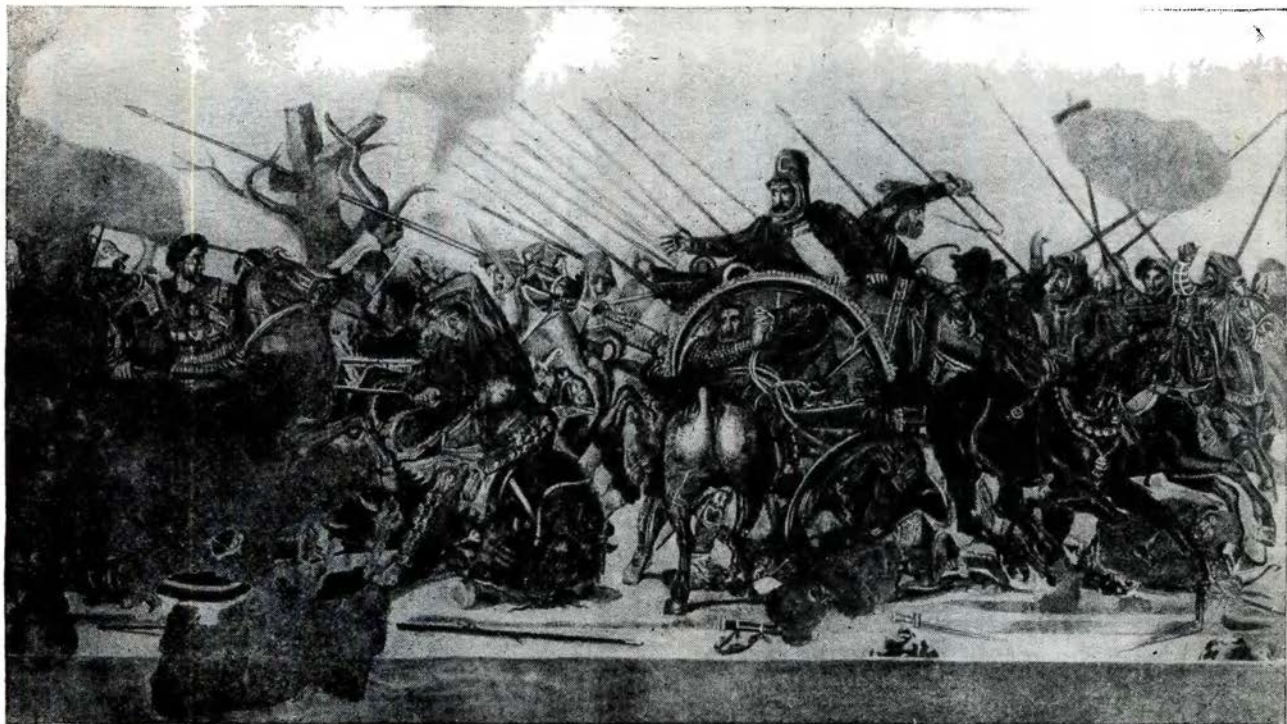
Оружие, которым располагали древние воины, было двух родов — оборонительное и наступательное, а в том и другом было различие между тяжелым и легким.

Тяжеловооруженный, так называемый «гоплит», имел на себе панцирь из медных блях, укрепленных на кожаной основе, с наплечниками, на голове — металлический шлем с прорезями для глаз или поднимавшимися нащечниками и с гребнем наверху, на голених ног — металлические поножи. В левой руке воин держал щит — круглый, овальный или четырехугольный с выпуклостью посередине и с двумя ручками с внутренней стороны, закрывавший тело от подбородка до колен. Делался он из дерева, которое покрывалось кожей и обивалось медными пластинками.

Наступательное оружие гоплита составляло копье длиной в 2,5—3 метра, деревянное с острым наконечником и обоюдоострый меч около 36 сантиметров.

Легковооруженные — «гимнеты», которые должны были производить быстрые налеты на противника, имели на голове кожаный шлем, в левой руке маленький щит (*πέλιτη*) и пару дротиков в 1,45 метра длины или лук с колчаном за плечами, или же пращу (*σφενδόνη*) для метания камней, неся для этого небольшой запас их. Всадники имели легкие кожаные панцири (в тяжелой коннице со времени Александра — медные) и короткие копья, ни седел, ни стремян еще не было.

В походе тяжелый багаж, а частью и тяжелые доспехи воинов везли на телегах или на вьючных животных. С обозом шли и слуги, сопровождавшие своих хозяев, различного

Александр и Дарий в битве при Гавгамелах в 331 г. до н. э. Мозаика в Помпеях

рода обслуживающий персонал, в том числе торговцы, маркитанты, у которых воины могли получать продовольствие и другие предметы необходимости. Военные сигналы подавались трубачами и горнистами.

Вначале римляне располагали такими же средствами, как и греки, но в дальнейшем внесли много усовершенствований. Законодательством, которое приписывалось царю Сервию Туллию, военная организация была поставлена в связь с ценовым распределением граждан по классам, и каждому классу определено его место в строю и соответствующее вооружение: полное, тяжелое оружие первому классу, то есть наиболее состоятельным людям: металлические шлем, панцирь и круглый щит (*clipeus*) и поножи, а наступательное — копье и меч; второму и третьему — полуцилиндрический щит (*scutum*) и шлем без панциря, копье и меч; четвертому — копье и меч; пятому — пращи. Беднейшие же граждане — «пролетарии» или *capite censi* — вовсе освобождены от военной службы (Ливий, I, 43). Полибий (VI, 22—23) так описывает вооружение римских воинов: легковооруженным полагается лишь меч, копье и маленький щит, тяжеловооруженным — деревянный полуцилиндрический щит, обтянутый кожей и по краям обитый железом с выпуклостью посередине (*umbro*), длиной в 1,2 и шириной в 0,7 метра, обоюдоострый меч в ножнах на правом боку, два копья в 2—3 метра длиной, медная каска на голове и поножи на ногах.

Граждане-воины, организованные по центуриям — сотням, составляли вначале два легиона, но уже в ранний период число легионов было удвоено. Вспомогательную силу к ним составляли 18 центурий всадников, причисленных к первому классу (Полибий, I, 16, 2).

Командование этим войском принадлежало высшим должностным лицам, сменившим царскую власть, консулам, которые первоначально назывались преторами (этимология слова: *prae-itores*, то есть «идущие впереди»), и другим облеченным военной властью.

Постоянные войны с соседями дали римлянам достаточный опыт, чтобы выработать необходимую тактику, независимую от классовой принадлежности. Как раз ко времени подчинения всего Лация (ок. 340 г. до н. э.) римская традиция приурочивает установление так называемого «манипулярного» строя, который продолжал действовать и в период Пунических войн⁷. По этому порядку легион состоит из

⁷ Ed. Meyer. Das römische Manipularheer, seine Entwicklung und seine Vorstufen (Kleine Schriften, Bd. II). Halle, 1924, SS. 193—329.

30 манипулов, из которых в каждом по две центурии — одна младших, другая старших. Первую линию занимает «цвет молодых воинов» (*flos iuvenum pubescentium*), вооруженных копьями и потому называемых гастатами. Их манипулы, каждый со своим знаменем (*vexillum*), возглавляемый своим старшим центурионом, располагаются на расстоянии длины своего фронта один от другого. Вторую линию составляет такое же число манипулов «принципов», воинов «более крепкого возраста» (*robustior aetas*), вооруженных щитами и копьями. Их манипулы размещаются против промежутков между манипулами гастатов. В третьей линии идут «триарии» — «старые бойцы испытанной храбрости» (*vetepanus miles spectatae virtutis*). Если гастатам не удавалось добиться успеха, они отступали в промежутки между манипулами принципов. Если же и после этого битва оставалась нерешенной, в дело вступали триарии (*res ad triarios redit*), как принято было говорить (Ливий, VIII, 9—11). «Триарии, едва только примут в промежутки между своими манипулами манипулы принципов и гастатов, поднимались с мест и, плотно сомкнув ряды, как бы заграждали пути и единым сплошным строем, не оставив за собой уже ничего, на что можно было бы еще рассчитывать, устремлялись на врага. Это было самым страшным для врага, когда тот, преследуя как будто уже побежденных, вдруг видел перед собой поднявшийся новый строй, увеличившийся в числе» (Ливий, VIII, 8. 12—13). Полибий исчисляет состав легиона, учитывая возможные колебания в цифрах, в 4 с лишним тысячи из такого расчета: гастаты и принципы по 1200 воинов и триарии — 600, кроме того, легковооруженных (*velites*) около 1200 (Полибий, I, 16, 2; VI, 21, 9—10). К этому прибавлялось еще на каждый легион по 300 всадников. В дальнейшем армия легионов стала дополняться отрядами союзников под названием «вспомогательных сил».

Серьезное испытание выдержал этот строй в борьбе с эпирским царем Пирром. Этот последний одержал над римлянами две крупные победы при Гераклее и Аускуле в 279 и 278 г. до н. э. Но эти победы оказались для него хуже поражений, отчего появилось впоследствии выражение *пиррова победа*. Римляне в конце концов одержали над ним решительную победу при Беневенте в 275 г. и заставили уйти из Италии.

Долго римляне не могли выходить в море, и, когда в 338 г. до н. э. в их руки попал флот кампанского города Анция, часть кораблей они сожгли, а с некоторых сняли

бронзовые носы (rostra) и ими украсили ораторскую трибуну на главном Форуме, которая от этого и называлась впоследствии «ростры» (Ливий, VIII, 14, 8; 14, 12). Но в период I Пунической войны (264—241 гг. до н. э.) они справились и с этой задачей, нанеся карфагенянам поражения на море при Милах в 260, при Экноме в 256 и при Эгатских островах в 241 г. до н. э., в которых применили abordажные мостки — «вбóроны», превращая бой как бы в сухопутный (Фронтин, «Стратегемы», II, 3, 24).

II Пуническая война (218—201 гг. до н. э.), сопровождавшаяся вторжением в Италию Ганнибала, принесла Риму много тяжелых испытаний в виде поражений при Тицине, Требии и Тразименском озере (Полибий, III, 60—84), а особенно при Каннах в 216 г. (Полибий, III, 113—117; Ливий, XXII, 46—49; Фронтин, II, 3, 7). Победы карфагенян объясняются превосходством их конницы и лучшим обучением их наемных войск, сумевших быстро перенять тактику римлян. Кроме того, Ганнибал переманивал на свою сторону недавно подчиненные Римом италийские племена. Ф. Энгельс, анализируя данные об этом сражении, писал: «...тяжеловооруженная конница Гасдрубала подготовила поражение римлян... Неповоротливая масса, атакованная со всех сторон, не выдержала, пришла в расстройство, была смята и разгромлена»⁸.

Но на этих поражениях римляне научились побеждать и выдвинули выдающихся полководцев — Кв. Фабия Максима, призванного за свою осторожность Кунктатором, то есть Медлителем, М. Клавдия Марцелла, прославившегося взятием Сиракуз в 212 г., П. Корнелия Сципиона, получившего известность под прозвищем Африканского за победу в Африке. Высадившись с войском в Африке, он заставил карфагенян отозвать Ганнибала из Италии после 15 лет пребывания его там. При Заме получившее уже опыт римское войско нанесло решительное поражение карфагенским наемникам и заставило принять мир на тяжелых условиях.

Эта война для римлян в значительной степени была оборонительной. У италийских союзников Ганнибала, рассчитывавших с его помощью освободиться от власти Рима (ср. например, восстание в Капуе, подавленное в 211 г.), отпала надежда на это, а Риму победа обеспечила владычество в Италии и открыла путь для колониальной политики. II в.

⁸ Ф. Энгельс. Кавалерия. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 302.

до н. э. весь прошел в непрерывных войнах — в Греции и Македонии, в Африке взят и разрушен Карфаген одновременно с Коринфом в Греции в 146 г. до н. э.; велись войны в Сирии и Малой Азии, в Испании и Галлии.

Силу римского легиона лучше всего можно видеть при встрече его с македонской фалангой Антиоха III Сирийского в битве при Магнесии в 190 г. до н. э. Римское войско состояло из двух легионов граждан и двух подобных же фланговых отрядов (*alae*) союзников и латинских граждан по 5400 воинов в каждом. В первой линии стояли гастаты, во второй — принципы, а за ними триарии, по сторонам — легковооруженные, конница и союзники, сзади — слоны (Ливий, XXXVII, 39; Аппиан, «Сирийская история», 31). «В войске Антиоха было 70 тысяч; главное ядро их составляла македонская фаланга числом в 16 тысяч, вооруженных по образцу Александра и Филиппа. Антиох поставил их посредине, разделив на 10 отрядов по тысяче шестьсот. В каждом из них по фронту стояло по 50, а в глубину по 32 человека; по флангам у каждого по 22 слона. Общим видом фаланга походила на крепость, а слоны — на башни. Такова была у Антиоха пехота, с флангов у нее помещались галатские всадники в панцирях и так называемая македонская гвардия — ἄγχια» (Аппиан, «Сирийская история», 32). Среди особых видов оружия у Антиоха обращали на себя внимание выдвинутые вперед «серпоносные» колесницы. С такими колесницами в персидском войске мы знакомы по упоминанию их в «Анабасисе» Ксенофонта: греческие воины наловчились парализовать их действия, вовремя расступаясь и пропуская их мимо себя (I, 8, 20). Ливий так описывает их вид: «Колесницы имели у дышла со стороны ярма выставленные вперед наподобие рогов острые наконечники длиной в 10 локтей, чтобы пронзать все, что попадется навстречу, а на оконечностях ярма с обеих сторон выступали вперед серпы — один на уровне ярма, чтобы резать тех, кто встретится с боку, второй внизу, обращенный к земле, чтобы доставать упавших и подбегających. Точно так же и на осях колес с обеих сторон в противоположном направлении привязывались серпы» (Ливий, XXXVII, 41, 6—7; ср. Кв. Курций Руф, «История Александра Великого», IV, 35).

Антиох допустил крупную ошибку, поставив впереди фаланги слонов и колесницы, так как римляне уже достаточно освоились с теми и с другими. Они стали поражать прежде всего животных, так что те, повернув на своих, произвели смятение в их рядах. Этим было подготовлено наступление

главных сил. Ливий так описывает этот момент боя: «Когда к ним (войску Антиоха.— С. Р.) после расстройтва вспомогательных сил подступила римская конница, они не выдержали даже первого натиска; часть их была рассеяна, часть была подавлена тяжестью своего оборонительного и наступательного оружия. Затем дрогнуло все левое крыло. И, когда смешались вспомогательные войска, находившиеся между конницей и так называемыми фалангитами, страх распространился и на самый центр. Сразу же, как только началось расстройство рядов из-за толпы бегущих и было затруднено действие особенно длинных копий — македоняне называют их сариссами, римские легионы начали наступление и стали поражать копьями оторопевших. Даже стоявшие на пути их слоны не пугали римского воина, умевшего по опыту африканских войн уклоняться от нападения чудовища и поражать его копьями сбоку или, если можно было подойти ближе, мечом перерезывать жилы на ногах. И вот уже почти весь центр боевой линии с фронта был разбит и началось избивание резервных частей, которые оказались обойденными с тылу, как вдруг римляне увидели на другой стороне бегство своих и услышали крики перепуганных в своем лагере» (Ливий, XXXVII, 42, 2—6). После кратковременного успеха отряда конницы Антиоха, ворвавшегося в слабозащищенный лагерь римлян, продолжался разгром главных сил сирийской армии, завершившийся бегством самого царя (там же, 43—44).

В таком же положении оказалась фаланга в сражениях при Киноскефалах в 197 г. (Ливий, XXXVIII, 9—10; Полибий, XVIII, 5—9) и при Пидне в 168 г. до н. э. Ливий, объясняя причину поражения войск Персея при Пидне, писал: «В центре второй легион, направленный туда, рассеял фалангу. И не было более очевидной причины победы, чем то, что сначала многие схватки в разных местах привели в расстройство неустойчивую фалангу, а затем и вовсе раздробили на части, между тем как, будучи сомкнуты и ошетинены нацеленными копьями, ее силы бывають неодолимы. Если же станешь урывками нападать и заставлять поворачивать то в одну, то в другую сторону неподвижное вследствие своей длины и тяжести копье, то ряды фаланги сбиваются и приходят в беспорядок. А если с фланга или с тыла послышится какая-нибудь тревога, наступает крушение, словно при обвале. Вот так и тогда против нападавших кучками римлян приходилось выступать с прорванной во многих местах линией. В свою очередь римляне в открывавшиеся промежутки стали

вклинивать свои отряды. Наоборот, если бы римляне полным строем пошли в лоб на построенную фалангу... они наткнулись бы на копья и не выдержали бы ее сомкнутого строя» (Ливий, XLIV, 41, 6—9; ср. Плутарх, «Эмилий Павел», 20; Фронтин, II, 3, 20).

Продолжительные завоевательные войны II в. до н. э. отразились в укладе всей римской жизни. Так как легионы пополнялись главным образом из мелких землевладельцев, каковыми были крестьяне, с упадком таких хозяйств пополнение легионов становилось затруднительным и настоятельно требовалась реформа существующего порядка⁹. Это было произведено Г. Марием перед его отправлением в Африку для разрешения затянувшейся войны с нумидийским царьком Югуртой в 107 г.

Саллюстий так описывает избрание в консулы Мария и снаряжение его в поход: «Он на первое место поставил то, что необходимо для войны: стал требовать пополнения легионов, затем вспомогательных сил — от народов и царей; кроме того, он стал приглашать из Лациума и от союзников доблестнейших людей и в особенности много таких, которые были известны не столько по слухам, сколько по военным делам; путем личного обращения он побуждал к участию в походе людей, выслуживших срок службы. И сенат, хотя и был против этого, не решался отказать ему в этом. Впрочем он даже охотно вынес решение о пополнении войска, так как плебеям военная служба была явно не по душе и можно было рассчитывать, что Марий или не найдет средств для войны, или потеряет расположение толпы. Но эти расчеты не оправдались: такое желание охватило многих идти с Марием. Каждый льстил себя или надеждой обогатить себя добычей и вернуться домой победителем или еще другими подобными же соображениями. Немало подействовал на них своей речью Марий» («Югуртинская война», 84, 2—4).

Состоялся набор войска, и с ним Марий добился победы. С такими же войсками он затем одержал победы над тевтонами в 102 и над кимбрами в 101 г. до н. э., которыми незадолго перед этим были уничтожены две римские армии. В дальнейшем такой набор войска стал обычным в последнее столетие республики. Так постепенно гражданское ополчение сменялось хорошо обученной армией, которая могла оказаться опасным орудием в руках честолюбивых полко-

⁹ См. С. Л. Утченко. Римская армия в I в. до н. э. «Вестник древней истории», 1962, № 4, стр. 30—47.

водцев¹⁰. А военная служба уже не как гражданская обязанность, а как добровольное занятие сделалась платной: в начале империи — по 10 ассов в день, а по выслуге 20 походов — награждение земельным участком (Тацит, «Летопись», I, 17, 4; ср. Дион Кассий, LIII, 11, 5).

Одновременно с этим была произведена реорганизация легиона, с чем знакомят нас «Записки» Юлия Цезаря. Отправляясь наместником в звании проконсула в Галлию, он имел под своим командованием 4 легиона по распоряжению сената, но постепенно под предлогом необходимости бороться против восстаний галлов он увеличил число легионов до 11, которые потом послужили ему в гражданской войне против Помпея в 49 г. до н. э.

Каждый из этих легионов имел в своем составе 10 когорт, каждая по 600 человек (три манипула по две центурии). Оставалось прежнее построение в три линии — гастаты, принципы и триарии, все с одинаковым вооружением. Так как с 89 г. до н. э. италийские «союзники» получили гражданские права, все они стали входить в состав легионов.

С другой стороны, присоединение таких больших провинций, как Галлия, Испания, север Африки, Германия, Сирия и другие, давало новую живую силу для «вспомогательных» войск, особенно в эпоху империи. Многочисленные надписи свидетельствуют о размещении римских войск по самым отдаленным краям, например, по берегам Рейна и Дуная, в Хараксе в Крыму и т. д. Во времена Диоклетиана (284—305 гг. н. э.) число легионов было доведено до 175. Для несения полицейской службы были выделены 3—4 «городские» когорты, 7 когорт «стражников» для пожарной охраны. Особое значение приобрела личная гвардия императора — «преторианцы» (*cohors praetoria*), которые нередко решали вопрос о престолонаследии.

Порядок набора войска в Риме Полибий описывает следующим образом: ежегодно консулы объявляют заблаговременно срок, в который все подлежащие призыву должны явиться на Капитолий. Собранных военных трибуны распределяют по легионам — их первоначально было четыре. К каждому легиону, в то время насчитывавшему 4200—5000 воинов, причислялось еще по триста всадников. После распределения военные трибуны — каждый в своем легионе —

¹⁰ Ср. Ф. Энгельс. Пехота. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 359.

берут одного особенно надежного воина и приводят его к присяге, заставляя поклясться, что он будет повиноваться и исполнять приказания начальников по мере сил. Остальные, каждый сам от себя, повторяют слова присяги. Одновременно консулы рассылают запросы в союзные города в Италии, обозначая нужное число воинов, срок и место их прибытия, а после прибытия их распределяют по частям легионов (Полибий, VI, 19—21).

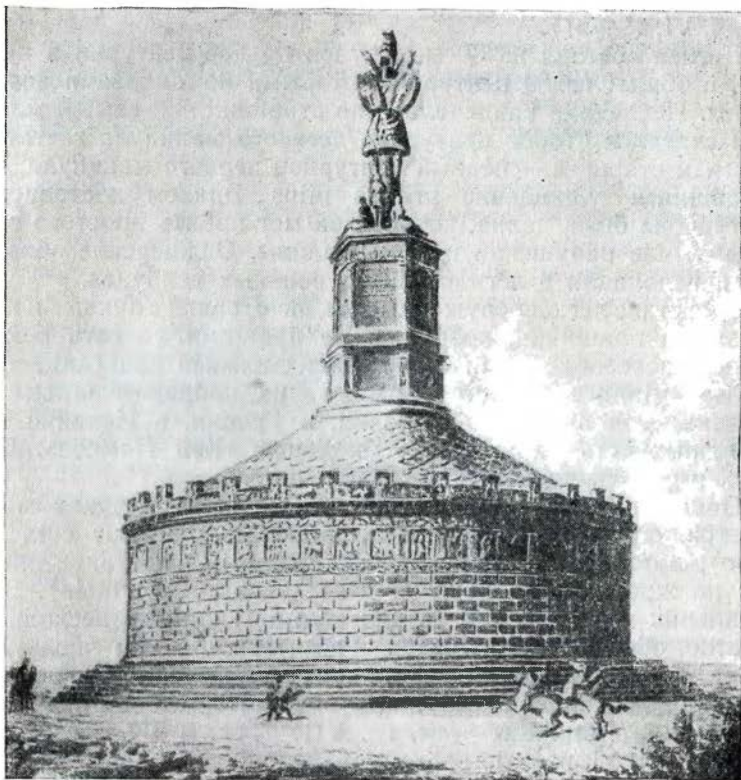
Легион состоял из 30 манипулов по две центурии в каждом, в общем из 60 центурий, которыми командовали центурионы. Последние различались по старшинству: самым младшим считался второй центурион десятого манипула гастатов, а самым старшим — первый центурион первого манипула, называвшийся упрощенно *primus pilus*. Знаком достоинства центуриона была палка, которой он мог побить простого воина в случае нарушения им дисциплины. Офицерские обязанности исполняли в легионе шесть военных трибунов.

В составе легковооруженных были стрелки слуками и колчанами и пращники, вооруженные пращами, то есть ременными приспособлениями для метания камней или свинцовых «пуль» (*glandes*). Много образцов их найдено на местах древних боев в северной Италии, в Греции, в Испании. На некоторых есть характерная подпись: «Бей Помпея». Они относятся к гражданской войне 49 г. до н. э.

Общее командование войском находилось в руках магистратов, облеченных военной властью (*magistratus cum imperio*), которым это поручал сенат особым постановлением или по жребию, как круг их деятельности (*provincia*). Военачальник имел при себе в качестве помощников нескольких легатов, обычно трех, Цезарь — десятерых, в том числе Лабiena, Гирция и других. В случаях чрезвычайной опасности командование поручалось диктатору, который сам назначал начальника конницы (см. гл. VI). Так, в 217 г. в период II Пунической войны, после поражения при Тразименском озере, диктатором был назначен Кв. Фабий Максим, который «своей медлительностью спас государство» (Энний).

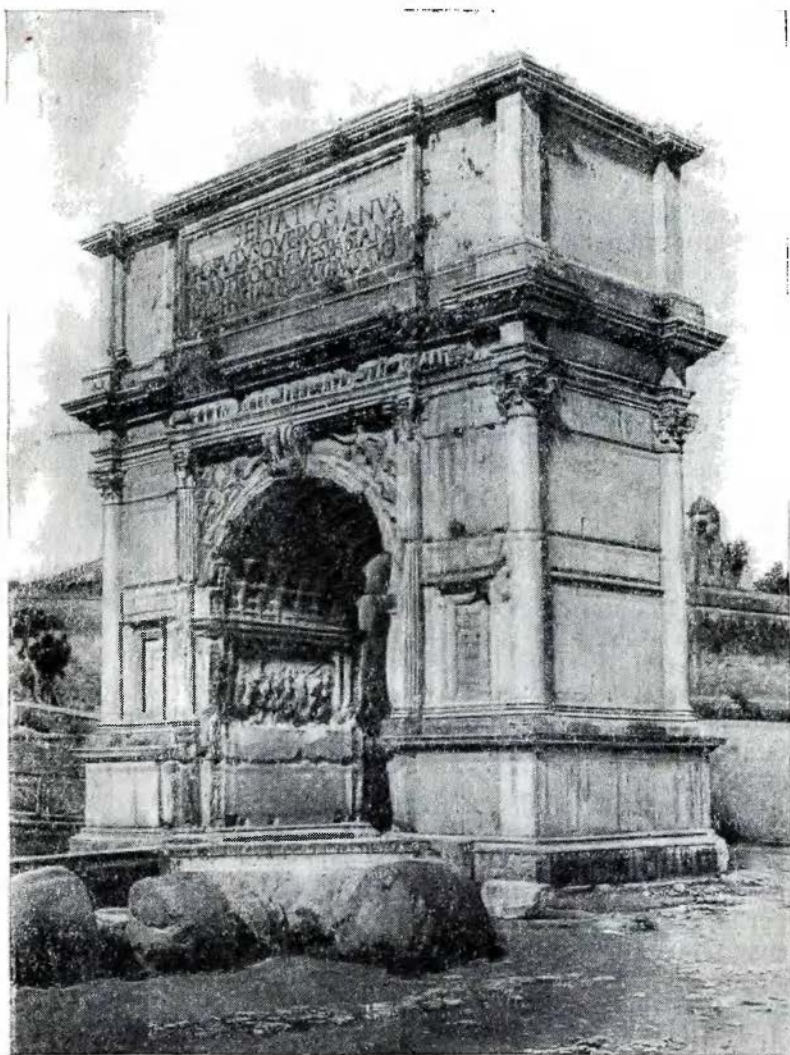
За военные подвиги назначались награды: *corona muralis* тому, кто первым взшел на стену неприятельского города, *corona castrensis* — первому ворвавшемуся в лагерь, *corona civica* — за спасение в бою римского гражданина и т. д. (Геллий, V, 6; ср. II, 11; Полибий, VI, 39, 5—6). Давались и нагрудные знаки — *phalerae*. За нарушение дисциплины виновные подвергались суровым взысканиям — от избиения палками до смертной казни.

В честь победоносного полководца по постановлению сената устраивался триумф. Название это произошло от победного возгласа *io triumphe*, которым сопровождалось торжество. Оно состояло из въезда победителя на колеснице с Марсова поля на Капитолий для принесения там жертв. Триум-

Трофей императора Адриана в Адам-Клисси (Румыния). *Реконструкция*

фатор в пурпуровой тунике, вытканной пальмовыми листьями, ехал на квадриге — колеснице с четверкой коней, сопровождаемый сенатом и наиболее отличившимися воинами, которые распевали в честь него шуточные песни. В этом шествии гнали пленников и везли наиболее ценную добычу. Плутарх, например, подробно рассказывает о триумфе Эми-

Триумфальная арка императора Тита (79—81 гг. н. э.) *Современный вид*

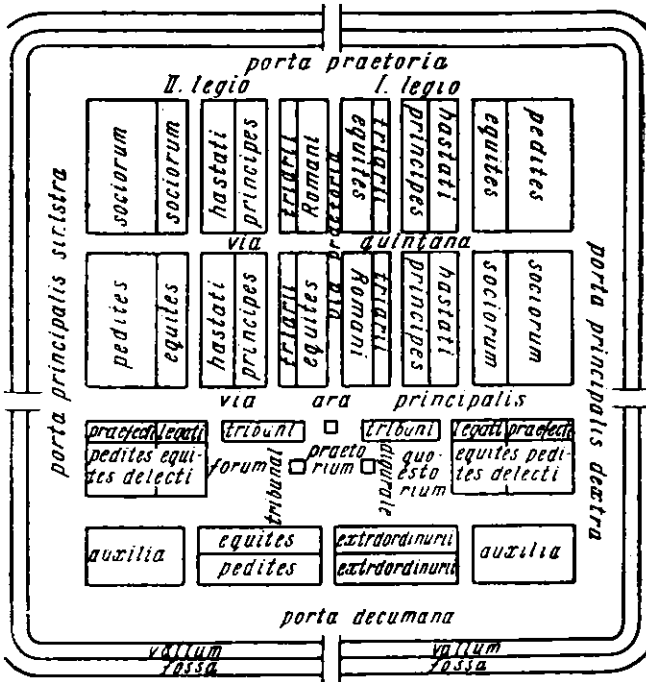
лия Павла по случаю победы его над македонским царем Персеем в 168 г. до н. э. Шествие продолжалось в течение трех дней, и среди пленников шел сам царь с семьей («Эмилий Павел», 32—34). Триумфы императоров увековечивались триумфальными арками и колоннами (ср. гл. XI). На арке Тита представлена добыча, взятая в Иерусалиме в 70 г. н. э. На колоннах Траяна и Марка Аврелия в рельефах, вьющихся спиралью вокруг стержня, изображены сцены из походной жизни их войск. В Адам-Клисси (Румыния) был поставлен памятник в честь побед Адриана над даками. Менее значительные победы награждались иногда более скромным торжеством — овацией (Геллий, V, 6, 20—21; Дион Кассий, LIV, 8, 3).

Флот у римлян получил сравнительно слабое применение. Секст Помпей, сын триумвира, в период гражданской войны, завладев флотом, отрезал подвоз продовольствия в Италию и этим поставил Октавиана в трудное положение в 40—30 гг. до н. э. (Аппиан, «Гражданские войны», III, 4). Особенно известно морское сражение при Акции в 31 г. до н. э., решившее спор из-за власти между Антонием и Октавианом. При Августе римскому флоту была дана новая организация. Он был разделен на несколько эскадр, которые имели определенные стоянки — в Мисене, Аквилее, Александрии, Трапезунте на Черном море, у берегов Британии и другие (Тацит, «Летопись», IV, 5). Известно, что Плиний Старший командовал флотом у мыса Мисена в августе 79 г. н. э., когда произошло извержение Везувия. Высшее же распоряжение находилось в руках императоров, а отдельными частями командовали префекты. Обязанности капитанов исполняли триэархи.

В битве при Акции у Антония было до 500 кораблей, у Октавиана — около 400. Тут были даже многоэтажные корабли и корабли, снабженные башнями, с которых осыпали противника камнями и дротиками; корабли налетали один на другой, стараясь протаранить борт противника или поломать весла. Исход боя долгое время оставался неясен, когда вдруг Клеопатра с египетскими кораблями, а за ней и Антоний бежали, оставив победу за Октавианом (Дион Кассий, I, 13—14, 1, 1; Плутарх, «Антоний», 65—66; Веллей Патеркул, II, 84—85).

Военное искусство римлян ярко проявилось в строительстве военных лагерей. Полибий дает подробное описание их устройства и распорядка лагерной жизни (VI, 27—41). Лагерь разбивали даже в случаях кратковременных остано-

вок. В зависимости от длительности предполагаемой остановки устраивали или долговременный (*stativa*), или зимний (*hiberna*), или летний (*aestiva*). Прежде всего надо было наметить место. Для этого вперед посылался военный трибун с несколькими центурионами. Они производили обмеры местности и намечали план. Дело облегчалось тем, что эти расче-

План римского лагеря

ты были уже выработаны предшествующей практикой, так что можно было пользоваться уже готовыми геометрическими планами, где каждой части отводилось постоянное место (VI, 41). Выбрав удобный участок, намечали на нем место для палатки начальника (*praetorium*), которая должна быть как бы штабом. Перед ней располагался форум для собраний, и мимо шла главная улица с палатками начальствующих лиц и отборных отрядов, сзади нее параллельная — для главных римских частей. По перпендикуляру через палатку предводителя шла еще поперечная улица. Лагерь со всех

сторон обносился рвом и валом с частоколом поверху. «Весь лагерь имеет вид равностороннего четырехугольника,— читаем у Полибия,— а проходящие через него улицы и все вообще расположение делают его похожим на город. Ограду ставят, кажется, на расстоянии двухсот футов от палаток. Эти свободные промежутки представляют много значительных удобств. Именно они отлично и в нужной степени дают простор для ввода и вывода войск, так как каждая часть со своей улицы выходит на это свободное место, а не сбиваются все вместе, тесня и давя друг друга. Здесь же размещают пригоняемый скот и добычу, отбираемую у врагов, и таким образом надежно охраняют все это в ночную пору. А главное — при ночных нападениях сюда не долетает ни огонь, ни метательное оружие, разве лишь в редких случаях, но и то почти без вреда благодаря значительности расстояния и прикрытию палаток» (Полибий, VI, 31, 10—14)¹¹.

Высоко оценивая лагерное устройство римлян, Полибий противопоставляет его греческим порядкам. У греков не было строго заведенного порядка, и они разбивали лагерь, применяясь к условиям данной местности и стараясь в них найти наиболее верную защиту. Римляне, наоборот, не жалеют труда для устройства укреплений (VI, 42, 3—4, 6). Эти правила прочно вошли в обиход, и их повторяет во времена империи Вегеций в своих «Наставлениях» (I, 21—25).

В заключение необходимо сказать и о некоторых орудиях военной техники, применявшихся в древности греками и римлянами¹².

Луком пользовались с незапамятных времен. Но в середине IV в. до н. э. в конструкцию его стали вводить изменения. Дугу стали составлять из двух частей, а под середину тетивы приладили спусковой крючок и ложе для стрелы. Получилось нечто вроде самострела — «гастрафет». Около 400 г. до н. э. по инициативе сицилийского тиранна Дионисия Старшего размер этого орудия был увеличен, так чтобы оно могло метать дротики. Орудие это греки называли «катапальт» или «катапельт», а римляне «катапульты» (Диодор, XIV, 42, 1; Элиан, VI, 12). В конце IV в. до н. э. финские

¹¹ Ср. Ф. Энгельс. Лагерь. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 277.

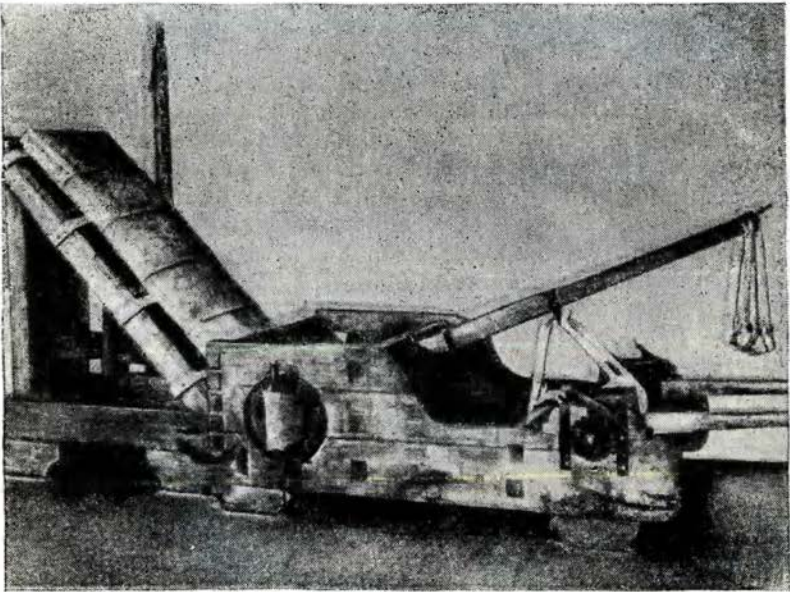
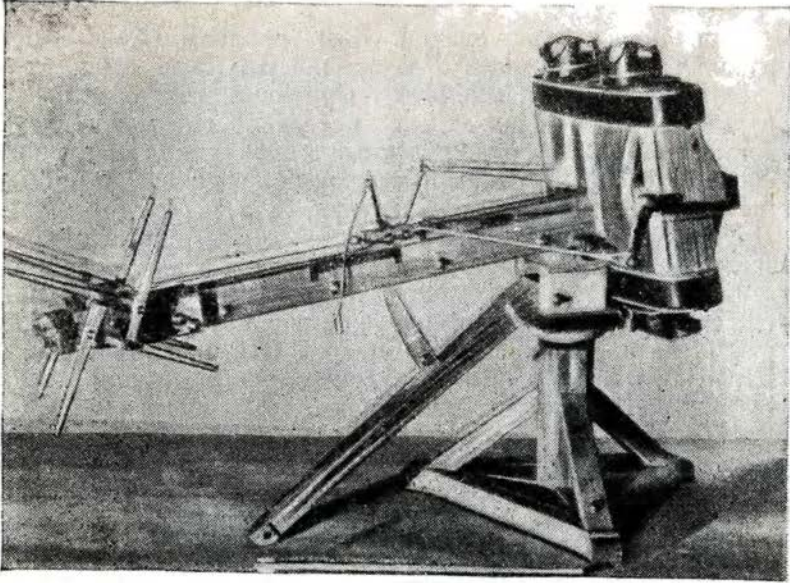
¹² См. Ф. Энгельс. Катапульты. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 14, стр. 274; Г. Дильс. Античная техника (русс. пер.). Изд-во АН СССР, М.—Л., 1934, стр. 85—108; «Эллинистическая техника». Сборник статей под ред. И. И. Толстого. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1948, стр. 269—319.

эфебы обучались обращению с этим орудием (Аристотель, «Афинская полития», 43). Разновидностью его были баллисты и лифоболы (каменеты). Сущность этих орудий состоит в том, что большая тетива натягивалась между двух стенок на клиньях, туго закрученных в пучках жил или волос, и при спуске давала сильный толчок положенному в промежутке на ложе предмету (Витрувий, X, 11) (см. стр. 426).

Другое орудие подобного же рода — онагр, или скорпион. Рычаг, помещенный между туго закрученными канатами, при оттягивании назад с помощью ворота выбрасывает при спуске из прикрепленной сверху пращи ядро весом в 1,5 килограмма на расстояние до 350 метров (Аммиан Марцеллин, XXIII, 4; Витрувий, X, 10). Название «онагр» (дикий осел) взято от действия орудия наподобие брыкающегося осла.

Разнообразные средства применялись при осаде городов. Самым примитивным был таран, то есть бревно, которое раскачивалось, как на качелях, и ударами долбило стену. Наконечник его для прочности оковывали железом или медью наподобие головы барана: отсюда его название — *aries*, *ἄρις* (Витрувий, X, 13). Так Ганнибал ломал стены Сагунта в 218 г. до н. э. (Ливий, XXI, 7, 5), Веспасиан — стены Иерусалима в 70 г. н. э. (Иосиф Флавий, «Иудейская война», III, 7, 19). Для защиты подступающих от ударов осажденных со стен применялись оградительные навесы наподобие виноградных беседок — *vineae* (Юлий Цезарь, «Война с галлами», II, 2, 1) или подводили «черепаху» (Вегетий, IV, 14) — прикрытие из кожи или из глины против огня. В более простых случаях шли, сомкнув над головами поднятые щиты (Юлий Цезарь, «Война с галлами», II, 6, 2; V, 9, 7; Ливий, XLIX, 9, 7—9), как можно видеть на колонне Марка Аврелия. Простейшим видом защитного ограждения был *pluteus*, вид подвижной загородки, сделанной из плетня (Юлий Цезарь, «Гражданская война», I, 25, 9; II, 15, 4).

Самое мощное средство при осаде было сооружение «гелеполы» (*ἑλέπολις*) — высокой башни, с которой можно было забрасывать камнями или стрелами защитников и на стенах и внутри города. Такую башню ставили на колеса так, чтобы можно было направлять ее в любую сторону. Конечно, осажденные принимали все меры, чтобы эту башню повалить или поджечь. Ввиду этого ее приходилось прикрывать кожами или другими материалами. Плутарх описывает башню, сооруженную Деметрием Полиоркетом, в его биографии (гл. 21; Диодор, XX, 48, 2; ср. Витрувий, X, 16). С помощью подобных сооружений Александр взял Тир (Ар-

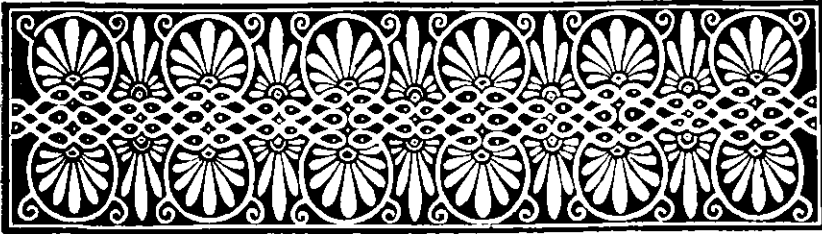
Метательные орудия: баллиста, онагр. *Реконструкция*

риан, «Анабасис», II, 21, 4). Ганнибал использовал это средство при осаде Сагунта (Ливий, XXI, 7, 7). В 200 г. до н. э. в Греции римляне при осаде города Орея на Эвбее использовали различные осадные средства, в том числе подкоп (Ливий, XXXI, 46, 9—16). С такой башни иногда удавалось перекинуть мост на стену или крепостную башню и по нему ворваться в город (Веgeций, IV, 17).

В римском войске каждая часть имела свое знамя (signum). Знаменем легиона был серебряный орел (aquila) на высоком древке (Цицерон, «Катилина», II, 13; Тацит, «Истории», II, 29, 3; «Летопись», I, 18, 2). Знаменем манипула было изображение раскрытой ладони над венком; знамя первого манипула было в то же время знаменем когорты. Эскадрон конницы имел знаменем небольшое полотнище (vexillum) на древке. Знамя считалось войсковой святыней, и нести его поручалось в виде особенной чести наиболее заслуженным воинам (signiferi).

Таковы в общих чертах основы военного дела в античном мире, еще очень примитивные, но они были уже предтечами тех страшных достижений, до которых дошла современная техника, подстрекаемая ненасытной алчностью и завоевательными стремлениями империалистов.

ГЛАВА XVI

ВОПРОСЫ РЕЛИГИИ И КУЛЬТА В АНТИЧНОМ МИРЕ¹

Значительное место в жизни античного мира занимали религия и культ. Оба эти слова вошли в современные языки из латинского. Первое из этих слов имело смысл особенного почтения и уважения и связывалось с глаголом *relegere* «относиться с уважением», которому противоплагается *neglegere* «пренебрегать». Цицерон, например, говорит, что некоторые люди, относящиеся к богам с почтением, называются «религиозными» — *ex relegendo*, «от того, что почитают» богов («О природе богов», II, 28, 72). Отсюда-то и проистекает значение долга и обязанности по отношению к кому-нибудь². А слово *культ*, как и *культура*, происходит от глагола *colere* «обрабатывать», «возделывать», например, землю, а в пере-

¹ См. С. И. Радциг. Античная мифология. Очерк античных мифов в освещении современной науки. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1939; M. Nilsson. Geschichte der Griechischen Religion, 2-te Aufl., 2 Bände. München, 1955—1961; E. Gruppe. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte, 2 Bände. München, 1906; K. Latte. Römische Religionsgeschichte. München, 1960; G. Wissowa. Religion und Kultus der Römer, 2-te Aufl. München, 1912; F. Altheim. Römischen Religionsgeschichte, 2 Bände. Berlin, 1936; U. v. Wilamowitz-Möllendorff. Der Glaube der Hellenen, 2 Bände. Berlin, 1926—1932.

² В церковной литературе слово *религия* производится от корня глагола *religare* «связывать» и толкуется, как «связь» или «договор» между богом и человеком, что, конечно, было совершенно чуждо первобытному человеку.

носном смысле — «почитать», «ублажать», что уже включает выполнение религиозных обрядов и священнослужения. Конечно, культы, как форма служения, предполагают уже известное представление о божестве и находятся в соответствии с ним, так что по ним можно судить о характере самого божества.

Выше мы уже говорили (гл. X), что сама идея божества, как и формы его почитания, возникла у первобытных людей в результате стремления найти разгадку окружающих явлений и средства самозащиты, а такие примитивные объяснения выливались в формы мифов. Вследствие крайней устойчивости и консерватизма религиозные явления до самых поздних времен удерживают свой характер, частью в виде пережитков или суеверий.

Вопрос о происхождении религии и культов привлекал к себе внимание с давних времен и продолжает интересовать нас до сих пор. Он принадлежит к числу труднейших вопросов — тем более, что затрагивает самые тонкие чувства людей. На подлинно научную почву он встал сравнительно недавно, когда в распоряжении науки накопилось много наблюдений над бытом и жизнью людей, стоящих на низкой ступени развития — именно, данные этнографии и антропологии, дополняемые археологическими открытиями. Эти данные показывают, что первоначальная религия не имела строго выработанных учений (догмы) и была чужда каких-либо моральных (нравственных) соображений. Эти последние могли включаться в религию лишь в результате культурного развития³. Поэтому нам приходится отличать религию простых людей, близкую к верованиям других народов, от воззрений высшего класса, которые отражают философские и научные течения. К сожалению, религиозное рвение средневековых монахов, в руках которых в течение долгого времени находилась судьба литературных памятников, оказывалось пагубным для произведений религиозного свободомыслия.

Источниками наших сведений о религиозной жизни косвенно могут служить все вообще произведения художественной литературы, но в некоторых этим вопросам уделяется особенное внимание, каковы, например, поэма Гесиода «Феогония» (Происхождение богов), произведения драматургов, некоторые диалоги Платона, поэма Лукреция, сочинения

³ См. Ю. П. Францов. У истоков религии и свободомыслия. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1959; А. П. К а ж д а н. Религия и атеизм в древнем мире. Изд-во АН СССР, М., 1957; С. А. Токарев. Ранние формы религии и их развитие. «Наука», М., 1964.

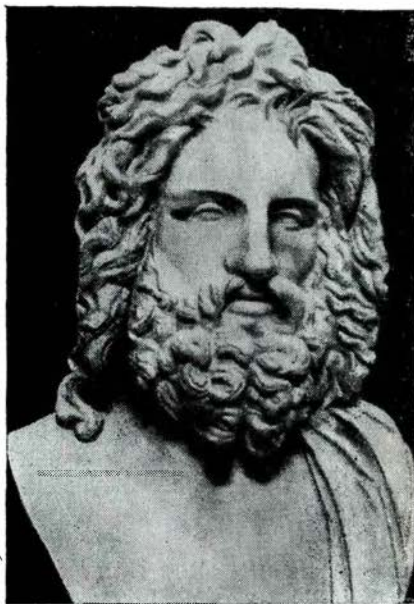
Цицерона «О природе богов», «О гадании», «О судьбе», поэма Овидия «Фасты» (Календарь) и т. д. Косвенные свидетельства мы находим у христианских писателей, которые, борясь за новую религию, стараются показать несостоятельность языческих верований. Таковы Арнобий («Против язычников») и ученик его Лактанций («Божественные наставления», «О творении мира») — IV в. до н. э. и особенно Августин («О граде божием») — 354—430 гг. и другие⁴. Помимо этого вещественные остатки, особенно, если они подкрепляются надписями, дают богатый и притом документальный материал.

Исторические корни религии обоих античных народов сходны, но в своем развитии, в соответствии с характером самих народов, религия римлян сохранила больше примитивного формализма, который осложнился суровыми чертами религии этрусков, живших на северо-западе Италии. Между тем греческая религия, начало которой можно проследить еще в крито-микенскую пору, получила антропоморфные черты и своим человеческим обаянием захватила религиозное сознание римлян, так что получилось отождествление главных римских богов с греческими, что особенно заметно в смешении имен греческих с римскими: Зевс — Юпитер, Гера — Юнона, Афина — Минерва, Артемида — Диана, Афродита — Венера, Деметра — Церера, Арес — Марс, Гефест — Вулкан и т. д.; сохранил греческое имя лишь Аполлон. Походы Александра, сблизившие греков с востоком, положили начало религиозному синкретизму (то есть смешению), который распространился затем далеко на запад и подготовил появление христианства.

Античные мыслители обращали внимание на исключительно большое множество богов в народной религии. Некоторые являются обоготворенными силами природы, а есть и такие, сущность которых непонятна (Цицерон, «О природе богов», I, 39). В сознании своей беспомощности первобытный человек боится пропустить в своих молитвах какое-нибудь неизвестное ему божество. Апостол Павел, как сообщается в книге «Деяний» (17, 23), отмечая «богобоязненность» афинян, указывал, что видел у них даже алтарь «неизвестному богу». А Лукиан в диалоге «Друг отечества» (9 и 29) вкладывает в уста одного из собеседников такую клятву: «Клянусь неведомым богом, чей алтарь воздвигнут

⁴ См. А. Б. Р а н о в и ч. Первоисточники по истории раннего христианства. Антирелигиозное изд-во, М., 1933; его же. Античные критики христианства. Антирелигиозное изд-во, М., 1935.

в Афинах»⁵. Для большей верности молитвы молящийся прибавляет оговорку: «Или, если тебе угодно называться каким-нибудь другим именем», «муж ли ты или женщина» (Макробий, III, 8, 3; 9, 10; Плутарх, «Римские вопросы», 61). Но сама эта многочисленность давала пищу для критики со стороны христианских проповедников. Августин, например, писал: «Разве можно в одном месте настоящего сочинения («О граде божием», IV, 8) назвать все имена богов и богинь, перечень которых едва могли римляне уместить в больших томах, распределяя обязанности божеств, специально требующихся для каждого дела. И ведение над полями они не находили возможным поручить какому-нибудь одному божеству, но поля — богине Русине, горные хребты — богу Югатику; над холмами поставили богиню Коллатину, над долинами — Валлонию. Не могли хотя бы найти одной такой Сегеции, чтобы ей раз навсегда поручить посевы; но пожелали, чтобы посеянным хлебом, пока он под землей, заведовала богиня Сея; когда он

Зевс. Мраморный бюст из Отриколи, IV в. до н. э.

уже на поверхности земли и образует ниву, богиня Сегеция; когда хлеб снят и убран, чтобы сохраняться в безопасности, назначили богиню Тутилину. Кому не казалось бы достаточным этой Сегеции до той поры, пока нива, сначала похожая на траву, не превратится в сухие колосья?» и т. д. Из приведенного рассуждения видно, до какой степени узко специализированы эти представления римлян о своих богах. Римский ученый Варрон характеризовал этих примитивных богов римской религии, как «богов определенных»⁶ (*di certj*), то есть имеющих точно определенный и притом до последней степени узкий

⁵ E. Norden. "Αγροστος θεός. Leipzig — Berlin, 1913.

⁶ С. И. Радциг. Античная мифология, стр. 44—45.

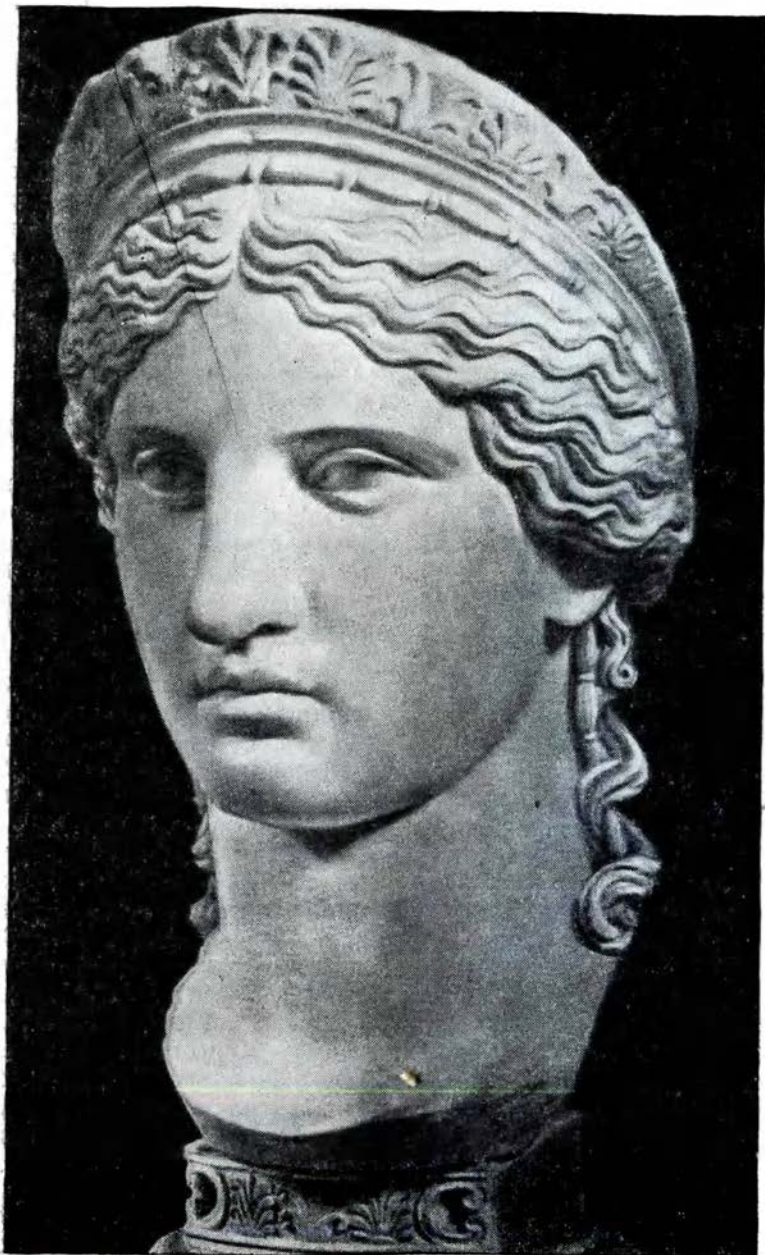
круг действия. В славянской религии близки к этому образы домового, лешего, водяного (ср. гл. X, стр. 259).

Религиозная мысль греков наделила своих богов человеческим обликом и разумом — тем, что видели лучшего в самих себе (Цицерон, «О природе богов», I, 46—48, 77; II, 63; III, 40). Но и сквозь эти облагороженные формы проглядывают еще черты первобытной дикости (гл. X). Современной науке удалось установить основные формы первобытного богопочитания: табу и обоготворение сил природы, фетишизм, тотемизм и анимизм, а религиозное миропонимание выразилось в мифологии.

В лице историка Ксенофонта при всем его образовании мы видим тип человека среднего уровня. Из его воспоминаний в «Анабасисе» видно, что он верил в сны (III, 1, 11—12), в чихание (III, 2, 2), в знамения в виде полета орла (III, 29). Задумав отправиться в поездку в Малую Азию к Киру, он хотел освятить свое намерение волей бога и обратился к дельфийскому оракулу, но спросил не о том, следует ли это делать, а какому богу надо молиться и принести жертву за успех путешествия. Когда был получен ответ, Сократ мог только попенять на неправильную постановку вопроса (III, 1, 5—7). Когда же Ксенофонт стал собираться обратно в Грецию, произошла задержка, так как оказалось, что он своевременно не принес жертвы Зевсу Милостивому (VII, 8, 4—6).

Первобытная религия отнюдь не представляла богов всемогущими и допускала возможность даже подчинения их воле человека; для этого требовалась только известная ловкость и знание некоторых тайных средств, то есть магии, а служение им в виде жертвоприношений основывалось на принципе: *do, ut, des*, то есть я даю тебе, чтобы ты дал мне. Жертвоприношение мыслилось, как питание или угощение богов. Гесиод, рассказывая о том, как в первый раз люди стали приносить жертвы Зевсу, изображает ловкость Прометея, который сумел подсунуть богу несъедобные части жертвенного животного с тем, чтобы съедобные оставались людям. Правда, Гесиод смягчает неловкость положения тем, что Зевс будто бы понял хитрость и все-таки согласился принять худшую часть («Феогония», 538—555). К чему же тогда эта хитрость? Ясно, что эта оговорка сделана в угоду более поздним представлениям.

Еще более выразителен римский рассказ о царе Нуме, которому приписывались почти все религиозные учреждения Рима. Историк начала I в. до н. э. Валерий Анциат (в передаче Арнобия, «Против язычников», V, 1) приводил сказание

Гера Луврвизи. Мраморная голова, копия с оригинала IV в. до н. э.

о том, как Нума, желая защитить людей от ударов молнии, магическими средствами вызвал Юпитера и стал спрашивать его о средствах предотвращения молнии. Юпитер после некоторого колебания сказал: «Искупишь молнии головою...» Царь отвечал: «Луковой». Юпитер продолжал: «Человеческой...» Царь возразил: «Прядью волос». Бог в ответ: «Жизнью...» — «Анчоуса», — подхватил Помпилий. Тогда Юпитер, сбитый двусмысленными предложениями, сказал так: «Обманул ты меня, Нума. Я ведь решил было, чтобы молнии предотвращались человеческими головами, а ты — анчоусом, волосами и луком. Но так как твоя хитрость меня обманула, храни обычай, которого ты хотел, и этими средствами, которые ты выговорил, всегда будешь предотвращать удары молнии»⁷. Этот наивный рассказ в более изысканной форме передает и Овидий в «Фастах» (315—350). А Лукиан иронизировал, что «боги ничего не делают бесплатно» («О жертвоприношениях», 2).

Как известно, Сократ в 399 г. до н. э. был приговорен к смерти по обвинению в том, что «не признавал богов, которых чтит государство, и что вводил других, новых богов» (Ксенофонт, «Воспоминания о Сократе», I, 1, 1; Платон, «Апология», 11, р. 24 В). Замечательно, что Ксенофонт, защищая память своего учителя, занимается не столько оправданием его религиозных воззрений, сколько доказательством, что он выполнял государственные культы, приносил жертвы богам и дома, и на государственных алтарях, даже пользовался гаданиями («Воспоминания», I, 1, 2—3). Это показывает, что в понимании Ксенофонта религия сводится к общему признанию государственных богов и к точному выполнению полагающихся обрядов культа.

Сами культы сохраняли воспоминания первобытных воззрений. Во многих храмах религиозным почитанием окружены были деревянные идола (хоапа), якобы упавшие с неба. О многих таких идолах упоминает Павсаний в своем «Описании Греции», например, идол Артемиды, будто бы привезенный Орестом из Тавриды (I, 23, 7, 33, 1), идол Артемиды Орфии в Лимнах близ Спарты (III, 16, 7). В Спарте под именем Диоскуров (сыновей Зевса) Кастора и Полидевка чтились два столба, соединенных перекладиной (Плутарх, «О братской любви», I, 1, р. 478 А). Феофраст (IV в. до н. э.), характеризуя тип суеверного, говорит, что такой человек, проходя по улице, на каждом перекрестке не преминет оста-

⁷ С. И. Радциг. Античная мифология, стр. 56—57.

новиться, чтобы преклонить колени и даже помазать маслом священный камень («Характеры», 16, 5).

К числу таких фетишей принадлежал и тот камень, который проглотил Крон вместо новорожденного Зевса: побежденный Зевсом, он отрыгнул его вместе с проглоченными детьми (Гесиод, «Феогония», 485—500). Этот камень почитался как «пуп земли» в дельфийском храме. Верующие ежедневно умащали его маслом и по праздникам украшали белой шерстью (Павсаний, X, 24, 6). Изображение его нередко воспроизводилось на вазах. Подобный же фетиш можно видеть в основе римского культа Юпитера — Камня (Iupiter Lapis), о котором упоминает Цицерон («К близким», VII, 12, 2).

Первобытный тотемизм сохранялся во многих мифах и культах. Сущность этой религиозной формы выяснена Л. Г. Морганом, а затем Ф. Энгельсом: почитание некоторых пород животных, как своих предков, и потому строгое запрещение убивать их, которое в определенные дни сменяется ритуальным причащением плоти и крови этих животных. Пережитки первобытного тотемизма у греков и римлян удерживались в почитании животных в качестве спутников богов: орел и бык у Зевса, корова у Геры, сова у Афины, конь у Посейдона, лебедь у Аполлона и т. д. У римлян к этой категории принадлежит почитание волчицы, выкормившей будто бы Ромула и Рема, содержание при храме Юноны на Капитолии священных гусей, которые, как известно, спасли крепость от захвата галлами в 390 г. до н. э. (Ливий, V, 47, 4). А богу Пану (римскому Фавну) придавался вид козла.

Культ растений связывался с представлением о страдающих, умирающих и воскресающих божествах⁸. Сюда принадлежит пришедший из Малой Азии культ Адониса (растение горичцвет, *мед.* Adonis vernalis). Миф изображает его юным красавцем, который снискал любовь самой Афродиты и погиб на охоте, прраженный диким вепрем, но Зевс разрешил ему на короткий срок выходить из загробного мира. Лукиан описал его праздник в городе Библе в Финикии («О сирийской богине», 6). На празднике изображение мертвого Адониса проносили с скорбными плачами по улицам. В 415 г. до н. э. исполнение этого обряда в Афинах совпало с отправлением войска в Сицилию под начальством Алквиада и вызвало в народе недоброе предчувствие (Плутарх, «Алки-

⁸ См. М. Брикнер. Страдающий бог в религиях древнего мира (русск. пер.). «Красная новь», М., 1923.

виад», 18; «Никий», 13). Красочное описание праздника представлено Феокритом в идиллии «Сиракузянки, или Женщины на празднике Адониса». Тема плача над мертвым Адонисом встречается у Сапфо (VII в. до н. э.), у Биона Смирнского (II в. до н. э.) и у других. Оплакивание бога сменялось весельем после его воскресения (Лукиан, «О пляске», 58).

Из культов этого рода нам лучше всего известен культ Диониса, или Вакха. Уже эпитеты, которыми он наделялся — Δεσφρίτης (Древесный), Ἀμπελῶεις (Виноградный), Βοτρυῶεις (Лозовой) и т. п., ясно показывают его растительную основу⁹. Подтверждение этому дает вазовая живопись, изображающая бога в виде виноградной лозы, одетой в человеческую одежду и имеющей сверху маску наподобие человеческого лица. Вокруг двигаются вакханки, совершая в честь бога служение. Здесь запечатлена такая фаза религиозного представления, когда почитание дерева стало казаться странным и лозе стали придавать человеческие черты. Осенью с дерева снимают созревшие плоды, их кладут в чаны и толчут ногами, чтобы выжать сок: бог страдает и умирает; в деревнях в честь этого справляют праздник Малых Дионисий приблизительно в январе (первоначально в декабре). Комически воспроизвел его Аристофан в комедии «Ахарняне» (241—279). Разливание виноградного сока из «точил» (от слова *течь*) в сопровождении «виноточильных» песен праздновалось в Ленеи (от слова ληνός «точило») в конце января. Наступление весны и возрождение природы давало мысль о воскресении бога. Откупоривались бочки с перебродившим вином в первый день праздника Анфестерий (Цветочный праздник), и Дионис въезжал в лодке на колесах (carrus pavalis), сопровождаемый козлоногими сатирами. С особым торжеством справлялись Великие Дионисии в марте, когда открывалось судоходство, и в Афины съезжались «союзники» и привозили свои членские взносы (V—IV вв.). Статую Диониса, предварительно вынесенную из главного храма, в торжественной процессии несли из загородной рощи героя Академа в здание театра на юго-восточном склоне Акрополя, где и совершалось жертвоприношение. Центральной частью праздника были театральные представления. В Афинах этот праздник был введен Писистратом.

Среди римских культов исключительный интерес представляет почитание Дианы у озера Неми (Diana Nemorensis) близ города Ариции. Священное дерево богини охранял

⁹ W. F. Otto. Dionysos. Berlin, 1933.

жрец, носивший титул «царя». Получал он эту должность, убив своего предшественника, и сохранял ее до тех пор, пока не убивал его самого другой, более сильный (Страбон, V, 4, 12, p. 239). Это было символом вечной силы государства. Но на такую должность можно было назначить только раба. Исследованию этого культа посвятил 13-томное сочинение английский ученый Фрезер под заголовком «Золотая ветвь»¹⁰.

Большое место в религии древних занимают культы, связанные с представлением о душе и загробной жизни (анимизм). Выше (гл. X) мы указывали происхождение этих верований¹¹. Теперь надо остановиться на связанных с этим культах. Даже в IV в. до н. э. каждая семья в Афинах должна была иметь свой родовой культ и могилы своих предков (Аристотель, «Афинская полития», 55, 3; Демосфен, LVII, 28, 67)¹². У греков на этой почве образовалось обоготворение покойников под видом «героев». Многочисленные надгробные памятники свидетельствуют о существовании таких культов. Инстинктивная боязнь покойника побуждала видеть в нем какую-то таинственную силу и необходимость умиловать его поминанием и жертвами. Еще в «Илиаде» описываются жертвоприношения, даже человеческие, в честь Патрокла (XXIII, 108—225). Орест на могилу отца кладет прядь своих волос и совершает возлияния (Эсхил, «Хоэфоры», 7; 164—179; Софокл, «Электра», 894—901; Эврипид, «Электра», 514—515).

У римлян этому соответствовал культ манов, и на могильных памятниках обычно значилось посвящение *Dis manibus* данного лица¹³. Был у римлян и специальный праздник поминовения усопших — Фералии 21 февраля, который красочно описан Овидием в «Фастах» (II, 535—542):

Скромны желанья Манов: милей им роскошных даяний —
Ласка; нежданных богов мрак преисподней таит.
Им в приношенье годна — с отслужившим венком черепица
(Много такого добра в римских канавах лежит),
Хлеб, размягченный в вине, да фиалок пахучих немного,
Несколько зерен пшена, соли щепотки две-три,

¹⁰ J. G. Frazer. The Golden Bough. A study in magic and religion, 3 ed., 13 v. London, 1911—1915.

¹¹ E. Rohde. Psyche. Seelenkult und Unsterblichkeitsglaube der Griechen, 4-te Aufl. Tübingen, 1907.

¹² См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21. Госполитиздат, М., 1961, стр. 101.

¹³ W. F. Otto. Die Manen oder von der Urformen des Totenglaubens, 2-te Aufl. Darmstadt, 1958.

Хочешь пышней — твоя воля; душа же и этому рада;
Только, воздвигши очаг, вспомни молитву прочесть.

(Перевод Ф. Ф. Зелинского)

С этим культом предков у римлян тесно связывается почитание домашних богов — Ларов и Пенатов, изображения которых хранились в шкафчике (*lararium*), а в знатных фамилиях таким же образом хранились восковые маски предков (*imagines*)¹⁴.

На этой вере в необыкновенную силу покойника основывалась особого рода магия. В могилу клали свинцовую табличку с заклинием о том, чтобы покойник «связал» руки, ноги, глаза, уши, язык ненавистного человека. Много таких таблиц найдено при раскопках¹⁵.

Представление о духе, существующем отдельно от тела, породило у римлян веру в «гениев»: каждое место и каждый человек имеет своего гения. Особое значение этому верованию стали придавать в эпоху империи, когда от всякого гражданина требовалось преклонение перед «гением» императора, чему не хотели подчиняться христиане.

Из бесчисленного множества местных божеств у греков уже рано выделялась группа богов общенационального значения. Это — Зевс, Гера, Афина, Посейдон, Гадес (Аид) или Плутон, Деметра, Артемида, Гермес, Арес, Афродита, Гефест, Аполлон и Дионис — боги, которых народная вера соединила общим пребыванием на горе Олимпе (северо-восточная часть Фессалии). В поэмах Гомера все они, за исключением Диониса, составляют одну патриархальную семью, что уже само свидетельствует о возникновении этого рода в эпоху патриархата.

Вскоре после возникновения римского государства религиозным центром его стал Капитолийский храм трех богов — Юпитера, Марса и Квирина. Несколько позже на их места стала «троица» — Юпитер Препологий Величайший, Юнона и Минерва (Ливий, XXXVIII, 51, 8—9). А на рубеже III и II вв. до н. э. поэт Кв. Энний в «Летописи» (фр. 62) в качестве главных называет имена 12 богов: Юнона, Веста, Минерва, Церера, Диана, Венера, Марс, Меркурий, Ювис (Юпитер), Нептун, Вулкан, Аполлон. Естественно, что с те-

¹⁴ См. Д. А. Жарнов, Н. М. Никольский, С. И. Радциг и В. Н. Стерлигов. Древний мир в памятниках его письменности, т. III, М., 1916, стр. 76—84.

¹⁵ См. кн. «Древний мир в памятниках его письменности», т. II, стр. 63—64; т. III, стр. 74—76; R. Wünsch. Antike Fluchttafeln. Bonn, 1912.

чением времени функции богов подвергались изменениям; например, Марс первоначально почитался, как бог полей, а в историческую пору он уподобился греческому Аресу и стал богом войны.

Римский ученый Варрон среди римских богов различал древнейших, чисто местного происхождения богов (*di indigetes*) и новых, пришлых (*di novensides*). Так, в 204 г. до н. э. по постановлению сената был привезен из Малой Азии идол фригийской Матери богов Кибелы (Ливий, XXIX, 14, 5—14; Овидий, «Фасты», IV, 255—348). А в 186 г. до н. э. в Риме разыгрался крупный скандал вследствие разоблачения некоторых случаев разврата и даже уголовных преступлений, связанных с празднованием «вакханалий» (Ливий, XXXIX, 8—19). В результате сенат установил ограничения этих празднеств, о чем свидетельствует сохранившийся в надписи декрет сената (ср. гл. XIV, стр. 395).

При краткости нашего обзора мы остановимся еще лишь на некоторых, особенно примечательных культах. Таков у римлян культ Януса, именем которого назван месяц январь. Овидий в «Фастах» довольно подробно объясняет его сущность. Самое имя его означает «дверь», ср. *ianua*. Он изображается двуликим. Но напрасно в наше время двуличность его связывают с представлением о двуличности, чего вовсе не видели римляне. Вот как объясняет это Овидий (I, 135—136):

Всякая дверь о двух лицах — отсюда одно, там другое;
Это глядит на народ, то — на домашний алтарь.

Отсюда же и значение его, как бога начала и конца. Храм его имел вид ворот, открытых на обе стороны. Его держали открытым, когда велась война, и закрывали после заключения мира (Ливий, I, 19, 2; Вергилий, «Энеида», VII, 601—615). Характерно, что до Августа храм его закрывался лишь два раза и в третий раз был закрыт после битвы при Акции в 31 г. до н. э. (Ливий, I, 19, 3). Август ставил себе в заслугу, что в его правление храм Януса закрывался три раза («Анкирский памятник», 12, 46).

Большое значение придавали древние народы святости очага, так что он мог быть прибежищем для ищущих защиты. К нему приобщали новорожденных детей на пятый день, обнося их вокруг (Аристофан, «Лисистрата», 757 и схолии). Такой же очаг сделался центром и всего государства. Это понятие олицетворялось богиней Гестией. Ей прежде всех богов приносились жертвы в Олимпии (Павсаний, V, 14, 4). Ее покровительству поручает своего героя Пиндар («Немей-

Юнона-Соспита. Мраморная статуя II в. н. э., копия с более раннего оригинала

ские», II, 1). У римлян однородную роль выполняет Веста. Ее культ представляет особый интерес. Известны круглые храмы ее в Риме и в Тибуре (Тиволи). Изображений ее не делали. Олицетворяя огонь очага (противоположность Вулкану — Гефесту) не только домашнего, но главным образом государственного, она была выражением силы государства, и потому ее огонь должен быть неугасимым. Поддержание его (*custodia ignis*) было обязанностью шестерых весталок (Цицерон, «О законах», II, 29), которые в течение 30 лет были связаны обетом девственности. Взятые из родительского дома в возрасте 6—7 лет, они 10 лет готовились к своим обязанностям, 10 лет несли их и 10 лет были наставницами младших. Весталки пользовались исключительным почетом, были освобождены от чьей-либо опеки, имели право составлять духовные завещания, и сам консул при встрече на улице уступал им дорогу. Но зато в случае угасания огня они подвергались жестокому наказанию (Дионисий, «Римские древности», II, 66—69; Авл Геллий, I, 12), а за нарушение девственности заживо замуровывались в земляном валу близ Коллинских ворот. «Нет зрелища более ужасного», — замечает Плутарх, оставивший описание этого акта («Нума», 10)¹⁶.

Главным афинским праздником были Панафинеи (Всеафинские) в честь самой покровительницы города, справлявшиеся ежегодно, а со времени Писистрата однажды в четырехлетие стали справлять их с особой пышностью, как Великие Панафинеи, приблизительно в августе (Павсаний, VIII, 2, 1). В этот праздник входила процессия, направлявшаяся из Керамика на Акрополь (Фукидид, I, 20, 2; VI, 57, 1—3; Аристотель, «Афинская полития», 18, 3), причем на «корабельной колеснице» везли «лепос» — ризу для статуи Афины-Полиады, вытканную афинскими девушками. Ее и вручали басилевсу (второму архонту) для возложения на статую. Эта процессия воспроизведена на фризе Парфенона (см. стр. 383 и 497). Праздник сопровождался всевозможными играми, устройством которых занималась специальная комиссия афлофетов (устроителей состязаний), избиравшихся Советом на четырехлетие (Аристотель, «Афинская полития», 60, 11).

У всех народов, а в том числе у греков и римлян, глубоким почитанием пользовалась Мать-Земля, и с этим почита-

¹⁶ См. кн. «Древний мир в памятниках его письменности», ч. III, стр. 49—54.

нием связано много культов и обрядов¹⁷. Близка к ней по своей сущности греческая Деметра, богиня земного плодородия, которая почиталась отчасти совместно с Дочерью (Корой) Персефоной, супругой Плутона (Аида), царицей подземного мира. Им обеим был посвящен специальный праздник Фесмофорий приблизительно в начале ноября, приуроченный к окончанию сельскохозяйственных работ¹⁸. Название (θεσμός «закон» и корень φέρω «несу») обнаруживает основную мысль этого культа: земледелие — начало культурной жизни и государственной законности. Но это был праздник чисто женский, и к участию в нем допускались только замужние женщины (ср. комическое использование обстановки этого праздника в комедии Аристофана *Thesphogiazusae* — «Женщины на празднике Фесмофорий»).

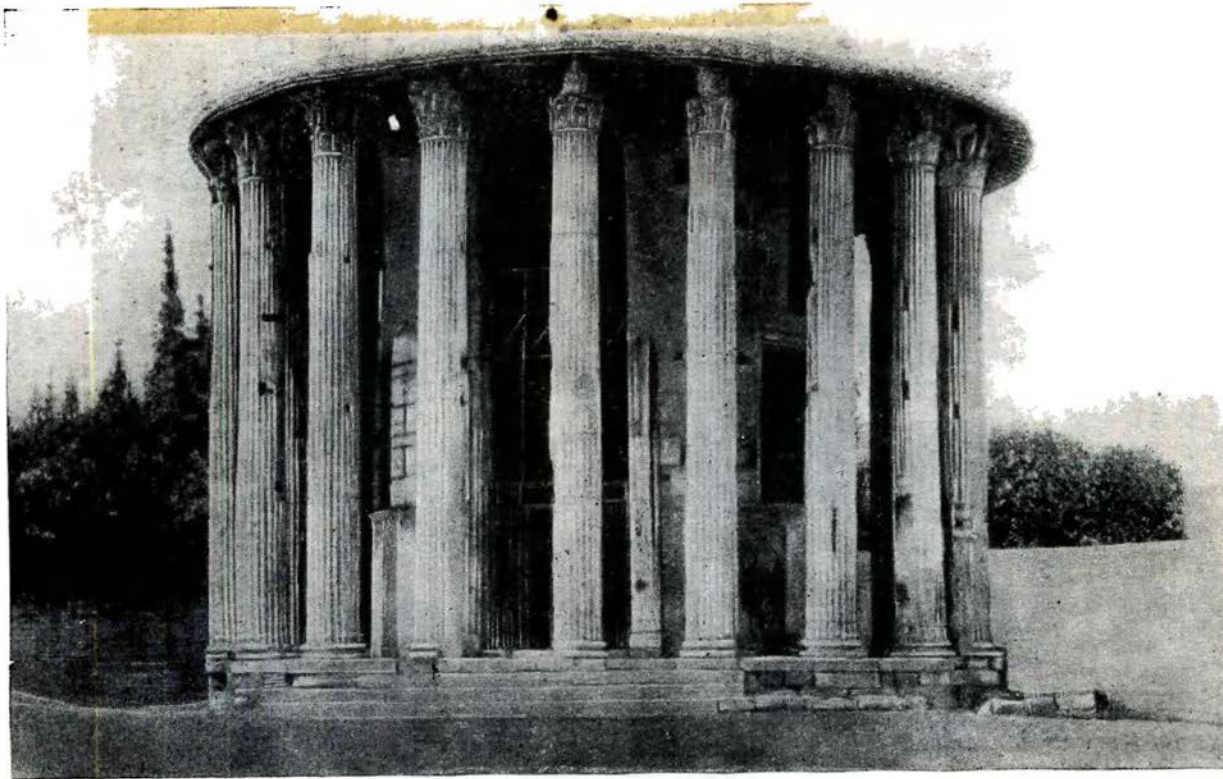
Култ Деметры, как богини земного плодородия, и Персефоны, царицы загробного мира, естественно смыкался с представлением о тайнах загробного мира. Аттическое местечко Элевсин, былой центр землевладельческой аристократии, стало средоточием Великих Элевсинских мистерий (тайнств), обещавших своим участникам блаженство в загробном мире. К Деметре, как к матери, в этом культе присоединялись Персефона, как Кора, то есть Дочь, и Дионис — Вакх, как Кор, то есть Сын, или Иакх, которые вместе составляли элевсинскую троицу. К участию в тайнствах допускались только «посвященные» — мисты, «чистые», то есть не запятнавшие себя пролитием крови или другими преступлениями и нечестием. В приписанном Гомеру гимне в честь Деметры говорится, что она открыла (476—482)

Тайнств святых совершение и оргии все объявила —
Тайны святые, которых забыть и узнать невозможно,
Ни разглашать, так как речь отнимает страх божий великий.
Счастлив, кто сам лицезрел это все из людей сего мира;
Кто ж не допущен к сим тайнам, кто им не причастен, подобной
Тот не имеет судьбы после смерти во мраке холодном.

Празднование мистерий находилось в ведении басилевса (Полидевк, VIII, 90), продолжалось в течение 55 дней и сопровождалось «действиями» (δράματα), которыми иллюстрировались некоторые моменты религиозного учения (Павсаний, VIII, 15, I; 31, 7). Эти мистерии пользовались высоким

¹⁷ А. Dieterich. *Mutter Erde*, 3-te Aufl. Leipzig, 1925.

¹⁸ См. Б. Л. Богаевский. *Земледельческая религия Афин*. Пг., 1916.

Храм Весты в Риме I в. до н. э. *Современный вид*

авторитетом у древних¹⁹. «Древнейшие греки,— писал Павсаний (II в. н. э.),— ценили Элевсинские таинства настолько же выше всего, что входит в понятие благочестия, насколько боги стоят впереди героев» (X, 31, 11; ср. II, 14, 1—3 и схолии к I, 2, 5; Лукиан, «Александр», 38). Некоторые из «отцов церкви» до принятия христианства были посвящены в мистерии (Василий Великий, Григорий Богослов). Отсюда и понятно сильное влияние их на Христианское учение. В эпоху империи под наплывом восточных культов Деметра стала отождествляться с египетской Исидой, и в Элевсинские мистерии вошли некоторые черты таинств Исиды, как это видно из романа Апулея «Метаморфозы» (XI, 5). Составной частью праздника было торжественное шествие из Афин к элевсинскому храму с множеством остановок у разных святилищ, встречавшихся на пути. Павсаний оставил подробное описание этого пути (I, 36, 3—38, 7). На второй день совершался особый обряд очищения, и по призыву: «В море, мисты!» (ἐλάδῃ, μύσται) участники омывались в морской воде. Две надписи, содержащие постановления Совета и Народного собрания от 418/417 и от 215/214 гг. до н. э., упоминают об этом обряде²⁰ (ср. Полиэн, III, 11, 12).

Кроме Великих, были еще Малые Мистерии в местечке Агре и Орфические, установленные будто бы мифическим певцом Орфеем²¹.

Упомянем еще афинский праздник Апатурий приблизительно в ноябре, праздник в честь Зевса и Афины, связанный с воспоминанием об объединении фратрий. В это время отцы семейств вводили во фратрию новых членов — новорожденных детей и новобрачных жен (Андокид, I, 127; Ксенофонт, «Греческая история», I, 7, 8; Демосфен, XXXIX, 4)²².

Праздников в быту античных народов было очень много, и мы не имеем возможности здесь даже перечислить их. От-

¹⁹ См. Н. И. Новосадский. Элевсинские мистерии. СПб., 1887; P. Foucart. Les mystères d'Eleusis. Paris, 1914; O. Kern. Die griechischen Mysterien der klassischen Zeit. Berlin, 1927; R. Reitzenstein. Die hellenistischen Mysterienreligionen nach ihren Grundgedanken und Wirkungen, 3-te Aufl. Leipzig, 1927; F. Cumont. The mysteries of Mithra (Transl.). New York, 1956; G. Mèautis. Les dieux de la Grèce et les mystères d'Eleusis. Paris, 1959.

²⁰ G. Dittenberger. Sylloge inscriptionum Graecarum Lipsiae, 1914—1921. N 93 et 540.

²¹ E. Maass. Orpheus. Untersuchungen zur Griechischen, Römischen, altchristlichen Jenseitsdichtung und Religion. München, 1895.

²² H. Francotte. La Polis grecque. Paderborn, 1907, pp. 24—25; U. v. Wilamowitz-Möllendorff. Aristoteles und Athen, Bd. II. Berlin, 1893, S. 271.

метим только, что с самых ранних времен многие из них сопровождалась физкультурными состязаниями, столь любимыми у греческого народа. Ниже (гл. XVIII) мы будем специально говорить о знаменитых играх, связанных с культами разных богов — Олимпийских в честь Зевса, Пифийских в честь Аполлона, Немейских в честь Зевса и Исфмийских в честь Посейдона. Среди всех греческих праздников названные отличаются тем, что они были общими для всех греков²³. Столь же много праздников справлялось и римлянами; достаточно учесть, сколько их названо Овидием в «Фастах» за одно полугодие. До 40 праздников сопровождалось играми. Таковы, например, *Megalenses* в честь Великой Матери (Кибелы) 4—10 апреля, *Apollinares* — в честь Аполлона 6—13 июля, Римские—*Romani*—в честь Юпитера 13—18 сентября и т. д. Отличительной особенностью римских праздников или даже похоронных обрядов было устройство гладиаторских боев, причем само пролитие крови рассматривалось как жертва духу покойника.

Остановимся специально лишь на юбилейном празднике столетия — *Ludi saeculares*, который справлялся при Августе в 17 г. до н. э. Торжество было устроено из расчета, что каждое столетие или, точнее, 110-летие существования Рима отмечалось и в прошлом такими же празднествами. Напряженное настроение общества после продолжительных смут и водворения нового строя искало успокоения в восстановлении старых обычаев. Этот праздник известен нам не только по литературным источникам (например, Светоний, «Божественный Август», 31, 4), но и по большой надписи, в которой с протокольной точностью описан порядок празднования. Жреческая комиссия «пятнадцати мужей для совершения священных обрядов» (*quindecemviri sacris faciundis*) по предложению Октавиана выработала программу. После подготовительных актов 24 марта, 23 и 25 мая празднование началось в ночь с 31 мая на 1 июня с жертвоприношения по греческому обряду Мерам (богиням судьбы) и продолжалось до 4 июня включительно — в дневное время в честь Юпитера, Юноны, Аполлона и Дианы, а в ночное время в честь Илифий (богинь рождения) и Матери-Земли. Приведены и тексты молитв. А 3 июня 27 мальчиков и столько же девочек, имеющие в живых обоих родителей, хором исполняли сначала

²³ См. В. В. Латышев. Очерк греческих древностей, ч. II, стр. 112—175; M. Nilsson. Griechische Feste von religiöser Bedeutung mit Ausschluss der Attischen. Leipzig, 1906; L. Deubner. Attische Feste. Berlin, 1956.

на Палатинском холме, потом на Капитолии гимн, написанный специально для этого случая Горацием. Этот гимн полностью сохранился (*carmen saeculare*), и сам поэт упоминает об этом празднике в одной из «Од» (IV, 6, 41—44). Праздник сопровождался также различными сценическими представлениями²⁴. О характере этих праздников мы можем наглядно судить по сохранившимся рельефам на Алтаре Мира Августа (ср. выше гл. XIII) 13—9 гг. до н. э.

Среди восточных культов, получивших распространение в восточных провинциях, стал выделяться по своему влиянию в I в. до н. э. культ персидского Мифры и настолько захватил в первые века н. э. массы населения даже в Италии, что оказался серьезным соперником религии Христа. Культ его, сопровождавшийся закланием быка и окроплением его кровью людей, искавших его благодати, засвидетельствован многими находками. Особенно известно его святилище в Остии, гавани Рима, а в начале 1963 г. случайно было открыто подземное святилище этого бога в местечке Марино. В них прекрасно сохранилась фреска, изображающая бога, совершающего заклание. Он чтился под культовым названием Непобедимого Солнца — *Sol invictus*²⁵.

При общей неуверенности в своем существовании первобытный человек придавал большое значение приметам, предзнаменованиям, сновидениям, чудесам и предсказаниям, и эти чувства прочно сохранялись в широких кругах греческого и римского населения. Приписывая эти явления воле богов, люди рассчитывали, что при некоторых условиях можно ее узнать. Возникла даже мысль, что некоторые люди пользуются расположением богов и могут узнавать судьбу человека. Уже в гомеровском быту в разряде «демиургов» значатся «гадатели» (*manteis*). Гадали по внутренностям жертвенных животных, а чаще всего по полету некоторых, «вещих» птиц. Всякое сколько-нибудь важное дело — общественное и частное — начинали с жертвоприношения, при котором вопрошали волю бога. Полководец не давал знака к началу сражения, не убедившись в одобрении божества. Иногда, чтобы получить доброе предзнаменование, приходилось несколько раз повторять гадание. Так, Мильтиад только тогда начал сражение при Марафоне, когда были получены при жертвоприношении добрые предзнаменования (Геродот, VI,

²⁴ См. О. Ф. Базинер. *Ludi saeculares*. «Варшавские Университетские Известия», 1901; Н. А. Машкин. *Принципат Августа*. Изд-во АН СССР, М.—Л., 1949, стр. 561—562.

²⁵ F. Cumont. *The mysteries of Mithra* (Transl.). New York, 1956.

112). При Платеях спартамцам вначале добрые знамения были только для обороны (IX, 36), и только после молитвы царя Павсания, обращенной к Гере, знамения оказались благоприятными, так что можно было ударить по врагам (IX, 61—62). Спартанский полководец Деркилид, воюя против персов в Малой Азии в 399 г. до н. э., ежедневно в течение четырех дней совершал гадания, чтобы начать действия, и только на четвертый получил благоприятные знамения (Ксенофонт, «Греческая история», III, 1, 17)²⁶.

Равным образом и такие важные действия, как заседания Народного собрания, не могли происходить без одобрения свыше, и достаточно было капли дождя или удара грома и блеска молнии, чтобы признать невозможным продолжение заседания. Пародию на этот порядок мы находим в комедии Аристофана «Ахарняне», где Дикеополит, разочарованный тем, что на собрании никто не говорит о мире, срывает заседание заявлением, что на него упала капля дождя (170—171). Из этого видно, как легко таким средством можно пользоваться в политических целях для оттяжки решения важных вопросов.

Потребность в узнавании воли богов получала организованный характер при храмах в виде оракулов. Они были в разных местах, например, в Додоне при храме Зевса, в Лебадее (Беотия) при святилище Трофония и т. д. Наибольшей же известностью, выходявшей даже за пределы Греции, пользовался оракул Аполлона Пифийского в Дельфах. Жрица бога, называвшаяся пифией, садилась на треножник у расщелины скалы Парнасса и в состоянии невменяемости под влиянием исходящих из-под земли испарений выкрикивала несвязные слова, которые надлежащим образом истолковывались в стихах жрецами. Располагая большими связями со всеми концами греческого мира и осведомленностью в современных политических делах²⁷, они должны были проявлять большую сообразительность и остроумие в своих ответах, и естественно, что эти ответы часто отличались двусмысленностью. Известно, какого труда стоило Фемистоклу убедить сограждан во время нашествия персов в 480 г. до н. э., что слова оракула о спасении за деревянными стенами надо понимать в смысле: за стенами кораблей (Геродот,

²⁶ См. В. В. Латышев. Очерк греческих древностей, ч. II, стр. 175—187; P. Stengel. Griechische Kultusaltertumer, 3-te Aufl. München, 1920; P. Stengel. Opferbräuche der Griechen. Leipzig—Berlin, 1910.

²⁷ См. А. В. Никитский. Дельфийские эпиграфические этюды. Одесса, 1894—1895.

VII, 143). Не менее известен ответ оракула лидийскому царю Крезу при столкновении его с персидским войском Кира: «Крез, перешедши Галис, великое царство разрушит». Крез понял это в том смысле, что сам победит персов, но на деле он разрушил свое собственное царство (Геродот, I, 53—54), и позднее оракул указал ему его собственную ошибку (91). Напомним еще подобный же двусмысленный ответ эфирскому царю Пирру перед его вторжением в Италию в 280 г. до н. э. Кв. Энний в поэме «Летопись» передает ответ в таком стихе: *Aio te. Aeacida, Romanos vincere posse* (Цицерон, «О гадании», II, 116). В латинском тексте слово *Romanos* («римляне») Пирр понял в смысле дополнения: «Я говорю, что ты можешь победить римлян». Но, как оказалось, эти слова надо было понять в обратном смысле: «Римляне могут победить тебя».

С угадываем божественной воли тесно связывается религиозная медицина, имевшая широкое распространение у древних народов, а богатый материал, собранный таким образом, дал основу для возникновения науки медицины. Богом-целителем почитался Асклепий (римский Эскулап). Главным центром его культа в Греции был курортный город Эпидавр в Арголиде (ср. гл. VII, стр. 156). Здесь верующие получали исцеление от бога, который являлся им во сне. На месте города археологами открыт целый архив надписей, в которых описаны многочисленные случаи чудесных исцелений²⁸. Рассмотрение их дало основание одному ученому сопоставить эти рассказы с чудесами, описанными в романе «Лурд» Э. Золя²⁹. Любопытную картинку таких верований находим мы в одной сценке писателя III в. н. э. Геронда («Мимиямбы», IV) в храме Асклепия на острове Косе³⁰. Аристофан комически представил чудесное прозрение бога Богатства (Плутоса) в храме Асклепия, причем показал и жульнические проделки жрецов («Богатство», 633—747).

Мысль о возможности узнавать волю богов была в еще

²⁸ Образцы см. в кн.: «Древний мир в памятниках его письменности», т. II, стр. 59—63; G. Dittenberger. *Sylloge inscriptionum Graecarum*, N 1169—1173.

²⁹ J. Leopoldt. *Von Epidauros bis Lourdes. Bilder aus der Geschichte volkstümlicher Frömmigkeit*. Leipzig, 1957; С. А. Жебелев. Религиозное врачевание в Греции. СПб., 1893; его же. Эпидаврийская археология и эпидаврийская терапевтика. «Известия Академии Наук СССР», отделение общественных наук, 1931, № 3, стр. 321—345 и 1933, № 1, стр. 61—96.

³⁰ См. кн.: «Древний мир в памятниках его письменности», т. II, стр. 499—502.

большей степени присуща римскому народу. Все, что выходило из круга обычных явлений, приковывало к себе внимание и подвергалось истолкованию. Случаям солнечного и лунного затмения, градобития, явления метеоритов, рождения уродцев — детей и животных и т. п. придавалось таинственное значение, которое дополнялось религиозным воображением об услышанном чудесном голосе, об увиденном привидении т. д. Все подобные явления тщательно отмечались жрецами и особенно верховным понтификом, от которого эти сведения переходили в летописи. Вот почему история Ливия переполнена указаниями на чудеса и знамения (*monstra, portenta, prodigia*). Вера в чудеса была настолько сильна в римском народе, что для наблюдения за ними с давних пор существовали специальные жреческие должности гарусников и авгуров. Ко времени царя Тарквиния Древнего (Приска) римская традиция относит приход пророчицы Сибиллы, принесшей книги пророчеств. Когда она, как рассказывает предание, запросила за три или, по другой версии, за девять книг очень большую сумму, Тарквиний отказался, она сожгла на его глазах сначала одну или три, затем другую книгу или еще три, и, наконец, он за одну последнюю или за три оставшиеся книги заплатил цену, которую она просила за все (Дионисий, «Римские древности», IV, 62, 1—6; Плиний Старший, XIII, 27, 3; Лактанций, «Наставления», I, 6, 10—11). В историческую пору в критические моменты неоднократно обращались к каким-то книгам, носившим название «сибиллиных книг», причем справки в них поручались специальной коллегии «десяти», а позже — «пятнадцати» (Ливий XXII, 9, 8; XXXVIII, 45, 3; Плиний, VII, 35, 1; XVII, 38, 3).

Коллегия гарусников, как показывает их этрусское название, ведет происхождение из Этрурии. Установление ее приписывалось Тарквинию Гордому (Ливий, I, 56, 4—5). Постепенно она приобрела большое политическое значение (Цицерон, «О гадании», I, 72), число их под конец возросло до 60 с главным гарусником во главе, причем отдельные члены коллегии сопровождали военачальников в походах (Ливий, XXIII, 36, 10). Гарусники по преимуществу занимались гаданиями по внутренностям жертвенных животных и по чудесным явлениям (Цицерон, «О гадании», II, 28—51). Примером может служить подсказанный воображением случай незадолго перед смертью Цезаря, когда при вскрытии жертвенного быка у него не оказалось сердца (Цицерон, «О гадании», I, 119).

Коллегия авгуров, существовавшая с древнейших времен, насчитывала сначала трех членов (Цицерон, «О государстве», II, 16), в результате окончания борьбы плебеев с патрициями она увеличилась до девяти (Ливий, X, 6, 6—9), а при Юлии Цезаре до 16 (Дион Кассий, XLII, 51, 4). В круг их обязанностей входило наблюдать небесные явления (*servare de coelo*)³¹ — и в частности, следить за полетом птиц или даже за священными курами (Цицерон, «О гадании», II, 72). Гадание по полету птиц называлось *auspicium*, и Цицерон прямо заявляет: «Наши полководцы только тогда начинают военные действия, когда совершили гадания» («О природе богов», II, 9), и Кв. Фламинию ставили в большую вину пренебрежение религиозными обычаями (Ливий, XXII, 9, 7—8). Итак, высший магистрат, например, консул, перед походом, перед началом битвы или перед открытием собрания испрашивал волю богов (Цицерон, «О гадании», I, 28; II, 76). В полночь перед комициями он вместе с авгуром выходил за «черту города» (*portuегium*), обычно на Марсово поле. Авгур устанавливал палатку (*tabernaculum*) и начинал наблюдение. Он, обратившись лицом к востоку или в южную сторону, мысленно намечал на небе поле зрения (*Templum*), разделял его перпендикулярными линиями на четыре части и следил, не появится ли звезда, молния или вещая птица (Ливий, I, 18, 6—9; Варрон, «О латинском языке», VII, 7), и благоприятным считалось знамение, появившееся с левой стороны — в противоположность греческим обычаям (Цицерон, «О гадании», II, 74; 82; Варрон, «О латинском языке», VII, 97). Если знамения оказывались благоприятными, авгур объявлял: «Видимо, все тихо» — *silentium esse videtur* (Цицерон, «О гадании», II, 71—72). В противном случае он говорил: «До другого дня» — *alio die* (Цицерон, «О законах», II, 31). Такое заявление могло быть сделано и во время заседания, после чего оно должно было быть распущено (Цицерон, «Филиппики», II, 83). Первоначально этим правом пользовались все магистраты. Однако ввиду явного злоупотребления этим правом оно было ограничено сначала кругом вышестоящих магистратов (Геллий, XIII, 15, I), а затем и вовсе отменено по предложению трибуна П. Клодия в 58 г. до н. э. (Цицерон, «За Сестия», 33; «Филиппики», II, 81). Совершенно очевидно, что очень часто отвод со стороны авгуров диктовался политическими или личными соображе-

³¹ Отсюда произошло и современное слово *обсерватория* (место для наблюдений небесных явлений).

ниями, далекими от какого бы то ни было религиозного чувства, и вызывал усмешки со стороны всякого здравомыслящего человека. Цицерон даже сохранил едкое замечание Катона Старшего, что «гаруспик не может глядеть без усмешки на гаруспика» («О гадании», II, 51; «О природе богов», I, 71). Так из повседневных наблюдений рождалось критическое отношение к религии.

У античных народов не было духовенства в нашем современном смысле этого слова, и всякий гражданин мог выполнять семейные культы. Из основ родового строя возникли первые жреческие обязанности. Глава рода, старейшина, был по своему положению представителем рода перед богами, представителем же всего народа был царь. При консервативности религиозных учреждений прежнее представительство сохранилось, хотя номинально, и после упразднения царской власти в лице второго архонта — *басилевса* в Афинах и в лице *rex sacrificulus* в Риме. Пока в античных государствах власть сохраняла родовая аристократия, жреческие обязанности исполнялись ее представителями, но по мере усиления демократических элементов родовая аристократия вынуждалась к уступкам и в религиозной области. Это ясно видно в римской истории. В 300 г. до н. э. по закону трибунов братьев Кв. и Гн. Огульниев открыт был плебеям доступ к главным жреческим должностям (Ливий, X, 6, 6—8).

Обычным порядком было, чтобы у мужских богов жрецами были мужчины, у богинь — женщины. Обязательным условием для занятия жреческой должности была физическая крепость. Во время совершения обрядов у участников на головах были венки.

Наиболее крепкой организацией обладали дельфийские жрецы, которые имели связи во всех государствах — «езде, где говорили на греческом языке»³². Из всех жреческих организаций выделялись жрецы элевсинских мистерий, которые выходили только из древних родов Эвмолпидов и Кериков (Андокид, I, 116; 127; Лисий, VI, 10; 51; Плутарх, «Алкивиад», 22; Павсаний, I, 38, 2—3).

Более строгой была организация жречества у римлян. Главное место в ней принадлежало великому понтифику, который возглавлял коллегию, состоявшую первоначально из 5, а потом из 16 лиц. Их основной обязанностью было общее наблюдение за правильностью выполнения культов;

³² А. В. Никитский. Дельфийские эпиграфические этюды. Одесса, 1894—1895.

им подчинялись и «царь — священнослужитель», и коллегия фламинов, и весталки. Учреждение этой должности приписывалось царю Нуме (Ливий, I, 20, 5—7; X, 6, 5—8; 8, 3; Дион Кассий, XL II, 51, 4). На обязанности верховного понтифика лежало составление календаря, что имело большое значение не только в религиозной, но и в общественной и судебно-правовой жизни. С этим же связывалось ведение летописных записей. «Все события отдельных лет, — передает Цицерон, — великий понтифик записывал и заносил на белую доску (*album*) и выставлял ее на стене дома («дворца» — *regia*), чтобы народ имел возможность узнавать о них» («Об ораторе», II, 52). Понтифик П. Муций Сцевола в 130—114 гг. собрал эти ежегодные записи и сделал из них сводку, которая стала известной под названием Великой Летописи (Сервий, Комментарий к «Энеиде», I, 373).

Одним из наиболее древних религиозных учреждений Рима была коллегия братьев арвальских из 12 человек. Как показывает название, происходящее от слова *arvum* «пашня», это братство исполняло обряды, связанные с земледелием. Плиний Старший (XVIII, 6) приписывал установление его Ромулу. Многие черты этого культа отзываются глубокой древностью: посуда применяется только сделанная без помощи гончарного колеса, производится очищение после внесения в храм железных орудий. Главными божествами тут почитаются Марс, как бог полей, и богиня Дия, олицетворение матери-земли. По счастью, ряд протоколов собраний этой коллегии сохранился в надписях первых трех веков н. э. Среди своеобразных обрядов в протоколе от 29 мая 218 г. до н. э. записана единственная в своем роде по содержанию и по архаичности языка песня, обращенная с молитвой к Ларам³³.

Молитвы к богам по первоначальному значению были похожи на заклятия, которые, если правильно произнесены, должны стать для бога обязательными. Для большей верности лучше всего было пользоваться готовыми формулами. Особенно характерно это наблюдается у римлян. Чтобы ни одно слово не было пропущено, один участник читал молитву по записанному тексту, другой следил за правильностью чтения, третий, призвав присутствующих к благоговейному молчанию, играл на флейте, чтобы заглушить всякие посторонние звуки, а молящийся, чтобы ничто постороннее не

³³ Перевод см. в кн.: «Древний мир в памятниках его письменности», т. III, стр. 59—61.

отвлекало его внимания, покрывал голову плащом (Плиний, «Естественная история», XXVIII, 10—16; Плутарх, «Кориолан», 25; Вергилий, «Энеида», III, 403—409). Эту особенность римского культа можем видеть на некоторых статуях и рельефах, например на алтаре в честь Нептуна, воздвигнутом одним из рода Домициев Агенобарбов (см. рис. на стр. 454). Тексты этих молитв, так называемые *indigitamenta*, находились в ведении понтификов (Геллий, XIII, 23, 1; Макробий, III, 9, 7—12; Валерий Максим, I, 1, 1; Арнобий, «Наставления», II, 73). Иногда такие молитвы называются *carmina* «песни» (Макробий, II, 9, 2).

Жертвоприношения различались, как бескровные — возкурения ладана, фимиама, возлияние вина, меда, молока и т. п., и кровавые, при которых закланное животное сжигалось на алтаре частично или полностью. В некоторых мифах сохранялись воспоминания о человеческих жертвоприношениях, например в мифах об Ифигении, Поликсене и других. Редкие случаи этого бывали и в историческую эпоху: трех персидских пленников перед сражением при Саламине принесли в жертву богам (Плутарх, «Фемистокл», 13; «Аристид», 9). А Пелопид, когда жрецы настаивали на заклании девушки в качестве умиловительного жертвоприношения, нашел выход, принеся в жертву кобылицу (Плутарх, «Пелопид», 21—22).

Обычное жертвоприношение начиналось окроплением животного и присутствующих освященной водой. Затем голову животного осыпали ячменем — *ὄβλοχὸνται*, у римлян — *toia salsa*; с головы срезали клочок шерсти и волосы раздавали участникам, а те кидали их в огонь алтаря. После этого совершалось заклание, тушу обдирали, разрезали на части, из них съедобные выделялись для потребления людям, в первую очередь жрецам, а несъедобные сжигались и только в случаях особой важности животное сжигалось полностью, например при жертвоприношениях подземным богам. Описание всего обряда мы находим у многих писателей (Гомер, «Илиада», III, 267—301; «Одиссея», III, 430—463; Эврипид, «Электра», 785—843; Аполлоний Родосский, I, 402—447 и т. д.).

Усердие молящихся выражалось в увеличении количества жертвенных животных. Примером этого может быть «гекатомба» — буквально жертва в сто быков. Но такая цифра часто служила для обозначения просто большого количества животных. Вместе с тем такое жертвоприношение сулило лучшее и притом бесплатное угощение для простого народа, как можно видеть из бесподобной сцены в комедии

Аристофана «Всадники», где говорится, с каким восторгом принимает масса народа сообщение о крупном жертвоприношении (654—662).

Прибавим, что каждое пиршество сопровождалось троекратным возлиянием вина в честь богов (Эсхил, «Агамемнон», 243—247; Ксенофонт, «Пир», 2, 1 и т. д.). При заключении договоров совершались возлияния в честь богов, вследствие чего самое слово *σπονδαί* «возлияния» получило значение «перемирие».

Suovetaurile — жертвоприношение свиньи, овцы и быка. Рельеф на алтаре Нептуна, сооруженном в начале I в. до н. э. Домицием Агенобарбом. Париж

У римлян наиболее распространенной формой жертвоприношения было *suovetaurile*, то есть заклание свиньи, овцы и быка. Эти животные — принадлежность первобытного земледельческого хозяйства, что является свидетельством времени установления этого обряда. Эта форма применялась, например, в заключение *lustrum*, очистительного обряда после производства ценза. Изображение подготовки к такому жертвоприношению можно видеть на упомянутом уже алтаре Домиция Агенобарба.

Отправление культа и распределение праздничных дней тесно связано с календарем³⁴. Это слово произведено от латинского «календы» — так называлось первое число каждого месяца. В смысле «календарь» у римлян употреблялось слово *fasti*, которое буквально означало дни, в которые можно (*fas est*) претору произносить формулы своих решений: *do, dico, addico*; а дни, в которые этого делать нельзя, назывались *nefasti* (Макробий, I, 16, 14; Овидий,

³⁴ L. Winniczuk. *Kalendarz starożytnych greków i rzymian*. Warszawa, 1960; M. P. Nilsson. *Die Entstehung und religiöse Bedeutung des griechischen Kalenders*. Lund, 1962.

«Фасты», I, 48; Ливий, I, 19, 7). Дней, в которые разрешалось устраивать комиции (*dies comitiales*), насчитывалось 184. Византийское слово *μηνολόγιον* было у нас переведено: «месяцеслов».

Смены дня и ночи давали первое отчетливое определение времени у первобытного человека; другим мерилom времени оказывались фазы луны, или месяца *μήν, mensis*, а еще более длительные сроки измерялись сменами лета и зимы, круговоротом солнца, что составляло год. Уже Гесиод учитывал важное значение календаря, к которому нужно было приспособить сельскохозяйственные работы («Труды и дни», 765—828). Кроме того, явилась необходимость в определенное время справлять праздники в честь богов (Исократ, VII, 29—30). С установлением времени праздников связывалось и течение всей жизни. Поэтому знание календаря имело важное значение. Но долгое время это знание оставалось достоянием жрецов, а следовательно, родовой знати, из которой составлялось жречество.

Измерение часов стали вести по тени от солнца. На основании этого были сделаны уже в III в. до н. э. солнечные часы — *ὄρολόγιον* (Афиней, IV, 55, p. 163 C), а еще ранее стали пользоваться водяными часами — *κλεψύδρα*, по которым, например, определяли время для ораторов на судах. Поэтому оратор, чтобы не тратить своего времени на чтение документов, просит секретаря остановить на это время воду клепсидры (Лисий, XXIII, 4; Демосфен, XIV, 8), а в доказательство неопровержимости своих соображений оратор предлагает противнику говорить «в мою воду» (Демосфен, XVIII, 139).

Сопоставляя смены лунных месяцев с круговоротом солнца, установили общее соотношение, что солнечный год приблизительно соответствует 12 сменам луны. Так у разных народов, в том числе и у греков и у римлян, получилось разделение года на 12 месяцев. Однако дальнейшие наблюдения показали неточность этого расчета. Действительно, месяц равен 29 дням, 12 часам, 44 минутам и 3 секундам; лунный год, таким образом, составляет 354 дня, 8 часов, 48 минут, 36 секунд. Он разнится от солнечного на 10 дней и 21 час. Заметив несоответствие, греческие ученые пришли к мысли о необходимости через некоторые промежутки вносить в календарь поправки, чтобы уравнивать лунный год с солнечным, и в восьмилетний период три раза вставлять добавочный месяц — *μῆνέμβολος*. А в 432 г. до н. э. в Афинах астроном Метон по вавилонскому образцу предложил в

19-летний период 7 раз вносить вставочный месяц, и этот порядок держался долгое время.

В Афинах же, как мы уже говорили (гл. XIV), применялось деление года на 10 пританий по 34—35, а при вставочных месяцах на 38—39 дней, месяцы же на десятки — начала, середины и конца пританий.

В Риме ведение календаря входило в круг обязанностей великого понтифика. Установление этого порядка традиция приписывала царю Нуме (Ливий, I, 19, 6—7; 20, 6). Важным событием было опубликование в 304 г. календаря курульным эдилем Гнеем Флавием (Ливий, IX, 46, 5). Первоначально у римлян год делился на 10 месяцев (Овидий, «Фасты», I, 28), как показывают некоторые названия месяцев: сентябрь (september), октябрь (october), ноябрь (november), декабрь (december), но есть седьмой, восьмой, девятый, десятый месяцы. Прибавим к этому, что название пятого месяца (quintilis) было заменено июлем в честь Юлия Цезаря, а шестого (sextilis) «августом» в честь Октавиана Августа. Первоначально год начинался с марта, который посвящен богу Марсу; название апреля (argilis) в честь неизвестного божества, май в честь богини Майи, матери Меркурия (Гермеса), июнь (iunius) в честь Юноны (Макробий, I, 12, 3—37). Позднее были добавлены январь в честь Януса и февраль по очистительным жертвам (februa), приуроченным к этому времени (Варрон, «О латинском языке», VI, 33—34; Макробий, I, 13, 1—7), а с 153 г. до н. э. начало года перенесено на январь, как видно из того, что с этих пор стали 1 января вступать в должность консулы (Ливий, «Периоха», XLVII). В 45 г. до н. э. Юлий Цезарь во время своей диктатуры в качестве великого понтифика провел реформу календаря (Макробий, I, 14, 3—7) и ввел систему, которая на западе под названием «юлианского» календаря держалась до 1582 г., когда подверглась исправлению при папе Григории XIII, почему эта новая система и называется «григорианской»; в России юлианская система существовала до Октябрьской революции.

Счет дней месяца римляне вели, отсчитывая их в обратном порядке от трех дней, имевших специальные названия: календы — 1-е число, ноны — 5-е или 7-е, иды — 13-е или 15-е число, причем в марте, мае и октябре ноны означали 7-е, а иды — 15-е число. Таким образом, если говорили: ante diem quintum kalendas Maias, это значило 27 апреля; если говорили: ante diem octavum Idus Martias, это значило 8 марта; если говорили: ante diem decimum Kalendas Septembres, это значило 23 августа. При счете брали и тот день, с которого

начинали, и тот, который хотели указать (сравним хотя бы выражение *третьего дня*, что значит два дня тому назад).

Летосчисление первоначально велось в каждом городе свое от его основания. В Риме такой порядок сохранялся до конца античного мира, а начало города относилось приблизительно к 754/753 г. до н. э. В Греции по мере установления сознания национального единства возник общий счет по олимпиадам, то есть четырехлетиям, в которые однажды справлялись Олимпийские игры, а начало их относили к 776 г. до н. э. Помимо этого, в каждом крупном городе годы обозначались по именам высших должностных лиц или жрецов — в Афинах по имени первого архонта, в Херсонесе по именам демиургов или стратегов, в Дельфах по именам жрецов, в Спарте по именам эфоров, в Коринфе по именам жриц Геры, а в Риме по именам двух консулов.

В Риме приблизительно до II в. н. э. велся счет времени по восьмидневным неделям, которые считались от одного базарного дня («нундин») до другого. Но во II в. н. э. получила распространение по вавилонскому образцу семидневная неделя, причем названия вавилонских богов были заменены латинскими. Эти названия продолжают жить во французском языке, частью в переделанном в духе германской мифологии виде в немецком и английском языках. Это видно из следующего сопоставления дней недели:

dies Solis	dies Lunae	dies Martis	dies Mercurii,
— — — —	lundi	mardi	mercredi
Sonntag	Montag	— — — —	— — — —
Sunday	Monday	— — — —	— — — —
dies Iovis	dies Veneris	dies Saturni	
jeudi	vendredi	— — — —	
Donnerstag	Freitag	— — — —	
Thursday	Friday	Saturday	

Естественно, что по мере повышения сознательности у народа стало подниматься критическое отношение к усвоенным от предыдущих поколений религиозным взглядам и обрядам культа. Уже у Гомера появилось представление о какой-то силе, стоящей над богами — о судьбе. Зевс, затрудняясь, кого из двух героев отдать на смерть — Гектора или Ахилла, бросает на весы жребия обоих. Жребий Гектора по-

тянул книзу, и этим сомнение разрешилось («Илиада», XXII, 209—213). Вместе с тем в поэмах уже есть представление о высшей Правде (Δίκη) («Илиада», XVI, 388; «Одиссея», IV, 691; XI, 218; XIV, 84) и Законности (Θέμις) («Илиада», XV, 87; 95; 4) Гесиод считает Правду дочерью Зевса («Труды и дни», 256), а Фемиду, олицетворение законности, его супругой («Феогония», 901).

Так постепенно в сознание людей входило обоготворение отвлеченных понятий и моральных категорий — Счастья, Доблести, Чести и т. п.³⁵ Но вместе с этим стала закрадываться критическая мысль, соответствуют ли чтимые людьми боги требованиям справедливости и морали. У Цицерона в трактате «О природе богов» действующее лицо рассказа с возмущением говорит, что отдельные боги почитаются во многих видах — Юпитеров не меньше трех (III, 42; 53), пять Минерв, четыре Венеры (III, 59), несколько Вулканов (III, 55), несколько Диан и Дионисов (III, 58), шесть Геркулесов (III, 42). На Крите показывали даже могилу Зевса (Лукиан, «О жертвоприношениях», 10).

Мыслителей рано стало смущать то обстоятельство, что богам, которые совершенно уподобились людям, приписываются поступки, позорные даже для порядочных людей. Против этого возмущался Гераклит. Особенно известны стихи Ксенофана (фр. 11, см. выше стр. 230).

На основе такой критики возникает и обобщенный образ божества, обнимающего весь мир, так называемый «генотеизм». Ксенофан развивает свою мысль об идеальном божестве (фр. 24):

Бог есть единый из всех — и богов, и людей величайший,
Ни своим видом на смертных, ни духом своим не похожий.

Такие идеи вскоре нашли отклик у поэтов — Пиндара, Эсхила и Эврипида. Вспомним слова К. Маркса, что боги Греции были смертельно ранены в «Прикованном Прометее» Эсхила³⁶. Эсхил в «Агамемноне» говорит о Зевсе: «кто бы ни был он» и называет его этим именем условно: «если ему угодно так называться» (160—166). А Эврипид, находившийся под сильным влиянием новых прогрессивных учений, вла-

³⁵ R. Hirzel. Themis, Dike und Verwandtes. Ein Beitrag zur Geschichte der Rechtsidee bei den Griechen. Leipzig, 1907.

³⁶ См. К. Маркс. К критике гегелевской философии права. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I. Госполитиздат, М., 1955, стр. 418.

гает в уста Гекубы в «Троянках» (884—888) следующие слова:

Земли носитель, на земле сидящий,
О, кто б ты ни был, неисповедимый,—
О, Зевс! — природы ль ты закон, иль разум
Людей,— молюсь тебе. Путем бесшумным
Грядешь ты, все дела ведя по правде.

Ясно, что Зевс, о котором тут идет речь, не Зевс греческой религии, а создание философской мысли V в. до н. э.

В середине V в. до н. э. софист Протагор иронически заявлял: «Относительно богов я не знаю, существуют они, или нет и каковы они по виду, так как есть много вещей, препятствующих познанию этого,— неясность предмета и краткость человеческой жизни» (фр. 4). Но нашлось немало людей, которые вовсе отказались от веры в богов. Среди таких особенно называют имя Диагора Мелосского³⁷. А Критий, получивший недобрую известность за жестокость, проявленную в качестве главы олигархического правительства Тридцати в Афинах в 404 и 403 гг. до н. э., в сатировской драме «Сисиф» устами одного из действующих лиц высказывал мысль, что богов выдумали хитрые люди, рассчитывавшие такой сказкой держать людей в повиновении³⁸.

Идеалистическая философия и особенно Сократ и его школа старались придать религии моралистический характер. Платон, проповедуя учение о бессмертии души, красочно рисовал картины загробного суда («Федон», 62; «Горгий», 79—82; «Государство», 13—16). Эти описания, осложненные впоследствии мистикой неоплатоников и неопифагорейцев и мистикой восточных религий, составили основу христианских учений.

Материалистическое учение Демокрита и Эпикура принципиально отвергло веру в богов и бессмертие души. Впрочем, не желая отпугнуть широкий круг читателей, они условно допускали существование богов, но помещали их в межмировое пространство и отрицали какое-либо влияние их на жизнь мира и людей. В III в. до н. э. Эвгемер высказал мысль, что под именем богов люди почитают живших некогда людей, проявивших себя какими-нибудь делами (Диодор, VI, 2). Это учение, известное под названием «эвгемеризма»,

³⁷ F. Jacoby. Diagoras ὁ ἄθεος Abhandlungen der deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1953, N 3.

³⁸ Перевод см. в кн.: «Древний мир в памятниках его письменности», т. II, стр. 399—401.

вскоре же нашло отклик в Риме, где поэт Энний изложил его в специальном сочинении, не дошедшем до нас.

Религиозное вольнодумство в III в. до н. э. стало распространяться в Риме. Примером этого может служить любопытный случай, известный нам из Цицерона («О природе богов», II, 71; «О гадании», II, 71). В 249 г. до н. э. П. Клавдий Пульхер в Сицилии, командуя войском, готовился к битве с карфагенянами, но священные куры не стали клевать положенную им пищу, что считалось недобрым знаком. Тогда консул заявил, что если они не хотят есть, пусть напьются, и велел бросить их в воду. Однако шутка кончилась плохо, и римляне потерпели полное поражение. Римское правительство увидало опасность в распространении радикальных учений; в 173 г. до н. э. были изгнаны эпикурейцы Алкей и Филиск (Элиан, «Пестрая история», IX, 12), в 161 г. до н. э. вместе с философами подверглись такой же судьбе и риторы (Светоний, «О грамматиках и риториках», 25; Авл Геллий, XV, 11), а в 155 г. до н. э. оно постаралось поскорее проводить от себя афинское посольство троих философов, так как они своими речами сумели слишком увлечь римскую молодежь (Цицерон, «Об ораторе», II, 155—157). Несмотря на это, эпикурейское учение нашло доступное и вполне научное выражение в поэме Лукреция (95—55 гг. до н. э.). В величайшую заслугу Эпикуру поэт ставит то, что он освободил людей от страха смерти и богов (I, 62—70). Для этого нужно было, по его мнению, показать естественную природу человека. Больше всяких богов помог людям тот человек, который открыл им законы природы (V, 7—19) (см. гл. IX, стр. 225).

Школа стойков много занималась рационалистическим толкованием мифов и истолковывала их как аллегории, иногда исходя из этимологии их имен. Однако уже Цицерон указывал на искусственность их объяснений («О природе богов», III, 63—64).

Прямое отрицание всяких религий мы находим в сочинениях сатирика Лукиана (II в. н. э.). Тут нельзя не вспомнить замечания К. Маркса, что «богам Греции, которые были уже раз — в трагической форме — смертельно ранены в «Прикованном Прометее» Эсхила, пришлось еще раз — в комической форме — умереть в «Беседах» Лукиана»³⁹. В ряде комических сенок, где боги играют самую жалкую роль и вынуж-

³⁹ К. Маркс. К критике гегелевской философии права. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 418.

дены признать свое бессилие и ничтожество, Лукиан показывает полную несостоятельность религиозных учений, как старых, так и нарождающихся новых, именно, христианства, и, кроме того, шарлатанство различных лжепророков. А. И. Герцен справедливо видел в насмешках Лукиана результат нравственного опустошения эпохи ⁴⁰.

Обстановка растущей экономической разрухи времен империи и явные признаки распада основ рабовладельческого строя порождали состояние умственного и морального разброда, при котором полное безверие стало сочетаться с самым грубым суеверием. «Если классическая греческая философия,— писал Ф. Энгельс,— в последних своих формах,— особенно в эпикурейской школе,— приводила к атеистическому материализму, то греческая вульгарная философия вела к учению о едином боге и бессмертии человеческой души» ⁴¹. Таковыми были стоическая, неоплатоновская и неопифагорейская школы. По своему мистическому уклону они подготовляли появление христианства.

⁴⁰ См. А. И. Герцен. Письма об изучении природы. Полн. собр. соч., т. 3. Изд-во АН СССР, М., 1954.

⁴¹ Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и первоначальное христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 308; ср. т. 22, стр. 475.

ГЛАВА XVII

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И ЗРЕЛИЩА В АНТИЧНОМ МИРЕ

В теплом климате Греции и Италии жизнь народа протекала в значительной степени на улице, особенно у греков. Греки и римляне с подлинной живостью южан откликались на радости и горе своей жизни, изливая свои чувства в песнях и плясках. Ни один праздник не обходился без каких-нибудь игр и соревнований.

Росписи дворцов крито-микенской эпохи воспроизводят целые сцены такого рода. Трудовые и обрядовые песни представлены на щите Ахилла в «Илиаде» (XVIII, 494—496; 567—572; 590—606). «Песня и пляска — украшение пира», — так говорится в «Одиссее» (I, 152). Во дворце Одиссея на Итаке во время пира поет аэд Фемий (I, 153—155; 325—355), во дворце Алкиноя — аэд Демодок (VIII, 62—92; 266—369; 482—522). «Илиада» упоминает имя кифареда Фамирида, который хотел состязаться с самими музами и был за эту дерзость ослеплен (II, 595—600). А при погребении Патрокла Ахилл устроил в память его состязания в конском ристании, в борьбе, в кулачном бою, в беге («Илиада», XXIII, 257—896). Пир во дворце Алкиноя также сопровождается разными видами состязаний («Одиссея», VIII, 100—255).

Выше (гл. XIII и XVI) мы уже говорили о праздниках в Олимпии, в Дельфах, в Немее и на Исфме, которые получили

общегреческое значение и привлекали зрителей и участников со всех концов греческого мира. Наибольшей известностью пользовались Олимпийские игры, которые возродились в наше время. Основание их приписывалось местным преданием мифическому герою Пелопу (Пиндар, «Олимпийские оды», I, 24; 89—95; Павсаний, V, 8, 6), а правильная организация относится к 776 г. до н. э. Начавшись с простого состязания в беге — от этого счет олимпиад велся и впоследствии по именам победителей в беге, — эти игры постепенно усложнялись включением все новых видов спорта, среди которых особенного блеска достигли ристания (скачки) на колесницах¹. О многих частностях этих состязаний можно судить по «эпипикиям», то есть победным одам, Пиндара и Бакхилида, которые увековечили имена некоторых победителей. Найденная в Дельфах статуя возницы начала V в. до н. э. может служить наглядным свидетельством. Он стоял с вожжами в руках на колеснице, управляя четверкой коней. К сожалению, ни кони, ни колесница не сохранились. Общую картину состязаний на Пифийских играх в Дельфах сохранил нам Софокл в трагедии «Электра» в виде рассказа о мнимой гибели Ореста: он одержал победы в разных видах состязаний, и имя его, как победителя, несколько раз объявлял глашатай, но в один из следующих дней он принял участие и в конском ристании — в скачке на колеснице; вот уже сделано несколько кругов, и восемь из соперников потерпели неудачу — у одного лошади понесли и опрокинули колесницу, другие наткнулись на него, только афинский возница искусно сберегал силы и объехал сгрудившуюся кучу, а Орест, стараясь обогнать его, не заметил, как при крутом повороте вокруг «меты», конечного столба срединного барьера, ось его колесницы ударилась и сломалась, кони продолжали скакать, волоча запутавшегося в вожжах Ореста; его подняли уже бездыханным (681—760). Судя по тому, что подробности этого рассказа в сюжете трагедии имели второстепенное значение (Эсхил в «Хозэфорах» уделил ему лишь один стих — 682), Софокл внес их, учитывая интерес к ним своих зрителей и читателей. Правда, активное участие в таком виде спорта было доступно лишь богатым людям, для остальных это оставалось только интересным зрелищем. Но пышность и роскошь этих зрелищ были настолько привлекательны для широкого круга людей, что отмена их императором Феодосием около 393 г. н. э. была уже предвестием конца античного мира.

Пристрастие греков к зрелищам, играм и всякого рода со-

¹ E. N. Gardiner. Olympia. Its history and remains. Oxford, 1925.

стызаниям распространялось и на частную жизнь. В знаменитой сцене в «Облаках» Аристофана Стрепсиад по случаю окончания курса наук сына Фидиппида устраивает пирушку и предлагает сыну спеть хорошую песню, а тот к его негодованию затянул что-то из Эврипида (1353—1376). Ксенофонт, описывая пир у богача Каллия, рассказывает, что гости слушали музыку и пение, видели пляску, особенно поразила их пляска танцовщицы среди мечей, и, наконец, перед ними был разыгран пантомим на тему об Ариадне и Дионисе («Пир», 9). Тот же Ксенофонт вспоминает о самодеятельном представлении, устроенном самими воинами, его товарищами по походу в Малую Азию: мимической игрой они представляли мирного пахаря, который захвачен разбойниками, или, наоборот, поимку самого разбойника («Анабасис», VI, 1, 7—9).

Для нас, разумеется, наибольший интерес представляет происхождение и история греческого театра². Выше мы уже останавливались на происхождении драмы (гл. XI). Теперь уместно будет сказать о театральной жизни. Уже из показаний Аристотеля видно, что драма возникла из обрядовых песен в честь бога Диониса («Поэтика», 4, р. 1449 а 10—11) и до позднего времени сохраняла связь с ним. Драмы ставились на праздниках Диониса и составляли часть государственного культа. На Великих Дионисиях (в марте) ими ведал первый архонт, на Малых или сельских Дионисиях—старшина дема—демарх. Значительная часть расходов возлагалась в виде общественной повинности — «литургии» — на богатых граждан в качестве хоров, которые обязаны были за свой счет организовать и подготовить к публичному выступлению хор, а для этого подрядить специального учителя (*χοροδιδάσκαλος*), нанять помещение для репетиций, угощать участников и т. д.

Вместе с развитием драмы и применительно к ее потребностям изменяло свой вид и театральное помещение. Первая постановка трагедии в Афинах относится к 634 г. до н. э., и сам автор Феспид был единственным актером. Греческое название актера «гипокрит» буквально значит: «отвечающий». Этим и определяется его первоначальная обязанность: он отвечал на

² См. В. В. Латышев. Очерк греческих древностей, ч. II. СПб., 1899; Б. В. Варнеке. История античного театра. «Искусство», М. — Л., 1940; П. В. Никитин. К истории афинских драматических состязаний. СПб., 1882; М. Bieber. Denkmäler zum Theaterwesen im Altertum. Berlin — Leipzig, 1920, im engl. Übersetzung: The history of the Greek and Roman theater. Princeton, 1939; A. E. Haigh. The Attic theater, 3 ed. Oxford, 1907; Roy C. Flickinger. The Greek theater and its drama, 4 ed. Chicago — Illinois, 1936; A. Wilhelm. Urkunden dramatischen Auführungen im Athen. Wien, 1906.

вопросы хора, и только с развитием самой драмы расширился круг его обязанностей. Из «Поэтики» Аристотеля (4, р. 1449 а 15—18) известно, что Эсхил увеличил число актеров до двух, а Софокл до трех, и такое число держалось до конца IV в. до н. э. Только в редких случаях допускался четвертый исполнитель, но лишь с согласия хорега, если он принимал на себя лишний расход. Это называлось «парахорегема» (Полидевк, IV, 110). К каждому поэту, ставящему четыре пьесы — «тетралогию», то есть три трагедии и одну сатиrowsкую драму, и к каждому комическому поэту, ставящему одну пьесу, прикомандировывался один «первый» актер, а он приводил двух товарищей, с которыми сыгрался и составлял как бы единую труппу. Все роли в пьесе исполнялись этими тремя актерами и каждому приходилось исполнять по несколько ролей, причем и женские роли исполнялись мужчинами, что требовало от них особой изощренности (Лукиан, «О пляске», 28). Только в эпоху эллинизма в мимах, а главным образом в период римской империи в театрах низкопробного характера стали выступать женщины — рабыни или вольноотпущенные.

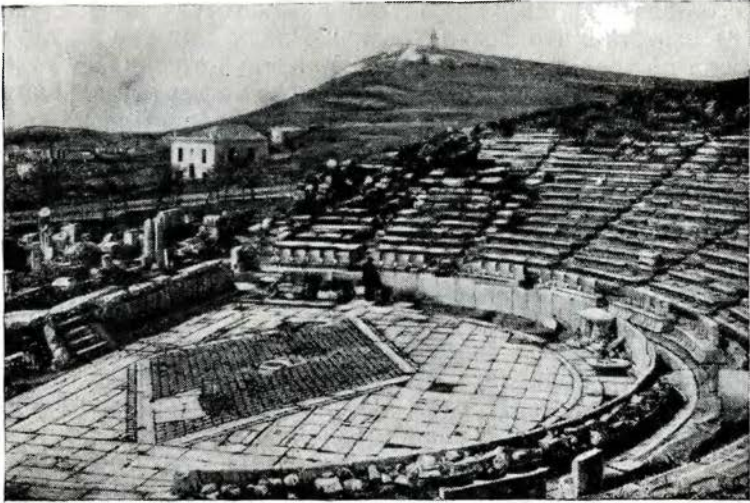
Выступления поэтов, хорегов и актеров проводились в порядке состязаний, и, так как им придавалось большое общественное значение, приговор специальной комиссии в виде престокола, «дидаскалии», публиковался на мраморной плите. Многие из них известны нам из литературных источников, а частью в подлинных надписях³.

Этими элементарными условиями представлений определялись формы первоначального театра. Он состоял из трех основных частей: посередине круглая площадка — «орхестра», охватывающие ее в виде подковы зрительные места — «театр» в прямом значении этого слова и «скена» — здание, из которого выходили актеры (см. гл. XIII, стр. 334—335).

Описание греческого и римского театра мы находим у римского ученого Витрувия Поллиона в сочинении «Десять книг об архитектуре»⁴ (V, 6—8) — 20-е годы до н. э. и греческого театра в «Словаре» Полидевка (Поллукса) конца I в. н. э. (IV, 106—154). Однако оба описания, очевидно, имеют в виду театры своего времени и значительно расходятся с тем, что дают сохранившиеся остатки античных театров. Это свидетельствует, что в устройстве театров, как и в характере постановок, с течением времени происходили серьезные изменения.

³ G. Dittenberger. Sylloge inscriptionum Graecarum, N 1078.

⁴ М. Витрувий Поллион. Десять книг об архитектуре. Русские переводы: Ф. А. Петровского (Изд-во Всесоюзной академии архитектуры, М., 1936) и А. В. Мишулина и Г. П. Полякова (ОГИЗ, М., 1936).

Театр Диониса в Афинах. Современный вид

Театр в Эпидавре IV в. до н. э. Современный вид

Важно иметь в виду, что в греческом театре классической эпохи обязательным было участие хора, с которым, как видно из сохранившихся пьес, постоянно поддерживали взаимодействие актеры и, следовательно, находились на одном уровне с ним. Положение изменилось в эпоху эллинизма, когда стали ставить драмы без хоров: оркестра освободилась, актеров поместили над сценой, а за ней и по сторонам возвели постройки, так что образовалась как бы коробка, но между сценой и зрительными местами оставались проходы — «пароды». Дальнейшие изменения были сделаны во времена римской империи.

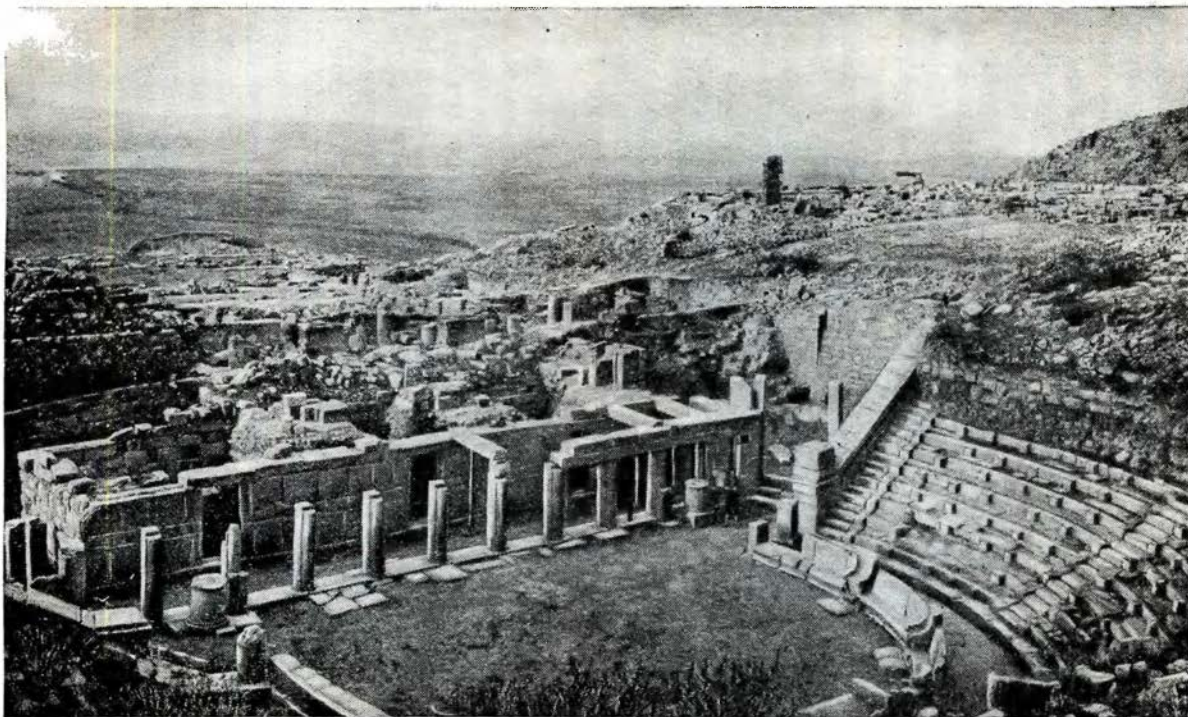
Актеры играли в масках. Изображая трагических героев, они должны были показывать их во всем величии — возвышающимися над уровнем обыкновенных людей; рост и фигуру их увеличивали обувью на толстой подметке — «котурнами», подкладками под одеждой и пышной шевелюрой на голове. Костюмы и маски комических актеров были рассчитаны на то, чтобы вызвать смех у зрителей. Маски во многих разновидностях знакомы нам по скульптурным произведениям и по вазовой живописи.

Софоклу приписывается введение декораций (Аристотель, «Поэтика», 4, р. 1449 а 18). Применялись и некоторые машины, например выдвижная платформа (*ἐκκῶνλημα*), с помощью которой показывалось действие, происходящее внутри дома, или «журавль» — нечто вроде подъемного крана и т. п. Аристофан в комедии «Мир» представил полет на небо Тригея, который комически обращается к машинисту с просьбой об осторожности (174). Трагедии Эврипида нередко заканчиваются появлением кого-нибудь из богов; неожиданно разрешающего запутавшееся действие. Отсюда и ведет начало поговорка *deus ex machina* — о неожиданно наступающей развязке действия.

У Аристофана мы находим рассуждение, что поэт должен быть учителем народа («Лягушки», 1054—1055), и это мнение повторил во II в. н. э. Лукиан («О пляске», 72): оно было, как видно, ходячим. Тот же Лукиан высказывает эту мысль под видом беседы любознательного скифского путешественника с Солоном. Последнему приписываются такие слова: «Мы за государственный счет собираем молодых людей в театр и через лицезрение в трагедиях и комедиях добродетелей и пороков наставляем их воздерживаться от последних и усваивать добродетели» («Анахарсис», 22). Это соединение поучительного с занимательным привлекало толпы зрителей, и театр стало культурной потребностью людей. Афинское правительство с середины V в. до н. э. стало выделять особые средства

для раздачи беднейшему населению, а позже и всем вообще гражданам «зрелищных денег» — 2 обола. Для ведения этого дела назначалось специальное должностное лицо — ὁ ἐπί τῷ θεῶρμιθόν (Аристотель, «Афинская полития», 43, 1; 47; 2). Эти раздачи иногда вредно отражались на военном бюджете (Демосфен, I, 19—20; III, 11; 19; XVIII, 113).

К сожалению, из эпохи высшего расцвета греческой культуры мы не располагаем сведениями о впечатлении, производимом спектаклями на зрителей. А имеющиеся у нас описания Лукиана (II в. н. э.) относятся ко времени упадка классического театра, и притом автор имеет в виду главным образом пантомимы, у которых речи актеров заменились выразительной пляской. Однако и эти сведения представляют большой интерес. По его мнению, искусство актера заключается в том, чтобы своими мимическими телодвижениями воспроизводить сюжет пьесы, а вместе с тем действительную жизнь, нравы и страсти людские («О пляске», 62, 67). Конечно, он, как сатирик и юморист, говорит с нарочитыми преувеличениями, подчеркивая странность масок с разинутыми ртами, высоких котурнов и одеяний на пышных подкладках (там же, 27). Это должно было, конечно, особенно бросаться в глаза иностранцу, каким был Анахарсис. Лукиан от его лица говорит: «Я видел тех, кого ты называешь трагиками и комиками, если только это они — они обуты в тяжелую и высокую обувь, одеяния у них разукрашены золотыми лентами, на головах шлемы (т. е. маски — С. Р.) с широко разинутыми ртами; сами они испускали громкий крик и как-то ухитрялись твердо ступать в своей обуви. Тогда город справлял, должно быть, праздник в честь Диониса. Комики же были пониже ростом, чем те, ходили на своих ногах, были больше похожи на людей и меньше кричали, но шлемы на них были гораздо смешнее тех, и весь театр смеялся на них. Тех длинных все слушали с мрачным видом, — должно быть, из жалости, что им приходится таскать такие колодки». Солон объясняет собеседнику, что это сожаление и даже слезы зрителей относится не к одеянию актеров, а к изображаемой ими судьбе героев («Анахарсис», 23). Лукиан тут же отмечает, что восторг зрителей доходил иногда до безумства: они кричали, хлопали в ладоши, вскакивали с мест, размахивали одежками («О пляске», 5; 83). Впечатление усиливалось еще красотой убранства и мелодичностью музыки (63; «Анахарсис», 23). Лукиан отмечал, что под впечатлением виденного зрители нередко плакали («О пляске», 79; «Анахарсис», 23). Заслугу артиста он видел в том, что в своей игре артист заставлял зрителей, как в зеркале, видеть собственные переживания и

Театр в Приене III в. до н. э. *Современный вид*

уходить из театра с пониманием того, что следует выбирать и чего избегать («О пляске», 81).

С тех пор как автор оказался не в состоянии сам исполнять свои пьесы, естественно, возникал вопрос, кому следует поручать это дело. Этот вопрос уже давно был разрешен в области исполнения песен. Таковы были кифареды, исполнявшие песни под аккомпанемент кифары, рапсоды, сменившие аэдов и декламировавшие эпические поэмы, как видно на примере Иона, представленного Платоном в диалоге его имени. Так постепенно возникла и специальность актера. Нашлись мастера этого дела уже среди современников Эсхила и Софокла; наметились сразу и разные направления. Минникс, представитель строгого эсхиловского театра, называл Каллиппида, игравшего главные роли Софокла, обезьяной за его чрезмерную эмоциональность; такую же репутацию имел актер Пиндар (Аристотель, «Поэтика», 26, р. 1461 *b* 27—28; р. 1462 *a* 11). Известно, что Аристофан при постановке своих комедий обращался к помощи актеров Каллистрата и Филонида. Есть рассказ об актере Поле, который, исполняя роль Электры в одноименной трагедии Софокла, старался как можно живее передать горе сестры, когда она видит перед собой урну с прахом будто бы умершего брата Ореста; артист велел принести подлинную урну своего недавно умершего сына (Геллий, VI, 5): горе его было действительно неподдельным.

Так как постановка в театре была частью религиозного культа и актерами были граждане, их профессия в классическую пору не считалась позорным ремеслом. Известно, что Филипп Македонский в 346 г. до н. э. воспользовался пребыванием в своей столице афинских актеров Аристодема и Неоптолема, которые, несмотря на войну, совершали свое артистическое турне, и через них завязал переговоры с Афинами (Демосфен, XVIII, 21; XIX, 12; 18; 94; 315; Эсхин, II, 15—19; III, 83), третьим с ними был еще Феодор (Демосфен, XIX, 246). Показателен также пример Эсхина, который из третьестепенного актера (*τριταγωνιστής*) сделался видным политическим деятелем, представителем македонской партии в Афинах, и Демосфен, полемизируя с ним, не раз бросал ему насмешки, что при исполнении роли царя Эномая он однажды споткнулся и, упав, вызвал смех зрителей (XVIII, 180; 242; 265—267; XIX, 200; 237; 249; 337).

От актеров требовалась четкая и выразительная декламация и в некоторых случаях даже пение или мелодекламация. Слух греческих зрителей отличался тонкостью, и Аристофан не раз напоминает смешной случай, когда актер Гегелох, испол-

няя роль Ореста в одноименной трагедии Эврипида, неудачно произнес стих 279 («Лягушки», 303, 304).

Интересным фактом античной жизни было то, что уже в III в. до н. э. возникли актерские товарищества, в которые включались и драматические поэты. Актеры именуют себя «мастерами Диониса» — οἱ περὶ τὸν Διόνυσον τεχνῖται. Первое упоминание о них содержится в аттической надписи III в. до н. э., а вскоре такие же товарищества образовались и в других местах Греции и Малой Азии⁵.

В нашем распоряжении имеется ряд подлинных документов в надписях из разных греческих государств, свидетельствующих о многих правах и преимуществах, которые предоставлялись актерам. Так, в большой дельфийской надписи от 278/277 г. до н. э., копия которой была передана в Афины, значится: «Амфиктионы, гиеромнеоны и агоратры⁶ постановили: да будет навеки неприкосновенность и свобода от податей мастерам в Афинах; не должен никто из них подлежать аресту ни в военное, ни в мирное время, ни имущество их; но да будет им свобода от податей и личная безопасность на все времена, твердо признанная всеми греками; да будут все мастера Диониса свободны от военной службы в пехоте и во флоте и от всяких взносов — с тем, чтобы богам воздавались своевременно почести и жертвы, для которых назначены эти мастера». Далее делается предупреждение, что за нарушение этих привилегий виновные, как отдельные лица, так и их государства, будут ответственны перед амфиктионами⁷. Эти права актеров подтверждаются и другими надписями. Объединения актеров, драматических поэтов и музыкантов, своего рода профессиональные союзы, по временам устраивали общие собрания (σὺνοδοί), причем оказывается, что между отдельными союзами велось соперничество и споры из-за права выступления на тех или других праздниках и союзы брали на себя роль антрепренеров; за разрешением этих споров нередко обращались к высшим властям и даже к римскому сенату⁸.

Оплачивался труд актеров частью получаемыми наградами, частью за счет хорегов. Плата за вход не окупала содержания

⁵ G. Dittenberger. Sylloge inscriptionum Graecarum, NN 1093, et 507.

⁶ Амфиктионии — древнейшие объединения соседних племен. Здесь имеется в виду дельфийская амфиктиония, собрания которой происходили дважды в год — один раз в Дельфах, другой раз в Пилах (Фермопилах). Депутаты, собиравшиеся тут, имели звание гиеромнеонов, пилагоров или агоратров (Демосфен, XVIII, 143—153; Эсхин, II, 115—117).

⁷ G. Dittenberger. Sylloge inscriptionum Graecarum, NN 399, 692, 703.

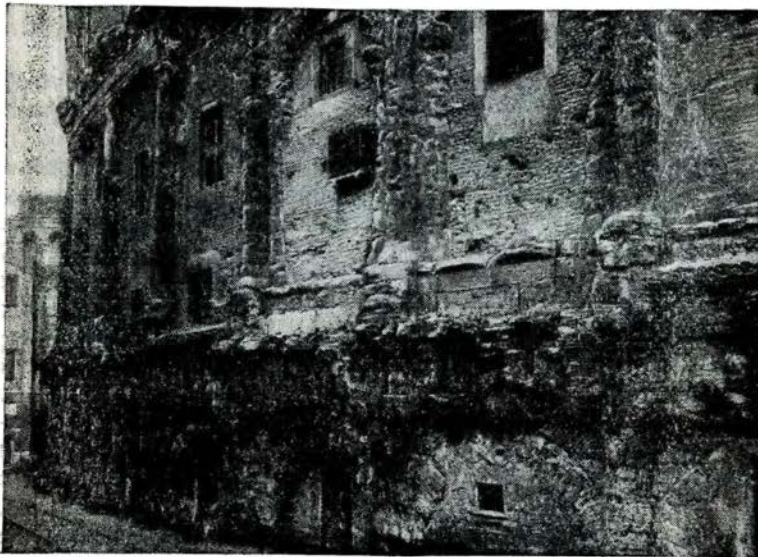
⁸ Ibid., N 704, 705.

театра, и актеры, особенно слабые, оказывались иногда в трудном положении. Лукиан, — правда, в позднюю эпоху — рисует горькую участь такого актера: в театре он только что изображал какого-нибудь царя — Кекропа, Сисифа или Телефа, а, нечаянно упав, под роскошным одеянием раскрыл рубище нищего («Сновидение или петух», 26). Но еще ранее Демосфен говорил о бездарных актерах, которые вынуждены собирать овощи на чужих огородах (XVIII, 262). Положение изменялось в тех случаях, когда до сознания сильных правителей стала доходить мысль, что театр и выдающиеся артисты могут приносить блеск и славу их правлению. Это началось с Филиппа и Александра и продолжено было их эллинистическими преемниками и с новой силой проявилось при римских императорах. Впрочем, там это стало в значительной степени делом рабов и вольноотпущенников.

Корни римской драмы (см. гл. X) уходят в народное творчество. В Италии рано возникла народная комедия «ателлана» с ее четырьмя постоянными персонажами. Ливий (VII, 2, 3—11) говорит, что в 364 г. до н. э. для спасения от эпидемии были устроены «сценические игры» в честь богов, для чего были приглашены из Этрурии «игрецы» (*ludiones*), которые исполняли какие-то пляски, а римская молодежь будто бы, заинтересовавшись их игрой, стала подражать им и сопровождала пляску пением. К этому присоединилось затем греческое влияние и выступления Ливия Андроника. Хотя изложение Т. Ливия страдает некоторой сбивчивостью, остается бесспорным соединение в римской драме трех элементов — латинского, этрусского и греческого. В 240 г. до н. э. для празднования победы над Карфагеном Ливию Андронику было заказано написать пьесу для представления, и этим было положено начало римской драме и театру. Андроник вначале был и единственным исполнителем своих пьес (Ливий, VII, 2, 8—9; Цицерон, «Брут», 72; Геллий, XVII, 21, 42). А в 207 г. до н. э. хором юношей и девушек исполнялся им же сочиненный гимн в честь богов (Ливий, XXVII, 37). Замечательно, что около того же времени было образовано товарищество поэтов и актеров при храме Минервы на Авентине (Фест, 333). С этим кружком в I в. до н. э. связывается деятельность трагика Акция (Валерий Максим, III, 7, 11). Однако сенат долго противился устройству в Риме каменного театра, так что для каждой постановки сооружался временный деревянный театр.

Первый каменный театр в Риме был построен Помпеем в 55 г. до н. э. Он вмещал 40 тысяч зрителей. Но значительно ранее, по крайней мере во II в. до н. э., был уже театр в Пом-

пеях, а приблизительно к 80 г. до н. э. относится там же и другой меньших размеров театр. При Августе в 11 г. до н. э. в Риме был открыт второй театр — имени Марцелла на 20 тысяч зрителей, а во времена империи еще во многих местах, о чем свидетельствуют сохранившиеся развалины (см. гл. VII). Типовое описание структуры римского театра дает Витрувий (V, 6). От греческого римский театр отличает-

Театр Марцелла в Риме 11 г. до н. э. *Современный вид*

ся главным образом в трех отношениях: 1) перед зданием сцены выдвинулась до середины оркестры глубокая, но невысокая (около 1,5 метра) площадка «сцены» в нашем смысле (pulcritum); 2) свободный полукруг оркестры отведен для почетных мест сенаторам; 3) полукруг зрительных мест (cavea) сомкнулся с зданием сцены, не оставив места для боковых проходов, а для входа зрителей под зрительными местами сделано несколько арочных туннелей (vomitoria). Сверху зрительные места замыкались портиками. Часто, как показывают помпейские надписи, для защиты от солнца над всем зданием протягивался «парус» (velum). Лицевая сторона сцены (frons scaenae), как показывают остатки некоторых

театров, например, в Оранже (Франция), и в Аспенде (Малая Азия), и особенно стенная живопись в Помпеях, часто пользующаяся сюжетом театральной обстановки, здание сены имело несколько дверей, ниш, колонн и всевозможных украшений и статуй. Применялся и занавес, но он не поднимался, как у нас, а опускался под сцену. Во всем этом видны вкусы и запросы богачей поздней поры. Плиний рассказал о безумной роскоши театра, построенного в 58 г. до н. э. М. Скавром в Риме на 80 тысяч мест (XXXVI, 24, 10—12). Постепенно это появилось и в других театрах (Валерий Максим, II, 4, 6).

Римляне, как и греки, театральные постановки приурочивали большей частью к праздникам. По дидаскалиям, частично сохранившимся при текстах комедий Плавта и Теренция, видно, что они поставлены во время «игр» Римских, Латинских, Плебейских, Аполлоновых, Мегалесийских (в честь Великой Матери — Кибелы), а «Братья» Теренция — на погребальных играх в память Л. Эмилия Павли в 160 г. до н. э.

Об отдельных подробностях театральных представлений интересные сведения мы получаем из прологов комедий Плавта и Теренция. Так, в комедии Плавта «Пуниец» Пролог в качестве особого персонажа называет себя «актерским полководцем» и требует, чтобы глашатай, исполняющий обязанности какого-то надзирателя, навел порядок в зрительных местах, и обещает ему двойную плату (15). Затем он же требует от распорядителя, чтобы тот не шыгал перед его глазами во время игры актеров, рассаживая публику (20). Попутно слышим мы заявление, что рабам не полагается сидеть, занимая места свободных, и дается им понять, что за нарушение этого им исполосуют спины розгами или ремнями (23—26). Одновременно дается совет матронам сидеть молча и смеяться потихоньку, а разговоры отложить до дома (32—35), провожаемым же предлагается на время представления сделать набег в соседний кабачок, пока там есть горячие пирожки (41—43). В общем у нас получается довольно живая бытовая картина театральных нравов. Бывало и так, что поэты, а равно и актеры приводили в театр своих приятелей или даже за деньги нанимали людей, чтобы создать себе успех (Плутарх, «Как отличить льстеца от друга», 22, р. 63 А).

Из прологов Теренция мы узнаем, что перед публичной постановкой пьесы устраивалась генеральная репетиция с приглашением компетентных лиц, которые имели возможность высказывать свои суждения («Евнух», 21), как о пьесе, так и об исполнителях, причем большое значение придавалось таланту

главного актера («Формион», 10; 32—34). Теренцию много помогал актер Л. Амбвий Турпион.

Как ни сильно было в римском театре греческое влияние, между ними оставалось глубокое различие: в Греции актерами были свободные люди, а в Риме чаще всего рабы или вольноотпущенники. Большим скандалом было, когда римский всадник Децим Лаберий стал писать мимы, а оскорблением для него было то, что в 46 г. Юлий Цезарь заставил его выступить на сцене, хотя он и постарался смягчить обиду большим денежным подарком и золотым всадническим перстнем (Светоний, «Божественный Юлий», 39, 2; Макробий, II, 7, 2—9).

А актеры Волумний и Сакулион, которые при исполнении мимов позволили себе какую-то насмешку над республиканцами в связи с недавним убийством Юлия Цезаря, были раздеты и высечены на сцене (Плутарх, «Брут», 47). Расправы такого рода неоднократно производились по распоряжению Августа (Светоний, 45). Характерный пример, рисующий положение актеров, дает нам случай из адвокатской деятельности Цицерона. Некий Г. Фанний Херея отдал на обучение знаменитому современному актеру Росцию своего раба Панурга с тем, чтобы, когда он усовершенствуется в искусстве и будет выступать в театре, делить между собой доходы; но спустя некоторое время Панург был убит, и владелец вместе с Росцием в 76 г. до н. э. стали взыскивать убытки с убийцы (Цицерон, «За Росция комика»). Герой романа Петрония Тримальхион рассказывает своим гостям, что купил нескольких комических актеров, но хотел бы, чтобы они исполняли ателланы (53). Однако такое унижительное положение актеров не мешало тому, чтобы искусством занимались и свободные люди, каковы, например, комик Росций и трагик Эсоп.

Другой отличительной особенностью римского театра было то, что в начальный период до Росция актеры играли без масок, да и позднее иногда по требованию публики в патетических местах снимали их. Практиковавшееся в Греции ограничение количества актеров тремя в Риме не применялось, и в известном нам репертуаре Плавта только комедия «Стих» допускает исполнение тремя актерами, в остальных же, как и у Теренция, требуется большее число. Составлялась небольшая труппа (грех, букв. «стадо»), во главе которой стоял один из ее участников в качестве руководителя — «хозяина» (*dominus*), и, конечно, автору желательно было привлечь к своим пьесам наиболее опытного. Теренций предпочитал всем другим Л. Амбвию Турпиона, несмотря на его преклонный возраст («Самостоятель», 1—3; 43—45).

Для характеристики отношения римской публики к театральным постановкам показателен случай с комедией Теренция «Свекровь». Из пролога к ней видно, что при первой постановке представление было прервано, так как зрители, узнав, что в другом месте выступают кулачные бойцы, покинули театр, в другой раз постановка была сорвана назначенным на то же время боем гладиаторов («Свекровь», 34—42), и только в третий раз представление было доведено до конца и увенчалось успехом. Теренций сам признает, что его комедия отличалась спокойным характером действия — *statariae* («Самостоятельный», 36). Критики противопоставляют их «полным движениям» (*motoriae*) комедиям Плавта.

Актерское искусство с точки зрения игры и декламации сближалось с мастерством оратора. Вот почему Цицерон, Квинтилиан и другие теоретики уделяли этому вопросу серьезное внимание. Начинаящим ораторам Цицерон советовал учиться у актеров. Он высоко ценил мастерскую игру трагика Эсопа и комика Росция. Обоих называл своей «радостью» — *deliciae* («О гадании», I, 79; «Тускуланские беседы», IV, 53; «К близким», VII, 1, 2). В упомянутой выше речи он восхвалял талант Росция, прибавляя при этом, что, сколь велики его сценические заслуги, столь же велика и его честность, достойная места в сенате (17). Попутно, высмеивая корыстные цели его противника, он сравнил того с образом алчного сводника Баллиона в комедии Плавта «Псевдол» — эту роль с особым успехом исполнял Росций (20). Цицерон к этому приговору и большой талант Росция, как учителя (29—91). Другие критики в мастерстве Росция подчеркивали глубокую продуманность каждой частности его игры (Валерий Максим, VIII, 7, 7). Гораций называл его «ученым» — *doctus* («Послания», II, 1, 82).

Говоря, что актер, как и оратор, чтобы захватить внимание слушателей, должен сам прочувствовать переживания изображаемого лица, Цицерон («Об ораторе», II, 193) приводит в пример игру какого-то актера, — может быть, Эсопа, — исполнявшего в трагедии Пакувия (прибл. 220—130 гг. до н. э.) «Тевкр» роль старого Теламона, который полон скорби и негодования, когда увидел, что сын его Тевкр вернулся без брата, знаменитого Аякса, кончившего жизнь самоубийством под Троей. «Я видел, — пишет Цицерон, — как через маску сверкали глаза актера, говорившего точно от собственного лица:

Ты разлучиться с ним посмел — один прийти на Саламин,
Пред взор отца дерзнул предстать...

Никогда этого слова «взор» не произносил он так, чтобы мне не представлялся Теламон до безумия разгневанным от горя о сыне. Но он же затем, снизив голос до жалобного стога, продолжал:

..... и старика осиротил,
Бездетным сделал, истерзал, убил и брата смерть забыл,
Малютку сына, что тебе на попечение отдан был

— казалось, что, говоря это, он подлинно плачет и скорбит».

Обращаясь уже непосредственно к Эсопу, в другом месте Цицерон писал: «У него был такой пыл в выражении лица и движениях тела, что казалось, будто какая-то сила отвлекает его от ощущения мысли» («О гадании», I, 80). В одной из своих речей Цицерон с восторгом вспоминал, как он своей красочной игрой в трагедии Акция (прибл. 170—80 гг. до н. э.) «Эврисак» в 57 г. до н. э. сумел напомнить зрителям о находившемся в изгнании Цицероне и награжден был многократными вызывами зрителей («За Сестия», 120—123). О страстности игры Эсопа в разных ролях упоминает Цицерон в «Тускуланских беседах» (IV, 55).

Нравственный упадок в конце республики и общественные изменения, наступившие в эпоху империи, способствовали притуплению художественного вкуса. Уже Цицерон замечал, что в его время слишком много внимания стали уделять внешней стороне («К близким», VII, I, 2) — на сцену выводят 600 мулов, выносят 3 тысячи кратеров и т. п. А Гораций говорит, что нередко во время представления со зрительных мест раздавались выкрики: «Медведя!» или «Кулачных бойцов!» («Послания», II, 1, 185—188). Он жалуется, что это распространяется и на высшие круги общества (там же, II, 1, 182—207). Об упадке вкуса и интереса к искусству говорит Тацит в начале II в. н. э. («Диалог об ораторах», 9). «Новый стиль» в трагедиях Сенеки (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) бьет в глаза своей аффектацией, в которой простота соединяется с вычурностью, жестокость сцен — с обилием философских рассуждений: такая драма не годится для постановки в театре. На место серьезной драмы становится полный непристойностей мим или пантомим (балет), соединявший в себе пляску с музыкой и отчасти пением. В Риме он получил распространение при Августе благодаря актеру Пилладу (Макробий, II, 7, 12—19), который пляской и жестикуляцией изображал самые драматические сюжеты. Грандиозность и роскошь постановки получали тут решающее значение.

Об интересе к таким постановкам говорят многочисленные остатки театральных зданий, имеющиеся в самых отдаленных

частях империи — два театра в Помпеях, театры в Остии, в Геркулане, «Одеон» Герода (Ирода) Аттика в Афинах, в Оранже, Арле, Ниме — во Франции, в Гелиополе (Баалбек), в Пальмире — в Сирии, в Аспенде (М. Азия), в Ламбесе (Мавритания), в Тимгаде (Тамугади) в северной Африке и т. д.

Понятно, что при новых условиях вся театральная жизнь изменила свой характер. Лукиан в упомянутом уже сочинении «О пляске» прославляет новый вид искусства, как универсальный и наиболее отвечающий духу времени. Популярность приобретают артисты, которые умеют в пляске изобразить смерть Гектора или Аякса, гибель Трои и т. п.

Наглядное представление о такого рода спектаклях дает Апулей, рассказавший в своем знаменитом романе о постановке пантомима о трех богинях перед судом Париса («Метаморфозы», X, 29—34). Стройные молодые люди и девушки исполнили танец «пирриху», после чего занавес опустился, и зрители увидели высокую гору, поросшую деревьями и кустарником, по склону ее протекающий ручей и пасущиеся стада, а среди них одетого по восточному молодого пастуха — Париса. Вот к нему приближается крылатый юноша Меркурий и подает золотое яблоко, а после одна за другой в соответствующих одеяниях — три богини в сопровождении многочисленных спутников и спутниц. В заключение с вершины горы брызнул поток вина, смешанного с шафраном, и наполнил ароматом весь театр, окрасив в желтоватый цвет пасущихся животных, а затем все сооружение скрылось из виду в подземном помещении.

Грандиозность и роскошь таких постановок требовала огромных затрат, но это с лихвой покрывалось тем, что отвлекало праздную толпу нищего люда, во что превратилась в результате рабовладельческой системы широкая масса народа, от открытого выражения недовольства. Октавиан Август придавал очень большое значение устройству народных развлечений не только театральных, но в особенности состязаний в цирках и амфитеатрах⁹. Он сам в своем завещании, известном под названием «Деяния божественного Августа», заявлял, что четыре раза устраивал гладиаторские игры от своего имени и 23 раза за других лиц, много раз травил зверей и т. п., причем выставил в общем 10 тысяч гладиаторов («Анкирский памятник», 22; Светоний, «Божественный Август», 43). Его приемники продолжали такую политику.

⁹ См. Л. Фридендер. Картины из бытовой истории Рима в эпоху от Августа до конца династии Антонинов, ч. I (русск. пер.). СПб., 1914, стр. 483—626; М. Е. Сергеевко. Жизнь древнего Рима. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 245—253.

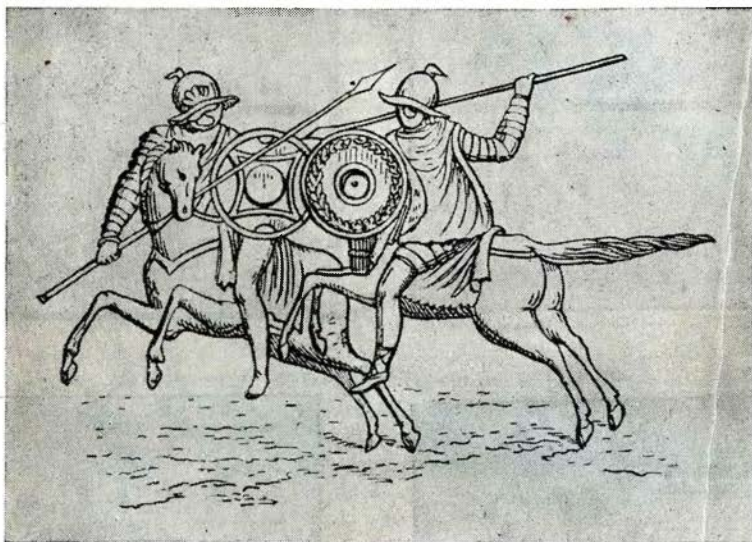
Началось это еще во времена республики, и даже Цицерон не видел ничего предосудительного в кровавых зрелищах гладиаторских боев и находил вполне естественным стремление

Наездники в разноцветных одеждах, готовящиеся к цирковым состязаниям.
Мозаика из одной виллы близ Рима

народа собираться на эти игры так же, как на комедии и другие общественные собрания («За Сестия», 106; 115—116). А честолюбцы вроде Помпея и Юлия Цезаря отдавали на устройство игр целые состояния, чтобы снискать голоса избирателей при выборах и затем в качестве наместника в провинции

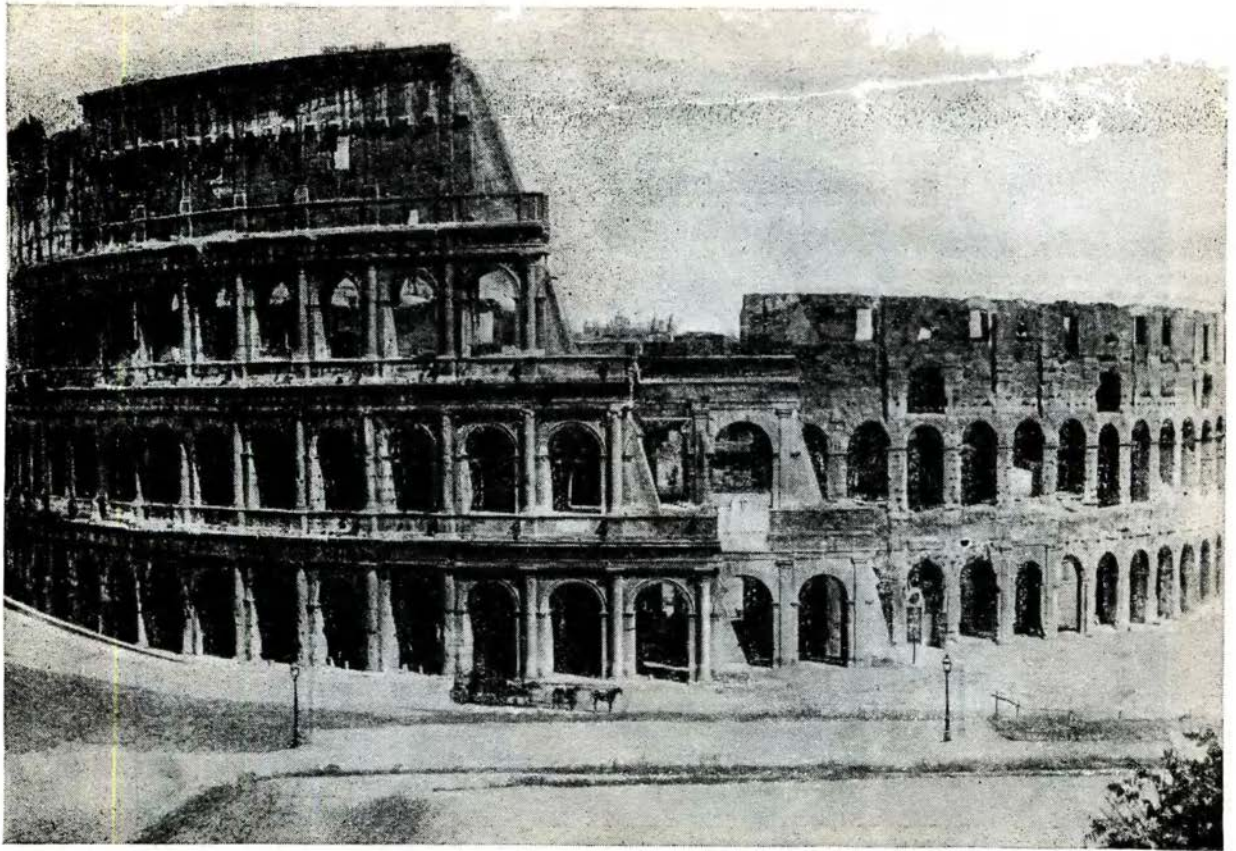
поправить состояние с лихвой всякого рода поборами (Светоний, «Божественный Юлий», 10). А Милон в 53 г. до н. э., добываясь консульства, потратил три наследства (Цицерон, «За Милона», 95; «К брату Квинту», III, 8, 6; III, 9, 2). В эпоху империи расходы на устройство зрелищ еще увеличились. Тиберий платил заслуженным гладиаторам по 100 тысяч сестер-

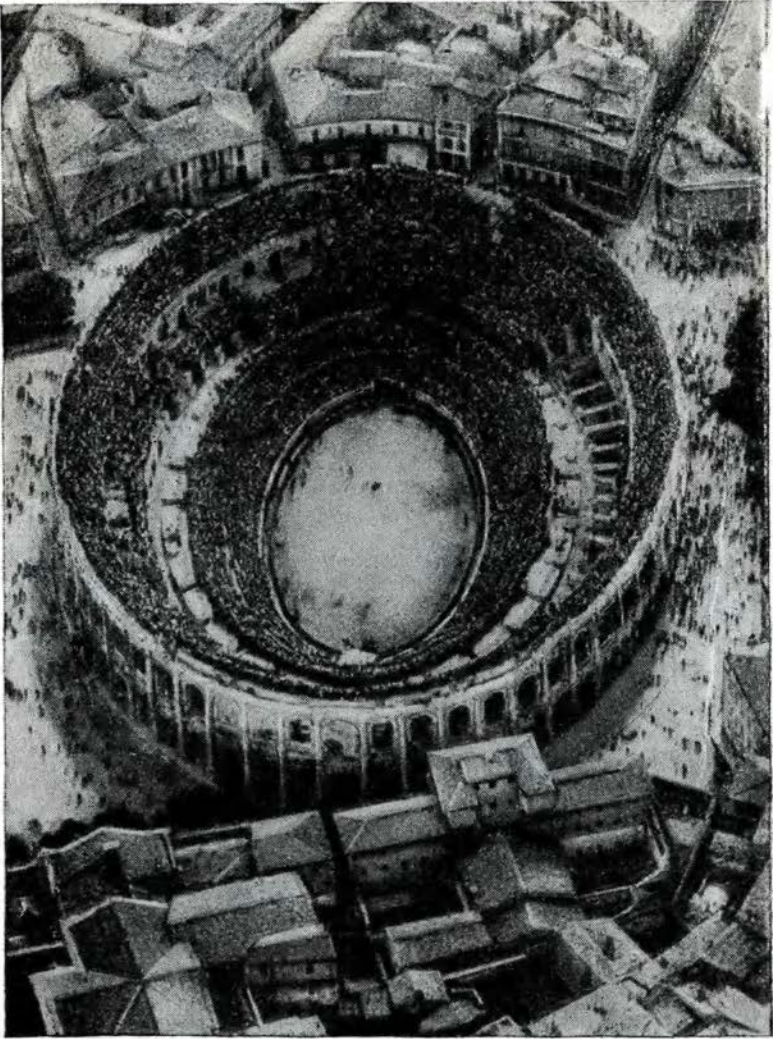
Бой гладиаторов. Часть рельефа на надгробном памятнике Умбриция Скавра в Помпеях

циев (Светоний, «Тиберий», 7, 1). Адриан в должности претора в 107 г. н. э. истратил на устройство игр два миллиона сестерциев — около 217 710 рублей («Писатели истории августов», «Адриан», 3). Увлекались играми не только мужчины, но и дамы из высшего общества, сами участвуя в гладиаторских упражнениях (Ювенал, VI, 246—247). На аренах появились бойцы самых различных национальностей и дикие звери редкостных пород (Дион Кассий LI, 22)¹⁰. Примером этого может служить знаменитый рассказ об Андрокле из времен Клавдия. В римском цирке его, как беглого раба, вывели на растерзание страшному африканскому льву, но к

¹⁰ См. М. Е. Сергеенко. Жизнь древнего Рима, стр. 226—244.

Колизей — амфитеатр Флавиев в Риме. I в. н. э. *Современный вид*

Амфитеатр в Ниме (Франция). Современный вид сверху

удивлению зрителей этот лев, приблизившись к Андроклу, завилял хвостом и стал лизать ему руки. Оказалось, что, когда он скрывался в пещере, туда пришел этот лев с поврежденной лапой, и Андрокл вынул из нее большую занозу и залечил рану. По требованию зрителей ему была дана свобода, и он потом водил этого льва, собирая пожертвования (Геллий, V, 14).

Особенно ценились выступления добровольцев, которым за проявленную доблесть нередко давали свободу (Петроний, 45). Заслуженные гладиаторы у Тиберия получали награды в 100 тысяч сестерциев (Светоний, «Тиберий», 7, 1). Много внимания самым разнообразным видам состязаний и боев уделял Калигула (Светоний, «Калигула», 18—20). Императоры династии Флавиев — Веспасиан, Тит и Домициан — прославили себя постройкой величайшего амфитеатра — Колоссея (Колизея), вмещавшего не менее 45 тысяч зрителей. Остатки амфитеатров сохранились в разных местах. В Помпеях амфитеатр был построен Суллой в 80 г. до н. э. Первоначально такие постройки делались деревянными, как показывает страшная катастрофа, случившаяся в 27 г. н. э. в Фиденгах при Тиберии, когда под тяжестью огромного количества зрителей рухнули подмостки и похоронили под собой или изувечили множество людей (Тацит, «Анналы», IV, 62). Довольно хорошо сохранились остатки амфитеатра в Немаусе (Ним) во Франции. Эти здания, имевшие специальные приспособления под землей, служили нередко для «навмахий» — морских сражений, для чего арена заполнялась водой. Впрочем, в эпоху империи для гладиаторских боев иногда пользовались цирками и театральными зданиями.

Гладиаторами чаще всего были рабы или преступники, которых посылали в специальную школу (*ludus*), где их обучали опытные мастера этого дела (*lanistae*). Такое здание известно нам в Помпеях. Прославлена была школа в Капуе, откуда вышел Спартак, поднявший в 73 в. до н. э. знаменитое восстание рабов (Аппиан, «Гражданские войны», I, 116). Направление в школу гладиаторов, которым предстояло для потехи зрителей биться с дикими зверями или друг с другом, было почти равносильно присуждению к смерти¹¹. Когда император Клавдий отправлял гладиаторов на устроенную им навмахию на Фуцинском озере, бойцы кричали ему: «Будь здоров, император, идущие на смерть тебя приветствуют!» (*Have, imperator, morituri te salutant!*) Этот возглас вошел потом в поговорку. Два флота сразились тут — сицилийский с родосским, каждый в

¹¹ Th. Mommsen. Römisches Strafrecht. Berlin, 1899, SS. 925, 953.

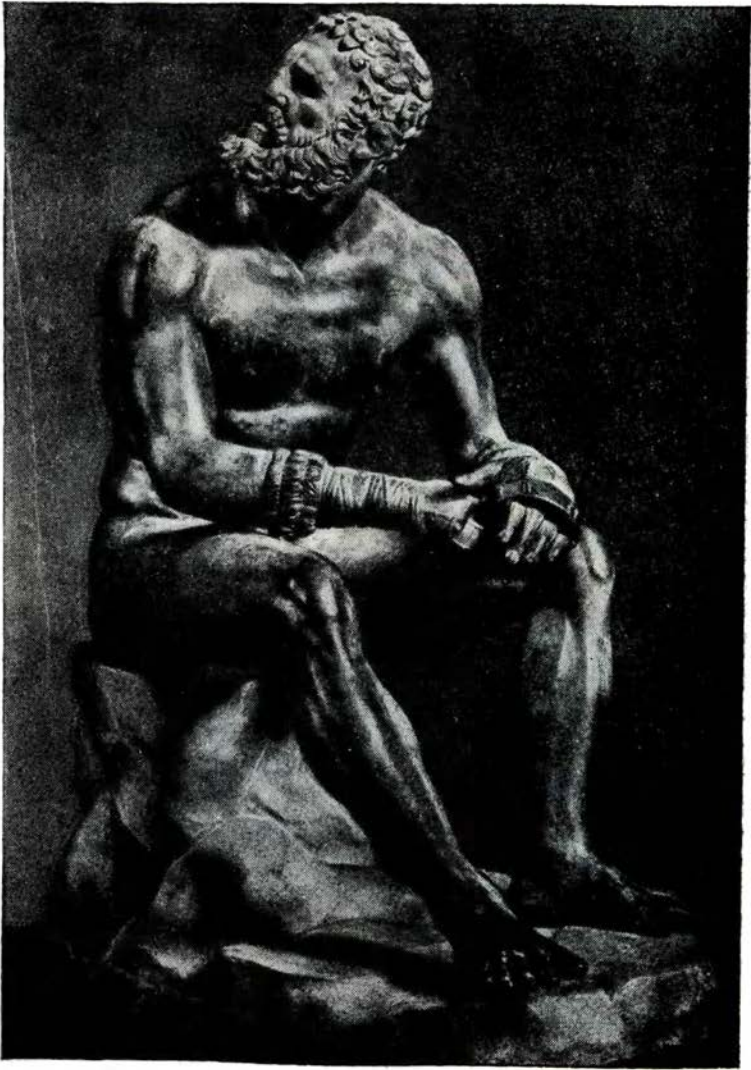
составе 12 трирем (триэр) (Светоний, «Божественный Клавдий» 12, 6; Тацит, «Анналы», XII, 56).

Овидий говорит, что в устроенном Августом в каком-то амфитеатре морском сражении принимали участие афинские и персидские корабли, а зрители собрались со всего света — *ingens orbis in Urbe fuit* («Наука любви», I, 171—174).

Во время империи особенное развитие по роскоши и азарту получили конские ристания — скачки на колесницах. Наряду с простыми возницами-жокеями в них принимали участие знатнейшие люди государства и сами императоры, особенно Коммод и Каракалла (Дион Кассий, XXII, 22; XXVI, 7). В Риме для этих целей с давних пор была приспособлена ложбина между Палатинским и Авентинским холмами. Здесь был построен «Величайший цирк» — *Circus Maximus* (протяжением в 600 и шириной в 150 метров, вмещавший до 200 тысяч зрителей). Такое стечение народа приобретало смысл как бы народного собрания, и нередко народ пользовался случаем, чтобы заявлять императору свои пожелания (Тацит, «Истории», I, 72, 3), особенно об отпущении на волю отличившихся бойцов (Дион Кассий, LVII, 11; LXIX, 16, 3). А иногда императорам приходилось выслушивать и брань (Тертуллиан, «О зрелищах», 16). Вместе с тем эти зрелища развивали среди зрителей такой азарт и такие страсти, что сочувствие к тому или другому вознице среди публики соединялось с политическими симпатиями граждан, особенно в больших городах, как Рим, Византия-Константинополь, Антиохия, Александрия и другие. По цвету одежды излюбленных возниц и партии получили названия — «белых», «зеленых», «красных» и «голубых». Лукиан говорит о лошадиной мании среди своих современников («Нигрин», 29). Невежественный герой романа «Сатирикон» Тримальхион, как и некоторые из его рабов, причислял себя к «зеленым» (Петроний, 70). Сам Нерон принадлежал к этой партии (Светоний, «Нерон», 22, 1). В соответствии со своими симпатиями принято было и одежду носить такого же цвета (Марциал, XIV, 131). Вот как описывает один из таких праздников Ювенал (XI, 193—200):

Празднство в эти часы в честь Кибелы пышно справляют.
Зрелища ждут — мановенья платка, и, как на триумфе,
Претор сидит (на коней разорился он); если позволят
Во всеуслышанье мне говорить при толпах народа,
Я бы сказал, что цирк вместил всю столицу сегодня;
Крик оглушителен: я узнаю о победе «зеленых».
Если бы не было игр, ты увидел бы Рим наш печальным
И потрясенным, как в дни поражения консулов в Каннах.

(Перевод Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского)

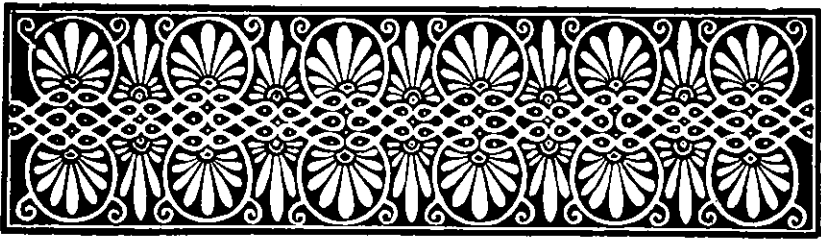
Кулачный боец. Бронзовая статуя работы Аполлония I в. до н. э.
Рим.

Само собой разумеется, что каждая партия старалась привлечь на свою сторону лучших бойцов и награждала их богатыми подарками. Марциал говорит о вознице Скорпе, который за одну победу получил 15 мешков золота (X, 74, 5—6). Ювенал сравнивает доход сотни юристов с доходами одного наездника «красных» — Лацерты (VII, 112—114). А таких знаменитостей, как он, по улицам провожали толпы поклонников (Плиний Старший, XXIX, 5, 3). Марциал мог жаловаться, что его стихи начинают читать лишь тогда, когда прискучат разговоры о наезднике Скорпе и его скакуне (XI, 1, 13—16). Наиболее подробный рассказ о цирковых играх и приготовлениях к ним содержится в «Письмах» писателя IV в. н. э. Симмаха. В дальнейшем соперничество между партиями цирка свелось к борьбе двух из них — «зеленых» и «голубых» и она вылилась в политическую борьбу, в гражданскую войну. В Константинополе в 532 г. н. э. она едва не стоила жизни и власти Юстиниану.

Уже Ювенал оценивал значение этой нездоровой страсти к кровавым зрелищам в жизни уличной толпы, которая развращена окружающей обстановкой, способна ценить только баблвей минутного счастья и слоняется по улицам города, оглашая их криками: «Хлеба и цирковых зрелищ» — *Panem et circenses!* (X, 80—81). Это было уже предвестием конца рабовладельческого общества.

В заключение нам необходимо отметить еще одну черту уличной жизни, которая осталась в наследство средневековой культуре — бродячих актеров. Одна интересная помпейская мозаика воспроизводит такую сценку: два артиста явно не европейской национальности исполняют какую-то пляску — один с большим бубном, другой с «тарелочками» в руках; рядом стоит женщина, играющая на двойной флейте, и пожилой мужчина малого роста вроде карлика. Это — прообраз тех мимов (*iaculatores*), которые в средние века получили название «жонглеров».

ГЛАВА XVIII

ВОСПИТАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ В АНТИЧНОМ МИРЕ

В древности, как и у нас, одним из важнейших вопросов повседневной жизни было дело физического и морального воспитания подрастающего поколения¹. На это обращали большое внимание величайшие мыслители древности — в IV в. до н. э. Демокрит, Платон и Аристотель, — особенно в планах наилучшего государственного устройства, а во II в. н. э. Плу- тарх — не только в знаменитых «Жизнеописаниях», но и в специальном трактате «О воспитании», входящем в состав его «Моральных сочинений». В римской литературе эта тема подробно рассматривается в сочинении Квинтилиана (конец I в. н. э.) «Образование оратора», особенно в I книге; много интересных сведений разбросано в сочинениях Цицерона, в «Диалоге об ораторах» Тацита, в «Письмах» Сенеки и у некоторых поздних писателей, например у Августина («О граде божием») и других, у писателя V в. н. э. Марциана Капеллы в сочинении «Сатура, или О свадьбе Меркурия и Филологин». Помимо этого, обильный материал дает нам пластическое искусство и особенно вазовая живопись, которая много занималась темами повседневного быта.

¹ См. Е. Н. Медынский. История педагогики. Учпедгиз, М., 1938; И. Ф. Свядковский. Хрестоматия по истории педагогики, изд. 3, т. I. Изд-во Наркомпросс, М., 1938; П. Монро. История педагогики (русс. пер.), изд. 4, т. I. М., 1923; E. Moore. History of instruction, t. I. New York, 1936.

Каждый народ в процессе своего культурного развития вырабатывает какие-нибудь порядки воспитания детей. Греческому народу принадлежит бесспорная заслуга, что он первый поставил это дело на высокий уровень, сделав его частью всей своей культуры, и нашел теоретические основы, которые могли служить образцом для других народов и прежде всего для римлян².

В новое время в поговорку вошло воспоминание о суровости спартанского воспитания. О нем интересные сведения сообщают нам главным образом Ксенофонт в «Лакедемонской политике» и Плутарх в «Жизнеописании Ликурга». Система эта все внимание сосредоточила на том, чтобы из молодых людей создавать крепких, сильных, закаленных и строго дисциплинированных воинов. Для этой цели ребенка вскоре после рождения приносили на осмотр к старейшим членам филы и только в том случае, если они признавали его здоровым, разрешали его воспитывать, иначе же приказывали выбросить или уничтожить («Ликург», 16). Едва мальчик переставал нуждаться в материнском попечении, его передавали в распоряжение специального должностного лица — педонома, под руководством и надзором которого он и получал суровую закалку со строгими ограничениями в пище, одежде и во всем образе жизни; он зачислялся в роту (илу) и стадо (агелу), причем не только педоному, но в случае его отсутствия и любому гражданину предоставлялось право надзора и наказания (Ксенофонт, 2, 2—11; Плутарх, 16). Для развития ловкости и находчивости мальчикам разрешалось даже воровать с условием — не попадаться, что, естественно, не могло не возмущать посторонних (Плутарх, 17; Исократ, XII, 211). В круг воспитательных средств включалась жестокая порка даже ни в чем не провинившихся в целях испытания выносливости, и происходило это перед статуей Артемиды Орфии — своеобразный пережиток жертвоприношения (Павсаний, III, 16, 7—11).

Система эта распространялась и на юношей. Молодым людям строго предписывалось скромно держать себя в общественных местах — не возвышать голоса, ходить по улицам мол-

² См. Г. Е. Жураковский. Очерки по истории античной педагогики. Учпедгиз, М., 1940; Ж. Уссинг. Воспитание и обучение у греков и римлян (русск. пер.), изд. 2. СПб., 1891; Н. Blümner. Griechische Privataltertümer (K. F. Hermann, Lehrbuch der griechischen Antiquitäten, Bd. IV). Freiburg — Tübingen, 1882; P. Girard. L'éducation athénienne au Ve et IVe siècle av. J. C. 2 ed. Paris, 1891; K. J. Freeman. Schools of Hellas. A essay on the practice and theory of ancient greek education from 600 to 300 b. C. London, 1912; W. Jaeger. Paideia; 3 Bände. Berlin, 1954—1955.

ча, держа руки под плащом и т. д. (Ксенофонт, 3, 2—5). С этим надо связывать и типичный для спартанцев «лаконизм» — краткость и выразительность речи, отмеченный еще Гомером в характеристике Менелая в противоположность искусной и многословной речи Одиссея («Илиада», III, 213—215):

Царь Менелай всегда говорил, изъясняясь бегом,
Мало вещал, но разительно; не был Атрид многословен,
Ни в речах околичен.

(Перевод Н. И. Гнедича)

Такие нравы поддерживались и среди взрослых в общих столовых «сисситиях» или «фидитиях». Впрочем, в конце V и в следующие века в результате военных успехов, наплыва богатства и чужеземных влияний первоначальная строгость нравов нарушилась, и осталась культурная ограниченность. Экономическое разорение некоторых спартиатов лишало их возможности на равных правах участвовать в совместном столовании, и они исключались из общины «равных» (Аристотель, «Политика», II, 6, 21, р. 1271 *a* 26—37).

Физическую крепость и выносливость спартиаты полагали в основу воспитания и женщин, приобщая их к различным видам спорта, и предоставляли им гораздо больше самостоятельности, чем остальные греки (Ксенофонт, I, 4—10). Этим и объясняется, что спартанские женщины могли играть значительную роль в общественной жизни (Аристотель, «Политика», II, 6, 7—8, р. 1269 *b* 31—41; II, 6—11, р. 1270 *a* 23—25).

Обращая так много внимания на физическое развитие граждан, спартанцы оставляли в пренебрежении умственное развитие (Плутарх, 16), даже грамоту (Исократ, XII, 209).

Лучше всего нам известен порядок воспитания у афинян. На седьмой или десятый день после рождения ребенка отец, взяв его на руки и этим показав, что признает его своим, пробежал с ним вокруг домашнего алтаря (*ἄμφιδρόμια*) в знак приобщения его к домашнему культу. При этом отец нарекал ребенку имя, а затем представлял его членам фратрии и вносил имя его в список ее членов. Особая жертва приносилась за ребенка на третий день праздника Апатурий; вторично — при достижении зрелости³.

Первый необходимый уход за ребенком, естественно, приходился на долю матери и нянек, которые пользовались приблизительно такими же средствами, какие применяются до сих

³ E. Sauter. Familienfeste der Griechen und Römer. Berlin, 1901, SS. 59—62; 70—73.

пор, укачивали и убаюкивали ребенка (Платон, «Законы», VII, 2, р. 790 D). В обиходе были всевозможные игрушки, фигурки зверей, куклы, коляски и т. п. Много образцов таких игрушек найдено при раскрытии древних могил. Для младенческого возраста пользовались погремушками, сопровождая их песнями. Об этом живо напоминает нам одно место из частично сохранившейся трагедии Эврипида «Гипсипила», где героиня, имевшая несчастье попасть в плен и сделаться рабыней, в качестве няньки царского сына в Немее под звуки погремушки поет печальную песню о памятном для нее корабле Арго и об аргонавтах⁴. Такая песня, введенная в трагедию, своей обыденностью смутила изысканные вкусы и вызвала насмешки Аристофана («Лягушки»; 1305—1306). Изобретение какого-то вида погремушки Аристотель приписывал философу пифагорейцу Архиту Тарентскому («Политика», VIII, 6, 1, р. 1340 b 25—28). Важным воспитательным средством были сказки (Платон, «Государство», II, 16, р. 377 A—C). Аристофан упоминает какую-то сказку про молодого Меланиона («Лисистрата», 782—796). Вазовая живопись нередко изображает игры детей с домашними животными. А молодежь старшего возраста особенно увлекалась петушиными боями (Платон, «Законы», VII, 1, р. 389 BC).

После достижения детьми семилетнего возраста воспитание мальчиков велось отдельно от девочек. Девочки оставались в домашнем кругу под наблюдением женщин. Однако грамоте они обучались совместно с мальчиками. Впрочем, это продолжалось недолго, так как в 12—13 лет их уже считали невестами и рано выдавали замуж. Исхомах, которого Ксенофонт представляет образцом домохозяина, заявляет, что жену он взял, когда ей не было еще 15 лет, а в родительском доме ее тщательно оберегали, чтобы она как можно меньше видела, как можно меньше слышала и спрашивала и чтобы была только скромной (σώφρων). Мужу, таким образом, приходилось ее прежде всего «приручать» к себе и приучать к разговору, а затем воспитывать и учить («Экономик», 7, 4—15). Перед замужеством девушка должна была расстаться со своими детскими забавами, исполнить полагающиеся религиозные обряды и посвятить Артемиде своих кукол.

Мальчиков с семилетнего возраста передавали под наблюдение одного из рабов, который становился его дядькой — «педагогом» (παιδαγωγός). Первой обязанностью этого дядьки

⁴ Н. Arnim. Supplementum Euripideum. Bonn, 1913, р. 49; Ф. Ф. Зелинский. Из жизни идей, изд. 3, т. I. СПб., 1916, стр. 127—176.

было, как показывает самое название его (от слов: παιδα αἰετιν), водить мальчика в школу. Но этим, конечно, дело не ограничивалось: он и наблюдал за ребенком и кое-чему учил. Поэтому было важно выбрать для такой цели подходящего человека, не бездельника или пьяницу. Демосфена, когда он был подростком, педагог сопровождал на слушание нашумевшего в его время политического процесса, на котором с блестящей речью выступал оратор Каллистрат — это определило дальнейшую карьеру мальчика (Плутарх, «Демосфен», 5). Однако в действительности редко бывало, чтобы отцы уделяли должное внимание выбору педагога.

В Греции существовало предание, будто в VII в. до н. э. в Фуриях первый законодатель Харонд установил закон об обязательности всеобщего обучения грамоте и о государственной оплате учителей (Диодор, XII, 12, 5). Этот рассказ, по-видимому, основан на преувеличении и не подтверждается другими источниками. Однако не подлежит сомнению, что в Афинах законы требовали, чтобы отец воспитывал сына, обучая его «музыке и гимнастике» (Платон, «Критон», 12, р. 50 D; «Протагор», 15, р. 325 C—326 E; «Законы», VIII, 6, р. 725 D; Исократ, VII, 45). Под словом *музыка* разумелись все формы обучения, считавшиеся под покровительством муз, то есть все отрасли знания и в первую очередь чтение, письмо и счет, а также музыка в нашем смысле, так как ей приписывалось большое моральное действие (Аристотель, «Политика», VIII, 2, 3, р. 1337 b 23—34). По закону Солона отец, не давший сыну достаточного образования, не научивший его никакому полезному знанию, или опекун, не сделавший этого, не мог жаловаться, если бы сын или воспитанник отказался содержать того или другого в старости (Демосфен, XLIII, 75). Понятно, беднейшие семьи не могли идти в деле обучения далее элементарных требований чтения, письма и счета.

Образование было делом частной инициативы в течение всего периода классической Греции. Начальное образование давалось в школе «грамматиста», который, как показывает название (от слова γραμμα «буква»), учил «буквам», то есть читать и писать. «Посылая детей в школы к учителям, — так объясняет этот порядок Протагор в диалоге Платона («Протагор», 15, р. 325 DE), — родители наказывают им заботиться о добром порядке (εὖμοσμίᾳ) детей больше, чем о грамоте и игре на кифаре, а учителя заботятся, конечно, и об этом, а когда дети выучат буквы и начнут вникать в смысл написанного так же, как раньше в значение звуков, предлагают им читать на скамьях вслух произведения хороших поэ-

тов и заставляют разучивать их наизусть. Грамматисты, — продолжает далее Протагор (там же, 15, р. 326), — детям, еще не научившимся писать, дают табличку (γραμματεῖον) и заставляют писать по прописям». Среди поэтов особенное значение придавалось разучиванию и толкованию поэм Гомера, стихов Солона, моральных изречений (гном) Феогида, песен Симонида, Пиндара и т. д. (там же, 26, р. 339 А — 340 D).

О манере обучения лучше всего мы можем судить по вазовым картинкам художника Дуриса середины V в. до н. э. (см. рис.). На одном рисунке мы видим, как учитель развертывает папирус, на котором можно прочесть начало какой-то поэмы: «Муза моя, про Скамандра текучего петь начинаю». Видимо, он заставляет ученика, стоящего перед ним, повторять за собой эти слова. На другом рисунке учитель, раскрыв складень, как будто проверяет написанное. На обеих картинках слева представлены одновременно уроки пения и музыки под аккомпанемент флейты. Справа на той и другой картине видны фигуры «педагогов», которые привели своих питомцев и в ожидании конца занятий прислушиваются к урокам и кое-чему научаются сами.

Образцы школьных упражнений на папирусах, воощенных табличках и даже на простых черепках в большом количестве имеются у нас, открытые при раскопках в Помпеях и в разных городах Египта⁵.

С образом учителя-грамматиста знакомит нас одна короткая сценка из сборника «Мимиямбов» (III) писателя III в. до н. э. Геронда. Мать, на шее которой вся семья, так как муж ее неработоспособный инвалид, приводит к учителю Ламприску своего сына-сорванца, отбившегося от рук, и, рассказав о его проделках, просит хорошенько выпороть его, и учитель охотно выполняет ее просьбу. Одна картина в помпейском доме воспроизводит подобную же сцену. Ясно, что такой метод обучения был общепринятым. Упоминает об этом и Платон («Протагор», 15, р. 325 D). Аристофан, протестуя против новых направлений в воспитании детей, с одобрением вспоминает благовоспитанное поведение детей в прежнее время: «Во-первых, нельзя было услышать даже голоса мальчиков; затем, ходили они по улицам в стройном порядке в школу кифариста все из одного квартала, не кутаясь в плащи, хотя бы шел крупинками снег. Сидели они скромно, сомкнув ноги, когда учитель давал

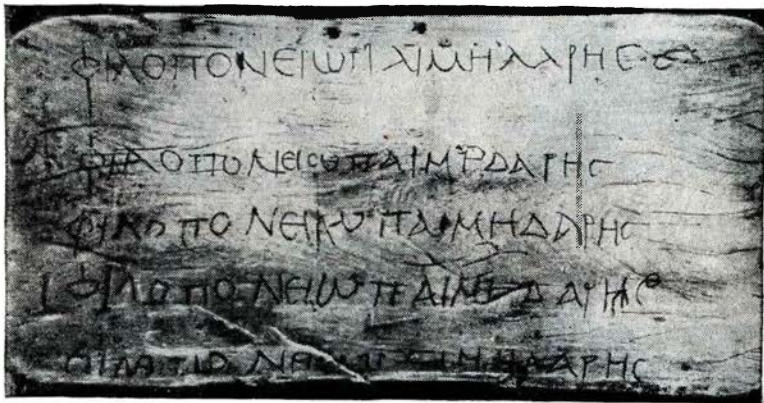
⁵ См. Б. В. Варнеке. Жизнь школы 2100 лет тому назад. «Русская школа», 1911, № 3; В. П. Бузескул. Античность и современность, изд. 3. Л., 1924, стр. 110—131; E. Ziebarth. Aus dem griechischen Schulwesen, 2-te Aufl. Leipzig, 1914.

Греческая школа: 1) обучение музыке, чтению и письму; справа — «педагог», 2) обучение музыке и пению, разучивание стихов, справа — «педагог». Ваза Дуриса середины V в. до н. э.

им заучивать песню вроде «Паллады — крушительницы городов» или «Далекозвучающего клича», и они подхватывали напев, который передали им отцы. Если же кто-нибудь допускал шутство или загибал выкрутасы вроде нынешних этих мудреных штук в духе Фриниса⁶, ему задавали лупцовку за то, что губит муз» («Облака», 963—972).

Характерно, что в одной из сохранившихся школьных табличек читается повторенная пять раз фраза: «Будь трудолюбив, мальчик, чтобы не быть высеченным».

Табличка с школьными упражнениями: «Будь трудолюбив, мальчик, чтобы не быть высеченным» (пять раз)

Большое значение в Афинах, как и в других греческих государствах, придавалось в деле воспитания спортивным занятиям. Мысль, что «в здоровом теле здоровый ум» *mens sana in corpore sano* (Ювенал, X, 356), проходит через всю историю античного мира. Идеал гражданина-воина, защитника отечества, имел огромное политическое значение, а вместе с тем и воспитание такого воина дало прекраснейшие образцы для всего античного искусства (см. гл. XIII); оно явилось прямой противоположностью аскетическим воззрениям средневековья.

Подростки мальчики занимались спортом в специальных школах—«палестрах» (от слова *πάλη* «борьба») под руководством учителей—«педотрибов». Юноши, достигшие 18-летнего возраста, приводились отцами на собрание дема и там

⁶ Модный музыкант у современников Аристофана.

после проверки их гражданского состояния (*δοκιμασία*) зачислялись в состав дема, а через это и в состав граждан государства. Затем они под названием эфэбов в течение двух лет проходили военную подготовку под общим руководством избранных народом 10 софронистов (по одному от каждой филы) и одного космета. Два педотриба и специальные учителя обучали их владеть оружием, стрелять из лука, метать дротики и обращаться с катапальтом, метательным орудием (римская *катапульта*, см. гл. XV). В течение всего двухлетнего срока эфэбы пользовались общественным питанием. После общенародного смотра в театре они получали от государства щит и копье и затем несли сторожевую службу в пограничных крепостях (Аристотель, «Афинская полития», 42). Остатки роскошных школьных зданий в Милете, Пергаме, Приене и других местах являются живым свидетельством забот, прилагавшихся к этому делу государствами и частной инициативой⁷.

Молодежь старшего возраста продолжала занятия физической культурой в гимнасиях (от слова *γυμνός* «обнаженный», поскольку физические упражнения обычно исполнялись без одежды). В Афинах особенно известны три гимнасии: Академия в роще, посвященной герою Академу, Ликей (Лицей) в парке Аполлона Ликейского и Киносарг при храме Геракла. Последняя предназначалась для «незаконорожденных» (Павсаний, I, 13, 3; Геродот, V, 63, 6; VI, 116). В гимнасиях имелись отделения для всех видов спорта — борьбы, бега, кулачных боев, конских ристаний и т. д. Но доступ в эти места был открыт для всех интересующихся, и собиралось много посетителей не только для активного участия в занятиях, но и ради простого любопытства, чтобы полюбоваться красотой, силой и ловкостью молодых людей. Художники находили тут прекрасные образцы для своего искусства. Ученые и философы могли вести беседы и читать лекции на научные темы. Каков был общий вид этих занятий в палестрах и гимнасиях, дает нам представление рассказ Лукиана (II в. н. э.) о встрече любознательного скифа Анахарсиса с Солоном («Анахарсис», 1—13). Для иноземцев все в греческих обычаях кажется странным: люди борются, как будто душат друг друга, подставляют ногу один другому, чтобы его повалить, то, намазавшись маслом, валяются в пыли или стараются поднять один другого на воздух, а начальник не только не разнимает борющихся, но даже поощряет их. А помещение, где все это про-

⁷ Э. Цибарт. Культурная жизнь древнегреческих городов (русск. пер.). М., 1916.

исходит, называется «гимнасий» и посвящено богу Аполлону Ликейскому. Имеется в виду знаменитый Ликей (Лицей), где в течение ряда лет вел свои занятия Аристотель. Но подобные же сцены наблюдались и во многих других местах, и этому придавалось такое значение, что победителям давались награды: на Олимпийских играх победитель получал венок из листьев дикой маслины, на Исфмийских — из сосновых веток, в Немее — из сельдерея, в Пифо (Дельфы) — яблоки с деревьев, посвященных богу, а в Афинах на празднике Великих Панафиней — кувшинчик с оливковым маслом, употреблявшимся для умащения тела. Солон объясняет гостю, что множество людей собирается на такие зрелища, чтобы любоваться доблестью борцов и красотой их тел, и собравшиеся громко выражают восторг, хвалят победителей и рукоплещут им. Рассказ Лукиана подтверждается множеством статуй атлетов, сохранившихся в подлинниках или в копиях римского времени.

Палестры и гимнасии оказывались удобными местами не только для физических занятий, но и для встреч ученых людей с молодежью и для поучительных бесед. Вот почему Платон избирает местом действия в некоторых диалогах то палестру Таврея на агоре («Хармид»), то Ликей («Эвфидем»). В диалоге «Лисис» оказывается, что Сократ идет из Академии в Ликей, и затем беседа происходит в палестре Микка. В диалоге «Феаг» беседа происходит в портике Зевса, куда зазывает Сократа его собеседник. На песке дорожек или на золе алтаря было удобно вычерчивать геометрические фигуры или топографические, географические карты, как это делали многие, когда, например, Алкивиад подготавливал общественное мнение к злосчастной экспедиции в Сицилию в 415 г. до н. э.: на песке рисовали положение Сицилии, даже Ливии и Карфагена, стараясь показать близость их и легкость похода (Плутарх, «Алкивиад», 17). Так для молодежи в палестрах и гимнасиях открывалась возможность получать весьма разностороннее образование. Постепенно оно становилось регулярным и энциклопедическим — *ἐπιχειρηματικὸς παιδεία*, как стали называть такой «круг» занятий по примеру Аристотеля (ср. «Политика», I, 2, 22, р. 1255 b 25; II, 2, 3, р. 1263 a 21; см. ниже).

Важная роль в распространении научных знаний принадлежала, несомненно, первым софистам при всех отрицательных свойствах их, на которые так односторонне указывали Сократ и его последователи.

В IV в. до н. э. Платон избрал местом для занятий со своими учениками гимнасий в Академии, и тут же продолжа-

Кавалькада эфебов. Фриз Парфенона

ли оставаться его преемники, отчего и вся его научная школа получила в дальнейшем название «академической». Аристотель стал вести занятия с учениками в «перипатах» (проходных портиках) Ликее, почему его школа стала называться «перипатетической» или Ликеем. В Киносарге устроились последователи Антисфера и Диогена, за которыми, отчасти вследствие презрительного отношения к ним, установилось прозвище «киников» (циников). В III в. до н. э. Хрисипп положил начало школе стоиков, устроившись для занятий в Пестром (то есть расписном) портике — «Стое», Эпикур свою материалистическую школу поместил в «Садах».

Так по частной инициативе и на частные средства возникли в Греции научные школы, отразившие в себе главные направления античной науки. Позднее в Александрии, Пергаме и некоторых других важных политических центрах возникли разнообразные школы и научные учреждения на средства и под покровительством местных властителей, которые созданием их старались снискать себе славу и придать блеск своему правлению. Таковы были огромные библиотеки в Александрии и в Пергаме, «Музей», то есть храм муз, своего рода академия наук, в Александрии и т. п.

Одновременно с философскими стали возникать и риторские школы. Начало было положено Горгием в конце V в. до н. э. По его примеру стал обучать красноречию Антифонт. Но у них дело сводилось скорее к частным урокам. Подлинным же основателем высшей общеобразовательной школы, своего рода университетом, надо считать Исократ (приблизительно 436—338 гг. до н. э.). Понимая, как важно для оратора широкое образование, он ввел в своей школе преподавание не только технических приемов и навыков, но также изучение истории, литературы, философии, права и т. п. Из этой школы вышло много политических и научно-литературных деятелей, как историки Филиск, Эфор, Феопомп и другие. О методах своего преподавания Исократ довольно подробно рассказал в большой речи «Об обмене имущества» (ок. 355 г. до н. э.). Здесь он высказывался за необходимость соединять гимнастические занятия с теоретическими, а теорию с практикой (XV, 180—185). Признавая важное значение природных способностей и таланта, он проводит мысль, что можно достичь больших успехов усидчивой работой, а соединение таланта с ученостью доставляет человеку несравненное преимущество (XV, 190—191). Свой интерес к ораторскому искусству он объяснял тем соображением, что язык составляет главное отличие человека от животного (XV, 293—294). Образец

своей тщательной работы Исократ показал в знаменитой «Панафинейской речи» (342—339 гг. до н. э.), которую много раз исправлял и дополнял согласно советам слушателей (XII, 200, 218, 289). А в речи «Против софистов» (390 г. до н. э.) он решительно ополчился против верхоглядства и хвастовства учителей, которые увлекают неопытную молодежь неосуществимыми обещаниями, суля ей легкие успехи (XIII, 9).

По мере того как росла потребность в образовании и увеличивалось число школ и учителей, вырабатывалась на основе опыта педагогическая теория. Из того немногого, что сохранилось в памяти потомства, мы можем остановиться на педагогических взглядах Платона, Аристотеля и Демокрита, а из более поздних — на взглядах Плутарха.

Мы сразу можем увидеть, что педагогические взгляды Платона и Аристотеля, как и материалиста Демокрита, определяются отношением человека к государству⁸.

Ограниченность воззрений Платона заключается в том, что он свою воспитательную систему предназначал только для избранного круга граждан, для правителей своего идеального государства. Стараясь представить образ этих «стражей», Платон прослеживает шаг за шагом порядок их воспитания и духовного роста. До надлежащего уровня может, по его мнению, возвыситься любой гражданин — как мужчина, так и женщина («Государство», V, 3, р. 451 DE; 5, 455 D — 456 A). Воспитание их идет по двум направлениям: для тела — гимнастика, для души — музыка (II, 17, р. 376 E, ср. III, 18, р. 411 E — 412 A). Платон, как и Аристотель, считал необходимым сочетание этих двух элементов, придавая большое воспитательное значение музыке (в нашем смысле слова), как развивающей любовь к прекрасному (III, 12, р. 402 A — 403 C; 13, р. 404 E). Стремясь к внедрению правдивости, он тем не менее признает воспитательное значение сказок при условии строгого выбора их содержания (II, 17, р. 377 A). С таким же выбором допускаются и поэтические произведения (II, 18, р. 379 A). Из наук Платон особенно выдвигает значение арифметики, геометрии и астрономии, а с гимнастикой он сближает по значению медицину (III,

⁸ «Педагогические воззрения Платона и Аристотеля». Сборник под ред. Ф. Ф. Зелинского. Пг., 1918; Н. И. Новосадский. Педагогические идеалы Платона. «Варшавские университетские известия», 1904, № 1; L. Richter. Zur Wissenschaftslehre von der Musik bei Plato und Aristoteles. Berlin, 1961.

14, р. 406 А; VII, 8, р. 525 А — 9, р. 526 С; 10, р. 527 D), над всеми же науками он ставит диалектику (в античном смысле) как науку, которая стремится определить сущность всякой вещи и особенно идею добра (VII, 13 р. 531 С — 14, р. 534 E). В идеалистических взглядах Платона интересно выделить общий принцип: «Никакую науку свободному человеку не следует изучать рабски» и «никакое знание не держится прочно, если внедряется насильственно», а следовательно, лучше всего детям преподавать его в виде игры (VII, 16, р. 536 E, ср. «Законы», VII, 21, р. 819 B). В «Законах» Платон, стараясь свое учение приблизить к жизни, предупреждает, что воспитание детей не частное дело, а государственное, и школьное обучение должно проводиться в обязательном порядке (VII, 11, р. 804 D). Он высказывает даже мысль, что привычки, усвоенные в детских играх, переносятся и на законодательство (VII, 7, р. 797 А — 798 С): он имеет в виду устойчивость полученных навыков. Эти рассуждения Платона можем заключить его словами: «Правильным воспитанием можно считать лишь такое, которое способно прекраснее и лучше всего совершенствовать тела и души» («Законы», VII, 1, р. 788 С).

Аристотель, набрасывая свою систему правильного государства, ставит ее в зависимость от общего уклада жизни самих граждан («Политика», VII, 11, р. 1323 а 14—16). Так как по природе люди различаются на старших и младших, на правителей и управляемых, основой всякого воспитания должно быть условие, что, кто хочет управлять другими, должен прежде всего уметь повиноваться (VII, 13, 4, р. 1333 а 2—3). Сама жизнь представляет два направления — деятельность и досуг, войну и мир; деятельность же обращается на добывание чего-нибудь или необходимого и полезного, или прекрасного. Поэтому воспитание должно ставить себе соответствующие цели (VII, 13, 8, р. 1333 а 30—9, р. 1333 б 5). В нем имеют значение три элемента: природное дарование, привычка и рассудительность, и важно, чтобы эти свойства были в согласии между собой (VII, 13, 21, р. 1334 б 6—10).

Рассмотрение вопроса о воспитании Аристотель начинает с момента заключения брака между родителями и рождения детей, причем в духе спартанских нравов считает вполне естественным отказ от воспитания родившихся калек или уродцев (VII, 14, 1, р. 1334 б 23—10 р. 1335 б 26). Говоря о воспитании, он учитывает и физическую и моральную сторону, причем большое значение придает играм и сказкам и особенно домашней обстановке, не допускает непристойных зрелищ и сквернословия в присутствии детей (VII, 15, 1, р. 1336 а 2—11,

р. 1337 а 7). В выборе предметов обучения характерна типично рабовладельческая точка зрения: он различает «благородные», то есть не требующие физического напряжения и не оплачиваемые деньгами занятия от ремесленных, оплачиваемых и потому недостойных свободного человека (VIII, 1, 3, р. 1337 а 33 — 2,6, р. 1338 а 30). Такая точка зрения, как увидим дальше, нашла в позднейшее время выражение в цикле «семи свободных искусств». Аристотель дает этому свое объяснение: «Искать повсюду одной пользы менее всего подобает людям высоких душевных качеств и свободы» (VIII, 3, 2, р. 1338 б 9 — 14).

Чрезмерная перегрузка молодых людей тяжелыми физическими занятиями, применяемая у спартанцев, по мнению Аристотеля, калечит людей (VIII, 3, 3, р. 1338 б 9—14). В противоположность этому он выдвигает принцип — достижение прекрасного, а не уподобление скотам (VIII, 3, 5, р. 1338 б 19—20). Музыка имеет способность оказывать действие на состояние души и потому имеет воспитательное значение (VIII, 5, 9, р. 1340 б 10—15). На вопросах воспитания он останавливается и в «Этике», где показывает, что оно должно быть направлено на достижение добродетели (I, 13, 2—5, р. 1102 а 8—15; X, 9, 1—21, р. 1179 а 33 — р. 1181 б 12).

Другое направление в педагогической мысли представляет Демокрит (ок. 460 — 370 гг. до н. э.) — решительный сторонник демократического строя. Хотя из его сочинений мы имеем лишь ничтожные отрывки, тем не менее некоторые его взгляды нам достаточно известны⁹. Главным вопросом, по его мнению, являются отношения между природными способностями и ученьем. «Природа и ученье, — писал он, — нечто близкое одно к другому. Ученье преобразует человека, а, преобразуя, создает новую природу» (фр. 33 по Дильсу). Дело в том, что привычки, усвоенные через ученье, становятся как бы второй природой. Наблюдая окружающих людей, он приходит к выводу, что «больше людей становится добрыми через упражнение, чем от природы» (фр. 242). В другом месте он говорит: «Прекрасных вещей добивается ученье посредством труда, дурные же плодятся сами собой» (фр. 182). В этом отрывке интересно, какое значение придается труду. «Нельзя достигнуть ни искусства, ни образованности, если не

⁹ «Материалисты древней Греции». Сборник под ред. М. А. Дынина. Изд-во АН СССР, М., 1955; А. О. Маковельский. Древнегреческие атомисты. Баку, 1946; В. Ф. Асмус. Демокрит. Изд-во МГУ, 1960, стр. 66—69.

поучиться», — читаем мы еще в одном отрывке (фр. 59). А побудительным источником научного знания философ-материалист признал нужду. «Вообще ведь, — рассуждал он, — у людей сама нужда была учительницей во всем, подсказывая естественным образом понимание каждой вещи хорошо одаренному от природы существу, обладавшему способными ко всякому делу руками, разумом и душевной сметливостью» (Диодор, I, 8, 7). Вера в могущество человека, провозглашенная в середине V в. до н. э., подкреплялась сознанием присущих ему от природы способностей и звала к дальнейшему совершенствованию.

В Риме вопрос о воспитании¹⁰ встал, как и у других народов, с самого начала общественной жизни, но в общем их система отличалась от греческой. Это объясняется особенностями всего уклада их жизни с неограниченной властью отца — *patria potestas* (см. гл. XII). Цицерон указывал, что в создании благоустроенной жизни государства большое значение имели не только законы и государственные учреждения, но и воспитание детей, хотя оно и не было строго регламентировано («О государстве», IV, 3).

Когда в римской семье рождался ребенок, его после необходимого омовения клали на землю и отец его «поднимал» (*tollebat*) и этим актом показывал, что признает его своим (Плиний Младший, VIII, 23, 7; Гайй, I, 55; Вергилий «Энеида», IX, 202). Если он так не делал, это значило, что он отвергает его, и ребенок оставался на произвол судьбы, выбрасывался. Обычно кто-нибудь, например, из рабов, подбирал его и брал на воспитание (Светоний, «О грамматиках и риториках», 7; 21; Плиний Младший, X, 66). Только при Александре Севере (222—235 гг. н. э.) было запрещено выбрасывать детей, как убийство («Дигесты», XXV, 3, 4).

Помимо естественного ухода за новорожденным, в течение первых восьми дней совершались многочисленные обряды, имевшие целью защитить ребенка от враждебных сил (Августин, «О граде божием», VI, 9; Сервий, «К Буколикам», 4, I Вергилия). На девятый день на специальном домашнем празднестве в присутствии родных и знакомых совершался обряд наречения ребенку личного имени (*praenomen*) в отличие от фамильного имени (*nomen*) и прозвище (*cognomen*)

¹⁰ H. Blümner. Die Römischen Privataltertümer. (Handbuch der Altertumswissenschaft, herausgegeben von I. Müller, 2. Abt. Bd. IV, 2. Teil.). München, 1911, SS. 299—340; A. Gwynn. Roman education. London, 1926; М. Е. Сергеевко. Жизнь древнего Рима. «Наука», М., 1964.

мальчикам и на восьмой день девочкам (Макробий, I, 16, 36), причем вносилась монета в храм Юноны Луцины — «дающей свет» (Дионисий, IV, 15, 5). Официальную заявку о рождении ребенка стали делать только в эпоху империи (Юлий Капитолин, «Жизнь Антонина-философа», 9, 7; Апулей, «Апология», 89) в государственное казначейство (*aerarium publicum*) при храме Сатурна в городе и в местный архив (*tabularium publicum*) — в провинциях.

Для ограждения от дурного глаза и других вредных влияний детям на шею надевали амулеты (*amuleta* или *praebia*) (Плиний Старший, XXX, 24, 1; 25, 1; Варрон, «О латинском языке», VII, 107). Иногда несколько амулетов вкладывалось в шарообразную сумочку — *bulla* (Ювенал, V, 164—165). Мальчики одевались в плащи с пурпуровой каймой — *toga praetexta*, которую вместе с буллой носили до наступления зрелости (17 лет), когда сменяли ее на мужскую тогу — *toga virilis* (Цицерон, «Против Верреса», II, 1, 113; 152). Дети вольноотпущенников носили на шею вместо буллы кожаную повязку (Макробий, I, 6, 14).

Детям в младенческом возрасте давались для забавы всевозможные игрушки — кольца, кубарики, фигурки животных и куклы, а грудным — погремушки — *sperundia* (Плавт. «Канат». 1154—1171; 1363—1364; «Шкатулка», 655—665). На надгробных памятниках часто изображаются детские игры — в прятки, в жмурки, с домашними животными и т. п. Как и у греков, в домах зажиточных римлян пользовались услугами кормилиц и нянек. Няньки рассказывали детям сказки. Образцом такой народной сказки может служить приведенная в романе Апулея (II в. н. э.) «Метаморфозы» (IV, 28—VI, 24) сказка о Купидоне (Амуре) и Психее, — правда, в обработке.

Когда мальчик подрастал и начинал уже выбегать из дому, его передавали на попечение специального раба — «проводжатога» (*pedisequus*), который нередко становился и первым его наставником. Некоторые писатели высказывали сожаление, что не всегда родители обращали должное внимание на выбор такого человека (Тацит, «Диалог об ораторах», 29, 1). Когда в Риме стало усиливаться греческое влияние, таких рабов по греческому образцу стали называть «педагогами» и сразу же заметили, что от такого раба воспитанник легко может научиться греческому языку. Поэтому важно было, чтобы сам он правильно говорил.

Известно, какую заботу проявлял в воспитании сына знаменитый Катон Старший (Плутарх, «Катон Старший», 20).

Имея прекрасного учителя среди своих рабов, он все-таки сам занимался с сыном, учил его грамоте и военному делу.

Первые конкретные сведения о домашнем обучении детей связаны с первыми шагами римской литературы, именно, с начала III в. до н. э. Римский сенатор Ливий Салинатор поручил обучение своих детей рабу — пленному греку Андронику. Этот опыт оказался удачным, Андроник был отпущен на волю своим хозяином и под именем Ливия Андроника был рекомендован в качестве учителя в другие семьи. В целях обучения им создана была первая книга для чтения — перевод на латинский язык «Одиссеи» Гомера (Геллий, XVIII, 9, 5). По этому переводу, несмотря на грубость еще не обработанного языка, дети учились и в середине I в. до н. э., как видно из воспоминаний Горация («Послания», II, I, 69—71). Сам Гораций, внук простого вольноотпущенника, с сердечной благодарностью рассказывает о заботах своего отца, который, несмотря на свое происхождение, сумел дать сыну такое образование, какое редко давалось детям знатных родителей, сначала в родном городке Венусии на юге Италии, затем в Риме в одной из лучших школ. Редкостью было, что отец сам провожал сына в школу, неся за ним школьные принадлежности («Сатиры», I, 6, 71—88).

В возрасте семи лет детей — и мальчиков и девочек — посылали в школу «литератора» (грамматиста), где их обучали «литерам», то есть буквам (Квинтилиан, I, 1, 15). Нам известно существование такой школы уже в 449 г. до н. э. (Ливий, III, 44, 6). Первоначально такая школа называлась *ludus* и преподаватель — *ludi magister*. Только много позже вошло в обиход греческое название *schola*, откуда произошло русское слово *школа*. В такой начальной школе дети обучались до 12-летнего возраста, а после этого состоятельные родители устраивали сыновей в школы грамматиков¹¹.

Само обучение в школе не отличалось кротостью, и палка (*ferula*) учителя частенько делала свое дело. Гораций хорошо помнил своего строгого учителя «драчливого» (*plagosus*) Орбилия («Послания», II, 1, 6—71, ср. Светоний, «О грамматиках и риториках», 9). Марциал (конец I в. н. э.) насмешливо называет оружием учителей и педагогов «мрачные палки», «скипетры педагогов» — *ferulae tristes et sceptrae paedagogorum* (X, 62, 4). Он же говорит, что все в его доме боялись учителя,

¹¹ См. И. В. Цветаев. Школы древних римлян. «Русский вестник», 1888, № 3, 10; его же. Высшие школы древних римлян. «Русский вестник», 1893, № 5, 6.

так как в гневе с трудом мог он удерживаться от палки (XI, 39, 10). В одной комедии Плавта говорится о строгом учителе: «Если ты хоть в одном слого ошибешься, будет у тебя шкура такой же пестрой, как у кормилицы плащ» («Вакхиды», 433—434). Правда, Гораций говорит, что иногда учителя для поощрения учеников угощали их пирожным — crustula («Сатиры», I, 1, 25—26). Грамматик Веррий Флакк награждал лучших учеников изящно переписанными книгами (Светоний, «О грамматиках и риториках», 17). А ученые специалисты считали как телесные наказания, так и излишние поправки недопустимыми в школьном деле (Квинтилиан, I, 3, 8—17).

Конечно, ученье не обходилось и без различных уловок и обманов со стороны учеников. Сатирик Персий вспоминает, как сам он в школьные годы, чтобы уклониться от занятий, мазал глаза маслом оливок, придавая себе вид больного (III, 44).

Хотя первой задачей в воспитании мальчиков считались военная подготовка, закалка тела и дисциплинированность, необходимые для будущего защитника родины, в раннюю пору республике римляне с пренебрежением относились к спортивным играм и состязаниям (Корнелий Непот, «Эпаминонд», 2), и только по примеру греков римская молодежь стала заниматься спортом, например, на Марсовом поле (Гораций, «Оды», I, 8; III, 24, 51—58; Сенека, «Письма», XIII, 3, 19). Но, с другой стороны, у них получили широкое распространение под влиянием этрусков и самнитов такие жестокие зрелища, как травли зверей и гладиаторские бои в амфитеатрах и цирках (см. гл. XVII).

Появление в Риме школ грамматиков связывается с приходом в качестве посла от пергамского царя Аттала II (ок. 168 г. до н. э.) ученого грека Кратета из Маллоса. Сломав ногу при падении на улице, он вынужден был задержаться на продолжительное время в Риме, в течение которого имел много случаев для научных бесед и докладов. Он сумел заинтересовать этим высшее общество Рима и показал пример грамматических занятий, изучения и толкования поэтов (Светоний, «О грамматиках и риториках», 2). Это сразу нашло отклик, и многие богатые и знатные люди стали брать к себе в дома греческих учителей или посылать к ним сыновей. Однако на первых порах это вызвало тревогу в руководящих кругах, так что в 161 г. до н. э. по докладу претора М. Помпония сенат уполномочил его удалить таких учителей из Рима (Светоний, 25; Геллий, XV, 11, 1—2). Однако греческое влияние шло со стихийной силой (см. гл. IX, стр.

239). Большую роль сыграл Полибий, который 16 лет провел в Риме в качестве заложника да и по истечении этого срока не раз подолгу оставался в Риме, причем вращался среди передовой аристократии, особенно в кругу Сципионов, так что сделался другом и учителем Сципиона Эмилиана (185—129 г. до н. э.). Об этом он сам рассказывает в своей «Всемирной истории» (XXXII, 9—16, ср. Цицерон, «Об ораторе», II, 154). Другим человеком, оказавшим сильное влияние на деятелей середины II в. до н. э., был Панетий, один из виднейших представителей школы стоиков, приехавший в Рим из Малой Азии в свите Сципиона Африканского Старшего (Цицерон, «Академики», II, 5; Веллей Патеркул, I, 13, 3).

Новые веяния сразу же нашли отклик в художественной литературе. Теренций в комедии «Братья», поставленной в 160 г. до н. э., старался показать, что излишняя строгость и взыскательность приводит иногда к обратным результатам — ко лжи и обману. Ворчливый и нетерпимый старик Демей вообразил, что, держа сына Ктесифонта в ежовых рукавицах и не пуская его из деревни в город, защитит его от соблазнов городской жизни. Однако ему пришлось убедиться, что его «образцовый» мальчик стал ходить в город тайком от него и завел там интригу, причем вынужден был искать помощи своего брата Эсхина, воспитанного в других условиях и привыкшего к самостоятельности.

Дальнейшим шагом в распространении образования в Риме был приезд в 155 г. до н. э. афинского посольства в составе академика Карнеада, стоика Диогена и перипатетика Критолая для переговоров с Сенатом по поводу разрушения афинянами соседнего с ними городка Оропа. Их речи в Сенате и частные выступления перед публикой произвели такое впечатление на слушателей, что блюстители строгих римских нравов, и в том числе Катон, увидели в этом серьезную опасность и поспешили поскорее рассмотреть дело и отпустить их из Рима (Цицерон, «Об ораторе», II, 155; «Тускуланские беседы», IV, 5; Геллий, VI, 14, 8; Плутарх, «Катон Старший», 22). Но и Катон, страстно нападавший на греков, под конец жизни увидел необходимость изучать греческий язык (Цицерон, «Академики», II, 5; «Катон Старший», 3).

Такое отношение римских националистов не помешало тому, чтобы в 104 г. до н. э. открыл в Риме уже римскую школу Л. Элий Преконин из Ланувия по прозвищу Стилон (Светоний, «О грамматиках и риториках», 3, 1—3). В этой школе был установлен пятилетний курс обучения. Этот пример был подхвачен другими, и вскоре в Риме стало насчитываться более

20 таких школ, а содержатели их стали получать большие доходы (Светоний, 3, 4—5). У Квинтилиана (I, 4—12) и у Сенеки («Письма», XIII, 3) находим обстоятельный обзор преподаваемых предметов. Тут называются грамматика, геометрия, история, музыка и другие. Эти авторы говорят уже о целом «круге» общеобразовательных предметов и называют такое образование «энциклопедическим» — ἐγκύκλιος παιδεία (Квинтилиан, I, 10, 1; Сенека, «Письма», XIII, 3, 23). Труднее всего было введение музыкального образования, которое римляне считали чуждым духу своего народа (Корнелий Непот, «Эпаминонд», 2).

Вполне понятно, что намеченная тут программа несколько отличалась от принятой у греков и отвечала практическому складу римского народа. Мы можем составить об этом некоторое представление со слов Горация. Он обращает внимание на то, как легко и быстро римский мальчик справляется со счетом денег и мелким делением асса, римской весовой и денежной единицы, на 12 унций: это ведь—необходимое условие для выгодного ведения хозяйства и торговых расчетов.

Мальчики в Риме делить упражняются в долгих расчетах
Асс на сотые доли. «А, ну, сын Альбина, скажи-ка:
Если пять унций у нас и одну из пяти мы отнимем,
Что остается? Ты скажешь, конечно?» — «Треть асса» —
«Отлично!
Ты сбережешь достоянье». — «А, унцию если прибавить?» —
«Будет пол-асса».

(«О науке поэзии», 325—330)

Для подобных расчетов часто обращались к помощи счетной доски — «абака», на котором по ямочкам раскладывались счетные камешки — *calculi* (Ювенал, IX, 40—42). Отсюда современное слово *калькуляция*. Античный абак — прообраз современных «счетов».

Цицерон вспоминал, как в школьные годы он вместе с товарищами затверживал наизусть «словно обязательную песню» тексты «законов XII таблиц» («О законах», II, 59). В основу литературно-грамматического образования полагалось разучивание поэтических произведений и в первую очередь «Одиссеи» в переводе Ливия Андроника (Гораций, «Послания», II, I, 69; 85—89). Цицерон указывает на важное образовательное значение произведений поэтов, если их изучают, слушают, прочно запечатлевают в памяти («Тускуланские беседы», III, 3). В позднюю эпоху важное место заняли Вергилий и Гораций (Квинтилиан, I, 8, 5—7). Писание под диктовку, естественно, входило в обязательную программу, тем

более что такие записи до некоторой степени заменяли дорогостоящие книги (Гораций, «Послания», I, 18, 13; Квинтилиан, I, 1, 36).

Тесное соприкосновение с греческой культурой делало необходимым изучение греческого языка, и нередко с него и начинали обучение (Квинтилиан, I, 4). Большую помощь в этом оказывали греческие рабы в качестве «педагогов», от которых с малых лет дети научались греческому языку. Конечно, нужен был тщательный выбор подходящих людей, что не всегда соблюдалось (Тацит, «Диалог об ораторах», 29; Плутарх, «О воспитании», 7, р. 4 А).

Когда мальчику исполнялось 17 лет, на семейном собрании в торжественной обстановке, обычно в праздник Либералий 17 марта¹², отец снимал с сына «претексту», одеяние подростков, и буллу, которую тут же возлагал на алтарь Ларов, и надевал на юношу мужскую тогу (*toga virilis*) в знак совершеннолетия; после этого он отводил его на Форум, чтобы там внесли его имя в список граждан своей трибы (Цицерон, «Лелий», I; «Филиппики», II, 44; Ливий, XLII, 34, 4; Дион Кассий, LV, 22, 4; LVI, 29, 5).

По мере того как молодое поколение подрастало, перед ним вставал вопрос о предстоящей деятельности. Отцы, занимавшие видное положение, хотели, конечно, видеть в сыновьях продолжателей своего дела. Катон вспоминал в одной из своих речей: «Прежде у сенаторов в Риме был обычай ходить в курию (то есть на заседание Совета) с сыновьями, одетыми в претексты» (то есть еще малолетними) (Геллий, I, 23, 1—4). Давая им слушать прения в Сенате, они старались таким образом подготовить их к политической карьере. А позднее установился и другой обычай: отец отводил сына к какому-нибудь видному политическому деятелю и поручал сына покровительству этого лица с тем, чтобы молодой человек, сопровождая его, мог слушать его выступления и учиться у него на практике. Это давало ему знания и опыт, развивало находчивость — «учило в подлинном бою» (Тацит, «Диалог», 34). Такой порядок засвидетельствован биографией Цицерона, который сам рассказывал о начале своей карьеры в сочинении «Брут, или О славных ораторах» (301—324, ср. Тацит, «Диалог», 30). Под руководством выдающегося правоведа авгура Кв. Муция Сцеволы (умер в 84 г. до н. э.) и замечательного оратора Л. Лициния Красса (140—91 гг.

¹² E. Samter. Familienfeste der Griechen und Römer. Berlin, 1901, S. 77.

до н. э.), а также понтифика П. Муция Сцеволы (убит в 82 г. до н. э.) и М. Антония (143—87 гг. до н. э.) Цицерон получил практическую подготовку («Брут», 296; 308—309; «Лелий», I; «О законах», I, 13; «Филиппики», VIII, 31). Он дополнил ее, слушая лекции ратора Молона Родосского и видных современных философов во время двухлетнего пребывания в Греции в 79—77 гг. Вспоминая о подготовке и политической деятельности П. Сульпиция Руфа (124—87 гг. до н. э.), Цицерон рассказывает, что и он пользовался покровительством Красса и Антония, причем «ни на шаг не отходил» от первого и постоянно слушал наставления второго («Об ораторе», I, 97). Подобным образом под руководством самого Цицерона готовился молодой М. Целий Руф, которого потом ему пришлось защищать на суде («За Целия», 9; 72; ср. Плиний Младший, VIII, 14).

С развитием политической жизни и судебно-правовых учреждений все больше ощущалась потребность в риторском и юридическом образовании. В соответствии с этим в Риме стали появляться риторские школы, сначала греческие, и это не вызывало возражений. Но появление римских школ было враждебно встречено консервативными кругами Рима. В 92 г. до н. э. по предложению консулов Гн. Домиция Агеноборба и Д. Лициния Красса сенат призвал их нежелательными и потребовал закрытия их, как «школ бесстыдства» (Цицерон, «Об ораторе», III, 93—94; Светоний, «О грамматиках и раторах», 25; Тацит, «Диалог об ораторах», 35). Тем не менее жизнь брала свое, и это постановление вскоре оказалось забытым. А в 81 г. до н. э. Л. Плотий Галл открыл латинскую риторскую школу. Цицерон в юности очень рвался в эту школу, но от этого его удержали ученые друзья, доказывавшие, что он получит гораздо больше, занимаясь у греков (Светоний, «О грамматиках и раторах», 26).

В риторской школе преподавание начиналось с чтения прозаических произведений, и Квинтилиан на рубеже I и II вв. н. э. особенно рекомендовал сочинения Ливия и Цицерона. Ученикам также задавалось пересказывать устно и письменно поэтические произведения, исторические повествования, мифы и предания, сопровождая их критическим разъяснением (Квинтилиан, II, 1, 8; 4, 1—2; Светоний, 25, 8). За этим следовали темы похвалы или порицания каких-нибудь исторических деятелей (Квинтилиан, II, 4, 20; Светоний, 25, 8), сравнения одного человека с другим, применение общих мест, то есть ходячих суждений, и т. п. (Квинтилиан, II, 4, 21—25), например, о гуманности, счастье, сострадании, о

переменчивости судьбы и т. п. («Риторика к Гереннию», II, 26). После такой общей подготовки ученики переходили к составлению целых речей, так называемых «свасорий», имеющих целью в чем-нибудь убедить слушателей. Ставился, например, вопрос: следует ли Ганнибалу идти на Рим или что мог сказать Катон Младший перед самоубийством? (Ювенал, VII, 160—164; Персий, III, 44). Особенно ходячей была тема прославления тиранноубийц. «О железная грудь у тебя, Веттий,— обращается Ювенал к известному в его время ритору, — когда многочисленный класс у тебя убивает жестоких тираннов!» (VII, 151, ср. Тацит, «Диалог», 35, 3). Сохранилось большое собрание декламаций на эту тему в сборниках Сенеки Старшего и Квинтилиана¹³.

Более сложной была форма «контроверсий», в которых разбирался какой-нибудь спорный вопрос. Светоний («О грамматиках и риторах», 25, 9) приводит такой пример: несколько молодых людей договорились с рыбаками и вперед оплатили им ожидаемый улов; но закинутые сети вынесли не рыбу, а корзину с золотом; спрашивается, кому же должно принадлежать это золото.

В таких упражнениях развивалась тонкость ума, изобретательность и умение разбираться в юридических тонкостях, а вместе с тем вырабатывалась литературная форма речи с избытком фигуральных выражений и т. д. Однако нетрудно заметить, что эти упражнения превращались в игру остроумия и формального мастерства, далекого от жизни и подлинного ораторского искусства (Тацит, «Диалог», 14, 3—15, 1). Это усугублялось тем, что с водворением империи прекратили действие республиканские учреждения — комиции и народные суды, где открывался простор для ораторской речи (Тацит, «Диалог», I, 1; 34—36; 41, 5). А Цицерон считал свободный государственный строй необходимым условием для процветания ораторского искусства («Об ораторе», I, 30). Из таких школ «декламаторский» искусственный стиль распространился в широкую литературу Греции и Рима поздних эпох, наложив на нее отпечаток какой-то искусственности и надуманности.

Помимо риторских школ важное место в образовании получили философские школы. Те, кому позволяли средства, старались поселить у себя в доме хорошего учителя, по преимуществу грека, и он становился не только наставником де-

¹³ R. Volkman n. Die Rhetorik der Griechen und Römer in systematischen Übersicht, 2-te Aufl. Leipzig, 1885, S. 294; R. Volkman n. Die Rhetorik (Handbuch von I. Müller. Bd. III, 3 Abt). München, 1901).

тей, но и советником старших. Так, в семье Сципионов проживали стоик Панетий и историк Полибий (Веллей Патеркул, I, 13, 3; Плиний Старший, V, 9). Цицерон передает, что Сципиона Эмилиана, Лелия и Л. Фурия постоянно сопровождали ученые греки («Об ораторе», II, 154; «За Мурену», 66). На братьев Гракхов оказали сильное влияние два философа стоической школы Диофан Митиленский и Блоссий Кумский (Плутарх, «Тиберий Гракх», 8). Сам Цицерон пользовался указаниями стоика Диодота, который много лет до смерти жил в его доме («Брут», 309; «Тускуланские беседы», V, 113), а в Греции слушал лекции академика Антиоха и других («Брут», 315—316). Туда же направил он для завершения образования своего сына Марка, называя Афины «ярмаркой изящных искусств» («Об обязанностях», III, 6). Октавивана смерть Цезаря застала в Аполлонии (Иллирия), где он занимался под руководством Аполлодора Пергамского и других (Светоний, «Божественный Август», 89, 1). При Августе существовала школа в Массилии (Марсель) в Галлии, которую даже ставили на один уровень с афинской (Страбон, IV, 5, p. 181). Подобным образом и Гораций заканчивал образование в Афинах, когда разразилась гражданская война после убийства Цезаря в 44 г. до н. э. В общем же в период республики высшее образование оставалось делом частной инициативы.

В эпоху империи некоторые получившие известность профессора находили покровительство у императоров и достигали не только почета, даже звания сенаторов, но и приобретали большие богатства (Светоний, «О грамматиках и риторках», 25, 7). Образованы были государственные школы¹⁴. Тацит говорит об исключительной щедрости Веспасиана, награждавшего богатыми дарами выдающихся раторов Марцелла Эприя, Криспа Вибия и Басса Салея («Диалог», 8, 2; 9, 5). Адриан основал в Афинах нечто вроде университета — «Афиней» (Athenaeum), где риторам, философам и поэтам предоставлялась возможность выступать с публичными чтениями (Аврелий Виктор, 14, 3; Дион Кассий, LXXIII). Мы узнаем о школах в Эфесе, Митиле и других (Тацит, «Диалог», 15, 3). Некоторые из императоров сами слушали лекции таких профессоров. Марк Аврелий был учеником ратора Фронтонна, как сам он об этом упоминает в своих записках («К самому себе», I, 11). Гордиан до получения императорской власти занимался в «Афинее», декламируя контрверсии («Писатели истории

¹⁴ См. И. В. Цветаев. Из жизни высшей школы римской империи. М., 1902.

Августов», «Гордиан», 3, 4). Большую известность в эпоху империи снискали риторы Гимерий и Фемистий в Константинополе и Либаний в Антиохии в IV в. н. э. Грамматик Веррий Флакк, сын вольноотпущенника, заслужил высокую репутацию и по приглашению Августа перенес свою школу на Палатин и учил его внуков, получая за это большой гонорар в 100 тысяч сестерциев, то есть 10 тысяч рублей в год (Светоний, «О грамматиках и риториках», 17). Антонин Пий (138 — 161 гг. н. э.) установил определенные штаты для профессоров провинции Азии, различая их по значению городов, причем все зачисленные в штат освобождались от всяких повинностей, даже несения военной службы: в малых городах 5 врачей, три софиста и столько же грамматиков; в средних — 7 врачей, по 4 преподавателя каждого языка; в крупных — 10 врачей, 5 раторов и столько же грамматиков; число философов не было ограничено ввиду редкости этой специальности («Дигесты», XXVII, 1, 6, 2—8).

Благодаря покровительству императоров и других высоких лиц, профессора получали большие гонорары и становились богачами (Тацит, «Диалог», 17, 3). Но не таково было положение большинства заурядных учителей. С трудом приходилось им с родителей собирать свое скромное вознаграждение, в среднем, по-видимому, около 8 ассов (Гораций, «Сатиры», I, 7, 75), но и от этого нередко родители уклонялись под разными предложениями (Ювенал, VII, 150 — 243). Учебный год обычно заканчивался к празднику Минервы 12 — 23 марта, так называемым Квинквартам (Овидий, «Фасты», III, 829—830; Гораций, «Послания», II, 2, 197 — 198; Ювенал, X, 150 — 243).

Такое неравенство в положении учителей имело пагубные последствия в пору вырождения античного рабовладельческого общества, способствуя моральному упадку и развитию паразитизма. Это с присущим ему едким сарказмом изобразил Лукиан в сатире «О философях, состоящих на жалованье» (20; 25). Эти люди, писал он, ничем не отличаются от рабов и оказываются даже хуже их, так как прикрывают грубость и невежество своих хозяев. В другом сочинении («Евнух», 3) он изобразил, как подобные люди дерутся между собой за освободившееся место на кафедре, учрежденной императором. А историку IV в. н. э. Аммиану Марцеллину приходится признать, что иные из философов, превратившись в льстецов и угодников, стали играть роль каких-то шутов и скоморохов в богатых домах или кляузников-вымогателей (XIV, 6, 18; XXX, 4, 8). Все это и дало основание Ф. Энгельсу для заключения, что в позднюю эпоху античного мира «философы были или

просто зарабатывающими на жизнь школьными учителями, или же шутами на жалованье у богатых кутил»¹⁵.

В процессе развития школьного дела складывались и теоретические наблюдения. Много важных данных по этому вопросу мы находим в биографии Цицерона. Но и сам он в разных сочинениях приводит немало материалов, касающихся образования современной ему молодежи. Среди них есть довольно много и его собственных теоретических пожеланий¹⁶. В своих замечательных сочинениях по теории и истории ораторского искусства он неоднократно останавливается на взаимоотношении природного таланта (*ingenium*) и приобретенного умения или искусства (*ars*) («Об ораторе», I, 113—115). С этой точки зрения он и твердит своим молодым друзьям: «Продолжайте так, как вы и делаете, молодые люди, и налегайте на то дело, которым вы заняты, чтобы вы могли и себе доставить честь, и друзьям пользу, и государству приращение» («Об ораторе», I, 34). Он выражал пожелание, чтобы законами была установлена единая твердая система воспитания («О государстве», IV, 3), всегда имея в виду воспитание человека-гражданина. Его идеи, проникнутые глубокой гуманностью, нашли широкий отклик в последующие века¹⁷.

Интересные мысли о воспитании разбросаны в разных сочинениях Горация. Вот, например, что он писал в «Науке поэзии» (158—168):

Мальчик, который уж знает значение слов и умеет
Твердо ступать по земле,— он ровесников любит и игры;
Вдруг он рассердится, вдруг и утихнет, и все ненадолго.
Юноша, коль от надзора наставника он уж свободен,
Любит коней и собак и зеленое Марсово поле;
Мягче он воска к пороку, не слушает добрых советов,
Медлен в полезном и горд и сорит расточительно деньги;
Пылок в желаньях, но скоро любимую вещь оставляет.

Есть тут наставления и самим учителям (335—337):

Если ты учишь, старайся быть кратким, чтоб разом послушный
Тотчас понял слова и хранил бы их в памяти верно.
Все, что излишне, хранить понятие наше не может.

(Перевод М. А. Дмитриева)

¹⁵ Ф. Энгельс. Бруно Бауэр и первоначальное христианство. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19. Госполитиздат, М., 1961, стр. 311; ср. т. 3, стр. 128.

¹⁶ См. Г. А. Иванов. Взгляд Цицерона на современное ему изучение красноречия в связи с его собственным образованием. Речь на акте Московского университета, приложении к отчету за 1878 г.

¹⁷ Th. Zielinski. Cicero im Wandel der Jahrhunderte, 4-te Aufl. Leipzig, 1927; K. Barwick. Das rednerische Bildungsideal Ciceros. Berlin, 1963.

Немалое внимание уделял вопросам воспитания философ стоической школы Л. Анней Сенека (4 — 65 гг. н. э.). Он ставит это дело в связь с этикой, хочет воспитывать детей в духе добродетели и указывает родителям пути для достижения этой цели — *iustum et honestum* («Письма», XV, 3, 63), исходит при этом из положений Сократа и Платона о высшем благе («Письма», XV, 2, 2). Наставления свои он сравнивает с семенами («Письма», IV, 9, 2) и полагает, что больше всего можно достигнуть не словами, а личным примером: «Долог путь через предписания, краток и действителен через примеры» («Письма», I, 6, 5). В одном из писем он характеризует предметы, необходимые для свободного человека. Сюда он включает грамматические науки в широком смысле слова, подразумевая и язык и литературу, затем музыку и математические предметы, он совершенно обходит как живопись и ваяние, так и физические занятия вроде борьбы; он имеет в виду «энциклопедическое образование» и подчеркивает особенное значение «человечности» — *humanitas* («Письма», XIII, 3, 2; 3, 18; 3, 23; 3, 30). Он предупреждает о необходимости беречь время (XIII, 3, 39). Критикуя создавшиеся в его время школьные порядки, он с горечью замечает, что в данное время люди заботятся о том, чтобы накопить побольше знаний, а не думают об усвоении подлинной философии; выходит, что они «учатся не для жизни, а для школы». Римская система образования, по его мнению, готовит воинов, но не наставляет истинной мудрости («Письма», XVIII, 3, 12).

Суммировать все теории и весь опыт лучших времен античной культуры поставил себе целью М. Фабий Квинтилиан (ок. 35 — 95 гг. н. э.) в сочинении «Об образовании оратора» (12 книг). Как преподаватель риторики, он имел много учеников и получил широкую известность, как видно из одной эпиграммы Марциала (II, 90, 1). В числе его учеников был Плиний Младший («Письма», II, 14, 9; VI, 6, 3). Под конец жизни, подводя итоги своей преподавательской деятельности, он написал замечательное сочинение. Имея в виду главную свою цель — воспитание оратора, он считает нужным начать свои наставления с предварительной подготовки учеников и ради этого делает обзор начальных шагов своих будущих питомцев. Почти вся первая книга посвящена этой начальной ступени. Он признает, что необходимым предварительным условием должны быть природные способности, без которых не имеют цены никакие наставления (I, «Предисловие», 26). Он советует родителям с полным вниманием относиться к подбору нянек и педагогов. «Нет ничего хуже таких

людей,— предостерегает он,— которые, набравшись кое-каких сведений, разыгрывают роль знатоков» (I, 1, 8). Полагая, что хорошим оратором может стать только «добрый человек» — *vir bonus* (I, 2, 3), ему он и направляет свои наставления. Прежде всего он обращает внимание на окружение ребенка. «Мы,— говорит он,— учим ребенка; нас слышат дети», и в этом общении создаются их привычки. Следовательно, надо оберегать детей от вредных влияний. Однако нельзя и изолировать их от людей. «Свет благороднейшего общения я предпочел,— пишет он,— мраку и одиночеству», (I, 2, 9). «Надо чтобы он (ребенок) привыкал не бояться общества» (I, 2, 18). Опытный преподаватель старается прежде всего хорошенькs познакомиться со способностями воспитанника (I, 3, 1). Нельзя переобременять ум ребенка чрезмерным количеством занятий, и следует давать передышку, устраивая игры, но и не допускать распушенности (I, 3, 8). Квинтилиан говорит и о наказаниях, но решительно возражает против побоев, как рабского способа воздействия. «Скорее можно,— думает он,— сломать, чем исправить тех, у кого уже утвердились порочные наклонности (I, 3, 13—14).

Квинтилиан последовательно рассматривает все необходимые предметы обучения, начиная с чтения и письма, причем советует начинать с уроков греческого языка и обращать внимание на правильность произношения и орфографию (I, 4—12). Обращаясь к учителям, он признает, что личный опыт дает больше, чем наставления (II, 5, 15). Учитель, по его мнению, должен хорошенько узнать натуру ученика и его склонности (II, 8, 6). «Я не иду против природы,— продолжает он.— Я полагаю, что не следует пренебрегать добрыми задатками, которые ребенок имеет от природы, но надо умножать их и дополнять то, в чем он слаб» (II, 8, 10). «Следует избегать двух вещей: во-первых, не требовать того, чего он не может выполнить; во-вторых, не надо отводить его от того, что он делает отлично, к другому, к чему он менее способен» (II, 8, 14). Поучителен также совет Квинтилиана: надо делать так, «чтобы ученики любили наставников не меньше, чем самые занятия, и чтобы родителей почитали не только за свое телесное существование, но и за умственное развитие» (II, 9, 1). Всю свою систему он характеризует, как «энциклопедическую» (I, 10, 1). Опытный преподаватель, думает он, из бесконечного множества правил выберет лишь самые важные, чтобы нагромождением подробностей не отбить охоту к главному (VIII, «Предисловие», 3). Интересны те места у Квинтилиана, которые посвящены достижению ясности, вырази-

тельности речи, ее украшениям и построению (VIII, 2 — 6; IX, 1 — 4).

Большое внимание Квинтилиан уделяет чтению — в первую очередь поэтов, затем историков и после всего философов (X, 1, 27 — 36). Он рекомендует вызывать ученика, чтобы тот читал вслух перед классом (II, 5, 6), при этом иногда задавать вопросы, чтобы знать, как ученики понимают прочитанное (II, 5, 13). Не следует, по его мнению, давать начинающим обязательно новейших писателей, как более доступных для понимания, а вообще наилучших и наиболее доступных (II, 5, 19). Он предупреждает и против чрезмерного увлечения своих современников слишком далекой стариной, вроде Катона и Гракхов, так как это может развить некоторую грубость в речи учеников, хотя и от такого чтения может быть польза (II, 5, 21 — 23). С этой точки зрения он делает специальный обзор всей греческой и римской литературы (X, 1). Свободное чтение тем более предпочтительно, что интересное место можно прочитать вторично, и важно, прочитав сочинение, его еще раз пересмотреть и важные мысли себе записать (X, 1, 18 — 20). Существенную роль в образовании играет память, и древние риторы на развитие ее обращали серьезное внимание; Квинтилиан рекомендует для этого упражнение и труд (XI, 2, 40—41). В свою программу он включал геометрию и музыку (I, 10, 9—49).

Для характеристики педагогических учений древности мы должны остановиться на сочинении Плутарха (II в. н. э.) «О воспитании детей». Он, как философ-моралист, имеет в виду развитие и укрепление добродетели. Под этим углом зрения написаны им и знаменитые «Параллельные жизнеописания». В данном сочинении он останавливается прежде всего на нравственных качествах самих родителей и предостерегает против случайных связей (I, р. 1 В). В воспитании, по его мнению, основную роль играют три основных условия: прирожденные свойства (φύσις), сознательность (λόγος) и привычка (ἔθος) (4, р. 2. А). Индивидуальный характер с течением времени превращается в привычку (4, р. 3 А). Важно, чтобы матери сами кормили детей, а если по каким-нибудь причинам приходится брать кормилицу и няньку, надо делать строгий выбор, причем весьма важно, чтобы эти женщины отвечали греческим нравам и говорили на чистом греческом языке, так как это отражается на характере питомцев (5, р. 3 С — 4 А). Такую же осторожность рекомендует он и при выборе «педагогов» и учителей: не передавать детей на руки таких рабов, которые оказываются непригодными для другого дела.

«Источником и корнем благородства (*καλοξγαθία*) является правильно полученное воспитание, и ради этого не следует скупиться на деньги» (7, р. 4 А — 5 А). Суровое порицание обращает он к тем отцам, которые не проявляют достаточного внимания к воспитанию детей (13, р. 9 С D). Две вещи считает он главными в деле воспитания — разум и слово (*νοῦς καὶ λόγος*), причем второе он считает слугой первого (8, р. 5 E).

Мысли Плутарха замечательны во многих отношениях. Он стоит за всестороннее «энциклопедическое» образование, подчиненное философскому воззрению (10, р. 7 D—8 B), требует строгой выдержки характера у самих воспитателей (14, р. 10 BC), решительно отвергает телесные наказания, признавая только силу словесного убеждения (12, р. 8 F). Выше всего он ставит внушение детям правдивости (14, р. 11 C), требует от родителей, чтобы они сами подавали детям хороший пример (20, р. 14 A). Таковы главные мысли небольшого сочинения Плутарха, оставленные в наследство новому времени.

Мысли корифеев античной педагогики, проникнутые здоровым гуманизмом, нашли широкий отклик у мыслителей нового времени: у Ф. Рабле (1498—1553), М. Монтеня (1533—1592), Яна Амоса Каменского (1592—1671), Дж. Локка (1632—1704), Ля-Брюйера (1645—1696), Ж.-Ж. Руссо (1712—1776), И. Г. Песталоцци (1746—1827), И. Ф. Гербарта (1776—1841), К. Д. Ушинского (1824—1870), Л. Н. Толстого (1828—1910) и других.

Как ни велики достижения античных народов в выработке педагогической системы, все же надо признать, что некоторые черты ее носят на себе отпечаток рабовладельческого миропонимания. Уже Варрон (166—26 гг. до н. э.) в недошедшем сочинении «Девять книг о науках» выделял из общего круга наук девять таких, которые, по его мнению, наиболее приличествуют свободному человеку и не являются ремеслами, служащими только для добывания пропитания. Это грамматика, диалектика, риторика, геометрия, арифметика, астрономия, музыка, медицина и архитектура (Плиний Старший, XXIX, 18). Следуя примеру Варрона и Плиния, Августин (354—430 гг. н. э.) написал «Книги о науках», из которых сохранилось 6 книг «О музыке», «Начала диалектики» (*Principia dialecticae*) и отрывки из других. В них он пытался дать нечто вроде научной энциклопедии. Несколько позже, около 430 г. н. э., Марциан Капелла из этого списка выделил семь первых, исключив медицину и архитектуру. В сочинении «Сатурна, или О свадьбе Меркурия и Филологии и о семи свободных искусствах» он в шутливо-аллегорическом изложении, где

проза чередуется со стихами, а язык отличается напыщенностью и манерностью, представляет невесту, как ученейшую деву, к которой в качестве прислужниц приставлены семь служанок, олицетворяющих семь «свободных наук» (*artes liberales*). «Филология, — пишет он, — занимается исследованием неба и тартара, проходит в своих изысканиях седалища всех богов и исчисляет ткань мира и обращение небесных кругов с множеством звезд» (I, 87). «Свободными», то есть единственно достойными свободного человека, он считал семь следующих наук: грамматику, диалектику, риторику, геометрию, арифметику, астрономию и музыку. Содержание этого сочинения не представляет ничего оригинального и заимствовано полностью у предшественников, но оно интересно, как свидетельство того, что приведенные тут взгляды стали общепризнанными. Это сочинение пользовалось большим успехом в средние века. На него, как на высокий авторитет, ссылаются Григорий Турский в «Истории франков» (X, р. 449, 14 А), Боэций, Кассиодор и другие. А затем в эпоху так называемого «Каролингского возрождения» (IX в. н. э.) при Карле Великом в школе Алкуина круг установленных Марцианом наук получил каноническое значение и положен в основу двух циклов средневекового образования: *trivium* — «трехдорожье», состоящее из уроков грамматики, куда входила литература, риторики и диалектики, и *quadrivium* — «четырёхдорожье», включающее геометрию, арифметику, астрономию и музыку. В условиях церковного формализма и косности диалектика превратилась в схоластику. В закостенелом виде школы такого типа просуществовали в Западной Европе почти до конца XVII в., а у нас под названием «бурсы» в духовных семинариях — до начала XIX в.

Прошли века, изменился строй нашей жизни, многие черты исчезли из нашей памяти, но некоторые продолжают еще до сих пор держаться как пережитки античной культуры — выражения *ферула учителя*, *менторский тон* и т. п. Но было в воззрениях античного мира и нечто такое, что живет и вечно будет жить: это человечность — гуманизм, светившийся в учениях лучших представителей древности. «Здоровый ум в здоровом теле» — эта мысль теперь жизненна, как никогда раньше, и она будет жить в том новом обществе, которое мы созидаем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На предыдущих страницах был дан обзор объема и современного состояния науки классической филологии. Она, как мы видели, включает в свой состав целый ряд дисциплин, тесно связанных между собой. «Слово,— как некогда выразился поэт Пиндар,— живет дольше дел, если язык извлечет его с помощью Харит из глубины сердца» («Немейские оды», 4, 68). Это — одна из причин, почему в произведениях художественного слова мы особенно ищем откликов прошлого. Основной же задачей классической филологии является всестороннее изучение античной культуры, причем главным средством для этого служит изучение языков — греческого и латинского — и всех письменных и вещественных памятников, созданных античными народами и оставшихся от них в наследство новым народам.

Не все, конечно, из этого наследства одинаково заслуживало того, чтобы остаться и удержаться в жизни новых народов. Полуторатысячетная история постепенно делала свой отбор. Рабовладельческий строй не выдержал испытания временем, обнаружил свою несостоятельность и своим распадом привел к забвению всю античную культуру, уступив место феодальному строю, а затем капиталистическому. Капиталистический строй в начальную пору своего существования, находясь на подъеме, проявил большой интерес к античной культуре и пытался даже возродить ее к новой жизни. Однако действительность складывалась своим путем, и мечты о возрождении оказались призрачными. Пришлось убедиться, что ход истории не зависит от воли небольшой кучки людей. Усовершенствования техники и экономики, открытие новых стран и т. п. создали и продолжают создавать новые условия и выдвигать новые требования. Уже зашаталась основа и капиталистического строя.

На почве отживающего старого растут и крепнут новые силы, порождаемые свободным трудом сбросившего с себя оковы угнетения и эксплуатации человека. Фундамент для этого светлого будущего закладывается в настоящем. Но значит ли это, что при таких перспективах мы можем совершенно отказаться от своего прошлого? Оглядываясь на то, что нас окружает, мы видим в нем много такого, что досталось нам от далекого прошлого и, в частности, от античной культуры.

Первое и самое важное в античной культуре заключается в том, что в ней, как никогда ранее, центральное место стал занимать сам человек. «Много есть на свете поразительного, но нет ничего поразительнее самого человека», — поет хор в «Антигоне» Софокла (332—375). «Я — человек, — рассуждает одно действующее лицо в комедии римского поэта Теренция, — и, полагаю, ничто человеческое мне не чуждо» («Самоистязатель», 77). Хорошо сказано Цицероном об общности наук: «Все науки, относящиеся к человеку (humanitas), имеют какую-то общую связь и объединяются между собой как бы некоторым родством» («За Архия», 2). Одинаково и пластические искусства — ваяние и живопись — сосредоточивают внимание на человеке, и античное искусство создало непревзойденные образцы красоты человека, а мыслители наметили эстетические идеалы красоты. Все это сообщает античной культуре гуманный и общечеловеческий характер и обеспечивает ей мировое значение.

Далее мы останавливали внимание на том, как складывалась у античных народов общественная и частная жизнь. Сравнение ее с современностью и самые контрасты оказываются весьма поучительными для понимания современной действительности; они дают возможность глубже понять происхождение и формы политической жизни и социальных отношений — весь путь от патриархальных отношений и от прямого народовластия к представительному. Государственные учения Аристотеля, Полибия и Цицерона получили новую жизнь в учениях Ш. Л. Монтескье (1689—1755) и многих других и в представлениях буржуазного мира. Современная наука государственного права создалась на основах античного «международного права» (ius gentium). А современная философия, как отмечали Ф. Энгельс и В. И. Ленин, продолжает две основные линии древней философии — материалистическую Демокрита и идеалистическую Платона¹.

¹ См. Ф. Энгельс. Диалектика природы. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20. Госполитиздат, М., 1961, стр. 369; В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Соч., т. 14, стр. 117 и 343.

Наконец, мы видели, какое методологическое значение имело изучение греческого и латинского языков. Сейчас мы имеем возможность наблюдать развитие греческого языка начиная с первых записей, относящихся к II тысячелетию до н. э., на протяжении трех с половиной тысячелетий вплоть до К. Варналиса и других наших современников — случай исключительный в практике языковедческой науки, притом в разнообразии наречий и литературных стилей. А латинский язык, представленный в сочинениях многих писателей разных эпох и литературных направлений, в народных формах так называемой «вульгарной латыни» нашел продолжение в ряде современных языков, известных под названием романских; он долгое время служил в качестве языка международных отношений, а в последние годы в тех же целях искусственно возрождается в некоторых кругах, особенно в Италии и Франции, где периодически устраиваются съезды и издаются печатные органы для распространения этой идеи. Мы можем сказать, что классическая филология со своими методами исследования языка и рукописных текстов писателей и литературной истории дала толчок для образования по ее примеру филологических исследований в области культуры других, новых народов.

История античных народов давала поучительные примеры того, как полезные и ценные начинания осуществлялись медленно в процессе упорной борьбы. А сама историческая наука нередко бывала ограничена в своих материальных возможностях, оставалась делом частной инициативы, оказывалась в плену буржуазных направлений, допускала крупные ошибки и непонимание сущности своего предмета. Только по мере освобождения от гнета и односторонности классовых и религиозных предубеждений вырабатывается правильное понимание и справедливая оценка исторических явлений. Мы убеждаемся, что только в бесклассовом обществе, которое мы строим, возможно полное торжество истины и справедливости.

Для достижения этой цели, конечно, необходимо, чтобы наука имела в своем распоряжении как можно больше документальных материалов — рукописей и вещественных остатков. По вполне естественным причинам большинство таких материалов находится в главных районах, где развивалась античная культура — в Греции с прилегающими к ней островами и побережьем Малой Азии и в Италии с так называемыми римскими «провинциями». Уже с давних пор многочисленные памятники античной культуры были собраны в музеях Парижа, Лондона, Берлина и других городов, отчасти даже в Америке. В западной Европе и зародилась наука классической филоло-

гии. Там, а затем и в Америке при капиталистическом строе явились наибольшие материальные возможности для организации научных учреждений, исследовательских институтов, научных экспедиций и т. п. Долгое время Россия, хотя и участвовала в этих работах, создав такие хранилища, как Эрмитаж, музеи Москвы и ряда южнорусских городов, но не могла равняться с Западом. Однако с приходом Советской власти исследование исторического прошлого нашей Родины получило небывалый размах, и трудами советских ученых произведены исследования многих мест распространения античной культуры, и таким образом было не только углублено и расширено раскрытие остатков Ольвии, Херсонеса, Пантикапея, Танаиса и других городов Причерноморья, но и удалось найти остатки таких городов, о существовании которых почти ничего не знали, как Горгиппия, Гермонасса, Нимфей, Тиритака и другие². Почти каждый год обогащает нас новыми сведениями. Даже такая, казалось бы, глухая область, как Самарканд, дала немалое количество следов античной культуры³. Клад римских монет времени империи открыт в Таджикистане⁴. Подобный же размах исследований античной культуры наблюдается и в странах народной демократии — в Румынии, Венгрии, Болгарии и т. д.

Образцово изданный в досоветское время сборник надписей северного Причерноморья покойным академиком В. В. Латышевым («*Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*», v. I, ed. 2, Petropoli, 1916, v. II et v. IV — 1890—1901) — теперь нуждается в значительном пополнении многочисленными новыми находками и результатами новых изысканий. Но само это накопление новых материалов дает возможность на некоторые вопросы взглянуть с новой точки зрения. Новооткрытые материалы позволяют расширить общий кругозор и говорить о местных формах земледелия, о рыбных промыслах, об устройстве жилищ, о торговых отношениях с другими городами, о римском гарнизоне в Хараксе, об отношениях со скифскими племенами; напомним также об открытии Неаполя Скифского близ Симферополя в Крыму. Диоскуриды под водой близ Сухуми и т. д. Обследование морских глубин в разных местах Среди-

² См. В. Д. Блаватский. Античная археология северного Причерноморья. Изд-во АН СССР, М., 1961.

³ См. С. П. Толстов. Древний Хорезм. Изд-во АН СССР, М., 1948; его же. По следам древнехорезмской цивилизации. Изд-во АН СССР, М. — Л., 1948.

⁴ «Нумизматика и эпиграфика», т. III. Изд-во АН СССР, М., 1962, стр. 141—146.

земного моря около берегов Греции, у южного побережья Франции, у берегов Алжира и Туниса обогащают науку все новыми и новыми открытиями. То же наблюдается и в пределах Черного моря, как в СССР у берегов Крыма и Кавказа, так и южнее у берегов Болгарии и Румынии⁵. А в 1963 г. при раскопках на Таманском полуострове открыта прекрасная статуэтка Афродиты, принадлежащая по характеру искусства началу III в. до н. э. Теперь она находится в Государственном Историческом музее в Москве.

Академику В. В. Латышеву принадлежит еще и другой обширный труд: «Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе» (СПб., 1893—1906), недавно переизданный с дополнениями в приложениях к журналу «Вестник древней истории» за 1947—1949 гг.

Вместе с тем нельзя забывать и того, что эти и подобные открытия имеют значение не только местное, но проливают свет на некоторые стороны всей вообще античной культуры. Стоит только вспомнить единственный в своем роде документ — присягу граждан города Херсонеса от III в. до н. э. С другой стороны, нельзя упускать из виду, что развивавшаяся в причерноморских областях культура была крепкой основой, с которой вступили в соприкосновение в раннюю пору славянские племена. Таким образом классическая филология в нашей стране имеет глубокие корни. Многие элементы античной культуры вошли в нашу настолько органически и прочно, что мы вовсе не чувствуем в них чего-нибудь чужеродного. А многое сохраняется в виде культурных пережитков или получило символический смысл. Так, изображения Аполлона на колеснице Солнца с лирой в руках и фигуры муз, украшающие фасад Большого театра в Москве, символизируют искусство. Образ Геркулеса (Геракла) стал у нас символом физической силы, а образ его противника Антея еще К. Д. Ушинским («Родное слово») приводился как пример богатыря, черпающего силу от Матери-Земли. Об этом писал С. П. Шевырев в «Очерках современной русской литературы»⁶. Подобным образом К. Маркс в статье «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», характеризует утрату влияния партией Горы в июне 1848 г., объясняет это тем, что она потеряла связь с народом, подобно Антею, который, когда его поднял на воздух Геракл, оторвался от Матери-Земли⁷. Образы из античной литературы и мифо-

⁵ См. В. Д. Блаватский и Г. А. Кошеленко. Открытие затонувшего мира. Изд-во АН СССР, М., 1963.

⁶ «Москвитянин», 1848, № 1, стр. 42.

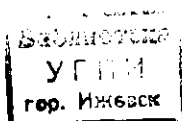
⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 68.

логии пестрят в нашей литературе. А образ Прометея, разбившего оковы и несущего огонь и свет людям, воспроизведен на памятнике революционерам, павшим в борьбе против интервентов в 1918 г. О многих памятных образах из античной литературы говорил А. М. Горький на I Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 г. И вот снова мы встречаем образ Прометея в романе Галины Серебряковой, как увековечение памяти К. Маркса — явление знаменательное. Поистине можно сказать, что эти образы продолжают жить и теперь среди нас, и не один только труд Фукидида имеет право считаться «достоянием навеки».

Сказанное здесь о высоком значении античной культуры дает нам, кажется, достаточное основание полагать, что основательное изучение ее будет вполне отвечать тем задачам, которые ставит перед нами Программа КПСС: «Культура коммунизма, вбирая в себя... все лучшее, что создано мировой культурой, явится новой, высшей ступенью в культурном развитии человечества»⁸.

⁸ «Программа КПСС». Госполитиздат, М., 1964, стр. 130.

245644

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
Глава I. Введение. Значение античной культуры	7
Глава II. Исторические основы античной культуры	21
Глава III. Наследие античного мира в истории новых народов	35
Глава IV. Классическая филология — наука об античном мире	77
Глава V. Классические языки и методы их изучения	89
Глава VI. Основные вопросы истории и экономики античного мира	113
Глава VII. Археология как один из главных источников познания материальной культуры античного мира	142
Глава VIII. Античная письменность и методы ее изучения	182
Глава IX. Основные направления античной науки и философии	222
Глава X. Сушность и историческое значение античной мифологии	248
Глава XI. Вопросы литературы и эстетики в классической филологии	267
Глава XII. Античное право и политические учения	289
Глава XIII. Античное искусство и его мировое значение	328
Глава XIV. Главные черты общественной и частной жизни античного мира	360
Глава XV. Организация военного дела в античном мире	398
Глава XVI. Вопросы религии и культа в античном мире	428
Глава XVII. Театральная жизнь и зрелища в античном мире	462
Глава XVIII. Воспитание и образование в античном мире	487
Заключение	519

Сергей Иванович Радциг

Введение в классическую филологию

Тематический план 1965 г. № 153

Редактор *И. И. Лебедева* Технический редактор *И. Л. Ракитская*

Корректор *М. И. Эльмус*

Художественные редакторы *К. И. Журинская, Л. В. Мухина*

Художник *Е. А. Михельсон*

Сдано в набор 29/IX 1964 г.

Подписано к печати 23/IV 1965 г.

Л-49231 Формат 60×90/16 Физ. печ. л. 33,0+1 вкл. Уч.-изд. л. 32,53

Изд. № 597 Зак. 323 Тираж 5000 экз. Цена 1 руб.

Издательство Московского университета

Москва, Ленинские горы

Типография Изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы

**ИЗДАТЕЛЬСТВО МГУ ИМЕЕТ В НАЛИЧИИ
И ВЫСЫЛАЕТ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ КНИГИ
по ФИЛОЛОГИИ**

ДМИТРИЕВ Н. К. Ф. Е. Корш (1843—1915). Серия «Замечательные ученые Московского университета». 1962 г., 56 стр., ц. 20 коп.

Брошюра содержит краткий очерк научной деятельности выдающегося русского филолога академика Ф. Е. Корша (1843—1915), написанный членом-корреспондентом АН СССР проф. Н. К. Дмитриевым, а также полный список всех печатных работ Корша. В очерке охарактеризованы основные направления многогранной научной деятельности Ф. Е. Корша в области античной филологии, славистики, иранистики, сравнительного языкознания, тюркологии. Большое внимание уделено проблемам стихосложения.

Издание рассчитано на языковедов, историков, литературоведов, на широкий круг читателей.

ПОПОВ А. Н. Избранные тексты римских писателей. 1960 г., 150 стр., ц. 40 коп.

Книга включает в себе избранные отрывки из сочинений Цезаря и Цицерона, Овидия и Горация. Издание рассчитано на студентов исторических и филологических факультетов, а также на лиц, самостоятельно занимающихся изучением латинского языка.

Славянская филология. Сборник статей, вып. III. 1960 г., 147 стр., ц. 87 коп.

Книга состоит из трех тематических разделов: 1) формирование литературных славянских языков; 2) грамматика и фонетика современных славянских языков; 3) взаимодействие русской и других славянских литератур. В статье «Повесть С. Чеха «Новое эпохальное путешествие пана Бруочка на этот раз в XV столетие» анализируется сюжет и композиция знаменитого чешского романа.

Сборник представляет интерес как для специалистов в области славянского языкознания и литературоведения, так и для широких кругов русистов.

Славянская филология. Сборник статей, вып. IV. 1963 г., 296 стр., ц. 1 р. 28 к.

Сборник состоит из статей по славянскому языкознанию и литературоведению: «К вопросу о значении перфекта в болгарском языке», «Звуковая система говора района Горно Поле», «О настоящем времени глаголов совершенного вида в македонском литературном языке», «Борьба против «теории»

